

А. СОРЕЛЬ

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМИ СОВЕРТ'А.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРЪЕВА.

ТОМЪ ~~ПЕРВЫЙ~~ ВОСЬМОЙ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРАВЫ И ТРАДИЦІИ.

Козлиця. Трактаты 1815 года.

1812-1815

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1892.

1908

9/44 + 9(4)4
C65 C65

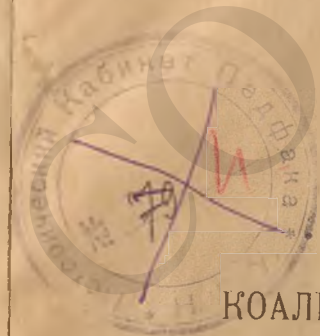
Шмелев:
С. П. Буров,
4/I 1908.

А. СОРЕЛЬ.

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

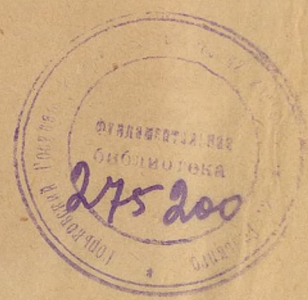
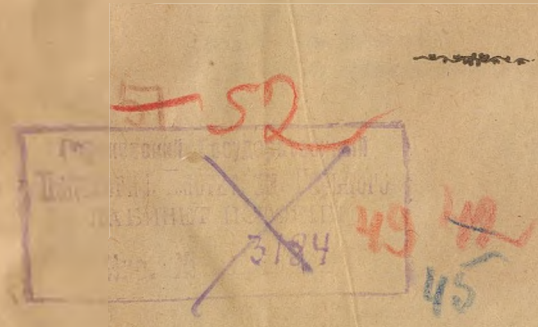
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

КОАЛИЦІЯ. — ТРАКТАТЫ 1815 ГОДА.
1812 — 1815.

~~2944~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Л. Ф. Пантелѣева.
1908.

~~41~~

DX
4906
н 8

Свердлов
1991 г.

5
289/90
ГЕНТАРЬ-СО АН СССР
Гос. Публ. Науч.- схи
Библиотека

Типографія М. Мєркушева, Невскій, 8.

IV

ОГЛАВЛЕНИЕ VII ТОМА.

КНИГА I.

Коалиція.

	стр.
Глава I. Измѣна Пруссіи и Австріи	1
" II. Австрійское посредничество	66
" III. Паденіе Великой Имперіи	145
" IV. Шатильонскій конгрессъ	194
" V. Миръ	248

КНИГА II.

Договоры 1815 года.

Глава I. Вѣнскій конгрессъ	288
" II. Окончательный актъ въ Вѣнѣ	338
" III. Ватерлоо	361
" IV. Договоръ 20 ноября	382
" V. Европа и Французская революція	405

КНИГА ПЕРВАЯ.

Коалиція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Измѣна Пруссіи и Австріи. 1812—1813.

I.

Пружина великой арміи испортилась ¹⁾. Еще не наступила зима, а войска уже пришли въ безпорядокъ и разбѣгались. Сверху донизу алчность уничтожала дисциплину. Думали только о сохраненіи своей добычи и своихъ припасовъ. 4 ноября вдругъ выпалъ снѣгъ, 6-го хватилъ морозъ, внезапный и сильный. Въ этотъ день Наполеонъ находился недалеко отъ Смоленска, въ Дорогобужѣ. Тамъ онъ получилъ первое извѣстіе о заговорѣ Малле. Это его глубоко взволновало. Парижъ еще не зналъ о великой неудачѣ; во Франціи и не подозрѣвали, что отступление переходитъ въ разгромъ; между тѣмъ, при первомъ слухѣ о смерти императора, всѣ подмостки имперіи, такъ искусно связанные, чуть не рухнули. Съ этой минуты рѣшеніе поспѣшить возвращеніемъ овладѣло его умомъ; съ этой минуты начинается стараніе показать, что онъ живъ и насторожѣ, и свѣдѣнія объ его здоровьѣ занимаютъ важное мѣсто въ бюллетеняхъ. Но онъ медлил, чтобъ удержать хоть то, что еще осталось отъ арміи; онъ даже подвергалъ себя опасности, безъ военной надобности, только для поднятія

¹⁾ Для всего этого тома: Archives des Affaires étrangères; Correspondance de Napoléon; дополненія, сдѣланныя Лесестромъ, Сборники Русскаго Историческаго общества; Hansard, Parliamentary History. Переписка, опубликованная Дюкассомъ, Балье, изъ архива Воронцова, Стерномъ. Мемуары и письма Талейрана, Меттерниха, Паскье, Кестльри, Нессельроде. Труды: Файна, Биньона, Тьера, Эрнуфа, Лефевра, Мартенса: Traités de la Russie, Ранке, Дункера, Онкена, Пертца, Кавеньяка, Фурнье, Арнета и Бернгарди.

духа. Но все погибало. Безчеловѣчность росла вмѣстѣ съ бѣдствіемъ и отчаяніемъ; эгоизмъ становился свирѣпымъ. Не было болѣе ни обаянія, ни различія чиновъ, лишь одна борьба за жизнь во всемъ ея ужасѣ. Ней командуетъ арберггардомъ, сражаясь съ ружьемъ въ рукѣ, какъ въ зиму 1793 г. Солдаты его слушаются не потому, что онъ маршалъ и герцогъ—что значитъ маршалъ безъ лошадей, безъ свиты, безъ военныхъ совѣтовъ, въ грязныхъ сапогахъ, съ головой закутанной платкомъ подъ измятой шляпой?—Ему повинуются, потому что онъ дѣйствительно заслуживаетъ быть начальникомъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Онъ сталъ совѣтью и честью, господствующей надъ этой безсознательной и остолбенѣлой толпой, ползающей по снѣгу.

На берегахъ Березины, около 22 ноября, наступила оттепель, рѣка вскрылась, грязь стала невылазная, болота распространяли заразу; все это было еще хуже мороза. Переправа черезъ мосты долго не начиналась. Измученныя толпы людей ложились и отказывались идти дальше; потомъ, съ приближеніемъ русскихъ, они кинулись на мосты всѣ сразу, толкаясь, бросаясь въ воду, по которой шелъ ледъ, ломая мосты.

До сихъ поръ Наполеонъ былъ скрытенъ въ своихъ письмахъ; только нѣсколько словъ, отрывистыхъ и неясныхъ. Но теперь, передъ лицомъ этого ужаснаго пораженія, онъ признался. «Армія велика, но страшно разбѣяна. Нужно двѣ недѣли, чтобъ собрать ее подъ знамена; но откуда взять эти двѣ недѣли?... Быть можетъ, она соединится только по ту сторону Нѣмана... Возможно, что я найду необходимымъ мое присутствіе въ Парижѣ... Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ въ Вильнѣ не было ни одного иностраннаго агента. Армія не въ такомъ видѣ, чтобъ ее показывать... Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не получилъ ни одной эстафеты и не знаю ничего...» ¹⁾ Къ нему не дошло 18-ть почтъ. Большую часть онъ нашелъ 2 декабря. Тамъ были подробности дѣла Малле и извѣстія изъ Испаніи, становившіяся все хуже. Онъ наскоро написалъ всюду, послалъ Монтеки въ Парижъ, приказавъ не останавливаться нигдѣ. Прѣздомъ онъ долженъ былъ помѣщать во всѣхъ газетахъ Пруссіи и Союза извѣстіе: «Побѣда при Березинѣ: 8 знаменъ, 6000 пѣхотныхъ, 12 пушекъ», а въ Парижѣ передать императрицѣ «подробности о здоровьѣ императора и состояніи арміи» ²⁾. XXIX-ый бюллетень, 3 декабря, кончается словами: «Здоровье Его Величества никогда не было въ лучшемъ состояніи». Въ письмѣ къ Марѣ онъ писалъ: «Мы голодаемъ!»

Письма изъ Парижа не составляли уже въ немъ сомнѣнія: ему нужно вернуться, предшествовать роковому открытію, постепенно приготовить къ

¹⁾ Письмо къ Марѣ, 29 ноября 1812 г.

²⁾ Молодечна, 2 дек. 1812 г. Монтеки уѣхалъ 3-го, на разсвѣтѣ.

нему умы, уничтожить своимъ присутствіемъ всѣ догадки, встряхнуть всю имперію своей энергіей. 5 декабря онъ тайно оставилъ армію и поѣхалъ на саняхъ въ Вильно. Такъ онъ покидалъ тринадцать лѣтъ тому назадъ свою армію въ Египтѣ; но тогда онъ спѣшилъ во Францію исправить бѣдствія, навлеченныя на нее другими; онъ являлся надеждой. Въ этотъ разъ бѣдствіе нанесено имъ самимъ; онъ оставлялъ за собою отчаяніе, сѣялъ передъ собой тревогу, приносилъ недоумѣніе и упадокъ духа.

Между тѣмъ, въ Вильнѣ, Марѣ старался имѣть обычный вліятельный видъ, офиціальныи среди дипломатовъ, гонящихся за новостями, среди агентовъ—распространителей дурныхъ вѣстей, шпионовъ всѣхъ сортовъ и самыхъ опасныхъ изъ всѣхъ, потому что ихъ нельзя было избѣжать, среди офицеровъ главнаго штаба союзницъ Австріи и Пруссіи, которые должны были наблюдать за движеніями непріятеля. Письма изъ Варшавы сообщали о двусмысленномъ поведеніи австрійцевъ: Шварценбергъ, командующій вспомогательнымъ корпусомъ, щадилъ русскихъ, а еще болѣе щадилъ свои собственныя войска. Возобновилась игра 1809 г., только наоборотъ. Съ прусскою границы сообщали, что пруссаки и русскіе, вмѣсто того, чтобы драться, сближаются и посылаютъ другъ къ другу эмиссаровъ.

Марѣ узвалъ 28 окт. о выступленіи изъ Москвы. За неимѣніемъ бюллетеней о побѣдѣ, онъ устраивалъ празднества. Много танцовали во время имперіи: танцовали въ занятой французами Пруссіи, въ побѣжденной Австріи, въ Испаніи, охваченной огнемъ, въ Варшавѣ, даже въ Вильнѣ. 28 ноября танцовали у императорскаго комиссара Биньона; Марѣ присутствовали несмотря на то, что былъ сильно встревоженъ. Внезапно, послѣ одного сказаннаго ему слова, онъ печезъ. Полякъ, графъ Абрановичъ, у котораго квартировалъ Биньонъ, вернулся въ залъ и рассказалъ правду о переходѣ черезъ Березину. Праздникъ остановился, танцы прекратились, всюду разговоры шепотомъ, крики и плачъ женщинъ; каждый старался ускользнуть, дрожа за своихъ, за свою родину.

10 декабря Наполеонъ пріѣхалъ въ Варшаву, куда ему предшествовало извѣстіе о несчастьѣ. Онъ нашелъ правительство въ разстройствѣ, поляковъ въ отчаяніи. 11-го онъ писалъ изъ Кутно Марѣ, котораго онъ оставилъ въ Вильнѣ, дабы замаскировать политическое отступленіе, извѣстить дипломатовъ о своемъ отъѣздѣ и предложить имъ вернуться въ Парижъ. Одна строчка этого письма показываетъ, что онъ думалъ вести переговоры съ Вѣной: «Нужно, чтобъ Австрія имѣла способнаго посланника въ Парижѣ». 14-го, изъ Дрездена, онъ шлетъ требованіе къ своему тестю, императору, увеличить вспомогательный австрійскій корпусъ до 60,000 чел., и къ прусскому королю—увеличить корпусъ послѣдняго до 30,000 чел. Онъ отправляетъ къ нему Нарбонна—назначеніе для поддержанія своего достоинства, а

также ради намека: предполагался брак между прусскимъ наследнымъ принцемъ и принцессой изъ дома Бонапарте.

То, что еще оставалось отъ армии, распалось, охваченное бѣдствіемъ. До Вильно дотянулось, какъ умирающая волна, «нѣчто беспорядочное, похожее на легионъ отверженныхъ». Одинъ офицеръ, по имени Роншъ, оставившійся въ городѣ, пришелъ въ такой ужасъ отъ этого зрѣлища, что умеръ. Многіе сошли съ ума. Масса держалась только изступленіемъ, упрямой привязанностью къ жизни. Они нашли здѣсь солому, бѣлье, огонь, съѣстные припасы; они могли, наконецъ, поѣсть до сыта; и многіе умерли отъ этого. Затѣмъ теченіе направилось къ Германіи, теченіе перѣшительное, блуждающее по всеѣмъ склонамъ и оставляющее слѣдъ каймой кровавой пѣны, ужаснымъ наносомъ труповъ. Пруссія могла поднять голову: великая армія стала лишь призракомъ, и гигантское пугало Юнія мѣсяца стало предметомъ насмѣшки для пруссаковъ.

II.

Гордость русскихъ растетъ пропорціонально этому. Они кичатся. Они познали самихъ себя и дали себя узнать всему міру: «Какая мы великая нація, выше всеѣхъ остальныхъ!» Суворовъ въ 1799 г. трудился только для «иностранныхъ державъ» и не могъ «освободить ихъ отъ ярма французовъ». Кутузовъ спасъ отечество. Пусть не говорятъ объ испанцахъ: не считая нѣсколькихъ бандъ, они не храбры и не дѣятельны; дворяне служатъ узурпатору, солдаты бѣгутъ, генералы позволяютъ себя разбить! Въ особенности, ни слова больше о «гнусномъ» корсиканцѣ: «Этотъ плутъ принялъ насъ за нѣмцевъ!» Изъ всей его краденной извѣстности осталось только званіе бѣглеца, «фата, набитого тщеславіемъ и высококомѣриемъ, испорченного удачей и трусостью своихъ враговъ и теряющего голову—трусъ онъ изъ трусовъ—какъ только видитъ, что ему сопротивляются и бьютъ его» ¹⁾. Чичаговъ имѣлъ «прекрасную мечту поймать его въ сѣти», увѣнчавъ кампанію чудесной охотой на медвѣдя ²⁾.

Александръ двинулся на Западъ какъ побѣдитель чудовища, восстановитель царствъ, освободитель народовъ. Его мечты 1804 года осуществились: Наполеонъ поверженъ въ прахъ, Франція въ разстройствѣ, революція отброшена назадъ. Верховенство переходитъ къ внукѣ Екатерины Великой, къ наследнику Петра Великаго. Миръ на континентѣ съ этого

¹⁾ Письма Воронцова, дек. 1812 г., апр. 1813 г.—Ср. Толстаго—Война и миръ.

²⁾ Письмо Чичагова къ императору, Русское Историческое Общество, т. VI.

момента въ рукахъ русскихъ. Но при всеѣмъ восторгѣ, который чувствуетъ Александръ, онъ не упускаетъ изъ виду существеннаго: этотъ герой смотритъ себѣ подъ ноги. Онъ видитъ тамъ Польшу. Чарторыйскій является опять со своей политикой; исторія возвращается къ условіямъ осени 1805 г., когда русскія войска напирала на прусскую границу, и когда въ Россіи спрашивали себя—не взять ли Варшаву въ видѣ залога, заплативъ себѣ за союзъ, еще не заключенный ¹⁾. Чарторыйскій пишетъ царю 9 октября, 6 и 27 декабря: «Если Вы, Ваше Императорское Величество, въ ту минуту, когда польская нація ждетъ мести побѣдителя, протянете ей руку и дадите ей все, что составляло цѣль ея борьбы, результаты будутъ магическіе» ²⁾. Пусть Александръ свершитъ то, на что подалъ надежду, но не исполнилъ Наполеонъ, пусть онъ воскреситъ Польшу, пусть отдастъ ее полякамъ и станетъ ихъ королемъ! Какое начало кампаніи, какой даръ въ моментъ радостнаго прибытія новаго Цезаря къ народамъ Европы!

Герой крестоваго похода гордится собою; но политика даетъ ему совѣтъ и сдерживаетъ его. Безъ сомнѣнія, есть поляки, очарованные Наполеономъ до забвенія самихъ себя, но нужно считаться съ характеромъ этого шляхетства—оно вѣчно скачетъ и гарцуетъ, украшенное плюмажемъ, всегда стремится къ крайностямъ: «патріотизмъ, безкорыстіе безъ границъ, честолюбіе и необузданное тщеславіе» ³⁾. Еще болѣе надо подумать о Россіи. Поляки приняли участіе въ войнѣ; ихъ конница вступила въ Москву, разграбленіе Смоленска, опустошеніе страны пробудили старинную ненависть. Старики въ Россіи полны мнѣніемъ, а за мнѣніемъ слѣдуетъ презрѣніе. Безусловное присоединеніе и порабощеніе—вотъ чего, по ихъ мнѣнію, заслуживаетъ Польша, и чего требуютъ интересы Россіи ⁴⁾. Остальное будетъ гибелью: «бѣдственной комбинаціей». «Я надѣюсь на благость Божію, что все эти возвѣщенія ложны», пишетъ Воронцовъ Ростовчипу. «Я знаю давно, что поляки желаютъ этого, ихъ тщеславіе не можетъ примириться съ тѣмъ, что они болѣе не нація. Но.. если хотятъ создать королевство польское изъ одного только герцогства Варшавскаго, это будетъ смѣшно и не удовлетворитъ поляковъ, такъ какъ они хотятъ возсоздать свое королевство въ прежнихъ границахъ и включить въ нихъ все, чѣмъ владѣютъ и вла-

¹⁾ См. VI т., стр. 365, 381, 383.

²⁾ Письмо 27 дек. 1812 г. *Мемуары Чарторыйскаго*.

³⁾ Слова графини Потоцкой, *Мемуары*.

⁴⁾ Александръ къ Чарторыйскому, 25 янв. 1813 г.—*Мартенсъ*, т. III.—*Мемуары Нессельроде*, янв. 1813 г.—Письмо Воронцова, 27 янв. 1813 г.—Бѣглый обзоръ трудовъ Государственнаго Совѣта Россіи. *Русское Историческое Общество*, т. XXXI.

дѣли Австрія и Пруссія...» «Эта мѣра, писалъ Нессельроде императору, была бы въ высшей степени антинаціональна» въ Россіи; и чтобы привлечь поляковъ, нужно будетъ, «ради удовольствія исполнить фантазіи этой легкомысленной и безпокойной націи», пожертвовать территориями, присоединенными къ Россіи тремя раздѣлами, отъ 1772 до 1795 г. Это «не можетъ прійти въ голову человѣку благоразумному и искренно преданному интересамъ Россіи». Какъ вѣрить, «что въ сердцѣ поляка можетъ когда либо явиться желаніе русской Польши?» Они захотятъ, чтобы она была польской; дать имъ національную конституцію значить пригласить ихъ къ независимости. Какъ согласить царь двойное и противурѣчивое званіе: самодержца по сую сторону границы Польши и конституціоннаго монарха по ту сторону ея? Государственное устройство Польши будетъ служить, какъ примѣръ, постояннымъ вызовомъ къ революціи. Наконецъ, чтобы возстановить Польшу во всей цѣлости, нужно будетъ вознаградить Австрію и Пруссію не только за то, что имъ не отдадутъ, но и за то, что у нихъ придется требовать. Это значить—въ моментъ возобновленія коалиціи—поднять вопросъ о Польшѣ, вопросъ, который съ самаго начала расторгъ эту коалицію. Онъ опять ее расторгнетъ, и первымъ результатомъ будетъ, пожалуй, что это толкнетъ Австрію и Пруссію въ объятія Франціи, вмѣсто того, чтобы вырвать ихъ оттуда, что остается первымъ условіемъ успѣха ¹⁾.

Этого требовала государственная польза. Александръ зналъ ей цѣну. Онъ не отказывался отъ своей любимой мечты; но онъ понималъ, что поступить рѣзко значить испортить дѣло, и, поставленный въ положеніе Наполеона въ 1807 г., онъ употребилъ тѣ же средства. Онъ предоставилъ эмиссарамъ Чарторыйскаго возбуждать поляковъ и отложилъ дѣла Польши. Эта страна оставалась ставкой партіи, велъ ли игру революціонный конвентъ, императоръ Наполеонъ, или русскій царь, возстановитель справедливости!

Когда Польша, такимъ образомъ, оставалась внѣ права, возникъ вопросъ о воззваніи къ другимъ народамъ, о томъ, какъ ими воспользуются и какъ урегулируютъ ихъ освобожденіе. Въ Австріи этотъ вопросъ понимали въ томъ же смыслѣ, какъ и старики въ Россіи по отношенію къ Польшѣ: нужно использовать національныя революціи, такъ какъ великое заблужденіе времени требовало, чтобы это было единственнымъ способомъ пополненія армій и увлеченія солдатъ; но, разъ мѣсто очищено, сейчасъ же воспользоваться этими же самыми силами, чтобы принудить народы къ покою, водворивъ предварительно между ними миръ.

¹⁾ См. т. II, стр. 405; т. III, стр. 33, 383; т. IV, стр. 31, 62, 340.

Русскіе собирались вступитъ въ Германію. Штейнъ сопровождалъ Александра и вручалъ ему одну ноту за другой. Поэтъ и публицистъ Аридтъ, бѣжавшій въ Россію, помогалъ ему со всеѣмъ своимъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Штейнъ ждалъ отъ Александра того, чего Іоганнъ Мюллеръ и многіе нѣмцы ждали отъ Наполеона—возрожденія Германіи. Какъ они, и Штейнъ думалъ, что толчокъ можетъ прійти только извнѣ. Для этого нужно было «единство и быстрота». Этихъ качествъ не было при германскихъ дворахъ, среди «кабинетовъ, министровъ, генераловъ, любовницъ и лакеевъ» ¹⁾, изъ которыхъ состояли правительства. По мнѣнію Штейна, главное было отдать Германію нѣмцамъ, надѣть узду «на мятежный духъ, на вѣроломство германскихъ князей», выместить изъ Германіи этихъ господъ, «подло предавшихъ ее», этихъ «трусовъ, продавшихъ кровь своихъ народовъ для продленія своего позорнаго существованія»; навсегда уничтожить «чудовищную конституцію» Вестфальскаго договора и «создать имперію, которая будетъ заключать въ себѣ все нравственные и физическіе элементы силы, свободы и свѣта, и которая сможетъ противопстоять безпокойному честолюбію Франціи». Что подумаютъ объ этомъ императоръ Францъ и Меттернихъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ и Гарденбергъ? Что подумаютъ король баварскій и великій герцогъ баденскій и все эти рейнскіе союзники, которыхъ нужно будетъ оторвать отъ Франціи и переманить въ коалицію? Грозитъ имъ возвращеніемъ верховной власти имперіи не есть средство отвратить ихъ отъ Наполеона; рискуешь такимъ образомъ сдѣлать изъ корсиканца охранителя независимости королей. Александръ отложилъ рѣшеніе и этой трудной задачи, но далъ Штейну болѣе свободы, чѣмъ Чарторыйскому; здѣсь ему нечего было бояться неудовольствія со стороны своихъ министровъ, генераловъ, монаховъ и бояръ; онъ разрѣшилъ *Германскому Комитету* Штейна волновать до изнеможенія Германію и обѣщать отъ его имени величіе и свободу этой освобожденной націи, съ условіемъ, чтобы она способствовала своему освобожденію.

До какихъ границъ будетъ простирается отгѣсненіе Франціи въ этой Европѣ, вырванной у французскаго господства? Объ этомъ и о возстановленіи Германіи размышляли въ кабинетѣ русскаго канцлера ²⁾. Эту великую задачу, заранѣе рѣшенную въ его умѣ, Александръ предложилъ на обсужденіе Румянцева и Нессельроде, дѣйствительнаго канцлера и молодого государственнаго секретаря, все болѣе и болѣе вкрадывавшагося въ довѣріе царя. Румянцевъ высказалъ мнѣніе, что Россія получила

¹⁾ Памятныя записки сентября и ноября 1812.

²⁾ См. т. VI, стр. 318, 341; т. VII, кн. I, гл. II, § 7.

свыше «божественную миссію» освободить и умиротворить Европу, «вспахать съ опасностью для себя все поле европейской общины»; но другія государства захотятъ отнять у нея ея долю жатвы: слѣдовательно, Россія должна дѣйствовать одна и заплатить себѣ по своему усмотрѣнію. Нессельроде выразилъ мнѣніе совершенно различное, и оно одержало верхъ. Россія, по мнѣнію Нессельроде, не могла бы *одна* исполнить своей задачи; если же она будетъ къ тому принуждена, у нея хватитъ средствъ только заключить договоръ съ Наполеономъ, при нуждѣ на принципъ *statu quo*, довольствуясь тѣмъ, что она повергла на земаю этого гиганта и разбила ярмо блокады. Но Россія одержала эту громадную побѣду не для того, чтобы здѣсь остановиться ¹⁾. «Струны натянуты до послѣдней возможности. Интересы Россіи требуютъ, слѣдовательно, продолжительнаго и прочнаго мира послѣ побѣды надъ французской арміей, которая гарантировали ея сохраненіе и независимость». «Этой цѣли можно, безъ сомнѣнія, достигнуть всего вѣрнѣе тѣмъ, что Франція будетъ оттѣснена до своихъ *естественныхъ границъ*; чтобы все, не находящееся между *Рейномъ и Шельдой*, между Пиренеями и Альпами, перестало быть не только составной частью французскаго государства, но и подъ его зависимостью».

Остановимся на этомъ текстѣ, онъ важенъ для послѣдующаго. Не должно отдѣлять отъ контекста слова—*естественныя границы*, не должно, въ особенности, забывать, что это говоритъ русскій министръ русскому императору, и что эти слова не имѣютъ для нихъ того значенія, которое они получили во Франціи съ 1792 г. Въ глазахъ Нессельроде и его государя, Рейнь есть естественная граница, отъ Базеля до Лаутера, какъ отъ Лаутера до Кельна.; Маасъ и Мозель такія же естественныя границы, также и Шельда. Слѣдовательно, въ этомъ планѣ 1812 г. дѣло идетъ о Рейнѣ, какъ о древней границѣ, хотя и естественной, отъ Базеля до Лаутера, и о Шельдѣ ²⁾. Такъ понимали это русскіе въ 1804 г., въ инструкціяхъ, данныхъ Новосильцеву, и въ этомъ же смыслѣ нужно это понимать въ мемуарахъ Нессельроде ³⁾.

«Это, положительно, максимумъ всѣхъ нашихъ возможныхъ желаній», заключаетъ Нессельроде. Но, прибавляетъ онъ, «они не могутъ быть осу-

¹⁾ *Русское Ист. Общ.*, т. XXXI. *Мемуары Нессельроде*, дек. 1812.—*Мартенсъ*, т. III, стр. 94 и слѣд., т. VII, стр. 63 и слѣд.

²⁾ Вотъ какъ это понимаетъ Мартенсъ въ своихъ комментаріяхъ: «Оттѣснить Францію въ ея старинныя границы между Рейномъ, Альпами, Пиренеями и Шельдой». т. III, стр. 95; «заставить Францію войти снова въ свои историческія границы», т. VII, стр. 63.—Ср. далѣе, гл. IV, § 2, *Компюссъ въ Шатильонѣ*.

³⁾ Срав. параграфы трактата 11 апр. 1805 г., т. VI, стр. 320, 342.

ществлены безъ помощи Австріи и Пруссіи. Итакъ внѣшнее развитіе нашего плана подчинено намѣреніямъ, которыя проявятъ эти два государства; онъ можетъ развиваться лишь по мѣрѣ того, какъ они выскажутся ¹⁾; слѣдовательно, и результаты, къ которымъ мы должны стремиться, будутъ такъ же болѣе или менѣе ограничены. Они заключаются... въ томъ, чтобы вырвать изъ власти Франціи какъ можно больше земель». Чтобы, однако, не возмутить французовъ и не принудить ихъ войти въ соглашеніе съ Наполеономъ, эту мысль должно скрыть въ умѣ до той минуты, пока она станетъ осуществима.

Во первыхъ, нужно продолжать войну. Бернадоттъ будетъ подстрекать къ отпаденію германскихъ князей, побуждать къ тому же лицъ, получающихъ бенефиціи, и сановниковъ имперіи во Франціи и, въ то же время, будетъ увлекать за собою конституціонныхъ республиканцевъ или монархистовъ ²⁾.

Это было время его тонкаго заигрыванія съ м-ше Сталь; время, когда онъ принималъ черезъ потайную дверь Алексиса де Ноаль, офиціознаго эmissара Людовика XVIII.

Бернадоттъ имѣлъ то преимущество, что вступалъ во всѣ сочетанія; онъ былъ въ одно и то же время претендентомъ Бенжамена Константа, шпагой якобинцевъ, королемъ, въ которомъ нуждались конституціоналисты, покровителемъ республики однихъ, возстановителемъ монархіи другихъ: Кромвелемъ, Монкомъ, Лафайетомъ. Бурбоны заискивали у него, какъ заискивали у Пишегрю. Но Бернадоттъ желалъ работать только для себя. Онъ считалъ себя одинаково способнымъ играть роль въ республикѣ, въ имперіи или въ королевствѣ, у Наполеона, у Людовика XVIII, у Луи Филиппа, даже у своего зятя, Жозефа Бонапарта. Онъ хвастался, что обманетъ ихъ всѣхъ, помѣшаетъ однимъ черезъ другихъ и, необходимый для всѣхъ, сдѣлается ихъ посредникомъ и послѣднимъ средствомъ, къ которому всѣ прибѣгнутъ.

Его опытная рука видна еще въ другой интригѣ, указывающей на проницательность и глубину русскихъ соображеній, и насколько Александръ и его агенты прекрасно понимали иллюзіи французовъ. Планъ былъ не новъ. О немъ думали уже въ 1805 г.; Строгоновъ его совѣтовалъ въ 1807 г.; о немъ шла рѣчь въ Або между Бернадоттомъ и царемъ: надлежало привлечь Моро на сторону коалиціи. Дѣло было не въ томъ, чтобы противопоставить Наполеону полководца, его соперника въ то время, когда они сражались подъ однимъ знаменемъ, и который считался фронтдерами Парижа учителемъ Бонапарта въ военномъ дѣлѣ съ тѣхъ поръ, какъ На-

¹⁾ Ср. инструкція 1804 г. и трактатъ 1805, т. VI, стр. 344.

²⁾ См. т. VII, кн. II, гл. 2, § 12.

полеонъ его изгналъ. Русскіе не думали, что Моро имъ нуженъ; они считали себя въ силахъ сбросить маску съ мнимо-великаго человѣка; Моро имъ казался полезнымъ только для того, чтобъ соединить во Франціи и успокоить прежнихъ республиканцевъ, либераловъ, охладѣвшихъ къ Наполеону, но все же привязанныхъ къ славѣ Франціи и не сговорчивыхъ относительно *границъ*. Кто подумаетъ, что союзники хотятъ расчленивъ, унижить республику, когда увидятъ во главѣ ихъ армій героя Гогенлиндена, жертву процесса Пиннегерю, изгнанника 1804 г. ? ¹⁾

Относительно Австріи необходимо было торопиться. Правда, секретное соглашеніе, заключенное въ Вѣнѣ въ іюль, ²⁾ послужило Россіи, какъ говорятъ теперь, обратнымъ обезпеченіемъ и парализовало дѣйствія договора 14 марта съ Наполеономъ. Австрія показала себя относительно Россіи честной въ этомъ вѣроломствѣ; но нужно было распространить и на новую войну ту же сдѣлку, помѣшать Австріи помогать Франціи, наконецъ, втянуть и ее въ коалицію. Въ Вѣнѣ оставался, даже послѣ официального разрыва, одинъ русскій агентъ, Оттъ, который подъ рукою поддерживалъ связи ³⁾. 5 ноября туда пріѣхалъ нѣкто Бутягинъ; онъ былъ принятъ подъ большимъ секретомъ Меттернихомъ и развилъ передъ нимъ предложенія царя, уже высказанныя послѣднимъ черезъ Ливена въ письмѣ отъ 2 октября ⁴⁾. Разумовскій, оставшійся въ Вѣнѣ, какъ частное лицо, возобновилъ, черезъ двѣ недѣли, тѣ же настоянія передъ Меттернихомъ: «Развѣ Австрія не расположена воспользоваться благоприятной минутой, чтобъ порвать съ Франціей и соединиться съ Россіей?» Меттернихъ уклонился отъ отвѣта. Александръ справедливо разсудилъ, что надо сначала его принудить, а потомъ вознаградить. Зная на этотъ счетъ намѣренія главнокомандующаго Шварценберга, онъ не терялъ драгоценнаго времени на предварительные переговоры о союзѣ, а прямо перешелъ къ первой главѣ: установить на законномъ основаніи нейтралитетъ, который уже существовалъ фактически съ начала войны между русскими и вспомогательнымъ корпусомъ, методически отступаящимъ передъ ними. Онъ послалъ, въ послѣднихъ числахъ декабря, Анштетта въ квартиру генерала Шварценберга съ порученіемъ предложить и правомъ заключить перемиріе. Послѣ того онъ занялся Пруссіей, считая, что легче сговориться съ ея дворомъ, и что, разъ Пруссія будетъ на его сторонѣ, она увлечетъ за собою и Австрію.

¹⁾ *Пино*, Бернадоттъ, гл. VI.—*Послѣдніе годы Моро*. (Revue de Paris, 15 дек. 1899 г.).—*Гидъ де Невиль*, Мемуары, т. I, гл. XII.

²⁾ Т. VII, кн. II, гл. 3, §§ 8 и 9.

³⁾ *Мартенсъ*, т. III, стр. 87 и слѣд.—*Онкенъ*, O. und P., т. I, стр. 23 и слѣд.

⁴⁾ Т. VII, кн. II, гл. 3, § 12.

Личныя отношенія никогда не прерывались между двумя государями; хотя официально они вели войну другъ противъ друга, но придерживались словъ Фридриха-Вильгельма, произнесенныхъ въ мартѣ 1812 г.: «Мы всегда будемъ помнить, что мы связаны, что мы все же должны будемъ снова стать союзниками» ¹⁾.

Пруссія всего болѣе пострадала отъ Наполеона, и ея территория была первая на пути русскихъ войскъ. Во время прохода черезъ нее долженъ былъ раздасться первый ударъ колокола и первое давленіе на рычагъ: воззваніе къ королямъ и воззваніе къ народамъ. Съ другой стороны, если планы относительно Польши осуществляются, Пруссія будетъ первымъ изъ заинтересованныхъ государствъ, которое придется вознаградить; нужно было добиться, чтобы она отказалась, въ пользу Россіи, вернуть свои польскія провинціи, Познань и Варшаву, и чтобъ она поискала въ другомъ мѣстѣ что нибудь подходящее. Ливенъ писалъ объ этомъ Гарденбергу еще 2-го октября ²⁾. Полковникъ Бойанъ передалъ слѣдующія слова царя:

«Если король на него—на союз—согласится, я ему гарантирую не только все его теперешнія владѣнія, но обѣщаю не положить оружія до тѣхъ поръ, пока король не вступитъ вновь во владѣніе *всеми потерянными имъ провинціями въ Германіи или будетъ вознагражденъ какими нибудь другими, Саксоніей, напримѣръ*, которая мнѣ кажется для этого подходящей». Александръ уже занялъ большую часть этихъ провинцій и каждый день подвигался впередъ; оставалось втянуть прусское правительство и поставить его въ такое неловкое положеніе относительно Наполеона, чтобъ оно оказалось во власти Россіи и не имѣло другого выхода, кромѣ союза съ послѣдней.

Русскіе позаботились о доступѣ къ генералу Йорку, служившему во вспомогательномъ корпусѣ ³⁾. Велѣдствіе болѣзни главнокомандующаго, Граверта, Йоркъ взялъ на себя командованіе этимъ корпусомъ. 1-го ноября, русскій генералъ Эссенъ написалъ ему изъ Риги, извѣщая объ отступленіи Наполеона: «Отъ васъ зависитъ разбить цѣпи Пруссіи: заприте Макдональда въ Митавѣ, идите къ прусской границѣ; вашъ примѣръ воодушевитъ вашихъ соотечественниковъ, вы можете стать освободителемъ вашей родины и всей Германіи!» Йоркъ отправилъ это посланіе королю. Тѣмъ временемъ, одинъ очень проникательный итальянецъ, маркизъ Паулуччи, замѣнилъ Эссена въ Ригѣ. Онъ написалъ, 14 ноября, Йорку, топя его послѣдовать примѣру испанца Ла Романа ⁴⁾.

¹⁾ Т. VII, кн. II, гл. 3, § 7.

²⁾ Т. VII, кн. II, гл. 3, § 12.

³⁾ Т. VII, кн. II, гл. 3, § 12.

⁴⁾ Т. VII, стр. 99. — Ла Романа оставилъ Данію въ августѣ 1808 г., съ

«Йоркъ, сообщаетъ одинъ современникъ, обладаетъ сильнымъ характеромъ и героически неустрашимъ въ бою; но онъ человекъ жесткій и несговорчивый; онъ вспыльчивъ, мстителенъ и грубъ и очень неудобенъ и какъ товарищъ и какъ подчиненный»¹⁾. Еще труднѣе было его обмануть. Способный пожертвовать головой, чтобъ сбросить ярмо Наполеона, онъ не намѣренъ былъ отдаться Александру со связанными руками. Онъ отвѣчалъ очень тонко, 20 ноября: «Ла Романа мнѣ не примѣръ. Ла Романа зналъ, чего онъ могъ ждать для своей родины отъ союзниковъ, которымъ предавался». Йоркъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ королю за инструкціями, а другого въ Вильно, чтобъ убѣдиться въ положеніи вещей. Этотъ офицеръ вернулся 8 декабря. Онъ описалъ картину разгрома великой арміи, отъ которой остались одни лишь тѣни и призраки. Йоркъ успокоился. Тогда Александръ далъ ему знать черезъ Паулуччи, что обязывается не складывать оружія, пока ему не удастся добиться территориальнаго увеличенія Пруссіи, настолько большого, чтобъ она могла снова занять среди державъ Европы то мѣсто, которое занимала до войны 1806 г. Въ этотъ же день, 18 декабря, Макдональдъ началъ свое отступленіе изъ Митавы къ Тильзиту.

Макдональдъ, не угадывая всей опасности, возмѣлъ подозрѣнія и сообщилъ о нихъ Бергье. «Генералъ Йоркъ, писалъ онъ 2 декабря, исполняетъ только то, что требуется службой, и заботится только о соблюденіи приличія и огражденіи чести прусскаго оружія». Черезъ нѣсколько дней онъ формально потребовалъ отозванія Йорка и многихъ изъ его офицеровъ²⁾.

III.

Въ Берлинѣ Гарденбергъ и его господинъ были, въ этомъ случаѣ, болѣе обходительны, а посланникъ Наполеона, Сень-Марсанъ, гораздо менѣе проницателенъ. Гарденбергъ переписывался съ Меттернихомъ. Онъ не смѣлъ еще предаваться надеждѣ, что счастье вернется. Онъ не могъ вѣрить огромности пораженія Наполеона, онъ боялся его страшныхъ отбоевъ. 30 ноября пріѣхалъ капитанъ *Шакъ*, адъютантъ Йорка: ни король, ни министръ не рѣшились отдать приказанія, которое могло бы ихъ компрометировать.

Канцлеръ удвоилъ свои обѣщанія Сень-Марсану, а послѣдній сталъ вдвое довѣрчивѣе: «Я нахожу, что онъ—канцлеръ—все такъ же довѣрчивъ и искрененъ, какъ и прежде, а у него такой характеръ, что онъ врядъ

согласія англичанъ, и привелъ обратно въ Испанію свой вспомогательный корпусъ.

¹⁾ Мемуары Ланжерона: Война 1813 г.

²⁾ 10 декабря 1812 г.

ли могъ бы скрыть планъ измѣненія системы политики... Нѣсколько публичныхъ проявленій доброжелательства и интереса къ этой странѣ со стороны его величества императора, нѣсколько наглядныхъ доказательствъ, которыя бы вызвали довѣріе, нѣсколько одобреній поведенію во время войны произвели бы, я думаю, громадный эффектъ и сдѣлали бы совершенно недѣйствительными происки нѣкоторыхъ интригановъ»¹⁾. 14 декабря проѣздъ Наполеона черезъ Дрезденъ былъ извѣстенъ въ Берлинѣ. На другой день, письмо отъ де-Серра, французскаго посланника въ Дрезденѣ, извѣщаетъ о скоромъ пріѣздѣ Нарбонна въ Берлинъ съ порученіемъ къ королю и приказомъ Сень-Марсану передать письмо императора Фридриху Вильгельму²⁾. Въ письмѣ, помѣченномъ Дрезденъ, 14 декабря, требуютъ, чтобы прусскій вспомогательный корпусъ былъ увеличенъ до 30,000 чел. Сень-Марсанъ отправляется немедленно къ Гарденбергу, чтобы получить приказъ короля. Онъ находитъ канцлера «въ самомъ лучшемъ настроеніи духа», «честнымъ и искреннимъ» по обыкновенію. Онъ замѣчаетъ, что Пруссія такъ прониклась своей вѣрностью, что требуетъ уже за нее награды. Гарденбергъ, пишетъ онъ, думаетъ и намекаетъ, что императоръ, какъ только будетъ заключенъ «искусный и прочный» миръ, могъ бы, «чтобъ получить постоянную союзницу для Франціи и оплотъ съ сѣвера», надуматься «не присоединять Польшу къ Пруссіи, а сдѣлать короля Пруссіи королемъ Польши»...

Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ Сень-Марсана 16-го, въ Потсдамѣ. «Я встрѣтилъ у короля, сообщаетъ этотъ непоколебимый оптимистъ, самыя лучшія намѣренія; онъ выказалъ всю честность и искренность своего характера, судилъ о вещахъ здраво и разсчитывалъ на гений и могущество вашего величества»³⁾. Король читаетъ письмо изъ Дрездена, «выражаетъ свою преданность принятой имъ системѣ, которую онъ никогда не измѣнитъ». Онъ, безъ сомнѣнія, подразумѣваетъ свою систему съ ноября 1805 г., а Сень-Марсанъ—систему вѣрности союзу, навязанному силой въ 1812 г.; затѣмъ, попросивъ время подумать, король «вернулъ», что его военныя силы ограничены 42,000 чел.⁴⁾, и потому ему очень трудно уступить желанію императора, и что, съ другой стороны, если Наполеонъ очиститъ занятыя имъ пункты въ Пруссіи, онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи оккупационныя войска: пруссаки замѣнятъ ихъ своими гарнизонами къ общей выгодѣ. Это значило искусно взятъ за

¹⁾ Доклады 1 и 9 декабря 1812 г.

²⁾ Доклады Сень-Марсана, 11, 12, 15 декабря. Серра къ Сень-Марсану, 14 декабря 1812 г.

³⁾ Къ Наполеону, 17 дек. 1812 г.

⁴⁾ Т. VII, кн. I, гл. 3, § 6.

дѣло и воспользоваться первымъ признаніемъ въ затрудненіи со стороны Наполеона, чтобъ отдѣлаться отъ его путъ. Впрочемъ, онъ удвоилъ любовь къ Марэ, Извѣщенный о скоромъ проѣздѣ Марэ, король предложилъ меблировать для него отель, предоставилъ въ его распоряженіе свою коляску и ливрейныхъ лакеевъ, спѣша показать публикѣ «въ эту минуту, какое онъ придастъ значеніе посланнику его величества». Сквозь это слейное пустословіе просачивается первый намекъ на посредничество Австріи, которое должно стать ключомъ европейской политики. «У меня нѣтъ никакой причины, пишетъ Сень-Марсанъ, подозрѣвать, что русскій дворъ сдѣлалъ до сихъ поръ какое-либо предложеніе здѣшнему двору; но баронъ Гарденбергъ мнѣ сказалъ, что онъ почти увѣренъ, что были сдѣланы предложенія австрійскому двору съ цѣлью отвлечь его отъ союза съ вашимъ величествомъ; тамъ отвѣчали, что Австрія не измѣнитъ системы, но возьметъ на себя передать вашему императорскому и королевскому величеству предложеніе мира, если Россія того пожелаетъ»¹⁾.

Между тѣмъ событія быстро двигались впередъ. Гюккъ рисковалъ оказаться вынужденнымъ къ какой-нибудь опасной крайности. Нельзя было оставлять его на неопредѣленное время безъ отвѣта; ему отвѣтили 21 декабря: Избѣгать взбалмошныхъ выходовъ, не слишкомъ натягивать струну, не забывать, что Наполеонъ человекъ гениальный, неистощимо-изворотливый; вести себя, впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ. Ничего не предписывали, ничего не запрещали; полагались вполнѣ на Гюкка; оставляли за собой право одобренія или порицанія, что позволяло, въ ожиданіи «событій», заявлять о своемъ *твердомъ намѣреніи* держаться союза.

Марэ пріѣхалъ 23 декабря, видѣлъ короля, видѣлъ Гарденберга и позволилъ себя убѣдить прямою манеръ, прямою, написанной на лицѣ короля, ловкостью, съ какой Гарденбергъ намекнулъ ему, что *прямота* есть самый тонкій расчетъ. «Увеличеніе контингента еще не подписано, говорить этотъ посланникъ; но согласіе короля несомнѣнно».

Пруссаки давно были нейтральны въ душѣ; съ 1807 г. они стали двуличны. Несмотря на разгромъ великой арміи, Макдональдъ оставался цѣль и повернулъ на Пруссію; Ожеро все еще занималъ Берлинъ съ 12000 чел., и, пока онъ былъ тамъ, можно было всегда опасаться прусскаго фруктидора: этотъ герцогъ-санкюлотъ оставался человекомъ, способнымъ, при первой тревогѣ, обойтись съ прусскимъ королемъ, его министрами и со всемъ дворомъ, какъ онъ обошелся въ 1797 г., въ Парижѣ, съ уполномоченными самодержавнаго народа. Прибавьте еще, что эта двойная игра по необходимости была изящна и по вкусу и входила въ ихъ расчеты. «Почему, писалъ Гарденбергъ незадолго до того въ своемъ дневникѣ,

¹⁾ Докладъ императору, 19 дек. 1812 г. См. выше, стр. 11; ниже, стр. 26.

не раздавить французовъ при отступленіи?». «Нужно нанести ударъ и уничтожить», говорилъ король своему министру¹⁾. Но, если у нихъ и была дѣйствительно эта мысль, они повѣряли ее другъ другу лишь на ухо, при закрытыхъ дверяхъ. Они ласкали себя надеждой найти въ Австріи двойную гарантію, какъ противъ русскихъ—будущихъ союзниковъ, такъ и противъ Наполеона—вчерашняго союзника, противъ русскихъ, требующихъ свободного прохода, противъ Наполеона, требующаго солдатъ, чтобъ преградить путь русскимъ. 25 декабря, Гарденбергъ, Ансильонъ и Кнезебекъ держали совѣтъ. Часъ, ожидаемый съ такимъ томленіемъ въ продолженіе шести лѣтъ, часъ твердаго рѣшенія наступилъ. Они это знали, но заключили, что, хотя пришло время дѣйствія, обстоятельства требуютъ дѣйствовать осмотрительно. Это было мнѣніе короля. Поэтому рѣшили войти въ переговоры съ Вѣной, послать туда Кнезебека и завялись выработкой ему соотвѣствующихъ инструкцій.

Онъ долженъ былъ убѣдиться въ намѣреніяхъ Австріи; если Австрія рѣшилась повернуться противъ Франціи, Кнезебекъ объявитъ, что таково же намѣреніе короля, но что въ настоящую минуту Пруссія не можетъ взять на себя инициативы. Она вооружается, но, пока союзъ между Вѣной и Берлиномъ не будетъ заключенъ и не окончится вооруженіе, «необходимо сохранить, какъ и прежде, по наружности, полное согласіе съ Франціей». Король желалъ бы для Пруссіи возвращенія всѣхъ территорій, принадлежавшихъ ей до 1805 г., для Европы—мирнаго состоянія по трактатамъ Люневиля и Амьена, для Германіи—распаденія Рейнской конфедерации и раздѣленія верховной власти между сѣверомъ—Пруссіей, и югомъ—Австріей, при чемъ Майнъ послужитъ границей. Но, добавлялось въ инструкціяхъ, «пока все не созрѣетъ для выполненія плана, интересы обѣихъ державъ требуютъ продолжать съ такой же осторожностью и ловкостью играть роль вѣрнаго союзника Франціи, держать ее въ спокойной увѣренности, не отклонять опредѣленно ея новыхъ требованій и питать ее ложными надеждами». Такимъ образомъ Пруссія будетъ въ состояніи подвигать впередъ свои приготовленія: вспомогательныя войска для Франціи послужатъ тому предлогомъ. Гарденбергъ написалъ Гнейзенау въ Лондонъ: «Наполеонъ требуетъ увеличенія вспомогательнаго корпуса до 30,000 чел. Онъ требуетъ кордонной линіи у верховьевъ Одера. Мы этимъ пользуемся, чтобы увеличить нашу армію и сосредоточить наши силы, какъ мы это дѣлали и намѣревались дѣлать весной прошлаго года»²⁾.

¹⁾ 28 декабря 1812 г. *Oncken*, O. und Pr.

²⁾ Гарденбергъ къ Гнейзенау, 29 дек.; инструкціи Круземарку, 31 дек. 1812 г.; инструкціи Кнезебеку, 2 янв. 1813 г. *Oncken*.

Но нужно было сохранить декорумъ, и Фридрих-Вильгельмъ такъ хорошо скрываетъ свои намѣренія, что его народъ близокъ былъ къ тому, чтобы объяснить поведеніе короля измѣной. Каждый, при видѣ осколковъ крушенія великой арміи, размышлялъ о силѣ крушенія и понималъ, что являлась возможность спастись и затѣмъ отомстить. Можно сказать, что вся Пруссія была въ этомъ увѣрена; она была готова, горѣла желаніемъ взяться за оружіе и не могла объяснить себѣ ни колѣнопреклоненій своего короля передъ императоромъ, ни набора рекрутъ, назначенныхъ драться противъ собственного отечества; удивлялись, возмущались старіями выказать дружбу къ Сень-Марсану, безчисленными парадными обѣдами, даваемыми прямо напоказъ французамъ, жившимъ въ Берлинѣ и находящимся тамъ проѣздомъ—Марэ, Ожеро, Нарбонну, наконецъ, который пріѣхалъ раньше Марэ, остался послѣ него и подвигалъ впередъ свое маленькое дѣло о сватовствѣ.

Гарденбергъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ въ волненіяхъ публики, въ проискахъ тайныхъ обществъ руку челоуѣка, котораго онъ считалъ опаснымъ революціонеромъ, Штейна. «Самое необходимое теперь, безъ сомнѣнія, писалъ онъ, подавить эти волненія въ самомъ началѣ». «Очень грустно, говорилъ Ансильонъ, что съ 1809 г. распространились въ умахъ положенія, пагубныя для всего соціального строя. Многие люди убѣждены, что нація можетъ взять на себя инициативу, и что нація—они. Нужно ихъ укротить, это будетъ лучшимъ средствомъ внушить довѣріе французамъ». Народы не понимаютъ такой политики съ двойнымъ и тройнымъ дномъ. Имъ нужно уважать то, что они любятъ, и вѣрить въ красоту дѣла, которому они себя приносятъ въ жертву. Дипломаты ставили знаменитыя ловушки; но они никогда не возбуждали энтузіазма своими махинаціями. Пруссія ждала не совѣтовъ благоразумія, не приказанія молчать и сидѣть спокойно, но военного клича и трубныхъ звуковъ. Йоркъ подалъ знакъ и далъ нетерпѣливо ожидаемый сигналъ.

Облеченный страшной отвѣтственностью по отношенію къ своей родинѣ, Йоркъ вдохновился только политическимъ чувствомъ: онъ происходилъ изъ народа и поступилъ такъ, какъ поступилъ бы бѣдняга солдатъ—часовой, забытый на аванпостахъ, какъ поступалъ послѣдній крестьянинъ старой Пруссіи при появленіи освободителей. Король представилъ ему выборъ между рабствомъ военного и долгомъ гражданина, между дисциплиной и національной совѣстью: этотъ солдатъ послушался того голоса, который исходилъ свыше и требовалъ постоянства. Но этотъ солдатъ съ душою пруссака былъ въ то же время пруссакъ хитрый и осторожный. Онъ совершилъ поступокъ, рѣшившій судьбу его страны; онъ его совершилъ и по инстинкту и намѣренно: онъ былъ отваженъ и

въ то же время политиченъ. 2 января 1813 г. король и Гарденбергъ еще старались плыть подъ водою, осмѣливаясь лишь слегка касаться поверхности, чтобы вздохнуть на минуту, когда узнали, что измѣна, падъ которой они работали съ такимъ коварнымъ искусствомъ, совершена уже самовольно однимъ изъ корпусовъ прусской арміи. Знамя было задѣто, честь короля запятнана, нація призвана къ оружію грознымъ звукомъ рога; война за независимость начиналась революціей.

Макдональдъ отступалъ къ Тильзиту, оставляя Йорка и его пруссаковъ въ арьергардѣ. Йоркъ отступалъ очень медленно: русскіе его мало беспокоили; но случилось такъ, что 24 декабря русскій генералъ Дибичъ отрубалъ его отъ Макдональда. Въ тотъ же вечеръ Йоркъ и Дибичъ встрѣтились на аванпостахъ. Дибичъ объявилъ, что получилъ приказаніе не обращаться съ пруссаками какъ съ врагами, и что русскіе генералы имѣли полномочіе заключить договоръ о нейтралитетѣ. Йоркъ не высказалъ вовсе своего мнѣнія, не принялъ никакого рѣшенія, но предоставилъ русскимъ преградить себѣ путь. 26-го къ нему явился посланный отъ Паулуччи съ письмомъ Александра отъ 18-го, предлагавшимъ союзъ и обѣщавшимъ возстановленіе Пруссіи. Было о чемъ подумать. За немнѣніемъ распоряженій изъ Берлина, Йоркъ еще помедлилъ и имѣлъ опять свиданіе съ Дибичемъ. Они сговорились прекратить фактически враждебныя дѣйствія и продолжать маневрировать другъ противъ друга только для того, чтобы казалось, что Дибичъ перерѣзалъ путь, а Йоркъ уходитъ отъ превосходящихъ силъ ¹⁾. Этимъ словеснымъ договоромъ Йоркъ думалъ избѣгнуть всѣхъ затрудненій. 27-го онъ послалъ въ Берлинъ графа Генкеля фонъ Доннерсмарка сообщить объ этомъ королю. 29-го онъ остановился въ Таурогенѣ, у самой прусской границы: здѣсь его нашелъ Зейдлицъ, одинъ изъ посланныхъ имъ, вернувшійся изъ Берлина съ извѣстной инструкціей: избѣгать опрометчивыхъ выходовъ, дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ; единственнымъ объясненіемъ служило заявленіе, что король продолжалъ держаться союза съ Франціей. Въ этотъ же день онъ получилъ записку отъ Макдональда, съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему въ Тильзитъ.

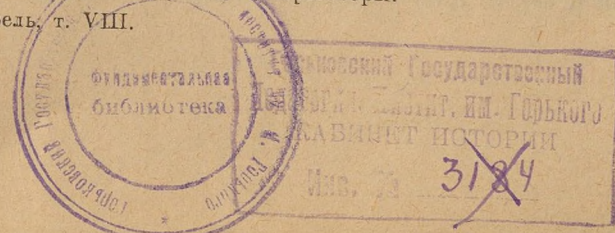
Русскіе обсудили всѣ послѣдствія измѣны прусскаго корпуса при первой же встрѣчѣ на порогѣ Германіи. По мнѣнію Клаузевица, сопровождавшаго русскую армію, колебанія Йорка не предвѣщали ничего хорошаго. Онъ отправился въ Таурогенъ, куда пріѣхалъ вечеромъ 29-го; съ нимъ была бумага отъ русскаго главнаго штаба, объявляющая, что

¹⁾ Срав. въ 1794 г. маневры Меллендорфа, готовящаго измѣну Австріи и какъ приманку ведшаго базельскіе переговоры.

Сорель, т. VIII.

275200
27

армія Витгенштейна будетъ 31-го на лѣвомъ берегу Нѣмана, перерѣзавая дорогу отъ Тильзита къ Кенигсбергу. Юркъ не далъ ему времени передать пакетъ. Какъ только онъ его увидѣлъ, онъ воскликнулъ: «Стойте! Не подходите!.. Я не хочу больше имѣть дѣла съ вами. Ваши проклятые казаки пропустили посланіе отъ Макдональда, который мнѣ предписываетъ двинуться на Никуненъ и соединиться тамъ съ нимъ. Нельзя больше колебаться: ваши войска не явятся, вы слишкомъ слабы; я долженъ идти; запрещаю вамъ всѣ эти переговоры, которые въ концѣ концовъ будутъ стоить мнѣ головы!» Клаузевицъ просилъ Юрка, прежде чѣмъ идти дальше, прочесть письмо, которое онъ привезъ. Когда Юркъ понялъ, какое бѣдствіе ему грозитъ отъ успѣховъ Витгенштейна, и узналъ, что, если онъ не рѣшится до 31-го, съ нимъ поступятъ какъ съ врагомъ, онъ измѣнилъ тонъ: «Клаузевицъ, сказалъ онъ, вы—пруссакъ. Вѣрите вы въ искренность этого письма? Можете вы мнѣ дать честное слово, что Витгенштейнъ будетъ дѣйствительно 31-го въ пунктахъ, здѣсь указанных?» Клаузевицъ ручался за искренность деклараціи; что касается исполненія, онъ былъ остороженъ: «Ваше превосходительство знаете, что на войнѣ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, часто бываешь вынужденъ остаться ближе тѣхъ линій, которыя себѣ назначилъ». Юркъ велѣлъ позвать начальника своего штаба. Онъ задумался на нѣсколько минутъ, потомъ, взявъ Клаузевица за руку, сказалъ: «Я вашъ. Скажите генералу Дибичу, что мы съ нимъ договоримъ завтра у Пошерунской мельницы, и что съ этой минуты я рѣшился бросить французовъ и ихъ дѣла». Онъ прибавилъ: «Я не дѣлаю ничего на половину; я вамъ доставлю и Массенбаха».

Массенбахъ командовалъ той частью вспомогательнаго корпуса, которая послѣдовала за Макдональдомъ. У Юрка былъ подъ рукой кавалерійскій офицеръ этого отряда; онъ его спросилъ: «Что говорятъ къ полкахъ?». И такъ какъ офицеръ не находилъ словъ, чтобъ выразить радость своихъ товарищей при мысли порвать съ французами, Юркъ продолжалъ: «Вамъ, молодымъ людямъ, хорошо говорить; я, старикъ, чувствую, что моя голова въ опасности». Онъ собралъ своихъ офицеровъ и сказалъ имъ: «Господа, французская армія уничтожена метательной рукой Бога. Настала часъ, когда мы можемъ вернуть нашу независимость, соединившись съ русской арміей. Пусть тѣ, кто рѣшился, какъ я, пожертвовать своей жизнью для родины и свободы, слѣдуетъ за мной; пусть остальные удалятся... Если дѣло удастся, король, быть можетъ, проститъ мнѣ; если нѣтъ, я лишусь головы. Въ этомъ случаѣ я поручаю моимъ друзьямъ заботу о моей женѣ и моихъ дѣтяхъ». Ему отвѣчали общимъ крикомъ: «Мы съ вами!».

На другой день, 30-го утромъ, Дибичъ, въ сопровожденіи Клаузевица и графа Дона, встрѣтился у Пошерунской мельницы съ Юрккомъ, который привелъ съ собой полковника Редера и маіора Зейдлица; шесть человекъ, изъ которыхъ пятеро пруссаковъ по рожденію. Клаузевицъ и Дона были уже на русской службѣ; остальные перешли въ Россію. Тутъ же подписали договоръ. Это было чисто военное соглашеніе, безъ малѣйшей примѣси политики. Пруссакъ разграничили территорію, которую они займутъ между Мемелемъ и Тильзитомъ; эта территорія и ихъ корпусъ будутъ, въ некоторомъ образомъ, нейтральны и останутся таковыми до полученія приказа отъ короля. Во всякомъ случаѣ, путь для нихъ оставался свободнымъ, и они обязывались не выступать противъ Россіи въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Когда дѣло было сдѣлано, Юркъ послалъ два письма, уже заранѣе приготовленные—одно къ Макдональду, другое къ королю, оба очень краткія ¹⁾.

Массенбахъ и его отрядъ получили приказъ оставить Макдональда. 31 декабря утромъ они исчезли. Макдональдъ узналъ объ этомъ одновременно съ полученіемъ письма отъ Юрка ²⁾. Онъ рѣшилъ сейчасъ же очистить Тильзитъ. Юркъ вступилъ туда 1 января 1813 г. 3 января этотъ генералъ послалъ королю второе письмо, пространное на этотъ разъ, гдѣ онъ объяснялъ мотивы своего поступка. «Я это сдѣлалъ безъ приказанія вашего величества. Обстоятельства и серьезныя соображенія оправдаютъ его (поступокъ) передъ современниками и потомствомъ... Вашему величеству предназначено, какъ и въ 1805 году, быть освободителемъ и покровителемъ своего народа и народовъ Германіи. Слишкомъ очевидно, что все направляла рука Провидѣнія... Но нужно быстро воспользоваться случаемъ. Теперь или никогда настала часъ завоевать свободу, независимость, величіе... Нужно былъ примѣръ для малодушныхъ; Австрія послѣдуетъ примѣру вашего величества... Я не прошу у васъ никакого снисхожденія къ себѣ лично. Какъ бы я ни умеръ, я умру за васъ».

Первое звено великой космополитной арміи порвалось; первый ударъ національной революціи Европы былъ нанесенъ, наполеоновская система союзовъ разбита. Примѣръ становился заразителенъ въ Германіи; это походило на набатъ, готовый прозвучать во всемъ Союзѣ. Конечно, рядомъ съ катастрофой, постигшей великую армію, немного значило движеніе направо или налѣво нѣсколькихъ десятковъ тысячъ пруссаковъ; но очень важна была измѣна самаго поработеннаго, самаго боязливаго и самаго униженнаго изъ всѣхъ побѣжденныхъ Наполеономъ, ставшихъ его союзниками поневолѣ.

¹⁾ *Мартенсъ*, т. VII, стр. 60.

²⁾ *Макдональдъ*. Воспоминанія, стр. 184 и слѣд., письмо 31 декабря 1812 г.

Событіе въ Таурогенѣ заходило страшно далеко, и не будетъ преувеличеніемъ сравнить, по значенію, эти совѣщанія въ декабрѣ 1812 г., на равнинахъ Польши, съ другими совѣщаніями, столь же смутными, тревожными и темными, которыя привели въ 1792 г. къ отступленію герцога Брауншвейгскаго на равнинахъ Шампаньи. Какъ и поступокъ герцога Брауншвейгскаго, поступокъ Юрка объясняется лишь общимъ ходомъ вещей, атмосферой, пронесшимся вѣтромъ, временемъ, однимъ словомъ, тѣмъ, что называется фатальностью, такъ какъ управленіе этимъ ускользаетъ отъ личной воли, и все совершается съ помощью всѣхъ. При концѣ великой войны, какъ и въ началѣ ея, Пруссія стояла на мѣстѣ и подава сигналъ къ одной изъ тѣхъ эволюцій, которая заставила Гёте сказать въ день Вальми: «Начинается новая эра». Это была дѣйствительно новая эра, обратная той: въ 1792 г. Пруссія измѣнила Европѣ королей, вступившихъ въ союзъ противъ французской революціи; въ 1812 г. она измѣнила Францію, борющейся противъ Европы возставшихъ націй.

Вотъ этого и не могъ понять король Пруссіи. Его королевское тщеславіе осуждало дѣйствія, если онъ ими не управлялъ, а не въ его характерѣ, какъ короля, было ими управлять когда-либо. Юркъ своимъ громкимъ барабаннымъ вызовомъ вносилъ диссонансъ въ педантичную и угрюмую фугу прусской официальной музыки. Какой-то генералъ позволялъ себѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, безъ приказа, что равнялось непослушанію и почти предательству! Государь какъ шефъ арміи былъ этимъ оскорбленъ, всѣ машины его политики были разрушены, и при видѣ, какъ онъ вдругъ задрожали и запутались въ своихъ ремняхъ, у него закружилась голова; но какъ человекъ онъ былъ храбръ, какъ король—патріотъ, и этотъ государь, вѣчная жертва своей нерѣшительности, почувствовалъ радостное сердцебіеніе при видѣ, что одинъ изъ его подданныхъ осмѣлился сдѣлать то, о чемъ онъ не рѣшался даже думать, и заявлялъ ему тѣмъ волю народа: vox populi, vox Dei. Однако, не слѣдовало этого показывать, не слѣдовало даже себѣ самому признаваться въ этомъ. Первымъ, естественнымъ движеніемъ была радость; вторымъ—неудовольствіе и тревога; третьимъ—притворство.

2 января, рассказываетъ принцъ Вильгельмъ—будущій императоръ Германіи—«въ три часа, король собирался выйти на свою ежедневную прогулку—въ Потсдамъ—съ наследнымъ принцемъ, принцемъ Фридрихомъ и мною, когда въ оранжереѣ новаго сада, гдѣ мы передъ тѣмъ обѣдали, появился графъ Генкель... Король удалился съ нимъ... По прошествіи тревожнаго для насъ получаса, онъ вернулся. На его лицѣ было выраженіе такого довольства, какого мы не видѣли у него уже давно: мы тѣмъ болѣе этому обрадовались, что оно совершенно противорѣчило его словамъ, обра-

ценнымъ къ намъ:—Графъ Генкель мнѣ припесъ неприятную новость: Юркъ сдѣлся со своимъ корпусомъ; они въ плѣну у русскихъ; кажется, возвращаются дни 1806 года.—Мы остолбенѣли».

Въ такихъ случаяхъ Гарденбергъ являлся человекомъ прекрасной выдержки и не терялъ головы. Онъ приступилъ къ самому необходимому и сейчасъ же подумалъ о томъ, какую перемѣну принесетъ этотъ послѣдній ударъ въ большой игрѣ вознагражденій и замѣнъ. Повторныя предложенія Александра—черезъ Ливена, Бойэна, Пауллуччи—принимали совершенно другой характеръ послѣ поступка Юрка; становилось очевидно, что дѣла окончатся, послѣ большаго или меньшаго числа изворотовъ, именно этой едѣлкой. Гарденбергъ перемѣнилъ фронтъ. Инструкція, составленная для Кнезебека, въ Вѣну, подчиняла всѣ дѣйствія Пруссіи соглашенію съ Австріей. Гарденбергъ прибавилъ къ ней, въ этотъ же день, 2 января, слѣдующій постскриптумъ: «Въ томъ случаѣ, если русскіе перейдутъ Вислу и подойдутъ къ Одеру, король не хочетъ ничего рѣшать съ ними безъ согласія Австріи; но онъ желаетъ этого согласія, и, по его мнѣнію, въ интересахъ Австріи дать его». Дѣло предстояло не маленькое: нужно было отражать непріятели со всѣхъ сторонъ и хитрить со всѣми; съ Сень-Марсаномъ, Нарбонномъ, Ожеро, чтобъ поддерживать въ нихъ иллюзію, убѣждать ихъ въ своей вѣрности; объявить о томъ же прусскому народу всѣми официальными рѣчами, всѣми явными дѣйствіями, т. е. разыгрывать измѣну національному дѣлу, чтобы скрыть измѣну врагу; хитрить съ Юркомъ такъ, чтобъ онъ не могъ не только говорить, но и думать объ одобреніи его поступка; стараться разгадать игру Александра, искрененъ ли онъ въ своихъ предложеніяхъ, и какъ онъ понималъ возстановленіе Пруссіи и Германіи; не вѣряться ему и, въ то же время, обезпечить себѣ его союзъ; обезпечить себѣ, при нуждѣ, помощь Австріи противъ русскихъ, если они будутъ мѣтить на господство, какъ Наполеонъ, и все же не связываться съ Австріей настолько, чтобы не мочь вести переговоры съ Александромъ, если это будетъ выгодно; наконецъ, разыгрывать отчаяніе, между тѣмъ какъ, въ сущности, ликовали.

Вечеромъ у короля давался балъ, на который были приглашены принцы. Они отказались быть. «А почему?» сказалъ имъ король. Не *это* можетъ быть причиной вашего отказа». На другой день, 3 января, Круземаркъ поѣхалъ на свой постъ въ Парижъ: ему даны инструкціи идти въ ногу съ Австріей. 4-го, Кнезебекъ отправился въ Вѣну, чтобы обсудить общія дѣйствія.

Сень-Марсанъ не зналъ еще ничего; осторожность требовала оставлять его до конца въ чадѣ довѣрія. 4 января онъ присутствовалъ на большомъ обѣдѣ у Ожеро съ Нарбонномъ, Гарденбергомъ и Гатцфельдомъ. Во

время объѣда ему передали записку отъ Макдональда, посланную черезъ Бертье и сообщающую о событіи. Ее прочли за столомъ. «Баронъ Гарденбергъ былъ, повидимому, ошеломленъ». Ожеро, Сень-Марсанъ, Нарбоннъ «исчерпали тему». «Баронъ Гарденбергъ стоялъ на нашей сторонѣ, также и князь Гатцфельдъ. Онъ сейчасъ же отправился къ королю, который только что вернулся въ городъ. Онъ предлагаетъ отрѣшиться отъ должности Гюка, приказавъ его арестовать, если возможно, передать команду генералу Клейсту, вернуть войско..., послать князя Гатцфельда въ Парижъ»¹⁾. Нарбоннъ и Сень-Марсанъ поѣхали къ королю, который разсыпался въ увѣреніяхъ своей добросовѣстности, въ выраженіяхъ негодованія. Имъ рассказали, что первыя слова Фридриха Вильгельма были: «Есть отъ чего получить апоплексическій ударъ. Что дѣлать?». Сень-Марсанъ выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ все имѣющіяся налицо прусскія войска поставить подъ команду Мюрата, главнокомандующаго со времени отъѣзда императора. «Послѣдовать совѣту Сень-Марсана, сказалъ король, не только хорошо, но это будетъ и справедливо». Такъ и было рѣшено, и 5 января Сень-Марсанъ былъ извѣщенъ о рѣшеніи.

Но этотъ дипломатъ долженъ былъ признаться самому себѣ, что во всемъ дѣлѣ было что-то подозрительное. Ему сообщили объ одномъ письмѣ, которое маіоръ Натцмеръ, личный адъютантъ короля, долженъ былъ отвезти Мюрату, въ Эльбингъ: «Этотъ поступокъ вызвалъ во мнѣ негодованіе и удивленіе... говорилъ король. Маіоръ Натцмеръ везетъ мой приказъ отрѣшиться отъ должности генерала Гюка и арестовать его. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что я не утверждаю соглашенія». Натцмеръ выѣхалъ изъ Берлина 5-го января вечеромъ; но вмѣсто того, чтобы поѣхать въ Эльбингъ, къ Мюрату, онъ повернулъ въ главную квартиру Александра: онъ везъ императору устное сообщеніе: король одобряетъ соглашеніе въ Таурогенѣ, но не можетъ его утвердить открыто; когда русская армія достигнетъ Одера, онъ будетъ готовъ подписать наступательный и оборонительный союзъ съ императоромъ»²⁾.

Между тѣмъ, Нарбоннъ, отъ того ли, что въ немъ проснулось подозрѣніе—что впоследствии поставили въ заслугу его провнцательности³⁾—отъ того ли, что онъ считалъ, что наступило время для выполнения его порученія—но онъ рѣшился открыть дѣйствительное содержаніе послѣдняго. 7-го января онъ отправился проститься съ Гарденбергомъ и на-

¹⁾ Докладъ Сень-Марсана, 4 января 1813. Fain, *Manuscrit de 1813*.—Villemain, *Souvenirs*.

²⁾ *Ожеро*, т. II, стр. 555, слова Гарденберга Омтедь 6 января, и письмо къ Гнейзенау, 9-го.

³⁾ См. Villemain, *Souvenirs*, т. I, стр. 240.

мекнулъ ему, что ничто такъ не упрочить союза съ Франціей, какъ бракъ между наслѣдникомъ престола и одною изъ принцессъ императорскаго дома, Богарне или одною изъ дочерей Мюрата. Гарденбергъ, конечно, извинился, что не можетъ дать отвѣта прежде, чѣмъ доложитъ объ этомъ королю, и результатомъ этого доклада была замѣтка, внесенная въ его дневникъ: «Извинимся подъ предлогомъ начатыхъ переговоровъ относительно одной изъ австрійскихъ принцессъ. Гатцфельдъ не долженъ дѣлать перваго шага. Его порученіе прежде всего только ширма».

Вся исторія этихъ переговоровъ, ставшихъ извѣстными съ 4-го января, была предъявлена открыто Сень-Марсану. Гарденбергъ сообщалъ ему послѣдовательно все малѣйшія подробности: онъ давалъ ему прочесть инструкціи «въ оригиналѣ». Онъ выражали «негодованіе короля»¹⁾. Кромѣ того, онъ ему сообщилъ по секрету, что государь, на предложеніе Нарбонна, «не высказалъ положительно—отвергаетъ ли онъ его совѣтъ, или приметъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ». Король не скрывалъ отъ себя возможныхъ отъ этого выгодъ; но онъ — отецъ; онъ падать чувства своего сына; во всякомъ случаѣ, «если выгоды такъ велики, что могутъ поставить монархію на степень болѣе высокую, чѣмъ она находится сейчасъ»..., короче, если придется заключить этотъ бракъ, никогда онъ не состоится *безъ приданого*, и пруссаки уже указывали, какое приданое они всего охотнѣе получили бы: на примѣръ, герцогство Варшавское. Сень-Марсанъ понялъ съ полуслова. «Все это, сообщалъ онъ, соответствуетъ его честному и добросовѣстному характеру... Опытъ умудрилъ этого государя». Въ подтвержденіе, Сень-Марсанъ приводилъ слѣдующій разговоръ, который ему передали авторитетные люди, пользующіеся довѣріемъ короля. «Правда, что большая часть моихъ подданныхъ нерасположены къ французамъ, и это довольно естественно; но, если ихъ не толкнуть требованіями неисполнимыхъ жертвъ, они не двинутся съ мѣста... Мнѣ кажется, я имѣю вѣрныя данныя, что Австрія будетъ твердо держаться союза съ Франціей. Если бы этого не было, мое положеніе совершенно отлично отъ положенія этой державы. Я—естественный союзникъ Франціи... Скажите императору, что я не могу больше приносить денежныхъ жертвъ, но, если онъ мнѣ дастъ денегъ, я могу еще поднять и вооружить отъ 50 до 60 тысячъ челоуѣкъ къ его услугамъ». Было бы верхомъ искусства заставить, такимъ образомъ, Наполеона не только снять запрещеніе, наложенное на прусскую армію, но еще и заплатить за войско, назначенное сражаться противъ него. *Естественный союзникъ Франціи!* Это предложеніе высказывали Берлину столько разъ.

¹⁾ Доклады Сень-Марсана, 11 и 12 янв. 1813 г.

правительства Парижа со времени Исполнительнаго Совѣта и Комитета общественной безопасности. Но оно не нашло тамъ отклика. Тѣмъ не менѣе фраза отдавала 1792 годомъ. Честный Ожеро совершенно успокоился. «Я вполне довѣряю преданности прусскаго короля его императорскому величеству; но слѣдовало бы также, чтобъ ему довѣряли немало болѣе... Эта страна держится только спокойствіемъ ея монарха»... ¹⁾. Гарденбергъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, 5 января: «Сень-Марсанъ и Гатцфельдъ обѣдали у меня. Необходимо скрыть отъ перваго дѣйствительный планъ, какъ мы дѣлали относительно Гольца и всѣхъ другихъ». Съ такимъ багажомъ Нарбоннъ поѣхалъ въ Парижъ 11 января 1813 года.

IV.

«Австрійскій посланный, съ порученіемъ почти одинаковымъ, предшествовалъ ему туда. Съ нѣсколькими различными картами и болѣе значительной комбинаціей, та же игра, какъ и въ Берлинѣ, велась въ Вѣнѣ. Пруссія, занятая еще французскимъ корпусомъ, хитрила болѣе цинично; Австрія, отдаленная отъ театра войны, могла внести въ игру болѣе изящества и тонкости. Меттернихъ давно готовился къ этому кризису. «Въ войнѣ между Франціей и Россіей, говорилъ онъ, Австрія займетъ фланговое положеніе, которое ей поможетъ заставить себя слушать до и послѣ борьбы». До войны этого не случилось, и нейтралитетъ, въ рукахъ Наполеона, превратился въ союзъ; но, въ рукахъ Меттерниха, союзъ снова превращался въ фактическій нейтралитетъ, и знаменитое фланговое положеніе представлялось возможнымъ. Надо было его занять ²⁾. Расчеты Меттерниха были невѣрны въ одномъ важномъ пунктѣ. Онъ падѣлся на зимовку въ Россію, на вторую кампанію въ 1813 г.: отступленіе изъ Москвы его поразило, бѣдствіе сбилось съ толку. Онъ отказывался вѣрить въ его значительность, въ особенности—въ непоправимость. Боязнь наступательнаго возвращенія Наполеона не переставала его тревожить. «Разгромъ арміи въ Россіи, говорилъ онъ въ началѣ ноября, не помѣшаетъ Франціи поставить на ноги другую». Онъ имѣлъ въ виду возможность корыстнаго содѣйствія германскихъ союзниковъ. «Что касается мысли о возможности освободить Германію во время настоящей войны, онъ еще не видѣлъ въ ней никакой вѣроятности... Чтобы желать осуществить подобный проектъ», писалъ одинъ дипломатъ изъ его

¹⁾ Ожеро къ Бертю 12 янв. 1813 г.

²⁾ Объ источникахъ этого памфлета см. т. VII, кн. I, гл. 4, § 6; *Окень*, O. und P., т. I, документы. Письмо Меттерниха къ Гарденбергу въ Берлинѣ, 5 окт. 1813 г., и т. II, выдержки изъ докладовъ графа Гарденберга, ганноверскаго посланника въ Вѣнѣ.—*Записки Меттерниха*, т. I, стр. 124 и слѣд.

друзей: «нужно быть заранѣе готовымъ къ войнѣ на нѣсколько лѣтъ. Австрія же, конечно, къ ней не готова» ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, при неясныхъ проблескахъ, идущихъ изъ Россіи, его умъ работалъ, и не видя еще цѣли вблизи, не различая еще, какое направленіе слѣдуетъ взять, онъ разсчитывалъ и соображалъ; онъ видѣлъ возможность посредничества, которое сдѣлаетъ Австрію третейскимъ судьей въ вопросѣ о мирѣ; но онъ видѣлъ и опасность этого, и эта опасность была двойная: во-первыхъ, побѣда Франціи; во-вторыхъ, побѣда враговъ Франціи и тогда притязанія Пруссіи на господство въ Германіи, притязанія Россіи управлять Европой, распространиться въ Польшу, двинуться на Востокъ; короче, одна опасность заключалась въ Рейнекомъ союзѣ, другая—въ освобожденной Европѣ, принимающей на себя, уже въ свою собственную пользу, роль Наполеона. Австрія не можетъ этого допустить ни за что: что толку низвергнуть Наполеона, уже колеблющагося, чтобы вновь построить здание, гораздо болѣе опасное для австрійской монархіи, нежели будетъ отнынѣ Великая Имперія? Но, впрочемъ, это лишь предположенія будущаго; въ настоящемъ, Австрія находилась связанной двойнѣ — и трактатомъ 1809 г., который ограничивалъ ея армію до 150,000 чел., и трактатомъ 1812 г., который ставилъ 30,000 чел. въ распоряженіе Наполеона ²⁾. Эти 30,000 чел., вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ Шварценберга, оставались нетронутыми; первымъ дѣломъ было вернуть себѣ свободное распоряженіе ими, ускользнуть отъ настоятельныхъ требованій Наполеона объ увеличеніи наличнаго состава, но не отталкивать ихъ, потому что это было единственнымъ средствомъ, не возбуждая его подозрѣнія, получить отъ него разрѣшеніе вооружиться и набраться силъ бороться противъ него. Вторымъ дѣломъ было оставаться относительно Россіи въ томъ же положеніи нейтралитета, остановить русскихъ на границахъ Галиціи, держать ихъ въ нерѣшимости и въ надеждѣ будущаго союза. Наконецъ, слѣдовало поощрить Пруссію къ возстанію и ради примѣра, которымъ она будетъ служить, и ради опаснаго положенія, въ которое она себя поставитъ, что позволитъ Австріи или воспользоваться ея неудачей, или выждать событій, искусно ихъ добиваться и предоставить себѣ всѣ выгоды. Подготовить Европу къ австрійскому посредничеству; сдѣлать такъ, чтобы Австрія, послѣдовательно успокоивъ и встревоживъ всѣхъ, въ случаѣ окончательной побѣды Наполеона нашла всюду кліентовъ; въ случаѣ же пораженія французовъ—всюду союзниковъ, и чтобъ она воспользовалась

¹⁾ Графъ Гарденбергъ изъ Вѣны Мюнстеру, въ Лондонъ, 9 ноября 1812 г.

²⁾ Т. VII, кн. II, гл. 3, § 9.

разрушеніемъ Великой Имперіи или разгромомъ Европы; короче, въ нужный моментъ, имѣя въ распоряженіи 300,000 чел., рѣшающую прибавку силы въ борьбѣ, поставить австрійскій союзъ на торгъ Европѣ. отдаться тому, кто заплатитъ больше, кто завладѣетъ большимъ числомъ земель, кто представитъ лучшія гарантіи, предпочитая въ глубинѣ души, чтобы это была не Франція, и чтобы выгоды согласовались съ чувствомъ злопамятства; болѣе всего избѣгать быть раздавленной непріятельскими массами прежде чѣмъ имѣть возможность вмѣшаться—вотъ планъ, очень сложный, составленный Меттернихомъ. Чтобы его выполнить, нужно было, прежде всего, преобразовать военное положеніе Австріи, въ то время болѣе чѣмъ неудовлетворительное. Эта работа требовала времени и денегъ. Время получать отъ Наполеона; деньги—отъ Англіи ¹⁾. «Простой путь былъ неудобенъ», передаетъ Фридрихъ Гентцъ, довѣренное лицо Меттерниха во время этого кризиса. «Мы должны были построить нашу систему на *промежуточныхъ тонахъ*, которые, въ одно и то же время, избавляли отъ необходимости понапрасну стать въ ряды враговъ Франціи и поссориться безъ возврата съ державами, соединившимися противъ нея» ²⁾.

Первымъ изъ этихъ промежуточныхъ тоновъ, и не самымъ неяснымъ, было отдѣленіе союза съ Франціей противъ Россіи отъ посредничества между Россіей и Франціей, что привело бы, тонкимъ смягченіемъ красокъ, къ союзу съ Россіей противъ Франціи. Фактически, Австрія была нейтральна относительно Россіи, юридически она оставалась союзницей Наполеона; искусство заключалось въ томъ, чтобы соединить дѣйствительность и право въ одно слово—посредничество. Меттернихъ намекалъ, что это будетъ развитіемъ союза; если Наполеонъ на это поддастся, результатомъ будетъ нейтралитетъ относительно обѣихъ воюющихъ сторонъ, такъ какъ первое условіе оказанія услугъ есть полная независимость оказывающаго.

9 декабря Меттернихъ послалъ письмо — настоящую инструкцію — де-Флорэ, уполномоченному въ Вильнѣ при герцогѣ Бассано. Ничто въ эту минуту, писалъ онъ, не заставитъ императора Александра рѣшиться на частичный миръ; возможенъ миръ только общій, допуская, что Наполеонъ его захочетъ; и Австрія—единственная держава, которая можетъ добиться такого мира. «Только Австрія, благодаря спокойствію и непоколебимой твердости своего положенія, имѣетъ въ настоящій моментъ 50 милліоновъ человекъ, готовыхъ подняться за дѣло, которое одно слово австрійскаго монарха заставитъ считать общимъ». Австрія

¹⁾ *Отечъ*, т. II, вып. VIII, гл. III. См. особенно замѣтки и мемуары Радецкого. — *Фурье*, *Napoléon*, т. III, гл. IV.

²⁾ *Письма къ государямъ Валахи*, т. I. Меттернихъ къ Вессенбергу; письмо въ Лондонъ, 8 февр. 1813 г.

желаетъ только мира: она предлагаетъ начать работать въ пользу него... «Каждый шагъ Австріи въ Англіи и въ Россіи долженъ быть, по формѣ, предоставленъ исполнѣ намъ». Австрія не ограничится словами отъ чьего либо имени, она будетъ говорить за себя. «Нужно, чтобы именно Австрія обратилась со словами мира ко всѣмъ—къ Франціи какъ союзница, къ другимъ державамъ исполнѣ независимо».

Дно этого механизма, если можно такъ выразиться, было двойное, объясненіе—двуличное. Конфиденціальное письмо, приложенное къ официальной бумагѣ, уже достаточно это выдавало: «Австрія давно видѣла, что Франція и Россія ее унизили до положенія второстепенной державы». Она «находится въ положеніи, дающемъ ей право, безъ предварительныхъ переговоровъ съ какой либо державой, взять на себя инициативу дѣйствій, о которыхъ она желаетъ согласиться съ Франціей». Въ ожиданіи своего вмѣшательства, Австрія даетъ понять величину предлагаемой ею услуги: понадобится «все вліяніе, которое она имѣетъ на общественное мнѣніе въ Англіи, только для того, чтобы заставить себя тамъ выслушать. Тамъ убѣждены, что достаточно одной зимы для изгнанія французовъ изъ Испаніи... Тамъ отвергнуть, даже не обсуждая, всѣ предложенія мира со стороны Франціи. Призывъ къ возстанію противъ настоящаго перевѣса Франціи всеобщій». Что касается Пруссіи и Германіи, даже Австріи, если Наполеонъ «не придетъ на помощь правительствамъ, принявъ мѣры исполнѣ противоположныя тѣмъ, которыя до сихъ поръ служили базой его политики, — правительства будутъ, наконецъ, не въ состояніи помѣшать настоящимъ событіямъ дать толчокъ народамъ». Съ этой минуты Меттернихъ воздвигалъ противъ Франціи страшиллице революціи и грозилъ спустить чудовище съ цѣпи! Ничто такъ ясно не показываетъ, какая громадная перемена совершилась въ Европѣ.

Графъ Эрнестъ Гарденбергъ, находившійся въ Вѣнѣ послѣмъ отъ ганноверскаго регентства, писалъ 22 декабря графу Мюнстеру, министру короля Георга для этого бывшаго курфюршества: «Вѣнскій кабинетъ принялъ такой высокой тоны относительно Наполеона, что его нельзя объяснить иначе, какъ увѣренностью, что Австрія можетъ говорить съ нимъ безнаказанно»... «Меттернихъ», продолжаетъ этотъ дипломатъ, докладъ котораго былъ составленъ съ тѣмъ, чтобы его прочли англійскимъ министрамъ, «задумалъ большой планъ для Европы, который онъ, впрочемъ, называетъ лишь политической мечтой. Его главныя черты заключаются въ слѣдующемъ: Франція должна быть ограничена своими естественными предѣлами между Рейномъ, Альпами и Пиренеями; Германія—раздѣлена на нѣсколько большихъ независимыхъ государствъ и независимость эта гарантирована Австріей и Пруссіей, при чемъ послѣдняя

должна быть восстановлена до степени великой державы; нужно было бы по его мнѣнію, раздѣлить Италію на два большія королевства, оставивъ съ этой стороны Минчіо границей Австріи, которая, кромѣ того, снова вступить во владѣніе потерянными ею областями; наконецъ, слѣдовало бы вернуть Портѣ тѣ границы, которыя она имѣла въ Европѣ до Бухарестскаго мира, и ограничить Россію въ предѣлахъ, ею занимаемыхъ до Тильзитскаго мира». Меттернихъ предвидѣлъ совершенно вѣрно, что Наполеонъ на это никогда не согласится и возобновитъ борьбу, пока будетъ имѣть для того армію. Миръ, какъ его понималъ Меттернихъ, миръ съ Франціей, отбѣенной и ослабленной, былъ бы возможенъ лишь при регентствѣ Маріи-Луизы, отданной подъ опеку императора Франца; это была бы ловкая штука ¹⁾. Меттернихъ уже думалъ объ этомъ, думалъ давно. Эта комбинація предполагала смерть Наполеона или сверженіе его съ престола; случайности войны могли привести смерть; послѣдствія ея—потерю трона. Но Меттернихъ никогда не тратился на созерцаніе будущихъ перспективъ, и, хотя у него былъ острый взглядъ, поступки оставались все же размысленными. Онъ находился еще въ періодѣ извѣстій о Смоленскѣ и, пока, ограничивался соображеніями о средствахъ, которыя, «уменьшая перевѣсъ Франціи, укрѣпили бы въ ней новую династію и не увеличили могущества Россіи».

Но, той порой, «политическая мечта» стала, какъ будто, осуществимой. 12-го декабря разнесся слухъ о катастрофѣ, постигшей великую армію, о бѣгствѣ Наполеона, даже объ его исчезновеніи ²⁾. «Трудно описать впечатлѣніе, которое произвело, на мгновеніе, это извѣстіе и мысль о возможности его плѣна или гибели — говоритъ графъ Гарденбергъ; большинство публики не скрывало своей радости, а графъ Меттернихъ... не желалъ ничего лучшаго въ эту минуту, какъ прійти, возможно скорѣе, къ соглашенію съ державами, ведущими войну противъ Франціи, въ особенности съ Англійей...» Извѣстіе о мнимой побѣдѣ на Березинѣ, въ особенности сообщеніе о проѣздѣ Наполеона черезъ Вильну и Варшаву охладилъ его и вернулъ къ мѣрамъ болѣе медленнымъ. Одну минуту онъ думалъ, что его система осуждена заранѣе на гибель, и что все планы великой политики раздавлены въ зародышѣ. Только 15-го онъ получилъ положительныя свѣдѣнія.

Викторъ Бромби, посланный курьеромъ изъ Варшавы, привезъ XXIX бюллетень. По дорогѣ ему передавали «смутный, по повсемѣстно распространенный» слухъ о бѣдствіи; «негодование умовъ противъ Франціи

¹⁾ *Онкенъ*, O. und Pr., т. II, стр. 101—102.

²⁾ Докладъ графа Гарденберга, 24 декабря 1812 г.

вснихивало со всѣхъ сторонъ». Французскій посланникъ Отто немедленно отправился къ Меттерниху ¹⁾. «Смущеніе графа было такъ очевидно, сообщаясь онъ, что я могу его объяснить лишь интересомъ, который онъ принимаетъ въ нашемъ успѣхѣ. Онъ, кажется, опасается за союзъ и нѣсколько разъ, забывшись, сказалъ мнѣ, что, если Австрія придетъ къ другому рѣшенію, на ея сторонѣ будетъ въ короткое время болѣе 50 милліоновъ чел. По его словамъ, вся Германія, вся Италія объявятъ себя за Австрію... Дѣлаются громадныя усилія перетянуть Австрію на свою сторону, предлагаютъ ей Италію, иллирійскія провинціи, главенство въ Германіи, наконецъ, восстановленіе стариннаго блеска и императорскую корону». На всякій случай, наканунѣ торговъ, Меттернихъ намекнулъ на цѣну, которую Наполеонъ долженъ будетъ заплатить за честное отношеніе Австріи, если Австрія рѣшится быть «честной».

Вскорѣ послѣ того пришло письмо отъ Наполеона къ императору Францу, изъ Дрездена, отъ 14 декабря, съ требованіемъ увеличить вспомогательный корпусъ съ 30 до 60 тысячъ чел. Здѣсь представился случай возобновить маневръ, начатый 9-го, но инструкторы, посланные Флорэ, въ Вильно, становились излишни. Обратиться нужно было въ Парижъ, и рѣшили послать туда генерала Бубна, который раньше доказалъ свою ловкость ²⁾. Бубна получилъ инструкцію отъ императора, помѣченную 20 дек. ³⁾. Ему поручили посмотреть, послушать, но не договариваться. Онъ могъ только выразить пожеланія въ пользу переговоровъ черезъ посредство Австріи. Въ одномъ пунктѣ онъ будетъ точенъ: «Онъ постарается не оставлять Наполеона въ сомнѣніи, что всякая надежда на болѣе активную кооперацію съ нашей стороны будетъ призрачна»; ничего кромѣ вспомогательнаго корпуса, и лучшее употребленіе въ дѣло даже этого корпуса будетъ, съ этого времени, «поставить его, такъ сказать, наравнѣ съ остальной австрійской арміей»; въ дѣйствительности, отдѣлить его мало по малу отъ французской арміи, чтобы слить съ остальнымъ войскомъ императора Франца. Бубна не скроетъ отъ Наполеона, что «только общій миръ, на широкихъ основаніяхъ, могъ бы исправить бѣдствія теперешней войны». Онъ выразитъ опасенія относительно опасности, которою угрожаетъ Россія гоеударствамъ союзнымъ Наполеону — герцогству Варшавскому, Пруссіи; онъ покажетъ, какъ важно было бы, если бы Австрія «явила Россіи внушительную массу сопротивленія». Все эти намеки вели къ тому, чтобъ узнать, чѣмъ можетъ Наполеонъ возна-

¹⁾ *Воспоминанія герцога Бромби*, т. I, стр. 198.—Отто къ Марэ, 16 декабря 1812 г.

²⁾ Т. VII, кн. I, гл. 6, § 3.

³⁾ Инструкція Бубнѣ, 20 декабря 1812 г. *Онкенъ*.

градить за союзъ, если онъ его желаетъ, или при какихъ условіяхъ онъ приметъ вмѣшательство. Бубна не преминетъ указать, что Австрія очень интересно «узнать, какъ можно скорѣе, предложенія императора французовъ...»

Впрочемъ, Меттернихъ, какъ и Гарденбергъ въ Берлинѣ, объявлялъ себя, при всякомъ случаѣ, первымъ приверженцемъ французскаго союза; онъ жаловался на борьбу съ доносами, съ клеветой, со всевозможными нападеніями русскою и англійскою партіи, которая измѣну относительно Франціи доводила до союза съ Россіей. Онъ считалъ это средствомъ подготавливать Наполеона къ предложенію вмѣшательства, подразумеваемымъ слѣдствіемъ котораго было уничтоженіе трактатовъ 1809—1812 гг. объ ограниченіи австрійскихъ военныхъ силъ и о вспомогательномъ корпусѣ; выраженія преданности онъ пересыпалъ намеками на выгодныя услуги. «Правительство, пишетъ Отто, имѣло достаточно твердости, чтобъ поддерживать систему союза, и можно сказать, что послѣднія несчастія послужили только къ утверженію его рѣшеній. Возстановленіе мира въ настоящее время есть самое дорогое желаніе Австріи.—Скажите намъ откровенно, повторилъ мнѣ сейчасъ министръ, что вы хотите дѣлать, и поставьте насъ въ такое положеніе, чтобы мы могли дѣйствовать относительно васъ какъ добрый союзникъ, относительно другихъ какъ независимая держава...—Пусть онъ (Наполеонъ) имѣетъ къ намъ полное довѣріе» ¹⁾. Оставалось узнать, какъ отнесется Наполеонъ, привыкшій ко всемъ хитростямъ и махинаціямъ политики, къ этому состязанію въ притворствѣ Берлина и Вѣны.

V.

16 декабря 1812 г., *Moniteur* напечаталъ XXIV *бюллетень*. 18-го Наполеонъ пріѣхалъ. Онъ нашелъ Парижъ въ уныніи, въ тоскѣ: послѣ другихъ войнъ считали мертвыхъ; теперь искали пережившихъ. Вокругъ него—молчаніе, повиненіе менѣе быстрое; ни совѣтовъ, ни критики; никакой дѣятельности умовъ, какъ будто они опустѣли. Все падаетъ на него одного—отвѣтственность за катастрофу, мѣры исправленія и отмщенія, и онъ чувствуетъ, что вѣра исчезла. Все его порицаютъ и осуждаютъ; указываютъ на его ошибки, даже, при случаѣ, выдумываютъ ихъ, какъ прежде искали признаковъ генія. Вчерашній ропотъ нѣкоторыхъ становится разговоромъ всѣхъ: не для Франціи предпринялъ онъ эту войну и думаетъ продолжать ее, вопреки всякой политикѣ, вопреки разуму и здравому смыслу; только для себя одного, ради своего ненасытнаго често-

¹⁾ Доклады Отто 28 дек. 1812 г., 8 янв. 1813 г.

любія: Франція защититъ себя на Рейнѣ, а не на Нѣманѣ и Вислѣ! Рейнская граница становится черезъ то еще дороже. Эта республиканская граница принимаетъ какой-то священный характеръ. Франція не откажется отъ нея никогда. Европа ее не переступитъ. Свѣдущіе люди повторяютъ то, о чемъ они уже шептали: Европа, признавая, со времени Люневилля и Амьена, безъ всякой задней мысли, Рейнъ границей Франціи, только и желаетъ уважать эту границу; самыя большія претензіи враговъ никогда не простирались дальше. Слѣдовательно, императоръ, который все непортилъ, грозитъ еще и все погубить.

Какъ только Наполеонъ пересталъ казаться орудіемъ общественнаго спасенія и счастья для всѣхъ, онъ становится гибелью для каждаго. Болѣе догадливые давно уже считали, что *это* не можетъ долго продолжаться; теперь все чувствуютъ то же, и скоро, съ новыми жертвами, придетъ желаніе, чтобъ *это* болѣе не продолжалось. Не видѣли конца: со времени приключенія Малле, завѣса порвана, и за этой завѣсой храма, какъ во времена древнихъ боговъ, нашли лишь инертный мраморъ и пустой алтарь. Конецъ представляется столь же необходимымъ, какъ и простымъ: конецъ Цезаря или Павла I; ударъ руки, одинъ «день»: полагаются на ловкихъ, чтобъ подстроить дѣло, на смѣлыхъ, чтобъ его выполнить: такихъ людей всегда было довольно со времени Революціи. Одна умная женщина, слишкомъ старая для любовныхъ связей, нашедшая убѣжище въ политическихъ интригахъ, въ томъ и въ другомъ смыслѣ подруга и кліентка Таллейрана, отмѣчаетъ въ своей памятной книжкѣ слова князя Беневентскаго, вице-электора (т. е. Таллейрана): «Надо его уничтожить какими бы то ни было средствами. Этотъ человекъ уже не годится для того рода блага, которое онъ могъ принести. Нужно, чтобъ намъ осталась свобода; намъ необходимы законы...» ¹⁾. Снова говорятъ о Сіпсѣ, который, повидимому, еще агитируетъ.

Только чернь упорно сохраняетъ довѣріе: она вѣритъ въ заклинаніе стихій, какъ и въ заговоръ королей. Она чувствуетъ, какъ валъ растетъ. Но мѣръ того, какъ война будетъ приближаться къ границѣ, она понимаетъ инстинктомъ, что революція поставлена на карту, что отечество въ опасности, и подъ ударомъ необходимости, подпявшей общее ополченіе въ 1793 г., чернь снова двинется или позволитъ себя двинуть въ ряды великой арміи. И офицеры молодой арміи, обладающіе карьерой и призваніемъ, оставшіеся во Франціи или въ Германіи, все еще вѣрящіе въ геній императора, не видѣвшіе «отступленія»—воодушевляются отмщеніемъ и воображаютъ, что нѣтъ ничего прощѣ новаго Аустерлица и дру-

¹⁾ *Этьенъ Лами*, Мемуары м-ше де-Куаньи.

гой Иены. Тамъ, въ этомъ народѣ, поставляющемъ солдатъ, въ этой воинственной молодежи, поставляющей офицеровъ—тамъ находится пружина. Наполеонъ ее натягиваетъ до послѣдней крайности. Сенатъ вопируетъ, министры подписываютъ, и машина снова приходитъ въ движеніе до момента полного истощенія источниковъ ее питающихъ. Но этотъ самый сенатъ будетъ, если нужно, вопиовать сверженіе съ престола императора, такъ же какъ и досрочный наборъ рекрутъ. Онъ созрѣлъ для императорскаго термидора.

Наполеонъ говоритъ рѣчи сенаторамъ; разглагольствуетъ передъ государственнымъ совѣтомъ; этотъ человекъ дѣла утопаетъ въ рѣчахъ; онъ стоитъ на трибунѣ, защищаетъ свою судьбу, ищетъ аргументовъ; онъ прикрывается словами. Онъ, великая ловкость котораго заключалась въ томъ, что дѣйствіями онъ выражалъ силу вещей, теперь, увидя, что эта сила къ нему враждебна, старается вернуть ее декретами. Онъ забываетъ, что его приказанія попадали въ цѣль потому, что онъ провозглашалъ общее мнѣніе. Хотя онъ приказываетъ и еще успѣваетъ добиться повиновенія, но уже не увлекаетъ. Во Франціи онъ тянетъ съ трудомъ. Въ Европѣ уже не повелѣваетъ: онъ торгуется, онъ ведетъ переговоры; онъ споритъ по поводу текста трактатовъ, ссылается на букву; онъ уже не диктаторъ, а ходатай союзовъ и союзниковъ.

Вечеромъ 31 декабря Наполеонъ принялъ Бубна. Аудіенція длилась два часа съ половиной, продолженіе которыхъ Наполеонъ много говорилъ. Сущность его словъ была, что онъ склоненъ къ миру, если можетъ его заключить съ честью. Въ этомъ онъ полагается на австрійскаго императора: это его братъ, его союзникъ: союзъ ихъ вѣчный! «Но прибавляетъ онъ, роль Австріи перемѣнится. Она станетъ главной участницей въ войнѣ; но, если она хочетъ, чтобъ ее слушали, она должна вооружиться». Тѣмъ не менѣе, если онъ предлагаетъ Австріи подтвердить свою дипломатію увеличеніемъ военныхъ силъ, онъ подразумѣваетъ подъ этимъ силы, назначенныя, въ случаѣ неудачи переговоровъ, поддержать Францію. Онъ спросилъ, пришелъ ли Меттернихъ къ какому-либо рѣшенію относительно мира. Онъ даетъ въ общихъ чертахъ свое: Португалія возвращается Брагандамъ; Неаполь остается Мюрату, Испанія—Жозефу, но очищается отъ французскихъ войскъ; Англія, въ свою очередь, очиститъ Сицилію; ни одной деревни Варшавскаго герцогства! За миръ съ Англіей онъ отдаетъ Иллирію Австріи. При этихъ условіяхъ онъ ничего не имѣетъ противъ австрійскаго посредничества.

Главное дѣло въ томъ, что его разумъ охваченъ иллюзіей, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его и при многихъ столкновеніяхъ помрачала разсудокъ. Въ своей страстной нѣжности къ сыну, на которомъ отнынь

сосредоточиваются все его честолюбивые замыслы, онъ не можетъ себѣ представить, что забота о судьбѣ этого ребенка не управляетъ австрійскою политикой въ такой же мѣрѣ, какъ она поглощаетъ политику французскую. Онъ—отецъ; Францъ II—дѣдъ; ребенокъ ихъ связываетъ неразрывно. Если Наполеонъ сохраняетъ свою проницательность относительно макиавеллизма Меттерниха, онъ не сомнѣвается, не хочетъ сомнѣваться въ упорной честности Франца. Онъ доводитъ суевѣріе относительно государственной благодати до того, что воображаетъ ее въ силахъ совершить чудо—оживить Франца II, вложивъ въ него сердце—Франца II, котораго онъ такъ вѣрно назвалъ въ 1805 году «скелетомъ». Онъ забываетъ, что, если Францъ нашелъ въ себѣ государственную нѣжность, чтобы выдать дочь, онъ на томъ же основаніи можетъ взять ее обратно; что онъ зачеркнетъ свою подпись тою же рукой, которою подписывалъ брачный контрактъ; что въ его глазахъ римскій король имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ какойнибудь эрцгерцогъ, даже какая-нибудь эрцгерцогиня. Наконецъ, онъ и не подозрѣвалъ, что въ интересахъ Австріи свергнуть его съ престола, разчленивъ его имперію и ограбить его сына, поставивъ его подъ опеку во Франціи, которая будетъ принадлежностью, угодами австрійскаго дома, какъ Неаполь и Испанія по отношенію къ французской имперіи.

Въ эти смутные дни Наполеонъ постоянно озабоченъ мыслью связать римскаго короля и императрицу съ имперіей и этой связью сдѣлать болѣе тѣснымъ австрійскій союзъ. Онъ велитъ розыскать примѣры коронованія наслѣдныхъ принцевъ¹⁾. 2 января 1813 г. онъ созываетъ совѣтъ, какъ въ былое время, по поводу своего брака: Таллейранъ, Камбасерестъ, Марэ, Коленкуръ, Шампаньи—все бывшіе, настоящіе или будущіе министры иностранныхъ дѣлъ, и два государственныхъ совѣтника по внѣшнимъ сношеніямъ: Ла Бенадьеръ и Готривъ. Слѣдовало ли ожидать начала переговоровъ о мирѣ, или взять на себя ихъ инициативу, слѣдовало ли обратиться прямо къ Россіи, или принять посредничество Австріи? Таллейранъ, Коленкуръ, и Камбасерестъ высказали мнѣніе за непосредственные переговоры; четверо остальныхъ—за австрійское посредничество.

5-го состоялось частное совѣщаніе: на немъ обсуждаютъ вопросъ о коронованіи и регентствѣ. Новые розыски примѣровъ въ исторіи регентства королевъ²⁾, приобщенія римскихъ королей къ имперіи. Папа находится еще подъ секвестромъ, въ зависимости. Наполеонъ этимъ воспользуется. Онъ надѣется, что эти мѣры заинтересуютъ Австрію, успокоятъ интриги двора,

¹⁾ 22 дек. 1812 г. Замѣтку передалъ Реньо 29-го. *Фридрихъ Массонъ*, «Наполеонъ и его сынъ».

²⁾ Замѣтка отъ 10-го, передалъ Барбье. *Фридр. Массонъ*.

убѣдятъ императора. Марэ пишетъ 7 января Отто: «Въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждаютъ проектъ постановленія о коронованіи и муропомазаніи императрицы и римскаго короля. Наши конституціонные законы воспрещаютъ регентство женщинъ. Вырабатывается проектъ сенатскаго рѣшенія, чтобы внести въ нихъ измѣненія, и это дастъ его величеству право, которымъ ему придется вскорѣ воспользоваться,—поручить регентство Маріи-Луизѣ. Коронованіе произойдетъ въ будущемъ февралѣ. Муропомазаніе, вѣроятно, будетъ совершено напой, и въ Парижѣ будетъ такое же стеченіе народа, какого былъ свидѣтелемъ Меттернихъ при коронованіи императора». За симъ слѣдуютъ намеки на письмо Франца II къ дочери, чтобы предоста-вить ему возможность «дать слово, что ничто не можетъ повредить столь счастливо существующимъ дружбѣ и союзу».

Это былъ желанный Наполеономъ отвѣтъ на письмо, посланное имъ въ тотъ же день тестю; чтобы понять значеніе такого отвѣта, надо бы знать все дѣло о коронованіи, муропомазаніи и регентствѣ—главной поддержкѣ аргументовъ Наполеона. Онъ опять повторяетъ пункты, высказанные въ разговорѣ съ Бубна, съ точностью опредѣляя ихъ на этотъ разъ. Прежде всего, онъ оправдывается ¹⁾: «Я никогда не встрѣчался съ русскою арміею безъ того, чтобы не разбить ее. Русскіе не взяли у меня цушекъ: они не взяли ни одного орла. Моя гвардія никогда не уступала». Затѣмъ слѣдуетъ фантазмагорія средствъ: «Людей, лошадей, деньги—все предлагаетъ мнѣ она (Франція). Я имѣю милліардъ сто милліоновъ деньгами...» Онъ увѣренъ въ Испаніи. Онъ намѣренъ «вернуться назадъ въ Россію». «Я не сдѣлаю, кончаетъ онъ, ни одного шага для заключенія мира... но я не откажусь отъ таковыхъ со стороны вашего величества, если вы желаете ихъ сдѣлать».

Такимъ образомъ, онъ принимаетъ посредничество Австріи, но не допускаетъ разрыва или даже прекращенія союза 1812 г. и настаиваетъ на двойномъ увеличеніи вспомогательнаго корпуса. Если бы Россія отвергла миръ, пишетъ Марэ Меттерниху съ той же почтой, «Его величество объявилъ бы независимость имперіи въ опасности; онъ призоветъ къ оружію 500 тысячъ человекъ, вы будете принуждены сдѣлать то же съ вашей стороны... Вы станете тогда главной тяжущейся стороной въ этомъ великомъ спорѣ...» Въ руководствахъ, данныхъ Отто для переговоровъ съ Меттернихомъ ²⁾, Марэ ясно указываетъ, въ какомъ духѣ, съ какими оговорками императоръ могъ бы принять посредничество: «Его величество не откажется отъ попытки, которую желаетъ сдѣлать Австрія. Онъ даже

¹⁾ *Откенъ. O. und P.*, т. I, стр. 393, текстъ по вѣнскимъ архивамъ.

²⁾ Марэ къ Отто, 7 янв. 1813 г.

посмотритъ на насъ съ удовольствіемъ... въ надеждѣ, что Австрія твердо рѣшилась, если намѣренія Россіи сдѣлаютъ эту попытку бесполезной, дѣйствовать съ надлежащей энергіей... и увеличить вспомогательный корпусъ до 60.000 человекъ». Что касается условій мира: «Ни одна изъ территорій, соединенныхъ вмѣстѣ сенатскимъ рѣшеніемъ, не можетъ быть отдѣлена отъ имперіи» ¹⁾. «Такое отдѣленіе можетъ быть разсматриваемо какъ распаденіе самой имперіи. Чтобы оно совершилось, нужно, чтобы 500.000 чел. окружили столицу и расположились лагерьмъ на высотахъ Монмартра». Иллирія, Далмація, Корфу, часть Испаніи не соединены по конституціи. Поэтому на Иллирію можно смотрѣть «какъ на предметъ вознагражденія за тѣ уступки, которыя сдѣлаетъ Англія». Если Россія помышляетъ увеличиться на счетъ Пруссіи, Австріи, Варшавскаго герцогства, Турціи—Австрія первая будетъ заинтересована въ томъ, чтобы этого не случилось; она убѣдится, что единственное средство добиться мира—продолжать войну. «Объяснитесь... такъ, чтобы при случаѣ это было дѣломъ твердо и непреложно рѣшеннымъ, и мы могли разсчитывать съ увѣренностью на содѣйствіе еще тридцати тысячъ человекъ». Наполеонъ такъ же настойчиво хочетъ связать Австрію ея посредничествомъ, какъ Меттернихъ начинаетъ твердо желать развязать себя такимъ же путемъ. Онъ не хочетъ и думать объ отпаденіи Австріи. «Когда министръ Меттернихъ далъ понять вамъ ²⁾, что перемѣна системы поставитъ на сторону Австріи, въ короткое время, болѣе пятидесяти милліоновъ человекъ, потому что вся Германія и вся Италія будутъ готовы стать на эту сторону, онъ говорилъ не свои слова, а слова враговъ союза...» Тогда: «Его величество долженъ будетъ сейчасъ же и безъ колебанія объявить своему народу, что уваженію къ императорской Франціи и ея господству надъ Италіей грозитъ опасность, назначить военную контрибуцію по 25 сант. съ франка, что составитъ 200 милліоновъ, призвать второе ополченіе національной гвардіи, поставить на ноги армію въ 600.000 чел.—и тогда невозможно будетъ остановить событія». Такимъ образомъ, съ одной стороны—ужасная война, съ другой—наслѣдованіе австрійской крови во Франціи, освященное законами и религіей. Наполеонъ, кажется, не сомнѣвался въ выборѣ Франца; онъ, кажется, вѣрилъ еще если не въ преданность, то, по крайней мѣрѣ, въ политическую проникательность Меттерниха. «Мы знаемъ плохое расположеніе

¹⁾ Парма, остр. Эльба, Пьемонтъ, Тоскана, Пьяченца, Римская область. Голландія, ганзейскіе города, Ольденбургъ, Лауенбургъ.

²⁾ Докладъ Отто, 16 дек. 1812 г. См. выше, стр. 29, 30.

къ намъ всѣхъ членовъ фамиліи австрійской императрицы ¹⁾ и все наше довѣріе полагаемъ на императора и его министра; слова, сказанныя вамъ Меттернихомъ, имѣли, понятно, въ вашихъ глазахъ, какъ и въ нашихъ, громадное значеніе... Императоръ имѣетъ право быть подозрительнымъ, такъ какъ онъ былъ часто обманутъ».

VI.

Онъ будетъ и еще разъ обманутъ и болѣе коварно, чѣмъ когда либо. Меттернихъ, въ ожиданіи письма отъ Бубна, велъ переговоры съ графомъ Гарденбергомъ, угодникомъ Англій, съ Гумбольдтомъ, прусскимъ посланникомъ, и понемногу отбѣнялъ, расширялъ свои «промежуточные тона». Все еще озабоченный вторженіемъ русскихъ, оккупацией Галиціи, возстановленіемъ Польши, все еще боясь наступательныхъ дѣйствій Наполеона, которыя вернуть 1805 и 1809 гг., все еще подъ властью главной идеи—окопаться нейтралитетомъ до того времени, пока будетъ въ состояніи говорить и дѣйствовать, но до тѣхъ поръ вполнѣ вооружиться и удалиться отъ Австріи театр военныхъ дѣйствій,—онъ стремится повернуть ихъ къ сѣверу; однимъ ударомъ онъ освободится отъ Наполеона и отъ русскихъ. Измѣна Йорка облегчаетъ эти маневры: онъ находитъ выгоднымъ бросить пруссаковъ въ объятія Россіи. Наполеонъ станетъ тогда сговорчивѣе: онъ предоставитъ Австріи измѣнять, какъ ей угодно, и выиграть время, чтобы продиктовать условія мира.

Въ одномъ письмѣ графа Эрнеста Гарденберга ²⁾ мы читаемъ: «Графъ Стадіонъ убѣжденъ, что графъ Меттернихъ стремится къ той же цѣли, какъ и мы, за исключеніемъ, однако, уничтоженія династіи Бонапарта, орудіемъ чего ни онъ, ни императоръ не хотятъ быть; но онъ хочетъ достигъ этой цѣли по своему, выжидая случая и еще сохраняя дѣло своихъ рукъ—союзъ съ Франціей... Какъ ни привязанъ императоръ къ эрцгерцогинѣ, своей дочери, какъ ни свято онъ держится своихъ обѣщаній, онъ пожертвуетъ мало по малу и тѣми и другими узами ради обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на счастье его государства...»

11 января Меттернихъ получилъ докладъ Бубна о разговорѣ 31 декабря. Онъ отбросилъ, какъ бесполезное пустословіе, ограниченія, внесенныя Наполеономъ въ свое согласіе. Изъ всего контекста онъ выдѣлилъ и извлекъ слѣдующій текстъ: принятіе посредничества; разрѣшеніе, даже совѣтъ вооружиться. Онъ сейчасъ же выступилъ въ дипломатическій походъ, и вооруженіе началось. Между тѣмъ пріѣхалъ Кнезебекъ. Меттер-

¹⁾ Объ этихъ интригахъ и объ императрицѣ Маріи-Людовикъ д'Эсте, четвертой женѣ Франца, см. *Фридрихъ Массонъ*: Марія-Луиза.

²⁾ Къ Мионстеру, 13 янв. 1813 г. *Окенъ*.

нихъ видѣлся съ нимъ 12 и 14 февраля. Со своими нѣмецкими партнерами онъ охотно притворялся педантомъ макиавеллизма и мудрилъ надъ «изяществомъ» процедуры. Союзъ Пруссіи съ Франціей, сказалъ онъ Кнезебеку, имѣетъ такой явный характеръ насилія, что дозволяетъ внезапный скачокъ въ противный лагерь ¹⁾. Со времени брака эрцгерцогини, дѣло обстоитъ иначе относительно связи Франціи съ Австріей. Австрія не можетъ ее внезапно порвать. Этимъ было бы скомпрометировано достоинство монарха. Поэтому главной работой кабинета должно быть возвращеніе своей свободы достойнымъ и законнымъ способомъ и попытка заставить самого Наполеона освободить его отъ трактата. Первымъ пунктомъ было вернуть «подвижность»; отнынѣ Австрія должна обладать ею вполнѣ. Она можетъ свободно повернуть въ ту или другую сторону. Вторымъ пунктомъ будетъ предложить посредничество въ одно время и Англій и Россіи: Австрія это дѣлаетъ. Разъ сдѣланъ второй шагъ, является третій: найти базу прочнаго мира; Австрія надѣется убѣдить Наполеона предложить ее. Что касается четвертаго шага—обязается ли Австрія поддерживать всѣми силами эти предложенія мира и перейти на сторону тѣхъ, кто ихъ приметъ—она находитъ, что еще не можетъ высказаться на этотъ счетъ.

15-го, курьеръ привезъ изъ Парижа письмо отъ 7-го февраля, письмо Наполеона къ Францу II и Марѣ къ Меттерниху. Здѣсь слѣдуетъ коснуться двусмысленнаго пункта, созданнаго и использованнаго Меттернихомъ. Наполеонъ принимаетъ посредничество только для того, чтобы притянуть Австрію въ свой лагерь и надѣтъ на нее цѣпи; Австрія предлагаетъ посредничество съ единственной цѣлью освободиться и перейти во враждебный лагерь. Наполеонъ надѣется, что переговоры окончатся вступленіемъ въ дѣло всей австрійской арміи, и что Австрія, чтобы войти въ игру, увеличитъ свой вспомогательный корпусъ до 60,000 чел. Меттернихъ видитъ въ переговорахъ средство не только отказать въ прибавкѣ 30 тысячъ чел., требуемыхъ Наполеономъ, но и отозвать обратно первые 30 тысячъ, включенныя въ трактатъ 1812 г. Наполеонъ торопитъ Австрію вооружиться въ виду укрѣпленія союза; Меттернихъ хлопочетъ объ этомъ для того, чтобы въ случаѣ надобности повернуть противъ Наполеона увеличенныя такимъ образомъ силы. Меттернихъ ловитъ Наполеона на словѣ, но принимаетъ это слово въ смыслѣ совершенно противоположномъ тому, который придаетъ ему Наполеонъ. Изъ условнаго посредничества, принятаго Наполеономъ, Меттернихъ дѣлаетъ посредничество безо всякихъ условій. Онъ написалъ графу Зичи, посланнику

¹⁾ Докладъ Кнезебека, у *Окена*. O. und P., т. I.

въ Берлинѣ, въ другомъ тонѣ, но въ сущности подтверждая то, что говорилъ Кнезебеку ¹⁾. «Мы достигли первой цѣли, къ которой стремились». Онъ совѣтовалъ прусскому королю отправиться въ Силезію, единственную часть его владѣній, находившуюся вполнѣ въ его власти, такъ какъ остальная была занята либо французами, либо русскими. Туда король можетъ стянуть 50,000 чел. подъ предлогомъ защищать линію Одера, удалить свою армію изъ старой Пруссіи и оградить ее отъ заразного примѣра Юрка. Такимъ образомъ, онъ оторветъ эту армію отъ арміи Наполеона, которую тотъ стягивалъ къ Берлину, и окажется въ состояніи, подъ предлогомъ остановить русскихъ, подать имъ руку.

Ободривъ такимъ образомъ пруссаковъ, научивъ и толкнувъ ихъ къ измѣнѣ, привелъ ихъ, такъ сказать, къ Россіи, Меттернихъ обращается опять къ Отто. Онъ намекаетъ, что пруссаки заслуживаютъ награды, которая будетъ въ то же время тонкой политикой: «Жаль, сказалъ онъ мнѣ, что герцогство—Варшава—не можетъ быть присоединено къ Пруссіи, которая тогда была бы достаточно сильна, чтобы составить вмѣстѣ съ нами преграду Россіи». Что касается 30 тысячъ человекъ — онъ не высказываетъ: онъ еще не знаетъ намѣреній своего властелина, императора ²⁾. Чтобы отвлечь Отто, онъ ему сообщаетъ всѣ *официальныя* подробности своего посредничества съ англичанами и русскими. Этимъ онъ втягиваетъ и Наполеона въ переговоры, и, разъ послѣдній ихъ приметъ въ видѣ безмолвнаго согласія, Меттернихъ объявитъ ему, что, въ силу самого посредничества Австрія не можетъ болѣе доставлять вспомогательныхъ войскъ ни одной изъ воюющихъ сторонъ; онъ удалится изъ союза съ согласіемъ Наполеона, на глазахъ его посланника.

Онъ пишетъ длинное письмо къ Марэ, другое — къ Бубна: «Предоставлено императору французовъ поступать такъ, чтобы мы смотрѣли на настоящую войну, какъ на австрійскую; первый шагъ сдѣланъ, онъ принял наше вмѣшательство—слово, которое непременно потрудитесь употреблять при всякомъ случаѣ вмѣсто слова посредничество» ³⁾. Дѣйствительно, *посредникъ* обязуется поддерживать свои предложенія. А Меттернихъ намѣревался стать посредникомъ только для того, чтобы соединиться съ Россіей, Пруссіей и Англійей. Слѣдствіемъ его поступковъ предполагалось не связать Австрію съ Наполеономъ, но втянуть Наполеона въ сѣть, петли которой Австрія затянетъ такъ, что Наполеонъ изъ нихъ уже не выйдетъ.

¹⁾ Къ Зичи, 16 янв. 1813 г. *Опкемъ*.

²⁾ Докладъ Отто, 18 янв. 1813 г.

³⁾ Къ Марэ, 23 янв.; къ Бубна, 25 янв. 1813 г. См. дальше, стр. 41, инструкціи Вессенбергу, 13 февр. 1813 г.

Францъ подчеркнул сообщенія своего министра великолѣпнымъ письмомъ «своему доброму брату и зятю» ¹⁾.

Въ это время полученъ докладъ Шварценберга, командующаго вспомогательнымъ корпусомъ. Онъ помѣченъ 8 января и доноситъ о предложеніяхъ Анштетта, посланнаго Александра: о великомъ желаніи царя и всей русской арміи воспользоваться представляющимся случаемъ, чтобы возобновить сношенія; о томъ, «что все готово, чтобы вернуть Австріи обладаніе уступленными ею провинціями»; что Россія стремится лишь возстановить равновѣсіе въ Европѣ; «что возстановленіе Польши не можетъ никогда входить въ ея цѣли, такъ же, какъ и перемѣна царствующей династіи во Франціи; что эти торжественныя увѣренія должны чрезвычайно облегчить соглашеніе»; въ заключеніе, Анштеттъ предлагаетъ перемиріе на три мѣсяца, имѣя, говоритъ онъ, полномочіе отъ фельдмаршала Кутузова подписать его. Шварценбергъ относится къ этому очень благосклонно: перемиріе сохранить его корпусъ невредимымъ и, кромѣ того, остановить движеніе русскихъ впередъ, въ герцогство Варшавское, къ прежнимъ границамъ Австріи въ 1809 г.

Этимъ упреждалась желанія императора Франца. Онъ отвѣтилъ Шварценбергу 24 января: «Если вы вынуждены будете придти къ соглашенію о приостановкѣ враждебныхъ дѣйствій, не упускайте изъ виду, что очень важно, по возможности, прикрыть территорію Варшавскаго герцогства». Чѣмъ меньшую часть его займутъ русскіе, тѣмъ менѣе притязаній они будутъ въ правѣ на него предъявить, а такъ какъ русскіе говорили о возвращеніи Австріи ея потерянныхъ провинцій, политика требуетъ поймать русскихъ на словѣ и, съ этой же минуты, взять въ залогъ тѣ территоріи, которыя Австрія потребуетъ послѣ.

Перемиріе было подписано 30 января, въ Зейкѣ: «Въ виду суроваго времени года и другихъ обстоятельствъ одинаково неотложныхъ...» Срокъ былъ неограниченъ, и приложенъ планъ условныхъ движеній ²⁾. Съ этихъ поръ Шварценбергъ методично отступаетъ передъ русскими. Австрія могла теперь опять располагать своимъ вспомогательнымъ корпусомъ и вернула «подвижность» своей политики. Зейкѣ представляетъ собою—на протяженіи одного мѣсяца—pendant и добавленіе къ Таурогену.

Графъ Штапельбергъ, бывший русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ до разрыва, жилъ въ Грацѣ и не прерывалъ сношеній съ Меттернихомъ; министръ пригласилъ его къ себѣ и затронулъ тему о процедурѣ вмѣшательства. Чтобы Отто не заподозрилъ ничего, онъ поспѣшилъ довѣ-

¹⁾ 23 и 24 янв. 1813 г.

²⁾ Текстъ у *Мартенса*, т. III, стр. 89.

рится ему и объявил о посылкѣ Лебцельтерна къ Александру ¹⁾ Инициативу переговоровъ онъ приписалъ Штакельбергу: этотъ русскій пріѣхалъ совершенно воспламененный побѣдой; Меттернихъ вернулъ его на землю: «Послушайте, дорогой Штакельбергъ, вы похожи на человѣка, который увидѣлъ свѣтъ въ первый разъ, онъ васъ ослѣпляетъ. Мы видимъ яснѣе». «Этотъ первый постунокъ Россіи—большой шагъ», говоритъ онъ Отто. Разсчитывайте на насъ; мы не упустимъ ничего. рѣшительно ничего... Императоръ повелѣлъ мобилизовать сто тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ и вспомогательный корпусъ» ²⁾. Намекъ, разсчитанный на то, чтобъ успокоить Наполеона по поводу вооруженія и, въ то же время, получить его согласіе на слитіе вспомогательнаго корпуса съ главной частью австрійской арміи. Чтобъ подготовить Наполеона къ еще болѣе значительному вооруженію и добиться уничтоженія ограничительнаго трактата 1809 г., онъ прибавилъ: «До сихъ поръ эта война не австрійская. Если она станеть таковой въ будущемъ, мы нападѣмъ на русскихъ не съ 30 тысячами человѣкъ, но со всеми силами монархій». И чтобъ лучше усыпить подозрѣнія Наполеона, онъ объявилъ о цѣлой сѣти предательствъ агентовъ Александра и поляковъ, «этой нации, которая только и дышетъ коварствомъ и интригами, которая стала польской только съ того момента, когда перестала ею быть, которая по виду ласкаетъ Францію, а при приближеніи опасности кланется въ вѣрности и въ любви Россіи». Это было приглашеніе Наполеону самому раздѣлить герцогство Варшавское, возвратитъ изъ него Австріи куски, принадлежавшіе ей, остальные отдать Пруссіи, безъ всякихъ угрызеній со всѣми относительно поляковъ, и такимъ образомъ создать для себя защиту отъ Россіи ³⁾.

Послѣ этого, онъ отправилъ посредниковъ съ инструкціями о посредничествѣ. Въ Берлинѣ Зичи успокоить пруссаковъ относительно измѣны, которую имъ посовѣтуетъ. Для обоихъ монарховъ условія не одни и тѣ же, скажетъ онъ, «но интересы ихъ одинаковы. Эти интересы вѣчны; они представляются императору такими очевидными, что перемена политики не можетъ ихъ уничтожить или даже причинить имъ ущербъ». Францъ написалъ то же собственноручно Фридриху-Вильгельму ⁴⁾. Леб-

¹⁾ Доклады Штакельберга, 26 янв.; Отто, 26 янв. 1813 г.

²⁾ Докладъ Отто, 13 февр. 1813 г.

³⁾ Меттернихъ къ Бубна, 6 февр. 1813 г. *Эриуфъ*, Марз, гл. VIII. и *Вильсонъ*, т. XI, стр. 503; *Воспоминанія дипломата*. См. выше докладъ Отто, 18 янв. 1813 г., стр. 38.

⁴⁾ Меттернихъ къ Зичи, 30 янв.; императоръ къ королю прусскому, 28 янв. 1813 г.

цельтернъ поѣхалъ навстрѣчу Александру съ письмомъ отъ австрійскаго императора, а Вессенбергъ уѣхалъ въ Лондонъ ¹⁾.

Эти двѣ инструкціи бросаютъ косвенный, но яркій свѣтъ на планы Меттерниха. Онъ мудритъ надъ оттѣнками: вмѣшательство и посредничество. «Какъ держава-посредница, мы должны были бы диктовать условія мира». Они теперь еще въ стадіи вмѣшательства, но «сами воюющія державы должны чувствовать всю выгоду отъ доставленія намъ возможности расширить наше положеніе державы, берущей на себя только вмѣшательство, и стать державой-посредницей». Онъ идетъ еще дальше: «Какъ только Наполеонъ начинаетъ бояться, что мы измѣнимъ наше настоящее положеніе вмѣшательства на вооруженное *посредничество*, естественной выгодой для противника будетъ принять наше вмѣшательство, чтобъ дать намъ перейти въ роль посредника, отъ которой императоръ не думаетъ отказываться въ будущемъ». Что касается *базисовъ* мира, «дѣло теперь идетъ не столько о *подробныхъ* базисахъ будущаго мира, какъ о *первыхъ* и *общихъ*, на которыхъ могли бы опереться переговоры... Будетъ поставленъ вопросъ о мѣстѣ собранія. Намъ кажется всего удобнѣе Прага». Иначе говоря, слѣдую тактикѣ 1805 г. ²⁾, сначала предъявятъ общія предложенія, еще довольно неясныя, которыя будутъ минимумомъ того, что потребуютъ послѣ; они послужатъ приманкой для переговоровъ, и, разъ переговоры начались на этой предварительной и лживой базѣ, ее снова поправятъ, расширятъ и разовьютъ, смотря по обстоятельствамъ и случайностямъ войны. Никогда, даже въ этотъ первый періодъ, даже во время этихъ первыхъ переговоровъ не было рѣчи о составленіи неизмѣнныхъ условій мира, о томъ, чтобъ принять или отказать простыми—да или нѣтъ, чтобъ подписать миръ въ 24 часа; совсѣмъ наоборотъ, и такъ слѣдуетъ впредь понимать предложенія союзниковъ, если желаешь проникнуть въ ихъ политику, отдѣлить въ ней ложную цѣль отъ настоящей.

Меттернихъ самъ комментировалъ эти инструкціи въ разговорахъ съ графомъ Гарденбергомъ, ганноверцемъ. Онъ сказалъ ему и повторилъ Гумбольдту, что, «какъ только игра хорошенько завяжется»,—если Россія съ 200000 чел. появится на Одерѣ, если Пруссія объявитъ свои намѣренія, если Швеція высадитъ 30,000, а Данія останется нейтральной—тогда и Австрія объявитъ свой нейтралитетъ; въ ожиданіи этого она сформируетъ армію въ сто тысячъ наличнаго состава и въ 150000 съ запасомъ, «о назначенія которой Франція, несмотря на завѣренія Австріи, всегда сохранитъ

¹⁾ Инструкція Лебцельтерна; Францъ II къ Александру, 8 февр. 1813 г. Инструкція Вессенберга, 8 февр. 1813 г. *Арнетъ*, Вессенбергъ.

²⁾ См. т. VI, стр. 342.

сомнѣнія, между тѣмъ какъ съ этой минуты онъ представитъ самыя положительныя гарантіи Россіи и Пруссіи, что эти силы никогда не будутъ дѣйствовать противъ нихъ; наконецъ, сговорившись тѣмъ временемъ о базисахъ мира съ державами, воюющими съ Франціей, Австрія объявитъ себя противъ того, кто откажется отъ мира; эта угроза, предлагая, что съ Англійей, Россіей и Пруссіей придутъ къ соглашенію, могла относиться только къ Франціи»¹⁾.

Забываясь объ отдаленіи театра войны и о томъ, чтобы помѣшать «рейнскимъ союзникамъ» напасть на богатыя провинціи австрійскихъ государствъ, предвидя въ то же время, что въ подходящій моментъ эти государства охотно перемѣнятъ составъ союза, Меттернихъ совѣтовалъ главнымъ изъ нихъ помедлить, затянуть вооруженіе, короче, тянуть свою измѣну. Онъ втягиваетъ въ сѣти вмѣшательства короля Саксоніи, честнаго и ограниченнаго²⁾. «Если король, пишетъ онъ Биндеру, въ Штуттгартѣ, поспѣшитъ поставить свои силы въ такое положеніе, что ими можно будетъ располагать, онъ только увеличитъ этимъ шансы жертвъ для своего собственнаго государства и для продолженія войны». Проѣзжая черезъ Мюнхенъ, австрійскій посланникъ во Франціи держалъ подобныя же рѣчи. Онъ открылся въ разговорѣ съ Мери Аржанто, посланникомъ Наполеона, домашнимъ министромъ, дипломатомъ, котораго въ Вѣнѣ могли считать столько же австрійцемъ, какъ и французомъ: «Развѣ Франція не достаточно сильна въ своихъ рейнскихъ предѣлахъ, чтобъ имѣть надобность въ другихъ правахъ для вліянія въ Германіи?». Онъ говорилъ объ отозваніи войскъ изъ ганзейскихъ городовъ и Иллиріи. «Настоящее положеніе вещей не можетъ продолжаться, нужны жертвы со стороны императора Наполеона»³⁾. Измѣна Австріи, фактически рѣшенная, была уже только дипломатической тайной; измѣна Пруссіи должна была вскорѣ стать явной.

VII.

Русскіе вступили въ восточную Пруссію. Кутузовъ обнародовалъ прокламацію, продиктованную царемъ: «Провидѣніе благословило усилія императора, моего государя. Независимость и миръ послѣдуютъ за этимъ. Его величество предлагаетъ свою помощь всѣмъ народамъ, которые, увлеченные теперь противъ него, покинутъ дѣло Наполеона и будутъ преслѣдовать лишь свои истинные интересы. Въ особенности къ Пруссіи относится это приглашеніе. Достославно будетъ для его величества импе-

¹⁾ Гарденбергъ къ Мюнстеру, въ Лондонѣ, 7 февр. 1813 г., по французски.

²⁾ *Андре Боннефонъ*, Союзникъ Наполеона.

³⁾ Меттернихъ къ Биндеру, 18 февр. 1813. *Виндонъ*, т. XI, стр. 433.

ратора прекратить страданія, ея испытываемыя, способствовать возвращенію монархіи Фридриха ея блеска и размѣровъ и имѣть возможность дать королю Пруссіи доказательство дружбы, которую императоръ никогда не переставалъ къ нему сохранять». Это императорское воззваніе, противоположное знаменитому манифесту конвента въ ноябрѣ 1792 г.¹⁾, было, въ восточной Пруссіи, сигналомъ къ настоящей революціи²⁾. Населеніе привѣтствуетъ русскихъ радостными кликами и хватается за оружіе. Торкъ, хотя еще порицаемый официально и находящійся подъ угрозой преслѣдованія, остается главнокомандующимъ и становится во главѣ движенія. Штейнъ пріѣзжаетъ 23 января, располагаясь съ полномочіями какъ комиссаръ Александра и дѣйствуетъ какъ диктаторъ общественнаго блага. Онъ сзываетъ сеймы провинцій, которые вызовутъ всеобщее возстаніе. Воззванія Штейна, его сигналы, его примѣры относятся ко всей Германіи. Онъ снимаетъ блокаду, налагаетъ контрибуціи, заключаетъ заемъ, принудительно поднимаетъ курсъ русскихъ бумажекъ. Несмотря на сопротивленіе утраченныхъ чиновниковъ и на отпѣну его приказаній изъ Берлина, онъ приводитъ всю страну въ волненіе. Въ двѣ недѣли онъ больше сдѣлалъ для преобразования государства, для возрожденія прусской націи, чѣмъ за цѣлый годъ своего министерства. Все вооруженіе народа, вся организація ландвера и земскаго ополченія (ландштурма), которыя правительство потомъ взяло на себя, начались съ его диктатуры. Король декретировалъ, спустя нѣсколько недѣль, уже совершившійся фактъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ склонялся къ тому, чтобы поступить такъ, какъ ему внушаетъ Меттернихъ—удалиться въ Бреславль, въ свою вѣрную Силезію, собрать сколько можно будетъ войска и явить тамъ хотя призракъ власти. Гарденбергъ устроилъ отъѣздъ въ величайшей тайнѣ, какъ побѣгъ. Въ ночь съ 19 на 20 января Натцмеръ вернулся изъ главной русской квартиры: онъ видѣлъ Александра 12-го числа; онъ привезъ самыя горячія настоянія войти въ союзъ съ Россіей, подтвержденіе обѣщаній, уже сдѣланныхъ Ливеномъ и повторенныхъ Бойеномъ, возстановить Пруссію, а кромѣ того, и совѣтъ избавиться отъ опасности, грозившей въ Берлинѣ, вернуть независимость короны. Такой же совѣтъ прихо-

¹⁾ См. т. III, стр. 130.

²⁾ См. т. VII, кн. I, гл. 3, § 4; кн. II, гл. 2, § 4: революція въ Пруссіи.— Вся эта часть была замѣчательно изучена и представлена *Кавеньякомъ*, т. II, гл. VIII: причины возстанія въ восточной Пруссіи; полномочіе, данное русскими Штейну; гл. IX: генеральные штаты Кенигсберга; гл. X: ландверъ восточныхъ провинцій; гл. XII: сравненіе между прусской организаціей въ 1813 г., волонтерами и массовымъ ополченіемъ во время французской революціи.

дить изъ Вѣны 21-го, вмѣстѣ съ докладомъ Кнзебека: Австрія не обѣщала ничего, по одобрила измѣну и союзъ съ Россіей. Но Фридрихъ-Вильгельмъ еще колебался. Гарденбергъ убѣдилъ его, увлекъ такъ сказать, только увѣривъ, что Ожеро собирается осадить Потсдамъ и арестовать его. Онъ уѣхалъ 22-го утромъ. «Небольшой обѣдъ у меня», пишетъ Гарденбергъ въ своемъ дневникѣ. «Маршалы Ожеро, Нея, Деса, Себастиани, Сентъ-Марсанъ. Я объявилъ объ отъѣздѣ короля, который совершился утромъ, вмѣстѣ съ войсками, минуя Берлинъ. Предлогъ отъѣзда: образованіе новой арміи для пополненія контингента». Фридрихъ-Вильгельмъ пріѣхалъ въ Бреславль 25 янв. Скоро туда стеклись войска, затѣмъ съѣхались правительство, Гарденбергъ и, немного погодя, Шарнгорстъ. 28-го король получилъ письма отъ Круземарка, сообщающія объ аудіенціи у Наполеона, 15 янв. Императоръ дѣлалъ видъ, что довѣряетъ честности короля, онъ намекалъ, что могъ бы уничтожить нѣкоторыя тильзитскія статьи, слишкомъ суровыя для Пруссіи; онъ даже давалъ мелькомъ понять, какъ это будетъ выгодно, и старался обострить ревность и разжечь беспокойство, которыми, онъ зналъ, существуютъ въ Пруссіи по отношенію къ Россіи: «Что касается герцогства Варшавскаго, мнѣ безразлично, сохранится ли оно въ томъ видѣ, какъ теперь, перейдетъ ли оно къ Австріи, или къ Пруссіи; но къ Россіи—никогда!»

Въ тотъ же день пришло два письма отъ Александра, одно отъ 6-го, другое отъ 21 янв. ¹⁾ Это были настоящіе изліянія великодушія. «Согласно моему религіи и моимъ убѣжденіямъ, я люблю платить добромъ за зло и не буду доволенъ, пока Пруссія не вернетъ весь свой блескъ и могущество. Чтобы добиться этого, я предлагаю свои услуги вашему величеству и готовъ не складывать оружія до достиженія этой великой цѣли. Но нужно, чтобы, Вы, ваше величество, съ своей стороны, искренно присоединились ко мнѣ. Никогда рѣшеніе не было такъ важно, какъ то, которое вы примете теперь. Оно можетъ спасти или погубить Европу навсегда». Александръ очень ловко записывалъ въ заслугу короля поступокъ Горка: «Надѣюсь, что генералъ Горкъ поступилъ въ духѣ намѣреній вашего величества. Я не могу достаточно выразить удовольствіе, которое испытываю при мысли, что наши войска не должны болѣе сражаться съ вашими». Онъ ослаблялъ характеръ диктатуры Штейна; русскій комиссаріатъ превращался какъ бы въ доерочную делегацію короля: «Я одѣлъ своей полной властью русскаго сановника, но одного изъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ вашего величества, барона Штейна. Я надѣюсь, что этимъ я

¹⁾ Байле, стр. 240—242.

далъ доказательство Вашему Величеству, насколько сохраненіе владѣній для ихъ законнаго властелина лежитъ близко моему сердцу».

Наполеонъ, ожесточенный врагъ, требуетъ поступковъ, которые были бы дѣйствительной измѣной короля своему дѣлу, своимъ подданнымъ и коронѣ, и за все это обѣщаетъ, очень неопредѣленно, нѣсколько кусковъ герцогства Варшавскаго, изъ котораго еще нужно будетъ сначала вытѣснить русскихъ. Александръ, другъ сердца, вѣчно оплакиваемый и всегда желанный, требуетъ только измѣны насильственному союзу, расторженія брака ничего не значащаго ни по существу, ни по цѣли; онъ форменно обѣщаетъ возвысить блескъ и достоинство Пруссіи, — и вмѣстѣ съ Александромъ говорить вся прусская нація. Фридрихъ-Вильгельмъ чувствовалъ себя увлеченнымъ помимо воли. Но, какъ бы пятясь, вступалъ онъ въ свою собственную исторію. Его мучили воспоминанія 1805, 1806 и 1807 гг.: онъ сомнѣвался въ своемъ союзникѣ, въ своемъ народѣ, въ себѣ самомъ. Россія тянетъ его въ бездну! Энтузіазмъ народа несетъ его къ революціи! Прежде чѣмъ дѣйствовать, прежде даже чѣмъ говорить, онъ хотѣлъ бы быть увѣреннымъ, что ему удастся собрать войска достаточно быстро и тайно, чтобы корпусъ Ожеро и Нея, чтобы ужасный Даву не застали его за этимъ дѣломъ и не уничтожили его монархію прежде, нежели Александръ успѣетъ спасти ее. По личнымъ вкусамъ, по привычкѣ и по необходимости ему нужно было продолжать притворство, и въ этой крайности онъ снова оказался такимъ же перѣбительнымъ, такимъ же двуличнымъ и такъ же медленно и плохо соображалъ, какъ и въ 1805—1806 гг. Онъ рассчиталъ, что большая русская армія, 100,000 чел., не соберется при устьѣ Вислы раньше конца февраля, да и тогда еще ей нужно будетъ время, чтобы оправиться. Пруссія будетъ готова только въ мартѣ. До тѣхъ поръ нужно хитрить съ Наполеономъ, вооружаться подъ предлогомъ остановить русскихъ; затѣмъ, потребовать возвращенія крѣпостей въ Силезіи и, если Наполеонъ откажется ихъ очистить, воспользоваться этимъ какъ предлогомъ, чтобы порвать съ нимъ, когда будешь въ силахъ: наконецъ, если Наполеонъ проникнетъ въ этотъ планъ, добиться, чтобы русскіе поспѣшили явиться всею массою на помощь ¹⁾.

Но наклонъ былъ крутъ, толчокъ непреодолимъ, и мы увидимъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ былъ увлеченъ къ обратному завоеванію своего королевства совершенно такъ, какъ онъ былъ увлеченъ къ его уtratѣ въ 1806 г. Это—второй Людовикъ XVI, идущій, самъ не зная того, къ

¹⁾ Король къ Гарденбергу, 26 февр. 1813 г. *Дункеръ*.

Вальми, къ Жемапу, но на этотъ разъ за монархію. Его народъ идетъ впереди, онъ слѣдуетъ за нимъ.

Мѣры слѣдуютъ за мѣрами; сначала робкія, неувѣренныя, затѣмъ все болѣе и болѣе значительныя, послѣдовательныя, потому что связываетъ ихъ нѣкая таинственная сила, заставляющая короля издавать декреты, посылать депеши, подписывать трактаты нерѣшительной рукой. 28 января, онъ создаетъ *Комитетъ* арміи, составленный изъ Гарденберга, Гака и Шаригорста, возвращеніе котораго составляетъ цѣлое событіе. 29-го онъ велитъ объявить Александру черезъ графа Бранденбурга, что онъ готовъ отвѣтить на предложеніе и пришлетъ къ нему уполномоченнаго. Это будетъ Кнезебекъ, вызванный спѣшно изъ Вѣны. Онъ пріѣзжаетъ въ Берлинъ 3 февраля, и въ тотъ же день король подписываетъ приказъ о созданіи корпуса волонтеровъ, что было въ сущности призывомъ народа къ оружію. А между тѣмъ, 4-го, Гарденбергъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Король еще не знаетъ хорошенько, чего онъ хочетъ». Ясно, что Фридрихъ-Вильгельмъ, какъ всѣ его дипломаты и всѣ его дворяне, испуганъ, сбитъ съ толку наступающимъ приливомъ, народнымъ наводненіемъ; требованіе политической свободы уже недалеко отъ провозглашенія національной независимости¹⁾.

Наконецъ, онъ съ недоумѣніемъ размышляетъ объ обѣщаніяхъ Александра. Возстановленіе Пруссіи! Но гдѣ, какъ? Сейчасъ, вернувъ ей Варшаву и Познань, или въ будущихъ доляхъ добычи войны, въ ущербъ германскимъ братьямъ и въ какихъ-то завоеванныхъ территоріяхъ?²⁾ Ограбить одного изъ королей во имя права войны—этимъ никогда не стѣснялись прусскіе короли; развѣ саксонскій король колебался обогатить себя, обобравъ Пруссію? Но, хотя Фридрихъ-Вильгельмъ не стѣняется въ дѣйствіяхъ, онъ все же сомнѣвается въ удачѣ. Король Саксоніи продолжаетъ сидѣть на своемъ тронѣ, Наполеонъ ему покровительствуетъ: если это королевство пріятно забрать, то его очень трудно завоевать. Напротивъ, Варшавой и Познанью можно свободно распоряжаться, онъ подъ рукой.

8-го февраля Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ рѣшеніе, и инструкции Кнезебеку даны вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ къ царю. Это письмо, вялое и холодное, канцелярское письмо, черновая котораго набросана Гарденбергомъ, написано не отъ пылкаго, довѣрчиваго сердца; оно выдаетъ человѣка дѣла, который договаривается о контрактѣ, готовъ торговаться о цѣнѣ и спорить о срокѣ. Въ ту минуту, когда надо сдѣлать

¹⁾ См. доклады Зичи; *Онкель*, т. II, стр. 578—584. О. und Pr., т. II, стр. 240.—*Кавеньякъ*, т. II, стр. 354—355.

²⁾ Виды Пруссіи на Саксонію, 1807 г., т. VII, кн. I, гл. 3, § 1. См. выше, стр. 11.

прыжокъ, король Пруссіи начинаетъ пятиться. Онъ не отдастся иначе, какъ съ вознагражденіемъ въ карманѣ, планомъ кампаніи подъ рукой и ста тысячами русскихъ около него. Только въ этихъ знаменіяхъ онъ признаетъ руку Провидѣнія и подпишетъ трактатъ; тогда онъ дастъ волю своему сердцу, отдастся чувству благодарности и, съ глазами полными слезъ, откроетъ объятія своему другу!

Проектъ трактата, переданный Кнезебеку, состоялъ въ слѣдующемъ:

Такъ какъ независимость Пруссіи только можетъ быть обезпечена возвращеніемъ ей силы, которую она имѣла до войны 1806 г., и увеличеніемъ, если возможно, этой силы пріобрѣтеніями на сѣверѣ Германіи... его величество императоръ всея Россіи обязуется не складывать оружія безъ согласія его величества короля прусскаго по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ вышесказанному величеству всѣ страны и провинціи, которыми оно владѣло до войны 1806 г., или равнозначіа имъ, исключая владѣнія, принадлежащія Ганноверскому дому. Это возвращеніе должно распространиться, въ особенноти, на ту часть герцогства Варшавскаго, которая принадлежала Пруссіи...

Пруссія выставитъ 80,000 чел., Россія—150,000, которые обяжутся собрать на Одерѣ и двинуть къ Эльбѣ до 15 апрѣля. Эти требованія противорѣчили желаніямъ Александра и предписывали ему въ военномъ отношеніи мѣсто сраженія; потомъ къ нимъ прибавятся еще затрудненія, вытекающія изъ самаго характера договаривающагося, одного изъ тѣхъ пруссаковъ, говорилъ Штейнъ Александру, «поступки котораго болѣе скрыты, но не менѣе вѣроломны», чѣмъ поступки явныхъ противниковъ Россіи въ Берлинѣ; «умъ фальшивый, систематичный», и явно плутоватый.

Въ «цанѣ» короля входило не высказываться явнѣе до полученія отвѣта отъ русскихъ; но народъ перегналъ его: добровольныя поступленія къ солдатамъ, пожертвованія деньгами—все прибывало, сопровождаемое патетическими сценами прощанія и благословенія, пѣснями, вдохновенными патриотизмомъ. Возникнувъ изъ національнаго порыва, всеобщая обязательная воинская повинность вошла въ законы прусской монархіи. Въ то же время, 12 февраля 1813 г., Горкъ былъ публично прощенъ, и ему возвращено командованіе, котораго, впрочемъ, онъ и не оставлялъ.

Изъ столькихъ бурныхъ, произносившихся во всеуслышаніе клятвъ—изгнать и истребить французовъ Сень-Марсанъ, пріѣхавшій 29 янв. въ Бреславль, запомнилъ только клятву канцлера: «Баронъ Гарденбергъ клялся мнѣ двадцать разъ сегодня, что система не измѣнилась, что никакихъ прямыхъ предложеній не было сдѣлано Россіи... что поступки короля доказываютъ его лояльность»¹⁾.

¹⁾ Докладъ 15 февраля 1813 г.

Поэтому Гарденбергъ предлагалъ добиться перемирія между Франціей и Россіей съ тѣмъ, чтобы французы отступили за Эльбу; онъ требовалъ предоставить пруссакамъ самимъ защищать силезскія крѣпости, занятія Франціей, требовалъ Данцига, наконецъ, скидки недоплатенныхъ 45 милліоновъ военной контрибуціи. Наполеонъ обезпечилъ бы такимъ образомъ Пруссію свободу вооруженія, заплатилъ субсидіи и очистилъ, наконецъ, дороги до Эльбы, гдѣ, какъ мы видѣли, Фридрихъ-Вильгельмъ предполагалъ 15-го апрѣля напасть на французовъ и уничтожить ихъ. Въ такомъ смыслѣ была послана инструкція Гатцфельду, и Сень-Марсану сообщили объ этомъ. Онъ все еще продолжалъ вѣрить и приписывалъ движенія пруссаковъ безпокойству, вызванному отказомъ Наполеона признать нейтралитетъ Пруссіи и «недовѣріемъ, которое мы имъ оказываемъ» ¹⁾.

Между тѣмъ Кнезебекъ пріѣхалъ въ главную квартиру русскихъ, въ Кладову, и нашелъ тамъ совершенно другое настроеніе, чѣмъ ожидалъ. Получивъ отъ Штейна свѣдѣнія относительно «полу-желаній» короля и нежеланія его совѣтниковъ, Александръ вернулся къ тѣмъ взглядамъ, которые въ 1805 г. ему внушалъ Чарторыйскій: принудить короля Пруссіи къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ вторженіемъ въ его владѣнія и возмущеніемъ его народа; оставить, затѣмъ, за собой возможность, смотря по обстоятельствамъ и собственнымъ склонностямъ, возстановить этого короля во всемъ его могуществѣ и блескѣ. «Дружба, довѣріе, настойчивость и смѣлость—остальное свершитъ Провидѣніе» ²⁾. Но Россія не будетъ ничего обѣщать и менѣе чѣмъ что либо другое—герцогство Варшавское. Онъ тѣмъ болѣе спокоенъ, что народъ прусскій инстинктивно помогаетъ ему, работаетъ на него, ничего не понимая въ колебаніяхъ короля, въ тонкостяхъ Гарденберга.

Александръ принялъ Кнезебека 15-го февраля и отнесся очень дурно къ осторожности Фридриха-Вильгельма, къ тому, что онъ медлитъ порвать съ Наполеономъ, шадить человѣка, принесшаго его въ жертву, и торгуется со своимъ спасителемъ.—«Никакихъ трактатовъ не нужно, сказалъ онъ, Пруссія должна порвать немедленно» ³⁾. Пруссія должна быть возстановлена, онъ этого желаетъ, и выполненіе желанія будетъ результатомъ войны. Онъ предлагаетъ присоединеніе Саксоніи въ вознагражденіе за герцогство Варшавское. «Необходимо, продолжаетъ онъ, чтобы Пруссія была увеличена».—Но, замѣтилъ Кнезебекъ, подобный способъ дѣйствія будетъ немного французскимъ, завоевательнымъ». Александръ отвѣ-

¹⁾ Къ принцу Евгению, 18 февр. 1813 г.

²⁾ Письмо Александра къ королю, 24 февр. 1813 г.

³⁾ Докладъ Кнезебека, 18 февр. 1813 г. *Опкенъ*, O. und Pr. т. I.

тилъ: «Поведеніе Саксоніи не позволяетъ другого съ ней обращенія, какъ съ завоеванной страдой». Онъ прибавляетъ: «Короля Саксоніи вознаграждать чѣмъ нибудь въ Германіи, въ Италіи...»

Кнезебекъ изложилъ свой проектъ трактата. «Можно было подумать, пишетъ одинъ русскій, что Пруссія освободила Россію отъ ига Наполеона!» Нессельроде отвѣтилъ 21-го контръ-проектомъ, ставившимъ вещи на подобающее имъ мѣсто:

Такъ какъ всеобщая безопасность и независимость Пруссіи могутъ быть твердо установлены лишь при возвращеніи ей *дѣйствительной силы*, которою она пользовалась до войны 1806 г., Его Величество, Императоръ всея Россіи, обязуется не складывать оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссія не будетъ возстановлена въ своемъ *статистическомъ, географическомъ и финансовомъ* объемѣ, согласно тому, какою она была до вышеупомянутой эпохи... Между различными провинціями, которыя вернутся подъ ея власть, будетъ сохранена соразмѣрность и округленіе, необходимое для составленія цѣлаго независимаго государства.

Въ частности, къ старой Пруссіи была-бы присоединена территорія, которая связала-бы во всѣхъ отношеніяхъ эту провинцію съ Силезіей. Россія настойчиво исключала владѣнія Ганноверскаго дома изъ этого возстановленія. Въ остальномъ она не обѣщала и не запрещала ничего: герцогство Варшавское оставалось ея завоеваніемъ; дѣло Пруссіи помочь себѣ и способствовать всѣми силами своего оружія собственному возстановленію. Тѣмъ не менѣе, послѣ положительнаго условія относительно части герцогства Варшавскаго для соединенія старой Пруссіи съ Силезіей, становилось очевиднымъ, что Россія оставляла себѣ большую его часть.

Кнезебекъ отказался подписать, и Александръ, выведенный изъ терпѣнія, «бросилъ его» ¹⁾. Онъ посылаетъ Анштетта въ Бреславль, чтобы сразу покончить переговоры, и пишетъ 24 февраля своей рукой Фридриху-Вильгельму: «Мнѣ невозможно скрыть отъ вашего величества тягостное впечатлѣніе, которое произвело на меня сообщеніе г. Кнезебека объ инструкціяхъ, данныхъ недавно генералу Круземарку въ Парижѣ... Какъ только врагъ былъ уничтоженъ, я, забывая все прошлое, поспѣшилъ къ вамъ на встрѣчу, такъ какъ въ глубинѣ души своей я всегда питалъ мысль о возстановленіи, даже объ увеличеніи Пруссіи. Время пришло осуществить ее. Надо имъ воспользоваться».

Онъ поручаетъ это письмо Штейну, котораго вызвалъ изъ Кенигсберга: «Это, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ вашего величества. Виродолженіе приблизительно года, какъ онъ былъ со мной, я узналъ его и научился еще болѣе уважать. Онъ знаетъ всѣ мои намѣренія и

¹⁾ Александръ Румянцеву; *Мартенсъ*, т. VII, стр. 73.

желанія относительно Германіи и можетъ вамъ дать точный отчетъ о нихъ...» Волей или неволей, но необходимо, чтобы прусская армія изъ союзницы Наполеона противъ Россіи стала союзницей русскихъ противъ Наполеона; чтобы Пруссія подчинилась условіямъ своего освободителя, какъ подчинялась условіямъ своего покорителя; чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ понялъ роль, которую Александръ готовилъ для него — роль намѣстника Россіи въ Германіи, и вмѣстѣ со своимъ указомъ Александръ шлетъ къ нему посла по своему выбору, пользующагося его довѣріемъ, этого Штейна, удаленнаго когда-то, предоставленнаго безъ сожалѣнія мести Наполеона, Штейна, который только что революціонировалъ старую Пруссію, у котораго можетъ явиться желаніе владѣть надъ королемъ, и одинъ видъ котораго обнажить самую жгучую изъ старыхъ ранъ, рану самолюбія, обидчивость. «Ясно, говорилъ король 21-го Гарденбергу, что насъ хотятъ во что бы то ни стало увлечь и поставить въ неловкое положеніе».

Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ уже долѣе обманывать французовъ и подвигать впередъ вооруженіе, не будучи увѣреннымъ въ Россіи. Наполеонъ своимъ показнымъ поведеніемъ настраивалъ противъ себя и своимъ упорствомъ въ занятіи Пруссіи и ея крѣпостей давалъ достаточный предлогъ для письменнаго объявленія разрыва ¹⁾. Когда, наконецъ, рѣшеніе было принято или, скорѣе, вынуждено, истерпѣніе смѣнило разсчитанную медлительность. Гарденбергъ посылаетъ курьера къ Кнезебеку 23-го, торопя его кончить, и прибавляетъ: «Трактаты съ Англіей и Швеціей, списанные съ русскаго трактата, готовы». Но дни проходятъ безъ извѣстій, въ жестокомъ безпокойствѣ. Только 25-го записка отъ Анштетта извѣщаетъ объ его приѣздѣ въ Бреславль. Онъ проситъ разговора съ Гарденбергомъ, чтобы сообщить ему о своемъ полномочіи, о контръ-проектѣ трактата и о письмѣ императора къ королю. Штейнъ долженъ былъ, по болѣзни, отказаться передать его лично.

Трактатъ составленъ не такъ, какъ бы желали пруссаки, но обстоятельства не позволяютъ медлить, общественное мнѣніе повелѣваетъ; они рѣшаются покончить безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Русскій текстъ, подписанный въ Бреславлѣ 27-го, отвезенъ 28-го Анштеттомъ въ Калишъ, гдѣ находилась главная квартира русскихъ. Анштетта сопровождалъ Шаригоретъ въ качествѣ военнаго уполномоченнаго. «Король, говоритъ царь Кнезебеку, имѣлъ болѣе довѣрія ко мнѣ; онъ подписалъ, не измѣнивъ ни одного слова». Волненіе не дало ему продолжать; потомъ онъ восклик-

¹⁾ Докладъ Гатцфельда объ аудіенціяхъ Наполеона, 5—14 февр. 1813 г. *Онкенъ*, и выше, стр. 45.

нулъ: «Это помощь, посланная мнѣ Провидѣніемъ. Но король можетъ быть увѣренъ, что я скорѣе умру, чѣмъ покину его».

Официальный актъ помѣченъ: Калишъ, 28 февр. 1813 г. и носитъ подписи Гарденберга и Кутузова ¹⁾. «Полное уничтоженіе непріятельскихъ силъ, проникшихъ въ самое сердце Россіи, приготовило великую эпоху независимости всѣхъ государствъ, которыя захотятъ ею воспользоваться, чтобы освободиться отъ ига Франціи, тяготѣвшаго надъ ними впродолженіе столькихъ лѣтъ... Когда онъ выводилъ свои побѣдоносныя войска за границу, первымъ чувствомъ его величества императора всея Россіи было присоединить къ великому дѣлу, столь явно покровительствуемому Провидѣніемъ, самыхъ старыхъ и самыхъ дорогихъ своихъ союзниковъ, дабы совершить съ ними вмѣстѣ судьбу, отъ которыхъ зависятъ и покой и счастье народовъ, изнуренныхъ послѣ столькихъ потрясеній и столькихъ жертвъ. Время придетъ, когда трактаты не будутъ болѣе временными актами, когда ихъ можно будетъ опять соблюдать съ той религіозной вѣрой, съ той священной неприкосновенностью, на которой держатся значеніе, сила и сохраненіе государствъ».

Это вступленіе составляетъ декларацію правъ Европы, согласно мнѣнію Россіи, и политическій манифестъ, который Александръ потомъ, впродолженіе многихъ лѣтъ заставлялъ признавать въ Европѣ. Онъ возбуждаетъ возвышенныя побужденія, которыя царь ставитъ себѣ цѣлью; онъ служитъ образцомъ новаго языка канцлерствъ и торжественно утверждаетъ парадоксъ, имѣвшій впослѣдствіи успѣхъ въ исторіи, что религіозная вѣра и ненарушимость трактатовъ освящаютъ возвратъ къ священнымъ принципамъ древняго права. Но вѣдь эти принципы никогда не брали верхъ въ прошедшемъ; это право было извѣстно только по высокопарнымъ возгласамъ публицистовъ и по нарушеніямъ его правителями ²⁾. За невозможностью дать народамъ гарантіи въ наступленіи обѣщаннаго имъ серебрянаго вѣка, приходится поневолѣ ссылаться на легенду о золотомъ вѣкѣ, котораго они никогда не переживали, но воображаемое воспоминаніе о которомъ даетъ нѣчто осязаемое всѣмъ иллюзіямъ надежды.

За симъ слѣдовали пункты не менѣе важные для реальной стороны дѣла, чѣмъ декларація для догмата. Они создаютъ начало или, вѣрнѣе, возобновеніе союза, который былъ заключенъ въ 1764 г., возобновенъ въ 1813, дліялся до 1878 г., управлялъ девятнадцатымъ вѣкомъ, организовалъ Германію на прусскій ладъ послѣ возстановленія ея на русскій. Со-

¹⁾ *Мартенсъ*, т. VII.

²⁾ См. т. I, стр. 7, 19, 29, 49, 50, 71.

юзъ оборонительный и наступательный, имѣющей первой, явной цѣлью «возсоздать» Пруссію и отнять у Франціи «какое бы то ни было вліяніе на сѣверѣ Германіи» (пунктъ 1-й); немедленное соединеніе обѣихъ армій для дальнѣйшихъ дѣйствій; *ни мира, ни перемирія иначе, какъ съ общаго согласія* (пунктъ 6-й); предложеніе Австріи какъ можно скорѣе вступить въ союзъ (пунктъ 7-й); затѣмъ шли тайные пункты, относящіеся къ переустройству Пруссіи и буквально воспроизводившіе русскій контръ-проектъ ¹⁾.

Александръ достигъ своей цѣли. Не связывая себѣ рукъ, онъ заручился помощью не только королевской прусской арміи, но и народнаго возстанія; и этотъ толчокъ всей Германіи сдѣлалъ его признаннымъ главою великой коалиціи народовъ, предводителемъ крестоваго похода за независимость. Онъ помѣщаетъ короля Пруссіи по лѣвую руку, собираетъ помѣстять австрійскаго императора по правую—для предполагаемыхъ торжественныхъ вѣздовъ въ освобожденныя столицы.

VIII.

Лебцельтернъ, пріѣхавшій въ главную квартиру русскихъ 5-го марта ²⁾, былъ принятъ царемъ 8-го вечеромъ. Ему даны инструкціи позондировать русскихъ, подъ прикрытіемъ разговора о вмѣшательствѣ, насчетъ союза и разузнать, что они хотятъ предложить. Александръ не далъ Лебцельтерну времени придумывать намеки. Онъ прямо приступилъ къ дѣлу и сказалъ ему ³⁾: «Неужели, окружая себя постоянно неопредѣленностью, вы хотѣли, чтобъ васъ разгадали или чтобъ бросились въ ваши объятія ранѣе, чѣмъ вы соблаговолите сообщить намъ хоть одну свою мысль? Вы хотите пользы для европейскаго дѣла? Пусть такъ; я, прежде всего, хочу, чтобъ Австрія вновь получила свое прежнее положеніе и все свои владѣнія; чтобы Пруссія вышла изъ этой борьбы независимою и съ нѣкоторой устойчивостью; чтобы Германія была освобождена отъ французскаго ига и стала свободной или, вѣрнѣе, по прежнему подчиненной верховной власти вашего монарха...—Вы желаете, государь, сказать Лебцельтернъ, чтобъ я передалъ ваши слова какъ базисъ, вами предполагаемый?—Скажите мнѣ, подъ величайшимъ секретомъ, годится ли онъ вамъ, продолжалъ Александръ; предложите мнѣ этотъ или другой, и, даю вамъ слово, я выдамъ его за свой, а вы сдѣлаете изъ него такое употребленіе, какое захотите». Потомъ онъ прибавилъ: «Вамъ нечего бояться, вся моя армія и армія короля будутъ дѣйствовать энергично: вступайте во вла-

¹⁾ См. выше, стр. 49.

²⁾ См. выше, стр. 40—41.

³⁾ Докладъ Лебцельтерна, 8 марта 1813 г. *Онкель*.

дѣніе Тиролямъ, Италией до Мантуи, какъ вамъ удобнѣе. Объявите, что хотите вступить во владѣніе лишь тѣмъ, что вамъ принадлежитъ, что вы не хотите воевать съ Франціей, что вы станете между державами, которыя захотятъ на нее напасть; мы будемъ вамъ способствовать во всемъ. Затѣмъ, заведите рѣчь объ общемъ конгрессѣ, и тогда, наконецъ, вы будете ставить условіе въ той формѣ, какую сами пожелаете. Если Англія выставитъ чрезмѣрные требованія, ну, тогда мы сговоримся: интересы континента прежде всего». Это было, какъ и въ переговорахъ съ Пруссіей, очень ловкое великодушіе. Если Австрія согласится, она окажется втянутой въ войну съ Наполеономъ и фактической союзницей Россіи и Пруссіи, потому что она предложитъ обѣимъ сторонамъ, Наполеону и Александру съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, какъ бы свои собственныя условія мира, а въ сущности составленныя по соглашенію съ Россіей и Пруссіей противъ Наполеона; тогда останется только открыто заявить о союзѣ. Лебцельтернъ понялъ это отлично, предложенія казались выгодными, и онъ поспѣшилъ передать ихъ въ Вѣну.

Александръ пріѣхалъ въ Бреславль 15 марта. 16-го Пруссія объявила войну Франціи. Александръ оставался у короля до 19-го. Это послужило поводомъ для овацій, объятій, парадовъ, съ обиліемъ клятвъ и энтузіазма. Между тѣмъ, главные штабы распредѣляли свои движенія. Гнейзенау пріѣхалъ изъ Лондона, возбужденный новымъ зрѣлищемъ своей родины, которое представилось ему при проѣздѣ. Штейнъ принялъ участіе въ совѣщаніяхъ: онъ держалъ рѣчь отъ лица Германіи передъ Пруссіей и Россіей; 19 марта онъ подписалъ съ Нессельроде соглашеніе, по которому оба монарха опредѣляли дѣйствія своихъ войскъ на тѣхъ территорияхъ, которыя они займутъ—Рейнскомъ союзѣ и странахъ, присоединенныхъ къ французской имперіи. Они объявляютъ, что ихъ цѣль—освобожденіе Германіи; они приглашаютъ къ тому же государей и народы. «Всякому изъ германскихъ государей, который не отзовется на это приглашеніе къ назначенному сроку, будетъ грозить потеря его владѣній». Крестовый походъ королей поступалъ такъ же, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ крестовый походъ революціи, и относился къ правамъ государей точно такъ же, какъ Конвентъ къ правамъ народовъ. «Нужно будетъ», сказалъ Камбонъ, предлагая декретъ 15 декабря 1792 г., «нужно будетъ объявить народамъ, которые пожелаютъ сохранить свои привилегированныя сословія: вы наши враги!—и поступить съ ними тогда, какъ съ врагами, такъ какъ они не хотятъ ни свободы, ни равенства» ¹⁾. Тогда народамъ позволялось быть свободными только по якобински; теперь госу-

¹⁾ См. т. III, стр. 178.

дарствамъ позволять быть независимыми только по-русски и по-пруски. Комитетъ, составленный изъ делегатовъ Пруссіи и Россіи, къ которымъ присоединятся делегаты другихъ союзныхъ государствъ, будетъ управлять занятыми странами, будетъ въ нихъ производить реквизиціи, организуеть въ нихъ армію, милицію, всенародное ополченіе. Изъ этихъ странъ составятъ пять большихъ секцій: 1-я—Саксонія, 2-я—Вестфалія, 3-я—герцогство Бергъ, 4-я—департаменты Липпе, 5-я—департаменты устьевъ Эльбы и Мекленбургъ ¹⁾).

Въ этихъ мѣрахъ видна мысль Штейна. Александръ объявлялъ отлученіе государей, которые не присоединятся къ коалиціи. Они будутъ виновны въ оскорбленіи національнаго величества, лишены владѣній, изгнаны изъ Европы. Что касается Саксоніи, первой подвергавшейся ударамъ, она не будетъ даже имѣть выбора. Король Саксоніи, герцогъ Варшавы, былъ однимъ изъ провокаторовъ войны; онъ будетъ ея первой жертвой ²⁾. Съ этихъ поръ Пруссія можетъ поступать съ этимъ государемъ какъ съ врагомъ, и съ его страной какъ съ завоеванной.

20-го марта явная часть Калишскаго трактата была обнародована, а 25-го послѣдовало воззваніе къ нѣмецкой націи, внушенное Штейномъ и составлявшее лишь горячій комментарий къ предисловію договора о союзѣ. Оно было, какъ бы въ пасмѣшку, подписано Кутузовымъ, пріѣхавшимъ въ Германію черезъ поверженную Польшу и говорившимъ отъ имени участниковъ трехъ раздѣловъ:

Ихъ величества, императоръ Россіи и король Пруссіи, пришли лишь помочь государствамъ и народамъ Германіи возвратитъ тѣ наследственные блага народовъ, которые у нихъ были отняты, но которые составляютъ ихъ неотъемлемое право: свободу и независимость. Честь и отечество! пусть каждый нѣмецъ, еще достойный этого имени, быстро и энергично присоединится къ намъ; пусть всякій, государь, дворянинъ или стоящій въ рядахъ народа помогаетъ своимъ имуществомъ, положеніемъ, тѣломъ и жизнью, сердцемъ и умомъ освободительнымъ намѣреніямъ Россіи и Пруссіи!

Рейнскій союзъ, эта лживая цѣпь, съ помощью которой духъ узурпации снова сковалъ расшатанную Германію, не можетъ быть болѣе терпимъ. Его величество, императоръ Россіи, симъ объявляетъ, какое отношеніе онъ желаетъ имѣть къ возрожденію Германіи и ея устройству. Чѣмъ болѣе основанія и принципы этого труда будутъ приоровлены къ древнему духу нѣмецкаго народа, тѣмъ съ большимъ блескомъ предстанетъ Германія, обновленная, сильная, единая, среди европейскихъ націй.

Никогда короли не говорили такимъ языкомъ. Никогда, до французской революціи, не обращались къ народамъ съ такими рѣчами, и, со времени этой революціи, никогда призывъ къ независимости не имѣлъ такого отголоска въ народной душѣ. Франція въ 1792 г. проповѣдывала

¹⁾ Дополнительныя условія, 4 апр. 1813. *Мартенсъ*, т. VII.

²⁾ Александръ къ Нессельроде. 23 марта 1813

войну и космополитическую революцію; Россія въ 1813 г. вызывала войну національную. Прокламація Кутузова должна была произвести въ Германіи и въ Италиі, гдѣ она имѣла также отголосокъ, безконечно больше дѣйствія, чѣмъ могъ произвести декретъ 19 ноября 1792 г. Разочарованіе, послѣдовавшее послѣ 1815 г. за жертвами народовъ и триумфами королей, было не менѣе глубоко, не менѣе болѣзненно, нежели обманутыя надежды завоеванныхъ и мятежныхъ народовъ послѣ перваго выступленія Республики въ 1792 г. и введенія республикъ въ «освобожденныхъ» странахъ.

Манифестъ не упоминалъ, впрочемъ, ни о Польшѣ, которая перестала существовать въ силу самого факта существованія освободителей; ни о Голландіи, во вниманіе къ англичанамъ, которые предназначили ей короля; ни объ Италиі, щадя отношенія Австріи. Онъ оканчивался слѣдующимъ заявленіемъ, предназначеннымъ для обольщенія французовъ или, по крайней мѣрѣ, для ихъ обезоруженія, подстрекая ихъ отдѣлнить свои интересы отъ интересовъ Наполеона:

Пусть Франція, прекрасная и сильная въ себѣ самой, займется въ будущемъ своимъ внутреннимъ благоденствіемъ. Ни одна чужеземная держава не помѣшаетъ ей, никакое враждебное дѣйствіе не будетъ направлено противъ ея *законныхъ границъ*... Пусть Франція знаетъ, что другія державы... не сложатъ оружія, пока не будутъ установлены и обеспечены основы независимости всѣхъ народовъ Европы.

Въ этомъ текстѣ не сказано—*естественныя границы*, что было бы слишкомъ опредѣленно и могло скомпрометировать, несмотря на двусмысленныя выраженія о теченіи Рейна и о Шельдѣ. *Законныя границы* давали свободу всякимъ комбинаціямъ и заднимъ мыслямъ, прежде всего мысли о границахъ 1792 г., настолько законныхъ, какъ только могутъ быть законны границы, потому что это были границы *законной монархіи*, предшествующія Революціи, самыя послѣдствія и память о которой хотѣли уничтожить. Законныя границы! Что же это въ глазахъ союзниковъ, границы ли 1795 г., объявленныя законно установленными конвентомъ, или границы 1801 г., объявленныя законно установленными императоромъ въ 1804 году? Присваиваютъ ли союзники единственно Люневильскому трактату характеръ ненарушимости, между тѣмъ какъ столько другихъ трактатовъ, заключенныхъ до и послѣ него и объявленныхъ также вѣчными, падаютъ, отвергнутые, разорванные, уничтоженные ими? Пусть французы обольщаются этимъ, если хотятъ, и насколько позволяютъ тщеславіе ихъ иллюзіи. Важно ихъ убѣдить, что неумолимая война ведется только противъ Наполеона; что дѣло идетъ только о великой имперіи и ея главенствѣ, и что Франція, если она дозволитъ срыть зданіе и

допустить правосудіе союзниковъ, почувствуетъ себя дома, счастливой и умиротворенной. Можетъ показаться страннымъ, что такіе глубокіе и отдаленные расчеты обнаруживаются въ прокламаціи, импровизованной. Повидимому, въ пылу энтузіазма, при звукахъ трубъ, и подписанной на барабанѣ главнокомандующимъ, не обдумывающимъ выраженій. Это была бы большая ошибка. Всѣ слова проткнуты, вытравлены, обрѣзаны такъ сказать, какъ фальшивая монета. Эта уловка задумана въ 1805 г. и тщательно обработана съ тѣхъ поръ. Нельзя представить себѣ болѣе связи, какъ между параграфами апрѣля 1805 г. и манифестомъ Кутузова ¹⁾. Очень знаменательно сравнить два единственныхъ официальныхъ и обнародованныхъ текста, которыми мы обладаемъ, о намѣреніяхъ союзниковъ 1813 г.—текстъ первоначальный, 26 марта въ Калишѣ, и текстъ окончательный—1-го декабря во Франкфуртѣ, одинъ—предшествующій конгрессу въ Прагѣ, другой—предшествующій конгрессу въ Шатильонѣ ²⁾.

Прокламація Кутузова гласитъ:

Франція, прекрасная и сильная въ себѣ самой... Никакое враждебное намѣреніе не будетъ направлено противъ ея законныхъ границъ.

Декларация, составленная во Франкфуртѣ:

Союзные государи желаютъ, чтобъ Франція была великой, сильной и процвѣтающей... Державы утверждаютъ за французской имперіей такую обширность территоріи, какой она никогда не знала при короляхъ.

Ни слова объ *естественныхъ границахъ*; о нихъ будутъ намеки въ рѣчахъ, но никогда ничего опредѣленнаго, и тѣмъ менѣе будутъ онѣ означены въ манифестахъ. Секретъ переговоровъ 1813 г. весь въ этой двусмысленности.

Какъ только война была объявлена, новые освободители Европы показали, какъ они поступаютъ съ королями, если короли держатъ слово, и если это слово было дано Франціи. Короля Саксоніи предложили поставить примѣромъ для общей измѣны германскихъ союзниковъ. Блюхеръ, возобновивъ пріемы Фридриха и вспомнивъ пути арміи Семилѣтней войны, вступилъ въ Саксонію 26 марта; онъ сейчасъ же призвалъ народъ къ возстанію: «Возстаньте! присоединяйтесь къ намъ, вашъ государь въ рукахъ чужеземца, онъ уже не воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ». 9-го апрѣля Штейнъ сталъ президентомъ комитета центрального управленія. Удивительно то, что въ этотъ самый моментъ Фридрихъ-Августъ ускользнулъ изъ французскаго союза и велъ подъ рукой переговоры объ

¹⁾ См. т. VI, стр. 342, условія явныя и предварительныя; стр. 344, условія тайныя для объявленія во время войны и переговоровъ.

²⁾ См. ниже, кн. I, гл. 3, § 5.

измѣнѣ, прикрытой этикеткой нейтралитета и подъ покровомъ австрійскаго вмѣшательства ¹⁾.

Между тѣмъ Александръ торопилъ австрійцевъ ²⁾. «Впрочемъ, говорилъ онъ Лебцельтерну, союзники, назначивъ себѣ дѣйствовать на сѣверѣ Германіи, предоставляютъ Австріи всѣ южные дворы». «Императоръ дастъ полную свободу дѣйствій императору австрійскому», пишетъ Лебцельтернъ. Это всего лучше могло успокоить Меттерниха. Но онъ болѣе сложными средствами оставлялъ себѣ болѣе важную роль. Если Александръ собирался стать диктаторомъ мира, Меттернихъ надѣялся быть по крайней мѣрѣ его канцлеромъ. Онъ добивался для своего господина мѣста высшаго третейскаго судьи, мѣста, которое Россія присвоила себѣ заранѣе. Поэтому онъ невозмутимо продолжалъ свои подступы. 23 марта онъ написалъ Лебцельтерну, предлагая сдѣлаку, которая позволитъ избавиться отъ польскаго отряда Понятовскаго, укрывшагося въ Краковѣ, очень стѣснительнаго для Австріи и, несмотря на свою слабость, не переставшаго стѣснять и русскихъ. «Ходъ послѣднихъ событій, пишетъ Меттернихъ, ставитъ насъ въ тягостное положеніе тѣмъ, что мы принуждены разрѣшить полякамъ пребывать въ районѣ нашего перемірія» ³⁾. Но, «желая дать дворамъ Пруссіи и Россіи доказательства нашего полного довѣрія», императоръ приметъ твердое рѣшеніе «въ пользу удаленія поляковъ». И вотъ какимъ коварнымъ путемъ онъ собирается заставить ихъ выйти изъ области перемірія. Тайный договоръ 30 января ихъ защищаетъ ⁴⁾; по договору еще болѣе тайному и временному согласятся прекратить переміріе. Русскіе объявятъ о прекращеніи перемірія «вслѣдствіе невозможности, въ которой находятся союзники, оставлять на флангѣ и въ тылу очагъ движенія и возстанія, каковымъ является польская армія». Когда будетъ объявлено о прекращеніи перемірія, «мы заявимъ польскимъ властямъ, гражданскимъ и военнымъ, что не можемъ ихъ болѣе защищать своей арміей, что, слѣдовательно, имъ предоставляется на выборъ или разойтись, если они хотятъ остаться въ герцогствѣ, или пройти черезъ австрійскія провинціи, чтобъ достигнуть того пункта Германіи, который они себѣ выберутъ». Русскіе тогда могутъ, если сумѣютъ, подкупить или завербовать хитростью этихъ поляковъ. Какъ только игра будетъ сыграна, переміріе возобновится, и всякій станеть на свое мѣсто—Австрія, выведя свой вспомогательный корпусъ изъ французскаго союза, русскіе, расположившись спокойно въ герцогствѣ Варшавскомъ. Меттернихъ прибавляетъ: «Вы можете довѣрить ихъ императору»

¹⁾ См. дальше, гл. 2, § 1 въ концѣ.

²⁾ Доклады Лебцельтерна 22—29 марта 1813 г. *Онкень*.

³⁾ *Онкень*, О. пнд. Pг., т. II, стр. 201—204.

⁴⁾ См. выше, стр. 39.

скимъ величествамъ подъ секретомъ, что мы немедленно заставимъ убраться корпусъ арміи, который уходитъ съ лѣваго берега Вислы, въ Богемію, гдѣ онъ присоединится къ арміи, формирующей въ этомъ королевствѣ». Договоръ былъ подписанъ Лебцельтерномъ и Нессельроде въ Калишѣ, 29 марта. Австрія, хотя все еще не снимала маски, явила себя членомъ коалиціи. Она приближалась къ ней ползкомъ, но все же приближалась и своими рассчитанными движеніями, и объявленными намѣреніями.

Такимъ образомъ основаніе коалиціи было положено, устои на мѣстахъ. Прочный союзъ между Россіей и Пруссіей могъ бы быть приотставленъ тѣмъ же препятствіемъ, которое съ 1792 до 1795 г. замедляло, мѣшало и, въ концѣ концовъ, порвало первую коалицію—соперничествомъ союзниковъ въ алчномъ желаніи завладѣть Польшей¹⁾. Но этого не случилось. Союзъ, заключенный въ Калишѣ, выдержалъ все приступы и даже самые опасные, приступы дипломатовъ Россіи и Пруссіи, всегда подозрительныхъ, всегда завидующихъ другъ другу. Не одна только дружба монарховъ произвела эту перемѣну. Монархи любили другъ друга, но эта привязанность не мѣшала Александру въ 1805 г. обдумывать расчлененіе Пруссіи и Фридриху-Вильгельму въ 1805, 1806 и 1812 г. заключить союзъ съ Наполеономъ противъ Александра. Слѣдовательно, прибавилось еще новое давленіе на государей и дипломатовъ, сдѣлавшее дружбу неизмѣнной и союзъ неразрывнымъ. Этимъ новымъ агентомъ было то, что съ тѣхъ поръ на два года завладѣло исторіей, то великое неизвѣстное, таинственный богъ, грядущая судьба: всему даютъ толчокъ, все приводятъ въ движеніе европейскія націи, сначала русская, затѣмъ нѣмецкая. Только бросившись въ этотъ потокъ и предоставивъ себя его теченію, Александръ доходитъ до Кенигсберга и до Бреславля съ такою силою импульса, что опрокидываетъ все плотины; это-же теченіе увлекаетъ въ свою очередь и Фридриха-Вильгельма. Сердечная симпатія монарховъ закалилась среди испытаній и вышла изъ нихъ запечатлѣнной рукою народа. Восторженное отношеніе народовъ къ независимости обезпечило лояльность королей. Въ 1792 г. между союзными государями дѣло шло лишь о торгѣ людьми и землями, и они кончили тѣмъ, чѣмъ начали—торгашествомъ, соперничествомъ, ссорой. Въ 1813 г. поставленъ вопросъ о независимости народовъ; необходимо, чтобы государи ее объявили; необходимо, чтобы они дѣйствовали такъ, какъ будто они ее желали, потому что народы этому вѣрятъ, и потому что только одна эта вѣра народовъ повелѣваетъ приносить жертвы, доставляетъ дары, безъ которыхъ боги не даютъ побѣды: человѣческую

¹⁾ См. т. III, стр. 41, 42, 64, 72, 101, 240.

кровь, пушечное мясо. Вотъ въ этой-то вѣрѣ и заключалась вся реальная сила, весь главный нервъ коалиціи.

IX.

Если вернуться за двадцать лѣтъ назадъ, все кажется не на своемъ мѣстѣ: Парижъ похожъ на Вѣну, на Берлинъ, на Майнцъ 1792 года: тяжелое и непопулярное вооруженіе, насильственные наборы рекрутъ, произвольный сборъ податей, безчисленные союзники, армія изъ солдатъ всехъ націй, война по расчету, ради политики и главенства; среди приготовленій къ колоссальной борьбѣ, цѣли которой народъ еще не понимаетъ и къ которой потерялъ бы интересъ, если бы не ужасная жатва людей—официальные балы, празднества по приказу: «унылые балы», говоритъ одинъ современникъ, который участвовалъ въ войнѣ съ Россіей и предчувствовалъ войну съ Германіей, «унылые балы, гдѣ мнѣ казалось, что я танцую на могилахъ»¹⁾. Это раздѣленіе интересовъ Франціи и интересовъ императора, выгодъ страны и выгодъ государя, которое союзники считали всегда необходимымъ условіемъ успѣха ихъ предпріятія, которое съ 1805 г. они старались вызвать, которое они успивались породить двусмысленными деклараціями своихъ эмиссаровъ, двусмысленностью своихъ декларацій и работой *своихъ друзей* во Франціи,—это раздѣленіе совершалось почти само собою и ничего имъ не стоило; совершалось единственно вслѣдствіе эгоизма людей и ихъ удивительной способности мысленно придавать вещамъ тотъ оборотъ, который является для нихъ желательнымъ.

Во мнѣніи людей оппозиціи, заинтересованныхъ, умѣющихъ обдѣлывать свои дѣла, говорили о великой имперіи, какъ о гигантскомъ загражденіи въ исторіи Франціи. Кто безпокоился еще о Польшѣ? Если и Рейнскій Союзъ распадется—Франція станетъ только свободнѣе въ своихъ движеніяхъ. Развѣ Голландія была необходима, развѣ нуженъ для французской Бельгіи этотъ «оплотъ» противъ Европы? Забывали то время, когда считалось вопросомъ чести господство надъ Италіей ради ея «освобожденія». Вестфалія, Неаполь, Испанія, наконецъ, это—паразиты имперіи, грызущіе ея конечности! Въ провинціи, въ скромныхъ семьяхъ, видѣли только опустѣвшіе очаги, призывъ и вторичную службу новобранцевъ, безконечный списокъ мертвыхъ и намѣченныхъ жертвъ войны. Проклинали эту безконечную войну, въ которой измѣряли только страданія съ тѣхъ поръ, какъ возобновились неудачи. Ее порицали, ее дерзко отвергали. Чувствовали себя пресыщенными славой до тошноты. Такъ путешествен-

¹⁾ *Фезензакъ*, Саксонская кампанія, т. I.

ники, отпавшіе къ богатымъ островамъ и золотоноснымъ странамъ, видятъ гибель въ ударахъ бури и проклиняютъ свое безумное довѣріе, безразсудство своего вождя, корабль, штурмана, море и боговъ, оракулы которыхъ ихъ обманули! Все можно выбросить за бортъ, лишь бы только достичь земли. Не понимали, почему Наполеонъ отказывался выгрузить не только этотъ излишекъ клади, который грозилъ потопить корабль, но даже столько бесполезныхъ пассажировъ. Жаждали покоя съ тѣмъ бѣльшимъ нетерпѣніемъ, что были убѣждены, будто бы стоитъ Франціи захотѣть собственной безопасности, собственного покоя, и добиться ихъ отъ императора, она станетъ съ того времени великой, счастливой, неприкосновенной въ своихъ *естественныхъ границахъ* среди освобожденной и умиротворенной, какъ она сама, Европы! Достиженіе всеобщаго мира отреченіемъ Франціи отъ своихъ правъ—такая же химера въ 1813 г., какъ было достиженіе всемірнаго братства французскими завоеваніями въ 1792 г.

«Наполеонъ, подобно догу», говоритъ одинъ генераль, самый бѣднѣйшій изъ критиковъ, «выпускалъ изъ зубовъ только то, что вырывали, убивъ его самого» ¹⁾. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ разсуждалъ объ этомъ иначе, чѣмъ толпа, которая, видя, что завоеваніямъ угрожаетъ опасность, сейчасъ же объявляла ихъ лишними. Онъ зналъ, какими этапами Франція двигалась отъ Парижа до Москвы, путемъ какой эволюціи онъ достигъ завоеваній и потомъ охраны ихъ отъ Рейна до Вислы, отъ Альпъ до Калабріи, отъ Нѣмецкаго моря до Адриатическаго, отъ Кадикса до Гамбурга. Между нимъ и коалиціей находится еще вся толща центральной Европы, громаднѣйшій оплотъ, если онъ побѣдитъ, ничто—если будетъ побѣжденъ. Онъ предвидѣлъ, что отступленіе произойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ и побѣда, и, если непріятель не будетъ еще разъ отброшенъ, отступленіе, разъ начавшись, не остановится ни у Эльбы, ни у самаго Рейна; что, если онъ будетъ принужденъ перейти обратно эту рѣку, Европа перейдетъ за нимъ слѣдомъ; короче, при пораженіи придется постоянно пятиться, какъ при побѣдѣ нужно было двигаться впередъ: Ваграмъ опрокинется на Фридрихсбургъ, на Лепу, на Аустерлицъ, на Гогенлинденъ, на Маренго, на Лоди, на Флерюсъ, на Жемапъ, на Вальми... Онъ представлялъ себѣ роковую симметрію войны, видѣлъ, какъ пошатнется великая имперія, какъ вторгнется Европа обратнымъ теченіемъ послѣ вторженія Франціи въ Европу, представлялъ себѣ, какъ великая имперія станетъ исчезать по кускамъ, разбѣдаемая, подрываемая этимъ потокомъ, какъ прежде она образовалась слоями, наносима отъ поднимающагося прилива.

Поэтому онъ доводитъ вооруженіе до крайности. Ему нужно снова

¹⁾ Thébault, т. V, стр. 8.

побѣдить, и, какъ всегда, со времени перваго появленія въ 1792 г., онъ рискуетъ всею, чтобы сохранить все. Онъ показываетъ видъ, будто считаетъ кампанію 1812 г. несчастной случайностью: стоитъ только собрать вновь армию и отомстить! Онъ сумѣлъ сдержаться даже при измѣнѣ. 10-го января онъ узналъ о капитуляціи Торка; оттого ли, что, получивъ ошибочныя свѣдѣнія отъ своихъ агентовъ, онъ не могъ оцѣнить сразу всей важности факта; оттого ли, что нашелъ болѣе удобнымъ для удержанія Пруссіи какъ можно дольше въ своемъ распоряженіи представиться вѣряющимъ въ добросовѣстность Фридриха-Вильгельма и, ради общественнаго мнѣнія, не давать огласки этому распаденію своихъ союзовъ,—но онъ принялъ къ свѣдѣнію этотъ фактъ, чтобы мотивировать свои новыя требованія набора рекрутовъ. «Что было достаточно вчера, то уже недостаточно сегодня. Дерзость побѣдителей Людовика XIV и позоръ трактатовъ Людовика XV, повидимому, грозятъ намъ опять», велитъ онъ сказать сенату черезъ Реньо. «Необходимо оберечь Францію отъ возврата къ тому постыдному времени». Онъ восклицаетъ: «Я вооружу всѣхъ, даже женщинъ!» ¹⁾. Сенатское рѣшеніе 11-го января предоставляетъ въ его распоряженіе 350 т. чел., когорты, людей освобожденныхъ отъ службы изъ льготныхъ разрядовъ, наборъ изъ разряда 1814 г. Благодаря трусливости Пруссіи, благодаря петлѣ, въ которой онъ ее еще душитъ, благодаря медлительности и сложнымъ расчетамъ Меттерниха, онъ надѣется придти еще во время и, какъ въ 1805 и въ 1806 г., разбить коалицію почленно: «Это не нація, говорятъ онъ о пруссакахъ, у нихъ нѣтъ никакой національной гордости; это—гасконцы Германіи. Пруссаки легкомысленны. Мы всегда ихъ презирали». Что касается нѣмцевъ, пусть не смущаются ихъ бурными возненіями: «Нѣмецъ не достаточно склоненъ къ убійству, чтобы совершить революцію!» ²⁾.

Онъ скоро получилъ свѣдѣнія объ Австріи, и первое зондированіе не обмануло его. 2 февраля онъ далъ аудіенцію Бубна. Этотъ генераль сдѣлалъ намекъ, въ видѣ самой подслащенной микстуры своей дипломатической аптеки, объ отступленіи вспомогательнаго корпуса и о фактическомъ перемиріи съ Россіей. Наполеонъ почувствовалъ ея горечь и ядъ: «Monsieur, это плохое средство, оно противорѣчитъ договору, это первый шагъ къ измѣнѣ... Вы перемѣнили систему. Мы перевернемъ весь міръ. Надежда на миръ потеряна. Я принялъ ваше вмѣшательство для заключенія мира, но мнѣ не годится вооруженный посредникъ. Дойдетъ до

¹⁾ Къ Бубна, 1-го марта 1813 г.

²⁾ Разговоръ съ Бубна; доклады Бубна. *Опекъ*. Наполеонъ о нихъ одного мнѣнія со Стендалемъ: «Настоящій нѣмецъ—высокій блондинъ, безстрастный по наружности». Саганъ, июнь 1813 г.: во время всеобщаго возстанія въ Силезіи.

того, что вице-король Италии принужденъ будетъ очистить Варшаву, покинуть Вислу, отступить за Одеръ; это произведетъ дурное впечатлѣніе въ моей арміи и во Франціи». Затѣмъ послѣдовалъ потокъ угрожающихъ, безсвязныхъ словъ: «Это не была съ его стороны вспышка, докладываетъ Бубна, это былъ человекъ, пораженный внезапной идеей, всю важность которой онъ сумѣлъ оцѣнить, и которая поглотила его».. Всѣ «промежуточные тона» Меттерниха развернулись передъ его глазами, и онъ проникъ въ самую суть дѣла: вооруженное посредничество! Тѣмъ не менѣе, онъ смягчился, надѣясь все же, что, одержавъ побѣду надъ русскими, онъ обуздаетъ австрійцевъ, и что семейный духъ, вмѣстѣ съ природной осторожностью, удержитъ или задержитъ Франца II до тѣхъ поръ, пока удастся довести его до сдѣлки.

Доклады полиціи становились все тревожнѣе. Въ Провансѣ проявлялась нѣкоторая революціонная агитація; съ запада сообщали о роялистическихъ махинаціяхъ; въ Бельгіи—настоящее сопротивление набору; въ Голландіи—волненія, паника, не предвѣщавшая ничего хорошаго. Жандармы выбились изъ силъ въ погонѣ за рекрутами, требовалась почти цѣлая армія, чтобы набрать другую. Какъ въ тѣ времена Людовика XIV, воспоминаніе о которыхъ вызывалъ Наполеонъ, какъ въ 1710 г., во время бѣдствій войны за наслѣдство, дѣла были полны бѣглыми рекрутами. Не время было кричать объ измѣнѣ и срывать покровы съ союзовъ. Поэтому Наполеонъ продолжалъ притворяться, что довѣряетъ своимъ союзникамъ: «Я доволенъ поведеніемъ своихъ союзниковъ; я не покину ни одного изъ нихъ, я поддержу неприкосновенность ихъ владѣній» ¹⁾.

Чтобы связать австрійцевъ и поставить ихъ въ неловкое положеніе передъ Европой, чтобы выставить союзъ съ ними на показъ, за неимѣніемъ возможности выразить его военными дѣйствіями, онъ велѣлъ объявить въ газетахъ и приготовить сенатское рѣшеніе, устанавливающее регентство императрицы, ея коронованіе и коронованіе римскаго короля ²⁾. Но ему мало этой законной гарантіи. Онъ видѣлъ несчастье и смерть вблизи, въ Россіи, заговоръ и революцію издали, въ Парижѣ. Онъ желаетъ для своего сына высшаго покровительства, выше, чѣмъ силы оружія, выше даже трактатовъ, законовъ, сенатскихъ рѣшеній, и такъ какъ онъ таковымъ не располагаетъ, то требуетъ его у силъ по ту сторону міра—онъ хочетъ, чтобы Церковь запечатлѣла его *прагматическую санкцію* ³⁾. Государственная польза заставила его въ 1804 г. желать быть помазаннымъ на царство папой, та же государственная польза приводитъ его къ жела-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ законодательномъ корпусѣ, 14 февраля 1813 г.

²⁾ См. выше стр. 33—36.

³⁾ Разговоръ, переданный Барантомъ, т. I, стр. 270. См. выше, стр. 43.

нію, чтобы папа помазалъ на царство его сына, но тутъ и чувства отца присоединяются къ государственнымъ соображеніямъ. Это дѣло тѣсно связано съ переговорами о новомъ конкордатѣ съ Піемъ VII.

Папа все еще жилъ въ заточеніи въ Фонтенбло. Наполеонъ предложилъ ему свиданіе: «Быть можетъ, мы придемъ къ столь желаемой цѣли—устранить всѣ затрудненія, раздѣляющія Государство и Церковь» ¹⁾. Умиrotвореніе запада, подчиненіе Бельгіи, успокоеніе католиковъ во всей Франціи будутъ слѣдствіемъ этого, думалъ онъ; но, повидимому, посвященіе на царство римскаго короля было его главной мыслью, какъ въ 1802 г., во время конкордата, установленіе власти консула.

19 января Наполеонъ отправился неожиданно къ папѣ въ Фонтенбло, пустилъ въ дѣло лесть, ослѣпилъ, обласкалъ, напугалъ и, въ концѣ концовъ, вырвалъ у него обѣщаніе соглашенія, которое было подписано 25 января ²⁾. Въ принципѣ, но въ выраженіяхъ столь неясныхъ, что они ни къ чему не обязывали, это было перемѣщеніе папскаго престола въ Авиньонъ и, по смыслу, отреченіе отъ свѣтской власти. 7-го февраля было обнародовано сенатское рѣшеніе, касающееся регентства, а новый конкордатъ обнародованъ 13-го. Папа почти сейчасъ же отказался, если не отъ своей подписи, то отъ послѣдствій, которыя Наполеонъ надѣялся изъ нея извлечь. Наполеонъ не обратилъ на это вниманія. Пока что конкордатъ придавалъ правдоподобіе религіозному миру, и Наполеонъ не желалъ ничего большаго. Покидая Парижъ, онъ оставилъ Францію какъ будто объединенную, покорную, повидимому, прекрасно управляемую.

30-го марта были обнародованы документы, передающія регентство Маріи Луизѣ. Отто, котораго Наполеонъ считалъ слишкомъ мало проницательнымъ, былъ замѣненъ Нарбонномъ: человекъ придворный, военный, онъ сумѣетъ лучше наблюдать, лучше держать себя, лучше выполнить роль посла императорской семьи ³⁾. Онъ сумѣетъ также быть болѣе вкрадчивымъ и говорить съ большимъ авторитетомъ. Такъ какъ Австрія желаетъ мира, пишетъ Марэ 29 марта, «пусть она обратится къ Россіи и потребуетъ отъ нея, чтобы она прямо начала переговоры... Придутъ къ соглашенію о перемиріи... Разъ перемиріе допущено, рѣчи и военныя силы Австріи быстро приведутъ къ заключенію мира...» Пруссія заплатитъ издержки вмѣсто того, чтобы получить герцогство Варшавское, какъ предлагалъ Меттернихъ. Императоръ, продолжаетъ Марэ, думалъ найти въ Пруссіи посредствующее государство, въ которомъ Европа нуждается на сѣверо-востокѣ. «Это была ошибка...

¹⁾ Къ Пію VII, 29 дек. 1812.

²⁾ Паске, т. II, гл. II. — Д'Оссоньяль, т. V, гл. LV и LVI. — Де Клеркъ, т. II, стр. 377.

³⁾ Нарбоннъ назначенъ 5 марта 1813 г.

Держава, трактаты которой только условны, не могла бы быть полезным посредником. Она не гарантирует ничего. Она составляет только предмет споровъ, а не оплотъ». Въ случаѣ совмѣстной побѣды, ее раздѣлять. Въ ней пять милліоновъ жителей. «Изъ нея составятъ три государства. Одинъ милліонъ останется Пруссіи на правомъ берегу Вислы; два милліона отойдутъ къ Австріи, а два милліона къ Саксоніи и Вестфаліи. Самый лучший выпрышекъ достанется на долю Австріи—Силезія...» Бросивъ эту приманку, какъ бы въ видѣ отступленія, Марэ возвращается къ постоянной темѣ Наполеона: Австрія вмѣшается, пусть такъ, она вооружается, хорошо. Но вмѣшательство и вооруженіе произойдутъ только съ согласія Франціи, въ силу союза и въ виду его укрѣпленія. Какъ только французская армія будетъ на Эльбѣ, Австрія сдѣластъ заявленіе Александру и, дѣйствуя совмѣстно съ Франціей, начнетъ свое посредничество, имѣющее цѣлью общее перемиріе, которое будетъ предшествовать переговорамъ о мирѣ. Что касается Пруссіи, ее обуздываютъ страхомъ, пока не станетъ время ее уничтожить ¹⁾.

Съ Шварценбергомъ, который вернулся 7-го апрѣля въ качествѣ посланника и имѣлъ аудіенцію 9-го, императоръ возобновилъ тѣ же разговоры ²⁾: перемиріе, конгрессъ въ Прагѣ, напимѣрь, затѣмъ Австрія переходитъ на сторону Франціи. Онъ говорилъ, что желаетъ мира, но мира, не роняющаго его достоинства. «Англичане думаютъ, что Франція раздавлена; они потребуютъ у меня Бельгію... Мое положеніе трудно: если я заключу позорный миръ, я погублю себя... Я тутъ недавно, мнѣ приходится больше считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, потому что я въ немъ нуждаюсь. Обнародовавъ миръ такого рода, дѣйствительно, въ первую минуту будешь слышать только радостные крики; но скоро начнутъ громко порицать правительство, я потеряю уваженіе и въ то же время довѣріе моего народа, потому что французъ обладаетъ живымъ воображеніемъ, онъ любитъ славу, возбужденіе, онъ «воспримчивъ». Знаете вы, гдѣ нужно искать первую причину паденія Бурбоновъ?» Шварценбергъ осторожно представилъ Наполеону и болѣе рѣзко Марэ усталость Европы, возстаніе народовъ, общее отчаяніе, ихъ объединяющее: «Никто не тронется тамъ, гдѣ будутъ ваши войска; но, какъ только они уйдутъ, огонь, который вы считали погасшимъ, выброситъ новое пламя». Затѣмъ, онъ сталъ говорить объ условіяхъ мира, представляя ихъ одобряемыми Англіей: устья главныхъ рѣкъ Германіи, Голландія, независимая Италія, Венеція, Мысъ Доброй Надежды, Мальта,—и прибавилъ: я думаю, что Россія ни-

¹⁾ «При малѣйшемъ оскорбленіи со стороны города или прусской деревни, будь то даже Берлинъ, велите его сжечь». Къ Евгению, 5 марта 1813 г.

²⁾ Докладъ Шварценберга, 14 апр. 1813 г. *Опекель*.

когда не заключить мира, не войдя въ соглашеніе съ британскимъ кабинетомъ...» ¹⁾. Онъ вынесъ впечатлѣніе, что «императоръ захочетъ воспользоваться морскими и коммерческими преимуществами, чтобъ оправдать себя и спасти свою славу передъ Франціей». Но, прибавляетъ онъ, это—пунктъ, на которомъ Англія будетъ стоять всего упорнѣе.

Къ тому же о вознагражденіи Австріи—ни слова. Вѣдь, чтобы дать Австріи то, чего она желаетъ, Наполеону пришлось бы отнять у себя самыя блестящія свои завоеванія: Миланъ и Венецію, за отдачу которыхъ въ 1797 и 1801 гг. для полученія естественныхъ границъ его такъ упрекали, и возвратитъ которые онъ могъ только послѣ Аустерлица. Италія—его главное обаяніе, весь блескъ республики, вся роскошь французской славы! Онъ могъ дать государямъ, съ которыми желалъ союза, только взятыя у нихъ территоріи, и взятыя именно для того, чтобы принудить ихъ къ миру. Возстановивъ ихъ прежнее могущество, онъ вернулъ бы имъ средства бороться противъ него; онъ поставилъ бы себя и ихъ въ прежнее положеніе, въ которомъ они были до 1805, до 1807 и 1809 г., и причины войны возникнутъ снова сами собой, какъ только онъ уничтожитъ ея результаты. Наконецъ, возстановляя одну часть, онъ имъ давалъ средства самимъ вернуть остальное и такимъ образомъ заинтересовывалъ ихъ въ своей гибели.

Отъ Испаніи онъ, повидимому, не ждетъ уже ничего. Понемногу онъ выводитъ изъ нея остатки арміи, которая таяла тамъ мало-по-малу. Онъ пишетъ Жозефу учетвереннымъ! шифромъ, «что потерянное время нельзя уже вернуть; что дѣла стануть плохи, если онъ не поспѣшитъ стать болѣе дѣятельнымъ и энергичнымъ въ управленіи дѣлами»; и онъ ему приказываетъ «быть всегда готовымъ начать наступательныя дѣйствія, пригрозитъ нападеніемъ на Лиссабонъ и завоеваніемъ Португаліи, когда англичане ослабятъ свою армію въ Испаніи» ²⁾. Странное, полное зловѣщей ироніи приказаніе покинутому королю, потерявшему двѣ трети своего королевства, королю, который то возвращается въ свою столицу, то выѣзжаетъ изъ нея, какъ плохой морякъ, поворачивающій при противномъ вѣтрѣ свое жалкое судно назадъ къ берегу, выгружающій и снова нагружающій ³⁾. Въ обществѣ, при дворѣ—и Наполеонъ знаетъ это—выражаютъ только одно желаніе: о призывѣ Жозефа обратно во Францію, о возвращеніи Фердинанда въ Испанію. Наполеонъ готовъ на это; Испанія—часть тѣла, пораженная гангреной, онъ ее ампутируетъ. «Если я найду это

¹⁾ Переговоры 8, 9, 10 апрѣля 1813.

²⁾ Кларку, 9 февр. 1813 г.

³⁾ *Военные мемуары Журдана*, гл. XXIII.—*Мемуары короля Жозефа*, т. IX, кн. XII.

нужнымъ, объявилъ онъ Шварценбергу, я уведу свою армію изъ Испаніи, я устроюсь съ юнтой, я пошлю имъ ихъ Фердинанда, и дѣло съ концомъ». Но, если онъ хотѣлъ приписать честь этого себѣ, у него оставалось мало времени, потому что 23 марта Жозефъ покинулъ Мадридъ, чтобы уже больше туда не вернуться. Очищеніе Испаніи началось и было только вопросомъ времени.

Наполеонъ уѣхалъ 15 апрѣля. Въ воскресенье, 11-го, онъ дѣлалъ въ послѣдній разъ смотръ гвардіи, на Карусельской площади. «Для французской имперіи вставалъ вопросъ—быть или не быть... Эти солдаты, надежда Франціи, ея послѣдняя капля крови, также были однимъ изъ главныхъ предметовъ безпокойнаго любопытства зрителей... Въ минуту опасности Наполеонъ олицетворялъ собою всю Францію...»¹⁾ Такъ думалъ еще народъ и солдаты, которые кричали: Да здравствуетъ императоръ! Но, кромѣ нихъ, «всѣмъ безъ исключенія, писалъ Шварценбергъ, война надѣла... Нужно признаться, что умы очень возбуждены, и Парижъ сильно измѣнился за послѣдніе одиннадцать мѣсяцевъ; наконецъ, все зависитъ отъ одного человѣка: императора». И этотъ человѣкъ, въ ту минуту, когда начиналъ эту послѣднюю игру, повторялъ еще, какъ и во время своего триумфальнаго восхожденія: «Я продуктъ обстоятельствъ, я всегда шелъ съ ними въ ногу»²⁾. Но именно обстоятельства всего болѣе измѣнились въ Европѣ, и они были противъ него.

ГЛАВА II.

Австрійское посредничество. 1813.

I.

Вѣщательство было для Австріи только средствомъ выйти изъ французскаго союза и войти въ коалицію. Меттернихъ, сначала, предпочелъ бы остановиться посрединѣ, укрѣпиться тамъ, сдѣлать себѣ безопасное убѣжище, великое складочное мѣсто дипломатіи Европы, архи-маклеромъ которой будетъ онъ. Скоро онъ понялъ, что нужно выбирать, и что онъ выберетъ коалицію; онъ рѣшилъ, что самое полезное будетъ отчалить отъ берега незамѣтно, разрывая, по порядку, все узлы съ Франціей. Онъ торопилъ вооруженіе и, такъ какъ касса была очень истощена, уговорилъ императора издать указъ о выпускѣ кредитныхъ билетовъ. Это

¹⁾ См. великолѣпную картину Бальзака: *Послѣдній смотръ императора* въ романѣ *Женщина тридцати лѣтъ*.

²⁾ *Барантъ*, разговоръ въ Тюильри, т. I, стр. 171.

было не легко. Императоръ боялся всего: этихъ бумажныхъ денегъ, этой арміи, которая могла навлечь на него войну прежде, чѣмъ онъ будетъ готовъ, своего ужаснаго зятя, не гнѣва его, но скачковъ его генія и его неожиданныхъ поступковъ; наконецъ, и всего болѣе, нѣмецкаго народа, который вышелъ изъ помочей и грозилъ распространить революцію даже въ Австріи. Прокламація Кутузова казалась ему пропитанной чистымъ якобинствомъ; онъ былъ невыразимо встревоженъ ею. Въ этомъ пунктѣ Меттернихъ, раздѣлявшій его тревогу и прибавлявшій къ ней отвращеніе дворянина «съ принципами», не могъ его успокоить. «Это воззваніе къ народамъ заставляетъ трепетать всѣхъ государей Германіи», писалъ Штакельбергъ 11 апрѣля¹⁾. Однимъ изъ основныхъ пунктовъ плана Меттерниха было освободить нѣмецкихъ государей отъ ихъ французскаго союза и привлечь къ будущей коалиціи. Въ то время, какъ Кутузовъ вербовалъ народы, Меттернихъ занимался вербовкой королей. Необходимо объявить, приказывалъ онъ Лебцельтерну, что державы второго и третьяго ранга не потеряютъ ничего изъ своей теперешней силы, а что мы желаемъ, чтобы онѣ пользовались всеми правами власти съ наибольшей независимостью. Такія рѣчи будутъ имѣть полный успѣхъ при южныхъ дворахъ и произведутъ болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ всевозможные переговоры²⁾. Баварцы только того и хотѣли, чтобы ихъ убѣдили³⁾.

Русскіе торопили: «Пусть Австрія присоединится къ намъ, пусть она слушаетъ голоса своихъ дѣйствительныхъ друзей, голоса своего народа и почти всей Германіи!»⁴⁾. Меттернихъ рѣшается перейти изъ одного подтона въ другой, болѣе опредѣленный. Онъ объявляетъ 2 апрѣля Штакельбергу, что, если Наполеонъ отвергнетъ посредничество, «Австрія употребитъ силы, вложенныя въ ея руки Провидѣніемъ, чтобы содѣйствовать, въ полномъ согласіи съ союзными державами, установленію... положенія, основаннаго на *принципахъ*, которые его императорское величество считаетъ необходимыми для существованія его имперіи и для блага Европы». Но онъ прекрасно зналъ, что Наполеонъ, даже побѣжденный, не подпишется подъ *этими принципами*. Слѣдовательно, посредничество будетъ имъ отвергнуто, онъ самъ броситъ Австрію въ лагерь союзниковъ; измѣна станетъ красива и законна, общество и потомки позволятъ себя обольстить этимъ приѣмомъ и выразятъ благоговѣ-

¹⁾ *Мартенсъ*, т. III, Замятка о Рейхенбахскомъ трактатѣ.

²⁾ Деша 23 марта 1813 г. къ Лебцельтерну.

³⁾ *Мартенсъ*, т. VII, стр. 113.

⁴⁾ Нессельроде къ Штакельбергу, 11 марта 1813.

ніе передъ совершенной корректностью и классической «чистотой» дѣйствій и «принциповъ» австрійскаго дома!

По отношенію къ пруссакамъ, по мѣрѣ того, какъ политика принуждаетъ его считаться съ ними, онъ проявляетъ болѣе открытую довѣрчивость. Онъ вмѣняетъ себѣ въ честь, что отказался отъ Силезіи, предложенной Наполеономъ, и, давъ это доказательство безкорыстія, развиваетъ свою систему Гумбольдту, который пишетъ о ней ¹⁾: «Основнымъ пунктомъ этой системы служить тѣсная и ненарушимая связь Пруссіи съ Австріей»... Гарденбергъ сейчасъ же отвѣтилъ въ томъ же тонѣ сердечныхъ изліяній и прибавилъ: «Крайне необходимо не теряя ни минуты сговориться въ особенности о двухъ предметахъ: о дѣлахъ Германіи и дѣлахъ Польши. Того же мнѣнія держатся и въ Россіи. Вы знаете, дорогой графъ, что въ особенности дѣла Германіи, по нашему общему желанію, должны быть устроены только съ общаго нашего согласія съ вами». Онъ предлагаетъ тайное совѣщаніе между Нессельроде, Меттернихомъ и имъ ²⁾. Меттернихъ отклоняетъ предложеніе, которое считаетъ преждевременнымъ, и сообщаетъ, что посылаетъ Стадіона со специальнымъ порученіемъ въ главную квартиру русскихъ.

Свиданіе, быть можетъ, могло его скомпрометировать и, во всякомъ случаѣ, поставить въ очень пеловкое положеніе относительно Нарбонна. Этотъ благородный человѣкъ остался большимъ дамскимъ угодникомъ. Во время отступленія изъ Москвы онъ проявлялъ по этой части нѣкоторую «отвагу»; но въ качествѣ посла это его дѣлало нѣсколько смѣшнымъ ³⁾. «У него манія, говорилъ Наполеонъ, добиваться успѣха посредствомъ женщинъ». Онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями императоромъ и министромъ. «Онъ жилъ открыто, его усердно приглашали на всѣ собранія: высшее общество брало примѣръ съ двора, но эта видимость ничуть не обманывала его. Нарбоннъ отлично разбиралъ скрытую ненависть и надежды подъ этими любезностями по приказу». Онъ зналъ нѣмецкій языкъ и могъ судить по газетамъ о волненіи, распространявшемся въ народѣ. Онъ не скрываетъ важности этого броженія, которое грозитъ, пишетъ онъ, самымъ сильнымъ, всеобщимъ взрывомъ въ Германіи. Повидимому, вездѣ, куда двигаются русскіе, приняты «всѣ мѣры, чтобы обратить каждаго нѣмца въ ожесточеннаго врага французовъ ⁴⁾. Я говорю—каждаго нѣмца, по-

¹⁾ Докладъ Гумбольдта, 31 марта 1813.

²⁾ Гарденбергъ къ Меттерниху, 11 апрѣля 1813.

³⁾ Пріѣхалъ въ Вѣну 17 марта. *Дневникъ Кастеллана*. Разговоръ Наполеона съ Шварценбергомъ, 8 апрѣля 1810 г. *Воспоминанія герцога Броми. Вилльменъ, Лефеверъ*, т. V, *Файль*. Ручкопись 1813 г., т. I.

⁴⁾ См. т. VII, кн. II, гл. III, § 3 bis въ концѣ.

тому что стараются, въ особенности, показать видъ, что не признаютъ никакого раздѣленія государствъ», что «разжигаютъ общую ненависть, которую должны къ намъ питать всѣ живущіе между Рейномъ и Нѣманомъ». «Кажется, совѣты Россіи, Пруссіи и Швеціи превращаютъ въ комитеты общественнаго спасенія» ¹⁾. «Все, повидимому, принимаетъ здѣсь тотъ видъ, который имѣла Пруссія до битвы при Іенѣ». Онъ отмѣчаетъ «ропотъ въ обществѣ, которое все цѣликомъ съ безумной страстью требуетъ войны». «Итакъ, австрійскій корпусъ, находящійся въ авангардѣ, не хочетъ драться! Я вижу во всѣхъ кафѣ, во всѣхъ мѣстахъ собраній только ненависть къ самому названію—французъ; только имъ приписываютъ отчаянное положеніе финансовъ, упадокъ торговли и ужасающую дороговизну всего, что не есть предметъ самой первой и крайней необходимости. Въ арміи нѣтъ ни одного офицера, который бы не дрожалъ при мысли сражаться за насъ, который, считая, что онъ теперь будетъ имѣть дѣло не съ прежними французами, такъ часто его унижавшими, не думалъ бы и не говорилъ, что пришло время, когда легко будетъ съ лихвой завоевать обратно и честь и территорію австрійскую». Въ заключеніе: «За насъ, какъ вы это совершенно вѣрно сказали, только императоръ, Меттернихъ и Шварценбергъ» ²⁾.

Можно ли разсчитывать даже на Меттерниха? Съ перваго разговора ³⁾ Нарбоннъ заподозрилъ намѣренія этого министра. Меттернихъ хотѣлъ поставить себя въ такое положеніе, пишетъ онъ, чтобы имѣть возможность сказать, когда время настанетъ: «Я хотѣлъ, прежде всего, попытаться дать настоящій миръ, но это мнѣ не мѣшало обезпечить всѣ средства вести войну; Франція не хочетъ согласиться на предложенія разумныя и принятыя всеми державами; теперь я вамъ предлагаю поставить насъ во главѣ этихъ державъ, чтобы занять въ Европѣ то положеніе и мѣсто, которыя намъ подобаютъ» ⁴⁾.

Самъ ли Нарбоннъ провидѣлъ эту тонкую игру, доставилъ ли ему свѣдѣнія какойнибудь заинтересованный напереникъ? Во всякомъ случаѣ, получивъ 29 марта инструкціи изъ Парижа ⁵⁾, онъ не колебался довести дѣло до конца.

7-го апрѣля онъ отправился къ Меттерниху и имѣлъ съ нимъ длинный и важный разговоръ. «Во время разговора я сказалъ о своей вполне естественной увѣренности, что императоръ не могъ и не хотѣлъ видѣть

¹⁾ Докладъ 6 апрѣля 1813.

²⁾ Доклады 1 и 7 апрѣля 1813.

³⁾ Докладъ 24 марта 1813.

⁴⁾ Доклады 24 марта и 1 апрѣля 1813.

⁵⁾ См. выше, стр. 63.

въ австрійскомъ императорѣ такого посредника, который объявитъ себя и будетъ драться противъ стороны, несогласной съ какимъ нибудь его мнѣніемъ». Это именно и было, докладываетъ Нарбоннъ, скрытое намѣреніе Меттерниха; онъ ничего не отвѣтилъ на мое замѣчаніе, а спросилъ въ свою очередь: «Если это условіе *sine qua non* другихъ державъ, развѣ императоръ Наполеонъ не отступитъ отъ того, что онъ утверждалъ; неужели для того, чтобы дать прочный и немислимый безъ этого миръ, онъ не откажется отъ недавнихъ присоединеній, которыя становятся ему гораздо менѣе полезны съ тѣхъ поръ, какъ уже пѣть рѣчи о континентальной системѣ?.. Мы не говоримъ никоимъ образомъ, прибавилъ онъ, ни объ Испаніи, ни о Голландіи; есть основаніе думать, что о нихъ захочетъ говорить Англія: это касается прямо и единственно Франціи». Уже была рѣчь о Голландіи, и Нарбоннъ составилъ убѣжденіе, что Англія никогда не согласится предоставить ее Франціи¹⁾. Меттернихъ снова настаивалъ на барьерѣ на восточной границѣ и на полезности создать для Пруссіи королевство польское съ герцогствомъ варшавскимъ. Нарбоннъ понимаетъ, къ чему это ведетъ, но онъ не достигъ еще конца. Когда онъ заговорилъ, согласно своей инструкціи, о расчлененіи Пруссіи, вмѣсто образованія для нея королевства Польши, и объ увеличеніи ея частями Саксоніи и Вестфалии, Меттернихъ сказалъ: «Намъ нужно только, чтобы Рейнская конфедерація не распространилась до Нѣмана». Онъ продолжаетъ: «Австрія не можетъ сражаться за сохраненіе для Франціи протектората надъ Рейнскимъ союзомъ». И вотъ, уничтоженіе этого союза прибавляется къ другимъ условіямъ. «Всѣ эти объясненія, пишетъ Нарбоннъ, велишь все время самымъ мягкимъ и, повидимому, самымъ довѣрчивымъ тономъ». Онъ возобновляетъ разговоръ о раздѣлѣ Пруссіи и говоритъ о «занятіи Силезіи».—«Это можетъ произойти только въ случаѣ войны, отвѣчаетъ Меттернихъ, и тогда обстоятельства укажутъ. — Значитъ, во всемъ этомъ вы ничего не желаете для себя?—Невозможно, чтобы Иллирійскія провинціи не вернулись къ намъ, отвѣчалъ австріецъ; императоръ Наполеонъ почти что за это поручился, и къ этому никогда не представится затрудненія»²⁾. Нарбоннъ на это отвѣтилъ: «Не долженъ ли я заключить, что вы намѣрены, при всей склонности къ Франціи, драться противъ нея, если она не приметъ того, что вы считаете возможнымъ принять?—Это естественно происходитъ изъ положенія вещей, изъ нашего положенія; само собою разумѣется, что все благоприятствуетъ Франціи.—И съ этой цѣлью вы посылаете г. Стадіона въ главную квар-

¹⁾ Докладъ 25 марта 1813 г. и дальше, § 4, свиданіе его съ Меттернихомъ 7-го мая.

²⁾ См. выше, стр., 32, 34.

тиру русскаго императора?—Это еще не окончательно рѣшено, но почти вѣрно.—Вы ждете, продолжалъ Нарбоннъ, первой побѣды, чтобы рѣшиться?» Меттернихъ: «Вы ошибаетесь; повѣрьте, что на другой день послѣ побѣды мы заговорили бы съ вами болѣе опредѣленно, чѣмъ сегодня.—Клянусь честью, я думаю, что вы сдѣлали бы глупость», возразилъ Нарбоннъ, который въ словахъ Меттерниха увидѣлъ только самохвальство и не угадалъ признанія въ соглашеніи съ союзниками, уже очень подвинувшемся вперед. Оставались предложенія положительныя: немедленное открытіе переговоровъ съ Россіей; перемиріе, увеличеніе вспомогательнаго корпуса до 50 тыс.; концентрація 40—50 тыс. чел. въ Богеміи; вступленіе Австріи въ войну въ качествѣ главнаго партнера, со ста тысячами войска. Меттернихъ ихъ выслушалъ *ad referendum*, и Нарбоннъ оставилъ ему ноту, которая была лишь повтореніемъ депеши 29 марта¹⁾.

Намеки, увилванія, прямыя или неясно выраженные объясненія, но вкратцѣ ихъ разговоръ могъ быть переданъ такими словами: Австрія считаетъ континентальную систему отмышенной, и этимъ самымъ уничтожаются и ея обязательства относительно блокады; она переходитъ отъ вмѣшательства къ посредничеству въ собственномъ смыслѣ слова и указываетъ, что выскажется противъ того, кто отвергнетъ ея условія; что касается до этихъ условій, они уже ясны: Иллирія—Австріи, герцогство варшавское—Пруссіи, отреченіе отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ и отъ ганзейскихъ городовъ (послѣднее въ видѣ намека), не говоря о Голландіи и Испаніи, которыя войдутъ въ число требованій со стороны Англіи.

Отвѣтъ Меттерниха на ноту Нарбонна пришелъ 12 апрѣля, подъ видомъ извлеченія изъ инструкцій, данныхъ въ тотъ же день Шварценбергу. Отвѣтъ подтверждалъ всѣ опасенія, которыя могъ возбудить разговоръ 7-го: «Изъ положенія вещей выясняется—и мы очень рады, что императоръ Наполеонъ раздѣляетъ наше убѣжденіе—что ходъ событій, приближеніе театра войны... не позволяютъ болѣе императору принять участіе въ войнѣ въ качествѣ державы, только поставляющей вспомогательныя войска, если эта война, вопреки самымъ горячимъ нашимъ желаніямъ, должна продолжаться». Мнимое согласіе Наполеона выводилось изъ того факта, что онъ требовалъ сначала 30,000 чел. въ Польшѣ, потомъ концентраціи 40—50 т. въ Богеміи, затѣмъ вооруженія 100,000, въ виду общаго дѣйствія противъ союзниковъ: Меттернихъ изъ этого заключалъ, что тѣмъ самымъ Наполеонъ освобождалъ Австрію отъ трактата 1812 г., такъ какъ предлагалъ замѣнить его болѣе широкимъ союзомъ. По поводу этого рѣдкаго по своей дерзости софизма онъ объявляетъ: «Мы можемъ, слѣдова-

¹⁾ Докладъ 7 апрѣля; словесная нота Нарбонна Меттерниху послѣ ихъ разговора утромъ 7 апрѣля 1813 г. Ср. далѣе, § 4, свиданіе 7-го мая.

тельно, только раздѣлять мнѣніе императора французовъ, что условія ограниченной помощи нашего союзнаго трактата не примѣнимы въ настоящихъ обстоятельствахъ... Императоръ не ограничится простыми словами въ своихъ дѣйствіяхъ въ пользу дѣла, которое считаетъ нужнымъ защищать—дѣла мира,—и, если возможныя преувеличенія въ намѣреніяхъ союзныхъ кабинетовъ перевѣсили бы благоразуміе и умѣренность, которыхъ не перестанетъ держаться его императорское величество, онъ безъ колебанія положитъ значительную силу на вѣсы той державы, на которую мы смотримъ, даже не принимая въ расчетъ громадныя осложненія настоящаго момента, какъ на своего самаго естественнаго союзника».

Этимъ текстомъ, тягучимъ и безцвѣтнымъ, измѣна проскользнула и совершилась, трактатъ 14 марта 1812 г. уничтоженъ: нужно заключать новый союзъ, если Австрія на него согласится. Это то, что Меттернихъ называлъ вторымъ шагомъ своего ковеннаго пути, и онъ имъ гордится какъ результатомъ «крайней ловкости», имъ выказанной, результатомъ «положенія въ высшей степени благопріятнаго, ускользнувшего отъ взгляда поверхностныхъ наблюдателей...»¹⁾. Что касается регентства Маріи Луизы, оно не имѣетъ никакого значенія. «Люди понимающіе смотрятъ на него какъ на проявленіе окончательнаго безсилія», писалъ Гентцъ²⁾. «Многіе думаютъ, что Наполеонъ сдѣлалъ этотъ шагъ только для того, чтобы польстить австрійскому двору. Если такъ, можно сказать, что онъ совершенно не достигъ своей цѣли». Его приписывали скорѣе раздорамъ Наполеона съ братьями и видѣли въ немъ лишнюю трещину на фасадѣ зданія.

Нарбоннъ настаивалъ. Онъ объявилъ, что Наполеонъ смотритъ на вспомогательный корпусъ какъ на часть своей арміи и назначилъ ему позиціи на войнѣ. Меттернихъ увильнулъ. «Мы хотимъ только мира; но на какихъ основаніяхъ его заключить? Знаете ли вы сами, чего желаетъ Франція? Императоръ, кажется, не собирается сдѣлать никакихъ уступокъ. Напримѣръ, онъ упрямо желаетъ удержать ганзейскіе города»³⁾. Между тѣмъ вспомогательный корпусъ ретируется⁴⁾. Нарбоннъ требуетъ объясненій, и Меттернихъ отвѣчаетъ: въ корпусѣ было болѣе 30 т. чел., ему оставалось только удалиться! При этомъ удивительномъ аргументѣ союзника, который совершаетъ измѣну подъ предлогомъ, что предоставилъ въ союзъ болѣе войскъ, чѣмъ то указано въ

¹⁾ Гентцъ, письмо 14 апр. 1813.

²⁾ Письмо Гентца, 14 апр. 1813.

³⁾ Докладъ Нарбонна, 19 апр. 1813

⁴⁾ См. выше, стр. 57—58.

трактатѣ, и, такъ какъ корпусъ тѣло недѣлимое, излишекъ долженъ увести за собой все цѣлое,—Нарбоннъ возмущенъ: «Вашъ первый шагъ—нарушеніе трактата, который еще существуетъ. Я не могу болѣе медлить и долженъ объясниться съ вами. Императоръ, мой господинъ, желалъ и теперь еще желаетъ хорошихъ отношеній между Франціей и Австріей... Съ этой цѣлью онъ закрывалъ глаза на многія дѣйствія и, въ частности, на перемиріе, заключенное безъ его согласія отрядомъ, находящимся у него въ подчиненіи...» На другой день онъ посылаетъ форменную ноту Меттерниху, предлагая ему предписать командующему вспомогательнымъ корпусомъ «сохранить позиціи, указанныя ему перемиріемъ, и тамъ ждать приказаній, какія угодно будетъ отдать его величеству императору французовъ»¹⁾.

Меттернихъ не отвѣчалъ ничего. Очень встревоженный, а также раздраженный, задѣтый въ своемъ чувствѣ военной чести, Нарбоннъ рѣшается на поступокъ, который ему не былъ предписанъ и шелъ гораздо дальше намѣреній Наполеона. Подтвердивъ своей нотой Меттерниху отъ 21-го разногласіе, что, въ судебной процедурѣ, ведетъ къ принятію спора, онъ отдаетъ это на судъ императора Франца. Получивъ аудіенцію, онъ отправился къ послѣдному 23 апрѣля²⁾.

Умъ Франца былъ болѣе ограниченный, чѣмъ у его министра, и рѣчи менѣе сладки. Онъ ровно ничего не понималъ въ «промежуточныхъ тонахъ», и, когда Нарбоннъ сослался на трактатъ 1812 г., Францъ ему сказалъ: «Но вашъ государь самъ уничтожилъ его, предложивъ мнѣ настоятельно принять *вооруженное посредничество*?... Я считаю, что не могу въ одно время и воевать и быть посредникомъ». Здѣсь Нарбонну представился хорошей случай напомнить ему, что предложеніе было сдѣлано Австріей, предложеніе *ходатайства*, а не посредничества; что Наполеонъ согласился на него, только имѣя въ виду укрѣпить и расширить союзъ, и вовеки не принималъ *вооруженнаго посредничества*; что, впрочемъ, результатомъ этого посредничества было, по его мнѣнію, бросить Австрію со всѣми ея силами на сторону Наполеона; что Австрія дала это понять; что только ради этого Наполеонъ торопилъ ее вооружиться. «Наконецъ, сказалъ Францъ, это—мое убѣжденіе; я хочу, чтобы всѣ мои войска были соединены, чтобы дѣйствовать заодно съ императоромъ.—Значитъ они всѣ назначены сражаться за него?» спросилъ Нарбоннъ.—«Да, въ томъ случаѣ, если онъ, какъ я надѣюсь, согласится на разумныя предложенія». Онъ пробормоталъ нѣсколько сбивчивыхъ словъ о Рейнѣ, объ

¹⁾ Докладъ 20 апр. 1813.—Нота 21 апр., *Файль*.

²⁾ «Отчетъ объ аудіенціи, данной его величествомъ императоромъ австрійскимъ французскому посланнику» 23 апр. 1813.

Итали и продолжалъ: «Берегитесь. г. посланникъ, я имѣю основаніе думать, что будутъ недовольны вашей послѣдней нотой». Нарбоннъ умолялъ его не покидать своего зятя. Честный австріецъ, припертый къ стѣнѣ, призвалъ на помощь послѣдній доводъ политиковъ, не имѣющихъ въ оправданіе своего поведенія такихъ причинъ, въ которыхъ можно сознаться:—«Нѣтъ, я не могу измѣнить своего рѣшенія; это—мое убѣжденіе, и моя совѣсть того требуетъ. Иначе я буду отвѣтственъ передъ Богомъ!».

Нарбоннъ вышелъ очень взволнованный этой аудіенціей, во время которой онъ опрометчиво заставилъ Франца превратить лицемѣрную и скрытую измѣну въ измѣну совершившуюся и признанную. Между тѣмъ, онъ узналъ, что король Саксоніи на пути къ такой же измѣнѣ, какъ и Австрія ¹⁾. «Разговоръ, который я имѣлъ сегодня утромъ съ императоромъ, пишетъ онъ Наполеону, несколько не уменьшил моего недовѣрія»—къ окончательному шагу, который предприниметъ Австрія—«и въ этомъ разговорѣ я припоминаю слова, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ подпольномъ союзѣ, существующемъ между здѣшнимъ кабинетомъ и всѣми государями, находящимися теперь въ войнѣ съ вашимъ величествомъ... Не мудрено, что г. Гумбольдтъ и Штакельбергъ повторяютъ всюду, что австрійское правительство зашло слишкомъ далеко, чтобъ отступить, и то, что я считалъ лукавымъ подвохомъ, принимаетъ характеръ истины». Затѣмъ, намекая на слухи, ходящіе о саксонскомъ королѣ: «Все это наводитъ болѣе, чѣмъ на подозрѣнія, не давая въ то же время увѣренности... Хвастаютъ, что къ 1 іюля будутъ имѣть армію въ 180,000 чел., и тогда, государь, выяснится то, что здѣсь называютъ разумными условіями, очень далекими отъ тѣхъ, на которыя ваше величество мнѣ мелькомъ указывали». Вышеупомянутые 180 т. чел. поддержать постановленія, которыя Австрія разсчитываетъ предписать, если до тѣхъ поръ императоръ не помѣшаетъ этому однимъ изъ чудесъ, къ которымъ онъ насъ приучалъ. «Мнѣ это повторили два раза». Тѣмъ не менѣе, онъ не отчаивается привести ихъ или заставить придти къ нейтралитету ²⁾.

Черезъ три дня, 26 апрѣля, Меттернихъ въ сухой нотѣ отклонилъ всѣ требованія, ссылаясь на свои прежнія объясненія ³⁾.

¹⁾ Король Саксоніи покинулъ Регенсбургъ 19-го, чтобы отправиться въ Линцъ и встрѣтиться тамъ съ Францемъ II. Онъ взялъ съ собою своего духовника и принцевъ дома. Серра къ Нарбонну, 22 апр. 1813 г.]

²⁾ Докладъ Наполеону, 23 апр. 1813.

³⁾ Текстъ у *Файна*.

Отъ этихъ словъ повѣяло войной. 21 апрѣля графъ Гарденбергъ, всегда хорошо освѣдомленный, писалъ Мюнстеру въ Лондонъ: «Онъ (Меттернихъ) слишкомъ привязанъ къ государству и слишкомъ честолюбивъ, чтобы не желать возстановить его въ прежнемъ блескѣ; въ то же время онъ слишкомъ уменъ, чтобъ ожидать этого отъ Франціи, даже если бы она ему предлагала увеличеніе Австріи за ея помощь въ настоящей борьбѣ...».

II.

Эти слова предназначались принцу-регенту Англіи. До сихъ поръ Англія не появлялась на сценѣ; шагъ за шагомъ она выступить и снова возьметъ на себя рѣшающую роль, какъ и подобаетъ ея амплуа главнаго казначея коалицій. Тѣмъ не менѣе она еще соблюдала сдержанность. Она еще сомнѣвалась въ рѣшеніяхъ и вооруженіяхъ Австріи, а въ особенности Пруссіи.

Англійскіе министры считали съ этой минуты катастрофу неизбежной; они хотѣли вмѣшаться въ дѣла Германіи только для нанесенія рѣшительнаго удара и для отнятія главной своей гарантіи, Нидерландовъ. Герцогство варшавское, Рейнскій союзъ, возстановленіе Пруссіи и Австріи касались ихъ мало и стояли на второмъ планѣ, только какъ средства. На первомъ планѣ было Средиземное море, и съ этой стороны все имъ удавалось: королевство Жозефа въ Испаніи распалось подъ ихъ ударами, королевство Мюрата унадесть, какъ плодъ, стгнившій на своей вѣткѣ; стоитъ имъ потрясти дерево. Они занимали Португалію, подъ предлогомъ покровительствовать ея независимости; Сицилію, подъ предлогомъ покровительствовать тамъ монархіи. Ихъ агенты, Бентинкъ, держалъ тамъ Бурбоновъ связанными по рукамъ, подъ предлогомъ вырвать ихъ изъ когтей Наполеона. Нужно защищать, т. е. покорить торговому главенству Англіи, Португалію, Испанію, Сицилію, Неаполь и за ними всю Италію; заключить столько же торговыхъ трактатовъ, какъ и трактатовъ о возстановленіи престоловъ; столько же открыть рынковъ, какъ и освободить народовъ. Англійскіе министры видѣли это такъ же ясно въ 1813 г., какъ Екатерина II двадцать лѣтъ тому назадъ, и они боролись на берегахъ и на моряхъ съ наполеоновскимъ деспотизмомъ, какъ великая императрица сокрушала французскую революцію въ Варшавѣ и проектировала ея уничтоженіе въ Константинополѣ. Лондонскій банкъ считалъ доходы операци, британская торговля намѣчала на глобусѣ новые рынки: острова и колоніи Франціи и Голландіи, возставшія испанскія владѣнія Америки. Англія обогащалась общимъ бѣдствіемъ, остановкой работъ на заводахъ на континентѣ, упадкомъ всѣхъ разбитыхъ флотовъ. Нѣтъ больше конкурен-

товъ, нѣтъ нейтральныхъ державъ, этихъ паразитовъ войны на морѣ! Понятно, что прежде, чѣмъ дать денежную помощь союзникамъ, кабинетъ выжидалъ, желая быть увѣреннымъ, что они будутъ работать для Англiи, и что окончательный миръ станетъ англійскимъ миромъ, миромъ 1763 г. Онъ находилъ, что еще не пришелъ моментъ предписать этотъ миръ.

Вессенбергъ, пріѣхавшій 29 марта, не нашелъ особенной готовности въ Лондонѣ ¹⁾. Безъ сомнѣнія, все обаяніе, потерянное Франціей, перешло на Россію, и въ Англiи возвращались къ прекраснымъ намѣреніямъ 1804 г., но только относительно Россіи. «Эгоизмъ британскаго правительства, пишетъ Вессенбергъ ²⁾, никогда не выступалъ такъ ярко, какъ теперь, и слѣдствіемъ его является ослѣпленіе, отъ котораго кабинетъ излѣчится, боюсь, только путемъ большихъ несчастій. Будучи увѣренъ въ Россіи, онъ воображаетъ, что можетъ обойтись безъ остальнаго континента и, въ особенности, безъ мира съ Франціей... Ясно, что его политикой будетъ всегда система войны, и это до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ основывать свои интересы исключительно на морской торговлѣ... Англичане говорятъ о войнѣ въ Германіи, какъ бы кто говорилъ о войнѣ въ Индіи...» Принцъ-регентъ, настроенный Мюнстеромъ, вполнѣ ганноверцемъ и очень мало австрійцемъ, выказывалъ холодность: Кэстлри—очень мало любезности: онъ не хотѣлъ ничего слышать о мирѣ; онъ боялся даже, какъ бы слухи о переговорахъ не распространились въ публикѣ, такъ какъ они будутъ плохо приняты, и это поставитъ кабинетъ въ неловкое положеніе. Короче, онъ отклонилъ ходатайство, а тѣмъ болѣе посредничество Австріи ³⁾.

Старинный прусскій агентъ, Якоби, съ 1807 г. постоянно выжидавшій случая, пріѣхалъ въ Лондонъ немного спустя послѣ Вессенберга ⁴⁾. Онъ былъ лучше принятъ, такъ какъ говорилъ не о посредничествѣ, а о союзѣ съ Англiей, и о томъ, что Пруссія, въ денежномъ отношеніи, находится въ зависимости отъ Англiи. Наконецъ въ Лондонѣ поняли, что безъ Пруссіи Россія не перейдетъ въ наступленіе. Гарденбергъ поручилъ Якоби сообщить англійскимъ министрамъ Калишскій договоръ съ его секретными параграфами и предлагалъ принять эти условія основаніемъ будущаго соглашенія между Пруссіей и Англiей. А въ Калишскомъ дого-

¹⁾ *Ариетъ*, Вессенбергъ, т. I, гл. XII: порученіе въ Англiю.—*Письма Воронцова*.—*Мартенсъ*, т. XI, замѣтка о трактатѣ въ Рейхенбахѣ.—*Ранке*, т. V, кн. IV, гл. XXIII и XXIV.

²⁾ Докладъ 10 мая 1813 г.

³⁾ Докладъ Вессенберга, 9 апр. 1813 г.

⁴⁾ См. т. VII, кн. I, гл. III, § 4 въ концѣ.

воръ находился параграфъ, шестой, который, повидимому, могъ внушить довѣріе и доставить удовлетвореніе англичанамъ—тотъ, по которому союзники обязывались «не вести отдѣльныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, не подписывать ни мира, ни перемирія, ни какого бы то ни было договора иначе, какъ съ общаго согласія». Если Пруссія приметъ, по отношенію къ Англiи, такое же обязательство, Россія, будучи въ союзѣ съ Пруссіей, тѣмъ самымъ войдетъ въ союзъ съ Англiей. Ни Пруссія, ни, слѣдовательно, Россія не смогутъ «вести отдѣльныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, подписывать миръ или перемиріе» иначе, какъ съ общаго согласія съ Англiей. Никакая коалиція, за неимѣніемъ денегъ, немыслима безъ нея. Никакой миръ—когда будетъ заключена коалиція—не будетъ возможенъ безъ ея согласія. Англiя, держащая въ рукахъ войну своими субсидіями, будетъ держать этими оговорками нити всѣхъ переговоровъ; она будетъ участвовать во всѣхъ совѣщаніяхъ и во всѣхъ конгрессахъ; могутъ начать до ея появленія, но кончить безъ нея будетъ нельзя ничего; она явится, поставитъ условія, и Пруссія и Россія подпишутъ только эти условія или, по крайней мѣрѣ, условія, на которыя она согласится. Слѣдовательно, всѣ предложенія, сдѣланныя Австріей Наполеону безъ согласія Англiи, будутъ лишь притворными или предварительными, не обязывающими коалицію ни къ чему окончательно. Эта комбинація, придуманная въ 1805 г. и вставленная въ апрѣльскій трактатъ, назначенный служить хартіей тогдашней коалиціи, получала теперь громадное значеніе. Въ этомъ заключалось то постоянно подразумеваемое во всѣхъ предложеніяхъ мира, тотъ конецъ вещей, который необходимо различить съ самаго начала, безъ чего примешь за серьезныя—если не искреннія—тѣ предложенія, которыя никогда не были таковыми, потому что Англiя отказалась присоединиться къ нимъ.

Теперь понятно, что эта оговорка сейчасъ же расположила англичанъ выслушать прусскаго посла. Была еще другая, назначенная для привлеченія принца-регента: созданіе «новаго значительнаго королевства *отъ Эльбы до Шельды, быть можетъ*, которое заключитъ въ себѣ прежнія ганноверскія владѣнія и будетъ назначено для какого нибудь англійскаго принца...». «Увеличеніе (такое) ганноверскаго дома, писалъ канцлеръ Гарденбергъ, которое поставитъ промежуточное государство между Пруссіей и Франціей и создастъ естественный союзъ между Пруссіей и Англiей, вовсе не противъ нашихъ интересовъ; но, прибавляетъ онъ, нужно, чтобы Пруссія была соотвѣтственно увеличена...» Новое королевство Австралія, которое сдѣлаетъ Англiю властительницей восточной Германіи, Германіи на морѣ, Голландіи и Нидерландовъ, передастъ въ ея руки побережье отъ Везера до Шельды—не могло не нравиться въ Лон-

донъ; но зато къ условію, поставленному Гарденбергомъ—соотвѣтственнаго увеличенія Пруссіи, не отнеслись такъ благосклонно. Глухое соперничество Гвельфа и Гогенцоллерна; явилось подозрѣніе, что подкладкой этого дѣла служить довольно темная махинація, которая не упростила и не ускорила дѣла ¹⁾).

Между тѣмъ пруссаки объявили о своей настоящей нуждѣ въ деньгахъ и оружіи. «Боязнь отдѣльнаго мира между Россіей и Франціей неотступно, какъ призракъ, стоитъ передъ англійскимъ правительствомъ», писалъ Ливенъ. Они рѣшили помочь Россіи и доставить оружіе Пруссіи ²⁾. Не перечелъ ли тогда Кэстльри старыя замѣтки Питта, и не всосалась ли частичка души этого непримиримаго врага французскаго величія въ души его преемниковъ? Единственно только надежда ускорить паденіе гиганта, только боязнь упустить случай нанести послѣдній ударъ, боязнь отнять мужество у Европы, отерочивъ месть и добычу, восторжествовали надъ ихъ дурнымъ отношеніемъ къ Австріи и недостаткомъ довѣрія къ Пруссіи. Лордъ Каткартъ, уполномоченный при Александрѣ, слѣдовалъ за главной квартирой русскихъ. Генералъ-лейтенантъ Чарльзъ Стюартъ, братъ Кэстльри, былъ назначенъ уполномоченнымъ при прусскомъ правительствѣ. Они собирались возобновить переговоры съ того пункта, на которомъ ихъ прекратилъ Новосильцевъ, вернуться къ условіямъ кануна Аустерлица, т. е. къ возвращенію Франціи въ ея старыя границы и—какъ слѣдствіе этого—къ сверженію Наполеона.

III.

Въ томъ же духѣ англичане вели переговоры съ Бернадоттомъ, но здѣсь они, если и не имѣли полного довѣрія къ человѣку, но крайней мѣрѣ, были увѣрены, что дѣйствовали навѣрняка. Письма, получаемыя ими изъ Парижа, показывали своевременность одной изъ тѣхъ диверсій во внутрь, одного изъ тѣхъ подпольныхъ волненій общественнаго мнѣнія, которыми Англія пользовалась съ такимъ успѣхомъ всегда, и сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, послѣ революціи. Ничто не казалось ей болѣе способнымъ подстрекнуть усердіе и поддержать безкорыстныя или корыстныя иллюзіи *друзей Англіи*, какъ вмѣшательство Бернадотта въ войну ³⁾.

¹⁾ Инструкціи барону Якоби, Бреславль, 26 марта 1813 г. *Оккенъ*, O. und Pг, т. II, гл. IX. Гвельфы и война за освобожденіе.

²⁾ *Мартенсъ*, т. XI: Замѣтка по поводу конвенціи въ Рейхенбахѣ.—См. т. VI, стр. 304.

³⁾ См. т. VII, кн. II, гл. III, § 12 въ концѣ: заговоръ на югѣ и слухи, тогда распространившіеся, о выступленіи на сцену Бернадотта.

Онъ даетъ партіи, не рѣшившейся еще объявить себя, вождя, подставное имя, предлогъ къ интригамъ, къ заговорамъ, къ подкопамъ и хитростямъ.

Окруженный, въ лицѣ своего генеральнаго штаба, французами-эмигрантами, состоящими въ сношеніяхъ съ конституціоналистами и даже съ республиканцами, Бернадоттъ былъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы соединить тѣхъ, которые считали, что можно бороться противъ Наполеона, продолжая любить Францію, и служить дѣлу свободы, работая надъ низверженіемъ имперіи ¹⁾. Работу, которую Галлейранъ и Фушэ продолжали въ Парижѣ, въ тайныхъ будуарныхъ собраніяхъ, онъ поведетъ открыто. Онъ будетъ очень дѣятельнымъ развратителемъ общественнаго мнѣнія во Франціи, даже самымъ дѣятельнымъ, пока Моро не рѣшится вернуться ²⁾. Бернадоттъ представлялъ для англичанъ еще то преимущество, что въ великомъ планѣ гвельфскаго королевства онъ будетъ самъ заинтересованъ: этотъ планъ велъ за собой экспроприацію Даніи, расчлененную или вознагражденную, и отдачу Норвегіи во власть Бернадотта. Онъ вынудилъ у Александра это обѣщаніе ³⁾; онъ заставилъ англичанъ, хотя въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, подтвердить его. Онъ обявлялся договоромъ, подписаннымъ въ Стокгольмѣ 3 марта 1813 г., за миліонъ фунтовъ стерлинговъ, вступить въ Германію съ 30 тыс. войска и поддерживать дѣйствія русской арміи. Англійскій кабинетъ прибавилъ къ своему обѣщанію относительно Норвегіи еще и Гваделупу, что окончательно скомпрометируетъ Бернадотта въ глазахъ Франціи. Но это условіе оставалось тайнымъ. Что касается французскаго общества, разговоры льстецовъ, письма ослѣвленныхъ, какъ, напр., г-жа Сталь, наконецъ, бахвальство самого Бернадотта укрѣпляютъ въ немъ увѣренность, что этотъ бывший военный министръ директоріи, довѣренное лицо республиканской партіи въ 1799 г., этотъ заклятый фруктидорецъ, этотъ извѣстный антибрюмерьянецъ можетъ работать только за гарантію *естественныхъ границъ*. Въ дѣйствительности, Бернадоттъ присоединялся къ политикѣ, первымъ параграфомъ которой было разрушеніе этихъ границъ и любимой комбинаціей—англоганноверское королевство, простирающееся до Шельды.

Этотъ союзъ былъ зовкимъ шагомъ. Англичане надѣялись, что онъ послужитъ заразительнымъ примѣромъ. Они готовили еще другой,

¹⁾ См. т. VII, кн. II, гл. II, § 1 въ концѣ объ этой партіи «имперіи безъ императора».

²⁾ *Христіанъ Шеферъ*, Бернадоттъ король, гл. II: наслѣдный принцъ и Европа.—*Леонъ Пинно*: Бернадоттъ, Наполеонъ и Бурбоны, гл. X и XII; Чарльзъ Жанъ и г-жа Сталь; изъ Стокгольма въ Штральзундъ.—Воспоминанія Сеп-Шамана.

³⁾ См. т. VII, кн. II, гл. III, § 11, свиданіе Александра съ Бернадоттомъ и договоръ 30 августа 1812 г.

соблазнъ котораго будетъ имѣть еще болѣе обширный отзвукъ и произведетъ еще болѣе глубокое потрясеніе.

Мюратъ внезапно покинулъ великую армію ¹⁾. При самомъ вступленіи въ Пруссію онъ хотѣлъ уѣхать и 17 декабря 1812 г., въ Гумбиненѣ, имѣлъ довольно крупное столкновеніе съ Даву, который явился къ нему за приказаніями. Даву засталъ его съ Бертье, выходящимъ изъ-за стола. «Безъ всякаго повода и безъ предисловія» Мюратъ объявилъ ему, «что никто въ Европѣ не довѣряетъ его (Наполеона) намѣреніямъ, что онъ могъ бы самъ заключить миръ съ англичанами». Онъ говорилъ это, будто сожалѣя, что не сдѣлалъ этого. Онъ хвалилъ шведскаго наслѣднаго принца, Бернадотта, что было не менѣе знаменательно. Даву представилъ ему, «что онъ сталъ королемъ только по милости императора и благодаря крови французовъ; что, кромѣ того, онъ французскій принцъ, и долгъ ему предписываетъ не заключать мира съ врагами императора безъ согласія послѣдняго». На это Мюратъ отвѣчалъ: «что онъ такой же король Неаполя, какъ и императоръ Австріи—австрійскій императоръ, и что онъ можетъ дѣлать все, чего захочетъ» ²⁾. Дѣло въ томъ, что уже впродолженіе двухъ лѣтъ онъ считалъ, что ему грозитъ судьба Людовика. Ревнуя свою жену Каролину, не столько въ качествѣ супруга, сколько въ качествѣ короля, онъ подозрѣвалъ ее въ заговорѣ съ Наполеономъ съ цѣлью сверженія его, Мюрата, съ престола и, со своей стороны, не брезгалъ ничѣмъ, чтобы сдѣлать непопулярнымъ регентство своей жены. 4 февраля онъ пріѣхалъ въ Неаполь, тамъ его встрѣтилъ восторженный пріемъ. Дюранъ, французскій посланникъ, пишетъ, что королева старается изо всѣхъ силъ заставить Мюрата опомниться. «Хотя она не менѣе привязана къ власти и блеску трона... ея сердце и разумъ дѣйствуютъ заодно, чтобы заставить его почувствовать, что для короля, для нея, для ихъ семьи нѣтъ другой гарантіи, кромѣ самого могущества императора, единственно въ руки императора они и должны положить судьбу свою» ³⁾.

¹⁾ *Гельфертъ*: Иоachimъ Мюратъ; Каролина, королева Неаполитанская; Марія-Каролина австрійская.—*Ботта*, франц. пер. т. V, кн. XXVI.—*Гервинусъ*, пер. Минзена, т. III, гл. III, королевство Обѣихъ Сицилій.—*Крешери*, Записки.—Мемуары Девернуа.—Неизданныя письма Мюрата (*Revue de Paris*).—*Вейль*, принцъ Евгений и Мюратъ: Источники, т. V, стр. 201.—*Дюфуркъ*, Мюратъ и вопросъ объ единствѣ Италіи въ 1815 г.—*Бланки*, Storia documentata della diplomazia europea in Italia.

²⁾ Даву къ Дюроку, 3 февраля 1813 г. См. т. VII, кн. II, гл. II, § 3; гл. III, § 6, и у *Гельферта*. Мюратъ, доклады графа Мьера, австрійскаго посла въ Неаполь—*Вейль*.

³⁾ Докладъ Дюрана, 10 марта 1813 г.

Между тѣмъ однимъ изъ первыхъ дѣйствій Мюрата было послать въ Вѣну принца Каріати съ секретными и чисто личными инструкціями, безъ вѣдома своихъ французскихъ министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, Галло. Принцъ долженъ былъ сказать и сказалъ Меттерниху, «что король желалъ лишь сохраненія неаполитанскаго престола, что онъ откажется отъ своихъ претензій на Сицилію..., увѣренный, тѣмъ не менѣе, что рано или поздно Франція будетъ угрожать его жизни, и, зная либеральные взгляды (императора австрійскаго), онъ желалъ имѣть гарантію дальнѣйшаго своего существованія; что эта гарантія можетъ ему быть дана только Австріей, и что онъ готовъ, взаменъ, поддерживать наши дѣйствія (Австріи), если нужно, всеми своими военными силами» ¹⁾.

Онъ находилъ въ отношеніи къ нему Наполеона основаніе подозрѣніямъ, которыми и оправдывалъ свое поведеніе. Одно письмо, «возбуждавшее сильное безпокойство» ²⁾, затѣмъ—молчаніе. Наполеонъ написалъ два письма королевѣ, но такія рѣзкія, что она скрыла ихъ отъ своего мужа ³⁾. Трудно думать, что до Мюрата не дошли отголоски нѣкоторыхъ очень жесткихъ словъ Наполеона по его поводу, о которыхъ слѣдующее письмо къ Евгенію даетъ нѣкоторое понятіе: «Я нахожу поведеніе короля чрезвычайно сумасброднымъ, и немного нужно, чтобы я велѣлъ арестовать его въ примѣръ прочимъ. Это человѣкъ храбрый на полѣ битвы, но ему не хватаетъ соображенія и нравственнаго мужества» ⁴⁾. Онъ прочелъ слѣдующую замѣтку, напечатанную въ *Мониторъ* ⁵⁾: «Неаполитанскій король долженъ былъ, по болѣзни, оставить командованіе арміи, которое передалъ вице-королю Евгенію. Послѣдній болѣе опытенъ въ дѣлахъ высшей администраціи; онъ пользуется полнымъ довѣріемъ императора». Мюратъ считалъ себя, болѣе чѣмъ когда нибудь, подъ угрозой потери трона и конфискаціи. Въ то время, когда онъ уже чувствовалъ руку Наполеона на своей коронѣ, итальянцы шли къ нему, умоляя царствовать. Цѣпляясь изъ чувства самолюбія за неаполитанскій престоль, онъ видѣлъ въ будущемъ славу сдѣлаться освободителемъ Италіи, освя-

¹⁾ Меттернихъ къ Мьеру, 20 апрѣля 1813 г. «Принцъ Каріати выполнилъ относительно меня свое порученіе. Онъ мнѣ сказалъ...»—*Гельфертъ*, *Вейль*.

²⁾ «Я въ первый разъ узналъ, что онъ получилъ впродолженіе этого времени письмо отъ императора, которое произвело на него глубокое впечатленіе и, будучи послѣднимъ общеніемъ между двумя монархами, дало сердцу короля поводъ къ самымъ тревожнымъ мыслямъ». Докладъ Дюрана 31 марта 1813 г.

³⁾ Они не были розысканы. См. въ корреспонденціи замѣтку подъ № 14502, и *Гельфертъ*: Марія-Каролина, стр. 508, примѣчаніе.

⁴⁾ Наполеонъ къ Евгенію, 20 января 1813 г.

⁵⁾ 27 января 1813 г.

тить общей подачей голосовъ свое королевское достоинство, полученное въ даръ, и изъ короля-самозванца, короля-зятя стать дѣйствительнымъ королемъ благодаря революціи. Этимъ призракомъ высшей политики онъ прикрылъ бы въ своихъ глазахъ измѣну, которую замышлялъ.

Италія не испытывала такихъ потрясеній, какъ Германія. Но все же тамъ волновались и, рядомъ съ перспективой паденія Наполеона, ждали тѣхъ же волненій и заговоровъ, которые сопровождали въ 1799 г. паденіе республикъ директоріи ¹⁾. Къ партіи чисто революціонной, къ карбонаріямъ, стали теперь примыкать люди изъ среднихъ классовъ, тѣ «просвѣщенные люди», которые ждали отъ господства французовъ пришествія свободы, которые не довольствовались гражданской свободой, а мечтали о свободѣ политической и, даже болѣе, о національной независимости, объ Италіи для итальянцевъ; одни, карбонаріи, въ формѣ республики; другіе въ формѣ монархіи, но въ томъ и другомъ случаѣ — единой и національной. Прибавьте еще агентовъ прежнихъ династій, папскихъ сторонниковъ, контръ-революціонеровъ, для которыхъ, какъ и для французскихъ эмигрантовъ, всякій союзъ былъ хорошъ, лишь бы уничтожить дѣло революціи; они зажгутъ пожаръ въ Италіи, австрійцы потушатъ огонь и уничтожатъ поджигателей. Нуженъ былъ человекъ, знатный и обаятельный, чтобъ зажечь всѣ эти элементы. Однимъ — патриотамъ — Мюратъ казался достаточно честнымъ и прославленнымъ, чтобъ принять на себя эту задачу; другимъ — достаточно заносчивымъ и глупымъ, чтобъ быть ими одураченнымъ, пока не станетъ ихъ жертвой. И тѣ и другіе его оплетали и осыпали лестью. Онъ отвѣчалъ на это бахвальствомъ, «суля золотыя горы, говоря, что нужно, наконецъ, вернуть свободу Италіи, что онъ способенъ ей дать эту свободу и дать ее» ²⁾. Короче, онъ попался на собственную удочку и принималъ позы рыцаря, борца за независимость и единство Италіи.

Англичанинъ Бентинкъ ³⁾, проконсулъ Сициліи, хорошо осведомленный черезъ своихъ шпионовъ, слѣдилъ внимательно за этимъ движеніемъ, возбуждалъ умы и держалъ, посредствомъ своихъ агентовъ, нить всѣхъ интригъ. Этотъ покровитель легитимизма поступалъ съ Бурбонами Сициліи, какъ прежде, въ Голландіи, министры директоріи съ республиканцами Батавіи. Онъ дѣйствовалъ бунтами, угрозами, полиціей, обложеніемъ дворца войсками. Онъ былъ въ открытой борьбѣ съ тѣми, кому покровительствовалъ. Марія-Каролина доносила на него въ Лондонъ, возмущала

¹⁾ См. т. V, стр. 258 и слѣд.; 330 и слѣд.; т. VII, кн. II, гл. II, § 3; гл. III, § 6; положеніе Италіи въ 1811 г.

²⁾ *Ботта*, т. V, стр. 365.

³⁾ См. т. VII, кн. II, гл. III, § 6 и выше стр. 75.

противъ него народъ и старалась увлечь сицилійскія войска. Слабоумный Фердинандъ, — находящійся, какъ всегда, между страхомъ передъ своей женой, страхомъ англичанъ, страхомъ быть убитымъ или, по меньшей мѣрѣ, заключеннымъ, страхомъ, что помѣшаютъ его охотамъ и развлеченіямъ, — отрекался отъ престола въ пользу сына, то снова бралъ въ руки власть. Бентинкъ, опасаясь, что парламентъ его обвинитъ въ желаніи играть роль Наполеона въ Испаніи, въ 1808 г., рѣшилъ удержать Фердинанда на престолѣ, но захватить въ свои руки управленіе, что онъ и сдѣлалъ 6 февраля. Затѣмъ онъ употребилъ самыя скверныя средства и запугиванія, чтобъ избавиться отъ королевы. Это ему удалось. Марія-Каролина сѣла на корабль 2 апрѣля, желая достигнуть Австріи. Въ то время, когда союзники въ Германіи старались лишить престола короля Саксоніи, король Сициліи оказался подъ домашнимъ арестомъ, а королева, сестра Маріи-Антуанетты, блуждала по морямъ, отталкиваемая отъ одного берега къ другому. Такъ подготовлялось дѣло реставраціи.

Захвативъ Сицилію, Бентинкъ задумалъ стать господиномъ Неаполя, а затѣмъ и остальной Италіи. Онъ увеличилъ число эмиссаровъ и усилилъ тайные происки. Онъ вступилъ въ тайные и подозрительные переговоры съ Мюратомъ. Являясь передъ патриотами и легитимистами покровителемъ свободы однихъ, правъ другихъ, «выставляя Великобританію готовой помогать предпріятно» каждому, онъ подговаривалъ Мюрата объявить себя покровителемъ итальянской свободы, хвалилъ его достоинства, его военную ловкость, утверждалъ, что присоединеніе Мюрата къ союзникамъ рѣшитъ успѣхъ дѣла, что нарушитель мира и спокойствія будетъ раздавленъ, что Іоакимъ будетъ провозглашенъ союзниками королемъ Неаполя. Таковы были намеки Бентинка, и англичанинъ такъ надѣялся на успѣхъ, что послалъ авизо въ Лондонъ, чтобъ оттуда получить подтвержденіе своихъ обѣщаній.

Но въ этой первой фазѣ своей измѣны Мюратъ долженъ былъ, какъ всегда, до самой послѣдней катастрофы своей жизни, поставить въ тупикъ и себя, и своихъ совѣтниковъ, и подстрекателей и сообщниковъ. Этотъ несчастный былъ одержимъ бѣсомъ царствованія: если онъ считалъ, что его коронѣ угрожаетъ Наполеонъ, онъ отдавался союзникамъ; если снова начиналъ надѣяться на милость императора, онъ возвращался на сторону Франціи. Но стоило ему успокоиться, и къ нему возвращался здравый смыслъ: онъ понималъ, что союзники никогда не примутъ его чистосердечно, что Наполеонъ, посадивъ его на престолъ, могъ, безъ сомнѣнія, однимъ росчеркомъ пера свергнуть его съ трона; но онъ также чувствовалъ, что единственнымъ шансомъ остаться королемъ былъ союзъ

съ императоромъ, который его сдѣлать королемъ. Наконецъ, солдатъ въ душѣ, онъ сохранялъ сердце француза, горячее, наивное: дитя улицъ Франціи, отставной солдатъ прежняго режима, восторженный доброволецъ революціи, несмотря на пестроту и вышивки своихъ костюмовъ. Живя среди неаполитанской *maschera*, онъ не утратилъ простонародной воспримчивости. Какъ послѣдній изъ его прежнихъ товарищей, пребендарій, отупѣвшій въ провинціи въ какой нибудь должности сборщика или въ депо ремонта, этотъ герой въ сословія пробуждался, при звукѣ рожка, воиномъ республики, готовымъ прищипорить коня и ринуться впередъ, высоко поднимая саблю. Изъ всѣхъ своихъ расчетовъ онъ предпочиталъ тотъ, который согласовался съ этимъ инстинктомъ, его природной добродѣтелию: «Какъ! говорилъ онъ Дюрану ¹⁾, неужели императоръ не понимаетъ, насколько я ему полезенъ въ Италіи? У меня уже 30000 человекъ подъ ружьемъ; скоро ихъ будетъ 40000. Неаполитанская армія обезпечиваетъ теперь безопасность Италіи. Если императоръ не хочетъ вѣрить искренности моихъ утвержденій, пусть онъ вѣритъ, по крайней мѣрѣ, тому, что мнѣ подсказываетъ мой собственный интересъ. Какую гарантію могутъ имѣть въ моихъ глазахъ ихъ обѣщанія? Развѣ я не знаю, что моя судьба зависитъ отъ судьбы императора? Я отъ него получилъ мою корону. Конечно, я хочу сохранить ее, но въ особенности я хочу сохранить свою честь; пусть императоръ скажетъ слово, и я беру на себя защиту Италіи. Я буду ее защищать для него, для его системы, безъ всякой примѣси какого нибудь личнаго расчета. Если императоръ, въ будущемъ, найдетъ полезнымъ мое присутствіе въ великой арміи, пусть онъ мнѣ скажетъ, и я пойду туда; но пусть его сердце не закрывается передо мной, пусть онъ мнѣ выкажетъ то уваженіе, въ которомъ я нуждаюсь, чтобы хорошо служить ему, и, посвящая ему свою жизнь, пусть я, по крайней мѣрѣ, знаю, что онъ мнѣ отдаетъ справедливость!»

Такимъ-то образомъ, въ эту весну 1813 г., Мюратъ, испорченный измѣнами, узнавъ, что Франція взялась за оружіе, что германскіе союзники остались вѣрны, и что великое движеніе впередъ собирается возобновиться, написалъ императору, 12 апрѣля, письмо, похожее на письмо пойманнаго въ мародерствѣ капитана-любимца полковнику: «Мое сердце разбилося, когда вы высказали мнѣ недовѣріе, когда вы, повидимому, желали меня унизить передъ лицомъ Европы. Какъ, государь, вы могли сомнѣваться въ томъ, кто, съ самаго начала своей военной карьеры, давалъ вамъ лишь доказательства преданности и вѣрности, кто помышлялъ только о славѣ, о службѣ вашему величеству, о величій Франціи?»

¹⁾ Докладъ Дюрана, 31 марта 1813 г.

Но Бентинкъ сторожилъ его, а Меттернихъ растягивалъ свои сѣти. Послѣдній писалъ, 20 апрѣля, графу Мьеру: «Мы готовы выслушать короля...; императоръ желаетъ только одного: чтобы король управлялъ народами, которые отдали ему всю свою привязанность»; потомъ онъ пишетъ о посредничествѣ: «Держава-посредница не имѣетъ больше выбора; она можетъ имѣть успѣхъ только, если будетъ готова дѣйствительно поддержать свои слова войною. А потому его величество собираетъ большія военныя силы...»

IV.

Между тѣмъ царь и прусскій король пріѣхали 24 апрѣля въ Дрезденъ. При нихъ пріѣхали туда лордъ Каткартъ и сэръ Чарльзъ Стюартъ, оба снабженные полномочіями для переговоровъ. Англія отклоняла посредничество, но тѣмъ самымъ толкала Австрію въ коалицію, потому что Австрія не могла ничѣмъ инымъ доказать искренность своихъ намѣреній и получить необходимую денежную помощь, чтобы дѣйствовать энергично. Она принуждена была ускорить, болѣе чѣмъ того желалъ Меттернихъ, секретныя переговоры съ Пруссіей и Россіей, когда выступленіе на сцену Наполеона придавало внимательству если не серьезность, которой оно никогда не имѣло, то, по крайней мѣрѣ, мнимую прочность и нѣкоторое основаніе по формѣ и средствамъ.

Наполеонъ возсоздалъ армію; онъ располагалъ теперь двумястами тысячъ человекъ. Французскіе полки формировались и кончали упражненія во время похода. Имъ не хватало еще выносливости, но они выказывали увлеченіе; присутствіе императора ихъ электризовало. «Никогда, говоритъ одинъ офицеръ, наборъ не давалъ солдатъ такого высокаго, прекраснаго качества». Эта молодежь, слившись съ остатками великой арміи, напоминала — только безъ пагубной склонности къ паникѣ — тѣ отряды, которыхъ увлекли и приучили къ войнѣ Дюмурье и Келлерманъ въ 1792 г. Но запряжка артиллеріи была плоха, а кавалерія не въ полномъ составѣ. Наконецъ, между этими французами было слишкомъ много нѣмцевъ ¹⁾. Рейнскіе союзники составляли третью тѣхъ 170000 чел., которыхъ Наполеонъ ввелъ въ Саксонію. Франціи казалось, что, въ лицѣ своей собственной арміи, она была сама наводнена иностранцами.

Пріѣхавъ въ Эрфуртъ 28 апрѣля, Наполеонъ, 2 мая, разбилъ пруссаковъ и русскихъ при Лютценѣ, въ Саксоніи. Не имѣя кавалеріи, онъ

¹⁾ 10 мая, при переходѣ черезъ Эльбу, на четыре корпуса въ 60000--70000 чел., 109 батальоновъ, 28 эскадроновъ, 18 батарей, считалось: 3 кавалерійскихъ и 5 пѣхотныхъ нѣмецкихъ полковъ; 9 полковъ итальянской пѣхоты, иллирійской, швейцарской, испанской. *Гейссеръ*, т. IV, стр. 138.

не могъ преслѣдовать ихъ и уничтожить. Тѣмъ не менѣе, это было блестящее начало кампаніи, способное воодушевить войска, показать, что онъ оставался все тѣмъ же страшнымъ военнымъ вождемъ, какъ и прежде, но это былъ лишь успѣхъ, а не большая побѣда, не тотъ громовой ударъ, который былъ нуженъ, не разгромъ на голову, какъ при Іенѣ. Наполеонъ старался представить сраженіе блистательнымъ въ глазахъ своихъ союзниковъ и въ Вѣнѣ¹⁾. Онъ вообразилъ, что Лютценъ вернетъ ему Австрію. «Предложеніе принять вооруженное посредничество слишкомъ смѣшно, чтобъ австрійскій императоръ не понялъ этого; надо сказать прямо—это значитъ ставить интересы Франціи въ зависимость отъ воли императрицы и г. Стадіона», писалъ Коленкуръ Нарбонну 4 мая. Коленкуръ, сопровождавшій императора, сталъ свитскимъ изъ министра иностранныхъ дѣлъ, вступилъ въ главный штабъ и войсковую канцелярію, завѣдывалъ письменной частью, но здѣсь проглядываетъ стиль 1809 г., послѣ Ваграма.

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ до странности щадить австрійцевъ. Онъ осуждаетъ Нарбонна за то, что послѣдній зашелъ слишкомъ далеко и слишкомъ прямо поставилъ вопросъ²⁾. Онъ все надѣется вернуть ихъ снова: «Императоръ любитъ своего тестя, онъ желаетъ избавить его отъ неизбежныхъ несчастій, которыя послѣдуютъ, если онъ будетъ слушать наущеній и совѣтовъ англійской клики. Только имѣя въ виду щадить его слабость и не поставить министровъ въ необходимость взять обратно ошибочное рѣшеніе, желали выиграть время. Было очевидно, что, будь событія противъ насъ, мнѣніе народовъ увлекло бы за собою австрійскаго императора и поставило его противъ насъ, теперь же, когда французская армія побѣдила, въ интересахъ Австріи остаться на сторонѣ Франціи. Опрямительное объясненіе вашей свѣтлости имѣетъ ту выгоду, что оно освободило насъ отъ всѣхъ узъ съ этой державой, но императоръ предпочелъ бы, чтобъ ваша сдержанность избавила его отъ этого ложнаго шага».

8-го мая онъ отправился въ Дрезденъ; онъ хотѣлъ дать примѣръ рейнскимъ союзникамъ и предостереженіе народамъ. Онъ только что узналъ, изъ письма отъ Фридриха-Августа и изъ докладовъ Нарбонна, что Саксонія согласилась на посредничество Австріи, и что движенія ея войскъ удивительно смахиваютъ на измѣну³⁾. Прибавьте къ этому проявленія ненависти народовъ, возбужденныхъ Штейномъ и нѣмецкими патріотами.

¹⁾ Францу, королю Вюртембергскому, Жерому, 3 и 4 мая 1813 г.

²⁾ См. выше ноту 21 апрѣля и разговоръ 23-го, стр. 70—73.

³⁾ 20 апрѣля 1813 г. *Опенъ*, т. II, стр. 637.—*Боннефонъ*, Союзникъ Наполеона, стр. 376, 413, 416 и слѣд.—*Тьеръ*, т. XV, стр. 208, 209, 402, 412.

Наполеонъ обращается къ королю Саксоніи съ настоящимъ ультиматумомъ: онъ требуетъ отъ него присоединенія войскъ къ великой арміи, объявленія, что онъ продолжаетъ состоять членомъ Рейнскаго союза, что онъ не заключалъ никакого трактата враждебнаго этому союзу,—въ противномъ случаѣ, «я объявляю его вѣроломнымъ, внѣ моего покровительства, а слѣдовательно, болѣе не царствующимъ»¹⁾. При въѣздѣ въ городъ его ожидала, по обычаю, депутація муниципалитета. «Вы заслуживаете, сказалъ онъ, чтобъ я поступилъ съ вами, какъ въ завоеванной странѣ. Я знаю, какъ вы оскорбляли Францію; какимъ враждебнымъ восторгамъ вы предавались, когда императоръ Александръ и король Пруссіи вступили въ эти стѣны. На вашихъ домахъ мы видимъ еще остатки гирляндъ, а на мостовой растоптанные цвѣты, которые ваши дѣвушки бросали на пути шествія монарховъ. Но я готовъ простить васъ. Благословляйте вашего короля: онъ—вашъ спаситель». Король Саксоніи пріѣхалъ 12-го, покорный, вновь завоеванный и вполне искренній въ своемъ раскаяннѣ. Наполеонъ нашелъ нужнымъ публично показывать ихъ взаимное согласіе; но народъ оставался враждебенъ, а войско, принужденное служить ему, было недовольно и замышляло измѣну. Фридрихъ-Августъ привезъ изъ своихъ странствій по Германіи и Богеміи очень тревожныя свѣдѣнія о манерѣ держать себя Австріи. Перехваченныя письма окончательно сорвали маску со всего, что казалось подозрительнымъ въ ея посредничествѣ—ея происки у союзниковъ, ея попытки переманить союзниковъ Наполеона, наконецъ, ея намѣреніе, какъ только она найдетъ себя въ силахъ, принять участіе въ войнѣ, если ея условія мира не будутъ приняты. Зенфтъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Фридриха-Августа, видѣлъ Меттерниха. «Ему было легко, говорить онъ о себѣ, разобрать, что вѣнскій дворъ не имѣлъ ни серьезной надежды на миръ, ни опредѣленнаго плана для предложенія условій и, въ сущности, рѣшился на войну съ Франціей; старались только, по выраженію самого Меттерниха, обезпечить себѣ успѣхъ и выиграть время, нужное для окончанія приготовленій, которыя, по ихъ словамъ, должны были быть окончены на столько, чтобъ начать войну въ концѣ мая»²⁾. «Извѣстія, полученныя въ Дрезденѣ, не должны были уже оставить никакого сомнѣнія», совершенно вѣрно говорить Файнъ. А современный намъ вѣ-

¹⁾ Коленкуру, 8 мая 1813 г.—*Боннефонъ*, стр. 420 и слѣд.

²⁾ *Записки графа Зенфта*.—О Зенфтѣ и его запискахъ, *Сентъ-Бевъ*, *Notes et Extraits*, т. IX, ст. *Виндонъ*.—*Боннефонъ*, стр. 311, 418 и слѣд.—*Опенъ* O. und Pr., II, стр. 282 и слѣд. *Zeitalter*, т. II, стр. 637.—*Файнъ*, т. I, стр. 387—389.

мецкій историкъ пишетъ: «Только одинъ Наполеонъ могъ бы по этому поводу себя обманывать». Мы увидимъ, что онъ себя не обманывалъ.

Сраженіе при Лютценѣ помогло расчетамъ Меттерниха: оно дѣлало возможнымъ посредничество; оно давало Австріи отсрочку, которой она желала, возможность втянуть Наполеона, водить его, держать въ нерѣшимости, и самой поднять себя цѣну. То, что узнавалъ Меттернихъ о взаимныхъ пререканіяхъ союзниковъ, пруссаковъ противъ русскихъ, русскихъ противъ пруссаковъ, не могло его раздражать. Австрія возьметъ въ свои руки направленіе политики и войны, какъ только выступитъ на сцену. Если бы Наполеонъ раздавилъ союзниковъ, онъ сталъ бы вновь властителемъ міра; если бы его разбили, главенство осталось бы за Александромъ; Австрія была бы только канцеляріей арміи и вспомогательнымъ корпусомъ коалиціи. «Въ приливъ и отливъ волненій, извѣстій, опасеній и предположеній»¹⁾ Меттерниху приходилось идти труднымъ и опаснымъ путемъ: съ одной стороны, его господинъ, нерѣшительный и въ то же время упрямый; съ другой—общество, то возмущенное, то испуганное, ничего не понимающее, осуждающее замедленіе въ объявленіи войны. Умнѣемъ владѣть собой, послѣдовательностью, ловкостью, изворотливостью въ затрудненіяхъ Меттернихъ показалъ себя выше всѣхъ²⁾. Этотъ свѣтскій человѣкъ, политическій дэнди, съ бѣлыми, нервными руками, выказалъ хладнокровіе, глазомѣръ и энергію стараго лощмана.

Союзники заявляли ему свои требованія; Наполеонъ, не одержавъ полной побѣды, будетъ принужденъ обратиться къ «формамъ». «Нужно было, писалъ Меттернихъ, помѣшать ему слѣдовать своей обычной тактикѣ, т. е. повернуть въ Богемію, чтобы нанести намъ рѣшительный ударъ, послѣдствія котораго неисчислимы для Австріи». «Къ концу мѣсяца, говорилъ онъ графу Гарденбергу, богемская армія будетъ готова дѣйствовать: пока онъ рассчитывалъ быть согласнымъ съ другими державами по вопросу о посредничествѣ, а до тѣхъ поръ онъ хотѣлъ еще скрытничать съ Наполеономъ...» Онъ предвидѣлъ, что «война между Австріей и Франціей должна разразиться вслѣдствіе несомнѣннаго отказа Бонапарта на совмѣстныя будущія предложенія Россіи, Пруссіи и Австріи»³⁾.

Итакъ, суть дѣла заключалась въ томъ, чтобъ предложить ему такія условія, которыя онъ навѣрно не приметъ, а выборъ ихъ былъ не труденъ, потому что знали его намѣренія, потребности его политики и еще недавнія

¹⁾ *Воспоминанія герцога Брольи*, т. I, стр. 222.

²⁾ «Онъ не колеблется въ исполненіи своего плана». Докладъ графа Гарденберга 12 мая 1813 г. *Октябрь*.

³⁾ *Записки Меттерниха*.—Докладъ графа Гарденберга, 9 мая 1813 г.

его объясненія Шварценбергу. Наполеонъ не могъ отступить, не теряя своего обаянія, не могъ признать себя побѣжденнымъ, подвергаться новымъ требованіямъ союзниковъ; Меттернихъ зналъ, что заправили общественнаго мнѣнія въ Парижѣ сдѣлають оружіе противъ него изъ отказа отъ предварительныхъ условій, которыя, при настоящемъ настроеніи умовъ во Франціи, сочтутъ не только возможными, но и прекрасными. Такимъ образомъ, Наполеонъ будетъ втянутъ въ переговоры, а они приведутъ, самое меньшее, къ еще большей пропасти между нимъ и французами. Онъ потеряетъ преимущества наступательнаго положенія, превосходство численности, довѣріе генераловъ, увлеченіе войной.

«Переходъ отъ нейтралитета къ войнѣ можетъ совершиться только путемъ вооруженнаго посредничества», сказалъ Меттернихъ Францу II. Оставалось сдѣлать этотъ шагъ. 7 мая онъ составилъ инструкціи для Стадіона, котораго посылалъ къ Александру: онъ развивалъ свой взглядъ на вооруженное посредничество и намѣчалъ «планъ мира» для предложенія Наполеону; это было во 1) уничтоженіе герцогства варшавскаго и возвращеніе Австріи къ ея прежнему положенію до 1809 г.; 2) возвращеніе Пруссіи ея прежнихъ владѣній въ сѣверной Германіи; 3) отказъ Франціи отъ всѣхъ ея владѣній въ Германіи по сю сторону Рейна; 4) независимость Голландіи; 5) обратная отдача всѣхъ французскихъ провинцій въ Италіи; 6) возстановленіе папы; 7) для Австріи—границы до Люневильскаго трактата, Минчіо или Ольо, затѣмъ Тироль и Иннъ, Иллирія, Далмація и возвращеніе всего, что у нея было отнято трактатомъ 1809 г.; 8) прекращеніе главенства Наполеона въ Германіи; 9) королевство Италія внѣ власти императора французовъ¹⁾. Вотъ, по мнѣнію Меттерниха, условія *хорошаго* континентальнаго мира, но онъ признаетъ, что нужно различать *maximum* и *minimum*, смотря по ходу войны. О самой войнѣ онъ говоритъ прямо: «Графъ Стадіонъ докажетъ... что мы прежде всего стремимся ускорить конецъ... или быстрымъ соглашеніемъ съ державами, или операціями, которыя намъ позволятъ вывести свои войска за границу нашихъ владѣній...» Въ поддержку, Стадіонъ предъявитъ «военные расчеты, которые не оставляютъ ничего желать императору Александру относительно подробностей движеній нашей арміи... Онъ сдѣлаетъ все, чтобъ привести къ немедленнымъ переговорамъ и къ установленію базисовъ активнаго военнаго содѣйствія съ нашей стороны, въ случаѣ неуспѣха нашихъ стараній въ пользу мира». Въ тотъ же день Францъ написалъ царю. Онъ выражаетъ желаніе мирнаго соглаше-

¹⁾ Трактатъ 11 апрѣля 1805 г. назначалъ его одному изъ братьевъ Бонапарта, всего въроятно, Иосифу. См. т. VI, стр. 343.

нія, но при этомъ прибавляетъ: «Предположивъ противное, наши соединенныя силы, направленные съ опредѣленнымъ намѣреніемъ и съ полнымъ согласіемъ, приведутъ, безъ сомнѣнія, къ болѣе благородной цѣли, чѣмъ могутъ себѣ поставить державы»¹⁾. 8 мая Стадіонъ двинулся въ путь: онъ былъ способенъ привести къ концу «немедленные переговоры» и установить между Австріей и союзниками «самое полное согласіе», что было главной цѣлью его миссіи²⁾.

Оставалось помѣшать Наполеону дѣйствовать, пока не установится это согласіе. Меттернихъ видѣлъ Нарбонна 7 мая³⁾. Онъ не желалъ объявить ему *максимума* условій и то, что считалъ *базисомъ хорошаго мира*: это выяснится постепенно на конгрессѣ. Онъ только намекнулъ, что въ предложеніяхъ русскихъ онъ отбрасывалъ двѣ трети и принималъ одну. Но ни объ этихъ двухъ третяхъ, ни о самыхъ предложеніяхъ онъ не высказался ясно. Онъ не желалъ сообщить главнаго параграфа инструкцій Стадіона, самую суть *хорошаго мира*, по мнѣнію Австріи, т. е. возстановленія австрійской монархіи въ томъ видѣ, какъ она была въ 1805 г. Онъ ничего не объяснял. Нарбоннъ настаивалъ: «Всего болѣе даетъ надежды, безъ сомнѣнія, на заключеніе мира знакомство съ условіями, которыя вы желаете заставить принять и будете поддерживать; вы обѣщали мнѣ это знакомство, и я его требую». Меттернихъ удалился отъ предмета и пустился въ многословіе. Нарбоннъ, вспомнившій ихъ разговоръ 7 апрѣля, спросилъ⁴⁾: «Не значить ли все это, что вы желаете, чтобъ императоръ призналъ границей Рейнъ, включая сюда и Голландію?»—Да, безъ сомнѣнія, и это скорѣе въ его интересахъ, чѣмъ въ нашихъ.—«Тогда я, постепенно, заставилъ г. Меттерниха», продолжаетъ Нарбоннъ въ своемъ докладѣ, «изложить по статьямъ—уступку иллирійскихъ владѣній, распущеніе Рейнскаго союза, оставленіе новыхъ присоединенныхъ провинцій, уничтоженіе варшавскаго герцогства и увеличеніе Пруссіи по усмотрѣнію великихъ державъ, которыя будутъ поручительницами даннаго положенія и дѣйствительными покровительницами государей союза». Меттернихъ прибавилъ, что ему пришлось принять угрожающее положеніе относительно Россіи, чтобъ отвлечь ее отъ разговоровъ объ Италіи и Испаніи. Что касается Голландіи, онъ лично, повидимому, предоставляет се Франціи, но Нарбоннъ знаетъ, что эти провинціи составляли кусокъ, назначенный Англій, и не могъ льстить себя надеждой, что Англія найдетъ для себя удобнымъ отдать ихъ Франціи. Такимъ образомъ, кромѣ

¹⁾ *Опенъ*, О. und Pг. т. II, примѣчанія.

²⁾ Францъ къ Фридриху-Вильгельму, 17 мая 1813 г. *Ранке*, т. IV.

³⁾ Докладъ Нарбонна, 7 мая 1813 г.

⁴⁾ См. выше, стр. 69—71.

пяти пунктовъ, поставленныхъ Австріей: 1) уничтоженіе герцогства варшавскаго; 2) ганзейскіе города и 32-е военное раздѣленіе¹⁾; 3) Иллирія; 4) увеличеніе Пруссіи; 5) распущеніе Рейнскаго союза,—нужно ждать, что союзники потребуютъ еще другихъ, которые будутъ заключаться, по меньшей мѣрѣ, въ слѣдующемъ: Голландія—со стороны англичанъ, очищеніе Италіи отъ войскъ—по желанію русскихъ, не говоря о возстановленіи Австріи въ размѣрѣ 1805 г., что уже было потребовано Австріей у Россіи. Можно ли вѣрить, что, если Наполеонъ приметъ эти пять австрійскихъ пунктовъ, Австрія начнетъ войну съ Англійей и Россіей для сохраненія Наполеону Голландіи, Испаніи и, наконецъ, Италіи, гдѣ она намѣревается устроиться самымъ удобнымъ для себя образомъ?

11 апрѣля, Меттернихъ составилъ инструкціи для Бубна, котораго послалъ къ Наполеону. Этотъ «хитрый толстякъ» умѣлъ заставить говорить императора и передать, что слышалъ. Ему поручили закинуть удочку по поводу посредничества, склонить къ нему Наполеона умѣренными требованіями. *Девять* пунктовъ въ инструкціяхъ Стадіона и *пять*, указанныхъ Нарбонну, превращались въ *три*, т. е. въ *минимумъ* австрійскихъ требованій: 1) уничтоженіе герцогства варшавскаго; 2) отреченіе отъ провинцій, захваченныхъ въ Германіи, 32-е военное раздѣленіе; 3) Иллирія—Австріи, съ «хорошей границей со стороны Италіи»; затѣмъ—Бубна упомянетъ объ этомъ, если найдетъ удобнымъ—«другое расположеніе границы между нами и Баваріей», что означало—Тироль и кусокъ по р. Инну. О возстановленіи Пруссіи не будетъ рѣчи: что касается расторгненія Рейнскаго союза, Бубна представитъ его лишь случайнымъ, какъ возможное требованіе «державъ». Онъ предложитъ, если Наполеонъ найдетъ это удобнымъ, вести переговоры о перемиріи. Онъ укажетъ на Прагу какъ мѣсто собранія конгресса. Если Наполеонъ приметъ, онъ въ правѣ вѣрить, что Австрія «будетъ защищать силою оружія то дѣло, за которое взялась», такъ какъ именно въ этихъ выраженіяхъ Бубна дастъ понять Наполеону, что, въ случаѣ отказа, Австрія объявитъ ему войну²⁾.

Въ то время, какъ Бубна былъ на пути въ Дрезденъ, Стадіонъ встрѣтилъ Нессельроде въ Герлицѣ. 13 мая они имѣли совѣщаніе, по окончаніи котораго Нессельроде такъ резюмировалъ условія Австріи: 1) возстановленіе Австріи въ могущество и размѣрахъ, которыми она пользовалась въ 1805 г., и сверхъ того съ границей По и Минчіо со стороны Италіи;

¹⁾ Подъ такими названіями подразумѣвались департаменты, образованные въ 1810 г.—т. VII, кн. II, гл. III, § 2, т. е.: *Восточный Эмсъ*, *Верхній Эмсъ*, *Липпе*, *устье Везера* съ Бременомъ, *устье Эльбы* съ Гамбургомъ.

²⁾ Инструкціи Бубнѣ; Францъ II Наполеону, 11 мая 1813 г. *Опенъ*. См. выше, стр. 89—90.

2) возстановленіе Пруссіи на условіяхъ, означенныхъ въ Калишскомъ трактатѣ; 3) расторгненіе Рейнскаго союза и возстановленіе присоединенныхъ въ 1810 г. земель; 4) уничтоженіе герцогства варшавскаго. «Таковы, прибавляетъ Нессельроде, условія, которыя вѣнскій кабинетъ считаетъ чисто *австрійскими* и намѣренъ поддерживать противъ Франціи. Если Наполеонъ не приметъ ихъ до 1 іюня, австрійская армія начинаетъ дѣйствія... Вполнѣ увѣренная, что вышеозначенныя условія никогда не будутъ приняты Франціей, Австрія желаетъ, чтобы мы, для облегченія ей возможности идти до конца по намѣченному пути, одобрили порядокъ, котораго она должна держаться для перехода отъ посредничества къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ». «Она желаетъ, слѣдовательно», чтобы, изложивъ эти условія по статьямъ, Россія прибавила къ нимъ «даже такіе базисы, какъ независимость Испаніи, Голландіи и сдѣлку относительно Италіи, которая необходима для возстановленія прочнаго мира». Стадіонъ былъ уполномоченъ «условиться объ общихъ принципахъ плана дѣйствія»; онъ требовалъ только одного обязательства: вести войну «упорно и всѣми средствами, какіе бы ни были повороты въ судьбѣ».

Стадіонъ съѣхался съ союзниками въ Вуршенѣ, и тамъ Нессельроде объявилъ нотой 16 мая, что Россія прибавляетъ къ австрійскимъ условіямъ: 5) отдѣленіе Голландіи; 6) возстановленіе Бурбоновъ въ Испаніи; 7) освобожденіе Италіи на всемъ ея протяженіи отъ управленія и вліянія Франціи. Гарденбергъ присоединился къ этой нотѣ 16 мая, отъ имени Пруссіи, съ слѣдующимъ прибавленіемъ: «Онъ (этотъ миръ) долженъ быть принятъ рѣшительно и безъ замедленія, и за присоединеніемъ Наполеона къ этимъ условіямъ должно немедленно послѣдовать отозваніе французскихъ войскъ». «Таковы, заключаетъ Нессельроде, *главныя основанія*, которыя его величество считаетъ *неизмѣнными* условіями». Эти *главныя и неизмѣнныя* основанія будутъ лишь *базисами предварительнаго мира*, такъ какъ въ нихъ не принимала участія Англія. Вмѣшательство Англіи, неизбѣжное въ теченіе совѣщаній, начнетъ все дѣло сызнова.

Въ тотъ же день, 16 мая, Стадіонъ присутствовалъ на военномъ совѣтѣ у Александра, гдѣ Волконскій, Толь и Кнезебекъ намѣтили планъ дѣйствій, который онъ сейчасъ же препроводилъ въ Вѣну. Установилось, читаемъ въ одномъ русскомъ документѣ, «полное соглашеніе между Австріей и нами по поводу предложеній, которыя слѣдуетъ сдѣлать Франціи, а также и по поводу «того, что предстоитъ дѣлать сообща, если, какъ все заставляло насъ думать, они будутъ отвергнуты Наполеономъ»¹⁾.

¹⁾ Перечень сдѣлокъ, заключенныхъ Россіей, т. XXXI, стр. 314.

А между тѣмъ Бубна «представитъ» Наполеону какъ базисы «возможнаго континентальнаго мира»: 1) Уничтоженіе варшавскаго герцогства; 2) отреченіе Франціи отъ департаментовъ по ту сторону Рейна въ Германіи, т. е. отъ земель, присоединенныхъ въ декабрѣ 1810 г.; 3) возвращеніе иллирійскихъ провинцій Австріи съ выгодной границей со стороны Италіи. Онъ намекнетъ, что, вѣроятно, державы поставятъ вопросъ объ отреченіи отъ протектората надъ Германіей, т. е. объ уничтоженіи Рейнскаго союза. Онъ намекнетъ также о перемѣнѣ границы между Австріей и Баваріей. Онъ прибавитъ, что Австрія имѣетъ мало надежды на согласіе Англіи; послѣднюю «можно принудить къ миру только континентальнымъ миромъ, который ее сдѣлаетъ вполнѣ изолированной и предоставленной напору Франціи».

Такимъ образомъ все разсчитано, чтобы привлечь Наполеона въ западню: подслащенные и ограниченныя предложенія Австріи, чтобы его склонить къ принятію посредничества и конгресса; растущія требованія на конгрессѣ, чтобы вывести его изъ себя и заставить отречься отъ этого согласія. Если, къ изумленію, онъ не проникнетъ заговора, дерзкое требованіе Пруссіи, напоминающее ультиматумъ 1806 г., вызоветъ его гнѣвъ и побудитъ все порвать. Тогда «игра» будетъ сыграна: Франція, которой сообщать только явныя и краткія предложенія Бубны, первые три пункта, *минимумъ* австрійскихъ требованій, узнаетъ, что Наполеонъ отказался отъ этого умѣреннаго, все примиряющаго мира, оставляющаго Франціи ея естественныя границы, Голландію, Италію, быть можетъ, Рейнскій союзъ, короче, самое главное въ Великой Имперіи, и что Наполеонъ порвалъ союзъ съ Австріей изъ упрямаго желанія сохранить герцогство варшавское, ганзейскіе города, Иллирію; что онъ отказался отъ «прекрасныхъ совѣтовъ, данныхъ такъ искренно» Меттернихомъ¹⁾.

А между тѣмъ Наполеонъ, предупрежденный Нарбонномъ, не ошибался въ характерѣ австрійскихъ предложеній, въ *градаціяхъ*, которыя за ними послѣдуютъ, и зналъ, что все зависѣло отъ войны. Но ему не было выхода. Если онъ откажется вести переговоры о *базисахъ* Меттерниха, онъ приметъ на себя отвѣтственность за войну передъ Европой, передъ своими союзниками, передъ французами, которые, онъ это чувствовалъ, ускользали изъ его рукъ, и дастъ Австріи предлогъ объявить себя противъ него. Если онъ приметъ, онъ рискуетъ въ опасныхъ и, навѣрно, бесполезныхъ переговорахъ потерять плоды своей побѣды: онъ запутается въ сѣтяхъ, сплетенныхъ Меттернихомъ, онъ позволитъ Австріи пополнить

¹⁾ Тьеръ, т. XV, стр. 345.

свои вооруженія, онъ дастъ организовать, въ тѣни дипломатіи, сильной коалиціи, которая его сдавить въ тотъ день, когда сочтеть себя достаточно сильной, чтобы сбросить маску со своихъ истинныхъ намѣреній. Все дѣло его жизни было поставлено на карту. Не въ томъ суть, какъ намекалъ Меттернихъ, чтобъ умиротворить Европу. Придется, отказавшись отъ господства надъ нею, увидѣть ее вновь соединившейся противъ Франціи. Нужно было, какъ въ 1795, 1798, 1800, 1805, 1806 и 1809 гг., выбирать между борьбой на смерть и безусловнымъ возвращеніемъ Франціи къ ея прежнимъ границамъ. Сначала хотятъ лишить ее Великой Имперіи, затѣмъ самой имперіи и завоеваній Республики. Наполеонъ это отлично видѣлъ; тѣмъ не менѣе, онъ надѣялся еще обогнуть позиціи своихъ враговъ, отрѣзать ихъ, разъединить и нарушить поочередно ихъ согласіе.

14 мая, Коленкуръ писалъ Нарбонну: «Перехвачены еще письма Штаренберга къ Нессельроде, и Гумбольдта къ прусскому королю. Они не оставляютъ сомнѣній въ двуличіи г. Меттерниха. Король Саксоніи передалъ его величеству всѣ свои ноты съ Австріей. Если бы обстоятельства стали серьезны, чего императоръ не думаетъ, вы, конечно, понимаете, что онъ сговорится съ императоромъ Александромъ. Для соглашенія между этими двумя монархами нужно не много. Что важно для Россіи? Континентальная система и Польша. Мы отказались отъ континентальной системы для Россіи; Италия, Германія и Испанія гораздо важнѣе для императора, чѣмъ Польша. Вы знаете лучше, чѣмъ кто либо, что императоръ не безумецъ, что онъ всегда смотрѣлъ на Польшу какъ на средство, а не главную цѣль. Поэтому Австрія не можетъ не понять что, удовлетворивъ Россію въ этомъ пунктѣ, мы имѣемъ средство унижить Австрію и даже привести ее къ ничтожеству; вѣдь на какія уступки не согласится императоръ Александръ, если ему уступятъ Польшу, чтобы вывести его изъ затрудненія? Порученіе въ главную квартиру повело бы къ раздѣлу цѣлаго міра».

Таковы были заднія мысли Наполеона, его тайныя предположенія, его призрачныя теоріи, когда онъ принялъ Бубну 16 мая ¹⁾. Бубна передалъ ему письмо отъ Франца II, помѣченное 11 мая.

Наполеонъ предоставилъ ему развивать свои «формальности» и ставить свои «базисы»; затѣмъ онъ сказалъ съ той несвязностью мыслей и выраженій, которая придавала его словамъ могучее и дикое краснорѣчіе: «Я не хочу вашего вооруженнаго посредничества. Вы только залутываете вопросъ. Вы говорите, что ничего не можете сдѣлать для

¹⁾ Докладъ Бубна, 16 мая 1813, на франц. яз. *Онкенъ*.

меня; значить, вы сильны, только дѣйствуя противъ меня. Говорить, что это не вредитъ вашей системѣ союза со мной—тонкость, которой я не допускаю; такія рѣчи можно вести только съ женщинами, которыхъ хотятъ обольстить... Отъ француза нельзя ничего добиться ударами палки. Я не уступлю ничего, ни одной деревни, изъ того, что присоединено къ Франціи по конституціи. Человѣкъ, который изъ частнаго лица сталъ обладателемъ трона, который провелъ двадцать лѣтъ подъ картечью, не боится пуль, не боится угрозъ. Я не дорожу своей жизнью и такъ же мало дорожу жизнью другихъ. Я не считаю ее дороже жизни ста тысячъ человѣкъ; я пожертвую миллионъ такихъ жизней, если нужно. Вы меня принудите только многочисленными побѣдами; я погибну, быть можетъ, и моя династія со мной. Мнѣ это все равно. Вы хотите вырвать у меня Италію и Германію, вы хотите меня обезчестить, сударь! Честь прежде всего! затѣмъ уже жена, ребенокъ, династія. Мы перевернемъ весь міръ и измѣнимъ установленный порядокъ вещей. Существованіе монархій станетъ проблемой. Лучшая изъ женщинъ падетъ жертвой этого; она будетъ несчастна. Франція попадетъ въ руки яacobинцевъ. Что будетъ съ нимъ, съ ребенкомъ, въ жилахъ котораго течетъ австрійская кровь? Всего болѣе меня мучить судьба римскаго короля; я не хочу, чтобъ австрійская кровь стала ненавистна Франціи!»

Взвѣсьте эти слова, вылетающія изъ устъ, какъ бы изъ самаго сердца генія, доведеннаго до крайности; они разоблачаютъ тайну великой имперіи и ту внутреннюю слабость, которая, если не затемнить ума, то по меньшей мѣрѣ замедлитъ удары императора, цѣпляющагося до конца за надежду, что, разбивъ пруссаковъ и русскихъ, онъ заставитъ Австрію остаться его союзницей или, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что она ему помогаетъ. Затѣмъ, переходя рѣзко къ дѣламъ:

«Я купилъ Иллирію потерей миллиона человѣкъ; вы не возьмете ее силой, не пожертвовавъ столько же. Вы хотите ловить рыбу въ мутной водѣ. Не приобретають провинцій розовой водой; эти средства можно употреблять только для обольщенія женщинъ. Вы начинаете съ того, что требуете у меня Иллирію, потомъ вы потребуете Венецію, Миланъ, Тоскану, и вы заставите меня драться съ вами; лучше уже съ этого и начать. Да, если вы хотите имѣть провинціи, нужно, чтобы пролилась кровь. Даже отброшенный къ Франкфурту, я сказалъ бы вамъ то же самое; у меня одно только мнѣніе на этотъ счетъ; моя политика прямая и открытая».

Прочти онъ ноту, которая была составлена Нессельроде въ тотъ же день и которая будетъ предварительной хартіей новой коалиціи—онъ говорилъ бы то же самое ¹⁾. Однако, онъ одумался. Коленкуръ имѣлъ

17-го совѣщаніе съ Бубна и сказалъ ему: «Императоръ расположенъ, кажется, сдѣлать нѣкоторыя уступки въ пользу Австріи, если онѣ могутъ послужить къ возстановленію мира; но онъ не хочетъ, чтобъ ему чертили кругъ Попилія». Въ сущности, онъ отвергаетъ посредничество, но соглашается на созывъ конгресса въ нейтральномъ городѣ, съ участіемъ Англіи или безъ нея. Онъ объ этомъ заявляетъ въ письмѣ къ императору Францу и прибавляетъ, въ другомъ письмѣ: «Я рѣшился, если нужно, скорѣе умереть во главѣ всѣхъ великодушныхъ людей Франціи, чѣмъ стать посмѣшищемъ англичанъ и дать поводъ для торжества моихъ враговъ». Бубна отвезъ Францу эти письма, помѣченные 17 мая. На другой день, Коленкуръ пишетъ Нарбонну: «Императоръ прочелъ письмо своего тестя. Его величество нашелъ въ немъ множество увѣреній, обѣщаній и очень ласковый тонъ. Онъ мнѣ приказалъ сообщить вамъ, что не можетъ, конечно, признать никакого вооруженнаго посредничества. Нужно, чтобъ Австрія объяснила, чего она хочетъ, потому что у нея можно предположить корыстныя намѣренія всюду, начиная отъ Брабанта до Тосканы, отъ Лотарингіи до Венеціи. Несомнѣнно, можно было бы придти къ соглашенію».

Наполеонъ пережилъ въ 1805, 1806 и въ 1809 г. столь же страшныя кризисы; но тогда онъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло, его комбинаціи являлись, какъ электрическая искра—внезапныя, яркія, бьющія далеко. Въ 1805 г. онъ бросается между союзниками, нарушаетъ ихъ согласіе, забиваетъ клинъ, раздѣляетъ ихъ. Отнынѣ же они, сближаясь, отталкиваютъ его, находящагося между ихъ лагерями. Онъ дѣйствуетъ ощупью, въ туманѣ, онъ волнуется и напрягаетъ всѣ силы.

Онъ не отказывается дать Австріи на-водку, но не болѣе того—«могарычъ» за посредничество. Ему противно предоставить Меттерниху третейскій судъ по поводу мира. Онъ теперь находится въ томъ положеніи, которое предвидѣлъ до разговора съ Бубна, и обращается къ Александру. Онъ посылаетъ къ нему Коленкура: «Я намѣренъ построить ему золотой мостъ, чтобъ освободить отъ интригъ Меттерниха... Если мнѣ нужно принести жертвы, я предпочитаю ихъ принести въ пользу императора Александра, который ведетъ со мной честную войну, и короля Пруссіи, которымъ интересуется Россія, чѣмъ въ пользу Австріи, измѣнившей союзу и желающей, подъ званіемъ посредника, присвоить себѣ право распоряжаться всѣмъ, отдѣливъ себѣ предварительно подходящую часть... Такимъ образомъ, вся честь этого мира будетъ принадлежать

¹⁾ Предѣлы Австріи въ 1805; Италия вся освобожденная отъ Франціи. Ноты Нессельроде, 13 и 16 мая, съ согласіемъ Стадіона.—См. стр. 92.

одному императору Александру...». Коленкуръ назначить: Рейнскій союзъ, ограниченный Одеромъ, граница Глогау для Богеміи. Пруссія потеряетъ при этомъ 1.500,000 душъ, которыя перейдутъ къ Вестфаліи; взаменъ, она получитъ герцогство варшавское съ Данцигомъ, всю Вислу, всего—отъ 4 до 5 миллионъ жителей. Франція и Россія были бы отдѣлены другъ отъ друга ¹⁾. Этотъ проектъ уничтожилъ бы Польшу навсегда. Знаменитый ультиматумъ 1810 г.—«королевство польское никогда не будетъ возстановлено» ²⁾—станетъ дѣйствительностью. Впрочемъ, Наполеонъ не держался строго этихъ предложеній: «Не настаивая на той или другой части инструкцій, вы должны стараться завязать прямые переговоры на этомъ базисѣ (что вся честь мира будетъ принадлежать исключительно русскому императору). Коль скоро начнутся разговоры, можно всегда придти къ соглашенію».

Въ то же время, Наполеонъ торопитъ Евгенія принять мѣры и, въ особенности, проявить себя дѣйствіями. «Важно, пишетъ онъ ему, чтобъ Австрія видѣла, какъ можно скорѣе, ваши войска въ лагерѣ и крѣпости защищенными... Пусть въ туринскихъ, миланскихъ и всѣхъ другихъ газетахъ напечатается, что вы будете имѣть скоро 150,000 чел... Предложите королю баварскому укрѣпить нѣсколько ущелій въ Тирольтъ... и нѣсколько небольшихъ крѣпостей, чтобъ имѣть въ своихъ рукахъ проходы и сдерживать жителей». Короче, «получить превосходство надъ Австріей; пусть я ей угрожаю, а не она...» ³⁾.

18 мая Макдональдъ далъ знать главнокомандующему русской арміи, что Коленкуръ проситъ аудіенціи у царя. Отвѣта заставили ждать до слѣдующаго дня, и, когда онъ пришелъ—копія съ подлинника Александра—въ немъ заключалось, что императоръ въ отлучкѣ, и главнокомандующій не знаетъ, когда можетъ получить отъ него приказанія. Отказъ былъ сухъ. Нессельроде слегка смягчилъ его: «Несмотря на удовольствие, которое его величество получилъ бы, выразивъ тѣ чувства, которыя питаетъ къ вамъ лично, онъ сожалѣетъ, что обстоятельства... препятствуютъ ему допустить васъ въ его главную квартиру». И онъ ему предложилъ передать свои сообщенія черезъ посредство Австріи ⁴⁾. Но эта попытка произвела все же впечатлѣніе: русскіе сообщили о ней

¹⁾ Инструкціи Коленкуру, 17 мая 1813. — Замѣтка для Коленкура, *Левфевр*. Полномочіе Коленкуру въ виду перемирія, 18 мая 1813 г.

²⁾ См. т. VII, кн. II, гл. I, § 6.

³⁾ Къ Евгенію, 18 мая; ему же 12 мая 1813 г.

⁴⁾ Милорадовичъ къ фельдмаршалу, 19 мая. — Нессельроде Коленкуру, 20 мая 1813 г.

Меттерниху, который нѣсколько смутился и счелъ это весьма важнымъ поводомъ сблизиться съ союзниками.

Но Наполеонъ также давалъ ему поводъ не спѣшить дѣйствовать. 20 мая союзники были разбиты при Бауценѣ. Это не было полной побѣдой, которая дѣлаеть господиномъ обстоятельствъ. Такой побѣды Наполеонъ не одержитъ больше. Его армія устала. «Я надѣялся, говорилъ онъ позже, устроить дѣла съ Австріей»¹⁾. Какъ корабль въ бурю и при противномъ вѣтрѣ беретъ рифы, плохо слушается руля, лавируетъ и не знаетъ покоя, такъ Наполеонъ еще разъ возвращается къ Австріи, которую ему нужно непременно склонить на свою сторону, такъ какъ другіе оказались несговорчивыми.

Онъ не зналъ точнаго положенія союзниковъ и ихъ невзгодъ. Принужденные очистить Бреславль, покинуть часть Силезіи, они видѣли, что въ тылу грозитъ опасность Берлину, а Гамбургъ можетъ быть взятъ обратно. Барклай объявилъ, что состояніе войска заставляетъ его отступить къ Польшѣ: онъ требовалъ шести недѣль для поправки и возобновленія дѣйствій въ Силезіи. Австрія требовала столько же для соединенія. Фридрихъ Вильгельмъ, разлученный съ русскими, безъ поддержки со стороны австрийцевъ, считалъ себя погибшимъ. «Наполеонъ, пишетъ Ланжеронъ, имѣлъ тогда 130 т. чел., а мы не имѣли и 80 т... У насъ не было больше припасовъ... Мы не могли рискнуть дать сраженіе... Онъ не могъ бы потерпѣть пораженія... Если бы онъ продолжалъ войну, онъ насъ заставилъ бы отступить за Одеръ... На этомъ было рѣшено... Мы врядъ ли удержались бы тамъ... Онъ могъ бы насъ отбросить къ Вислѣ: тогда у него были бы очень выгодныя условія для заключенія мира; Австрія не имѣла бы возможности объявить себя противъ него; наследный принцъ шведскій не могъ бы и не посмѣлъ бы присоединиться къ намъ».

Лишь перемиріе могло ихъ спасти, и появленіе Коленкура на аванпостахъ давало нѣкоторую надежду начать переговоры. Въ ночь послѣ сраженія Александръ велѣлъ написать Францу, черезъ Стадіона: «Ничто не можетъ поколебать моей настойчивости; я болѣе, чѣмъ когда нибудь, считаю на скорое содѣйствіе Австріи». 22-го, Стадіонъ написалъ Бертье: «Ихъ величества вынесли изъ отчета г. Вубна о разговорѣ съ императоромъ Наполеономъ то убѣжденіе, что перемиріе могло бы подготовить путь» къ переговорамъ; они склонны послать на аванпосты офицеровъ, снабженныхъ полномочіями.

Наполеонъ ждалъ подкрѣпленій, лошадей, повозокъ. Онъ ждалъ, какое дѣйствіе произведутъ мѣры, которыя собирался принять Евгенийъ въ

¹⁾ Гуро, т. II, стр. 71.

Италіи. «Я рѣшился, писалъ онъ черезъ нѣсколько дней, по двумъ причинамъ: вслѣдствіе недостатка въ кавалеріи, мѣшающаго мнѣ нанести большой ударъ, и враждебныхъ отношеній Австріи. Этотъ дворъ, подъ видомъ самымъ любезнымъ, самымъ нѣжнымъ, скажу даже, самымъ сантиментальнымъ, не хочетъ ничего другого, какъ заставить меня, подъ угрозой своей арміи, собранной въ Прагѣ, отдать ему Далмацію, Истрію и даже земли по ту сторону Изонцо. Кромѣ того, онъ хочетъ лѣвый берегъ Инна и Зальцбургскій край». «Нужно ожидать войны съ нимъ... Меня заставляютъ остановиться на побѣдномъ пути вооруженія Австріи и желаніе выиграть время, чтобы ваша (Евгенія) армія могла стать лагеремъ въ Лайбахѣ, и имѣть такимъ образомъ двѣ арміи... Дерзость Австріи не имѣетъ границъ... Если ей уступить то, чего она требуетъ теперь, она захочетъ еще Италіи и Германіи; конечно, отъ меня она не получитъ ничего...»¹⁾. Но одно дѣло было не уступать Австріи, не унижаться передъ ней и дать ей даже урокъ, а совсѣмъ другое позволить ей довести свой планъ до конца, возобновить борьбу и, какъ онъ сказалъ Вубнѣ: «Сдѣлать для Франціи ненавистной австрийскую кровь!» Онъ надѣялся согласить все: политическіе расчеты и военныя необходимости, выигрывая время, одержавъ верхъ.

Прибавьте къ этому извѣстія изъ Парижа. Марэ, такой паредворецъ, такой осторожный, писалъ ему, выразивъ предварительно свою радость по поводу побѣды²⁾: «Если въ кампаніяхъ, предшествовавшихъ послѣдней, искали въ успѣхѣ лишь предсказаніе и гарантію новой славы, теперь, когда *довѣріе пошатнулось*, когда столь важные вопросы приходится рѣшать на полѣ битвы, въ побѣдѣ хотятъ видѣть только залогъ мира и покоя, данный судьбой... Нации не умираютъ; онѣ устаютъ отъ необходимости постоянно побѣждать. Вы побѣдили... умѣренность вашихъ рѣшеній, которая могла бы показаться лишенной достоинства при несчастномъ оборотѣ судьбы, съ этихъ поръ нисколько не уменьшитъ вашей славы, и этотъ миръ, единственное желаніе, крайняя необходимость для Франціи... будетъ всегда доблестнымъ миромъ». Марэ, пріѣхавшій 22 мая, могъ только подтвердить на словахъ эти почтительныя, но знаменательныя увѣщанія. Прибавьте къ этому ропотъ генераловъ, недостатокъ инициативы у его намѣстниковъ, ихъ осторожность, а также ихъ уныніе; «бойня» при Бауценѣ, жесточеніе непріятели ихъ глубоко смущали. «Мой другъ, сказалъ Дюрокъ Мармону при концѣ битвы, императоръ не-

¹⁾ Кларку, 2 іюня; Евгению, 1 и 2 іюня 1813 г.

²⁾ Марэ къ императору, 8 мая 1813 г. Эрнуфъ.

насытень относительно сраженій; мы здѣсь останемся всѣ, такова наша судьба» ¹⁾). Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ убитъ ядромъ.

Наконецъ, и самое главное, прибавьте ту мысль, которая съ тѣхъ поръ не покидала Наполеона, которая становилась между его геніемъ, по самой природѣ активнымъ, и дѣйствительностью; его мысль, самую чистую, конечно, но которая, какъ самая прозрачная вода, отклоняла его взгляды и искажала предметы — мысль о сынѣ ²⁾). Забота о другомъ своемъ я, болѣе драгоцѣнномъ, болѣе нѣжномъ, подверженномъ большому количеству случайностей, для котораго онъ боялся того, чего никогда не боялся для себя — катастрофы, этого постоянного риска войны. Эта забота о будущемъ, о завтрашнемъ днѣ, который не принадлежитъ никому, дѣлала его осмотрительнымъ, вносила чувство въ его политику, признававшую прежде только благо государства и необходимость. Пораженіе — пропасть: прежде онъ не заглядывалъ туда, смотрѣлъ поверхъ и проникалъ взглядомъ по ту сторону; теперь онъ въ нее погружается: онъ видитъ въ ней образъ ребенка въ несчастіи, и это видѣніе наводитъ на него ужасъ. Онъ старается хитрить съ судьбою, заключить съ ней сдѣлку.

Нуженъ былъ бы Аустерлицъ, но для этого у Наполеона не было ни прежняго войска, ни увлеченія, ни плана; онъ просилъ отерочки у судьбы и пустился, въ ожиданіи геніальнаго толчка и случая, въ политическія комбинаціи. Онъ его соблазняли, потому что маскировали военное бездѣйствіе, къ которому онъ былъ принужденъ, потому что онъ не отчаявался удержатъ Австрію, смягчить Франца, смутить Меттерниха: конгрессъ дастъ къ этому средство. Онъ могъ достигнуть конгресса, только принявъ австрійскій «порядокъ». Но, если онъ принесетъ эту жертву Францу, выгоды будетъ, думалъ онъ, приписать всю честь Александру.

25 мая, Коленкуръ написалъ Нессельроде: «Мнѣ подали надежду, что нѣтъ больше препятствій къ тому, чтобъ его величество императоръ Александръ оказалъ мнѣ честь и разрѣшилъ засвидѣтельствовать ему мое уваженіе...». 26-го Наполеонъ продиктовалъ инструкціи въ виду перемирія, подготовлявшаго конгрессъ. Это перемиріе должно было длиться три мѣсяца или, по крайней мѣрѣ, все время переговоровъ, при чемъ каждый останется на занимаемыхъ имъ позиціяхъ. Наполеонъ сильно желалъ упомянуть о конгрессѣ въ самомъ соглашеніи по поводу перемирія, думая этимъ уничтожить расчеты союзниковъ. «Они не хотятъ конгресса, писалъ Марэ Коленкуру, и хотятъ продолжать войну въ надеждѣ втя-

¹⁾ *Мармонъ*, т. V, вып. XVII.

²⁾ О неотступности этой мысли, Фредерикъ Массонъ, *Наполеонъ и его сынъ*.

нуть и Австрію, поручивъ ей произнести приговоръ, что очень неприлично и нелѣпо» ¹⁾).

Между тѣмъ, Наполеонъ объявилъ войну Швеціи, такъ какъ шведскія войска вступили въ Гамбургъ. Такого нападенія онъ не можетъ допустить въ присутствіи рейнскихъ союзниковъ и возставшихъ нѣмцевъ. Но во всѣхъ его письмахъ того времени повторяются слова: «Остается только выиграть время...». «Выиграйте время, не раздражая Австріи»; старайтесь на всякій случай возобновить союзъ; «несите околенную... Хочетъ она сохранить оттоманскую имперію? На этой канвѣ вы можете вышивать узоры два мѣсяца и дать работу двадцати курьерамъ» ²⁾).

Комиссары собрались около Лигница, 30 мая. Со стороны союзниковъ генералы Шуваловъ и Клейстъ, со стороны французовъ — Коленкуръ.

Со времени Эрфурта, герцогъ Виченцскій перешелъ къ союзникамъ, чтобъ подчиниться вліянію Таллейрана и служить его дѣламъ ³⁾. Онъ вошелъ въ дружескія отношенія съ Нессельроде, бывшимъ тогда совѣтникомъ русскаго посольства въ Парижѣ и посылавшимъ секретныя письма царю черезъ посредство Сперанскаго. «Этому помогали, рассказываетъ онъ, мои разговоры съ Таллейраномъ и нѣкоторыми другими лицами, противниками возрастающаго честолюбія Наполеона. Къ этой оппозиціи присоединился и Коленкуръ, бывший тогда французскимъ посланникомъ въ Россіи. Въ секретныхъ разговорахъ съ Александромъ, онъ обратилъ его вниманіе на опасность, грозящую Россіи отъ честолюбія его государя. Весною 1810 г. императоръ Наполеонъ, недовольный его перепискою, отозвалъ его... Императоръ Александръ, не желая терять источника такихъ драгоцѣнныхъ сообщеній, предложилъ ему пользоваться по возвращеніи моимъ посредничествомъ для доставки свѣдѣній... Всѣ эти люди считали, что они не измѣняютъ своему государю, а предохраняютъ его отъ порывовъ страсти, мѣшая продолжать постоянныя войны, истребляющія населеніе Франціи, разоряющія ее и могущія завершиться ужасными катастрофами» ⁴⁾. Но не слѣдуетъ смѣшивать Коленкура съ группой партизановъ имперіи безъ императора ⁵⁾, или сомнѣваться въ «искренности»

¹⁾ Инструкціи Коленкуру, 26 мая. — Марэ Коленкуру, 29 мая 1813 г.

²⁾ Къ Марэ, 12 іюня 1813. *Лессетръ*. — Файнъ, т. I, ч. 2-ая, гл. IX, заключеніе перемирія.

³⁾ См. т. VII, кн. I, гл. IV, § 7 и 8. — *Записки Таллейрана*, т. I, стр. 320, 401, 413—414, 438. — *Фредерикъ Массонъ*, Жозефина разведенная.

⁴⁾ *Письма и бумаги канцлера графа Нессельроде*. Т. II. Автобіографія. — См. т. VII, кн. II, гл. II, § 6, гл. III, § 5.

⁵⁾ См. т. VII, кн. II, гл. II, § 1 въ концѣ.

его личной преданности Наполеону, такъ часто и съ такимъ жаромъ высказываемой ¹⁾).

Убѣжденный, что разговоръ его съ русскимъ императоромъ все приведетъ въ порядокъ и все устроить въ нѣсколько часовъ ²⁾); ослѣпленный Таллейраномъ, очарованный Александромъ, настроенный Меттернихомъ; вѣря въ великодушіе царя, въ добродѣтели короля Пруссіи, въ принципы австрійскаго императора — Коленкуръ, повидимому, вообразилъ, что «Европа», симпатизируя Франціи, желала, какъ и французы, только мира въ границахъ Люневилля, въ *естественныхъ границахъ*. Эти границы ему казались непреодолимыми для армій, неизмѣнными въ трактатахъ. Онъ воображалъ, что работаетъ для блага Европы, для блага Франціи, для блага императора, облегчая союзникамъ выполнение ихъ великодушныхъ намѣреній, направляя въ границахъ возможности руку Наполеона и приводя его, если нужно, помимо его воли къ планамъ, которыхъ онъ упрямо не признавалъ, заставляя его подписать миръ, который утвердить его династію. Только эти иллюзіи объясняютъ очень страшные поступки, которые сдѣланы имъ при этомъ свиданіи, и которые лишь показываютъ съ его стороны на самую слѣпую довѣрчивость къ намѣреніямъ Россіи.

30-го, послѣ обсуждения размежеваній и срока, при чемъ изъ первыхъ русскіе желали исключить Гамбургъ, а второй ограничить однимъ мѣсяцемъ, Коленкуръ, воспользовавшись минутой, когда пруссакъ Клейстъ вышелъ изъ комнаты, поговорилъ отдѣльно съ Шуваловымъ, высказавъ увѣренность, что его слова будутъ переданы только одному императору Александру ³⁾. «Постараемся, сказалъ онъ, сговориться. Императоръ Наполеонъ согласился, кажется, на посредничество Австріи... Воспользуемся

¹⁾ «Моя шпага и мой императоръ сдѣлали изъ меня то, что я есмь... Настоящее поколѣніе не знаетъ Бурбоновъ и потому не заботится о нихъ, старики ихъ забыли, а вандейцы, если они помнятъ свои мужественныя старанія въ пользу этихъ принцевъ, не забыли также, какъ долго ими пренебрегали и свое пребываніе на островѣ Дье... Я знаю также и думаю обо всемъ этомъ» Наполеону, 3 марта 1814 г.

²⁾ «Порученіе въ главную квартиру привело бы къ раздѣленію міра». Нарбонну, 14 мая 1813. См. выше, стр. 94.

³⁾ Этотъ разговоръ, по докладамъ Шувалова, отъ 31 мая и 2 іюня 1813 г., сообщеннымъ Конгрессу дипломатическихъ наукъ въ Гаагѣ г-мъ Вэльэ, Annales internationales d'histoire, конгрессъ въ Гаагѣ, № 3. Сравните ниже, § 6. Аналогичныя слова Коленкура, сказанныя Меттерниху, въ день его пріѣзда въ Прагу, 25 іюля 1813 г. Въ своемъ письмѣ къ императору отъ 1 іюня, Коленкуръ передаетъ подробности техническихъ переговоровъ и прибавляетъ: «Что касается переговоровъ о мирѣ, я еще не могъ поговорить отдѣльно съ графомъ Шуваловымъ».

минутой, она удобна; мы теперь слабы, наши отряды разсѣяны. Генераль Бертранъ стоитъ около Стригау. Другія колонны, двигаясь впередъ, подставляютъ вамъ свой флангъ; когда мы имѣемъ успѣхъ, съ нами уже нельзя сговориться. Вы не мѣшаете намъ, и наши войска утомляются; мы теперь слабы. Но не забудьте того, что я вамъ скажу: мы получимъ большія подкрѣпленія. Если мы вступимъ въ герцогство варшавское, война продолжится цѣлые годы». Шуваловъ поспѣшилъ въ тотъ же день передать царю эти удивительные совѣты: «Право, за нѣкоторые, если о нихъ узнаютъ, онъ заплатится головой». Не военная ли это хитрость, не средство ли убѣдиться въ слабости союзниковъ, въ ихъ бессилии атаковать, когда Наполеонъ считаетъ себя въ силахъ ихъ раздавить? Шуваловъ подозрѣваетъ это. Между тѣмъ, прибавляетъ онъ, «слушая его, можно подумать, что онъ желаетъ крупнаго пораженія французской арміи, чтобъ заключить миръ какъ можно скорѣе». На другой день, 1 іюня, разговоръ возобновился. «Подкрѣпленія не являются, говоритъ Коленкуръ; если русскіе не будутъ дѣйствовать, значить они, дѣйствительно, не въ силахъ; казаки, дѣйствуя въ аррьергардѣ, могли бы прервать всякое сообщеніе» ¹⁾... А вечеромъ, въ своемъ докладѣ Наполеону, онъ пишетъ: «Адъютантъ герцога Рагузскаго былъ вчера застигнутъ кавалерійской атакой... Я нахожусь среди цѣлой тучи казаковъ». Онъ прибавляетъ: «Г. Шуваловъ меня увѣрялъ, при своемъ товарищѣ, что императоръ Александръ не относится горячо къ этому дѣлу, что онъ искренно желаетъ мира, что все докажетъ это, и если мы такъ же искренно желаемъ его, какъ онъ»... мы примемъ перемиріе въ томъ видѣ, какъ они предлагаютъ.

2 іюня, комиссары составили текстъ. Коленкуръ доложилъ объ этомъ Наполеону. Затѣмъ, отозвавъ снова въ сторону Шувалова, онъ сказалъ ему: «Черезъ два мѣсяца французская армія удвоится. Если вы увѣрены, что Австрія будетъ дѣйствовать съ вами, вы правы, не помышляя о заключеніи мира съ нами; но, если вы въ этомъ не увѣрены, вамъ нельзя терять время». Наполеонъ желаетъ заключить миръ «безъ посторонняго вліянія». Затѣмъ, указавъ на разбросанность и разстройство французской арміи: «Почему вы не поддержали вашихъ требованій сильными атаками? Знаете ли вы, что перемиріе очень выгодно для насъ?.. Императоръ Наполеонъ такъ спѣшилъ узнать, заключено ли оно, что не только послалъ

¹⁾ Повидимому, Наполеонъ остался подъ этимъ впечатлѣніемъ. Между причинами, побудившими его согласиться на перемиріе, онъ выставляетъ Ласъ Казасу (*Mémorial*): «Аррьергардъ былъ открытъ и обвѣзжаемъ непріятелемъ». Ланжеронъ комментируетъ: «Въ аррьергардѣ могли быть только партизаны, правда, неудобные, но не опасные». *Мемуары*, Война 1813 г.

ко мнѣ трехъ курьеровъ съ вопросомъ—кончить ли я? но и самъ выѣхалъ навстрѣчу моему курьеру». «Убѣжденіе это, или откровенность, заключалъ Шуваловъ, или желаніе, чтобы мы дѣйствовали прежде, чѣмъ начнутъ свои дѣйствія австрійская армія?..»

Проектъ перемирія былъ посланъ Наполеону. Между тѣмъ союзники добились отъ Австріи рѣшительнаго шага, о которомъ Коленкуръ говорилъ: «Если вы увѣрены, что Австрія дѣйствуетъ съ вами, вы правы, что не помышляете заключать съ нами миръ»... Меттернихъ получилъ 29 мая извѣстіе о сраженіи при Бауценѣ и почти отчаянный призывъ союзниковъ. Ему показалось, что часъ пробилъ. «Я рѣшился. Нужно было остановить Наполеона въ его шествіи впередъ и указать императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму, какое рѣшеніе приметъ мой государь, императоръ» ¹⁾. Это перемиріе, котораго желалъ тогда Наполеонъ, чтобы взять верхъ надъ Австріей, Австрія желала, чтобы взять верхъ надъ Наполеономъ; каждый—чтобы вооружиться и вести переговоры противъ другого. Но самое важное для Меттерниха было поддерживать, необходимое количество времени, союзниковъ въ надеждѣ, а Наполеона въ нерѣшимости. Онъ послалъ курьера къ Буніу, приказывая ему настаивать у Наполеона на посредничествѣ, и уговорилъ Франца переѣхать ближе къ главной квартирѣ русскихъ.

Императоръ Францъ выѣхалъ со своимъ министромъ 1 іюня. По дорогѣ они встрѣтили Нессельроде, ѣхавшаго къ Меттерниху, въ Вѣну, съ копіей проекта перемирія ²⁾. Францъ и Меттернихъ везли отвѣты на вопросы, которые Нессельроде долженъ былъ имъ поставить: «Объявить ли Австрія войну?.. Когда начнетъ Австрія враждебныя дѣйствія?» Нессельроде сопровождалъ ихъ въ Гитчинъ, въ замокъ графа Траутмансдорфа, куда они пріѣхали 3 іюня. «Послѣ короткаго разговора, который я имѣлъ съ графомъ Нессельроде, пишетъ Меттернихъ, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что онъ уѣдетъ довольный и убѣжденный, что мы ни въ какомъ случаѣ не оставимъ дѣла. Наши военные довольны военными распоряженіями нашихъ союзниковъ... Намъ кажется, что всего выгоднѣе для насъ—заключить перемиріе» ³⁾.

Наполеонъ ждалъ со страннымъ нетерпѣніемъ, къ которому примѣшивалась лихорадка, лихорадка сомнѣнія, потребность покончить дѣло какъ бы то ни было; въ глубинѣ души онъ себя упрекалъ, что впутался

¹⁾ Мемуары, т. I, стр. 134 и слѣд.

²⁾ Мартенсъ, т. III, стр. 102 и слѣд.—Россія, т. XXXI: порученіе Нессельроде въ Вѣнѣ, соглашеніе въ Гитчинѣ.

³⁾ Меттернихъ Стадіону, 3 іюня 1813. Сравни 6 іюня; то же нетерпѣніе Узнать, заключено ли перемиріе.—Онкенъ.

въ него. 2 іюня онъ поручаетъ Коленкуру уступить на половину: пусть союзники дадутъ ему отсрочку еще на 20 іюля, онъ имъ уступитъ Гамбургъ, но что касается Бреславля, который онъ занимаетъ и который союзники хотятъ, чтобы онъ очистилъ—это невозможно: «Его величество, пишетъ Бертье, поручилъ мнѣ написать вамъ, что вопросъ о Бреславлѣ есть вопросъ чести, въ которомъ нельзя дѣлать уступокъ». Императоръ пишетъ самъ: «Это перемиріе... не почетно для меня»... Его осаждаютъ сомнѣнія, и онъ велитъ написать Коленкуру: «Какъ можете вы не знать, вы, которому извѣстны сношенія Австріи, не будетъ ли для насъ перемиріе роковымъ, потому что въ минуту его прекращенія Австрія вмѣшается и войдетъ въ силу». И еще, въ тотъ же день: «Я усталъ отъ этихъ переговоровъ, которые тянутся такъ долго. Постарайтесь ихъ кончить сегодня». Въ ночь съ 3-го на 4-ое онъ приказываетъ маршаламъ быть готовыми выступить утромъ и Коленкуру—кончить такъ или иначе, убѣжденный, что непріятель хочетъ только выиграть время. Но союзники принимаютъ его условія, и 4-го перемиріе подписано въ Плейсвицѣ, «на основаніяхъ, указанныхъ императоромъ» ¹⁾.

Оно должно было длиться до 20 іюля ²⁾, срокъ назначенный тогда Шварценбергомъ для окончанія приготовленій Австріи ³⁾. Это былъ актъ чисто военный: въ немъ не было ни слова ни о посредничествѣ, ни о конгрессѣ мира. «Довольно бросить на него одинъ взглядъ, читаемъ въ одной замѣткѣ, составленной въ присутствіи Александра ⁴⁾, чтобы убѣдиться, насколько онъ отличается отъ всѣхъ перемирій, заключенныхъ до сихъ поръ Наполеономъ. Въ число выгодъ, отъ него получаемыхъ, нужно, конечно, поставить на первомъ планѣ то, что оно дастъ намъ выиграть время, чтобы непреложно опредѣлить наши отношенія съ Австріей... Мы увѣрены, что будемъ продолжать войну совместно съ Австріей, если только полное согласіе между нею и нами не произведетъ такого давленія на Наполеона, что онъ подпишетъ миръ, почетный для Россіи, выгодный для ея союзниковъ и полезный для Европы... О присоединеніи къ союзу, существующему между Россіей и Пруссіей, ведутся уже переговоры съ графомъ Стадіономъ на случай войны, а генералъ Фолль

¹⁾ Наполеонъ Коленкуру, 1 іюня, въ десять часовъ утра, въ три часа дня; 2, 3, 4 іюня; Бертье Коленкуру, 2, 3, 4 іюня; Коленкуръ императору, 1, 2, 4 іюня 1813 г.

²⁾ Де Клеркъ, т. II, стр. 332.—Онкенъ, т. II, стр. 660.

³⁾ Стадіонъ Меттерниху, 3 іюня 1813. Онкенъ.

⁴⁾ Россія, т. XXXI. Перечень сдѣлокъ, стр. 311.

(Phull) ъдетъ сегодня въ Прагу, чтобъ сговориться съ княземъ Шварценбергомъ о планѣ дѣйствій» ¹⁾).

Не успѣлъ Наполеонъ утвердить перемиріе, какъ уже сталъ сожалѣть объ этомъ. «Роковой узелъ, говорилъ онъ позже, въ который вилетены всѣ шансы и судьбы кампаніи». Онъ пробовалъ себя оправдать ошибкой, наименѣе допустимой для главы имперіи и такого человѣка, какъ онъ: «Да, я знаю, что я сдѣлалъ дурно, говорилъ онъ Гурго. Надо отдать справедливость Сульту, онъ одобрялъ мою мысль не подписывать перемирія; но Бертъ и Коленкуръ настаивали» ²⁾).

V.

Перемиріе — занавѣсъ. За нимъ, въ антрактѣ, происходятъ главнѣйшія сцены драмы. Императоръ Францъ оставался въ Гитчинѣ, гдѣ его окружалъ небольшой дворъ, состоявшій преимущественно изъ военныхъ, которые, подъ рукой, готовили общія дѣйствія. Нотой 7 мая Меттернихъ пригласилъ союзниковъ заключить немедленно трактатъ на случай войны и опредѣлить «базисы мира» для предложенія ихъ Наполеону; они послужатъ стержнемъ для поворотнаго движенія Австріи. 13 іюня Шварценбергъ представилъ императору планъ операцій, который принять 15-го на совѣтъ, въ присутствіи Меттерниха.

Англичане были въ Рейхенбахѣ, въ Силезіи, недалеко отъ границы Богеміи, съ послѣднихъ дней мая ³⁾. Сначала они имѣли свиданіе съ пруссаками. Они отказались выдать хотя бы одинъ фунтъ стерлинговъ, прежде чѣмъ пруссаки согласятся отдать территорію, назначенныя увеличить будущее королевство ганноверское, т. е. епархію Гильдесгеймъ, части прежняго курфюршества ганноверскаго и Остъ-Фрисландіи, присоединенныя отчасти къ королевству Вестфаліи, отчасти къ французской имперіи въ 1810 г., и департаменты Восточнаго и Верхняго Эмса, которые нужно было еще завоевать. Пруссаки терпѣли крайнюю нужду: ни денегъ, ни оружія, ни припасовъ. Они согласились на все, чего требовали англичане. Англичане, взамѣнъ, давали имъ значительную гарантію — упомянутую въ Калишскомъ договорѣ: возвращеніе Пруссіи къ ея государственному положенію 1806 г. Они гарантировали, кромѣ того, по-

¹⁾ Стадіонъ Меттерниху, 3 іюня 1813. — Предложенія, касающіяся плана кампаніи. *Онкенъ*.

²⁾ *Сенюръ*, т. V, стр. 119, критика перемирія съ французской точки зрѣнія. — *Онкенъ*, т. II, стр. 629, то же съ точки зрѣнія союзниковъ.

³⁾ *Россія*, XXXI, стр. 316. — *Тексты*, *Мартенсъ*, т. XI, стр. 169. — *Мартенсъ*, т. III; Замѣтки о трактатахъ въ Рейхенбахѣ. — Меттернихъ Стадіону, 6, 8, 11, 14 іюня 1813 г. — *Онкенъ*, O. und Pr., т. II, гл. VI.

ловину «федеративнаго векселя», который союзники пустятъ въ оборотъ до суммы въ 5 мил. фунт. стерлинговъ. Пруссія гарантируетъ, съ своей стороны, возстановленіе герцогскихъ династій Брауншвейга и Ганновера. Она обязуется выставить въ походъ 80 т. чел. за 666,666 ф. стерл. Этотъ трактатъ былъ подписанъ 14 іюня 1813 г.

На другой день, 15 іюня, также въ Рейхенбахѣ, англичане подписали трактатъ съ Россіей. Англія платитъ миллионъ фунт. стерл. и еще 500.000 ф. ст., назначенныхъ на содержаніе русскаго флота, укрывшагося въ английскихъ портахъ и отданнаго въ распоряженіе британскаго адмиралтейства. Она гарантируетъ «федеративный вексель». Россія обязуется добиться усиленія ганноверскаго дома. Наконецъ, главный параграфъ, одинаковый въ обоихъ трактатахъ, связывающій ихъ между собою и съ Калишскимъ договоромъ, который становится такимъ образомъ основаніемъ коалиціи:

Статья VII. — Обѣ государственныя стороны, заключающія договоръ (Англія и Пруссія, Англія и Россія) будутъ дѣйствовать въ самомъ полномъ согласіи относительно военныхъ операцій и откровенно сообщать другъ другу все, что касается ихъ политики. *Онѣ обязуются въ особенности обоюдно не вести переговоровъ со своими общими врагами, не подписывать ни мира, ни перемирія, ни какого бы то ни было соглашенія иначе, какъ съ общаго согласія.*

А Калишскій договоръ гласилъ:

Статья VI. — Его Величество король Пруссіи и Его Величество императоръ Россіи *обязуются взаимно не вести переговоровъ отдѣльно съ непріятелемъ, не подписывать ни мира, ни перемирія, ни какого либо соглашенія иначе, какъ съ общаго согласія.*

Такимъ образомъ, Пруссія не можетъ вести переговоровъ или заключить мира безъ Россіи, Пруссія и Россія не могутъ вести переговоровъ и заключать соглашеній безъ Англіи. Изъ этого выходитъ, что эти три державы совершенно связаны между собой какъ относительно переговоровъ, такъ и мира. Эта сдѣлка заранѣе уничтожаетъ, какъ послѣдняя, тѣ предложенія, которыя Меттернихъ могъ бы сдѣлать Наполеону, пока они не будутъ приняты Англіей. Такимъ образомъ разоблачилась двусмысленность этого посредничества и этого конгресса, о которыхъ такъ много спорили, потому что неосновательно исходили — опираясь только на слова Меттерниха — изъ той предпосылки, что предложенія Меттерниха искренни и окончательны, что союзники ихъ принимаютъ, какъ таковыя, и если бы Наполеонъ, поймавъ Меттерниха на словѣ, принялъ ихъ безусловно, война на континентѣ окончилась бы этимъ миромъ, очень выгоднымъ для Франціи ¹⁾.

¹⁾ См. *Тьера*, т. XV, стр. 345.

Между тѣмъ, три комиссара: Нессельроде, Гарденбергъ и Стадіонъ работали 12 іюня, не безъ труда и пересдержки, проектъ основъ мира ¹⁾). Австрія сообщитъ Наполеону эти *базы*, которыя онъ долженъ принять до 20 іюля, и которыя она считаетъ «условіями *sine qua non* мира».

1. Уничтоженіе герцогства варшавскаго.
2. Увеличеніе Пруссіи въ связи съ этимъ уничтоженіемъ и передачей ей города и территоріи Данцига.
3. Возвращеніе иллирійскихъ провинцій Австріи.
4. Возстановленіе независимости ганзейскихъ городовъ, по крайней мѣрѣ Гамбурга и Любека, и сдѣлка объ уступкѣ другихъ частей 32-го военнаго раздѣленія.

Къ этимъ четыремъ *базамъ*, которыя составляютъ австрійскій ультиматумъ, прибавляются:

5. Уничтоженіе Рейнскаго союза. Австрія будетъ на этомъ настаивать подь страхомъ прекращенія переговоровъ.
6. Возстановленіе Пруссіи, приближаясь насколько возможно къ размѣрамъ ея ранѣе 1805 г. Австрія будетъ поддерживать этотъ вопросъ съ тѣмъ же жаромъ, какъ и предыдущій.

Пруссаки сильно протестовали по поводу ограниченія австрійскаго ультиматума первыми четырьмя пунктами. Когда Гарденбергъ потребовалъ объясненія, Стадіонъ долженъ былъ его успокоить и сдѣлалъ это въ такой положительной формѣ: «Выставляя четыре пункта, исполненіе которыхъ его величество императоръ Австріи беретъ на себя, онъ въ то же время объявляетъ, что будетъ поддерживать и два слѣдующихъ пункта всей силой своего посредничества, слѣдовательно, *не можетъ быть никогда и рѣчи о помощи императору Наполеону силою оружія*... но оба двора могутъ разсчитывать на военныя дѣйствія Австріи только по первымъ четыремъ пунктамъ». Миръ, о которомъ собираются вести переговоры, говоритъ Гарденбергъ, долженъ быть нѣчто другое, чѣмъ плохое перемиріе. Англія никогда не удовольствуется первыми четырьмя пунктами, и мы лишимся англійскихъ субсидій, которыя такъ необходимы. Нессельроде упиралъ на эти соображенія. Меттернихъ ихъ предвидѣлъ; въ депешѣ, адресованной Стадіону, 14 іюня, онъ его увѣдомляетъ, что начинающіеся переговоры «даютъ возможность Англій вмѣшаться въ нихъ. Союзники, обсуждая прежде всего вопросы, соединенные съ намѣреніями Англій, не отстраняются отъ нея ни по формѣ, ни по существу. Такимъ образомъ, отношенія и обязательства Россіи и Пруссіи къ Англій и Швеціи остаются всецѣло». Въ заключеніе, оба Ка-

¹⁾ Докладъ Стадіона и статьи у *Омкена*, O. und P., т. II, стр. 336.

лишскіе союзники объявили, что «принимаютъ переговоры только въ формѣ обсужденія *предварительныхъ пунктовъ*», которыя подготовятъ общій миръ въ томъ случаѣ, если Англія захочетъ принять въ нихъ участіе». Вслѣдствіе этого постановили:

Оба двора смотрятъ на открытые въ настоящую минуту переговоры только какъ на *предварительные*: всѣ условія, кромѣ представленныхъ Австріей, нужно будетъ обсудить тогда, когда Англія приметъ участіе въ переговорахъ и будетъ договариваться о всѣхъ новыхъ базисахъ, какъ-то: о вознагражденіяхъ по морскому миру, присоединенному къ миру континентальному.

Кромѣ того рѣшили пригласить Англій и Швецію присоединиться къ переговорамъ. Наконецъ, «заключенію окончательной мировой сдѣлки съ Наполеономъ должно предшествовать выполненіе предварительныхъ пунктовъ», и въ него должно быть внесено, кромѣ четырехъ пунктовъ, еще очищеніе отъ войскъ прусскихъ крѣпостей на Одерѣ и Данцига. Всѣ эти предосторожности и, въ частности, послѣдняя имѣли только одно основаніе: боязнь, что Наполеонъ приметъ первыя четыре условія, и средство заставить его порвать въ этомъ случаѣ, представивъ неожиданное требованіе, которое онъ сочтетъ для себя позорнымъ.

Меттернихъ очень ясно понялъ эту боязнь, когда 17 іюня явился къ Александру въ Рейхенбахъ. «Но, сказалъ императоръ, что будетъ съ нашимъ дѣломъ, если Наполеонъ приметъ посредничество?—Если онъ отклонитъ его, отвѣчалъ Меттернихъ, перемиріе окончится законнымъ образомъ, и вы найдете насъ въ рядахъ вашихъ союзниковъ; если же приметъ—переговоры укажутъ, безъ сомнѣнія, что онъ не хочетъ быть ни благоразумнымъ, ни справедливымъ, и результатъ будетъ тотъ же. Во всякомъ случаѣ, мы такимъ образомъ выиграемъ время, чтобы поставить свою армію на такія позиціи... съ которыхъ мы можемъ начать наступленіе».

Всегда будетъ время, по его мнѣнію, поставить другія условія, запасныя условія, которыя заставятъ Наполеона рѣшиться на разрывъ, если первыя привели его къ переговорамъ. Въ этомъ будетъ та выгода, что его втянули въ переговоры, дали блеснуть передъ его войскомъ надеждѣ на миръ, поколебали его маршаловъ, уже утомленныхъ, соблазнили его министровъ, которые только и дышатъ трактатами, наконецъ, скомпрометировали его передъ партіей мира, которая растетъ съ каждымъ днемъ, которая сброситъ на него всю отвѣтственность за продолженіе войны и никогда не проститъ ему *отказа* отъ такого благоприятнаго трактата. Такимъ образомъ обмануть его расчтены выставить передъ Франціей требованія союзниковъ и доказать ей этими «жертвами, которыхъ отъ него требуютъ, неизбежную необходимость продолжать войну...» ¹⁾.

¹⁾ Графъ Гарденбергъ Мюнстеру, 21 іюня 1813. *Омкень*.

Между нимъ и Франціей поставятъ преграду; а это равносильно, говоря военнымъ языкомъ, тому, что обошли его и зашли ему въ тылъ. Искусство будетъ заключаться въ томъ, чтобы представить *французамъ* первые четыре пункта, какъ единственныя условія трактата, не говорить имъ о *предварительныхъ* переговорахъ, убѣдить армию и общество во Франціи, что дѣло идетъ о полномъ и окончательномъ мирѣ. Одно слово—*да*—и онъ заключенъ, и Австрія принимаетъ сторону Франціи. Въ такихъ фантазмагоріяхъ Меттернихъ былъ очень силенъ.

Но въ то же время онъ все болѣе сближался съ союзниками, увѣренный, что Наполеонъ откажетъ. 18 іюня, *базисы*, съ ихъ градаціями, были установлены. Меттернихъ предложилъ царю послать довѣреннаго офицера въ главный штабъ Шварценберга, бывший вспомогательный корпусъ Наполеона, который отдѣленный отъ французскаго союза, «составить одно цѣлое съ корпусомъ императора Франца». Послѣ этого онъ вернулся въ Гитчинъ.

Какъ только онъ уѣхалъ, недовѣріе вернулось, и *базисы*, даже увеличенные пунктами 5 и 6, показались русскимъ недостаточными.

Нессельроде послалъ ему 19 іюня спѣшную ноту. Царь Александръ объявлялъ императору Францу, «что ему невозможно заключить мира съ Франціей на условіяхъ, составляющихъ *sine qua non* Австріи.. Всякій миръ будетъ лишь перемиріемъ... если, въ конечномъ результатѣ столькихъ усилій и жертвъ, не будутъ воздвигнуты *могущественныя преграды* противъ Франціи». Онъ подразумѣвалъ подъ этимъ преграды трактата, заключеннаго въ апрѣлѣ 1805 г. съ Англіей, тѣ, которыя Нессельроде самъ ставилъ въ декабрѣ 1812 г. ¹⁾, т. е. возвращеніе Франціи къ ея прежнимъ границамъ.

Меттернихъ получилъ эту ноту по возвращеніи въ Гитчинъ, 21-го. Онъ тамъ нашелъ также письмо отъ Марэ, приглашавшаго его пріѣхать къ Наполеону въ Дрезденъ. Наполеонъ прослышалъ о его свиданіи съ Александромъ. Онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ въ свою очередь. Прежде чѣмъ подвергнуться этой встрѣчѣ, которая могла привести къ войнѣ, Меттернихъ рѣшилъ все выяснитъ съ союзниками и явиться къ Наполеону только съ коалиціей въ карманѣ. Пріѣздъ Нессельроде облегчилъ ему дѣло. Онъ пріѣхалъ 23-го съ проектомъ соглашенія между Австріей, Россіей и Пруссіей, выработаннымъ въ засѣданіи 21-го. Меттернихъ, въ сущности, былъ съ нимъ согласенъ и повторялъ нѣсколько разъ, что миръ можетъ быть обезпеченъ «только при возвращеніи Франціи, Австріи и Пруссіи къ ихъ прежнимъ границамъ» ²⁾. Но высказать это заранѣе

¹⁾ См. выше, стр. 8.

²⁾ *Мемуары*, т. I, стр. 160.

значило поднять общественное мнѣніе во Франціи, сдѣлать войну популярной, соединить Наполеона и французскій народъ и разрушить самую коварную и значительную комбинацію своей дипломатіи. Онъ настроилъ Нессельроде. Онъ прочелъ императору Францу докладъ, который уничтожилъ послѣднія колебанія этого монарха. Выставивъ послѣдствія, онъ торопилъ присоединеніе и движеніе впередъ Бернадотта: «Признаюсь, я разсчитываю на послѣдствія его содѣйствія...», сначала послѣдствія военныя и особенно политическія. Затѣмъ, убѣжденный, что если не обманетъ, то собьетъ съ толку Наполеона, онъ добился отъ Франца слѣдующаго объявленія: «Разъ война начнется, три союзныхъ двора поставятъ цѣлью своихъ общихъ усилій пункты, выставленные кабинетами русскимъ и прусскимъ въ нотѣ отъ 16 мая, *примѣняя ихъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ*» ¹⁾.

Эта нота прибавляла къ четыремъ пунктамъ австрійскаго ультиматума и къ 5 и 6 пунктамъ, которые Австрія обязывалась поддерживать, еще слѣдующіе: Австрія—въ ея предѣлахъ 1805 г., полное освобожденіе Германіи отъ французскаго вліянія, что включало оставленіе Вестфалии и Берга; Италія — свободная на всемъ своемъ протяженіи отъ управленія и владѣнія Франціи, т. е. отдача не только Венеціи, но и Ломбардіи, Пьемонта, Тосканы, Рима, Пармы и Неаполя; отдѣленіе Голландіи отъ Франціи; возстановленіе Бурбоновъ въ Испаніи. Это были, по мнѣнію Меттерниха, условія *хорошаго* мира. Оставалось, выгнавъ Францію изъ Германіи и Италіи, сдѣлать миръ *прекраснымъ*, примѣнивъ эти условія «въ самомъ обширномъ размѣрѣ», подъ чѣмъ подразумѣвался лѣвый берегъ Рейна и Нидерланды, по крайней мѣрѣ, до Шельды.

Согласіе, возникшее на этомъ основаніи между Меттернихомъ и Нессельроде, получило одобреніе императора Франца, и такимъ образомъ были написаны статьи Рейхенбахскаго трактата между Австріей, Россіей и Пруссіей въ виду того случая, если Наполеонъ отвергнетъ посредничество Австріи. Въ статьѣ первой сказано:

Его Величество императоръ австрійскій, пригласивъ дворы Россіи и Пруссіи войти черезъ его посредство въ переговоры съ Франціей о заключеніи предварительнаго мира, который могъ бы служить базой общаго мира, и Его Величество, опредѣливъ условія, которыя онъ считаетъ необходимыми для возстановленія равновѣсія и прочнаго спокойствія въ Европѣ, обязуется объявить войну Франціи и присоединить свои войска къ войскамъ Россіи и Пруссіи, если до 20 іюля сего года Франція не приметъ этихъ условій.

Эти условія, перечисленныя въ статьѣ 2-ой, составляютъ четыре первыхъ пункта. Но твердо рѣшили: если Наполеонъ ихъ приметъ, они

¹⁾ Докладъ императору, 24 іюня; письмо Стадіону, 23 іюня 1813. *Опхенъ*.

будутъ служить лишь для *предварительнаго* мира, который можетъ стать базой для общаго мира. Въ текстѣ не говорится, что Россія и Пруссія не предъявляютъ во время переговоровъ новыхъ требованій, и, чтобы подчеркнуть свои намѣренія, онѣ прибавляютъ, что судьба варшавскаго герцогства будетъ рѣшена безъ Франціи, тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ. Статья 6-я очень ясно показываетъ, каковы будутъ претензіи союзниковъ съ начала переговоровъ, указывая на условія, которыя Австрія обѣщаетъ поддерживать, если Наполеонъ отвергнетъ четыре пункта. Это—«параграфы, внесенные кабинетами русскимъ и прусскимъ въ ноту отъ 16 мая», «примѣняя ихъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ». Подъ этими размѣрами нужно понимать «могущественныя преграды» русской ноты 19 іюня и требованія Англіи, безъ которой Пруссія и Россія обязались не вести переговоровъ и не подписывать мира ¹⁾. Но Австрія, въ свою очередь, обязуется—ст. 7—«не входить ни въ какое соглашеніе или переговоры... иначе, какъ съ общаго согласія Россіи и Пруссіи», т. е. Англіи. Австрія употребитъ на войну «всѣ военныя силы, которыми будетъ располагать», по меньшей мѣрѣ 150,000 чел., которые присоединятся къ 150,000, по меньшей мѣрѣ, русскихъ и 80,000 пруссаковъ.

Это соглашеніе было *установлено*, когда, 24 іюня, Меттернихъ поѣхалъ въ Дрезденъ; но оно не было *подписано*. Его подписали только 27-го, въ Рейхенбахѣ, послѣ свиданія Меттерниха съ Наполеономъ. Эта канцелярская хитрость дозволила Меттерниху говорить съ императоромъ съ авторитетомъ члена его коалиціи и, при надобности, засвидѣтельствовать своей честью, честью нѣмецкаго графа, что Австрія *еще* была *свободна* отъ всякихъ обязательствъ.

Снабженный этимъ талисманомъ, который его дѣлалъ неуязвимымъ и, если нужно, невидимымъ, Меттернихъ считалъ себя въ силахъ приступить къ Наполеону, смутить его, заставить выдать свои скрытыя намѣренія и втянуть въ тупикъ; прежде всего, выяснить его условія мира и по этому судить, сколько *пунктовъ* можно открыть—четыре, пять или шесть, чтобъ быть увѣреннымъ, что онъ откажетъ.

Бубна ѣздилъ взадъ и впередъ отъ союзниковъ къ Наполеону, привозя ноты и словесныя порученія ²⁾. Онъ объявлялъ, что Россія и Пруссія согласились на посредничество, но что Англія отъ него отказалась. Впечатлѣніе отъ его сообщенія выразилось въ письмѣ Наполеона къ ко-

¹⁾ См. ноту 16 мая, стр. 92; базисы 12 іюня; русская нота 19 іюня, стр. 110; австрійскія условія хорошаго мира, стр. 89.

²⁾ *Файнг*: Ноты Марэ и Меттерниха 15—22 іюня 1813.—*Эрнуфъ*, гл. XII.—*Оккенъ*, O. and Pr., т. I, стр. 383.

ролю Вюртембергскому ¹⁾. «Англія отклонила предложенія, которыя ей сдѣлали Россія и Пруссія, и, повидимому, рѣшилась заключить миръ на такихъ принципахъ, которые эти державы, хотя ихъ нельзя заподозрить въ благосклонномъ отношеніи ко мнѣ, нашли до того нелѣпыми и невыносимыми, что не хотѣли даже о нихъ слышать. Въ минуту упоенія, державы предложили мнѣ базисомъ мира Люневильскій трактатъ; Англія его отвергла, какъ слишкомъ благоприятный для Франціи» ²⁾.

Въ ожиданіи, пока все опредѣлится, Наполеонъ проявлялъ страшную строгость въ Германіи, въ Гамбургѣ, куда вступилъ Даву ³⁾. Онъ старался встряхнуть и вернуть общественное мнѣніе во Франціи, слишкомъ склонное къ миру. «Тонъ вашихъ писемъ мнѣ не нравится, пишетъ онъ Савари, вы мнѣ все надѣдаете необходимостью мира. Я лучше васъ знаю положеніе моей имперіи. Я хочу мира... я въ немъ болѣе заинтересованъ. чѣмъ кто либо; но я не заключу позорнаго мира, который черезъ мѣсяць приведетъ насъ къ еще болѣе ожесточенной войнѣ». Онъ пишетъ Камбасересу: «Я видѣлъ болѣе двадцати писемъ иностранныхъ пословъ, въ которыхъ они пишутъ къ своимъ, что въ Парижѣ хотятъ мира во что бы то ни стало, что мои министры мнѣ на это указываютъ каждый день... Болтовня министровъ о мирѣ очень вредитъ моимъ дѣламъ... Въ Парижѣ сильно ошибаются, если думаютъ, что миръ зависитъ отъ меня. Требования враговъ чрезмѣрны, и я отлично знаю, что на миръ, несогласный съ понятіемъ Франціи о силѣ имперіи, очень дурно посмотреть всѣмъ» ⁴⁾. Онъ приказываетъ Ремюза, занимающему должность по устройству придворныхъ увеселеній, прислать актеровъ и обставить ихъ отѣздъ нѣкоторымъ шумомъ, какъ будто долженъ двинуться въ путь весь составъ французской комедіи, включая сюда и трагедію. Этотъ веселый караванъ заставитъ думать въ Парижѣ, Лондонѣ и Испаніи, «что мы веселимся въ Дрезденѣ».

Тамъ ничуть не веселились. Были угрюмы, роптали на войну, вздыхали о мирѣ; только слово перемиріе немного возвращало хорошее расположеніе духа. «Я хорошо вижу, что вы не хотите больше сражаться», говорилъ имъ Наполеонъ. «Бертъ хотѣлъ бы охотиться въ Гробуа,

¹⁾ Дрезденъ, 13 іюня 1813. Срав. *Файнг*, т. II, стр. 17.

²⁾ Ошибка. Сравните выше ноту Нессельроде отъ 19 іюня 1813. и оговорки Рейхенбахскаго договора, стр. 110, 111.

³⁾ Къ Даву, 7, 18, 24 іюня, *Лесестрѣ*.—Письма Даву, 11 и 13 іюня, *Перетиска*, т. IV.—*Мемуары Пюймаера*, стр. 152: *Тьебо*, т. V, стр. 49 и слѣд., 101 и слѣд., 142 и слѣд., 160.

⁴⁾ Къ Савари, 13 іюня; къ Камбасересу, 18 и 30 іюня 1813 г. *Лесестрѣ*.—*Мемуары Паске*.

Раппъ—жить въ своемъ прекрасномъ отелѣ въ Парижѣ»¹⁾. Все боятся одного и явно выказываютъ эту боязнь—что «Наполеонъ не приметъ достаточно скоро рѣшенія подписать условія непріятеля»... Среди «утомленія» своихъ—слово это принадлежитъ Наполеону—онъ чувствуетъ себя одинокимъ для обсуждения дѣлъ, для принятія мѣръ, и въ первый разъ, быть можетъ, это одиночество тяготитъ его²⁾. Онъ колеблется между Марэ, убѣжденнымъ въ австрійской жадности и настаивающимъ, чтобъ Наполеонъ удовлетворилъ ее, и Коленкуръ, пристрастнымъ къ русскому безкорыстію и настаивающимъ, чтобъ Наполеонъ бросился въ объятія Александра.

Прибавьте къ этому его свѣдѣнія о Бернадоттѣ, сомнительный результатъ вѣдательства этого экс-маршала, интриги, которыя за симъ послѣдуютъ, пробужденіе старыхъ заговоровъ 1800, 1804, 1808 и 1809 годовъ, еще усиленныхъ новымъ обаяніемъ этой личности. Прибавьте интриги Мюрата съ Бентинкомъ, о которыхъ ему донесли, и которыя слишкомъ подтверждаютъ его предчувствія. Прибавьте дурныя извѣстія изъ Испаніи, гдѣ все идетъ что дальше, то хуже, гдѣ французскія войска отступаютъ, гдѣ англичане все подвигаются впередъ. Одно проигранное сраженіе, и придется очистить Испанію³⁾. Наконецъ, слухи, проскальзывающіе въ докладахъ шпионовъ, о постоянныхъ разбѣздахъ военныхъ и дипломатовъ то въ Гитчинъ, то въ Рейхенбахъ, прїѣздъ англичанъ, таинственныя поѣздки Меттерниха. Становится понятно, что Наполеонъ хотѣлъ переговорить съ этимъ посломъ, постараться проникнуть его намѣренія относительно мира, его намѣренія относительно дня, слѣдующаго за конгрессомъ, и, въ особенности, проникнуть секреты союзниковъ: что они могли рѣшить, вступила ли Австрія съ ними въ соглашеніе, и до какой степени.

VI.

Наполеонъ занималъ помѣщеніе во дворцѣ Марколини. Войдя туда 26 іюня, Меттернихъ былъ пораженъ «выраженіемъ мучительнаго безпокойства, которое можно было прочесть на лицахъ придворныхъ и генераловъ въ мундирахъ, распитыхъ золотомъ», тѣснившихся на его

¹⁾ *Файнгъ*, т. I, стр. 430, т. II, стр. 74.

²⁾ *Эриуфъ*, по замѣткамъ Марэ.—*Mémorial*, т. VI, стр. 57.—*Файнгъ*, т. II, стр. 75, примѣчаніе.

³⁾ Оно происходило какъ разъ въ это время, и Веллингтонъ его выигралъ, 21 іюня 1813 г., при Витторіи. См. ниже, какъ дошло это извѣстіе до Наполеона, стр. 119.

пути¹⁾. Бертъ сказалъ ему вполголоса: «Не забывайте, что Европа нуждается въ мирѣ, въ особенности Франція, которая хочетъ только мира». Наполеонъ принялъ его въ галлерей, стоя, на ходу, со шляпой при бедрѣ, со шляпой подъ мышкой. Онъ пошелъ ему навстрѣчу, спросилъ о здоровьѣ императора, затѣмъ его лицо омрачилось: «Если вы хотите мира, почему вы приходите такъ поздно? Кажется, вамъ уже не интересно гарантировать неприкосновенность французской имперіи; почему было не сказать мнѣ этого раньше?!.. Я одерживаю двѣ побѣды; вы приходите говорить со мной о перемиріи и посредничествѣ!.. Безъ вашего рокового вѣдательства миръ между мною и союзниками былъ бы уже заключенъ сегодня... Признайтесь, съ тѣхъ поръ, какъ Австрія приняла на себя титулъ посредницы, она уже не на моей сторонѣ; она уже не безпристрастна, она—мой врагъ». Меттернихъ отвѣчаетъ, что только отъ императора зависитъ дать міру миръ. Наполеонъ возражаетъ, что онъ готовъ заключить миръ, но скорѣе погибнетъ, чѣмъ подпишетъ позорный миръ. «Я это писалъ императору, моя честь выше всего, а послѣ нея уже миръ!» Онъ повторяетъ свои обычные аргументы, которые приводилъ Шварценбергу: «Ваши государи, родившіеся на престолѣ, могутъ дать себя разбить двадцать разъ и затѣмъ вернуться въ свою столицу; я этого не могу, потому что я—солдатъ-выскачка. Моя власть не переживетъ того дня, когда я перестану быть сильнымъ, и, слѣдовательно, когда перестанутъ меня бояться». Потомъ, спохватившись: «Ну, хорошо, обсудимъ; я согласенъ, чего вы хотите?» Тогда Меттернихъ, не входя въ подробности, сталъ говорить объ уваженіи къ правамъ, о гарантированномъ мирѣ подъ эгидой ассоціи независимыхъ государствъ. «Будемъ говорить болѣе ясно, сказалъ Наполеонъ... Я вамъ предложилъ Иллирію, чтобъ вы остались нейтральны. Годится это вамъ? моя армія достаточно велика, чтобы справиться съ русскими и пруссаками, и все, чего я требую, это—вашего нейтралитета.—О! государь... почему бы вашему величеству не удвоить свои силы! Отъ васъ зависитъ вполнѣ распоряжаться нашими. Да, дѣла въ такомъ положеніи, что мы не можемъ болѣе оста-

¹⁾ Объ этомъ разговорѣ: *разсказъ Файна*, т. II, гл. IV, который Файнгъ слышалъ отъ Марэ (*Эриуфъ*, Марэ, стр. 562) и который Марэ, должно быть, написалъ со словъ Наполеона, но спустя нѣкоторое время, потому что онъ намекаетъ объ условіяхъ мира, которыя были ему означены послѣ; *разсказы Меттерниха*, первый, краткій и немедленно вслѣдъ за разговоромъ, 26 іюня 1813 (*Онкенъ*, O. und P. документы, т. II, стр. 678), второй—подробный, разработанный заново, въ видѣ діалога, въ *Мемуарахъ: Объ исторіи союзовъ*, т. I, стр. 147 и т. II, стр. 461.—Критика этихъ текстовъ: *Онкенъ*, O. und P., т. II, стр. 385.

ваться нейтральными; нужно, чтобы мы были или съ вами, или противъ васъ» ¹⁾).

Тогда Наполеонъ старается узнать правду о состояннн австрійскихъ войскъ. Онъ уводитъ Меттерниха въ свой кабинетъ, гдѣ находятся пунктированные карты. Онъ показываетъ видъ, будто все знаетъ лучше, чѣмъ самъ Меттернихъ, и спорить или, вѣрнѣе, разсуждаетъ объ этомъ болѣе часа, при чемъ Меттернихъ подаетъ ему отъ времени до времени реплики, избѣгая разъясненій. Послѣ того они возвращаются въ галлерей и возобновляютъ отрывистый діалогъ и прогулку, прерываемую остановками. Наполеонъ хотѣлъ узнать объ обязательствахъ союзниковъ, объ обязательствахъ Австріи, если они существуютъ. Онъ говорилъ наугадъ: «Я знаю, что произошло между Пруссіей и Россіей. Говорить о трактатѣ съ третьей державой»... Но эта «рекогносцировка» была напрасна. Меттернихъ не сказалъ ни слова. Онъ оставался нѣмъ и по поводу условій мира, которыя Австрія предложитъ на конгрессѣ, приметъ и, наконецъ, будетъ поддерживать своимъ вооруженнымъ посредничествомъ. «Ну, что вы понимаете подъ словомъ миръ? Хотите вы меня ограбить? Хотите вы Италію, Брабантъ, Лотарингію? Я не уступаю ни одного дюйма территоріи. Я заключаю миръ на основаннн *statu quo ante bellum*... Я даже отдамъ часть герцогства варшавскаго Россіи; вамъ я не дамъ ничего, потому что вы меня не разбили; я не дамъ ничего Пруссіи, потому что она мнѣ измѣнила; если бы вы хотѣли западную Галицію, если Пруссія захочетъ часть своихъ прежнихъ владѣній — это можно устроить, но за вознагражденіе. Тогда вамъ придется вознаградить моихъ союзниковъ. Завоеваніе Иллиріи мнѣ стоило 200 т. человекъ; если вы хотите ее получить, надо пожертвовать такимъ же количествомъ людей»...

Предлагая Иллирію въ видѣ намека и отнимая ее въ видѣ угрозы, Наполеонъ думалъ, безъ сомнѣнія, взволновать Меттерниха и этимъ вызвать на какую нибудь неосторожность. Но Меттернихъ все еще молчалъ. Тогда Наполеонъ показалъ, что проникъ замыслы своихъ враговъ: «Въ сущности, вы хотите Италію, Россія—Польшу, Пруссія—Саксонію, а Англія—Голландію и Бельгію... Вы все только и мечтаете о расчлененнн французской имперіи... И мнѣ пришлось бы очистить Европу, половину которой я еще занимаю, отвести, безъ боя, мои легіоны за Рейнъ, за Альпы,

¹⁾ *Файнъ*, стр. 40. У Меттерниха не говорится о предложенн Иллиріи. Наполеонъ: «Хотите вооруженнн нейтралитетъ? Пусть такъ.—Меттернихъ: Императоръ предложилъ державамъ свое посредничество, а не нейтралитетъ. Россія и Пруссія приняли его посредничество; теперь ваша очередь высказаться сегодня же; или вы примете ...или же вы откажете, и императоръ, мой господинъ, сочтетъ себя свободнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ...»

за Пиренеи... положиться для сомнительнаго будущаго на великодушнн тѣхъ, которыхъ я сегодня побѣдилъ!.. Въ какое положенн хотятъ меня поставить передъ французскимъ народомъ? Императоръ странно ошибается, если думаетъ, что изуродованнн престолъ Франціи можетъ быть убѣжищемъ для его дочери и внука... Ахъ! Меттернихъ, сколько дала вамъ Англія, чтобы заставить васъ играть эту роль противъ меня?»

Онъ размахивалъ руками, шляпа упала на паркетъ. Меттернихъ намекнулъ, что счастье могло измѣнить Франціи: у Наполеона только армія подростковъ. Тогда Наполеонъ такъ разсердился, что, будто-бы, сказалъ: «Вы не солдатъ.. Вы не знаете, что происходитъ въ душѣ солдата. Я выросъ на поляхъ битвъ, а такой человекъ, какъ я, мало заботится о жизни милліона людей» ¹⁾. Онъ прибавилъ, что въ Россіи убито не болѣе тридцати тысячъ французовъ. Остальные были поляки, нѣмцы. Тогда Меттернихъ, очень хорошо освѣдомленнн о томъ, что говорилось въ Парижѣ и даже между людьми, окружающими императора: «Зачѣмъ говорить мнѣ это въ четырехъ стѣнахъ? Откроемъ двери, и пусть ваши слова прозвучатъ съ одного конца Франціи до другого! Пострадаетъ отъ этого не то дѣло, котораго я представитель»... Они ходили большими шагами, и шляпа подекакивала туда и сюда, подбрасываемая ногой Наполеона. Наступило молчаніе. Меттернихъ слѣдилъ глазами за злополучной шляпой; онъ улыбался, держась очень прямо, даже пахально, какъ человекъ, который уже не желаетъ играть роль придворнаго и поднимать предметы съ полу. Наполеонъ почувствовалъ, что онъ смѣшонъ, наклонился, поднялъ шляпу, и это происшествіе дало разговоръ другой оборотъ ²⁾. Наступила ночь; Наполеонъ произнесъ еще нѣсколько угрозъ, нѣсколько жалобъ по поводу своего брака: это была ошибка. «Быть можетъ, мнѣ будетъ это стоить трона, но я похороню миръ подъ развалинами». Это самохвальство успокоило его; онъ вѣжливо отпустилъ Меттерниха, проводивъ его до дверей: «Мы еще увидимся, надѣюсь!» И положивъ ему руку на плечо: «Знаете, что будетъ? Вы мнѣ не объявите войны».

Меттернихъ не открылъ ему условій мира Австріи, тѣхъ, которыя ее заставляютъ перейти къ союзникамъ, если Наполеонъ ихъ отвергнетъ. Онъ ограничился словами, что его государь, въ случаѣ этого отказа, получить снова свободу дѣйствій; что касается Наполеона, онъ не принялъ и не отклонилъ посредничества, а форменно отказалъ только въ уступкѣ территорій.

¹⁾ Онъ выразился болѣе рѣзко, говоритъ Меттернихъ въ замѣткѣ—См. выше, стр. 95.

²⁾ Срав. его разговоръ съ королевой прусской въ Тильзитѣ, т. VII, стр. 153.

Такимъ образомъ Меттернихъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, не исполнилъ своей миссии. Онъ возобновилъ и продолжалъ переговоры о формахъ съ Марэ. У него была важная причина затягивать пренія. Онъ не сомнѣвался нисколько, что дѣло кончится войной, потому что Австрія къ тому обязалась въ случаѣ отказа Наполеона отъ предложенныхъ условій, а эти условія Наполеонъ, конечно, отвергнетъ. Но, если онъ отдѣлался сдержанностью въ разговорѣ съ императоромъ, цифры, подробно сообщенныя ему Наполеономъ, оставляли въ немъ сомнѣнія. «Я спрашивалъ себя, не желательна ли выиграть нѣсколько недѣль, чтобы пополнить намъ строй». Онъ послалъ курьера къ Шварценбергу: «Поможетъ намъ продленіе перемирія? Назначьте послѣдній возможный срокъ».

Въ ожиданіи отвѣта, онъ обмѣнивался нотами съ Марэ и возобновилъ пренія о продолженіи или совершенномъ или частичномъ уничтоженіи союза 1812 г. ¹⁾, что дало время пріѣхать курьеру Шварценберга; онъ требовалъ двадцати дней: «Я буду считать себя счастливымъ, если мнѣ удастся получить эту отсрочку, но одинъ лишній день поставилъ бы меня въ затрудненіе». Это была отсрочка перемирія до 10 августа. Трудно было добиться ея у Наполеона, еще труднѣе получить отъ союзниковъ. «Я добился своего, писалъ Меттернихъ своему отцу, однимъ смѣлымъ ударомъ, продленіемъ перемирія на двадцать дней, которое я взялъ на себя выговорить отъ имени державъ, не сказавъ имъ ни слова, такъ какъ съ ихъ вѣдома это было бы невозможно» ²⁾.

Эти замедляющіе разговоры дотянули до 29 іюня. Наполеонъ форменно отказался отъ союза; но по поводу конгресса согласія не состоялось. Спорили о присоединеніи Англіи. Меттернихъ много слушалъ. Маршалы, генералы, дипломаты «выражали свое безпокойство, все болѣе увеличивающееся». 29-го, вечеромъ онъ объявилъ, что ѣдетъ на другой день утромъ; въ ночь Наполеонъ одумался. Какія размышленія, какіе расчеты заставили его рѣшиться? Письмо Марэ къ Нарбонну позволяетъ объ этомъ догадаться ³⁾: надежда заставить Австрію продлить переговоры и, когда срокъ придетъ, если союзники объявятъ перемиріе окончательнымъ, упрямая надежда, что будутъ продолжать переговоры сражаясь; наконецъ, увѣренность, что Австрія останется нейтральной, и онъ будетъ тогда въ силахъ сокрушить русскихъ и пруссаковъ. 30-го, въ ту минуту, когда Меттернихъ собирался сѣсть въ экипажъ, Наполеонъ велѣлъ позвать его, и тутъ же, не сходя съ мѣста, соглашеніе было подписано.

¹⁾ *Файнгъ*, т. II: Ноты Марэ и Меттерниха, 27, 28, 29 іюня.—*Бинтонъ*, т. XII, гл. IV.

²⁾ Письмо отъ сентября 1813. *Мемуары*, т. I, стр. 258.

³⁾ 23 іюля 1813. Ретроспективно. См. ниже, стр. 126.

Посредничество Австріи въ заключеніи мира, общаго или континентальнаго, принято ¹⁾; конгрессъ французовъ, русскихъ и пруссаковъ соберется подъ этимъ посредничествомъ не позднѣе 5 іюля, въ Прагѣ, и, словесно, Наполеонъ отказывается нарушить перемиріе до 10 августа; Австрія беретъ на себя заставить Россію и Пруссію принять то же обязательство.

10 августа былъ срокъ, назначенный Шварценбергомъ; у Меттерниха хватило смѣлости предложить его Наполеону и ловкости—получить. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ такъ легко согласился на него потому, что считалъ это продленіе выгоднымъ для себя. «Послѣ 10 августа перемиріе будетъ намъ вредно», писалъ Марэ нѣсколько времени спустя ²⁾.

30-го, вечеромъ, Наполеонъ получилъ извѣстія изъ Испаніи ³⁾. Испанія была потеряна. Иосифъ, со своими сокровищами, картинами, наперниками, министрами, хозяйствомъ, дворомъ—со всемъ грузомъ направился во Францію ⁴⁾. Это, собственно говоря, не было бѣгствомъ, какъ въ Пруссіи, въ 1806 г., но скорѣе переѣздомъ съ повозками и конвоемъ, какъ переѣздъ неаполитанскихъ Бурбоновъ или Браганцевъ, когда Наполеонъ издалъ декретъ, что они перестали царствовать. Побѣда Веллингтона, 21-го іюня, при Витторіи, превратила его въ беспорядочное бѣгство. Эта побѣда открывала французскую границу, и Наполеонъ, который считывалъ обойти Англію съ тылу въ Индіи, увидѣлъ, что англичане обошли его въ Пиренеяхъ.

Конвенція 30 іюня назначала 5 іюля днемъ собранія уполномоченныхъ. Этотъ день прошелъ безо всякихъ извѣстій о согласіи союзниковъ; между тѣмъ, безъ продленія перемирія, Наполеонъ не согласится открыть конгрессъ. Онъ медлил назначеніемъ уполномоченныхъ и ограничился тѣмъ, что 9 іюля далъ Нарбонну приказъ отправиться въ Прагу въ качествѣ посланника при вѣнскомъ дворѣ, поручивъ ему справиться о продленіи перемирія, о проектахъ державъ и, въ частности, присмотрѣться къ вооруженіямъ, приготовленіямъ и состоянію войскъ Австріи. Нарбоннъ уѣхалъ въ тотъ же день. 11-го онъ написалъ изъ Праги, что видѣлъ проѣздомъ Меттерниха. Этотъ министръ признавался, что миръ

¹⁾ Посредничество простое, а не *вооруженное*, какъ это сказано въ *Мемуарахъ Меттерниха*, т. I, стр. 385.

²⁾ Нарбонну, 23 іюля 1813.—См. *Фуртье*, т. III, стр. 145, примѣчаніе.—*Эрнуфъ*, стр. 563—566.

³⁾ Замѣтки Марэ. *Эрнуфъ*, стр. 566—567.

⁴⁾ Объ этомъ отступленіи, богатомъ живописными приключеніями, см. *Мемуары Эспинозы*, т. II, гл. XX и XXI.—*Журданъ*, Мемуары, гл. XXI—XXV: «12-го іюля... король отправился въ Баньеръ; а маршалъ Журданъ вернулся домой». *Мемуары Міо*, *Мемуары короля Иосифа*.

въ рукахъ Австріи «въ томъ смыслѣ, что, если она соединится съ Франціей, союзники не подумаютъ даже пытаться бороться»¹⁾.

Меттернихъ отправился къ своему государю. Ратификація конвенціи 30 іюня странно затянулась. Ему удалось побороть сопротивление русскихъ и пруссаковъ только обѣщаніемъ и гарантіей весьма сильнаго содѣйствія Австріи послѣ 10 августа. «Князь Меттернихъ предложилъ намъ сойтись для совѣщанія, рассказываетъ Нессельроде. Я отправился туда съ княземъ Гарденбергомъ и барономъ Гумбольдтомъ. Это засѣданіе было одно изъ самыхъ бурныхъ, на какихъ я когда либо присутствовалъ, но необходимость присоединенія Австріи такъ велика, что пришлось принять все условія, поставленныя ею. Государи были не менѣе раздражены, чѣмъ ихъ представители въ Ратибожѣ, идеей конгресса и тѣмъ замедленіемъ, которое онъ вноситъ въ возобновленіе враждебныхъ дѣйствій»²⁾.

Такимъ образомъ этой отсрочкой, на которую Наполеонъ соглашался, отчасти желая угодить Австріи и имѣя въ виду добиться союза или, по крайней мѣрѣ, заручиться ея нейтралитетомъ, этой отсрочкой воспользовалась Австрія, съ согласія союзниковъ, для подготовленія грознаго нападенія трехъ соединенныхъ армій противъ Наполеона. Она ею воспользовалась въ то же время для подготовленія диверсій, которыя могли стать для Наполеона роковыми, противъ его намѣстниковъ, разсѣянныхъ въ сѣверной Германіи для сдерживанія народа и для снабженія провіантомъ войскъ. Эти соображенія привели союзниковъ къ мысли заняться Бернадоттомъ.

Хитрый гасконецъ, который долженъ былъ, какъ онъ говорилъ, уничтожить корсиканца однимъ ударомъ шпаги, а маршаловъ, своихъ прежнихъ товарищей по оружію,—однимъ ударомъ меча, очень медлилъ привести въ дѣйствіе свое хвастовство³⁾. Александръ боялся, что Бернадоттъ выпутается изъ неприятнаго положенія и потомъ отплыветъ въ королевство, его усыновившее, или, по крайней мѣрѣ, ограничится войной для вида, щадя свою армію, чтобы, при заключеніи мира, навязать себя всему. Онъ пригласилъ его къ себѣ. Въ дѣйствительности, Бернадоттъ, извѣщенный о соглашеніи Наполеона съ Даніей⁴⁾, могъ найти пищу своему честолюбію только на сторонѣ союзниковъ.

¹⁾ Докладъ Нарбонна, 11 іюля 1813.

²⁾ *Нессельроде*, Автобіографія.

³⁾ *Питто*, Бернадоттъ, гл. XIII: отъ Штральзунда до Трахенберга. Май—августъ 1813.—*Мемуары Сюрмена*.

⁴⁾ Трактатъ, о которомъ велись переговоры въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, былъ подписанъ 10 іюля въ Копенгагенѣ. *Де Клеркъ*, т. II, стр. 386.—*Файль*, т. II, стр. 15.

Онъ пріѣхалъ 9 іюля въ замокъ Трахенбергъ, въ Силезіи, гдѣ находились Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ. Военные, составлявшіе 16 мая, въ Вуршенѣ, первый планъ войны, работали теперь надъ его расширеніемъ. Они пригласили Бернадотта присутствовать на ихъ совѣщаніяхъ, какъ для того, чтобы обезпечить себѣ его содѣйствіе, такъ и для выслушанія его мнѣнія о способѣ разбить французовъ. Австрійцы не подписались подъ протоколомъ, составленнымъ 12 іюля, но этотъ протоколъ, тѣмъ не менѣе, опредѣлялъ ихъ роль, какъ будто съ этого времени не было уже сомнѣнія въ ихъ участіи въ войнѣ. Стадіонъ, находившійся въ Трахенбергѣ, не былъ объ этомъ извѣщенъ официально, но невозможно допустить, чтобы, безъ согласія Австріи, русскіе, пруссаки и шведы такъ распоряжались будущимъ ея контингентомъ въ коалиціи. Планъ, на которомъ остановились въ Трахенбергѣ, основывался на наполеоновской системѣ дѣйствовать массой, наступать, идти до конца¹⁾.

Согласились принять за общее правило, что все силы союзниковъ будутъ всегда переноситься туда, гдѣ находится главныя силы непріятеля...

Соединенныя арміи должны, до прекращенія перемирія, продвинуться—часть союзной арміи въ Силезію, въ числѣ 90—100 т. чел..., въ Юнгъ-Бюнцлау и Брандейсъ, чтобы соединиться въ самый короткій срокъ съ австрійской арміей, съ цѣлью составить съ нею, въ Богеміи, общую силу въ 200—220 т. солдатъ...

Армія наследнаго принца Швеціи... въ числѣ, приблизительно, 70,000 человекъ... двинется къ Эльбѣ... и затѣмъ направится къ Лейпцигу.

Австрійская армія, соединенная съ союзной арміей, выйдетъ, смотря по обстоятельствамъ, или черезъ Эгеръ и Иговъ, или въ Саксонію, или въ Силезію, или въ сторону Дуная.

Все арміи коалиціи примутъ наступательное движеніе, и мѣстомъ ихъ соединенія назначается лагерь непріятеля.

Въ разговорахъ съ новыми друзьями, Бернадоттъ ошеломлялъ ихъ и самого себя своимъ хвастовствомъ; по временамъ, онъ терялъ нить мыслей. Австрія, говорилъ онъ Стадіону²⁾, должна быть «могилой величія Наполеона». Онъ надъ этимъ работалъ, но увѣрялъ, что не вноситъ въ эту работу ни гнѣва, ни ненависти. «Родственникъ по женѣ съ домомъ императора французовъ, долго нѣжно любимый имъ, я не могу быть его личнымъ врагомъ. Я согласенъ ограничить его прежними предметами Франціи, но не желаю способствовать сверженію его и его рода съ престола». Онъ вовсе не намѣренъ сдѣлаться «странствующимъ рыцаремъ европейской свободы». «Я присоединяюсь къ великому дѣлу только для того, чтобы получить Норвегію». Тѣмъ не менѣе, если

¹⁾ *Россія*, т. XXXI, стр. 330.

²⁾ Докладъ Стадіона, 14 іюля 1813. *Опкевъ*.

случится, «что вслѣдствіе внутренней революціи Наполеонъ потеряетъ тронъ Франціи», онъ давалъ понять, что его могутъ призвать на его мѣсто. «Во Франціи не хотятъ болѣе Бонапарта», говорилъ онъ немного ранѣе одному французу-эмигранту, «но меня просятъ не дѣйствовать противъ моей родины, не потерять этимъ популярности, которую я пользуюсь. Если Наполеона свергнуть, я могу сыграть самую большую роль, какая только возможна, я могу располагать регентствомъ»¹⁾. Касаться этого пункта съ австрійцемъ было очень щекотливо, но, чтобы на это рѣшиться, Бернадоттъ, конечно, долженъ былъ быть охваченъ этой идеей. «Я сомнѣваюсь, говорилъ Стадлонъ, чтобы онъ такъ скоро выбросилъ ее изъ головы».

Въ Штральзундѣ, куда онъ вернулся 17 іюля, онъ нашелъ блестящее поощреніе. Это было письмо его пылкой подруги, г-жи Сталь, помѣченное изъ Лондона. Она видѣла принца-регента, Кэстлри, Каннинга. «Англія большого свѣта явилась ко мнѣ. Я жалѣю Швецію, какъ свою родину, потому что вашъ огненный взглядъ—моя родина. Дай Богъ, чтобы война, въ которой вы одержите побѣду, возобновилась!»²⁾.

Она сообщала ему въ то же время о возможномъ пріѣздѣ ихъ друга, Моро. Побѣдитель при Гогенлиденѣ не былъ кандидатомъ на императорскій престолъ; самое большее—на мѣсто консула въ республикѣ, возстановленной великодушіемъ Александра. «Впрочемъ, писалъ онъ Бернадотту, если нація желаетъ Бурбоновъ, я съ удовольствіемъ снова увижу въ ихъ рукахъ правленіе на условіяхъ, обезпечивающихъ свободу». Но, какъ ни былъ Моро ослѣпленъ ненавистью къ Наполеону, онъ не былъ еще ею ослѣпленъ настолько, чтобы забыть то отвращеніе, которое внушали его соотечественникамъ эмигранты—союзники иностранцевъ. «Я готовъ, говорилъ онъ, проникнуть во Францію во главѣ французскихъ войскъ, но я не скрываю отъ васъ своего отвращенія вступить въ нее во главѣ иностранныхъ войскъ»³⁾. Короче, междоусобная война, помогающая вторженію извнѣ—вотъ какимъ обходнымъ движеніемъ онъ думалъ служить своей родинѣ!

Александръ вовсе не назначалъ ему этой двусмысленной роли. Призывая его въ свой штабъ, онъ призывалъ великое имя, способное взволновать умы во французскомъ лагерѣ, заразительный примѣръ и, быть можетъ, секретъ побѣды. Онъ вовсе не думалъ сдѣлать изъ него Монка Бурбоновъ или Вашингтона республики. Когда его мысли уноси-

¹⁾ *Сюрменъ*, стр. 287. *Ланжеронъ*, стр. 455.

²⁾ *Леди Бленнергассетъ*, Г-жа Сталь, т. III.—*Готъе*, гл. XXII.

³⁾ 6 мая 1814 г. *Линго*, гл. XIII и XIV.

лись во Францію, онъ ласкалъ мечты о конституціонной монархіи въ духѣ г-жи Сталь и Бенжамена Констана, о монархіи, обремененной долгами, обезоруженной, покровителемъ и кумиромъ которой будетъ онъ, а король, созданный имъ, вытщенный имъ изъ рядовъ, будетъ царствовать по его волѣ и займетъ въ его свитѣ, съ лѣвой стороны, свое мѣсто рядомъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ. Эти мечты его особенно сближали съ Бернадоттомъ, а Бернадоттъ, политическое чутье котораго было чрезвычайно остро, не преминулъ воспользоваться этой игрой. Поэтому онъ началъ плести паутину и, жужжа направо и налево, шелъ всюду, гдѣ подозрѣвалъ недовольнаго, къ которому бы могъ прицѣпиться. «Если бы мы, Моро, вы и я, упали съ облаковъ посреди Вандомской площади, писалъ онъ Лафайету, мы лично почувствовали бы себя сначала неловко, но, кто знаетъ, не произошло ли бы изъ этого революціи?» И вотъ новая интрига зрѣла въ тѣни перемирія, вутываясь въ заговоръ Меттерниха, уже и безъ того такой сложный.

VII.

Конгрессъ въ Прагѣ былъ лишь торжественнымъ обманомъ¹⁾. Все заключалось въ формальностяхъ, въ уловкахъ, ложныхъ входахъ и выходахъ, спичечной обстановкѣ. 12 іюля пріѣхали русскій уполномоченный Анштеттъ и пруссакъ Гумбольдтъ. Они были первыми; имъ нужно было занять мѣсто, такъ какъ ихъ роль въ комедіи была—всему мѣшать:²⁾ цѣль конгресса, говорилось въ инструкціяхъ Анштетту—опредѣлить съ точностью дѣйствительныя условія мира и привести Австрію къ убѣжденію въ невозможности остаться въ мирѣ съ Наполеономъ, т. е. къ рѣшенію объявить ему войну. Конгрессъ, если онъ и приведетъ къ чемунибудь, такъ только къ соглашенію относительно *предварительныхъ условій*: если покажется, что Австрія желаетъ смягчить условія, поставленныя въ Рейхенбахѣ, Анштеттъ долженъ воспротивиться этому и предъявить сейчасъ же еще болѣе суровыя условія. Если бы Наполеонъ ихъ принялъ, Анштеттъ скажетъ, что не имѣетъ полномочія вести переговоры, даже *sub spe rati*; онъ можетъ отмѣтить только *ad referendum* согласіе Наполеона. Наконецъ, союзники не должны терять изъ виду, что окончательный миръ не можетъ быть заключенъ безъ согласія Англіи. Анштетту, личному врагу Наполеона, стоило только посовѣто-

¹⁾ «Ни одинъ конгрессъ не былъ большей комедіей», *Несселроде*, Автобиографія.

²⁾ *Мартенсъ*, т. III, замѣтка о трактатѣ въ Теплицѣ, 9 сент. 1813.

ваться со своею ненавистью, чтобы проникнуть суть этихъ инструкцій ¹⁾). Гумбольдтъ получилъ аналогичныя.

Меттернихъ, прежде чѣмъ поѣхать въ Прагу, отправился за приказаніями къ императору въ замокъ Брандейсъ и старался получить, наконецъ, окончательное согласіе послѣдняго на войну, такъ какъ ему приходилось вести переговоры и хитрить со своимъ государемъ такъ же, какъ съ Наполеономъ и съ русскими. Францъ II, человѣкъ ограниченнаго и скрытнаго ума, еще тревожился и не рѣшался, безъ доказанной необходимости, подвергнуться скандалу: разрыву съ зятемъ, и такой бѣдѣ: четвертой войнѣ съ Наполеономъ на границахъ Австріи. Нужно было привести его къ этому шагъ за шагомъ; «нужно было, чтобы Наполеонъ произнесъ данное слово и заставилъ его порвать.» Меттернихъ употреблялъ все силы, чтобы «освоить» Франца съ мыслью о невозможности избѣгнуть войны въ томъ случаѣ, если Наполеонъ отвергнетъ миръ, основанный на «справедливомъ равновѣсіи» ²⁾). Этотъ государь, угрызенія котораго, въ сущности, были лишь предосторожностью, пугался, иногда, опасной игры своего министра. Онъ его считалъ слишкомъ смѣлымъ и также слишкомъ хитрымъ; но въ душѣ онъ былъ согласенъ съ нимъ и желалъ ему успѣха. Онъ видѣлъ въ Меттернихѣ, не безъ нѣкоторой зависти, другого себя, болѣе умнаго, который его затмевалъ; тѣмъ не менѣе, онъ за нимъ слѣдовалъ, но на цыпочкахъ, постоянно оборачиваясь назадъ, чтобы убѣдиться, что отступление возможно. Онъ предоставлялъ ему давать обязательства съ цѣлью воспользоваться войной, если она была неизбежна, или если она представлялась ему выгодной; въ то же время онъ предоставлялъ себѣ согласиться такъ, чтобы имѣть возможность безъ грѣха давать какія нужно будетъ клятвы честью Наполеону, если Наполеонъ выскажется за миръ и, въ особенности, если втянетъ его, Франца, въ войну, что позволитъ ему сослаться на свою добросовѣстность и добиться нѣкотораго облегченія.

Чтобы его уговорить, Меттернихъ представилъ ему 12 іюля длинную оправдательную записку, въ которой былъ вкратцѣ изложенъ весь его планъ. Императоръ прочелъ, но еще не сдался. На другой день, пріѣхавъ въ Прагу, Меттернихъ видѣлся съ Гумбольдтомъ. «Давъ мнѣ ясно понять, что считаетъ войну неизбежной, пишетъ этотъ посланникъ ³⁾, онъ

¹⁾ Анштеттъ, по происхожденію французъ, замѣшанный съ 1805 г. въ нѣсколькихъ англо-русскихъ интригахъ противъ Наполеона. Докладъ Нарбонна, 10 іюля 1813.—*Файнъ*, т. II, стр. 72.—*Эриуфъ*, стр. 569—570.

²⁾ Доклады графа Э. Гарденберга; между прочимъ отъ 2 мая 1813 г.

³⁾ Къ канцлеру Гарденбергу, 13 іюля 1813.

говорилъ, что настоящими переговорами нужно доказать императору Францу, до послѣдней очевидности, невозможность прочнаго мира.»

Этотъ прочный миръ, вслѣдствіе извѣстій изъ Испаніи, казался болѣе близкимъ, чѣмъ можно было надѣяться. Пораженіе при Витторіи оказалось положительно разгромомъ. «Беспорядокъ», писалъ Бубна 5 іюля изъ Дрездена, гдѣ онъ собиралъ впечатлѣнія, «долженъ напоминать беспорядокъ бѣгства изъ Москвы; французскіе генералы потеряли всю артиллерію, весь обозъ, включая сюда и королевскій;... вѣроятно, имъ отрѣзанъ путь сообщенія съ Байонной.» Такъ какъ Бернадоттъ былъ связанъ ¹⁾, Меттернихъ занялся Мюратомъ. Мьеръ ему писалъ изъ Неаполя: «Король отказывается въ 20 т. чел., которыхъ у него требуетъ Наполеонъ. Если французскія газеты будутъ продолжать его оскорблять, онъ отошлетъ французскаго посла». «Все поступки императора все болѣе убѣждаютъ его, что императоръ Наполеонъ строитъ противъ него враждебныя планы... что не достааетъ только сенатскаго рѣшенія, чтобы лишить его королевства.» Наполеонъ падитъ его только по случаю войны: побѣдивъ, онъ строго накажетъ. «Ихъ величества ждутъ съ нетерпѣніемъ отвѣта на предложенія Каріати, чтобы знать, какой путь избрать въ случаѣ войны между Австріей и Франціей. Король не измѣнилъ своего рѣшенія поддерживать наши интересы. Потрудитесь дать мнѣ инструкціи...» Эти инструкціи были опредѣлены: «Согласенъ ли король сохранять нейтралитетъ, пока обстоятельства не разовьются? Въ такомъ случаѣ, онъ не долженъ стѣснять нашихъ дѣйствій и долженъ былъ бы по этому поводу придти къ тайному соглашенію въ этомъ смыслѣ. Согласенъ ли онъ принять активное участіе въ войнѣ? Въ этомъ случаѣ, нужно придти къ форменному договору съ Австріей по этому поводу и присоединиться къ коалиціи.» Меттернихъ обѣщала строгую тайну и прибавлялъ слѣдующій намекъ: «Мы раздѣляемъ убѣжденіе, что король не можетъ окончательно обезпечить своего положенія иначе, какъ связавъ его съ положеніемъ Австріи. Какъ можно, дѣйствительно, скрывать отъ себя, что онъ сдѣлалъ слишкомъ много, чтобы не навлечь на себя гнѣва императора французовъ?» ²⁾

Между тѣмъ французскіе уполномоченные не торопились явиться. Дѣло въ томъ, что колебаніе союзниковъ продлить перемиріе, задержка

¹⁾ Онъ сталъ еще болѣе связанъ договоромъ 22 іюля съ Пруссіей. *Трейчке*, т. I, стр. 468.

²⁾ См. выше, стр. 81.—Мьеръ Меттерниху, 29 іюня 1813 г.—Меттернихъ Мьеру, 16 іюля и 3 августа 1813 г. *Гельфертъ*, Мюратъ; Марія Каролина.—Корреспонденція Бентинка, *Вейль*, т. I, стр. 53—172.

въ совѣщаніяхъ, открытыхъ по этому поводу въ Неймаркѣ¹⁾, намѣреніе Австріи обезпечить за собою направленіе конгресса, сдѣлаться маклеромъ и привилегированнымъ агентомъ мира и получить свою плату натурой; ея вооруженія, очень недвусмысленныя движенія ея войскъ, разъѣзды взадъ и впередъ дипломатовъ и военныхъ въ главную квартиру русскихъ, секретныя донесенія, полученныя Наполеономъ о совѣщаніяхъ въ Трахенбергѣ—все подтверждало его тайныя подозрѣнія. Собиралась ли Австрія начать войну? До послѣдней минуты онъ колебался этому вѣрить. Только 16 іюля онъ назначилъ уполномоченными Нарбонна и Колленкура; но лишь 18-го подписалъ декретъ.

Императоръ хочетъ мира, писалъ Марэ Нарбонну,²⁾ но, если миръ не состоится, надо сдѣлать такъ, чтобъ ему не нужно было дѣйствовать открыто до 10 августа, и чтобы враждебныя дѣйствія не возобновились раньше 1 сентября. «Событія въ Испаніи—очищеніе Мадрида, сраженіе при Витторіи—составляютъ важныя причины для попытки выиграть время». Императоръ хочетъ знать настоящее положеніе вещей въ странѣ. Онъ хочетъ подождать жатвы: «Его величеству нужно, начиная кампанію, найти амбары полными» и соразмѣрить «громадность силъ», которыя онъ сосредоточиваетъ во Франконіи, въ Баваріи, въ Италіи. Наконецъ, онъ надѣется, что страсти улягутся, и игра дипломатовъ воспользуется отерочкой, столько же по крайней мѣрѣ, какъ и дѣятельность интендантовъ. Наполеонъ даетъ себѣ отчетъ въ выгоды для Австріи продлить перемиріе: Меттернихъ «надѣется на миръ»; ему нужно время для переговоровъ; онъ вооружается и будетъ болѣе силенъ 10 сентября, чѣмъ 10 августа; слѣдовательно, онъ долженъ согласиться на продленіе перемирія, и Наполеонъ надѣется воспользоваться этимъ помимо его воли, вопреки ему, если нужно. «Если надежда вовлечь Австрію заставляетъ враговъ протянуть переговоры до сентября—этого желаетъ и императоръ, пишетъ опять Марэ³⁾. Если же Австрія останется спокойна, и переговоры будутъ продолжаться, когда союзники объявятъ перемиріе прекращеннымъ—императоръ это даже предпочитаетъ. Онъ достаточно силенъ, чтобъ оставить въ Дрезденѣ наблюдательный корпусъ въ 100.000 чел. и пойти раздавить русскихъ и пруссаковъ. Всѣ эти три шанса, рассчитанные въ Дрезденѣ со времени конвенціи 30 іюня, благопріятны». Несмотря на

¹⁾ Объ этихъ переговорахъ и разнообразныхъ происшествіяхъ, къ которымъ они подали поводъ, и о совѣщаніяхъ въ Неймаркѣ, см. *Файнъ*, т. II, гл. VII и док. — *Россія*, т. XXXI, стр. 318. — *Мартенсъ*, т. III, стр. 110. — *Онкенъ*, т. II, стр. 653.

²⁾ 17 іюля 1813.

³⁾ Нарбонну, 23 іюля 1813.

всѣ имѣющіяся у него указанія, онъ отказывается думать, что Австрія сама объявитъ перемиріе оконченнымъ и повернется противъ Франціи: «Если Австрія выскажется противъ, не выслушавъ насъ, дѣлать будетъ нечего. Но нельзя остановиться на этомъ предположеніи...» Она не готова; ей нужно еще сорокъ дней...

Инструкціи, составленныя 22 іюля для Нарбонна и Колленкура, предписывали имъ «не позволять себѣ ничего, что не проникнуто желаніемъ мира и мира почетнаго. Они не должны торопить хода переговоровъ.. Они дадутъ все сказать и будутъ отвѣчать подъ условіемъ *ad referendum*. Они пошлютъ курьера въ ожиданіи отвѣта». «Его величество не отвергаетъ возможности, что новыя обстоятельства, новыя комбинаціи заставятъ его принять одну систему съ Австріей, но при настоящемъ положеніи вещей онъ этого не думаетъ». Австріи, въ качествѣ посредницы, нечего требовать и нечего получать. «Одна уступка вызоветъ въ ней желаніе получить другую. Слѣдовательно, въ интересахъ Франціи, чтобъ Австрія ничего не получила». Что касается базисовъ, они должны указать только на одинъ: *Utī possidetis ante bellum*. «Въ переговорахъ можетъ быть рѣчь только о государствахъ, судьба которыхъ измѣнилась съ 1812 г., а не раньше». Затѣмъ слѣдовали подробныя предписанія о прецедентахъ, о сообщеніи полномочій, о церемоніалѣ, о письменныхъ переговорахъ, всѣ предварительныя дѣйствія и всѣ задержки процедуры. Передавая эти инструкціи Нарбонну, Марэ такъ ихъ комментируетъ: «Вы не согласитесь до новаго приказанія ни на какое официальное сообщеніе; вы ограничитесь сношеніями, требуемыми этикетомъ и вѣжливостью».

Наполеонъ не теряетъ еще надежды, благодаря этимъ сложнымъ формальностямъ и подъ ихъ прикрытіемъ, вкратъся между союзниками и раздѣлить ихъ¹⁾. Въ общей инструкціи отъ 22-го іюля читаемъ: «Намѣреніе императора—вести переговоры съ Россіей о мирѣ, который былъ бы славенъ для этой державы и заставилъ бы Австрію поплатиться потерей своего вліянія въ Европѣ за ея недобросовѣстность и за ошибку, которую она сдѣлала, нарушивъ силой союзъ 1812 г. и вернувъ тѣмъ Россію и Францію другъ другу». На другой день, 23-го, Марэ пишетъ Нарбонну «Будьте въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Меттернихомъ. Отвращеніе, которое русскіе выказываютъ къ переговорамъ, даетъ основаніе думать, нельзя ли согласиться съ Австріей. Ея нейтралитетъ далъ бы намъ выиграть дѣло». Марэ заключаетъ: «Съ этимъ письмомъ вы получите болѣе правъ, чѣмъ власти; пока конвенція не будетъ подписана въ Ней-

¹⁾ *Бингонъ*, т. XII, гл. IV и V. — *Файнъ*, т. II, гл. VII. — *Эрнуфъ*, гл. LXIII, замѣтки *Марэ*. *Лейфверъ*: Конгрессъ въ Прагѣ.

маркѣ, ваши руки должны оставаться связаны». Получивъ извѣщеніе, что она будетъ подписана немедленно, Наполеонъ поѣхалъ, 24-го въ Майнцъ, куда онъ вызвалъ Марію Луизу. Онъ хотѣлъ подготовить императрицу къ официальному разрыву съ Австріей и, въ то же время, сохранить между нею и ея отцомъ семейныя отношенія, которыя позволять, когда время придетъ, возобновить сношенія съ императоромъ Францемъ и его правительствомъ. Онъ считалъ нужнымъ проявить передъ Европой свою супружескую вѣрность, свою отцовскую любовь, и показать, что его сердечныя привязанности не зависятъ отъ политики ¹⁾. Онъ думалъ о смерти, въ особенности послѣ того, какъ почти рядомъ съ нимъ пали Бессіеръ и Дюрокъ; быть можетъ, онъ ее даже искалъ, быть можетъ, онъ будетъ принужденъ искать ее въ несчастіи: регентство императрицы представлялось ему тогда спасеніемъ имперіи и гарантіей для римскаго короля ²⁾. Онъ хотѣлъ дать Марію Луизу свои послѣднія инструкціи. Наконецъ, онъ заботился обезпечить себѣ убѣжище въ случаѣ несчастной войны.

Когда Коленкуръ познакомился со своими инструкціями, онъ очень огорчился. Онѣ противорѣчили его убѣжденію въ необходимости мира, ими стѣнялось его усердіе, разстраивалась его политика. Онъ это написалъ императору: «Каково бы ни было мое отвращеніе къ такимъ прозрачнымъ переговорамъ, я прежде всего проникаюсь своими обязанностями и повинуюсь. Завтра выѣду...» Онъ умолялъ императора не дѣлать отъ себя разрывъ съ Австріей неизбежнымъ: «Австрія уже слишкомъ скомпрометтирована, чтобъ отступить, если континентальный миръ ее не успокоитъ. Ваше величество хорошо знаете, что я защищаю передъ нимъ не интересы этой державы... Конечно... даже не ея 150 т. штыковъ хочу я удалить съ поля битвы, хотя это соображеніе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія; но я умоляю ваше величество постараться во что бы то ни стало избѣжать *возстанія всей Германіи*, которое можетъ быть вызвано стариннымъ вліяніемъ этой державы» ³⁾.

Было слишкомъ поздно. Посланные отъ Россіи и Пруссіи спросили у Меттерниха, что сдѣлаетъ Австрія, если Наполеонъ нарушитъ перемиріе до 10 августа. Меттернихъ отвѣтилъ 23 іюля, что его государь посмот-

¹⁾ «Когда это путешествіе будетъ извѣстно въ Прагѣ, сказать, что его величество, отправляясь въ Вюрцбургъ, не могъ противиться желанію императрицы и своему желанію провести тридцать шесть или сорокъ восемь часовъ съ этой принцессой». Марз Нарбонну, 24 іюля 1813 г.

²⁾ *Фредерикъ Массонъ*: Марія Луиза, стр. 496—500; переписка между Маріей Луизой и ея отцомъ.—Наполеонъ и его сынъ, гл. IV.

³⁾ *Биньонъ*.—*Тьерсъ*.

рить на это, какъ на оскорбленіе посредника, и что тогда союзники, въ силу этого самаго факта, могутъ вступить въ Австрію. Онъ велъ переговоры уже только для того, чтобы дотянуть до срока, назначеннаго Шварценбергомъ.

25 іюля происходило совѣщаніе между этимъ генераломъ, Меттернихомъ и Радецкимъ. Извѣщенные объ обязательствахъ, принятыхъ Бернадоттомъ въ Трахенбергѣ, австрійцы рѣшили, по требованію императора Александра, что русскій корпусъ, «назначенный быть отправленнымъ въ Богемію, чтобы соединить свои дѣйствія съ дѣйствіями австрійской арміи, можетъ вступить туда 10 августа, если 9-го предварительный миръ не будетъ подписанъ». Тогда только союзники согласились утвердить продолженіе перемирія, рѣшенное 30 іюня, на словахъ, между Наполеономъ и Меттернихомъ ¹⁾. Императоръ Францъ отрывалъ такимъ образомъ на этотъ случай свою границу русскимъ.

Россія и Пруссія были обѣ связаны съ Англіей. Англія сказала тогда свое слово, которое съ тѣхъ поръ, во всѣхъ дѣлахъ коалиціи, было послѣднимъ. Англійскій генералъ Нѣдженъ находился въ Прагѣ въ сношеніяхъ съ Меттернихомъ и лордомъ Каткартомъ, оставшимся съ союзниками. Лордъ сообщалъ ему инструкціи, полученныя имъ отъ Кэстльри, съ датой 5 іюля. Нѣдженъ имѣлъ по этому поводу совѣщаніе съ Меттернихомъ 27-го ²⁾. Англія приняла русскую и прусскую программу 16 мая, ту самую, которую въ Рейхенбахскомъ договорѣ, 27 іюня, приняла Австрія, и которую союзники собирались примѣнить «въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ» ³⁾: она заключалась въ возстановленіи Австріи съ этой минуты на степень, занимаемую ею въ 1805 г., въ распущеніи Рейнскаго союза, очищеніи Голландіи, оставленіи Италіи. Такимъ образомъ, Австрія еще даже не сообщила Наполеону своихъ *четыре* предварительныхъ пунктовъ, а уже было рѣшено заранѣе, что изъ четырехъ союзниковъ трое не заключать мира на этихъ условіяхъ, и Австрія съ ними согласна. Достаточно, чтобы Наполеонъ отвергъ *минимумъ*, и этотъ странный посредникъ присоединится къ коалиціи и потребуетъ *максимума*. Очень вѣроятно, что та же почта принесла утвердительное рѣшеніе статьи о субсидіяхъ и гарантіи, словесныя по крайней мѣрѣ, вознагражденія въ Италіи, этого важнѣйшаго условія австрійскаго мира со времени Леобена,

¹⁾ Конвенція въ Неймаркѣ, 26 іюля 1813. *Файнъ*, т. II, стр. 162.

²⁾ Нѣдженъ Каткарту, Прага, 27 іюля.—Каткартъ Кэстльри, 6 авг.—Кэстльри Каткарту, 5 іюля 1813.—*Онкенъ*, приложенія.—*Кэстльри*, Letters and despatches.—*Мартенсъ*, т. XI; докладъ Ливена, 16 іюля 1813.—*Ранке*.

³⁾ См. выше, стр. 111, 112; и стр. 108—*четыре пункта*.

затѣмъ Люневилля, и до трактата 1805 г. ¹⁾ Во всякомъ случаѣ, согласіе четырехъ было фактически заключено противъ Франціи, и присоединеніе Англій вело за собой англійскій миръ, обдуманнѣе уже Александромъ, т. е. условія трактата апрѣля 1805 г.—возвращеніе къ прежнимъ границамъ. Во время этого рѣшающаго разговора, когда Нѣджентъ выразилъ нѣкоторое опасеніе, что пріѣздъ Коленкура отсрочить или помѣшаетъ войнѣ: «Это не составитъ разницы, отвѣчалъ ему Меттернихъ, потому что предложенныя условія таковы, что ихъ очень трудно принять, и, кромѣ того, ихъ можно еще усилить». Императоръ Французъ, въ свою очередь, далъ свое одобреніе 2 августа. «Никогда, говоритъ Меттернихъ, ни одинъ монархъ не имѣлъ такого *государственного нутра* (des entrailles d'État), какъ онъ». ²⁾ Съ этой минуты тонъ повысился. Графъ Гарденбергъ пишетъ Мюнстеру 28 іюля: «Мнѣ трудно описать вашему сіятельству ту перемѣну, которая произошла въ послѣдніе дни въ расположеніи императора, и въ тонѣ, который принимаетъ графъ Меттернихъ и всѣ, кто еще недавно говорилъ только о мирѣ. Теперь говорятъ только о войнѣ и объ ея необходимости. Графъ Меттернихъ повторяетъ при всякомъ случаѣ, что онъ уже не затрудняетъ себя ни письмами и нотами, ни *четырьмя* или *шестью* условіями мира; что нужна война... Онъ прибавляетъ: «Этимъ результатомъ мы обязаны самому Наполеону».

Оставалось только дожидаться 10 августа, т. е. вступить на путь разрыва, придавъ ему известную форму, и взвалить отвѣтственность за него на

¹⁾ Въ этотъ ли самый день возникли болѣе тѣсныя сношенія между Англійей и Австріей? Получилъ ли Меттернихъ согласіе Англій на главенство въ Италіи? Такъ говорили. Никомедъ Біанки напечаталъ въ *Storia della diplomazia europea in Italia*, т. I, прим. стр. 333, протестъ, будто бы адресованный въ Парижъ 26 мая 1814 Меттернихомъ Кэстльри. Эта нота ссылается на переговоры, начатыя уже относительно исполненія *секретнаго договора, подписаннаго въ Прагѣ 27 іюля 1813 г. и утвержденнаго въ Лондонѣ 23 августа*, и резюмируетъ его содержаніе съ точностью: этотъ договоръ, своими статьями 4, 9 и 10 «абсолютно рѣшительными», предоставлялъ Австріи «главное руководство и окончательное устройство Италіи, за исключеніемъ прежнихъ владѣній Сардинскаго короля, съ согласія Англій». Итальянское «королевство» переходило къ Австріи. Не нашлось никакого слѣда этого договора ни въ *архивахъ Record office, ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ*. Что касается протеста Меттерниха, котораго также не нашли слѣда, копія съ него была отослана въ Туринъ, во время конгресса въ Вѣнѣ, Сенъ-Марсаномъ, тогда вступившимъ на службу Сардиніи. Въ дневникъ Сенъ-Марсана объ этомъ не упоминается. *Rivista, Correspondenza dei cardinali Consalvi e Pasca, 1814—1815, preceduta da un diario inedito del Mse di San Marzano*.

²⁾ *Мартенсъ*, т. III, стр. 115.

Наполеона. Эта «форма» составляла всецѣло предметъ обмѣна нотъ, который получилъ обманчивое названіе конгресса въ Прагѣ. Изъ всѣхъ этихъ «формъ» самой простой и самой дѣйствительной было не открывать и не перечислять Наполеону знаменитыхъ *базисовъ* до послѣдней минуты, когда едва останется уже времени, чтобы отвѣтить съ обратной почтой.

Нарбоннъ былъ уже въ Прагѣ. Коленкуръ присоединился къ нему 28 іюля. «Судя по тому, что мнѣ сказалъ Нарбоннъ», пишетъ онъ Марэ по пріѣздѣ, 28 іюля, «здѣсь всѣ стоятъ на вулканѣ, и минуты сочтены; наше опозданіе произвело плохое впечатлѣніе. Все, что я узналъ, меня заставляетъ вдвойнѣ сожалѣть, что императоръ связалъ мнѣ и вамъ руки болѣе, чѣмъ обѣщалъ». Онъ самъ ихъ развязалъ себѣ. Огорченный, что находится въ Прагѣ «безъ средствъ принести добро» ¹⁾, какъ онъ его понималъ, онъ присвоилъ себѣ эти средства личной властью.

Въ тотъ же день онъ отправился къ Меттерниху, который отдалъ ему, по обычаю, офиціальныя визиты. Коленкуръ былъ одинъ ²⁾. «Отбросивъ свой дипломатическій санъ», онъ спросилъ Меттерниха, не удивляется ли тотъ, видя его въ Прагѣ. Меттернихъ отвѣтилъ, что считалъ его назначеніе «самымъ счастливымъ пріобрѣтеніемъ». «Конечно, продолжалъ Коленкуръ, если вы смотрите съ точки зрѣнія намѣреній. Я говорю съ вами сегодня какъ старинный другъ и какъ съ человѣкомъ, который такъ же знаетъ людей и дѣла, какъ и я. Завтра мы будемъ разговаривать какъ уполномоченные. Ну, что вы думаете о мирѣ?—Онъ зависитъ отъ одного человѣка...—Все зависитъ отъ предварительнаго вопроса: рѣшились вы, или нѣтъ не принимать нейтралитета, за который вамъ предложить выгоды, и воевать съ нами... Императоръ думаетъ, что вы хотите мира, или, если его не будетъ, то хорошо вознагражденнаго нейтралитета.—Ну, такъ напишите Наполеону, что, если онъ хочетъ погубить себя, пусть поддерживаетъ въ себѣ эти мысли;.. что мы начнемъ войну;.. что объявленію войны 11-го не можетъ помѣшать ничего, кромѣ подписанія мира 10-го... — Во всякомъ случаѣ, продолжалъ Коленкуръ, не ждите переговоровъ до возвращенія императора, которое послѣдуетъ не раньше 5-го. Я имѣю теперь только одну инструкцію: потѣшать собраніе побасенками. Къ вамъ еще явятся со всѣми крючкотворствами...» И дальше: «Что сдѣлаетъ императоръ въ тотъ день, когда убѣдится, что всѣ его позиціи на Эльбѣ обойдены, что вы и союзники сильнѣе его?.. Я не знаю... Требуйте всего, что справедливо, и, главное, что составляетъ идею дѣйствительной базы успокоенія, вы получите это легче.

¹⁾ Къ Марэ, 28 іюля 1813.

²⁾ Докладъ Меттерниха Францу, 28 іюля 1813. *Онкенъ*, на франц. яз.

чѣмъ меньшія требованія, потому что Наполеонъ скажетъ: Австрія рѣшила скорѣе вести войну, чѣмъ ничего не дѣлать; если вы у него потребуете мало, онъ не принесетъ никакой жертвы для мира и подумаетъ, что можно съ вами сговориться въ ущербъ воюющимъ державамъ». Прибавилъ ли онъ къ этому, какъ говорилъ Меттернихъ Анштетту: ¹⁾ «Скажите мнѣ только, достаточно ли у васъ войскъ, чтобы насъ образумить разъ навсегда?» На тотъ и другой вопросъ, политическій и военный, Меттернихъ отвѣчалъ герцогу, «что онъ останется доволенъ». На что, прочтаясь, Коленкуръ сдѣлалъ слѣдующее признаніе, болѣе значительное, чѣмъ всѣ канцелярскія ноты и всѣ писанныя торгашества ²⁾: «Во мнѣ вы видите представителя не причудъ императора, а его дѣйствительныхъ выгодъ и интересовъ Франціи. Я столько же европеецъ въ настоящихъ вопросахъ, какъ только вы сами можете быть. Верните насъ во Францію посредствомъ мира или войны, и васъ благословятъ 30 милліоновъ французовъ и всѣ просвѣщенные слуги и друзья императора» ³⁾.

Эти слова были слишкомъ знаменательны, и Меттернихъ нашелъ въ нихъ окончательное поощреніе щекотливой операціи, которую ему оставалось еще сдѣлать, т. е. прервать двусмысленность, такъ художественно имъ поддержанную, и форменно объявить роль Австріи послѣ 10 августа. Онъ объяснился по этому поводу съ Коленкуромъ. «Суди по разнымъ разговорамъ, которые я велъ съ нимъ», пишетъ Коленкуръ 30 іюля министру, «и во время которыхъ я считалъ себя обязаннымъ ограничиться ролью слушателя, мнѣ кажется, что обстоятельства гораздо болѣе созрѣли, чѣмъ то думаютъ въ Дрезденѣ. Изъ всего, что онъ мнѣ говоритъ, можно вывести, что Австрія все сдѣлаетъ для заключенія мира, но что она серьезно готова къ войнѣ и даже на нее рѣшилась въ томъ случаѣ, если миръ не состоится. По его мнѣнію, Австрія находится въ такомъ положеніи, которое не позволяетъ ей оставаться нейтральной».

Меттернихъ говорилъ это съ мысленной оговоркой, что хотя онъ принималъ обязательства, но, принимая ихъ, оставилъ за собой право объявить объ этомъ только 10 августа; онъ старался «тянуть» измѣну до этого числа и приготовить Наполеона къ полученію официального ея объявле-

¹⁾ Докладъ Анштетта, 28 іюля 1813. *Мартенсъ*, т. III, стр. 114.

²⁾ Срав. Таллейрана въ Эрфуртѣ. Т. VII, кн. I, гл. IV, § 8.

³⁾ Никакого указанія на эти признанія нѣтъ ни въ докладѣ Коленкура императору отъ 30 іюля, ни въ письмахъ того же дня къ Марэ; только эти слова: «Я видѣлъ г. Меттерниха въ четыре часа въ самый день моего прѣзда. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ мнѣ отдалъ визитъ, и я обѣдалъ у него съ г. Нарбонномъ и всѣмъ нашимъ посольствомъ». «Я держался совсѣмъ сдержанно, какъ мнѣ предписано».

нія: пославъ ему это объявленіе, онъ соблюдетъ «форму» и будетъ въ состояніи отвѣчать французамъ: императоръ того хотѣлъ! Коленкуръ, со своей стороны, его слушалъ, думая про себя, что миръ возможенъ, что; отдаваясь Австріи, можно добиться этого почетнаго и благотворнаго мира, и что тотъ, кто будетъ его орудіемъ, окажетъ большую услугу родинѣ. Въ тотъ же день, 30 іюля, ему объявили, въ присутствіи Нарбонна слѣдующее: «Вѣроятно, сказалъ Меттернихъ, только 10-го мы узнаемъ мысли императора, и этотъ день можетъ быть или днемъ мира, или днемъ войны. Но будьте вполне увѣрены, что послѣ 10-го ничто не можетъ продлить перемирія ¹⁾. Я даю вамъ здѣсь мое честное слово, что до этого срока не будетъ даже и тѣни какого либо соглашенія Австріи съ другой державой ²⁾, и только тогда будетъ рѣшено, съ кѣмъ мы будемъ сражаться. Мы чрезвычайно желаемъ, чтобъ это было не съ вами, но намъ трудно на это надѣяться... Невозможно одно—чтобы мы остались нейтральны»...

Но въ этотъ же самый день Меттернихъ писалъ Стадіону въ главную квартиру союзниковъ ³⁾: «Коленкуръ, одушевленный самыми лучшими намѣреніями... мнѣ подтвердилъ, что со времени моей побѣдки въ Дрезденъ... императоръ Наполеонъ находится въ полнѣйшемъ заблужденіи относительно настоящаго положенія вещей. Давно сбитый съ толку во

¹⁾ Коленкуръ и Нарбоннъ Марэ, 30 іюля.—Докладъ Коленкура Наполеону, въ тотъ же день: «Онъ мнѣ повторилъ нѣсколько разъ то, что объявилъ уже, какъ онъ говоритъ, герцогу Бассано и г. Нарбонну и что считаетъ себя обязаннымъ по чести довести до свѣдѣнія Вашего Величества: 10-го августа, если базы мира не будутъ подписаны, объявленіе войны непременно послѣдуетъ за объявленіемъ окончанія перемирія... До этого момента, говоритъ онъ, Австрія не приметъ никакого обязательства; но есть два пункта, по поводу которыхъ онъ не можетъ насъ оставить въ сомнѣніи: она не останется нейтральной и будетъ вести войну...

²⁾ До этого срока не будетъ даже и тѣни какого либо соглашенія Австріи... См. Рейхенбахскій договоръ 27 іюня, объявленіе англичанамъ, 27 іюля, выше, стр. 111.—Версія Тьера (XVI, стр. 152)—Меттернихъ будто бы прибавилъ: «Пусть же послѣ совершившагося событія не говорятъ намъ, что мы васъ обманули. До полночи 10 августа все возможно, даже въ послѣднюю минуту; когда пройдетъ 10 августа, ни дня, ни минуты отсрочки! война, война со всѣми, даже съ вами!»—«Слова спокойныя, грустныя и великія», говоритъ Тьеръ, и на стр. 189: «Меттернихъ повторилъ эти слова, которыя онъ уже говорилъ Нарбонну, такимъ спокойнымъ и твердымъ тономъ, съ выраженіемъ такой симпатіи къ Коленкуру, и съ такой явной искренностью—такъ какъ не слѣдуетъ воображать съ профанами, что дипломатъ непременно лжетъ—что Коленкуръ не могъ устоять противъ очевидности. Поэтому, со своей обычной правдивостью, онъ сейчасъ же написалъ герцогу Бассано...

³⁾ 30 іюля 1813. *Онкель*, О. und Pг., т. II, стр. 440.

всѣхъ своихъ расчетахъ, все еще цѣпляясь за идею, льстящую его планамъ, онъ, кажется, такъ же глубоко убѣжденъ въ настоящую минуту, что Австрія никогда ничего не предприметъ противъ него, какъ въ Москвѣ поддерживалъ въ себѣ убѣжденіе, что императоръ Александръ согласится на миръ»¹⁾. И дальше: «Вакканъ уѣзжаетъ въ главную квартиру союзниковъ, чтобъ оставаться тамъ въ качествѣ военнаго комиссара. Онъ снабженъ отъ князя Шварценберга вѣрительной грамотой къ главнокомандующему арміи русской и прусской. Ему приказано слѣдовать во всемъ указаніямъ вашего сіятельства»...

Тѣмъ не менѣе, оставалась одна забота: а что, если Наполеонъ приметъ условія, которыя ему поставятъ? — и одно неизвѣстное: «Трудно представить себѣ, какъ возможно, даже физически, окончить дѣло въ пять дней. Между тѣмъ это не невозможно при необыкновенномъ характерѣ человѣка, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса о мирѣ». Гентцъ пишетъ 4 августа²⁾: «Вотъ уже двѣ недѣли, какъ фізіономія нашего кабинета совершенно измѣнилась. Императоръ и нѣсколько частныхъ, его довѣренныхъ лицъ, которыя соглашались на войну только потому, что не могли бороться съ доводами Меттерниха или помѣшать тѣмъ ловкимъ средствамъ, которыми онъ ихъ увлекалъ помимо ихъ собственной воли, теперь сами высказались и не видятъ ни другого шанса ни другого выбора. Эта перемѣна произошла частью вслѣдствіе того факта, что вооруженіе очень подвинулось, и вслѣдствіе мужества, которое внушаетъ самымъ боязливымъ масса собранныхъ людей и средствъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе неслыханнаго и непонятнаго поведенія Наполеона. Единственное объясненіе этого поведенія заключается въ предположеніи, что онъ никогда взаправду не вѣрилъ, чтобъ Австрія приняла участіе въ войнѣ; и это предположеніе подтвердилъ намъ снова Коленкуръ, который его знаетъ лучше, чѣмъ кто либо другой».

Крючкотворство началось: обсуждали безъ конца: въ чемъ заключается роль посредника—въ передачѣ ли писемъ и словъ, или въ регулированіи словесныхъ преній; будетъ ли Меттернихъ исполнять роль маклера, или третейскаго судьи; будетъ ли этотъ конгрессъ, осужденный заранее не быть открытымъ, вестись въ порядкѣ бывшаго въ Рисвикѣ, или въ Тешенѣ, или, наконецъ, въ Раштаттѣ³⁾.

¹⁾ «...Посланники (Наполеона) были совершенно обмануты австрійскимъ кабинетомъ»... *Ланжеронъ*, стр. 202, примѣчаніе.

²⁾ Къ сэру Джорджу Джаксону, который сопровождалъ сэра Чарльза Стюарта въ качествѣ дипломата, *Опенъ*, O. and P., т. II, стр. 440.

³⁾ Документы у *Файна*.

Наполеонъ вернулся въ Дрезденъ, считая возобновеніе враждебныхъ дѣйствій отнынѣ неизбѣжнымъ, выведенный изъ терпѣнія двумя семьями—кровной и свойственницей—своими братьями и тестемъ¹⁾. Дайте знать королю Вестфалии, приказываетъ онъ Бертъе изъ Майнца, что, «если онъ не подчинится приказаніямъ всѣхъ маршаловъ», онъ никогда не получитъ мѣста командующаго во французской арміи... «То, что произошло теперь въ Испаніи, указываетъ все болѣе и болѣе на необходимость держаться принципа: война есть ремесло, ее нужно изучить... Король Испаніи, которому я, въ свое время, дѣлалъ подобныя замѣчанія, теперь плачется, что не понималъ ихъ тогда, какъ слѣдуетъ»...

Посланники Наполеона также не удовлетворяли его: онъ считалъ ихъ неспособными, запутавшимися въ сѣти Меттерниха. Однако, что хотѣлъ сказать этотъ министръ, объявляя французамъ: «Только въ этотъ моментъ—10 августа—рѣшится, съ кѣмъ мы будемъ драться?» Какія были, наконецъ, эти условія мира, о которыхъ онъ утверждалъ: если они будутъ приняты, это остановитъ Австрію; если они будутъ отвергнуты, это броситъ ее въ лагерь союзниковъ? Меттернихъ еще не объяснился по этому поводу официально. Тѣ ли это условія, о которыхъ Бубна намекнулъ 16 мая, или тѣ, болѣе широкія, о которыхъ Меттернихъ говорилъ 7-го Нарбонну?²⁾

5-го августа Наполеонъ продиктовалъ Марэ секретную инструкцію Коленкуру: узнать, подъ секретомъ, «на какихъ основаніяхъ, по мнѣнію Австріи, можетъ быть заключенъ миръ, и присоединится ли къ намъ Австрія, если императоръ Наполеонъ согласится на ея предложенія, или останется нейтральной;.. какъ только императоръ будетъ увѣренъ въ *словѣ* Австріи, онъ дастъ соответственныя инструкціи своимъ уполномоченнымъ»... Дать понять, «что желаютъ въ двадцать четыре часа написать условія подъ его (Меттерниха) диктовку; что черезъ три дня вашъ отвѣтъ будетъ данъ... что его величество желаетъ, чтобы Меттернихъ былъ вполне увѣренъ въ одобреніи императора австрійскаго».

Коленкуръ получилъ это письмо 6 августа и сейчасъ же отправился къ Меттерниху; но министра не было дома. Время уходило. Наконецъ, Коленкуръ встрѣтилъ его вечеромъ и передалъ свое сообщеніе подъ строжайшимъ секретомъ³⁾. Хотя этого ожидали, тѣмъ не менѣе оно поставило въ затруднительное положеніе Меттернихъ недавно говорилъ, что считаетъ очень сомнительнымъ, чтобы была «физическая возможность придти къ рѣшенію въ пять дней». Теперь ихъ оставалось только че-

¹⁾ Письмо и приказы Евгенію, Бертъе, 28, 31 іюля 1813. *Лессетръ*.

²⁾ См. выше, стр. 90, 93.

³⁾ Докладъ Коленкура, 6 августа 1813.

тыре. Желаніе, выраженное Наполеономъ, чтобы Меттернихъ «былъ вполне увѣренъ въ одобреніи императора австрійскаго», дало ему возможность выиграть изъ этихъ четырехъ дней еще два. Онъ поѣхалъ за этой увѣренностью въ Брандейсъ, гдѣ находился императоръ. Впрочемъ, онъ считалъ, что этотъ шагъ Наполеона вызванъ безпокойствомъ по случаю вооруженія Австріи. «Чѣмъ болѣе онъ, повидимому, боится насъ, замѣтилъ онъ, тѣмъ увѣреннѣе мы должны говорить съ нимъ; чѣмъ больше онъ хочетъ насъ разъединить съ нашими союзниками, тѣмъ тѣснѣе мы должны соединиться съ ними».

Коленкуръ убѣждалъ Меттерниха усилить требованія. Меттернихъ, очень хорошо знавшій Наполеона, не могъ льстить себя надеждой испугать его, увеличивая требованія; напротивъ. Но, желая «дать союзнымъ дворамъ новое доказательство нашей твердости и добросовѣстности, которыя еще болѣе тѣсно свяжутъ ихъ съ нами»; считая, что Наполеонъ, обѣщавши сохранить тайну, не опубликуетъ этихъ условій и не воспользуется ими, «чтобъ оправдать въ глазахъ Франціи и своихъ союзниковъ возобновленіе войны»; увѣренный, что даже суровыя условія были бы одобрены во Франціи, и что во всякомъ случаѣ тамъ будутъ порицать Наполеона, если онъ ихъ отвергнетъ—Меттернихъ не колебался посовѣтовать своему государю увеличить число пунктовъ съ четырехъ до шести—вѣрное средство, по его мнѣнію, вызвать отказъ ¹⁾. Если Наполеонъ, въ чемъ онъ былъ «почти увѣренъ», ихъ отвергнетъ, Австрія окажется въ глазахъ союзниковъ твердой и добросовѣстной. Если Наполеонъ ихъ приметъ, этотъ отвѣтъ будетъ имѣть ту выгоду, что сократитъ работу переговоровъ и дастъ ей возможность придти къ окончанію. Но Меттернихъ считалъ это «крайне невѣроятнымъ». Онъ такъ былъ увѣренъ въ отказъ, что приказалъ Гентцу составить манифестъ о разрывѣ ²⁾. Императоръ, окончательно склоненный въ пользу войны, «не видя болѣе возможности придти къ миру переговорами, ведущимися въ Прагѣ», счелъ себя «въ правѣ предъявить свой ультиматумъ».

Меттернихъ вернулся въ Прагу 7-го вечеромъ, сообщилъ свой отвѣтъ Гумбольдту и Анштетту, затѣмъ отправился къ Коленкуру ³⁾. Потребовавъ у него тайны, такъ какъ обо всемъ, что онъ скажетъ, «не должно быть никогда упомянуто», онъ продолжалъ: «Австрія еще не связана ни съ Россіей, ни съ Пруссіей». Она присоединится «къ дѣлу Европы, если миръ не будетъ заключенъ 10-го». «Настоящій шагъ (Наполеона) указываетъ или на силу, или на хитрость. Его величество

¹⁾ Къ Стадіону, 6 авг. 1813. *Онкенъ*.

²⁾ *Гентцъ*. Tagebücher.

³⁾ Докладъ Коленкура, 8 августа 1813.

(императоръ австрійскій) могъ бы остановиться на естественной мысли, что императоръ Наполеонъ хочетъ лишь узнать намѣренія державъ, чтобы найти какія нибудь средства для оправданія и для продолженія войны. Но, допуская даже эту гипотезу, которую его величество отбрасываетъ, онъ считаетъ свои намѣренія настолько справедливыми и согласными съ интересами Франціи и своего зятя, что нашелъ бы еще побудительную причину объясниться. Если этотъ шагъ указываетъ на силу, какъ склоненъ думать императоръ, надо объясниться, говорить ясно и откровенно. Такъ я и думаю поступить».

Тогда онъ прочелъ инструкціи императора: «Зная, по предварительнымъ конфиденціальнымъ объясненіямъ, условія, которыя дворы Россіи и Пруссіи, повидимому, ставятъ для примирительной сдѣлки, и присоединяясь къ ихъ точкѣ зрѣнія... потому что я считаю эти условія необходимыми для блага моего государства и другихъ державъ и единственными, могущими дѣйствительно привести къ общему миру, я не колеблюсь объявить пункты, составляющіе мой ультиматумъ... Я жду да или нѣтъ 10-го... Я рѣшилъ объявить 11-го... что присоединяю свои силы къ силамъ союзниковъ...»

Слѣдовали условія: «Я ихъ записалъ, какъ онъ мнѣ ихъ сообщилъ», докладываетъ Коленкуръ ¹⁾.

Уничтоженіе герцогства варшавскаго и его раздѣленіе между Австріей, Россіей и Пруссіей: вслѣдствіе этого, Данцигъ—Пруссіи.

Возстановленіе Гамбурга и Любека, какъ свободныхъ ганзейскихъ городовъ, и немедленное, связанное съ общимъ миромъ, распредѣленіе другихъ частей 32-го военнаго раздѣленія, а также отреченіе отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, дабы независимость всѣхъ теперешнихъ государей Европы находилась подъ гарантіей всѣхъ державъ.

Возстановленіе Пруссіи съ защищенной границей на Эльбѣ.

Уступка иллирійскихъ провинцій Австріи.

Взаимная гарантія, что положеніе владѣній державъ, большихъ и малыхъ, какъ оно будетъ установлено миромъ, не можетъ быть ни измѣнено, ни нарушено ни одною изъ нихъ.

Меттернихъ прибавилъ «по приказанію императора», что, не получивъ согласія 10-го, «мы объявляемъ 11-го утромъ войну Франціи; тѣ предложенія, которыя захотѣли бы намъ сдѣлать послѣ 10-го, такъ же мало будутъ связаны съ переговорами въ Прагѣ, какъ и условія, выставленныя въ эту минуту, не будутъ имѣть ни малѣйшаго значенія послѣ этого срока. Такъ какъ нашъ союзъ съ державами, воюющими въ настоя-

¹⁾ Текстъ Коленкура. Срав. *Онкенъ*, O. und Pr. т. II, стр. 450, прим. 684.—*Тьеръ*, т. XVI, стр. 217. Курсивомъ напечатаны условія, прибавленныя къ четыремъ пунктамъ Рейхенбахскаго договора. См. выше, стр. 108.

щее время съ Франціей, начинается 11-го, мы не примемъ, послѣ этого числа, никакихъ сообщеній, направленныхъ къ намъ въ отдѣльности»¹⁾).

Итакъ, онъ произнесъ слова—«союзъ съ державами, воюющими съ Франціей»; онъ сказалъ, при какихъ условіяхъ отказъ Наполеона заставить Австрію вступить въ коалицію; но онъ не сказалъ ничего о томъ, что обязывается добиться отъ союзниковъ немедленнаго мира на этихъ условіяхъ, если Наполеонъ ихъ приметъ, ни о томъ, что Австрія будетъ воевать, чтобы принудить къ намъ союзниковъ. Онъ не высказался о главномъ вопросѣ, а именно: не намѣрены ли союзники и сама Австрія придать миру болѣе обширное значеніе; составляютъ ли пункты ультиматума предварительный, или окончательный договоръ; однимъ словомъ, можетъ ли Наполеонъ, увѣренный въ войнѣ, если онъ скажетъ *нѣтъ*, можетъ ли онъ быть увѣренъ въ мирѣ на условіяхъ ультиматума, если скажетъ *да*.

Эти слова—условія, которыя, *повидимому*, дворы Россіи и Пруссіи ставятъ для примирительной сдѣлки (ультиматумъ не говорилъ— для окончательнаго мира); другія слова—условія единственныя, которыя *могутъ дѣйствительно привести* къ общему миру; оговорки, сдѣланныя прежде по поводу Голландіи, англійскаго вопроса, и Италіи, вопроса русскаго²⁾, оговорки, которыхъ ультиматумъ не подтверждалъ и не уничтожалъ,—всѣ эти отгѣнки и ограниченія были таковы, что можно было думать, что этотъ австрійскій *ультиматумъ* содержитъ въ себѣ лишь *минимумъ* условій союзниковъ. Срокъ, назначенный Австріей, доказывалъ, что союзъ съ Россіей заключенъ, развѣ что не подписанъ, союзъ условный и на срокъ, но уже рѣшенный даже въ подробностяхъ выполненія, такъ какъ 11-го война будетъ объявлена.

А между тѣмъ Коленкуръ не колебался вѣрить, что миръ возможенъ, считать даже миръ какъ бы заключеннымъ однимъ словомъ—*да* со стороны Наполеона, и онъ торопилъ императора произнести это слово³⁾: «Ваше величество, безъ сомнѣнія, увидите въ этомъ *ультиматумѣ* нѣкоторую жертву самолюбія, но Франція не принесетъ реальной жертвы... Ради Бога, государь, положите на вѣсы мира всѣ шансы войны. Взгляните на возбужденіе умовъ, на положеніе Германіи, какъ только Австрія выскажется, на утомленіе Франціи, на ея благородную преданность, ея жертвы послѣ бѣдствій въ Россіи... Часы теперь сочтены». На другой день онъ писалъ Марэ⁴⁾: «Я васъ жалю вмѣстѣ съ нами... Все это дѣло было

¹⁾ Меттернихъ Стадіону, 8 авг. 1813.

²⁾ См. выше, стр. 69—71, 90—91.

³⁾ Коленкуръ Наполеону, 8 авг. 1813, ниже, стр. 163.

⁴⁾ Къ Марэ, 9 авг. 1813.

такъ плохо ведено... Когда не желаютъ ничего уступить во-время, тогда портятъ все и губятъ все».

Меттернихъ держалъ союзниковъ въ курсѣ дѣла; когда Гумбольдтъ выказалъ нѣкоторое безпокойство: «Мнѣ отвѣтили, сообщаетъ онъ своему правительству, что 11-го война будетъ все же объявлена, какой бы ни былъ отвѣтъ Наполеона; что императоръ австрійскій не желаетъ ни союза съ Франціей ни нейтралитета, что онъ вполне присоединяется къ дѣлу Пруссіи и Россіи»¹⁾).

Докладъ Коленкура пришелъ въ Дрезденъ только 9-го, въ три часа пополудни. Чтобы отвѣтъ Наполеона былъ доставленъ въ Прагу въ теченіе 10-го, слѣдовало его отправить изъ Дрездена 9-го вечеромъ.

Наполеону не давали опомниться: прежде, послѣ своихъ побѣдъ, во времена Люневилля и Пресбурга, онъ самъ злоупотреблялъ этимъ средствомъ. Онъ былъ увѣренъ, что при переговорахъ требованія постепенно будутъ увеличиваться, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, ему стоило только сравнить *шесть* пунктовъ ультиматума съ *тремя* пунктами Бубна, 16 мая²⁾. Но онъ не хотѣлъ подвергаться отвѣтственности разрыва. Толкаемый Коленкуромъ и Марэ, болѣе потрясенный, безъ сомнѣнія, состояніемъ умовъ въ арміи, чѣмъ хотѣлъ это показать, онъ согласился на переговоры о мирѣ. Онъ продиктовалъ двѣ ноты Коленкуру, одну очень краткую, другую болѣе пространную, которую тотъ долженъ былъ предъявить только въ томъ случаѣ, если первая не будетъ принята. Эта вторая нота, только и имѣющая значеніе, заключала въ себѣ: 1) Уничтоженіе герцогства варшавскаго; 2) Данцигъ—свободный городъ; 3) Вознагражденіе короля Саксоніи уступкой 500 т. жителей, главнымъ образомъ, въ австрійской Силезіи и въ Пруссіи; 4) Уступка Австріи иллирійскихъ провинцій за исключеніемъ Истріи, Триеста, Горица и Виллаха. Наполеонъ считалъ Истрію необходимой для защиты Венеціи, а Виллахъ—Гироля; 5) Неприкосновенность Даніи³⁾. Ему было непріятно капитулировать такъ спѣшно, къ назначенной минутѣ, какъ будто на публичныхъ торгахъ. Онъ воображалъ, что, если Австрія дѣйствительно объявитъ перемиріе оконченнымъ 10 августа, враждебныя дѣйствія, по буквѣ конвенціи, не могутъ возобновиться ранѣе 17-го, и переговоры могутъ продолжаться до этого срока. Наконецъ, у него обратилось въ привычку, нѣкоторымъ образомъ въ государственное правило не посылать депешъ, когда на нихъ еще не обсохли чернила, и бумага сохранила еще теплоту импровизаціи. «Онъ хотѣлъ, сообщаетъ Марэ, дать пройти ночи послѣ та-

¹⁾ Ранке, т. IV, стр. 419.

²⁾ См. выше, стр. 93.

³⁾ Марэ Коленкуру, 10 авг. 1813.

ких серьезных рѣшеній»¹⁾. Онъ выбралъ среднее. Бубна пріѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы наблюдать и слушать. Онъ принялъ его и говорилъ съ нимъ два часа, выставляя ему цѣну своихъ уступокъ, невозможность идти въ нихъ дальше. Развѣ онъ могъ отдать Гамбургъ и Любекъ? Какъ же онъ будетъ продолжать войну съ англичанами? Если морской миръ присоединится къ континентальному, вопросъ измѣнится. «Вы видите, говорилъ онъ, я хочу много сдѣлать для мира: мои союзники теряютъ, я покидаю цѣлую націю, которая много сдѣлала для меня; но не поступайте со мной такъ, какъ будто я разбитъ, не считайте вѣрно невѣрнымъ; вы не могли бы потребовать больше, если бы я потерялъ четыре сраженія...»

Бубна вынесъ впечатлѣніе, что Наполеонъ принялъ рѣшеніе, вѣрно судить о своемъ положеніи, но не желаетъ вести переговоры съ ножомъ у горла: «Не торопите меня такъ, говорилъ онъ, я хочу мира, но всѣ переговоры въ мірѣ требовали времени!» Онъ желалъ, чтобы Бубна поѣхалъ въ Прагу и передалъ Меттерниху на словахъ ихъ разговоръ. Бубна отклонилъ просьбу: у него болитъ нога; и ему было даже очень трудно стоять во время аудіенціи²⁾. Онъ ограничился посылкой курьера, и Наполеонъ льстилъ себя надеждой, что, предупрежденный такимъ образомъ, Меттернихъ будетъ ждать сообщеній Коленкура.

Когда Меттернихъ получилъ письмо Бубна, онъ счелъ, безъ сомнѣнія, что былъ вполне правъ, сдѣлавъ ультиматумъ болѣе серьезнымъ. При искреннемъ желаніи вести переговоры, онъ допустилъ бы, что можно обсуждать отклоненные или измѣненные Наполеономъ параграфы: вся Иллирія и ганзейскіе города. Но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе, да, по правдѣ сказать, это было уже и не въ его власти. День 10 августа прошелъ, но курьеръ къ Коленкуру не пріѣзжалъ. Анштеттъ и Гумбольдтъ ждали съ часами въ рукахъ. Ровно въ полночь, они заявили Меттерниху, что срокъ ихъ полномочій истекъ³⁾. Меттернихъ объявилъ конгрессъ распущеннымъ, и черезъ часъ послѣ того Гумбольдтъ написалъ Гарденбергу: «Наши желанія исполнились, дорогой баронъ; мы добились того, о чемъ вели переговоры съ 4 января⁴⁾. Война Франціи

¹⁾ «Дѣла по внѣшнимъ сношеніямъ суть такія, которыя должны вестись медленно; вы должны всегда держать мои письма три или четыре дня подъ вашей подушкой прежде чѣмъ послать ихъ». Къ Шампанья, 1 апр. 1811 г.

²⁾ Докладъ Бубна, 9 авг. 1813. На нѣмецкомъ яз. *Онкель*.

³⁾ Ноты Анштетта и Гумбольдта, 10 авг. 1813. *Файнг*. Коленкуръ къ Марэ, 10 авг. 1813, въ полночь.

⁴⁾ Намекъ на инструкціи, данныя въ январѣ Кнезебеку, въ виду союза съ Австріей. *Ранке*, т. IV, стр. 421. См. выше, стр. 15.

объявлена Австріей, и Нарбоннъ получаетъ обратно свои вѣрительныя грамоты». «Я велѣлъ зажечь сигнальные огни, рассказываетъ Меттернихъ, приготовленные отъ Праги до силезской границы, чтобъ объявить, что переговоры прерваны, и что союзныя арміи могутъ переступить границу Богеміи».

11 августа Коленкуръ явился утромъ къ Меттерниху съ контрпроектами Наполеона. Въ отвѣтъ онъ получилъ оффиціальное заявленіе, отъ имени Пруссіи и Россіи, о роспусченіи конгресса и разрывѣ. Меттернихъ прибавилъ, что посредничество окончено, но что императоръ Франтъ, «тѣмъ не менѣе, будетъ усердно поддерживать передъ своими новыми союзниками великое дѣло мира, но мира настоящаго»¹⁾.

Коленкуръ считалъ еще возможнымъ договариваться. Меттернихъ, изъ вѣжливости и какой-то политической стыдливости—только для отдаленія скандала на нѣсколько часовъ—согласился поговорить съ герцогомъ Виценцимъ «академически», т. е. языкомъ канцелярій, со всѣмъ излишествомъ и незначительностью словъ. Однако, онъ этимъ воспользовался, чтобы потребовать, на всякій случай, всю Иллирію съ Триестомъ. Но, не ожидая отвѣта, онъ извѣстилъ 12-го объ объявленіи Австріей войны. Отвѣтъ Наполеона пришелъ 13-го, въ видѣ депеши Марэ къ Коленкуру. Наполеонъ уступалъ и по параграфу о возстановленіи Пруссіи и объ уничтоженіи Рейнскаго союза; онъ отдавалъ Иллирію, исключая Истрии и Триеста, «такъ какъ для насъ это—Венеція»; наконецъ, 32-ое военное раздѣленіе, провинціи сѣверной Германіи, кромѣ Гамбурга и Любека. «Короче сказать, заключалъ Марэ, все зависитъ отъ Австріи». Австрія объявила, что она ничего не можетъ рѣшить безъ Россіи: Россія явилась 15-го, въ лицѣ Александра, сопровождаемаго королемъ Пруссіи. Александръ, съ перваго слова, къ нему обращеннаго, отказался слушать. 16-го, Меттернихъ извѣстилъ объ этомъ Коленкура, который немедленно выѣхалъ изъ города. «Такимъ образомъ, заключаетъ одинъ русскій историкъ²⁾, была достигнута цѣль, къ которой стремилось русское правительство съ декабря 1812 г.». Перемиріе имѣло очень благоприятныя послѣдствія для коалиціи: русскіе резервы подошли, Пруссія окончила свое поголовное ополченіе, Бернадоттъ привелъ свои войска, Австрія, наконецъ, бросила на вѣсы всѣ свои силы. Меттернихъ дополнилъ рѣшающую сумму: онъ считалъ себя господиномъ положенія, обманувъ Наполеона, и способнымъ отбѣснить Александра отъ европейскаго главенства. Въ одномъ только пунктѣ его расчеты не оправдались вѣдѣтвіе

¹⁾ Коленкуръ къ Марэ, 11 авг. 1813.—Нота Меттерниха, 11 авг. *Файнг*.

²⁾ *Мартенсъ*, т. III, стр. 115.

элемента, который въ нихъ не входилъ, съ которымъ онъ не считался— съ возмущеніемъ души солдата въ минуту перехода къ непріятелю, съ сердцемъ человѣка подъ трыпками короля-авантюриста.

Меттернихъ торопилъ Мюрата подписать тайную конвенцію о союзѣ, который обезпечитъ «окончательно его существованіе»¹⁾. Однимъ изъ тѣхъ внезапныхъ побужденій, которыя ему были свойственны, подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ порывовъ, которые составляли его военный геній—какъ конь отступаетъ и взвивается на дыбы прежде чѣмъ стремительно напасть на страшилище и броситься въ ловушку—Мюрать ускользнулъ изъ глухого переулка, куда его направляли австрійцы, вернулся на большую дорогу и схватился за оружіе. Въ отвѣтъ на письмо императора онъ уѣхалъ въ Дрезденъ 2 августа и пріѣхалъ туда какъ разъ во время, къ возобновенію враждебныхъ дѣйствій²⁾.

Итакъ, война снова началась, война безконечная, тянувшаяся съ 1792 г., и началась она по тѣмъ же поводамъ, которые заставляли ее длиться двадцать лѣтъ, распространивъ во все концы Европы. Дѣйствительно, сомнѣнія невозможны для того, кто знаетъ договоры, заключенные въ апрѣлѣ 1805 г., въ іюнѣ 1813 г., заявленія Александра, Гарденберга, Меттерниха, англичанъ, самого Бернадотта. Члены коалиціи желали разрушенія великой имперіи, паденія французскаго главенства, отбѣсненія Франціи въ ея прежнія границы и, какъ вѣнецъ всему, сверженія съ престола Наполеона, если онъ не будетъ убитъ на войнѣ. Дѣйствительно, то, что Наполеонъ защищаетъ на Эльбѣ, то, что онъ неизбежно потеряетъ, если будетъ оттуда отброшенъ, это—предмостовыя укрѣпленія, это—тѣ аванпосты, которые комитетъ общественной безопасности III-го года и Директорія поочередно рисовали на картахъ—условія завоеванія и удержанія «естественныхъ границъ». Мазарини и Людовикъ XIV, чтобы пробиться къ Рейну черезъ Эльзасъ, согласились на секуляризацию въ протестантской Германіи и организовали Рейнскую Лигу; чтобы обезпечить за собой Фландрію и Бургундію, Франція должна была вторгнуться въ Германію и Нидерланды: завладѣвъ Голландіей, она завоевала эти страны, въ Голландіи она должна была и потерять ихъ въ тотъ день, когда Голландія ускользнула изъ подъ ея власти. Точно такъ же, и еще въ болѣшемъ масштабѣ, республика и имперія—чтобы обезпечить за Франціей весь Рейнъ, отъ Гюнингена до Голландіи—окончили въ Германіи дѣло секуляризации, создали Рейнскій союзъ, поработили, а затѣмъ присоединили къ себѣ Голландію. Чтобы заставить подчиниться этому Австрію,

¹⁾ Меттернихъ Мьеру, 16 июля 1813 г.

²⁾ О ходѣ переговоровъ Меттерниха и Бентинка съ Мюратомъ см. переписку Неаполя, Вѣны, Лондона, Палермо. *Вейль*, т. I, стр. 57—172.

нужно было выгнать ее изъ Италіи, чтобы удержать за собой Италію, нужно было овладѣть горными проходами и поставить Швейцарію подъ опеку. Кольберъ и Людовикъ XIV мечтали о господствѣ на Средиземномъ морѣ; республика задумала, а Наполеонъ предпринялъ сдѣлать изъ него французское озеро. Такъ какъ Англія на это не соглашалась, такъ какъ она не допускала ни того, чтобы Франція была хозяйкой Генуи, владычицей Неаполя, опекуншей Адриатики, ни того, чтобы она была регентшей Антверпена,—чтобы принудить Англію къ этому, Сійэсъ придумалъ, а Наполеонъ провелъ континентальную систему, т. е. коалицію континента противъ Англіи.

Отнынѣ эта система шатается, и мы увидимъ, что она постепенно подрывается и наконецъ разрушится, стѣна за стѣной, башня за башней, въ томъ порядкѣ, какъ она строилась. Въ этомъ разрушеніи революціи и имперіи, блокада, направляемая Англіей, поворачивается противъ Франціи, и коалиція пережмется. Союзники зайдутъ въ тылъ имперіи, повернутъ исторію наизуворотъ, вытѣснятъ постепенно Францію изъ всехъ ея окоповъ: изъ герцогства варшавскаго, изъ Данцига и ганзейскихъ городовъ, съ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, изъ Рейнскаго союза, изъ Голландіи, Швейцаріи, Бельгіи, Италіи; перейдутъ черезъ рѣки, Эльбу и Рейнъ, уничтожатъ плотины и баррикады, воздвигнутыя ею, и, отъ заставы къ заставѣ, отбросятъ ее по всемъ дорогамъ, по которымъ она проходила. Имъ нужно возобновить и вновь выиграть потерянные сраженія, развернуть и порвать трактаты, уничтожить Бородино: это сдѣлано въ декабрѣ 1812 г.; уничтожить Фридрихсбургъ и Тильзитъ: это сдѣлано въ Калишѣ, въ Рейхенбахѣ, отъ февраля до іюня 1813; уничтожить Ваграмъ и Вѣну. Это хотѣлъ было сдѣлать Меттернихъ въ Прагѣ; а когда сдѣлано будетъ это, оставались Пресбургъ, Амьенъ и Люневиль. Вернувшись къ тому положенію, въ которомъ они находились въ 1798 г., союзники захотятъ выполнить то, что проектировали тогда и что отчасти сдѣлали: выгнать французовъ изъ Италіи, опять отдать Неаполь Бурбонамъ, Миланъ—Австріи, овладѣть Голландіей и Бельгіей, чтобы ихъ дать въ обмѣнъ; наконецъ, отвоевать лѣвый берегъ Рейна, вернуть Францію въ старыя границы и даже урѣзать ихъ, если это будетъ можно. Они имѣли только двѣ причины терпѣть до сихъ поръ эти завоеванія: силу Франціи и вознагражденія, которыя она раздавала; разъ сила сломлена, вознагражденія останутся, и добыча ихъ еще увеличить. Какая государственная польза заставитъ ихъ, когда Франція будетъ побѣждена, терпѣть распространеніе французской власти, противъ которой они столько разъ и такъ ожесточенно боролись! Умѣренность? Они ее никогда не знали, и кто бы ихъ научилъ ей съ 1792 г.? Справедливость? Они слѣдуютъ

только древнему закону Израиля, закону возмездія, а относительно общественного права—репрессіямъ. Такова соразмѣрность этой исторіи: тѣ же мотивы, которые руководили Франціей для завоеванія и потрясенія континента, руководятъ и континентомъ для завоеванія и расчлененія Франціи.

Такъ какъ побѣда была на сторонѣ коалиціи, то о намѣреніяхъ 1813 г. нужно судить по неудавшимся намѣреніямъ побѣжденных коалицій 1793, 1799, 1805, 1807 и 1809 гг. Тогда откроется связь между ними, и, если разсмотрѣть, какими нитями они держатся съ прошедшимъ, станетъ понятна ихъ настойчивость, станетъ ясно, что въ умахъ союзниковъ была задняя мысль, уже очень старая, весьма закоренѣлая, которая даетъ ключъ ко всѣмъ соглашениямъ, снимаетъ съ нихъ печать тайны, которая, однимъ словомъ, руководитъ всѣмъ дѣломъ ¹⁾.

Исторія непрерывна въ своихъ смѣнахъ. Союзники хотятъ низвести власть Наполеона до возможнаго минимума, но они открываютъ свои намѣренія лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ война позволяетъ ихъ осуществить. Поэтому они, сражаясь, ведутъ переговоры. Наполеонъ уступаетъ только тѣ, что считаетъ безвозвратно потеряннымъ; такъ было въ Прагѣ: герцогство варшавское, Иллирію, потомъ, въ послѣднюю минуту, Рейнскій союзъ, часть 32-го военного раздѣленія. На Эльбѣ союзники требуютъ Германію, Голландію, Италію; на Рейнѣ они требуютъ лѣваго нѣмецкаго берега, Бельгію, прежнихъ границъ. Такъ какъ Наполеонъ продик-

¹⁾ Сравните положеніе вещей въ 1709 г., во время предварительныхъ переговоровъ въ Гаагѣ. «Я былъ убѣжденъ, говоритъ Сень-Симонъ, что ни одинъ не желалъ мира, изъ ненависти къ особѣ короля и зависти къ Франціи, что всѣ схватились за подходящий предлогъ, чтобъ его устранить». Дѣло шло тогда о томъ, чтобы заставить Францію отказаться отъ Испаніи и урвать ея границы. «Ихъ цѣлью было не что другое, какъ общее разрушеніе Франціи». — Взгляните на сорокъ параграфовъ *предварительныхъ переговоровъ* въ Гаагѣ, не говоря о притязаніяхъ во время общихъ переговоровъ объ окончательномъ мирѣ имперіи, короля Прусскаго и герцога Савойскаго! Тогда-то Людовикъ XIV сдѣлалъ воззваніе къ націи: «Чѣмъ болѣе я выказывалъ снисходительности и желанія разсѣять подозрѣнія, которыя мои враги будто бы имѣютъ относительно моего могущества и моихъ намѣреній, тѣмъ болѣе увеличивали они свои требованія, такъ что, прибавляя къ прежнимъ постепенно новыя... они показали мнѣ также, что ихъ намѣреніе лишь увеличить на счетъ моей короны сосѣднія съ Франціей государства и открыть себѣ легкіе пути, чтобы проникнуть во внутрь моего королевства каждый разъ, какъ въ ихъ расчетахъ будетъ начата новая война. Та, которую я веду и которую хотѣлъ бы окончить, не прекратилась бы, если бы я согласился даже на предложенія мнѣ сдѣланныя». *Сень-Симонъ*, изд. Буалия. — *Дневникъ Торси* 1700—1711, изд. Фрид. Массонюмъ.

товать слова—«чтобъ оно совершилось, нужно, чтобы 500,000 чел. расположились лагеремъ на высотахъ Монмартра»—союзники двинутся къ Монмартру и будутъ ставить условія въ Парижѣ. Представить себѣ другую возможную преграду этому движенію, кромѣ побѣды французовъ, значитъ создавать такую преграду, которой не существуетъ нигдѣ, ни въ людскихъ умахъ, ни въ порядкѣ вещей, которая не установила Францію, когда она, въ 1792 г., вышла изъ своихъ старыхъ границъ, и не установитъ также союзниковъ въ 1813 г., когда они властны заставить ее вернуться въ эти границы. Слѣдовательно, все, до самаго конца, рѣшитъ война.

ГЛАВА III.

Наденіе Великой Имперіи. 1813.

Моро, выѣхавшій изъ Соединенныхъ Штатовъ 21 іюня, пріѣхалъ въ Швецію 26 іюля, отплылъ въ Померанію 6 августа и встрѣтился съ Бернадоттомъ въ Штральзундѣ ¹⁾. Отъ Пишегрю до Бернадотта, Пишегрю, умершаго въ тюрьмѣ, Бернадотта, стоявшаго на ступеняхъ трона, Моро могъ измѣрить контрасты встрѣчь; съ Пишегрю онъ шелъ только къ заговору и междоусобной войнѣ, съ Бернадоттомъ идетъ къ иностранному союзу, нисходитъ до Дюмуре и спотыкается въ эмиграціи ²⁾. Онъ ѣхалъ черезъ Берлинъ, гдѣ народъ его привѣтствовалъ радостными кликами, осаждали итальянскіе и нѣмецкіе дезертиры, предлагавшіе служить подъ его начальствомъ. Александръ принялъ его дружески, нервный сдѣлалъ ему визитъ въ сопровожденіи прусскаго короля ³⁾; но не поручилъ ему главнаго командованія, какъ Моро надѣялся. Шварценбергъ носилъ титулъ генералиссимуса; Австрія этого потребовала. Александръ далъ Моро чинъ фельдмаршала: «Вы будете моимъ совѣтникомъ, моимъ лучшимъ другомъ»; и онъ его помѣстилъ въ свою свиту, въ разрядъ перебѣжчиковъ и иностранныхъ пособниковъ; въ этомъ разрядѣ были—великій Штейнъ, рабо-

¹⁾ Леонсъ *Пико*. Послѣдніе годы Моро. Бернадоттъ. — *Рошнуаръ*, Воспоминанія.

²⁾ Дюмуре, въ Лондонѣ, предлагавшій себя всѣмъ, прогоняемый всѣми, спустился до роли совѣтника-паразита. Онъ составлялъ планы: между прочимъ, одинъ, 12 іюня 1813 г., который онъ считалъ великолѣпнымъ: высадить шведскую армію на берега Фландріи и Нормандіи! Что касается Моро, говоритъ Ланжеронъ, онъ «желалъ свергнуть Наполеона только для того, чтобы сѣсть на его мѣсто, не какъ императоръ, а какъ глава республики, о которой онъ мечталъ до самой смерти». *Ланжеронъ*, Кампанія 1813 г.

³⁾ *Ланжеронъ*.

тавший для своего отечества; швейцарец Жомини, со своимъ второстепеннымъ гениемъ и первостепенными способностями къ развѣдыванію; множество французовъ-эмигрантовъ, какъ Рошшуаръ и корсиканецъ Поццо ди Борго со своей *вендеттой* противъ Буонапарте. Если бы д'Антрегъ не былъ зарѣзанъ въ іюль 1812 г., онъ фигурировалъ бы здѣсь, въ первыхъ рядахъ, снабженный портфелемъ *друзей изъ Парижа*, политика которыхъ должна была торжествовать вмѣстѣ съ коалиціей, и желанія ихъ должны были исполниться. «Меня заставили влѣзть въ осиное гнѣздо», писалъ Моро своей женѣ. Онъ съ самаго начала почувствовалъ себя не на мѣстѣ и выбитымъ изъ колеи.

Тѣмъ не менѣе, онъ занялся своею ролью, которая состояла въ томъ, чтобы ввести въ заблужденіе французовъ и волновать общественное мнѣніе. Онъ сдѣлалъ больше и именно то, чего отъ него ждали союзники — онъ давалъ совѣты какъ человекъ, знающій своихъ товарищей по оружію, — совѣты эти были слишкомъ мѣткі, и имъ слишкомъ хорошо слѣдовало: «Ждать пораженія всюду, гдѣ лично присутствуетъ императоръ... Избѣгать сколько возможно сраженія съ нимъ лично... Нападать и сражаться съ намѣстниками всюду, гдѣ только ихъ можно встрѣтить. Наконецъ, когда намѣстники будутъ разбиты и ослаблены... присоединить къ имѣющимся силамъ всѣ, какія могутъ собрать, идти на него, вырвать у него побѣду, какихъ бы жертвъ это ни стоило, и не давать ему больше передышки». Въ этомъ весь духъ второй кампаніи 1813 г., такой же проицательный и столь же опасный для Наполеона, какъ знаменитый планъ Карно противъ союзниковъ 1794 года.

Совѣты Моро были безусловно вѣрны, и Наполеонъ, къ своему несчастью, слишкомъ легко шелъ имъ навстрѣчу. Онъ началъ какъ разъ ту войну съ помощью намѣстниковъ, которую Моро объявилъ такой опасной для него и такой благоприятной для союзниковъ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать массой и стремительно нападать, какъ во времена Аустерлица, Фридланда, Ваграма, онъ разбрасывался, хотѣлъ все сохранить и ставилъ себя въ необходимость защищаться всюду. Онъ рѣшилъ остаться въ Саксоніи, чтобы поддерживать войну въ центрѣ Германіи и удерживать германскихъ государей въ союзѣ. Онъ поручилъ Вандамму и Гувіону противиться движенію австрійцевъ на Дрезденъ, черезъ Богемію. Онъ поручилъ Удино идти на Берлинъ, помѣшать соединенію сѣверной прусской арміи съ силезской, беспокоить пруссаковъ, разсѣять *ландверы*, вернуть поляковъ: очень умныя операци, но слишкомъ широкія и слишкомъ разбросанныя. Союзники, наоборотъ, прошли его школу. Всѣ ихъ планы были направлены только къ тому, чтобъ его окружить, и окружить такимъ превосходствомъ силъ, съ такими оглушительными ударами,

чтобы весь его геній былъ, такъ сказать, испорченъ и какъ бы обращенъ въ ничто. Они двинулись на Дрезденъ. 26 и 27 августа Наполеонъ далъ тамъ сраженіе и выигралъ его: это была его послѣдняя большая выигранная битва, но не имѣющая завтрашняго дня. Побѣда была еще за нимъ, но ея послѣдствія отъ него ускользнули.

Въ продолженіе второго дня битвы, около полудня, въ тотъ часъ, когда отступленіе союзниковъ опредѣлилось, Моро находился, верхомъ на лошади, около Александра, позади прусской батареи, между двумя англичанами, Каткартомъ и Вильсономъ. Ядро раздробило ему лѣвую ногу. Онъ потерялъ сознаніе и черезъ нѣсколько дней скончался. Событія вполнѣ оправдали его предположенія. 28 и 29-го, Вандамму, будучи не въ силахъ остановить отступленіе австрійцевъ, былъ разбитъ самъ и 30-го совѣтъ обращенъ въ бѣгство: 82 пушки и 7000 убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ: это — сраженіе при Кульмѣ. 29-го, Макдональдъ разбитъ Блюхеромъ; второе пораженіе: 100 пушекъ, 10000 чел., выбывшихъ изъ строя, остальные обратились въ беспорядочное бѣгство; это — сраженіе при Катцбахѣ. 30 августа, Удино, разбитый 23-го при Гросберенѣ, является, измученный, въ Виттенбергъ; онъ потерялъ 12000 чел. Въ пять дней Наполеонъ лишился 100 тысячъ человекъ, обоза, артиллеріи; потерялъ наступательное положеніе; его армія, полная увлеченія, пришла въ уныніе.

Тогда между императоромъ и его генералами вспыхнули ссоры, подготавливавшая уже нѣсколько недѣль и вдругъ обнажившія зараженную рану; бурныя сцены, въ которыхъ какъ бы сорвалась съ цѣпи солдатская грубость этихъ знаменитыхъ выскочекъ, предисловіе и предсказаніе громкихъ измѣнъ 1814 года. Письма Бернадотта къ Удино, Нэю, Мюрату, Бертье, въ которыхъ онъ имъ совѣтуетъ готовить миръ, выданы Удино Наполеону. Другіе, которые предпочли бы сохранить тайну, рѣшили тогда пойти къ императору. Говорятъ, что первымъ вошелъ Нэй, одинъ. Споръ становился все болѣе громкимъ: тогда вошли и другіе маршалы. «Предатель!» кричалъ Наполеонъ своему зятю, а когда Бертье живо отвѣтилъ на эту брань: «И вы также! старый дуракъ, чего вы вмѣшиваетесь? Молчите!» Черезъ нѣсколько дней пришла очередь Макдональда: «Что вы сдѣлали съ арміей, которую я вамъ поручилъ? — Государь, у васъ нѣтъ больше арміи; есть только несчастные, умирающіе съ голоду; идете въ эти горы, вы увидите тамъ сотни вашихъ солдатъ, умершихъ отъ лишеній; вы все потеряли; вамъ осталось только думать о мирѣ». Наполеонъ собралъ въ одно мѣсто все, что у него оставалось. Судьба, которую онъ отвратилъ въ Дрезденѣ, должна была свершиться въ Лейпцигѣ.

Эти три дня, отъ 27—30 августа, превратившихъ побѣду Наполеона

въ неоправимое поражение, были для союзниковъ днями жестокаго волненія. Коалиція съ самаго начала проходила черезъ грозное испытаніе, которое погубило все предшествовавшія коалиціи: взаимные военные и политическіе упреки австрійцевъ противъ русскихъ, русскихъ противъ нѣмцевъ и австрійцевъ, противъ пруссаковъ, бранимыхъ всеми, но нападавшихъ въ свою очередь, лаявшихъ, кусавшихъ всехъ; англичане, смущенные и готовые уже завязать свои мѣшки субсидій. Меттернихъ, очень разстроенный, взвѣшивалъ отвѣтственность, которую его государь и соотечественники уже сваливали на него. Три монарха съѣхались въ замкъ Духъ, около Теплица. Это всего лучше указываетъ на поворотъ въ дѣлахъ. Задушивъ соперничество, тиеславіе и подозрительность, чтобъ обсудить вмѣстѣ общее бѣдствіе, они твердо стояли на своемъ: поражение Вандамма, 30-го, вернуло имъ мужество и показало, что они были правы. Въ этотъ день коалиція была скрѣплена: затѣмъ пришли извѣстія о другихъ успѣхахъ при Катцбахѣ, Гросберенѣ; окончательный успѣхъ былъ, повидимому, несомнѣненъ.

Между тѣмъ причинъ для разногласія было довольно. Въ Германіи проявлялась измѣна рейнскихъ союзниковъ: при Гросберенѣ саксонцы арміи Макдональда перешли къ Бернадотту. Паденіе Рейнскаго союза казалось вопросомъ нѣсколькихъ недѣль. Все союзники были согласны въ его распущеніи; но что дѣлать съ Германіей? Что сдѣлаютъ съ варшавскимъ герцогствомъ, съ Италіей, наконецъ, о которой не переставали думать австрійцы. Въ прежнее время лѣвый берегъ Рейна былъ завоеванъ австрійцами въ Италіи, а на этотъ разъ казалось, что Австрія завоюетъ Италію на Рейнѣ.

Въ этомъ случаѣ Александръ сыгралъ главную роль. Онъ выказался тогда дѣйствительно распорядителемъ или, какъ начинали говорить на классическомъ жаргонѣ того времени, царемъ царей, Агамемнономъ новой Иллады. Онъ ни на минуту не упустилъ изъ виду ни дѣлей царствованія, поставленныхъ имъ въ молодости, осуществленныхъ въ зрѣломъ возрастѣ—возстановить Европу и занять въ дѣлѣ главенства надъ континентомъ мѣсто, «силою захваченное» Наполеономъ; ни реванша своему оружію, ни мести за личное оскорбленіе. Насколько онъ показывалъ себя зыбкимъ, непостояннымъ въ теченіе Тильзитскаго союза—потому что, въ сущности, онъ не *хотѣлъ*, не *любилъ* своей собственной политики, притворной и преходящей, — настолько со времени Москвы онъ оказался рѣшительнымъ, послѣдовательнымъ, дѣйствующимъ по собственному *желанію*, идущимъ къ своей цѣли, которая заключалась въ разрушеніи великой имперіи, имперіи запада, въ сверженіи Наполеона: *онъ или я!* идущимъ къ этой цѣли до доступныхъ крайностей, до конца, т. е.

до Парижа. Его постоянной мыслью было довести борьбу «до послѣдняго результата», «продолжать войну до послѣдней возможности; не заключать сдѣлки съ вѣроломнымъ врагомъ; уничтожить его арміи, низвергнуть его власть»¹⁾; онъ считалъ, «что время можетъ дать союзникамъ только благоприятные шансы и установить, въ ихъ собственныхъ глазахъ, ихъ превосходство». Онъ воздвигнетъ восьмиконечный крестъ въ столицѣ запада, въ священномъ городѣ революціи, въ городѣ царубійцъ, конвента, императорскаго муропомазанія; онъ будетъ господствовать надъ Франціей, этой латинской Польшей. Онъ дастъ учрежденія странѣ Монтескье и короля—революціи. Судьба, подготовляемая имъ со времени Тильзита, свершится; наступалъ часъ выказать свой геній, часъ, когда политикъ, неизвѣстный и скрытый за химерами, человѣкъ перѣшительный и мечтатель, открывшій свою тайну только однажды своей матери²⁾, выйдетъ изъ окутывающей его тучи и явится міру. Онъ сумѣлъ, издала, очаровать и покорить французовъ, повторяя и заставляя повторять безпрестанно, что онъ отдѣлялъ интересы Наполсона отъ интересовъ ихъ вольностей и ихъ границъ: слова политики простой и глубокой, которыя должны были имѣть и имѣли первымъ послѣдствіемъ—заставить французовъ счесть вторженіе союзниковъ во французскіе предѣлы за приближеніе освободителя; вторженіе, которое, въ противоположность всемъ вторженіямъ, будетъ имѣть цѣлью уважать и обезпечить эту границу. Онъ умѣлъ, въ критическій моментъ, рѣшить дѣло, являясь къ передовымъ войскамъ, гдѣ пруссакъ Блюхеръ, неутомимый и ненасытный, все двигался впередъ, готовый трубить въ атаку. Наконецъ, и въ особенности, онъ диктовалъ очень политичные трактаты, по образцу трактата, взявшаго верхъ въ Калишѣ, которые все вели къ одному: отложить споры, откладывая требованія каждаго до общихъ завоеваній. Прежде возьмемъ, а затѣмъ каждый разберетъ свою добычу!

9 сентября, два трактата, сходные по существу и почти одинаковые по формѣ, были подписаны въ Теплицѣ, между Россіей и Австріей, Россіей и Пруссіей³⁾. Они подтверждали трактаты, уже заключенные либо Россіей, либо Пруссіей: «Онѣ не имѣютъ намѣренія въ чемъ нибудь нарушить прежнія и частныя соглашенія, также оборонительныя, которыя онѣ заключили со своими прежними союзниками», т. е. Россія съ Швеціей въ 1812 г., съ Пруссіей въ Калишѣ, съ Англіей въ Рейхен-

¹⁾ *Россія*, т. XXXI. Перечень, стр. 360, 395, 400—401.

²⁾ См. т. VII, стр. 147 и гл. IV, § 7.

³⁾ *Россія*, т. XXXI. Перечень. Возобновленіе враждебныхъ дѣйствій, стр. 334.—*Мартенсъ*, т. III. Замѣтка о трактатѣ съ Австріей и текстъ параграфовъ; т. VII, замѣтка о трактатѣ съ Пруссіей, Теплицъ, 9 сент. 1813.

бахъ, Пруссія съ Англіей такъ же въ Рейхенбахъ ¹⁾. Теплицкіе договоры возобновляли и подтверждали еще разъ формулу—не входить «въ переговоры о мирѣ безъ всеобщаго согласія». Союзники общаются другъ другу самымъ торжественнымъ образомъ не слушать никакихъ намековъ или предложеній, къ нимъ обращенныхъ прямо или косвенно со стороны французскаго кабинета, «не сообщивъ о томъ другъ другу» ²⁾. Они опредѣляютъ предметомъ своихъ общихъ усилій, въ *отдѣльныхъ и секретныхъ параграфахъ*, прежде всего, слѣдующіе четыре пункта:

1. Возстановленіе монархіи австрійской и монархіи прусской на ступень ближайшую къ той, которую онѣ занимали въ 1805 г.

2. Уничтоженіе Рейнскаго союза и полная и безусловная независимость государствъ промежуточныхъ между границами, съ одной стороны, монархіи австрійской и прусской, возстановленныхъ на вышеупомянутой ступени, и, съ другой стороны, Рейномъ и Альпами.

3. Возстановленіе Ганновера Брауншвейгъ-Люнебургскому дому и другихъ его владѣній въ Германіи.

4. Полюбовная сдѣлка между тремя дворами—Россіи, Австріи и Пруссіи, о будущей судьбѣ варшавскаго герцогства.

Къ этому прибавили, чтобы дать этимъ положеніямъ «всю желательную опредѣленность», слѣдующіе дополнительные параграфы:

1. Возстановленіе странъ, присоединенныхъ къ Франціи подъ названіемъ 32-го военнаго раздѣленія;

2. Провинцій и земель Германіи, находящихся во власти французскихъ принцевъ.

Это—условія нотъ 16 мая, нотъ Рейхенбахскихъ, дѣйствительныхъ условій Праги. Оставалось примѣнить ихъ въ «самыхъ обширныхъ размѣрахъ» и прибавить къ нимъ, по русской нотѣ 19 іюня, «могущественные оплоты противъ Франціи» ³⁾. Для этого готовили себѣ средства:

Параграфъ II, отдѣльный и секретный гласилъ:

Государственныя стороны, заключающія договоръ, не имѣютъ никоимъ образомъ въ виду наносить предыдущимъ параграфомъ (четыре пункта) ущербъ обязательствамъ, которыя они могли заключить съ другими державами въ духѣ той цѣли, которую онѣ себѣ поставили.

Такое обязательство было заключено со Швеціей, могли они найтись и съ Англіей, которыя именно опредѣляютъ «самые обширные размѣры» мирнаго договора, и это было средствомъ завести разговоръ о Голландіи,

¹⁾ См. выше, стр. 106.

²⁾ Параграфъ IV секретныхъ параграфовъ обоихъ трактатовъ, одинаковыхъ.

³⁾ См. выше, стр. 92, 110—111.

о границахъ по Шельдѣ, о Бельгіи, о лѣвомъ берегу Рейна, объ Италиі, о которыхъ не будетъ рѣчи въ *предварительныхъ базисахъ*.

Меттернихъ чувствовалъ нѣкоторое процедурное тщеславіе при видѣ коварнаго шегольства этихъ «формъ». Онъ писалъ Гуделисту въ Вѣну, гдѣ тотъ временно исправлялъ должность министра иностранныхъ дѣлъ: «Я позаботился, чтобы даже въ самыхъ обширныхъ требованіяхъ мы казались умѣренными, и заставилъ помѣстить единственные параграфы, касающіеся прямо Франціи, въ секретный договоръ, извѣстный только тремъ дворамъ» ¹⁾.

Англія находила для себя удобнымъ параграфъ, касающійся Ганновера. Она подписала 20 сентября, въ Лондонѣ, съ Россіей и Пруссіей конвенцію о выпускѣ ассигнацій и о субсидіяхъ ²⁾. Эти сдѣлки были дополнены *предварительнымъ договоромъ* о союзѣ, заключеннымъ въ Теплицѣ, 9 октября, между Англіей и Австріей: онъ имѣлъ оговорку, исключаящую какіе бы то ни было переговоры, договоры и трактаты иначе, какъ съ общаго согласія ³⁾.

Въ то же самое время, 8 октября, Меттернихъ довелъ до конца дѣло почти столь же важное въ его глазахъ: измѣну Баваріи ⁴⁾. «Баварія освобождаетъ себя отъ узъ Рейнскаго союза и немедленно присоединяетъ свои войска къ войскамъ союзныхъ державъ». Австрія ей обезпечиваетъ: «свободное и мирное пользованіе, а также полную и абсолютную власть надъ всеми ея владѣніями», кромѣ поправки границъ съ вознагражденіями. Трактатъ ставитъ цѣлью войны: «уничтоженіе Рейнскаго союза и полную и абсолютную независимость Баваріи, такъ, чтобы, освобожденная отъ всѣхъ узъ и поставленная внѣ всякаго иностраннаго вліянія, она пользовалась вполне своей державной властью» ⁵⁾. Этотъ трактатъ долженъ былъ повести за собой измѣну другихъ союзниковъ Наполеона. Приманкой была гарантія ихъ владѣній, полученныхъ изъ руки Наполеона цѣною ихъ измѣны Священной имперіи; гарантія ихъ полной власти, что разрушало, въ зародышѣ, всякій проектъ возстановленія Священной имперіи и превращенія «тридцати маленькихъ деспотовъ въ губернаторовъ провинцій». Меттернихъ приписывалъ этому параграфу громадную важность. Уже слова—*полная и безусловная независимость* государствъ—вставленные въ секретныя статьи Теплицкаго договора, при чемъ Гарденбергъ недостаточно

¹⁾ *Фурье*, Der Congress von Chatillon, стр. 7, примѣч.

²⁾ *Мартенсъ*, т. XI, стр. 189.

³⁾ Параграфъ IV. *Амстердамъ*. Конгрессъ въ Вѣнѣ и трактаты 1815 г.

⁴⁾ *Мартенсъ*, т. VII, стр. 115.

⁵⁾ *Онкель*, т. II, стр. 698; тамъ же кн. IX, гл. VII: возстановленіе Германіи. См. ниже, стр. 157.

остерегся, предпрѣшали вопросъ. Сдѣлка 8 октября дѣлала изъ него съ этихъ поръ вопросъ австрійскій.

Александръ прищипывалъ Бернадотта, который положительно слишкомъ щадилъ себя и дѣйствовалъ черезчуръ въ сторонѣ отъ коалиціи. Ядро, доставшееся на долю его друга, Моро, не соблазняло его, и онъ стремился къ другому окончанію дѣла съ французами. «Онъ предпринялъ войну, писалъ Мюнстеръ нѣсколько недѣль спустя, въ надеждѣ, что его старые товарищи, французскіе генералы, покинуть корсиканца и присоединятся къ нему. Имъ овладѣла идея сдѣлаться королемъ Франціи. Не будучи въ состояніи низвергнуть своего личнаго врага, онъ все же не хотѣлъ бы сражаться противъ французовъ, чтобы сохранить среди нихъ свою предполагаемую популярность. Онъ бережетъ шведовъ, чтобъ обезпечить себѣ почетное отступленіе и, повидимому, мало заботится о судьбѣ прочихъ». Поццо ди Борго, посланный Александромъ къ нему, писалъ 7 сентября: «Идея принца—выказаться передъ французами ихъ будущимъ освободителемъ—съ каждымъ днемъ все больше овладѣваетъ его воображеніемъ... Въ разговоры, въ его поступки видимо клонятся къ этой цѣли». На полѣ сраженія Гросберена, покрытомъ французскими трупами, онъ сказалъ Поццо: «Франція—для достойнѣйшаго!» На что корсиканецъ отвѣтилъ иронически: «Значить, для меня!» Немного времени спустя, онъ сказалъ Рошнуару, которому поручили передать ему георгиевскую ленту и побудить къ наступательнымъ дѣйствіямъ: «Послушайте, мой другъ, кто бы могъ сказать двадцать лѣтъ тому назадъ бѣдному сержанту Бернадотту: къ тебѣ будутъ обращаться императоръ Россіи, императоръ Австріи и король Пруссіи со словами: Милостивый государь, мой братъ и другъ?» Онъ принялъ георгиевскую ленту и сказалъ: «Мнѣ оказали чрезвычайную честь; я принадлежу и душой и тѣломъ императору Александру». Но, когда Рошнуаръ торопилъ его двинуться впередъ, онъ отвѣтилъ: «Поймите, мой другъ; нужна большая осторожность въ моемъ положеніи, оно такъ щекотливо... Кромѣ вполне естественнаго во мнѣ отвращенія къ пролитію французской крови, я долженъ еще поддерживать свою репутацію. Я не обманываю себя: моя судьба зависитъ отъ одного сраженія; если я его проиграю, попроси я у Европы монету въ шесть франковъ, никто мнѣ не дастъ ея взаимы... Если бы я могъ бороться только съ Наполеономъ, дѣло было бы живо сдѣлано. Бонапартъ—мошенникъ, его надо убить; пока онъ живъ, онъ будетъ бичомъ міра; не нужно больше императора, это титулъ не французскій; Франціи нуженъ король, но король-солдатъ; раса Бурбоновъ—раса истасканная, она уже никогда не выльветъ. Есть ли человѣкъ болѣе подходящій для французовъ, чѣмъ я?»

Онъ берегъ себя. Но все же пришлось уступить; 14 октября Наполеонъ объявилъ ему войну. Бернадоттъ присоединился къ силезской арміи.

Наполеонъ, окруженный союзниками, далъ сраженіе 16 и 17 октября, при Лейпцигѣ: исполнская битва, которую нѣмцы назвали *битвой націй*. 18-го она была уже проиграна: баварцы измѣнили 14-го; саксонцы перешли къ союзникамъ 18-го, во время самыхъ дѣйствій. Затѣмъ во французскихъ рядахъ пронесся крикъ гнѣва и отчаянья: «Это—пущка Бернадотта!» Бернадоттъ довершилъ пораженіе. Это было, дѣйствительно, «чудовищное пораженіе»; армія рекрутовъ, искалѣченная, изнуренная, разбитая, не могла удержаться; увлеченіе исчезло, воинская доблесть пропала.

17-го Наполеонъ говорилъ плѣнному австрійскому генералу Мервельдту, котораго онъ отпустилъ на честное слово: ¹⁾ «Неужели эта война будетъ длиться вѣчно! Пора бы уже ее кончить.—Государь, это—общее желаніе, и миръ въ рукахъ Вашего Величества. Отъ Васъ зависѣло его заключить на конгрессѣ въ Прагѣ.—Тамъ поступали недобросовѣстно, лукавили...» И идя прямо къ дѣлу, Наполеонъ объяснилъ, что подразумѣвалъ подъ этимъ «лукавствомъ»:—«Почему не принимаютъ предложенія вести переговоры! Вы видите, что Англія не хочетъ мира!» Мервельдтъ увѣрялъ въ противномъ. «Ну! сказалъ императоръ, такъ пусть Англія мнѣ отдастъ мои острова, а я ей отдамъ Ганноверъ. Я возстановлю присоединенныя провинціи и ганзейскіе города.—Я думаю, государь, что они будутъ стоять за независимость Голландіи.—Въ такомъ случаѣ нужно сговориться объ этой независимости, но это будетъ не легко съ морскими правилами Англіи.—Это было бы великодушное рѣшеніе и большой шагъ къ миру... Я вспоминаю, что Вы, Ваше Величество, мнѣ какъ-то давно говорили, что для покоя Европы необходимо, чтобы Франція была отдѣлена маленькими, независимыми государствами отъ другихъ державъ. Пусть Ваше Величество вернется къ этимъ убѣжденіямъ, составленнымъ имъ въ минуты покоя и размышленія, и Вы обезпечите счастье Европы». Императоръ не возражалъ. Наступила минута молчанія, которое Наполеонъ прервалъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Но все это не приведетъ насъ къ миру. Какъ вести переговоры съ Англіей, которая хочетъ меня обязать не строить болѣе тридцати судовъ въ моихъ портахъ!—Англичане, государь, считаютъ этотъ надзоръ настолько недопустимымъ, что они до сихъ поръ не смѣли этого явно высказать». И хитрый австріецъ повелъ на эту тему разговоръ, чтобы намекнуть

¹⁾ Докладъ Мервельдта, 17 окт. 1813 г.

объ одномъ параграфѣ, еще неизвѣстномъ Наполеону, а онъ былъ въ 1813 г., какъ и въ 1797 и въ 1801 гг. самымъ важнымъ параграфомъ для Австріи—объ Италіи. «Англія, сказалъ онъ, не можетъ скрыть отъ себя, что при томъ размѣрѣ береговой линіи, которымъ Вы владѣете, Ваше Величество, начиная Адриатикой и кончая Нѣмецкимъ моремъ, Вы, Ваше Величество, будете имѣть черезъ нѣсколько лѣтъ флотъ вдвое или втрое больше англійскаго... Какъ предупредить это будущее превосходство иначе, какъ опредѣливъ число судовъ, которыя могутъ быть построены въ портахъ Франціи; развѣ только Вы, Ваше Величество, *вернетесь къ условіямъ, которыя Вы сами постановили, становясь во главѣ управленія Италіей, т. е. пожелавъ вернуть независимость этому государству ради мира континентальнаго и всеобщаго?*» Это не были подлинныя слова текста. Еще менѣе было это точнымъ смысломъ обязательства: «Ни въ какомъ случаѣ, писалъ Наполеонъ, я не имѣю проекта или намѣренія присоединить къ коронѣ Франціи корону Италіи»; онъ ее назначалъ «одному изъ своихъ законныхъ дѣтей, мужескаго пола, кровныхъ или приемныхъ»¹⁾; но онъ ее удержитъ до тѣхъ поръ, «пока Средиземное море не вернется къ своему естественному состоянію». Въ этомъ смыслѣ онъ понялъ и не могъ иначе понять намекъ Мервельдта, и въ этомъ смыслѣ онъ прибавляетъ, соглашаясь, что это условіе скорѣе можно принять, чѣмъ ограниченіе числа судовъ: «Во всякомъ случаѣ, я не соглашусь на восстановление прежняго порядка вещей въ Италіи. Страна, объединенная подъ властью одного монарха, болѣе подходит къ общей системѣ политики въ Европѣ». Онъ хотѣлъ сказать: подъ властью французскаго принца, поставленнаго имъ. Но австріецъ, знавшій, быть можетъ, статьи Теплицкаго договора и, во всякомъ случаѣ, знавшій, что Италія составитъ долю и вознагражденіе его государя, придавъ словамъ Наполеона смыслъ гораздо болѣе обширный, т. е. какъ безусловное отреченіе Наполеона отъ Италіи и присоединеніе всего королевства и французскихъ провинцій, по крайней мѣрѣ отчасти, къ Австріи. Перешли къ вопросу о герцогствѣ варшавскомъ: «Я полагаю, Вы, Ваше Величество, отъ него отказались?»—Да, я сдѣлалъ такое предложеніе, но не сочли за благо принять его».—Да и Испанія можетъ стать яблокомъ раздора!»—Я долженъ былъ покинуть Испанію, а этимъ уже вопросъ рѣшенъ». Онъ говорилъ о перемиріи: онъ расположится за Заалой. Мервельдтъ не скрылъ отъ него надежду союзниковъ «видѣть его на томъ берегу Рейна еще

¹⁾ См. т. VI, стр. 351—354. Декретъ и рѣчь въ Сенатѣ, 18 марта; императору Австрійскому, 17 мар. 1805.

вынѣшней осенью».—«Для этого я долженъ проиграть битву...» И потомъ прибавилъ: «Я принесу жертвы, даже большія жертвы, но есть вопросы чести, отъ которыхъ я не могу отступить, особенно въ моемъ положеніи, напимѣръ: протекторатъ надъ Германіей».

Германія, покинувъ Наполеона, поднялась противъ него. Въ 1799 году Макдональдъ покидалъ Италію, «заливаемую потокомъ возстаній»¹⁾. Наводненіе теперь надвигалось со всѣхъ сторонъ на растоптанную дорогу, по которой французская армія въ грязи и подъ дождемъ, удалялась къ Рейну, тревожимая неприятелемъ, проклинаемая населеніемъ, которое, утративъ страхъ, стало враждебнымъ. Вся низость великихъ міра, все раболѣпіе униженныхъ, съ 1795 г. сглаживавшія дорогу завоеванію, теперь несли побѣжденнымъ измѣну, обиду и низкое мщеніе. Солдаты въ отчаяніи жаловались—такъ было и въ Лейпцигѣ—Макдональду на голодъ, нищету, лихорадки: «Г-ня маршалъ, спасите вашихъ дѣтей!»²⁾ Маршалы, фрндировавшіе въ началѣ войны, грубо обвиняли другъ друга. Герцогъ Тарентскій просилъ герцога Кастильонскаго объяснить ему одинъ изъ приказовъ императора: «Да развѣ эта с... знаетъ, что она дѣлаетъ?! отвѣтилъ тотъ, «развѣ вы не видите, что онъ потерялъ голову! Трусъ, онъ насъ бросилъ и принесъ въ жертву. Не думаете ли вы, что я такъ добръ и глупъ, что позволю себя убить или повѣсить ради защиты какогонибудь лейпцигскаго предмѣстья? Поступайте какъ я: уходите!..»

23-го октября маршалы прибыли въ Эрфуртъ, стараясь собрать бѣглецовъ и ихъ ободрить. Были тамъ магазины; ихъ разграбили. Одинъ изъ маршаловъ отправился въ замокъ для полученія отъ Наполеона приказаній насчетъ позицій для прикрытія города. Онъ встрѣтился съ Мюратомъ «Тыфу! сказалъ король, выберите самую негодную; иначе мы пропадемъ съ нимъ вмѣстѣ!» «Чего же вы хотите отъ меня? отвѣтилъ императоръ тому же маршалу, я отдаю приказы,—ихъ не исполняютъ. Я хочу собрать весь свой экипажъ, никто не является!»

Мюратъ отдался союзникамъ. 16-го октября, послѣ перваго дня битвы при Лейпцигѣ эмиссаръ Меттерниха передалъ ему такое предложеніе: Англія, съ согласія Австріи, обязуется добыть у короля Фердинанда отреченіе отъ королевства неаполитанскаго; она гарантируетъ Мюрату это королевство и независимость. Она даже обѣщаетъ ему сверхъ того нѣкоторыя выгоды, если только онъ покинетъ французскую армію и не будетъ посылать войскъ на помощь вице-королю италіянскому. «Я, раз-

¹⁾ См. т. V, стр. 334.

²⁾ Воспоминанія, стр. 222 и слѣдующ. Это—самая патетическая картина бѣдствія, написанная человекомъ, видѣвшимъ бѣдствія 1799 года. Сегюръ, т. VI—Тьебо, т. V.

сказывалъ Мюратъ, сейчасъ же рѣшился потребовать у императора позволенія вернуться въ Неаполь»¹⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ солдатъ въ душѣ, онъ по обыкновенію доблестно сражался подъ Лейпцигомъ и прикрывалъ отступленіе.

Въ этомъ самомъ Эрфуртѣ, гдѣ пять лѣтъ тому назадъ Наполеонъ, въ апогеѣ своего величія, содержалъ цѣлый дворъ изъ королей, гдѣ онъ на показъ міру обнимался съ Александромъ, который видѣлъ въ этомъ свидѣтельство «благоволенія боговъ» къ нему, гдѣ пировали его бывшіе союзники, озлобленные теперь раздѣломъ его добычи; въ этомъ Эрфуртѣ, кладбищѣ его арміи, могилѣ его престижа, Наполеонъ видѣлъ въ послѣдній разъ своего зятя. Этотъ король вернулся въ Неаполь тѣмъ же путемъ, какъ пришелъ; онъ не выносилъ неизвѣстности, онъ видѣлъ, что корона—доля его добычи—висѣла на ниткѣ въ рукахъ Меттерниха. И отнынѣ онъ принадлежалъ этому человѣку. «Я показалъ Наполеону твердую рѣшимость вернуться въ Неаполь и вырвалъ у него согласіе и затѣмъ, не теряя времени, посѣщивъ уѣхать изъ опасенія, чтобы онъ не взялъ назадъ своего согласія. Наше прощаніе не очень было сердечнымъ»²⁾. Мюратъ твердо рѣшился держаться по королевски, думать только о себѣ, отдѣлаться по нѣмецки отъ опаснаго приключенія, подобно баварцамъ, разъ ему гарантируютъ королевство и власть.

Тѣмъ временемъ Жеромъ оставилъ Кассель. Онъ задумывалъ уйти раньше, чѣмъ битва рѣшила его участь. 12-го октября онъ довольно смѣло сказалъ Рейнгарду: «Что, если я, по примѣру другихъ мелкихъ государей, останусь? Я хочу остаться!» Рейнгардъ ему замѣтилъ, «что эти государи остаются въ надеждѣ пристать къ тому, что они называютъ общимъ дѣломъ. А Вы этого, Ваше Величество, не можете и не пожелаете сдѣлать». Жеромъ задумался; потомъ отдалъ приказаніе готовить каждую ночь на всякій случай лошадей 26-го онъ слышалъ пушечный выстрѣлъ: и въ 6 часовъ уѣхалъ верхомъ съ эскортомъ, который онъ называлъ своей гвардіей; онъ направился на Кельнъ. Такимъ образомъ пало Вестфальское королевство³⁾.

Наполеонъ возобновилъ свое бѣдственное отступленіе. 29-го, въ Гану, баварцы пытались отрѣзать ему отступленіе. Армія стала лицомъ къ врагу. Гвардія еще не подошла, и Макдональдъ вскричалъ: «Насъ ....! если гвардія не подоспѣетъ».—Я ничего тутъ не могу подѣлать! отвѣтилъ

¹⁾ Декларация Мюрата австрийскому послу въ Неаполь. Донесеніе Мьера 16 дек. 1813-го года. Вейль.

²⁾ Донесеніе Мьера 16 дек. 1813 года. Вейль.

³⁾ Донесеніе Рейнгарда. Дюкассъ: Короли братья.—Лангъ, Клейнъ-Шмидтъ Геке.

Наполеонъ и оставался безучастнымъ, невозмутимымъ свидѣтелемъ своего паденія, какъ недавно въ Россіи, какъ позже при Ватерлоо. 31-го октября онъ дошелъ до Франкфурга, 2-го ноября до Майнца. Французы покинули правый берегъ Рейна и отступили на лѣвый: такимъ образомъ они вернулись на позиціи 1799 года.

II.

Меттернихъ получилъ княжескій титулъ, а Блюхеръ въ то же время былъ возведенъ въ фельдмаршальское достоинство. Одинъ наносилъ болѣе вѣрные, а другой болѣе сильные удары. Контрастомъ съ этими высокими наградами служили примѣрные наказанія. Короля саксонскаго третировали «его братья», какъ папу третировалъ «узурпаторъ»: онъ былъ отвезенъ плѣнникомъ въ Берлинъ и его владѣнія севеестрованы. Союзники, пытаясь стереть самыя слѣды французской революціи, весьма естественно вспомнили о раздѣлѣ Польши, когда Станиславъ Понятовскій былъ сосланъ вмѣстѣ со своимъ трономъ въ Россію; эскер-король такъ же былъ сданъ въ инвалиды, а его тронъ въ кабинетъ рѣдкоостей.

Меттернихъ давно догадывался о замыслахъ Александра, а теперь онъ ихъ видѣлъ ясно: Александръ желалъ быть польскимъ королемъ. Саксонія вознаградила бы Пруссію за Познань и Варшаву, которыхъ ей въ такомъ случаѣ не вернули бы. Возстановленіе Польши подъ властью Александра приводило Австрію къ отказу отъ части Галиціи, уступленной въ 1809 г., а можетъ быть, и къ насильственному обмѣну остальной доли Галиціи. Какое же вознагражденіе могла она получить за это? Галиція была отличная, завоеванная провинція, слившаяся съ монархіей и доставлявшая хорошихъ рекрутъ. Но этотъ обмѣнъ казался пустякомъ въ сравненіи съ опасностью расширенія Россіи до предѣловъ Германіи и съ ея давленіемъ безо всякаго противовѣса на востокъ. Что за польза, если, стряхнувъ съ себя власть Наполеона, приходилось замѣнить ее господствомъ Александра, съ Пруссіей въ Дрезденѣ, въ сердцѣ Германіи, угрожающей Вѣнѣ и претендующей стать имперіей?

Нѣмецкое революціонное движеніе, ослѣпивъ сначала Меттерниха, напугало его. Онъ разсчитывалъ, что государи, воспользовавшись воодушевленіемъ, будутъ въ силахъ потушить революціонный пожаръ потомъ. Какъ и слѣдовало по традиціи, Германія, побѣдивъ Францію, ослѣла и рассыпалась отъ собственной тяжеловѣсности. Нѣмцы, на минуту соединившіеся противъ «наслѣдственнаго врага», уже тайно соперничали между собой изъ-за преимуществъ распоряжаться отечествомъ, которое было освобождено ихъ народомъ. Штейнъ¹⁾ прославлялъ идею великой

¹⁾ Пертцъ. Жизнь Штейна—Трейчке, т. I. кн. I. гл. 3. Онкель т. II, кн. IX.

монархіи съ выборнымъ сеймомъ, съ могущественнымъ императоромъ, при чемъ второстепенные государи становились провинціальными губернаторами. Гарденбергъ помышлялъ о раздѣлѣ главенства между Австріей и Пруссіей. Меттернихъ былъ противъ обѣихъ комбинацій: имперія не нужна. Австрія, считая нынѣ императорскую корону слишкомъ тяжелой для Габсбурговъ, не позволить Гогенцоллерну быть императоромъ. Еще менѣе она согласна на дуализмъ, подсказываемый пруссаками: это было бы непрестанное соперничество. Австріи нравился попросту Рейнскій союзъ подъ названіемъ Германскаго союза, гдѣ бы Пруссія получила достаточную долю вліянія, а Австрія ту самую гегемонію, которую присвоилъ себѣ Наполеонъ въ 1806 году. Союзные государи, съ обезпеченными владѣніями, счастливые тѣмъ, что выпутались изъ столькихъ бѣдъ и достигли своей традиціонной честолюбивой цѣли: округленія и автономіи, были бы признательны за это Австріи, гарантировавшей имъ эти блага. Они бы ей доставили кліентуру и небезкорыстную поддержку и противъ захватовъ Пруссіи, и противъ народныхъ революціонныхъ протестовъ. Въ этомъ и заключалась та значительность, которую приписывалъ Меттернихъ своему трактату съ Баваріей, — этому «замочному камню» (*piégre d'attente*) будущаго зданія, и трактатамъ, которые онъ проводилъ на тѣхъ же основаніяхъ съ другими нѣмцами ¹⁾.

Онъ встрѣтилъ со стороны многихъ русскихъ благопріятное настроеніе. Большинство состояло изъ вельможныхъ наслѣдниковъ надъ Пруссіей и прусскимъ королемъ и считало своевременнымъ осадить прусское хвостовство и обуздать ея жадность. Одинъ русскій дипломатъ писалъ: «Въ интересахъ Россіи, чтобы Германія сохранила достаточную неповоротливость, дабы она не прониклась завоевательнымъ честолюбіемъ и въ то же время сохранила достаточно внушительное положеніе для отраженія внѣшнихъ нападений» ²⁾. Довольно, если, разъединенная внутри, она будетъ объединяться только для внѣшнихъ дѣйствій противъ французовъ. Александръ ясно сознавалъ полезность такого объединенія, и въ настоящее время, когда Германія, на призывъ Кутузова и подстрекаемая Штейномъ, выставила уже всѣ силы, которыя изъ нея могли извлечь, у Александра явилась склонность топить остальные нѣмецкія мечтанія въ потокѣ

гл. VI. Мартенсъ, т. VII. Замѣтка о Теплицкомъ трактатѣ — Ранке, т. IV, кн. IV. Заключение.

¹⁾ Договоры: съ Вюртембергомъ 2-го ноября; съ Баденомъ 20 ноября; съ Гессенъ-Дармштатомъ 23 нояб.; съ Нассау, Саксенъ-Кобургомъ 23, 24 нояб. 1813 года. и т. д. См. выше, стр. 150.

²⁾ Мемуаръ Алонеуса въ окт. 1813 г. Мартенсъ т. III.

красивыхъ словъ и обѣщаній. Въдъ онъ держался трактата, гарантировавшаго суверенитетъ Баваріи ¹⁾.

Всего труднѣе было сдержать прусскую жадность на счетъ Саксоніи. Тутъ Меттернихъ такъ же мало могъ рассчитывать на Россію, какъ и въ польскомъ вопросѣ. Онъ искалъ поддержки въ Англіи, такъ же не желавшей господства Россіи надъ Европой. Дѣйствія Австріи въ Прагѣ разсѣяли довѣріе къ ней въ Англіи. Съ прибытіемъ новаго посла ко двору Франца, Меттернихъ постарался возстановить довѣріе и согласіе. Лордъ Эбердинъ, которому едва исполнилось 30 лѣтъ, былъ богатый, представительный вельможа, высокаго происхожденія. При совершенной неопытности въ дѣлахъ, онъ отличался спокойствіемъ и такой холодной осторожностью, что она приводила другихъ въ смущеніе. По первому впечатлѣнію, Меттернихъ назвалъ его: «Молодымъ неучемъ». Но онъ очень скоро перемѣнилъ свое мнѣніе; однако бесѣды ихъ были очень тягостны. Эбердинъ не говорилъ по нѣмецки, Меттернихъ говорилъ превосходно по французски, Эбердинъ не совсѣмъ хорошо понималъ и съ трудомъ говорилъ по французски. Меттернихъ понималъ по англійски, но говорилъ мало. И они были принуждены разговаривать на двухъ языкахъ: Эбердинъ говорилъ на своемъ, а Меттернихъ изъяснялся по французски. Онъ считалъ лорда прямодушнымъ и расположеннымъ къ Австріи, хотя и таившимъ въ глубинѣ души рыцарское удивленіе къ Наполеону и симпатію къ французской арміи, весьма рѣдкую у людей этой профессіи, особенно въ Англіи. Меттернихъ могъ воспользоваться его содѣйствіемъ противъ бѣшеной пылкости пруссаковъ и гордаго упорства Александра. Стадіонъ, который познакомился съ нимъ немного послѣ, на Шатильонскомъ конгрессѣ, приторно сожалѣлъ его «дипломатическую наивность»; но въ глазахъ Меттерниха это было безъ сомнѣнія цѣнное качество, которымъ онъ и не замедлилъ воспользоваться, какъ только подмѣтилъ его.

Меттернихъ приступалъ къ нему въ Прагѣ, Теплицѣ и на пути къ Рейну, который они совершили вмѣстѣ ²⁾, и нашелъ его въ желательномъ настроеніи. Нужно ослабить могущество Франціи, но незачѣмъ отказываться отъ переговоровъ. Слѣдуетъ завязать переговоры, хотя бы для возбужденія ненависти къ Наполеону за продолженіе войны. Въ сущности цѣль этой войны — хорошій миръ.

Какъ только Мервельдтъ донесъ о разговорѣ съ Наполеономъ 17-го октября, Меттернихъ сообразилъ, что изъ переговоровъ можно сдѣлать приманку. И если такимъ путемъ можно прийти къ главной цѣли, то

¹⁾ 16 ноябр. 1813 года. Мартенсъ.

²⁾ Мартенсъ, т. IX, замѣтка къ ногъ Нессельроде 5 февр. 1814 г.

было бы ошибкой не воспользоваться переговорами, ради пустого удовольствия низвергнуть Наполеона и изменить французское правление. Английское правительство съ 1804 г., особенно съ трактата въ апрѣлѣ 1805 г., не изменило мнѣнія на этотъ счетъ ¹⁾. Только низверженіе Наполеона гарантировало единственно пріятный англичанамъ миръ—въ старыхъ границахъ. Но они не могли открыто ставить цѣлью войны низверженіе Наполеона и особенно реставрацію монархіи. Парламентъ, хотя и озлобленный противъ Наполеона, не допускалъ войны ради вмешательства во внутреннія дѣла Франціи, разъ существенная цѣль (т. е. включеніе въ старыя границы) достигнута, а потому маневрировать противъ имперіи и императора слѣдуетъ скрытно, и министры этимъ широко воспользовались; но они не могли открыто отказаться отъ переговоровъ, которые нужны по меньшей мѣрѣ для формы. А между тѣмъ ни Меттернихъ, ни его государь не думали тогда о низложеніи Наполеона. Вотъ тутъ-то у Франца интересы государства впоанѣ согласовались съ влеченіемъ сердца. Бурбоны въ траурѣ по Маріи Антуанеттѣ ни мало не трогали отца Маріи Луизы. Наполеонъ, побѣжденный, униженный, загнанный въ старыя границы, укрошенный, прижатый, вѣроятно, къ какой нибудь конституціи, которая обуздаетъ его силу, Наполеонъ «мужъ и зять» и, на этотъ случай, истинный наслѣдникъ и племянникъ Людовика XVI—вотъ что годилось австрійскому дому ²⁾. Прибавимъ къ этому, что изъ всѣхъ комбинацій всего менѣе годилась комбинація съ русскимъ намѣстникомъ или генералъ-лейтенантомъ Бернадоттомъ. Если Франціи нуженъ опекунъ, то вѣдь Австрія—бабушка и теща—была налицо. Наполеонъ уязвимъ и конечно смертенъ, война полна случайностями; регентство подъ высшимъ руководствомъ Меттерниха принесетъ съ собою всѣ выгоды: правовыя, «принципальныя» и политическія: слѣдовательно, ведя мирные переговоры съ Наполеономъ, нужно тѣснить его войной для вынужденія послѣднихъ уступокъ: заключенія мира по волѣ союзниковъ и отреченія въ пользу сына; вотъ что поставитъ предѣлъ видамъ Александра и остановитъ его триумфальное шествіе въ Парижъ. Французы, обязанные миромъ Маріи Луизѣ и Наполеону II, надлежащее пользованіе регентствомъ, удобный моментъ, и вотъ Австрія осуществила гегемонію надъ Европой—цѣль честолюбія Александра. Главный пунктъ этой комбинаціи состоялъ въ томъ, чтобы пріобщить къ ней французовъ и, возбуждивъ тамъ общественное мнѣніе, силою его принудить Наполеона покориться.

¹⁾ См. Европа и Революція, т. VI, стр. 304, 344—345.

²⁾ Евр. и Рев. т. II, стр. 189, 235.

Меттернихъ давно уже зналъ парижскихъ «друзей Австріи» ¹⁾ и пристально за ними слѣдилъ, поддерживая ихъ расположеніе къ миру. На Таллейрана онъ рассчитывалъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Онъ льстилъ себя надеждой пріобрѣсти въ немъ необходимаго сотрудника для устроенія регентства и для передачи его затѣмъ австрійцамъ. Онъ познакомился съ мыслями Таллейрана о мирѣ, и онѣ оказались такими, какимъ онъ самъ желалъ успѣха. Но труднѣе было расположить къ себѣ французовъ. Добиться этого ему удалось, искусно и постепенно поддерживая надежды французовъ.

«Зная въ совершенствѣ настроеніе французскаго общества, рассказывалъ онъ, я былъ убѣжденъ, что не слѣдуетъ его раздражать, а чтобы оно скорѣе схватило приманку, необходимо льстить національному самолюбію и говорить въ прокламаціяхъ о Рейнѣ, Альпахъ и Пиренеяхъ какъ объ естественныхъ границахъ Франціи... Съ цѣлью еще болѣе изолировать Наполеона и въ то же время вліять на армію, я предложилъ сверхъ этого *связать идею объ естественныхъ границахъ съ предложеніемъ вступить немедленно въ переговоры*» ²⁾. Сверхъ того и одновременно съ тѣмъ Меттернихъ предложилъ «перенести войну на ту сторону Рейна въ сердце Франціи». Какое дѣйствіе на націю окажетъ нашествіе, будетъ видно и использовано въ видѣ залога, а оставаясь господами положенія, въ случаѣ конгресса можно придавать предложеніямъ, смотря по случайностямъ войны, болѣе или менѣе обширные размѣры, ибо двигаясь будутъ вести переговоры; во всякомъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ соглашаться на перемиріе. Если Наполеонъ приметъ основныя статьи, которыя ему предложить, и если война приметъ выгодный оборотъ для союзниковъ, они могутъ по своей волѣ отодвигать французскіе предѣлы посредствомъ болѣе или менѣе двусмысленныхъ переговоровъ о границахъ на Рейнѣ, у Альпъ и въ Пиринеяхъ. А *основныя статьи* будутъ изменяться вмѣстѣ съ *мѣстомъ* веденія переговоровъ и даже съ перемѣною договаривающихся лицъ. Если Наполеонъ, понявъ обманъ,—а это очень вѣроятно—откажется, то упадетъ въ общественномъ мнѣніи. Его отказъ будетъ возвыщенъ общественному мнѣнію, и оно ему этого не проститъ. Это—пріемъ классическій: союзники испытали уже его на опытъ ³⁾. Онъ удался когда-то съ Людовикомъ XIV и несомнѣнно будетъ имѣть успѣхъ съ Наполеономъ, потому что онъ обладаетъ лишь личнымъ престижемъ безъ династическихъ традицій ⁴⁾.

¹⁾ Евр. и Рев., т. VII, кн. I, гл. IV, § 3; гл. V, § 1, 2 и 3; кн. II, гл. II, § 1.

²⁾ Мемуары, т. I, стр. 172, 262.

³⁾ Евр. и Рев. т. VI, стр. 419.

⁴⁾ Необходимо вернуться еще разъ къ переговорамъ 1709 г. по случаю ихъ Сорель, т. VIII.

Императоръ Францъ одобрилъ этотъ планъ, «оставлявшій самое широкое мѣсто обстоятельствамъ». Трудно было привлечь къ нему Александра. Меттернихъ его завѣрялъ, что отнюдь не сдѣлаетъ формальнаго предложенія, что онъ предъявитъ *основныя статьи не официально*, а подь видомъ офиціознаго указанія *на случай предварительныхъ переговоровъ*; что сопутствующая переговорамъ война позволитъ возвысить требованія. Александръ возражаетъ въ томъ же смыслѣ, какъ недавно противъ *четырёхъ пунктовъ*. А что, если «Наполеонъ, ввѣрившись будущимъ случайностямъ, приметъ быстрое и энергичное рѣшеніе и согласится на это предложеніе для того, чтобы разомъ покончить съ дѣломъ?» Меттернихъ отвѣтилъ — и таково было его убѣжденіе — что «никогда Наполеонъ добровольно не подчинится такимъ условіямъ».

Впрочемъ Александръ зналъ, что все это ни къ чему не обязываетъ, такъ какъ безъ согласія Англіи нельзя вести переговоровъ и заключать окончательный миръ. Это было въ сущности возвращеніемъ къ смыслу и постепенности осуществленія апрѣльскаго трактата 1805 г. — этого *vide mesum* царя. Онъ сдался, но не безъ условій, главное изъ которыхъ было: несомнѣнность несогласія Наполеона. «Не желая подымать несвоевременный вопросъ о низложеніи Наполеона — вопросъ весьма щекотливый и не безразличный для личныхъ мнѣній самаго искренняго своего союзника», императора Франца — и опасаясь, какъ бы австрійцы, а пожалуй и пруссаки не отказались отъ наступленія, если Александръ будетъ противъ переговоровъ, а потому, «скрывая въ сердцѣ своемъ тайну этого мира» и подчиняя всѣ сдѣлки съ союзниками своей реальной цѣли, состоящей въ томъ, чтобы увлечь ихъ за собой на лѣвый берегъ Рейна, Александръ предусмотрѣлъ, что «по мѣрѣ того, какъ событія будутъ складываться въ пользу коалиціи, союзники стануть охотно повышать свои требованія, что затѣмъ, чѣмъ обременительнѣе для тюрингскаго двора будутъ предложенія, тѣмъ менѣе онъ станеть

сходства съ переговорами Меттерниха, они ярко освѣщаютъ отраженнымъ свѣтомъ. Герцогъ Мэнъ писалъ 3 іюня 1709 г. m-me Ментенонъ... «Подь прикрытіемъ мирныхъ переговоровъ, они думаютъ только о нанесеніи смертельнаго удара, который они давно задумали»... «Государю нужно снова привлечь къ себѣ сердце французовъ. Это сердце и народную любовь... онъ владѣлъ сердцами, пока народъ его зналъ, и онъ былъ величайшимъ королемъ въ мірѣ, и только личная его воля ставила предѣлы его завоеваніямъ... Но вотъ, тотъ же народъ повѣрилъ, что его приносятъ въ жертву безмѣрной жаднѣ короля къ расширенію границъ... Они (французы) очевидно повѣрили рѣчамъ нашимъ враговъ, обнаруженнымъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ненавистнымъ для народовъ нашего обожаемаго монарха, будто онъ стремится къ всесвѣтной монархіи...» Де Вуалль, Сень-Симонъ, т. ХУІІ. Приложение X.

подаваясь совѣтамъ благоразумія, наконецъ, что только жребій войны можетъ рѣшить паденіе Наполеона»¹⁾. Сверхъ того, увѣренный, что руки его не связаны, и что онъ не свернетъ съ намѣченнаго пути, онъ разрѣшилъ Меттерниху свободу дѣйствія.

Подь рукой этого министра случился человекъ, который долженъ былъ исполнить роль «вѣстника» въ подготовленной имъ траги-комедіи съ высокой интригой. Это былъ баронъ де Сентъ-Эньянь, французскій посолъ въ Веймарѣ, шурина Коленкура, находившійся, какъ полагали, вмѣстѣ съ Коленкуромъ подь вліяніемъ Таллейрана, свѣтскій человекъ и дипломатъ по роду занятій, человекъ съ достаточной дозой положительности и самодовольства, чтобы быть одураченнымъ одними и дурачить, но не по своей волѣ, другихъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Веймарѣ 24 октября и находился въ свитѣ при союзной канцеляріи. Меттернихъ, знавшій его, обратился къ нему 26 октября съ неопредѣленными и общими замѣчаніями о мирѣ и жаловался на то, что Наполеонъ не хочетъ его понять и слѣдовать его совѣтамъ²⁾. «Императоръ, говорилъ онъ, уже два года находится въ заблужденіи. Онъ думалъ заключить миръ въ Москвѣ, потому воображилъ, что заключить миръ въ Дрезденѣ, и что мы не въ силахъ воевать съ нимъ. Но кто же можетъ предвидѣть послѣдствія нынѣшней кампаніи? Мы искренно желали мира, мы и теперь его желаемъ и добьемся его; слѣдуетъ только приступить къ дѣлу чистосердечно и безъ уловокъ... Герцогъ Виченцкій знаетъ, что у насъ съ нимъ есть секретный документъ, дающій возможность заключить миръ въ теченіе 60 часовъ³⁾. Императоръ Наполеонъ почти принялъ его кромѣ двухъ статей: пришлось объявить ему войну... Въ теченіе девятичасоваго разговора съ нимъ я ему заявилъ пять разъ о грозящей войнѣ, но не въ силахъ былъ его убѣдить». Меттернихъ выражалъ опасеніе, что въ характерѣ самого Наполеона лежитъ препятствіе къ миру; а если такъ, то война предстоить гибельная... Одна Германія добровольно, по собственному побужденію выставитъ на границы еще 300 тысячъ... «Нѣмцы народъ кроткій, честный, неспособный къ насилію; народъ этотъ возсталъ потому, что Наполеонъ оскорбилъ его, не сдѣлавъ для него ничего, а государей

¹⁾ Россія т. XXXI: Декларация союзныхъ кабинетовъ, событія, сопутствовавшія вступленію союзниковъ въ Парижъ. — Мартенсъ, т. IV, стр. 150.

²⁾ Донесеніе С.-Эньяна 10 ноября 1813 г. — Сравни съ сокращеннымъ текстомъ, напечатаннымъ въ Монитерѣ, запрещенномъ 20 янв. 1814 г., и снова напечатаннымъ у Ангелберга, полный текстъ у Бишьона, т. XIII, стр. 23. — См. Тьеръ, т. ХУІІ, стр. 163. — Д'Осонвиль, *Mélanges*: шатильонскій конгрессъ.

³⁾ Объ этомъ секретѣ см. выше, стр. 137—138. О мысляхъ Наполеона, стр. 153—155, 139—141.

довелъ до отчаянія...» Онъ прибавилъ, что «Англія умѣреннѣе, чѣмъ думаютъ...» Но онъ постарался внушить С. Эньяну мысль о независимости Голландіи. Однако, остерегся довѣрить ему тайну заключенія мирнаго договора въ теченіе 60 часовъ: предложенія, сдѣланныя тогда Коленкуру, очень удалялись отъ теперешнихъ, которыя съ этого времени Меттернихъ собирался предложить. Достаточно того, что фраза была брошена и разгласилась. Говорить о такой тайнѣ значитъ поощрять каждаго искать разгадку, и каждый ее разгадываетъ по своему, распространяетъ на свой ладъ, и мистерія сообщаетъ ей силу достовѣрности. Словомъ, этой легендой онъ подготовилъ С.-Эньяна къ своей стратегіи. Вся беседа была рассчитана на сообщеніе по тайности и на нескромности и имѣла своей цѣлью обмануть раекъ, поддерживать заблужденія обманутыхъ, какъ Коленкуру, и доставить аргументы такимъ искусникамъ, какъ Галлейранъ.

Считая С.-Эньяна хорошо подготовленнымъ, Меттернихъ 29-го вечеромъ писалъ Шварценбергу: «Я уладилъ это дѣло съ императоромъ Александромъ, и мы посѣдимъ сировадить С.-Эньяна къ императору Наполеону съ отвѣтомъ на предложенія, сдѣланныя имъ Мервеальду». Но онъ все-таки отложилъ отправленіе до установленія нѣкоторыхъ пунктовъ. Съ этимъ было покончено 29-го вечеромъ въ Мейнингенѣ, черезъ который проѣзжалъ августѣйшій кортежъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отсутствовалъ. Гарденбергъ, познакомившись съ проектомъ, не одобрилъ его. Съ лордомъ Эбердиномъ Меттернихъ притворно вѣрилъ въ согласіе Наполеона на мирныя условія. Склонный лично шадить Францію Эбердинъ былъ бы этимъ подкупленъ. Но онъ не упустилъ предупредить свое правительство, безъ согласія котораго нельзя было постановить ничего, даже предварительныхъ основныхъ условій.

Во всякомъ случаѣ, съ самаго начала было твердо установлено, а впоследствии англійскіе послы не разъ констатировали, что предложенія Меттерниха, его случайныя предложенія французамъ, его прокламаціи и вообще вся эта процедура имѣли только офиціозный характеръ, такъ что англичане могли бы въ случаѣ надобности «отвергнуть такіе документы... какъ официально имъ не извѣстные»... ¹⁾ Меттерниху поручили составить прокламацію, проникнутую духомъ всей этой махинаціи—двумысленностью.

¹⁾ См. ниже 169, гл. IV, §§ 1 и 7 въ концѣ.

III.

Союзники рѣшили сдѣлать остановку во Франкфуртѣ. Меттернихъ прибылъ туда 4 ноября въ качествѣ перваго министра коалиціи ¹⁾. Городъ переполнился дипломатами, генералами, просителями, интриганами. Тамъ собралась вся главная квартира, весь походный конгрессъ: Гарденбергъ, Гумбольдтъ, Кнезебекъ, со стороны Пруссіи; немного послѣ Штейнъ, назначенный администраторомъ завоеванныхъ провинцій ²⁾; Стадіонъ ad latus Меттерниха; Нессельроде, принимавшій все большее значеніе въ русскихъ дѣлахъ, Поццо, Анштеттъ; лорды Каткартъ и Эбердинъ, сэръ Чарльзъ Стьюартъ, наконецъ—два императора. Недоставало одного короля прусскаго. Старый городъ празднично убрался, вытанивъ съ чердаковъ нѣмецкіе флаги и илошки, горѣвшія послѣдній разъ на знаменитыхъ празднествахъ коронаціи Франца въ 1792 г. ³⁾. Попытка расчленивъ и ослабить Францію, задуманная на тогдашнихъ банкетахъ и балахъ, такъ жестоко разстроена революціей, повторилась черезъ 21 годъ, и на этотъ разъ, повидимому, одна только умѣренность и великодушіе союзниковъ могли остановить ея осуществленіе. Все жаждало войны. 7 ноября произошло совѣщаніе между австрійцами Шварценбергомъ, Радецкимъ и пруссакомъ Гнейзенау. Начальники главныхъ штабовъ излагали свои планы ⁴⁾. Радецкій предлагалъ дать войскамъ поправиться и сформироваться во Франкфуртѣ, не начиная враждебныхъ дѣйствій раньше 20 ноября. Гнейзенау былъ за немедленную переправу главной арміи Шварценберга на ту сторону Рейна между Майнцемъ и Страсбургомъ, при чемъ Блюхеръ долженъ завладѣть Бельгіей и освободить Голландію. Но дѣло отложили.

Меттернихъ воспользовался этой отсрочкой, чтобъ наладить свои переговоры—и онъ это исполнилъ въ высоко-комичной сценѣ, гдѣ онъ игралъ въ высокомъ стилѣ роль придворнаго и государственнаго Скапена.

С. Эньяна довели въ каретѣ до Франкфурта. 8 ноября Меттернихъ пригласилъ его къ себѣ и повелъ свои рѣчи съ большей ясностью, чѣмъ прежде. «У династіи Наполеона нѣтъ недоброжелателей. Съ нимъ готовы столкнуться. Понятно, что необходимо поставить границы могуществу Англій и Франціи, о чемъ придется договориться... Впрочемъ Англія имѣетъ гораздо меньше притязаній, чѣмъ думаютъ. Она готова возвратитъ Голландіи независимой то, чего не возвратитъ, пока Голландія остается

¹⁾ Онъ самъ себя называлъ «министромъ коалиціи». Письмо къ Коленкуру 15 февр. 1814 г.—Файнъ, Манускриптъ 1814 г., стр. 313—Фурнье, Шатильонъ.

²⁾ Конвенція 21 окт. 1813 г. Мартенсъ, т. IX, стр. 138.

³⁾ См. т. II, стр. 403, 409.

⁴⁾ Онкенъ, т. II, стр. 715—718.—Фурнье, стр. 15 16.

французской провинціей»... Говоря снисходительно, въ этихъ словахъ заключался поводъ для двухъ недоразумѣній. Фразу: «У династіи Наполеона нѣтъ недоброжелателей» можно истолковать въ томъ смыслѣ, что, если императору Александру угодно будетъ лишить Наполеона трона, и если онъ проектируетъ замѣстить его Бернадоттомъ, то это вполне обдуманное намѣреніе Александра еще не занесено въ протоколъ. Словамъ: «нѣтъ недоброжелателей» Меттернихъ могъ бы придать значеніе отсутствія лица, подписавшаго протоколъ, лица официального, юридическаго. Что же касается Голландіи, то дѣло шло не столько о возвращеніи ей острововъ и колоній, а о расширеніи ея границъ на счетъ цѣлой Бельгіи, или на счетъ ея части по Шельду, можетъ быть, но съ Антверпеномъ во всякомъ случаѣ ¹⁾).

На слѣдующій день у Меттерниха возобновилось обсужденіе плана кампаніи въ присутствіи Гарденберга, но опредѣленнаго результата не получилось за исключеніемъ того, что рѣшили вести наступательныя дѣйствія по мѣрѣ возможности. Въ этотъ самый день, 9-го ноября, въ 9 часовъ вечера, Меттернихъ опять позвалъ къ себѣ С. Эньяна. Меттернихъ былъ одинъ; онъ, по его словамъ, только что вернулся отъ императора Александра, съ согласія котораго онъ и сообщитъ «нѣсколько словъ, которыя С. Эньянъ и долженъ передать императору». При этихъ словахъ вошелъ Нессельроде и сказалъ, что «Гарденберга можно считать присутствующимъ и одобряющимъ все, что будетъ сказано»—заявленіе, какъ будетъ видно, совсѣмъ несогласное съ истиной. Затѣмъ Меттернихъ приступилъ къ изясненію своихъ намековъ, но никакой ноты С. Эньяну не передавалъ. С. Эньянъ попросилъ позволенія записать слова Меттерниха и для этого удалился въ смежную комнату. *Записка*, которую онъ составилъ, заключала въ себѣ «ненарушимыя границы» союзныхъ государствъ, присоединеніе Англіи къ коалиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, утверждалась бесполезность «всякихъ мечтаній о перемиріи или о переговорахъ, главнымъ принципомъ которыхъ не будетъ общій миръ». Затѣмъ «*объ единодушномъ согласіи государей коалиціи, что Франція для своего могущества и господства должна сохранить свою цѣлость и ограничиваться своими естественными предѣлами: Рейномъ, Альпами и Пиренеями*». Независимость Германіи—условіе sine qua non, а также независимость Голландіи и Италіи; границу Австріи по сю сторону предстоитъ еще установить; и наконецъ, возвращеніе Бурбоновъ въ Испанію. Далѣе говорилось, что «Англія готова принести

¹⁾ См. выше, стр. 8, 77—78, т. V, стр. 338—339, т. VI, стр. 342—343. Гарденбергъ Мюнстеру 12 октября 1813 г.

самыя большія жертвы для заключенія прочнаго мира на этихъ основаніяхъ и на признаніи свободы торговли и навигаціи, чего и Франція имѣетъ право домогаться». Конгрессъ можетъ быть созванъ немедленно, «однако, съ тѣмъ, чтобы не останавливалось теченіе военныхъ операцій».

Меттернихъ, найдя С. Эньяна въ комнатѣ, гдѣ онъ писалъ, спросилъ его: «Не желаетъ ли онъ встрѣтиться съ англійскимъ посломъ, который только что явился?» С. Эньянъ противъ этого ничего не имѣлъ, совсѣмъ напротивъ. Онъ вернулся въ салонъ; раскланялись, и Меттернихъ, знакомя ихъ, прибавилъ: «Лордъ Эбердинъ, англійскій посолъ; у насъ съ нимъ одни желанія, и потому мы можемъ при немъ продолжать наше объясненіе». С. Эньянъ прочиталъ свою записку. Эбердинъ съ трудомъ слѣдилъ за текстомъ; да и едва ли понималъ все его отгѣнки. Но все же, когда прочли фразу о «самыхъ большихъ жертвахъ Англіи», онъ сказалъ, что: «Англія богата, она готова отдавать полными горстями», но съ той оговоркой, что «она никогда не согласится на умаленіе своего морского права», и прибавилъ, что очень хотѣлъ бы познакомиться съ Франціей и Парижемъ; говорилъ объ уваженіи англійской націи къ французской.

Для довершенія ловушки союзники не упустили случая указать, по крайней мѣрѣ, общественному мнѣнію во Франціи, на человѣка, казавшагося имъ наиболее способнымъ согласоваться съ ихъ видами. Его именно и Таллейранъ съ друзьями не преминули бы выдвинуть, а С. Эньянъ разславить повсюду довѣріе державъ къ нему. Уже 26-го октября Меттернихъ засвидѣтельствовалъ ему объ «уваженіи императора Австрійскаго къ герцогу Виченцкому». И теперь возобновилъ это увѣреніе. «Мнѣ поручено сообщить герцогу Виченцкому, что къ нему сохраняютъ тѣ чувства уваженія, которыя всегда внушала его благородный характеръ, и что, будь это возможно, ему охотно вручили бы интересы Австріи и всего міра для защиты ихъ на основахъ справедливости, преданностью которымъ онъ извѣстенъ». Шварценбергъ, который подошелъ той порой, присоединился къ этимъ словамъ. Нессельроде, который уходилъ и опять въ ту минуту вошелъ, добавилъ комплиментъ отъ себя о томъ, что «императоръ Александръ никогда не измѣнитъ своего мнѣнія объ его лояльности и его личности, и что дѣла уладятся бы быстро, если бъ ему поручили переговоры».

На этомъ разстались. Увѣренный въ томъ, что для обольщенія парижанъ достаточно произнести слова: *естественныя границы*, и что эти слова будутъ приняты буквально; убѣжденный, что они не потребуютъ другихъ разъясненій и будутъ считать ихъ за *основу окончательнаго мира*, Меттернихъ позаботился для прикрытія своего отступленія, на случай неправдоподобный, т. е., если Наполеонъ поймастъ его на словѣ,

исключить из своего сообщения все слѣды официальности и не давать ему характера общаго соглашенія. Онъ писалъ Коленкуру 10 ноября ¹⁾: «Когда возвращался во Францію вашъ шурина, я не могъ не послать съ нимъ словечко для вашего сіятельства. Императоръ поручилъ мнѣ *побесѣдовать* съ С. Эньяномъ. Онъ дастъ отчетъ его величеству о моихъ словахъ и словахъ Нессельроде; случай привелъ къ намъ въ ту минуту, когда мы сошлись, англійскаго посла. Я безъ колебаній привлекъ его къ нашему разговору. С. Эньянь въ совершенствѣ исполнилъ свою задачу, точно передавъ наши слова. Мы всячески старались оградить его отъ возможныхъ замѣчаній или возраженій». Это письмо давало дѣлу такой видъ: разговоръ по приказанію одного лишь австрійскаго императора между прохожимъ, или случайнымъ человѣкомъ С. Эньяномъ и двумя изъ пословъ коалиціи Меттернихомъ и Нессельроде, присоединившимся неизвѣстно въ качествѣ визитера или уполномоченнаго для переговоровъ; *случайное* появленіе лорда Эбердина; тутъ не было ничего официальнаго, а бесѣда не давала матеріальнаго повода ни къ донесенію, ни къ отвѣтственности для участниковъ, потому что Меттернихъ не могъ дѣлать предложенія ни отъ Австріи въ отдѣльности, ни отъ лица союзниковъ безъ ихъ формальнаго согласія. Да и не такимъ порядкомъ *предлагаются* мирныя условія, да и *основныя статьи* договора ставятся не такъ, если они принимаются посредствомъ «да», или «нѣтъ». Самъ С. Эньянь, передавая свой рапортъ Марэ, пишетъ: «Я заявилъ г-ну Меттерниху, что эту записку я составляю для себя лично и не представляю императору... въ этомъ документѣ нѣтъ ничего официальнаго. Его выраженія не ясны. Я не имѣлъ основанія требовать разъясненій». Меттернихъ пожелалъ снять съ него копію, С. Эньянь не считалъ себя въ правѣ отказать: «Это придало бы ему ту значительность, которой онъ не долженъ былъ имѣть» ²⁾.

Эта записка въ самомъ дѣлѣ была особенно двусмысленна въ самомъ существенномъ пунктѣ, относительно границъ. Когда С. Эньянь записывалъ собственныя слова Меттерниха объ «естественныхъ границахъ на Рейнѣ, у Альпъ и Пиренеевъ», онъ понималъ эти слова въ такомъ же смыслѣ, какъ должны были понять все французы, просто въ смыслѣ границъ по Люневильскому миру. Мы видѣли и скоро увидимъ еще лучше, что союзники истолковывали эти слова совсѣмъ иначе. Для нихъ и Меттерниха слова *естественныя границы* и *границы по Рейну* допускали самое разнообразное толкованіе ³⁾. А эту иллюзію выгодно

¹⁾ Къ Марэ 15 ноября 1813 г.

²⁾ Краткое обозрѣніе соглашеній, стр. 298—299, 341, 353—357.—Мартенсъ, т. III, стр. 150—153, т. VII, стр. 63. См. выше, стр. 8, 55, 77, 110, 169, и ниже гл. IV, §§ 1, 2 и 6: признанія Меттерниха, гл. IV, § 1.

было распространить по Франціи. Искусство же примѣненія новой серіи «нюансовъ», какъ и во времена дрезденскихъ переговоровъ, состояло въ томъ, чтобы говорить не ясно. Наполеонъ это пойметъ и отвѣтитъ *нѣтъ*. Общественное мнѣніе не пойметъ и осудитъ Наполеона.

Меттернихъ тотчасъ же написалъ Гуделисту: «Я не вѣрю, чтобы Наполеонъ далъ дѣлу движеніе. Но мы обязаны во всякомъ случаѣ сдѣлать шагъ, чтобы выяснить положеніе, а въ то же время запастись для себя оружіемъ въ самомъ сердцѣ націи». Гарденбергъ оставался дома. Когда вечеромъ узналъ содержаніе бесѣды, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Мирныя предложенія черезъ С. Эньяна безъ моего участія: Рейнъ, Альпы, Пиреней, безсмыслица, Tolles Zeug». Сэръ Чарльзъ Стюартъ, когда его познакомили съ документомъ, казался испуганнымъ и не успокоился, пока Гарденбергъ не завѣрилъ его: что «бумага, редактированная С. Эньяномъ, неофициальна и не имѣетъ силы подлиннаго документа» ¹⁾. Эбердинъ, получившій ни инструкцій, ни полномочія, одумавшись, очень смутился и написалъ донесеніе своему министру Кэстльри, а двѣ недѣли спустя сообщилъ Меттерниху свои положительныя оговорки въ формѣ ноты ²⁾: «Нижеподписавшійся, посѣтивъ князя Меттерниха, увидѣлъ тамъ бумагу по поводу конфиденціальной бесѣды, составленную г-номъ С. Эньяномъ въ формѣ не официальнаго черноваго наброска. По прочтеніи этой бумаги, нижеподписавшійся, въ присутствіи его свѣтлости князя Меттерниха и графа Нессельроде, между которыми велась эта бесѣда, протестовалъ противъ оборотовъ рѣчи того параграфа, гдѣ упоминалось про Англійю. Рѣчь, которую держалъ по этому случаю нижеподписавшійся, выражала искренній голосъ Англійи о мирѣ на справедливыхъ условіяхъ, гарантирующихъ независимость и спокойствіе континента и дѣйствительное благополучіе самой Франціи. Эти замѣчанія на содержаніе бумаги, составленной г-номъ С. Эньяномъ, относятся къ тому мѣсту, гдѣ дѣло идетъ объ Англійи, и онъ не прибавляетъ къ своему замѣчанію ничего болѣе потому, что смотритъ на нее какъ на частное и неофициальное сообщеніе, въ составленіи котораго онъ не участвовалъ».

Съ этими комментаріями да съ точными предварительными оговорками Александра слѣдуетъ толковать термины въ документѣ С. Эньяна объ «единодушномъ согласіи государей коалиціи». Впрочемъ, желанія англичанъ очень ясно проявились. Въ одномъ мемуарѣ въ бумагахъ Кэстльри ³⁾ можно прочесть о томъ, что Франція, оставленная въ своихъ прежнихъ

¹⁾ Фурнье, Шатильонъ, стр. 34, примѣчаніе; стр. 248: письмо къ Гуделисту 9 нояб. и стр. 359, Гарденбергъ.

²⁾ Эбердинъ Меттерниху 27 нояб. 1813 г.

³⁾ I, стр. 80. Мемуаръ этотъ очень правдоподобно нѣмецкаго происхожденія.

границахъ, быстро возстановить свои силы для нападенія на Германію. Поэтому надлежитъ ее сдержать. И при сходствѣ настоящаго положенія съ положеніемъ дѣлъ въ 1713 году, тогдашняя идея *барьера* вновь возникаетъ: «промежуточное государство между Франціей и нижнимъ Рейномъ», составленное изъ Бельгіи и территорій между Маасомъ, Мозелемъ и Рейномъ, присоединенныхъ къ Голландіи. Это—идея, связанная съ королевствомъ Вельфовъ, съ маркой (окраинной) Германіи и временнымъ мѣстомъ пребыванія Англии на континентѣ. Англійское министерство склонилось къ ней. Кэстльри писалъ Эбердину 13 ноября, т. е. наканунѣ дня, когда С. Энъянъ докладывалъ Наполеону о фальшивомъ предложеніи коалиціей «естественныхъ границъ» и объ *единодушій* союзниковъ со включеніемъ Англии: «Лордъ Эбердинъ не удивится, узнавъ, что англійская нація, послѣ такихъ поразительныхъ успѣховъ, отнесется съ недовѣріемъ къ миру, не включившему Францію прочно въ старыя границы; даже въ этихъ условіяхъ миръ съ Наполеономъ отнюдь не будетъ популярнымъ, потому что нельзя дать никакой вѣры его желанію сохранить миръ. Кабинетъ намѣренъ воспользоваться всею своимъ вліяніемъ, чтобы помѣшать союзникамъ совершить на скорую руку сдѣлку, не представляющую солидныхъ гарантій. Примите во вниманіе, что самые существенные интересы Британіи болѣе всего требуютъ уступки Франціей Антверпена»¹⁾.

Министерство, всегда озабоченное тѣмъ, что континентальные союзники получаютъ себѣ субсидіи и приостанавливаютъ военныя дѣйствія, какъ только достигнутъ своихъ частныхъ выгодъ, поручило лорду Каткарту предложить европейскимъ державамъ «общій союзный трактатъ» противъ Франціи²⁾. Александръ встрѣтилъ его холодно; такой трактатъ его слишкомъ связывалъ и предписывалъ капитуляцію его диктатурѣ. Сверхъ того, той же цѣли можно достигнуть отдѣльными трактатами. Что и осуществилось бы, если бъ, согласившись на жертвы, Англія возвратила Франціи колоніи въ вознагражденіе уступокъ, требуемыхъ у Франціи на континентѣ. Поццо ди Борго получилъ миссію развить эти взгляды въ Лондонѣ³⁾.

¹⁾ Корресп. т. I, стр. 73. Ср. тамъ же, стр. 89, письмо 7 дек. по поводу *замѣтки* С.-Энъяна: «Я не могу скрыть отъ васъ безпокойства правительства, вызваннаго черновой С.-Энъяна. Вполнѣ несомнѣнно, что опубликованіе неприятели подобнаго документа безъ контръ-документа съ нашей стороны вызоветъ тягостное чувство въ нашей странѣ». См. далѣе, Шатильонскій конгрессъ гл. IV, §§ 1. 3 и 8.

²⁾ Мартенсъ, т. XI, примѣчаніе къ нотѣ Нессельроде 5 февр. 1814 г.

³⁾ Нессельроде Ливену 20 нояб. Инструкція Поццо 16 дек. 1813 г.

19-го ноября во Франкфуртѣ было новое засѣданіе военнаго совѣта, и составленъ такой планъ: занять Голландію и Швейцарію, два бастиона, отнынѣ обращенные противъ Франціи; движеніе главной арміи Шварценберга на Лангръ, сопровождаемое операціями Блюхера на лѣвомъ берегу Рейна. Относительно военной оккупации Швейцаріи возникла размолвка между Австріей, пошедшей въ своемъ требованіи на проломъ, и Александромъ, который вдругъ сталъ защитникомъ нейтральности Швейцаріи, и это несогласіе въ связи съ несправнымъ состояніемъ арміи Блюхера замедлило переправу черезъ Рейнъ. Къ этому надо еще прибавить робость и нерѣшительность прусскаго короля, прибывшаго 13 ноября. «Онъ хотѣлъ бы сидѣть сложа руки во Франкфуртѣ», писалъ Гарзенбергъ, а король извѣщалъ его нѣсколько позже: «Это проектируемое несчастное нашествіе на Францію приводитъ меня въ дрожь; мы рискуемъ все испортить и потеряемъ лучшіе плоды нашихъ усилій»¹⁾. Меттерниху же напротивъ казалось, что все идетъ хорошо: «Наше дѣло подвигается твердымъ и увѣреннымъ шагомъ», извѣщалъ онъ Гуделиста 18 ноября. Все было рассчитано: планы политическіе и планы военныя Шварценберга взяли верхъ. Движеніе продолжалось, но не углублялись на удачу во Францію, а соображаясь съ переговорами, которые вели съ самимъ Наполеономъ объ условіяхъ мира, расширяя ихъ все болѣе смотря по военнымъ успѣхамъ.

IV.

Англичане занимали Байонну. Голландія была блокирована. Бельгія возстала, главная армія союзниковъ на Рейнѣ, все передовые форты и крѣпости пали, а если держались, какъ Гамбургъ, то были бесполезны, какъ островки во время разлива, какъ суда разсѣянной крушеніемъ эскадры, посаженные на мель. Франція была блокирована и подъ грозою нашествія. Въ Парижѣ интриги, заговоры, приготовленія къ завтрашнему дню; движеніе и измѣна. Таллейранъ и его агенты; Луи, служившій нечестивую мессу въ 1790 г.; Дальбергъ, котораго Наполеонъ сдѣлалъ герцогомъ, «другъ Россіи» и Петербургскій корреспондентъ; Ру-Лабори, глава заговоровъ; Монтронъ, вѣчно занятый происками; затѣмъ «армія женщинъ»²⁾, у которыхъ конспировали, которыя получали извѣстія, подхватывали полупризнанія, освѣдомлялись, передавали, имѣли повсюду филиальныя отдѣленія, въ Россіи, Италиі, Австріи, то запутывали, то выпутывали своихъ старыхъ обожателей изъ заговоровъ: герцогиня Кур-

¹⁾ Дневникъ Гарденберга, 12, король Гарденбергу 25 дек. 1813 г. Фурнье, 19—20.

²⁾ См. т. VI, стр. 264.

ландская, племянница и любимца Таллейрана, его утѣха, его напереница и совѣтница; герцогиня Дальбергъ, блиставшая при дворѣ императрицы и предупреждавшая союзниковъ, что ихъ ожидаютъ въ Парижѣ съ распростертыми объятіями; г-жа де Водемонъ, корреспондентка Фуше на пути между герцогами Веневетскимъ и Отрантскимъ, имя которой упоминаетъ знаменитыя измѣны времени Людовика XIV¹⁾, духъ Лиги и темпераментъ Фронды, но прирученной, которая требуетъ отъ революціи, по словамъ одной женщины: «чтобы она лишь прошла черезъ ея комнату, не спрашивая, куда она затѣмъ направится»; и антресоли m-me де Куаньи и де Шастне²⁾... Смерти императора уже не боялись, а спекулировали на низверженіе имперіи. Она падетъ, но въ какую сторону, и кто станетъ продолжателемъ дѣлъ. Тогда-то Таллейранъ и прокрадся на первый планъ. Другими путями онъ пришелъ къ Меттерниховской комбинаціи: миръ и регентство: миръ, при заключеніи котораго онъ будетъ главнымъ маклеромъ, а можетъ быть, и третейскимъ судьей; регентство, гдѣ онъ будетъ опекуномъ: новый Вестфальскій конгрессъ, новая Анна Австрійская и новый Мазарини³⁾. Недоставало Фуше: Наполеонъ послалъ его въ Иллирію прикрывать отступленіе, не потому, что тамъ ожидали отъ него добра, а для того чтобы удалить его на это время изъ Парижа, гдѣ онъ могъ надѣлать зла⁴⁾. Новое дворянство и новые богачи склонялись все болѣе и болѣе къ партіи друзей Антрега и «друзей Англии»; полагали, что, пока существуетъ Наполеонъ, общее крушеніе неизбежно; только миръ спасетъ нажитыя богатства и миръ, данный союзниками⁵⁾.

Этого мира желала Франція, Европа, одинъ только Наполеонъ отказался отъ него въ Прагѣ по тщеславію выскочки и завоевателя, по эгоизму, а можетъ быть, по безумію! Отсюда «какое-то чувство удовлетворенія вельдъ за постигшей императора переменѣйшей счастія, потому что въ этомъ видѣли кару за честолюбіе. Духъ недовольства оттолкнулъ Францію отъ главы государства, и униженія императора, казалось, служили утѣшеніемъ въ бѣдствіяхъ отечества. Государственные бумаги упали на

¹⁾ О принцѣ Водемонъ и его двухъ племянницахъ, m-me де Лильбонъ и m-me д'Эспинуа. С.-Симонъ, 1707 г.

²⁾ См. мемуары Паскье, Мио, Витроль, m-me Шастне, герцогъ Броли, Кастелянъ, Редереръ, Норвэнъ, Тьебо, Барантъ. Записки графа Моле, отрывки изданные Густавомъ Бордъ, *Revue de la révolution*, 1888.—Андрѣ де Куаньи и его мемуары, Этвена Лами.—Евр. и Рев. т. VI, стр. 179—184, 303, т. VII, кн. II, гл. II, § 1.—Фридрихъ Массонъ, Марія-Луиза, гл. XI.

³⁾ См. выше, стр. 160.

⁴⁾ Маделэнъ, Фуше, гл. XXI. Назначенный 17 іюля 1813 г. губернаторомъ Иллиріи, онъ прибылъ въ Лайбахъ 29-го.

⁵⁾ Евр. и Рев., т. VI, стр. 180—183, 222—223.

50%¹⁾. Дѣльцы, помѣтившіе свои капиталы въ Англии, спекулировали на пониженіе. Пока еще не говорили: наши враги—наши друзья! Но думали: дурная новость—хорошая новость, проигранное сраженіе—выигранная безопасность! Дѣло скорѣе придетъ къ концу!

Одинъ Таллейранъ, можетъ быть, знавшій Европу и съ начала войны понимавшій, что прочный миръ возможенъ только съ возвратомъ въ старыя границы²⁾, предвидѣлъ требовательность союзниковъ и заранѣе этому подчинился. «Державы, писалъ онъ немного позже³⁾, должны принять самыя большія предосторожности, чтобы въ будущемъ году ихъ не принудили къ новымъ издержкамъ»⁴⁾. Но онъ хранилъ про себя свои вѣроятныя догадки; заблужденія другихъ людей помогали его расчетамъ. Меттернихъ ихъ поддерживалъ, Таллейранъ ихъ не разсѣивалъ. Эти другіе были всѣ, начиная съ тѣхъ, кто воображалъ, что отлично знаетъ тайны Австрій, какъ Коленкуръ, до послѣдняго охотника до новостей. Сомнѣній тогда не существовало. «Друзья Англии» повторяли уже 12 лѣтъ, что союзники рѣшили падить Францію и даровать ей миръ на условіяхъ, которыхъ она сама пожелаетъ⁵⁾. Эта иллюзія стала тогда основоположеніемъ парижскихъ политиковъ. Миръ въ границахъ Люневилля и Амьена! Франція, почитаемая государями, которые имѣли честь ее побѣдить, любимая народами, освобожденными, какъ и она, отъ тирана, процвѣтающая въ предписанныхъ ей природой границахъ и добывшая себѣ сверхъ того свободу⁶⁾.

Кой какіе роялисты стали шепотомъ произносить имя Бурбоновъ. Ихъ остерегались слушать. Одни, какъ Таллейранъ, потому, что боялись опалы и проскрипціи; большая часть потому, что не знали этихъ принцевъ. Трудно себѣ представить, до какой степени они были забыты и неизвестны даже фамиліямъ, связаннымъ со старой монархіей. Потерянное Іосифомъ испанское королевское достоинство отняло отъ него

¹⁾ Мио, т. III, стр. 344.

²⁾ Евр. и Рев., т. III, стр. 169.

³⁾ Записка къ герцогинѣ Курляндской 20 янв. Кервинъ де Леттенгофъ. Обзорніе исторіи дипломатіи, т. II.

⁴⁾ «Единственное средство заставить Францію уважать мирный трактатъ, это поставить ее саму трактатомъ въ возможности нарушить миръ... Для этого нужно заставить ее возвратитъ путемъ переговоровъ, или силою оружія, все, что она захватила въ Нидерландахъ, безъ исключенія; иначе малѣйшая крѣпость, оставленная за ней тамъ, будетъ поводомъ для ея возвращенія туда».—*Extraordinaire de la Gazette d'Amsterdam* 18 іюня 1709 года. Де Буалиль: С.-Симонъ, т. XVII, Приложение.

⁵⁾ Евр. и Рев., т. VI, стр. 178—180, 419—420.

⁶⁾ Евр. и Рев., т. VI, стр. 419—420.

ту малую долю философскаго обаянія, которое приписывали ему льстивые друзья. И взоры остановились на султанѣ Бернадотта. За «наслѣднаго принца шведскаго» были женщины, занимавшіяся политикой: м-ме де Сталь, м-ме Шастне. «Дѣйствительно, Бернадоттъ былъ тогда предметомъ всеобщаго упования. Могъ ли, ставши государемъ, этотъ воинъ, слава котораго была чисто французская, могъ ли онъ, проникнувъ въ свое отечество съ оружіемъ въ рукахъ, расчленивъ его провинціи и предать ихъ чужестранцамъ? Онъ храбръ, онъ Беарнецъ... Ему Парижъ долженъ отворить ворота, онъ будетъ его защитникомъ»¹⁾. Это Генрихъ IV по случаю. Такъ же разсуждали въ 1792 г. злополучные роялисты, когда армія Конде была въ арьергардѣ нашествія; такъ же разсуждали революціонеры «просвѣщенные» относительно герцога Брауншвейгскаго—принца-философа, котораго они считали однимъ моментомъ возможнымъ возродителемъ Франціи. Бенжаменъ Констанъ возвелъ эти умственные бредни въ систему и подробно изложилъ въ сенсационной брошюрѣ *о Духѣ завоеванія и узурпаціи въ ихъ отношеніи къ европейской цивилизаціи*²⁾. Бернадоттъ, когда онъ къ побѣднымъ лаврамъ присоединить избирательный голосъ разумныхъ людей, подыметъ изъ праха республиканскія собранія, противопоставитъ раболѣпному сенату патриотическій трибуналъ, договорится съ Европой, возвратитъ націи ея неотъемлемыя права, установитъ государственный строй, декретируетъ изложеніе Наполеона, возстановитъ если нужно монархію, но монархію свободную. «Герою стоятъ только топнуть ногой, и анархія исчезнетъ, а французскій народъ воскреснетъ». Нѣкоторые тонкіе намеки напоминаютъ то, что будетъ сказано въ 1817 г. либералами о герцогѣ Оранскомъ, другомъ фаворитѣ публики: «Франція нуженъ государь протестантъ». Протестантъ Бернадоттъ, вотъ какой именно человекъ нуженъ для удовлетворенія законодателей бывшей гражданской конституціи духовенства и атеистовъ изъ Института; онъ выслушивалъ лютеранскія проповѣди на шведскомъ языкѣ, котораго онъ не понималъ; ему оставалось только выслушать въ С. Дени латинскую мессу Генриха IV, текстъ которой былъ ему не болѣе понятенъ. Бенжаменъ Констанъ приписываетъ себѣ роль Монтескье, производящаго путаницу при разгромѣ имперіи. Шатобрианъ избралъ себѣ роль предтечи реставраціи: онъ готовилъ въ тѣни свой памфлетъ *Буонапарте и Бурбоны*, собираясь познакомить Францію съ Бурбонами и, если Бурбоны сохранили еще каплю королевской крови и политическаго смысла, отырыть Францію для Бурбоновъ.

¹⁾ М-ме Шастне, т. II, стр. 268.

²⁾ 31 дек. 1813 г.—1 янв. 1814 г. Ringaud; Бернадоттъ.—Мемуаръ для Бернадотта.—О м-ме Сталь и протестантскомъ государѣ, тамъ же, стр. 170.

Наполеонъ возвратился въ С.-Клу 10 ноября полный горечи противъ своихъ служителей, особенно противъ своихъ братьевъ: «Такова моя судьба всегда быть обманутымъ страшно неблагодарными людьми, которыхъ я осыпалъ благодѣяніями»¹⁾. Онъ председательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ 11 ноября и потребовалъ финансовыхъ средствъ. Спорили; каждый, подавая голосъ, думалъ о мирѣ. Наполеонъ, вѣрно оцѣнивая положеніе дѣлъ, описалъ ихъ безъ смятченія: «Необходимо расторгнуть триумvirатъ, который раньше раздѣлилъ Польшу, а теперь вновь составилъ съ дерзкимъ памѣреніемъ заставить и насъ испытать ту же участь. Вы черезчуръ много говорите о мирѣ, господа... Я вижу ясно, мы не римляне. Вы хотите спуститься съ высоты, на которую я вознесъ Францію. Можетъ быть, вы не хотѣли имперіи, а вамъ нужна простая монархія? Такъ и будетъ, если вы потеряете Голландію. Вамъ нужны устья рѣкъ и этотъ оплотъ на сѣверѣ. Скорѣе я разрушу плотины и возвращу Голландію морю, чѣмъ отдамъ ее»²⁾. Совѣтники ничему вѣрили. Съ 1795 г. всѣ правительства держали такія рѣчи; а между тѣмъ тѣ комбинаціи, которыя привели Францію въ Москву, не помѣшали союзникамъ достигнуть Рейна. Впрочемъ, союзники водворятъ хорошіе порядки и Францію освободятъ отъ двадцатилѣтняго кошмара. Да и кому нужна была великая имперія? Имперія, которая задушила Францію! Участи же Польши никто не страшился, разсчитывая на великодушіе Александра, на его величіе, на благородство англичанъ, на *ихъ* Амьенскій миръ. Эта укореившаяся иллюзія была непоколебима. Чѣмъ болѣе Наполеонъ настаивалъ на необходимости для *сохраненія границъ* господства надъ Голландіей и Германіей, тѣмъ болѣе они убѣждались въ безумномъ его упорствѣ и преступной его слѣпотѣ.

Въ тотъ же день онъ принималъ Редерера, освѣдомился о Жеромѣ, находившемся въ бѣгахъ, о блуждающемъ Людовикѣ, объ Іосифѣ, находившемся въ Мортфонтенѣ; но всѣ тросъ, оставаясь королями въ душѣ, увезли свои короны въ багажѣ и свое королевство на подошвѣ сапогъ и крѣпко цѣплялись за свои права на пергаментѣ. «Хочетъ ли онъ вѣчно оставаться испанскимъ королемъ?»—Государь, насколько я понимаю, онъ полагаетъ, что еще возможны переговоры.—Химеры! Они его не хотятъ. Они его считаютъ неспособнымъ. Они не хотятъ короля, вѣчно окруженнаго женщинами, за игорнымъ столомъ... Король, который зависитъ отъ женщинъ, отъ своихъ дворцовъ, мебели... Я не дорожу ни С.-Клу, ни Тюильри... Сожгутъ ихъ, я останусь равнодушнымъ. Я ни во что цѣню

¹⁾ Камбасересу 6 ноября 1813 г. Лесестръ.

²⁾ Записки Моле.

свои дворцы, женщинъ,—сына цѣною нѣсколько... Я по ошибкѣ считалъ братьевъ необходимыми для упроченія моей династїи. Она упрочена и безъ нихъ...» Онъ говорилъ объ Евгенїи: если придется самому ему отказаться отъ итальянской короны, онъ прочилъ се для него: «Это человекъ съ честью, а король нѣтъ... Только двѣ пружины отвращаютъ людей отъ дурныхъ дѣяній: религія и честь. У короля вовсе нѣтъ никакой религіи... мой тесть лишень чувства чести, но религіозенъ»¹⁾. Онъ возвратился къ Іосифу, сославшемуся по крайней мѣрѣ на свое первородство. «Будто онъ старше меня! старше... безъ сомнѣнія для наслѣдованія отцовскихъ виноградниковъ!—А если предложить регентство, государь?—О тогда онъ надѣлаетъ непрятностей, я этого ожидаю. Вотъ въ чемъ дѣло... Въ этомъ году все было спокойно... Г-нъ Таллейранъ былъ спокоенъ. Противъ меня не интриговали, какъ бывало Фуше съ *Таллейраномъ* три года тому назадъ... Если бъ здѣсь былъ король—Іосифъ—и его закадычные друзья Клеманы де Ри и др., они бы у меня все перевернули вверхъ дномъ».

Этотъ разговоръ, горячій по виду, но глубоко обдуманнѣй, возбуждалъ важныя намѣренія относительно Испанїи. Наполеонъ ихъ тайлъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ очень секретно послалъ въ Валенсе Лафоре съ полномочїями и такимъ письмомъ къ принцу Астурийскому Фердинанду²⁾: «Кузенъ, нынѣшнія политическія обстоятельства моей имперїи склоняютъ меня уладить испанскїя дѣла... я желаю устранить всякій предлогъ для англїйскаго вмѣшательства и возстановить узы дружбы и добраго сосѣдства, существовавшїя такъ долго между двумя націями». Это было возвращенїемъ къ положенію вещей въ апрѣлѣ 1808 г., когда Фердинандъ прибылъ въ Байону, понятнымъ движенїемъ къ тѣмъ же порядкамъ наизнанку и декретированїемъ забвенїя пятилѣтней жестокой войны и множества бесполезно принесенныхъ въ жертву французамъ.

Между тѣмъ 14 ноября прибылъ С. Эньянь со своимъ докладомъ. Наполеонъ его принялъ 15-го. Въ этотъ самый день онъ написалъ Фуше: «Вы примете всѣ зависящїя отъ васъ мѣры, дабы въ этой странѣ (Италїи) никого не сбивали съ толку коварными австрїйскими обѣщанїями, сказанными лживымъ языкомъ Меттерниха». Вотъ какое сильное и прямое дѣйствїе произвело на него первое знакомство съ франкфуртскими

¹⁾ «Повелѣвается, если англичане приблизятся къ замку де Марракъ (около Байонны), сжечь замокъ и всѣ принадлежанїе мнѣ дома, чтобы они не спали на моей постели». Коленкура 15 ноября 1813 г.

²⁾ «Государственная религія», какъ и «государственное нутро» не помѣшали ему позволить «этому повесѣ Нейпергу» стать утѣшителемъ его дочери. Гурго, т. VIII, стр. 330.

«предложенїямъ». Онъ понялъ эти хитрости, и въ этомъ весь смыслъ отвѣта Меттерниху, который онъ приказалъ написать Марѣ 16 ноября. Руководимый опытностью, полученной во время Пражскихъ переговоровъ, которая болѣе чѣмъ оправдала его догадки, онъ понялъ, что союзники задумали легкую игру: отречься отъ словесныхъ внушенїй, переданныхъ черезъ француза безъ назначенїя и полномочїй; понялъ, что для такго предложенїя нужны документальныя подтвержденїя, и въ согласїи на это союзниковъ неммыслимо было сомнѣваться, если они были искренни. Онъ вовсе не считалъ—и онъ былъ правъ—докладъ С. Эньяна за *ультиматумъ*, который можно было принять или отвергнуть посредствомъ *да* или *нѣтъ*; онъ видѣлъ въ этомъ актѣ предложенїе офиціознаго характера въ виду возобновленїя или прекращенїя переговоровъ, для указанїя базиса для прелиминарныхъ условїй, которыя можно ставить шире и уже; въ этомъ же отношенїи война могла ему служить не хуже чѣмъ союзникамъ. Итакъ, онъ ограничился просто назначенїемъ полномочнаго министра и по желанїю союзниковъ назначилъ Коленкура¹⁾. Это указывало на примирительныя намѣренїя. Онъ оставилъ за собой право высказаться объ *основныхъ* условїяхъ вполнѣдствїи, смотря по отвѣту союзниковъ и по обороту, который примутъ военныя дѣйствїя. Онъ разсуждалъ осторожно, не принимая въ соображенїе меттерниховскаго коварства, не принимая въ расчетъ тѣ отголоски, которые распространяли въ Парижѣ агенты Меттерниха. Наполеонъ велъ переговоры, имѣя въ виду только союзниковъ и дѣйствительныя условїя войны; Меттернихъ дѣйствовать, имѣя въ виду публику и парижское общественное мнѣнїе, и онъ намѣтился вѣрно.

С. Эньянь былъ очень извѣстенъ въ Парижѣ, а его шуринъ Коленкуръ еще больше. Они встрѣчались у *m-me* Куаньи и у *m-me* Водемонъ, которая давала каждую недѣлю обѣды; тамъ они сходились каждый вечеръ съ *m-me* де Лаваль, съ Паскье, Молэ, Дальбергомъ, Лавалеттомъ, Витролемъ, который умѣлъ слушать и понимать; встрѣчали также множество друзей, повѣренныхъ и агентовъ Таллейрана, наконецъ «графа де С... бывшего персидскаго посла при французскомъ дворѣ, пьомонтца по матери, нѣмца по женѣ, англичанина по связямъ, русскаго черезъ кузину, француза по праву завоеванїя, шпіона по призванїю, должности и привычкѣ»²⁾. Тамъ случались, рассказываетъ Паскье, добровольныя и расчитанныя нескромности; и въ Парижѣ скоро узнали о предложенїяхъ, передатчикомъ которыхъ былъ С. Эньянь. Меттернихъ

¹⁾ Эрнуфъ, гл. LXV, Записки Марѣ.

²⁾ Мемуары *m-me* Куаньи, Этьенъ Лами.

сказалъ С. Эньяну: «Герцогъ Виченцкій знаетъ, что у насъ съ нимъ есть секретный документъ, дающій возможность заключить миръ въ теченіе 60 часовъ». «Скоро весь Парижъ зналъ эту тайну, и узнали также, что «въ Прагѣ все было потеряно изъ-за нѣсколькихъ часовъ»¹⁾. И какія мирныя условія: не только *границы*, но Вестфалія, Бергъ, Голландія, Италия, не говоря уже о мелочахъ, не означенныхъ въ ультиматумѣ 8-го августа! Послѣ столькихъ пораженій теперь С. Эньянь еще разъ приноситъ намъ столь желанный миръ: «миръ съ границами», которыми Наполеонъ, къ вѣчному сожалѣнію Франціи, неудовольствованъ. Никто не сомнѣвался ни въ искренности союзниковъ, ни въ подлинности предложеній. «Меттернихъ и Нессельроде дали С. Эньяну форменное порученіе»; Англія «объявила, что расположена къ величайшимъ уступкамъ... для заключенія мира на этихъ самыхъ основныхъ условіяхъ!» «Она богата и готова давать полными горстями»²⁾.

«*Основныя условія!*» «*Франкфуртскія основныя условія!*» Эти слова отнынѣ были у всѣхъ на устахъ. Эти основныя условія несомнѣнны, потому что разумны, потому что границы ненарушимы. Всѣ правительства съ 1795 г. провозглашали то же самое, и весь свѣтъ этому слѣпо вѣрилъ. Каждый говорилъ объ этомъ, словно онъ видѣлъ своими глазами этотъ чудотворный пергаментъ, который стоило только подписать, чтобы положить конецъ всѣмъ бѣдствіямъ Франціи и Европы и загладить однимъ почеркомъ пера двойную ошибку—и этотъ упрекъ Наполеону сталъ классическимъ—нарушеніе Амьенскаго мира и продолженіе войны послѣ Аустерлицкой битвы. «Повсемѣстно желали, чтобы Наполеонъ принялъ эти базы, передаетъ Паскье, и повсюду, во дворцѣ, въ городѣ, въ совѣтѣ составилось нѣчто въ родѣ лиги, чтобы направить его на этотъ спасительный путь: душою ся былъ герцогъ Виченцкій, и Таллейранъ не былъ чуждъ ей». Министръ финансовъ Молліентъ, министръ полиціи Савари «громко высказывались за искреннее и немедленное согласіе на эти условія». Бертъе и «почти всѣ адъютанты думали также». Лавалеттъ обдѣлывалъ то же дѣло съ помощью чернаго кабинета. Паскье извѣщалъ объ этомъ императора бюллетенями о томъ, «о чемъ говорятъ въ Парижѣ».

Противъ Марэ, котораго обвиняли за авторство злополучнаго отвѣта отъ 16 ноября, поднялось всеобщее негодованіе. Коленкуръ, «просвѣщенный Пражскими конференціями насчетъ истиннаго расположенія союз-

¹⁾ Коленкуръ д'Отериву 8 марта 1814 г. См. выше, стр. 93, 107, 110, 136.

²⁾ Мемуары Паскье, т. II, стр. 104.—Тьеръ, т. XVII, стр. 43 и слѣдующ. Д'Осовиль, *Mélanges*, стр. 125.

никовъ и очень точно осведомленный своимъ шуриномъ С. Эньяномъ, безъ колебаній считалъ послѣднія предложенія за *ультиматумъ*, обязывающій дать искренній отвѣтъ, если не желаютъ разрыва переговоровъ»¹⁾. И такъ какъ весь Парижъ вслѣдъ за нимъ повторялъ это, Наполеонъ наконецъ встревожился такимъ всеобщимъ неодобреніемъ; онъ принесъ въ жертву Марэ и иностранныя дѣла вмѣсто него поручилъ Коленкуру. Въ то же время Дарю покинулъ статеъ-секретаріатъ, чтобы принять военное министерство.

Письмо Марэ, полученное Меттернихомъ 25 ноября, доставило ему случай продлить двусмысленное положеніе и создать Наполеону безвыходное положеніе передъ обществомъ, притомъ ни къ чему не обязываясь. Онъ отвѣтилъ Марэ, что раньше, чѣмъ согласиться на конгрессъ, союзники желаютъ получить «увѣренность въ принятіи *главныхъ и сокращенно изложенныхъ базъ*, на которыя онъ указывалъ въ бесѣдѣ съ барономъ С. Эньяномъ». Однако онъ уклонился подробно ихъ означить—а этого именно и хотѣлъ Наполеонъ добиться отъ него. Выраженія «главныя и сокращенно изложенныя базы» выдавали намѣреніе выставить при переговорахъ и другія требованія частичныя и болѣе детальныя; термины «*указанныя въ моемъ разговорѣ съ барономъ С. Эньяномъ*» вскрывали опять двусмысленный характеръ предложеній, потому что не подкрѣплялись гарантіей официальнойности и еще менѣе гарантіей коллективнойности.

Это письмо было передано Коленкуру. Онъ на него отвѣтилъ 2 декабря. Это было принципиальное согласіе на миръ, основанный на европейскомъ равновѣсіи и—Наполеонъ настаивалъ на томъ, что у Меттерниха расплывалось въ двусмысленностяхъ—«на признаніи неприкосновенности всѣхъ націй въ ихъ естественныхъ границахъ»; а въ частности «на общихъ и сокращенно изложенныхъ базахъ, о которыхъ сообщено С. Эньяну».

Отнынѣ Меттернихъ могъ съ увѣренностью рассчитывать на парижское общественное мнѣніе. За него было легковѣріе, а можетъ быть, и довѣріе новаго министра Наполеона. Онъ настоялъ на обнародованіи деклараціи отъ 4 декабря, изданной государями коалиціи для ознакомленія французскаго народа съ видами союзниковъ въ моментъ предполагаемой переправы черезъ Рейнъ, который они будто бы собирались признать границей Франціи. Этотъ трудъ Меттернихъ считалъ по справедливости за одно изъ своихъ образцовыхъ произведеній. Въ этомъ документѣ, единственномъ, обязывающемъ къ чему нибудь союзниковъ, онъ воздержался

¹⁾ Паскье, т. II, стр. 108.

отъ воспроизведенія фразы С.-Эньяна—впрочемъ ни Александръ, ни Эбердинъ этого ему не позволили бы, фразы:

«О единодушномъ согласіи государей коалиціи, что Франція для своего могущества и господства должна сохранить свою цѣлость и ограничиваться своими естественными предѣлами: Рейномъ, Альпами и Пиренеями».

Естественныя границы Рейнъ, Альпы, Пиренеи исчезли изъ документа; остались только загадочныя, смутныя выраженія:

«Союзныя державы ведутъ войну не противъ Франціи, а противъ преобладанія, которое, къ несчастію Европы и Франціи, императоръ Наполеонъ слишкомъ долго уже распространяетъ за предѣлы своей имперіи».

Государи желаютъ Франціи быть счастливою, сильной и великою...

Державы утверждаютъ за французской имперіей такое пространство территоріи, какого она никогда не знала при французскихъ короляхъ...

«Наша нравственная цѣль очевидна, писалъ Меттернихъ, мы воздѣйствуемъ на духъ Франціи». «Въ силу счастливаго поворота обстоятельствъ, увѣдомляеть Эбердинъ, мы считали умѣстнымъ отказаться отъ опредѣленія границъ: Рейнъ, Альпы, Пиренеи»¹⁾. «Этимъ торжественнымъ заявленіемъ о своихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, говоритъ одинъ офиціальнѣйшій русскій документъ, союзныя кабинеты имѣли въ виду главнымъ образомъ отдѣлить дѣло Наполеона отъ дѣла французскаго народа и устранить такимъ образомъ сопротивленіе націи арміямъ союзниковъ». Такая резолюція союзниковъ и пріемъ 5 декабря (день полученія) во Франкфуртѣ, сдѣланный письму Коленкура, достаточно обнаруживали заблужденія парижскихъ политиковъ, которые вообразили, что простое *да* въ отвѣтъ на предложенія С.-Эньяна отъ 16 ноября свяжетъ руки союзникамъ. По отвѣту 5 декабря Коленкуру они увидѣли то, какъ имъ слѣдовало думать 25 ноября о деклараціи относительно «общихъ и кратко изложенныхъ базъ». Меттернихъ готовилъ свой отвѣтъ пять дней и 10 декабря написалъ Коленкуру такъ: «Свидѣтельствуя о чувствѣ удовлетворенія государей при вѣсти о принятіи императоромъ существеннѣйшихъ статей мирнаго договора», сообщалъ, что государямъ угодно довести эту декларацію безъ замедленія «до свѣдѣнія своихъ союзниковъ», другими словами, что теперь они собирались совѣщаться съ англичанами не объ открытіи конгресса, а о «предварительной конференціи съ цѣлью установленія *основныхъ условий и способовъ* для окончатель-

¹⁾ Кастльри, 4 дек. 1813 г.—См. выше, стр. 55—57, 110, 111—112. Россія, т. XXXI. Краткое обозрѣніе, IV часть. Франкфуртская декларація.—Меттернихъ, т. I.—Меттернихъ Гуделисту, 6 дек. 1813 г., Фурнье.

наго умиротворенія»¹⁾. Итакъ, одного слова *да* было мало для всеобщаго примиренія, и цѣлый мѣсяцъ потомъ вопросъ о переговорахъ не подымался, а *предварительная конференція* открылась только 5 февраля 1814 года, два мѣсяца спустя.

Двадцать тысячъ экземпляровъ деклараціи были переброшены на ту сторону Рейна и распространялись по Франціи «всеми доступными союзникамъ средствами». Они были помѣчены заднимъ числомъ отъ 1 декабря. Когда декларація была получена въ Парижѣ, политики и согласная съ ними публика заручились ходомъ. Они понимали текеть такъ, какъ этого хотѣлъ Меттернихъ: воображаемыя обольстительныя слова, написанныя симпатическими чернилами, о *границахъ по Рейну*, выступали «между строкъ»²⁾. Священная пограничная черта отъ Базеля до Голландіи рисовалась на картѣ свѣтящимся рельефомъ. Въѣсть съ этимъ узнали, будто Наполеонъ не согласился на эти границы, и отнынѣ это стало неискоренимой легендой.

V.

Самъ Наполеонъ приступилъ къ ликвидаціи великой имперіи. Онъ отдѣлался отъ Испаніи и испанцевъ. Трактатъ былъ подписанъ въ Валансѣ 11 декабря и возвращалъ Испаніи Бурбоновъ, континентальныя и колоніальныя владѣнія, какъ они существовали во время Утрехтскаго мира. Онъ рѣшился тогда же освободить папу и послалъ къ нему въ Фонтенебло епископа Пьяченцаго для переговоровъ объ отъѣздѣ и возвращеніи въ Римъ. Пій VII отвѣтилъ, что договариваться онъ будетъ только въ Римѣ, и Наполеону оставалось только отпустить его туда³⁾.

9 декабря онъ открылъ засѣданія палаты⁴⁾ сессіей о взиманіи налоговъ и рекрутскомъ наборѣ. Его рѣчь была послѣднимъ отголоскомъ тѣхъ рѣчей, которая Франція выслушивала уже 22 года, всякій разъ, когда правительство требовало отъ страны новыхъ жертвъ и настаивало на необходимости войны: «Франція, лишенная твердости и единодушія, была бы сама въ опасности. Вамъ предстоитъ своей энергіей показать примѣръ будущимъ поболѣніямъ. Дабы они не сказали про насъ: «Они принесли въ жертву главнѣйшіе интересы родины! Они подчинились волѣ Англій, которая четыре столѣтія тщетно пыталась добиться этого»⁵⁾.

¹⁾ Меттернихъ Вессенбергу, 6 дек. 1813.

²⁾ Слова Меттерниха, I, 252.—См. выше, стр. 160. Сравни состояніе общественнаго мнѣнія въ 1805 г., т. VI, стр. 418—419.

³⁾ Д'Осонвиль, т. V, гл. LVII.—Пасье, т. II.

⁴⁾ Тьеръ, т. VII, стр. 163—178.

⁵⁾ Сравни Дантона, 31 янв. 1793 г., т. III, стр. 212—213.—Барера, 1 авг.

Относительно же мирных переговоров онъ сказалъ: «Я прикажу сообщить вамъ все документы въ оригиналъ... Васъ съ ними познакомить комиссія...»

Коленкуръ желалъ издать такъ же декларацию. Онъ писалъ 23 декабря императору: «Это доставило бы двойную выгоду: свидетельства передъ Франціей о Вашей умѣренности и о взаимномъ всенародномъ обязательствѣ союзниковъ не ставить новыхъ требованій, а съ Вашей стороны о согласіи нашихъ». Коленкуръ, безъ сомнѣнія, воображалъ, что этотъ документъ докажетъ французамъ то, въ чемъ онъ самъ былъ убѣжденъ. Но Наполеонъ на оглашеніе не согласился. Донесеніе С.-Энльяна было очень измѣнено. Однако фраза о границахъ, т. е. существенная его часть, сохранилась; при томъ документу придали характеръ нѣсколько официальный, чѣмъ и сообщили этой фразѣ болѣе важности; однимъ словомъ, предложеніе *основныхъ условий* было выражено несравненно яснѣе, отсюда вытекало слѣдствіе, совсѣмъ неожиданное для императора. Коленкуръ принялъ у великаго канцлера сенатскую комиссію, которая молча его выслушала. Д'Отериву поручили настроить законодательный корпусъ, въ средѣ котораго находились Ренуаръ и Лэнэ. Они оказались болѣе любознательными, менѣе обходительными и явно настроенными слѣпо вѣрить союзникамъ, а къ Наполеону относиться съ нескрываемымъ недоувѣріемъ. Для нихъ было достаточно признать дѣйствительными эти *предложенія*, а важнѣе было связать Наполеона. Они и потребовали отъ него обѣщанія передъ Франціей и Европой, въ положительныхъ и форменныхъ терминахъ, согласиться на эти предложенія. Ренуаръ, одинъ изъ членовъ комиссіи, утверждалъ по этому поводу, что иначе «нельзя оживить подавленный и ослабленный духъ общества». «Законодательный корпусъ ¹⁾, продолжалъ онъ, долженъ заявить императору, что при возведеніи на тронъ волею народа онъ обѣщаль защищать границы и сохранять въ цѣлости имперскую территорію... Настало время теперь сдержать это обѣщаніе; для содѣйствія исполненію этой присяги, французы готовы на величайшія жертвы, но на этомъ и слѣдуетъ остановиться: все, что идетъ за предѣлы такихъ требованій, должно быть принесено въ жертву ради мира».

1793 г., т. III, стр. 372—373. Камбасереса, 3 марта 1795 г., т. IV, 197. Комитетъ 27 апр. 1795 г., стр. 297. Директорія 28 окт. и 7 нояб. 1795 г., т. V, стр. 208—209.

Прокламация: 21 окт., 1 дек. 1805 г., 23 окт. 1806 г., т. VII, стр. 86—87. Посланія 19 и 27 нояб. 1806 г., т. VII, стр. 95, 96.—Тильзитъ, июль 1807 г., т. VII, стр. 154—156.—Посланія 10 дек. 1810 г., 9 июня 1811 г.

¹⁾ Записки д'Отерива. Засѣданіе законодательной комиссіи 24 дек. 1813 г.

Сенатъ вотировалъ безвѣтный адресъ, который былъ бы вовсе не интересенъ, если бы докладчикъ Фонтанъ не подчеркнул въ точныхъ выраженіяхъ официальность *франкфуртскихъ предложеній* и не сослался на нежеланіе Наполеона заключить миръ: «Князь Меттернихъ и русскій посолъ графъ Нессельроде вдвоемъ, въ конфиденціальной бесѣдѣ съ С.-Энльяномъ *предъявили ему отъ имени своихъ дворовъ* прелиминарныя основныя условія, имѣющія въ виду всеобщее умиротвореніе. На конференціи присутствовали англійскій посолъ лордъ Эбердинъ. Гг. сенаторы, обратите на это особенное вниманіе; это обстоятельство очень важно» ¹⁾. Законодательный корпусъ устами Лэнэ, одного изъ виновниковъ реставраціи Бурбоновъ, заявилъ о злоупотребленіяхъ въ управленіи, сожалѣлъ объ утраченныхъ надеждахъ на миръ, въ силу нежеланія императора его заключить, требовалъ контроля и свободной трибуны. На это Наполеонъ отвѣтилъ кратко: «Бсарнъ, Эльзасъ, Франконтэ, Брабантъ заняты врагомъ. Я призываю французовъ на помощь Франціи... Или чужеземцы бѣгутъ, или подпишутъ тѣ условія, которыя сами же предложили намъ. Дѣло идетъ уже не о сохраненіи завоеванныхъ провинцій» ²⁾. Затѣмъ 31 декабря онъ закрылъ сессію.

Ремонстраціи Лэнэ повліяли на публику такъ же, какъ и манифестъ союзниковъ; поднялись толки о свободѣ, какъ раньше толковали о мирѣ. Въ силу рѣчей безгласнаго со времени Брюмера законодательнаго корпуса увѣровали, какъ и въ правдивость союзныхъ государей, связанныхъ коалиціей 22 года. Словомъ, общество искало побужденій для отдѣленія своего дѣла отъ дѣла Наполеона.

Въ виду такого неповиновенія своихъ служителей и для того, чтобы выпутаться изъ неурядицы, Наполеону оставалось обратиться къ революціоннымъ средствамъ, и онъ снова заговорилъ революціоннымъ языкомъ и возобновилъ революціонныя мѣропріятія, онъ надѣлъ сапоги 1793 года, какъ онъ позже выразился. Таковъ декретъ 26 декабря, воскресившій комиссаровъ исполнительнѣйшей власти 1792 года и полномочныхъ депутатовъ 1793 года. Семья Бонапартовъ, короли-братья собрались еще разъ около Парижа; они такъ же должны были вернуться назадъ въ области исторіи и теперь возвращались къ голоднымъ и ненадежнымъ временамъ 1795 г. ³⁾. Наполеонъ писалъ Людовику: «Вы уже—не голландскій король. Территоріи, принадлежащія имперіи, захвачены; противъ меня вооружилась вся Европа. Не желаете ли вы явиться ко мнѣ про-

¹⁾ Фонтанъ 27 декабря; адресъ 29 декабря.

²⁾ 30 декабря 1813 г.

³⁾ Менаваль, т. III, стр. 176.—Міо, т. III, стр. 351.—Дюкасъ, Лесестръ.—Фредерикъ Массонъ, Марія Луиза.

стымъ французскимъ принцемъ? Я васъ приму... Вы будете моимъ подданнымъ. Если же вы сохранили до сихъ поръ мечтанія о королевскомъ достоинствѣ и о Голландіи, то удалитесь на 40 лье отъ Парижа». А Иосифу писалъ: «Францію наводило нашествіе; вся вооруженная Европа идетъ на Францію, главнымъ образомъ идутъ противъ меня. Вы потеряли испанскую корону; не желаете ли вы, какъ французскій принцъ, занять ваше мѣсто около трона? Тогда вы получите вашу удѣлу и мою дружбу, но будете моимъ подданнымъ... Если вы на это не согласны, то удалитесь отъ Парижа на 40 лье... Тамъ вы будете жить спокойно при моей жизни, но васъ убьютъ, или арестуютъ, какъ только я умру»¹⁾. Людовикъ и Жеромъ рѣшили удалиться на 40 лье: по ихъ мнѣнію, это все-таки еще сохраняло за ними королевское достоинство. Иосифъ, который всегда былъ себѣ на умѣ и оставался всегда политикомъ, удовлетворился титуломъ и остался королемъ Иосифомъ; но какого же королевства? Онъ удовлетворился тѣмъ королевскимъ достоинствомъ, въ родѣ титула сенатора-графа, или префекта-барона. Онъ предпочелъ бы заслужить довѣріе императора, получить удѣлу въ имперіи и занять самое близкое мѣсто къ трону главнаго намѣстника въ регентствѣ. «Друзья порядка и мудрости, писалъ одинъ дипломатъ въ 1805 г., считали бы благодѣянія Провидѣнія завершенными, если бъ смерть Наполеона поставила на его мѣсто Иосифа»²⁾. Самъ Иосифъ ставилъ себя въ первомъ ряду среди этихъ мудрецовъ. Онъ два года прожилъ бесполезно въ Неаполѣ, растратилъ свои дарованія въ Испаніи; можно ли было рассчитывать на исполненіе пророчества этихъ мудрецовъ?

Этотъ вопросъ Мюратъ для себя рѣшилъ въ положительномъ смыслѣ и отвѣтилъ. Одинъ лишь этотъ король по боковому родству съ Наполеономъ еще царствовалъ. Онъ ознаменовалъ послѣдніе годы своей жизни измѣной своему господину, а своимъ королевскимъ правомъ пользовался противъ своей родины. Наполеонъ понялъ его замыслы³⁾ и пытался остановить его, если еще можно, и для этого послалъ къ нему Фуше, который тогда возвращался изъ Палермо, уходя отъ австрійцевъ. Если Фуше не удержитъ Мюрата, то Мюратъ, по крайней мѣрѣ, удержитъ Фуше подалеже отъ Парижа. Мюрату нужно было мотивировать свое отпаденіе, и потому онъ потребовалъ у императора провозглашенія независимости итальянскаго народа и «соединенія Италіи въ единую на-

¹⁾ Людовику 4 или 5 янв.; Иосифу 7 янв. 1814 г.

²⁾ Лукквини 25 сент. 1805 г. — Евр. и Рев., т. VI, стр. 421.

³⁾ Лумброзо, Мюратана. Корреспонденція Фуше. — Норвэнсъ, т. III. — Маделэнъ, Фуше, гл. XXI. — XXII. — Вейль, т. I. — III. Донесенія Дюрана, Коленкура, корреспонденція Бенитина и Мбера.

цію»¹⁾. Свое донесеніе 27-го числа, составленное по сообщеніямъ Дюрана, Коленкура заканчиваетъ такъ: «Король стремится къ итальянской независимости». И добавляетъ: «Ваше Величество изъ нея создали націю. Большинство итальянцевъ желаетъ политическаго существованія. Неаполитанскій король это усмотрѣлъ и готовъ на все для оглашенія повсюду этого мнѣнія, а также для объединенія всѣхъ итальянскихъ провинцій, если только онъ будетъ въ силахъ это исполнить». Однако, будетъ ли выгодно объединеніе итальянской монархіи? Коленкуръ, пропитанный традиціями Таллейрана, высказывался за раздѣльное ея существованіе, словно онъ переписывалъ донесенія Таллейрана директоріи²⁾. Его совѣтъ: Мюратъ въ Неаполѣ и нейтральное государство въ центрѣ. Во всякомъ случаѣ онъ предлагалъ лавировать, давая волю Мюрату предаваться своимъ иллюзіямъ: когда настанетъ мнръ, всѣ властители останутся при своихъ владѣніяхъ, герцогъ Тосканскій, пана и самъ Мюратъ. Въ промежуточное же время «этотъ государь, занятый своими гордыми планами, менѣе будетъ заискивать у союзниковъ, въ надеждѣ скорѣе получить отъ Васъ желаемое... и онъ открыто не отложится отъ Вашего Величества».

Но было слишкомъ поздно: Мюратъ склонился на сторону союзниковъ. Меттернихъ овладѣлъ Мюратомъ, опутывая его интригой, какъ это было и съ Наполеономъ; начиная съ Дрездена и до Франкфурта онъ распачалъ ему щедрыя обѣщанія, такъ какъ зналъ, что союзники рѣшили ничего не ратифицировать, и что онъ обязался ничего не дѣлать безъ ихъ согласія. Онъ рассчитывалъ отдѣлать Мюрата отъ Наполеона, дискредитировать его во Франціи и Европѣ, сдѣлать его своимъ орудіемъ въ Италіи, держать его тамъ заложникомъ и изгнать его оттуда, если только онъ не падетъ самъ по своей слабости. Мотивы же, склонившіе Мюрата къ Меттерниху, выяснил Фуше съ проникательностью, обычной для знатока по предательской части, который уже тогда, вѣроятно, задумалъ и свою измѣну³⁾. Король, писалъ онъ Наполеону, вынуждаемый своими подданными, которые дорожатъ достоинствомъ своего государя не менѣе, чѣмъ своей независимостью, тѣснимый итальянскими патріотами, не получивши отъ Наполеона высшей власти надъ Италіей, считаетъ себя обиженнымъ: «слово независимость приобрѣло магическую силу!» Наконецъ Мюрата понуждали парижскіе друзья, которые ему писали: «Императоръ безсиленъ сдѣлать что либо даже для Франціи; можетъ ли онъ гарантировать ваши владѣнія! Думайте о себѣ; рассчитывайте только на себя. Онъ вами пожертвовалъ бы въ обмѣнъ на ничтожную крѣпость».

¹⁾ Наполеону 10 нояб. 1813 г.

²⁾ Евр. и Рев. т. V, стр. 258—259.

³⁾ Наполеону 27 дек. 1814 г. Лумброзо.

И затѣмъ въ своемъ донесеніи Наполеону этотъ бывший эмиссаръ террора прибавляетъ пронически: «Ваши враги сопоставляютъ картину настоящаго положенія Франціи съ безграничными выгодами присоединенія короля къ коалиціи: взаимнѣе бесполезной жертвы короной и славой ради императора, онъ утвердить свой тронъ и расширить свои владѣнія; и онъ уже готовится въ непродолжительномъ времени покрыть и то, и другое самымъ яркимъ блескомъ, провозглашая себя защитникомъ Италіи и опорой ея независимости. Если онъ выскажется за Ваше Величество, армія покинетъ его, и народъ возстанетъ. Если же онъ отдѣлаетъ свое дѣло отъ дѣла Франціи, вся Италія сбѣжится подъ его знамена».

Раньше чѣмъ Мюратъ вернулся въ Неаполь, Каролина была привлечена австрійцами. Меттернихъ ее обольстилъ тѣми же ловкими приемами, которыми ему удалось завлечь Мюрата и заставить его покинуть армію и обмануть французовъ во Франкфуртѣ. Онъ поселилъ въ королевѣ неосновательную вѣру въ признаніе Англіей за нею права на корону и вѣру въ мирный договоръ съ англичанами, который Наполеонъ обѣщалъ съ 1800 года, и который онъ менѣе чѣмъ когда нибудь могъ заключить теперь. Онъ подослалъ къ ней неаполитанца Сквинину, который тщательно росписалъ ей гибельное пораженіе Наполеона и указалъ ей на древній баварскій домъ, кровно связанный съ императорскою семьей, какъ на образецъ отпаденія, достойный подражанія. Каролина не могла не увлечься такимъ царственнымъ примѣромъ. Агентъ говорилъ съ такой силой о будущихъ событіяхъ, что королева рѣшилась пригласить къ себѣ во дворецъ графа Мьера, австрійскаго посла. Она ему заявила, что «она весьма тронута дружескими дѣйствіями и великодушіемъ его государя, императора», что она «рѣшилась вступить въ переговоры съ Австріей»: и просила его дать ей памятную записку о положеніи дѣлъ. Мьеръ принялся сейчасъ же за работу ¹⁾. Для спасенія королевства, говорилъ онъ, необходима защита союзниковъ. Королева, въ качествѣ регентши, должна ускоренно потрудиться для спасенія короны, государства, мужа и династіи, и онъ закончилъ фразой, вѣроятно, подсказанной Меттернихомъ, хорошо понявшимъ женщину въ этой импровизованной королевѣ: «Наступилъ моментъ, который, можетъ быть, не повторится, когда королева можетъ воспользоваться великими дарованіями, которыми небо ее такъ щедро одарило, и открыть передъ лицомъ вселенной добродѣтели необходимыя для государя, которыми она обладаетъ въ такой высокой степени». 28 октября Мьеръ былъ позванъ опять во дворецъ. Чтобы устранить послѣднія колебанія, онъ въ этотъ разъ привелъ аргументъ отъ

¹⁾ Записка Мьера для королевы. Вейль.

себя, безъ реплики. Выдавая себя за уполномоченнаго, онъ сообщилъ, что «лордъ Эбердинъ, англійскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ, уполномоченъ подписать заодно съ Австріей трактатъ съ королемъ неаполитанскимъ, но съ условіемъ, что его величество объявитъ себя на сторонѣ Европы, а Австрія выскажется въ пользу этого соглашенія» ¹⁾. Австрія же на это не только согласилась, но и торопила королеву подписать договоръ. И королева повторила «о своемъ твердомъ рѣшеніи вступить въ переговоры съ Австріей» и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же дала «обѣщаніе не позволить ни одному солдату изъ своей арміи переступить за предѣлы королевства».

4 ноября Мюратъ неожиданно вернулся въ Неаполь. «Чтобы не оскорбить его самолюбіе и не затронуть его ревности къ власти», королева просила Мьера молчать о сдѣлкѣ. «Ей хотѣлось, чтобы всѣ ея мысли и дѣла шли какъ бы отъ него; впрочемъ она обѣщала заставить короля исполнить все, чего желаетъ Австрія». 8-го Мюратъ принялъ Мьера. «Первый шагъ сдѣланъ, сказалъ онъ, я покинулъ французскую армію согласно желаніямъ Австріи и Англіи; я рѣшился не посылать войскъ, которыхъ отъ меня требуютъ (Наполеонъ): я рѣшился присоединиться къ союзникамъ, защищать ихъ дѣло, содѣйствовать изгнанію французовъ изъ Италіи и надѣюсь раздѣлить тѣ выгоды, которыя отсюда будутъ извлечены». Онъ хотѣлъ этимъ сказать о своемъ желаніи получить долю въ наслѣдін паны, для котораго, по его мнѣнію, «достаточно Рима съ прекрасными окрестностями, приличный и вѣрный доходъ и побольше лада». Мьеръ уѣхалъ въ Германію съ донесеніями Меттерниху и за приказаніями къ союзникамъ ²⁾.

Мюратъ очень добивался отъ Бентинка перемирія въ видѣ залога будущаго соглашенія: «Обезпеченный со стороны моря, я могу присоединиться со своими войсками къ австрійской арміи». Но Бентинкъ низачто не соглашался на прекращеніе военныхъ дѣйствій. «Невозможно положиться на Мюрата, говорить этотъ предусмотрительный англичанинъ... трактатъ можетъ создать намъ въ лицѣ Мюрата не только соперника, но и господина надъ Италіей. Если вице-король Евгенийъ будетъ отброшенъ къ Альпамъ, итальянцы конечно потянутся къ Мюрату, съ другой стороны, съ помощью Англіи и подъ ея защитой, эта великая сила, безъ сомнѣнія, обратится въ нашу сторону» ³⁾. Это клонилось къ совершенному

¹⁾ Менцъ, секретарь австрійскаго посольства, Бентинку 14 дек. 1813 г. Вейль.—Евр. и Рев. ниже, пота Кэстльри Меттерниху отрицаетъ это утвержденіе, стр. 191.

²⁾ Донесеніе Мьера 16 дек. 1813 г.

³⁾ Бентинкъ Кэстльри, янв. 1814 г. Вейль.

изгнанію изъ Италіи французовъ и къ замѣнѣ австрійской гегемоніи надъ нею англійской гегемоніей. Это была вполне англійская политика; но въ переживаемомъ кризисѣ прежде всего было необходимо привлечь Мюрата къ коалиціи и громко огласить объ отпаденіи отъ императора его зятя. Вотъ почему Меттернихъ такъ усердно старался во Франкфуртѣ.

Теперь онъ склонилъ союзниковъ послать въ Неаполь австрійскаго переговорщика, облеченнаго по всей формѣ властью. Эту миссію получилъ генералъ, графъ Нейппергъ, которому суждено было втереться въ интимную жизнь семьи Бонапартовъ. Нейппергъ былъ ловкій, любезный человѣкъ, способный управлять женщинами; Наполеона и французовъ онъ ненавидѣлъ ¹⁾. «Графъ Нейппергъ дастъ понять королю, что его участь находится въ рукахъ Австріи, что одна только Австрія, уполномоченная державами, можетъ склонить ихъ къ трактату, который она заключить съ Неаполемъ». Англія и Россія согласились на переговоры; но онъ вовсе не обязались заключить трактатъ, и, давая свое согласіе Австріи на веденіе переговоровъ, онъ связывали себя съ нею, а вовсе не съ Мюратомъ. Эбердинъ, впрочемъ, позаботился объявить: «что британское правительство никогда не согласится принять участіе въ такомъ договорѣ, который, гарантируя Мюрату Неаполь, не будетъ сопровождаться форменнымъ упоминаніемъ о законныхъ и справедливыхъ требованіяхъ королевской семьи королевства Обѣихъ Сицилій, вмѣстѣ съ согласіемъ на справедливое вознагражденіе ея» ²⁾.

Между тѣмъ съ 30 ноября въ Неаполѣ находился Фуше и прожилъ тамъ до 18 декабря. Его вліяніе, кажется, обнаружилось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ напустилъ отвратительнаго лицемѣрія въ отпаденіе Мюрата, прививая такимъ образомъ къ измѣнѣ двоедушіе ³⁾. Не щадилъ ли онъ въ лицѣ Мюрата возможное орудіе для своихъ плановъ во Франціи и Европѣ? Не морочилъ ли онъ его, подобно тому, какъ въ Парижѣ ловкіе люди на свой ладь спекулировали Бернадоттомъ? Не искалъ ли онъ самъ сближенія съ союзниками, если только отпаденіе Мюрата состоится? Не старался ли онъ показать, что съ его стороны сдѣлано все для сохраненія для Франціи Мюрата, если бѣ Наполеону удалось привлечь его снова? Не подстрекало ли его тщеславное желаніе стать посредникомъ между Наполеономъ и его зятемъ, а можетъ быть,

¹⁾ Франкфуртъ, 10 декабря 1813 г. Текстъ у Вейля.—Онкенъ, т. II, стр. 715.—О Нейппергѣ, т. VI, стр. 47, 52, 53.

²⁾ Эбердинъ Бентинку 12 дек.; Меттерниху 11 дек. 1813 г. Объявленіе Меттерниха о согласіи на это 12 дек.—Вейль.

³⁾ Напримѣръ, письма Мюрата къ Наполеону 21 и 25 дек. 1813 г. Фуше тогда былъ въ Римѣ и продолжалъ давать совѣты Мюрату.

даже и третейскимъ судьей въ итальянскихъ дѣлахъ? Наполеонъ его держалъ въ сторонѣ отъ дѣла и вдали отъ Парижа, а онъ стремился туда, хотѣлъ *быть тамъ* лицомъ необходимымъ въ рѣшительную минуту и держать въ своихъ рукахъ все нити интриги. Его письма допускаютъ всевозможныя толкованія, а дѣйствія его всему этому противорѣчатъ. И приходишь къ заключенію, что онъ ничему не помѣшалъ, ни на что не толкнулъ окончательно, что на сценѣ являлось гладко выбритое лицо съ подозрительными тѣлодвиженіями высшаго руководителя полиціи, въ обликѣ безпокойнаго, устарѣлаго, мало понятнаго, мрачнаго макиавелиста, допускавшаго революцію только на условіи самолично направлять ее, а измѣну съ тѣмъ, чтобы ея основа была имъ намотана: въ итогѣ человѣкъ, считавшій себя превосходнымъ агитаторомъ и оказывавшійся великимъ, хотя и не признаннымъ крамольникомъ всякій разъ, когда онъ притязательно вмѣшивался въ иностранную политику и втирался въ европейскія дѣла: въ 1798 г. въ Цизальпинской республикѣ, въ 1810 г. во время переговоровъ съ Англіей, которые и повели къ его опалѣ. Такимъ онъ являлся до конца своей карьеры въ 1815 г., заключившейся, послѣ самаго необычайнаго изъ фокусовъ, вступленіемъ въ кабинетъ Людовика XVIII. «Такое противорѣчіе и смѣшеніе его идей—унизительно для человѣчества...» Историкъ не можетъ не вспомнить о самомъ герцогѣ Отрантскомъ, читая это, а онъ пишетъ о королѣ неаполитанскомъ.

Нейппергъ, къ которому скоро присоединился Мьеръ, прибылъ 31 декабря 1813 г. Бентинкъ по просьбѣ Нейпперга послалъ къ нему своего частнаго секретаря Грѣэма для совѣщанія о военныхъ и сицилійскихъ дѣлахъ. Нейппергу безконечно трудно было втянуть этого англичанина въ свои «формальности», чѣмъ запутать въ нихъ Мюрата. Осыпая цвѣтами лести королеву и поучая короля, ему удалось все-таки развить все то лукавство и всю силу соблазна, т. е. способности, за которыя его удостоили избраніемъ Меттернихъ. Въ слѣпой увѣренности, что Австрія непритворно обѣщаетъ обезпечить его положеніе въ Италіи и окажетъ ему добрыя услуги у союзниковъ, влюбленный въ свою славу и вообразившій себя идоломъ неаполитанцевъ, освободителемъ Италіи, спасителемъ Европы и благодѣтелемъ самой Франціи, которой онъ даруетъ миръ—несчастный выпилъ до дна свой позоръ ²⁾. Этотъ удачникъ-соцдаты копилъ тѣмъ, что сталъ перебѣжчикомъ, и подписалъ свой приговоръ и свое осужденіе ³⁾. Но у него была душа завоевателя варвара, напыщен-

¹⁾ Коленкуру 12 янв. 1814 г. Вейль, т. IX, стр. 403.

²⁾ Письмо Наполеону 25 дек. 1813 г.

³⁾ См. Біанки, т. I, гл. I.—Паскье, т. II, гл. VII.—Мемуары Девернуа.—Гельфертъ: Мюратъ.

ная, нерышительная, буйная и ребяческая съ шаткой совѣстью, которая внезапно развертывала передъ грѣшникомъ весь ужасъ его паденія и возмездіе оскорбленнаго бога, и онъ испытывалъ страшныя адскія муки, лишаясь лицедрвія этого бога. Ему пришлось потомъ горькими слезами оплакивать храбраго солдата Мюрата ¹⁾, который писалъ своему отцу, отправляясь на войну 1792 г.: «Самая высокая жертва, безъ сомнѣнія, умереть за республику вмѣстѣ со своими братьями... скажите имъ, что я защищаю ихъ интересы, что я служу нашему общему дѣлу...» Вотъ этотъ Мюратъ только что умеръ отъ болотной лихорадки, потому что его мечтанія занесли его въ трясины старой Европы. Нѣсколько дней спустя, тѣ же самые лаццарони, которые убивали солдатъ Шампюне и апплодировали въ 1799 г. казнямъ республиканцевъ, кричали vivats ²⁾ королю Мюрату, и лицо его сіяло, льстецы кружили ему голову—тогда среди нихъ видѣли и карбонаріевъ, которые были тоже не малые энтузіасты и лукавцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибыла депутація изъ Рима съ просьбой приять и «ихъ городъ» въ свое владѣніе. Народъ собирался изгонять французовъ и грабить богатыхъ. Мюратъ сказалъ Мьеру ³⁾: «Я сдѣлалъ все, что было угодно Австріи, и безъ оглядки подписалъ союзный трактатъ, который представилъ на мое разсмотрѣніе графъ Нейппергъ. Я вручаю вполне мои интересы императору Францу съ довѣріемъ и убѣжденіемъ, что, оставаясь подъ эгидой лояльнаго австрійскаго правительства, мнѣ не придется каяться... но я повторяю опять, что вы должны расширить мои владѣнія, меня усилить, иначе я буду вамъ въ тягость. Вы не извлечете никакой пользы изъ всѣхъ этихъ маленькихъ государствъ, на которыхъ вы хотите раздѣлить Италію. Дайте мнѣ возможность содержать постоянную армію въ 60 тысячъ—тогда спокойствіе Италіи и ваше вліяніе обеспечены... Я дѣйствую какъ король неаполитанскій, подавляя всѣ второстепенныя соображенія. Неаполитанцы должны быть благодарны мнѣ за такое доказательство моей преданности... Мои дѣйствія докажутъ государямъ, что я достоинъ занимать мѣсто среди нихъ».

«Король обманывалъ императора, своихъ союзниковъ и самого себя» сказалъ немного позже Дюранъ, «у него не было и 25 тысячъ солдатъ,

¹⁾ «Стало быть я измѣнникъ, что дѣлать? слишкомъ поздно!» въ письмѣ къ г-жѣ Рекамье. Воспоминанія m-me Рекамье, т. I, стр. 249.

²⁾ Англичане заняли портъ. «Везувій только что загремѣлъ, выбрасывая пламя... Мюратъ былъ верхомъ во главѣ своей гвардіи: толпа окружала его съ криками: да здравствуетъ король Іоакимъ! Онъ забылъ все и казался упоеннымъ радостью. На другой день въ театрѣ Санто-Карло спектакль... Апплодировали также послу Франца II...» Шатобрианъ. Замогильныя Записки.

³⁾ Донесеніе Мьера 16 февр. 1814 г. Гельфергъ.

да изъ этого числа всѣ настоящіе солдаты дезертируютъ... Остальные обѣщали идти въ походъ только потому, что имъ обѣщали, что драться не придется. Если бѣ король не исполнилъ такого условія, они бы сами сдержали за него его обѣщаніе» ¹⁾.

Трактатъ, подписанный 11 января 1814 г., состоялъ изъ двухъ частей ²⁾: явная часть содержала въ себѣ союзъ, гарантію неаполитанской короны Мюрату, обѣщаніе добрыхъ услугъ со стороны Австріи, чтобы и союзники присоединились къ этому договору; тайная: австрійское посредничество для полученія форменнаго отреченія Фердинанда въ обмѣнъ за вознагражденіе и добрыя услуги для скорѣйшаго заключенія мира между Мюратомъ и Англійей; наконецъ, обѣщаніе присоединенія 400 тысячъ населенія изъ римскихъ владѣній папы. Награда за измѣну такимъ образомъ была бы уплачена апостолической Австріей на счетъ церкви и папскихъ владѣній.

Бентинкъ согласился подписать 3-го февраля соглашеніе о перемиріи, но форменно отказался присоединиться къ договору о мирѣ, подъ предлогомъ, что указанія, полученныя имъ отъ лорда Эбердина, относительно переговоровъ между Австріей и Неаполемъ, не содержатъ въ себѣ достаточно ясно выраженаго права вступать въ переговоры о мирѣ, а также и о признаніи Мюрата ³⁾. И онъ не ошибся, потому что по полученіи отъ Меттерниха проекта договора Кэстльри ему написалъ: «Нижеподписавшійся увѣдомляетъ о полученіи отъ князя Меттерниха проекта трактата между его величествомъ императоромъ австрійскимъ и *личностью, которая нынѣ управляетъ Неаполемъ*. Принцъ регентъ испыталъ весьма тягостное чувство, когда убѣдился, что считаютъ нужнымъ ради общаго блага заключать договоръ, ставящій препятствіе восстановленію его сицилійскаго величества въ его наследственномъ государствѣ при подписаніи общаго мира. Нижеподписавшійся все-таки не поколебался выслать послу, аккредитованному при палермскомъ дворѣ, инструкцію, копія которой прилагается, съ повелѣніемъ немедленно прекратить военныя дѣйствія... Перемиріе... и больше ничего! А что касается мира, Кэстльри требовалъ совѣщанія съ палермскимъ дворомъ на счетъ будущаго вознагражденія. «раньше чѣмъ ставить вопросъ объ окончаніи войны между его британскимъ величествомъ и правительствомъ Неаполя». Какъ далека была тогда Англія отъ признанія Мюрата, да на самомъ

¹⁾ Д'Отеривъ Коленкуру 28 февр. 1814 г. Бесѣда съ Дюраномъ.

²⁾ Ангебергъ, стр. 39 и слѣд. О передѣлкѣ тайныхъ статей: Вейль, т. III, стр. 641.

³⁾ Эбердинъ Бентинку 12 дек. 1813 г. Бентинкъ Кэстльри 2 февр. 1814 г. Вейль, т. III, стр. 228, 642.

дѣлъ она никогда его не признала, на это указываетъ аффектація, съ которою обходятся слова «король Неаполитанскій» и даже имя Мюрата. Одна только Австрія, со времени послышки Нейшперга, имѣла бы возможность напомнить Кэстльри про ихъ франкфуртскія quasi - обязательства, а она объ этомъ не позаботилась, потому что ей выгодно было самой лишиться силы собственнѣй свой трактатъ и отдѣлаться отъ Мюрата, лишь только Мюратъ поможетъ ей избавиться отъ Наполеона въ Италіи.

14-го января французскій посолъ получалъ сообщеніе о разрывѣ съ Наполеономъ; 16-го онъ покинулъ Неаполь. Измѣна совершилась, колоколь прозвонилъ, и Меттернихъ достигъ своей цѣли. Этотъ обманъ окончательно освѣщаетъ исторію и характеръ франкфуртскихъ «предложеній». Это была та же самая игра, сыгранная тѣмъ же ловкимъ человѣкомъ, съ тѣми же статистами: Нессельроде, дѣйствующее лицо безъ словъ, отсутствующій Гарденбергъ, лордъ Эбердинъ, отдѣлывающійся ссылкой на оппозицію своего палермскаго коллеги, затѣмъ отреченіе отъ него въ этомъ дѣлѣ англійскаго правительства, какъ и въ дѣлѣ С. Энныа: отреченіе, но не порицаніе и не сожалѣніе, потому что все устроилось и въ томъ, и въ другомъ случаѣ согласно политическимъ интересамъ Англій. И британское министерство рассчитывало отдѣлать Мюрата отъ Наполеона, но не съ тѣмъ, чтобы упрочить его въ Неаполѣ. А признаніе Мюрата только однимъ изъ союзниковъ было удобно въ его расчетахъ потому, что оно не обязывало другихъ союзниковъ передъ Мюратомъ ни къ какимъ гарантіямъ. Да и въ трактатѣ 11 января Францъ II давалъ вѣдь только свое слово, а слѣдовательно, могъ взять свое слово назадъ. Для него оказалось возможнымъ посредствомъ подчистокъ и вставокъ передѣлать свой союзъ со своимъ зятемъ Наполеономъ въ союзъ съ врагами Франціи. «Государственное нутро» и императорская совѣсть Франца не больше будутъ мучиться отъ низложенія Мюрата и замѣщенія его своей мачихой и теткой Маріей Каролиной, какъ и отъ того, что онъ помогаетъ лишиться трона Наполеона, свою родную дочь и внука. Что же касается до Меттерниха, то онъ велъ переговоры съ Каролиной Бонапарте, какъ повѣса налаживаетъ любовное соглашеніе съ вѣтренной, податливой и падкой на подарки дамой. Нейшпергъ выразилъ кратко суть всей этой комедіи, сказавъ какъ-то Грэмму: «Начнемъ съ изгнанія французовъ изъ Италіи, потомъ мы всегда можемъ выбить Мюрата»¹⁾. Участь Мюрата рѣшалась во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, Мюратъ потерялъ свою корону такъ же, какъ и получилъ ее. Тщетно старался онъ отдѣлаться отъ родины, она его удерживала: онъ не могъ отъ нея отдѣлаться, что бы ни дѣлалъ.

¹⁾ Вейль, т. III, стр. 355.

Наполеонъ собирался выѣхать изъ Парижа. 21-го онъ писалъ Савари¹⁾: «Отправьте ночью сегодня, съ 21 на 22, ранѣе 5 ч. утра папу въ Савону». Послѣ Валанса—Фонтенебло: тюрьмы пустѣли. Послѣ удаленія войскъ изъ Польши, Испаніи, Германіи, Италіи явились предвѣстники ухода изъ Италіи и подготовка реставраціи. Наполеонъ понималъ, что послѣдствіемъ его пораженія будетъ возвращеніе Бурбоновъ. «Всѣ державы, даже Англія признали эти границы—естественныя границы», говорилъ онъ Лабенардьеру, главному чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ. «Всѣ государства увеличили свои владѣнія. Желать ввести Францію въ старыя границы значитъ желать привести ее къ упадку и униженію. Возвращеніе Франціи въ старыя границы неразлучно съ возстановленіемъ Бурбоновъ, потому что только они могутъ поручиться за сохраненіе такого положенія, и Англія это знаетъ хорошо. Ни имперія, ни республика, если бы ее возродили перевороты, никогда не подпишутъ такихъ условій». «Относительно же рѣшенія Его Величества, продолжалъ Лабенардьеръ... Оно непоколебимо. Онъ не допуститъ, чтобы Франція осталась послѣ него менѣе великой, чѣмъ была, когда онъ принялъ ее. Если же союзники измѣнятъ принятыя нами основныя условія и предложатъ старыя границы, для него открывается только три выхода: биться и побѣдить, или биться и со славою умереть, или, если нація его не поддержитъ, отречься»²⁾. Наполеонъ освѣдомлялся о Бурбонахъ и объ ихъ характерѣ: «Повѣрьте мнѣ, говорилъ онъ Ла-Валетту, передавшему это Моле, если меня убьютъ, мое наслѣдство теперь не достанется Римскому королю. Въ настоящее время положеніе таково, что мнѣ можетъ наслѣдовать только Бурбонъ». Коленкуръ выѣхалъ 4 января. Онъ условился съ Таллейраномъ о шифрѣ, чтобы извѣстить его о подписаніи мира³⁾. «Намъ придется, говорилъ онъ печально своему спутнику Райневало, исполнить очень трудную, да сверхъ того и бесполезную работу; повѣрьте мнѣ, несмотря на всѣ наши старанія, Наполеоновская эра приближается къ концу: наступаетъ эра Бурбоновъ»⁴⁾.

По своей непослѣдовательности, чему онъ далъ немало доказательствъ въ отношеніяхъ къ Юсифу, въ силу суевѣрной слабости къ «старшему» брату, которой онъ не могъ стряхнуть съ себя, Наполеонъ поручилъ ему управленіе Франціей, защиту жены и опеку надъ сыномъ; а вѣдь онъ

¹⁾ Лесестръ.

²⁾ Лабенардьеръ Коленкуру 19 янв. 1814 г.

³⁾ Паскье, т. II, стр. 115, 139.

⁴⁾ *Souvenirs de M-me de Coigny*. Разговоръ съ Таллейраномъ. См. ниже, гл. V, § 1.

⁵⁾ Viel-Castel, *Restauration*, т. I, стр. 127. D'Haussonville, *Mélanges*, стр. 172.

считалъ этого блюстителя своей власти неспособнымъ командовать полкомъ, отдать приказаніе, избрать какое-нибудь рѣшеніе, подозрѣвалъ во всевозможныхъ честолюбивыхъ проискахъ, обвинялъ въ вѣроломствѣ и, чтобы выразить все, что его возмущало, называлъ «императоромъ неурядицы и грозой ревнивыхъ мужей». 24 января онъ подписалъ полномочія, вручавшія регентство Маріи Луизѣ, при двухъ совѣтникахъ: Камбасересѣ для гражданскихъ и Юсифѣ для военныхъ дѣлъ, и 25-го «сжегъ самыя секретныя свои бумаги и въ 3 часа утра выѣхалъ» ¹⁾.

ГЛАВА IV.

Шатильонскій конгрессъ 1814 г.

Война возобновилась. Блюхеръ съ пруссаками перешелъ Рейнъ у Майнца, направляясь къ Арденнамъ. Армія Шварценберга переправилась 20-го у Базеля. Это послѣднее устроилось не безъ прещирательствъ съ Александромъ: царь хотѣлъ «поднять всю Европу на Францію», но щадилъ Швейцарію ²⁾. 29-го Цюрихскій сеймъ объявилъ о недѣйствительности акта о посредничествѣ и о разрывѣ съ Франціей, а это въ глазахъ союзниковъ все совершенное ими возвращало къ законному порядку. Главная квартира была перенесена во Фрейбургъ.

Меттернихъ получилъ новости изъ Парижа: «Кто-то, писалъ онъ Гуделесту, спросилъ Таллейрана, что онъ думаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ: «Я думаю, что наступаетъ начало конца», отвѣчалъ тотъ. Я такъ же думаю. Сенатъ заволновался. Императрица написала отцу жалобное письмо. Никогда Наполеонъ еще не попадалъ въ такіе тиски. Со стороны Италіи мы уже не испытываемъ безпокойства...» Это для него была минута расцвѣта, и онъ картинно позировалъ передъ потомствомъ: «Мы имѣемъ основаніе думать, что отнынѣ нашей главной квартирой будетъ весь міръ» ³⁾.

Тѣмъ не менѣе его не покидали очень важныя безпокойства. Въѣсть съ успѣхомъ, горячіе или, какъ ихъ называлъ Меттернихъ, *бѣшеные* утрапти всякое чувство мѣры. О чемъ прежде тихо шелтали, теперь громко высказывалось: за безопадную войну, за кару надъ преступникомъ, за его низложеніе, за перемѣну династіи. «Вотъ истинная слава и настоящій театръ военныхъ дѣйствій, говорили русскіе: нужно внести

¹⁾ Фредерикъ Массонъ. Марія Луиза.

²⁾ Дневникъ Гарденберга, 10 дек. 1813 г.

³⁾ Гуделесту 3 янв. 1814 г. См. его письмо къ княгинѣ Ливенъ 18 окт. 1819 г. Ernest Daudet, *Revue hebdomadaire* 29 іюля 1899 г.

войну въ сердце Франціи для того, чтобы заставить ее отказаться отъ тиранніи надъ Европой, а тираннію эту придется переживать снова, если Францію не поставятъ разъ навсегда внѣ возможности вредить другимъ» ¹⁾.

Прибавьте къ этому почти заявленныя стремленія Александра въ пользу Бернадотта и кандидатуру, выставляемую этимъ бывшимъ французскимъ маршаломъ все откровеннѣе по мѣрѣ приближенія его со своими шведами къ границамъ своего бывшего отечества. «Австрійскій дворъ никогда не помышлялъ, писалъ Генцъ, о замѣнѣ одной опасности другою и о низверженіи французскаго господства для содѣйствія и подготовки русскаго главенства... Вѣнскій кабинетъ имѣетъ искреннія намѣренія заключить миръ съ Наполеономъ, поставить въ границы его силу, обезпечить государей отъ замысловъ его безпокойнаго честолюбія, но оставить его и его семью на тронѣ». Эти взгляды тестя Наполеона и министра, устроившаго въ 1810 г. его бракъ, совершенно тождественны со взглядами шуррина Людовика XVI, Леопольда, и министра, заключившаго бракъ 1770 г., Каунитца ²⁾. — взглядами, относящимися къ 1791 году, ко временамъ Варенна и Пильнища.

Такія-то соображенія побудили Меттерниха уговориться съ Пруссіей. Опасность преобладанія русскаго вліянія во Франціи и присвоенія Россіей Галиціи заставила его избрать изъ двухъ золъ меньшее: онъ выслушалъ Гарденберга, который явился къ нему въ качествѣ добраго нѣмца и руссофоба и убѣдилъ его, что, если бы состоялась сдѣлка между ними двумя насчетъ Саксоніи, она была бы ратификована прусскимъ королемъ, Пруссія отдѣлилась бы отъ Александра и поддержала австрійскую оппозицію намѣренія этого императора относительно Польши. Это недоразумѣніе, длившееся много времени и породившее на Вѣнскомъ конгрессѣ продолжительныя и ничего невыяснившія пренія, проявилось въ первыхъ числахъ января 1814 года. Гарденбергъ, старавшійся получить гарантіи присоединенія Саксоніи съ обѣихъ сторонъ и увѣренный въ согласіи Александра, писалъ въ своемъ дневникѣ 8 января 1814 г.: «Совѣщаніе съ Меттернихомъ... Онъ согласенъ на планы относительно Саксоніи». Въ этотъ же день Меттернихъ получилъ письмо отъ Коленкура.

¹⁾ См. о такихъ настроеніяхъ письма Воронцова сыну, бывшему тогда въ дѣйствующей арміи въ Голландіи, декабрь 1813—январь 1814. Письма Генца Господарямъ, т. I, стр. 72—77, апрѣль 1814 г. обзорніе прошлаго. — Фурнье, *Шатильонъ*.

²⁾ См. т. II, стр. 189, 235. — Чарторыйскій Новосильцову. Русское историческое общество, т. IX, стр. 435.

Письмо это, отъ 6-го января изъ Люневилля, выражало безпокойство и желаніе переговоровъ. Въ немъ встрѣчались замѣчанія, вполне обоснованныя и показывающія, что Наполеонъ хорошо понялъ игру Меттерниха. Коленкуръ не можетъ себя объяснить, почему такъ долго нѣтъ отвѣта отъ Меттерниха на выраженное имъ «полное и совершенное согласіе на основныя условія, предложенныя его сіятельствомъ по соглашенію съ русскимъ и англійскимъ министрами и съ согласія Пруссіи». Мысль о томъ, что «лордъ Эбердинъ, уполномоченный предложить основныя условія, не имѣетъ власти вести переговоры, ему кажется трудно допустимой, и Его Величество не нанесетъ оскорбленія союзникамъ своимъ предположеніемъ, что они еще не составили опредѣленнаго рѣшенія и не обсудили достаточно вопроса; союзники знаютъ слишкомъ хорошо, что всякое условное предложеніе становится безусловно обязательнымъ для стороны, сдѣлавшей предложеніе, съ того момента, когда условія, поставленныя ею, приняты другой стороной. Во всякомъ случаѣ, намъ пришлось ждать до 6-го января отвѣта, о которомъ ваше сіятельство извѣстили насъ 10-го декабря»¹⁾. Коленкуръ имѣлъ полномочія и ожидалъ на аванпостахъ необходимыхъ паспортовъ для того, чтобъ явиться къ Меттерниху. Онъ приложилъ къ официальному посланію частное письмо, въ которомъ поздравляетъ Меттерниха съ возведеніемъ въ княжеское достоинство и, намекая на дружескія и весьма знаменательныя откровенности, о которыхъ Меттернихъ конечно не забылъ²⁾, продолжаетъ: «Я такъ высоко оцѣнилъ отношенія, установившіяся между нами въ Прагѣ, что считаю себя обязаннымъ желать ихъ продолженія. Мы хотимъ мира; я надѣюсь, что ваше сіятельство повѣрите искренности этого признанія потому, что выражаю его я».

Но и Меттернихъ желалъ мира не менѣе Коленкура. Но какого мира? Съ Наполеономъ, или безъ Наполеона? Мира, заключеннаго въ Базелѣ, Люневиллѣ, на конгрессѣ, или продиктованнаго въ Парижѣ, послѣ торжественнаго вступленія по трупѣ Наполеона, по обложкамъ великой арміи? Въ ожиданіи соглашенія союзниковъ на этотъ счетъ Меттернихъ поддерживаетъ заблужденія Коленкура. Онъ отвѣтилъ ему 8-го января, повторяя франкфуртскія двусмысленности въ утонченной обработкѣ и подготавливая себя отступленіе средствами, которыя у него всегда были въ запасѣ: «Предположеніе вашего сіятельства, что основныя мирныя условія предложены лордомъ Эбердиномъ, снабженнымъ на это полномо-

¹⁾ «Немедленно по полученіи отвѣтовъ (отъ союзниковъ, т. е. отъ Англии) могутъ быть открыты переговоры». Меттернихъ Коленкуру 10-го декабря 1813 г. См. выше, стр. 180.

²⁾ Фурнье, *Шатильонъ*, стр. 49, примѣч. См. выше, стр. 136—139, 177—179.

чіями, ни на чемъ не основано». Такимъ образомъ, Англія осталась въ сторонѣ, и мнимый франкфуртскій договоръ разстроился. 14-го числа онъ сообщилъ объ ожидаемомъ прибытіи лорда Кэстльри, приглашалъ Коленкура быть по близости и указалъ на Шатильонъ на Сенѣ, какъ на самое удобное мѣсто для переговоровъ.

16-го, онъ писалъ изъ Базеля Шварценбергу, который тогда подвигался къ Лангру¹⁾. Письмо выражало его тайныя желанія и безпокойства: «Наступаетъ важная година. Наше дѣло, дѣло спасенія Европы, будетъ увѣнчано, если земля не разступится подъ нашими ногами. Лордъ Кэстльри будетъ здѣсь самое позднее завтра. Наше спасеніе зависить отъ перваго моего разговора съ нимъ. Если онъ ослабѣетъ, какъ и другіе, придется принять новыя мѣры. Въ этомъ случаѣ въ высшей степени важно, чтобы вы не растягивали свою линію. Мы не намѣрены жертвовать ни единымъ солдатомъ для того, чтобы посадить на французскій тронъ Бернадотта. Вы, пожалуй, подумаете, что я схожу съ ума. Это, тѣмъ не менѣе, очередной вопросъ»²⁾.

Англійскій кабинетъ рѣшилъ послать на будущій мирный конгрессъ полномочнаго министра, и, такъ какъ союзные государи непосредственно обсуждали дѣла съ помощью своихъ канцлеровъ и министровъ иностранныхъ дѣлъ, то Англія не могла не аккредитовать при союзникахъ своего министра иностранныхъ дѣлъ³⁾. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ, порученныхъ Кэстльри, состояла въ скрѣпленіи и соединеніи въ единый договоръ разныхъ трактатовъ коалиціи для того, чтобы обезпечить энергичное продолженіе войны и установленіе такого порядка вещей, который водворилъ бы миръ; для этого на первомъ планѣ стояло: учрежденіе барьернаго государства Голландіи съ присоединеніемъ къ ней Бельгіи; такая постановка дѣла во все времена имѣла фундаментальное значеніе въ глазахъ англичанъ. Возвращаться же къ предложеніямъ С. Эньяна было, по мнѣнію англійскихъ министровъ, все равно, что «начинать со временъ Адама»⁴⁾. Они ихъ считали неимѣющими официального характера, впрочемъ на случай, если ихъ станутъ принуждать къ принятію этой базы, они приготовились истолковать, со всевозможной юридической при-

¹⁾ Онъ туда прибылъ 18 января 1814 г.

²⁾ Онкенъ, т. II, стр. 723. Фурнье, стр. 51—52. Письмо на нѣмецкомъ языкѣ.

³⁾ Кэстльри, Письма и депеши, т. IX.—Веллингтонъ, *Supplementary despatches*, т. VIII.—Инструкціи Кэстльри 24 дек. 1813 г.; Кэстльри Гамильтону 10 марта 1814 г.—Мартенсъ, т. XI, стр. 199—200, 218.—Арнетъ: *Вессенбергъ*, т. I, стр. 175 и слѣдующ.

⁴⁾ Помощникъ государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ Эдуардъ Кукъ Кэстльри 5 янв. 1814 г.

дирчивостью, нижеислѣдующія слова «замѣтки»: «Франція для своего могущества и преобладанія должна сохранить свою цѣлость и ограничиваться своими естественными предѣлами: Рейномъ, Альпами и Пиренеями».

Эти тонкіе коронныя законовѣды толковали вышеприведенные термины въ томъ смыслѣ, что не *территорія* французская должна простираться до этихъ границъ, а что рѣчь тутъ идетъ о томъ, что ея могущество и преобладающее вліяніе допустимо внутри этихъ предѣловъ. Допустимо, если она будетъ оказывать нѣкоторое вліяніе на мелкія государства по сю сторону Рейна, но оно должно быть достаточно сдержано, чтобы ни вліяніе, ни преобладаніе не распространялось и на ту сторону Рейна ¹⁾. Былъ еще одинъ вопросъ, который не менѣе тревожилъ англійскихъ министровъ, это—о будущемъ правительствѣ Франціи. Они думали, какъ нѣкогда Питтъ, что прочный миръ возможенъ только съ возвращеніемъ Франціи въ старыя границы, но они также понимали, что только прежніе короли, Бурбоны, могутъ, сохраняя свое достоинство, принять подобныя условія и соблюдать ихъ искренно. «Съ возвращеніемъ Бурбоновъ, писалъ 10-го декабря 1813 г. Кэстльри Эбердину, враждебныя дѣйствія прекратятся немедленно». Помощникъ государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ Кукъ его извѣщалъ ²⁾, вслѣдъ за его выѣздомъ изъ Лондона: «Будьте увѣрены, что общая, чтобы не сказать универсальная, постановка вопроса такова: никакого мира съ Бонапартомъ; если же придется заключить съ нимъ миръ, то условія этого мира должны обезсилить его вредоносность и его искусство въ такой степени, чтобы мы оставались такъ же спокойны, какъ будто мы возстановили на тронѣ Бурбоновъ». Но англичане считали себя обязанными предоставить свободу выбора французамъ лишь для виду, съ тѣмъ, чтобы они не могли выбрать никого, кромѣ Бурбона. Достаточно, если Кэстльри воспротивится всякой другой комбинаціи, и эта комбинація преодолѣетъ, такъ какъ она одна можетъ согласить все интересы: ибо Австрія не хочетъ и слышать о Бернадоттѣ, Александръ—о Наполеонѣ.

Съ такими задними мыслями Кэстльри приготовился къ роли посредника между Меттернихомъ, который хотѣлъ договариваться съ Наполеономъ и желалъ его ослабить, и Александромъ, который хотѣлъ его низложить. «Страстное желаніе дойти до Парижа дѣлаетъ его глухимъ ко всякимъ представленіямъ», писалъ объ Александрѣ Гентцъ ³⁾. По личному вкусу, по страху передъ опасными предпріятіями, особенно по заботамъ объ

¹⁾ Меморандумъ, относящійся къ запискѣ С. Эньяна, Кэстльри, т. I, стр. 139.

²⁾ 5 янв. 1814 г.

³⁾ 8 мая 1814 г.

обузданіи честолюбія Россіи, Кэстльри скоро долженъ былъ распознать свою близость къ Австріи, несмотря на свои тайныя желанія низвергнуть Наполеона и убѣжденіе въ томъ, что съ Наполеономъ Англія не будетъ имѣть прочнаго мира, и несмотря даже на то, что это мнѣніе было отголоскомъ общественнаго мнѣнія его родины, «гдѣ ярость противъ Наполеона превратилась въ изступленіе». Войти въ виды Меттерниха и именно согласнымъ веденіемъ переговоровъ склонить его къ мысли о низложеніи Бонапартовъ и реставраціи Бурбоновъ—таковъ былъ отнынѣ его тайный планъ. Александръ, думалъ онъ, уступитъ, усматривая въ этой уступкѣ единственное средство соединить союзниковъ для мщенія. Но тогда не онъ одинъ предпишетъ миръ, и новое правительство Франціи, будучи правительствомъ въ силу принциповъ, а не правительствомъ какъ средствомъ выпутаться изъ бѣды, не сдѣлается ни кліентомъ, ни должникомъ ни одного изъ союзниковъ. И великіе планы русскаго верховенства такимъ путемъ будутъ разстроены.

Кэстльри прибылъ 18-го января во Фрейбургъ. Это дѣйствующее лицо выступило на сцену, когда драма подходила къ концу; но съ этой поры оно остается на первомъ планѣ; и своимъ личнымъ характеромъ, и какъ представитель Англіи Кэстльри сильно содѣйствовалъ развязкѣ. Роберту Стюарту, виконту Кэстльри, маркизу Лондондерри шелъ 45-ый годъ и съ двадцати одного года онъ подвизался на политическомъ поприщѣ, депутатомъ, помощникомъ государственнаго секретаря, министромъ колоній и военнымъ, въ 1811 г. иностраннымъ дѣлъ и съ этихъ поръ премьеромъ. Онъ составилъ съ другомъ своимъ Веллингтономъ грозный дуумвиратъ, который направлялъ англійскую политику къ своимъ цѣлямъ въ этомъ великомъ крушеніи французскаго господства. Кэстльри былъ принципиальнымъ политическимъ дѣятелемъ и держался за свои принципы съ непоколебимымъ постоянствомъ, упрямо проводя ихъ въ дѣлахъ; но эти «принципы» не имѣли въ себѣ ровно ничего абстрактнаго или умозрительнаго: они сводились къ одному—къ наибольшей выгодѣ Англіи, и все вытекало изъ этого высшаго принципа государственной пользы. Кэстльри говорилъ авторитетно до кругости, а выражался неизячно до нѣкоторой беспорядочности. Въ житейскихъ отношеніяхъ вѣжливый, съ благородными манерами знатный баринъ преобладалъ надъ политикомъ; добиться съ нимъ интимности было трудно; но, разъ это случилось, въ немъ находили надежнаго человѣка. Онъ ненавидѣлъ революцію за нее самое и за то, что она была французская и привела Францію къ величію. Искоренить революцію, возвратитъ Францію въ старыя границы—вотъ вся его политика. Это былъ чловѣкъ Утрехтскаго мира и трактата 1763 г.: *баррьеръ* и ни малѣйшаго расширенія Франціи ни на континентѣ, ни

въ другихъ мѣстахъ; по этому-то образцу онъ и задумалъ миръ 1814 г. и въ этомъ направленіи работалъ. Но эта упорная вражда къ Франціи, пока она была грознымъ соперникомъ Англіи, эта вражда исчезла, какъ только Англія получила свои гарантіи. Кэстльри не желалъ ни полной гибели Франціи и исключенія ея изъ сонма европейскихъ державъ, ни торжества и преобладанія Россіи. Такіе взгляды удаляли его отъ Александра. Александръ вызывалъ въ немъ постоянное безпокойство и несколько не привлекалъ его. Все въ этомъ непостижимомъ славянинѣ вызывало въ Кэстльри недовѣріе: эта комета нарушала его систему. Меттернихъ привлекъ его своимъ методомъ, хотя и внушалъ не больше довѣрія къ себѣ: они оба лавировали въ однихъ водахъ. Съ первой встрѣчи они поняли, что легко сойдутся.

Александръ выѣхалъ въ Лангръ, куда и прибылъ 22-го, рѣшившись начать наступательныя дѣйствія и принудить такимъ образомъ несогласныхъ съ нимъ признать совершившійся фактъ. Но генералиссимусъ Шварценбергъ упорствовалъ, не поддаваясь направленію, которое Александръ хотѣлъ сообщить военнымъ дѣйствіямъ, другими словами, плану движенія прямо на Парижъ. Меттернихъ, слѣдовавшій въ свитѣ императора Франца вмѣстѣ съ Кэстльри и присоединившійся къ царю 25-го, оказался еще упорнѣе. «Главный поводъ къ разладу, писалъ Мюнстеръ принцу-регенту Англіи ¹⁾, въ томъ, что Россія не высказывается, какъ далеко она желаетъ раздвинуть свои границы на счетъ Польши. Австрія подозрѣваетъ, что она возбуждаетъ волненія въ Галиціи, что она добивается возстановленія польскаго королевства съ королемъ Александромъ, и что за это именно она отдала бы Австріи Эльзась ²⁾. Въ томъ же смыслѣ, говорятъ, Россія обѣщала Пруссіи все курфюршество Саксонское, за исключеніемъ небольшой прирѣзки въ пользу Веймара. Наконецъ, между двумя великими континентальными державами накопилось достаточно матеріала для раздора, который съ переменною счастія можетъ произвести весьма пагубныя послѣдствія». Вѣроятно, Меттернихъ и затронулъ съ Кэстльри отчасти этотъ вопросъ и посвятилъ его въ то же время въ намѣренія Александра относительно французской монархіи съ Бернадоттомъ. Кэстльри былъ всегда вполне равнодушенъ къ участи короля Саксонскаго, и видѣть пруссаковъ въ Дрезденѣ для него было почти безразлично; но онъ вовсе не желалъ, чтобы Россія утвердилась въ сердцѣ Европы; еще менѣе онъ желалъ установленія во Франціи въ честь и

¹⁾ 30 янв. 1814 г. Фурнѣ, на французскомъ языкѣ.

²⁾ Памятная записка Нессельроде, 23 янв. 1814 г. Этотъ проектъ отнималъ у Франціи часть Лотарингіи и Эльзась и, кажется, оставлялъ за нею лѣвый берегъ Шельды.—См. выше, стр. 8, 110.—Мартенсъ, т. VII, стр. 153.

пользу Россіи нѣкотораго рода польскихъ порядковъ до 1792 г.; наконецъ, онъ оставался при своемъ относительно «старыхъ границъ», дававшихъ прочный миръ, по крайней мѣрѣ, Англіи. На этотъ счетъ съ нимъ безъ труда соглашался Меттернихъ, считавшій Эльзась самымъ коварнымъ даромъ. Изъ страха увидѣть русскихъ въ Краковѣ, а пруссаковъ въ Дрезденѣ этотъ австріецъ сохранилъ Франціи Страсбургъ. Кэстльри имѣлъ продолжительный разговоръ съ Александромъ. Царь отрицалъ всякое соглашеніе между собой и Бернадоттомъ относительно Франціи. Кэстльри убѣдился, что Александръ или его обманываетъ, или, по крайней мѣрѣ, играетъ словами, и что его намѣренія въ пользу наслѣднаго шведскаго принца должно считать весьма серьезными. Это двоядушіе бросило его окончательно въ сторону Меттерниха.

II.

Союзники соединились въ Лангрѣ и тамъ приступили къ обсужденію предстоящей кампаніи. 26 января Шварценбергъ подалъ императору Францу длинный мемуаръ, въ которомъ разсматривались выгоды и неудобства прямого наступленія на Парижъ. Но онъ уклонился отъ рѣшенія этого вопроса. Во всякомъ случаѣ, его соображенія склонялись въ безконечной степенн болѣе въ сторону благоразумія, чѣмъ смѣлости. Въ этотъ же день онъ писалъ своей женѣ: «Здѣсь мы должны заключить миръ, таково мое мнѣніе. Нашъ государь, Стадіонъ, Меттернихъ и даже Кэстльри того же мнѣнія. Но императоръ Александръ!.. Пришла пора принять безповоротное рѣшеніе, и да поможетъ намъ небо въ такомъ критическомъ положеніи!»

Императоръ Францъ приказалъ Меттерниху составить докладъ о мемуарѣ Шварценберга. На слѣдующій день, 27-го, Меттернихъ его подалъ. Тамъ онъ напоминалъ о Теплицкихъ постановленіяхъ и о цѣли, которой тогда предполагали достигнуть войной: «возстановленія равновѣсія европейскихъ державъ и распредѣленія ихъ относительной силы для упроченія этого равновѣсія» ¹⁾; «возвращенія французскаго могущества въ границы, совмѣстимыя съ европейскимъ равновѣсіемъ». Для достиженія этой цѣли державы считали необходимымъ... «вести Францію въ границы по Рейнъ, Альпы и Пиренси, при чемъ *точное опредѣленіе альпійской и рейнской пограничной черты предполагалось еще установить*». Вотъ, наконецъ, и обнаружилась великая франкфуртская тайна. И это случилось потому, что союзникамъ не зачѣмъ стало притворяться. Они теперь

¹⁾ Вступительныя статьи особыя и тайныя трактата 9 сентября 1813 г. См. выше, стр. 150.

могли сказать, что всегда этого хотѣли, и могли настоять на своемъ. «Наполеонъ, продолжалъ Меттернихъ, прислалъ въ Шатильонъ для мирныхъ переговоровъ полномочнаго министра Коленкура. Станетъ ли онъ переговариваться на этихъ условіяхъ? Это будетъ сейчасъ же извѣстно, если пожелаютъ приступить къ совѣщаніямъ». Оставался открытымъ вопросъ о внутреннемъ управленіи Франціи. По мнѣнію Меттерниха, этого вопроса не слѣдуетъ поднимать, «предоставляя это самостоятельному почину Франціи, не мѣшать ей и не подстрекать ея». Англичане полагали, что такая нейтральность поведетъ къ реставраціи Бурбоновъ. Меттернихъ держался другихъ мыслей. «Это значило бы, продолжаетъ онъ, извлечь всевозможную пользу изъ существованія Наполеона, терпимаго націей, достигъ того же, чего съ общей точки зрѣнія было бы справедливо и разумно добиваться отъ Бурбоновъ, если бы возстановленіе ихъ произошло по волѣ націи. Насчетъ Бернадотта онъ былъ точенъ: «Я не допускаю возможности установленія другой династии и не стану доказывать, что державы никогда не будутъ въ силахъ дать великому народу государя, избраннаго изъ сравнительно слабой партіи». — «Его замѣтитъ не Бернадоттъ, писалъ онъ еще 16-го января; для утвержденія наиболѣе далекаго отъ этого предположенія не нужно даже знать Францію». — Закончилъ онъ предложеніемъ союзникамъ собраться на конференцію для рѣшенія слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) Готовы ли союзники вступить въ переговоры съ Франціей на условіяхъ, относительно которыхъ они между собою согласились, «съ установленіемъ границъ со стороны Альпъ и Рейна, о чемъ четыре кабинета, не теряя времени, должны придти къ соглашенію?» 2) Расположены ли они составить постановленіе отъ лица Европы объ ея переустройствѣ ими самими съ исключеніемъ Франціи, которой объ этомъ будетъ сообщено вкратцѣ? 3) Если переговоры затянутся, намѣрены ли они сообщить о своихъ предложеніяхъ французскому народу посредствомъ манифеста? 4) Поставить ли на первомъ, или на второмъ планѣ вопросъ о династии? 5) Рѣшились ли державы объявить себя только противъ Наполеона, или также противъ его наслѣдника и въ пользу Бурбоновъ? 6) Если кабинеты перемѣнили свое мнѣніе относительно переустройства великихъ державъ въ то положеніе, въ какомъ онъ находились въ 1805 году, то намѣрены ли они опредѣленно выразить и обосновать свои новые взгляды? ¹⁾ Наконецъ онъ подошелъ къ сомнительному до сихъ поръ вопросу о предполагаемыхъ вознагражденіяхъ для Австріи и Пруссіи. Онъ желалъ отдѣ-

¹⁾ Текстъ въ XXXI т. сборниковъ Русскаго Историческаго Общества. На запискѣ здѣсь выставлено 14—26 января. На подлинникѣ, написанномъ рукою Меттерниха, 27-е число. — Фурнье.

латься отъ кошмара русскихъ притязаній на Польшу ¹⁾ и въ этомъ случаѣ былъ увѣренъ въ Гарденбергѣ и рассчитывалъ на согласнаго съ нимъ Кэстльри.

Императоръ Францъ въ мотивированной *резолуціи* одобрилъ эти заключенія своего министра. Записка и императорская резолюція были сообщены союзникамъ.

Окружающіе Александра были между собой несогласны. Генералы склонялись на сторону Шварценберга, т. е. къ осторожности. Нессельроде настаивалъ на умѣренности: отбѣнивъ Францію за старыя границы, щадить и не слишкомъ унижать ее; заключить миръ и прославить себя возстановленіемъ европейскаго равновѣсія. Поццо ди Борго, вернувшійся изъ Лондона, гдѣ онъ познакомился съ расположеніемъ принца регента къ Бурбонамъ, работалъ въ ихъ пользу. Французскій эмигрантъ Рошшуаръ, другъ герцога Ришелье, а слѣдовательно, близкій человѣкъ къ русскому главному штабу, стоялъ за насильственное возстановленіе старой династии. Жагарпъ ²⁾, побывавшій въ Парижѣ, чтобы снѣться съ оппозиціей, мечталъ о плебисцитѣ, о конституціи, совѣтовалъ своему бывшему ученику воспользоваться неудовольствіемъ французовъ на Наполеона и ходатайствовалъ за Бернадотта ³⁾.

Но вся діалектика Поццо не склонила Александра къ Бурбонамъ. «Пусть французы выскажутся, повторялъ онъ, тогда будутъ устранены многія затрудненія» ⁴⁾. А онъ сильно рассчитывалъ на то, что французы выскажутся за Бернадотта. Александръ дозволилъ Меттерниху дѣлать свои внушенія Сентъ-Эньяну, полагаясь на его увѣренія, что это не болѣе какъ военная хитрость, на которую Наполеонъ не обратитъ вниманія. Теперь же, когда эта хитрость удалась, и манифестомъ, обнародованнымъ 1-го декабря, вся отвѣтственность за войну была приписана Наполеону, австрійцы затѣвали еще вести съ нимъ переговоры! Александръ выполнилъ и объявилъ, что онъ уѣдетъ, чтобы стать во главѣ своей арміи.

27-го на вечерѣ Гарденбергъ пытался выступить посредникомъ. Въ его «Дневникѣ» можно прочитать: «Видѣлся съ королемъ и русскимъ императоромъ. Пренія о планѣ операцій и недоразумѣнія. Интрига Штейна въ угоду Александру съ цѣлью заставить армію идти прямо на Парижъ. Австрійская партія этому противодѣйствуетъ; другіе сами не знаютъ,

¹⁾ Записка Фридриху Вильгельму 27 янв. 1814 г. Фурнье.

²⁾ Учитель Александра, находившійся въ дружбѣ съ французскими либералами.

³⁾ Мемуары Моріоля, стр. 138, 144.

⁴⁾ Записка Рошшуара, 27 янв. 1814 г. Разговоръ съ Александромъ въ тотъ же день. *Mémoires de Rocheschouart*.

чего хотять». Последнія слова относились къ прусскому королю. Этотъ король и теперь, какъ и всегда со времени своего знаменитаго посѣщенія въ ноябрѣ 1805 г. гробницы Фридриха Великаго въ Потсдамѣ, преклонился передъ обаяніемъ Александра и бросился въ его объятія. «Король Прусскій общалъ ему оставаться съ нимъ до послѣдней крайности»¹⁾.

Къ этому самому вечеру, послѣ обѣда, слѣдуетъ отнести время одной бесѣды, разсказанной Меттернихомъ, хотя ко всѣмъ ея подробностямъ нужно относиться съ осторожностью²⁾. Когда Меттернихъ составлялъ свои мемуары, ему выгодно было изобразить себя и болѣе прозорливымъ и, особенно, болѣе расположеннымъ къ Бурбонамъ, чѣмъ онъ былъ въ то время³⁾. «Франція враждебна Бурбонамъ, сказалъ будто бы Александръ. Возстановленіе ихъ на тронѣ, котораго они не сумѣли удержать за собой, привело бы Францію и Европу къ новымъ революціямъ, послѣдствія которыхъ неисчислимы. Выборъ новаго государя—трудная задача для иностранца». Александръ опять заговорилъ о планѣ, который разъяснялъ еще въ 1804 г. и примѣненія котораго въ то время горячо добивался; къ нему же онъ опять вернулся послѣ Ватерлоо въ 1815 г. Онъ предлагалъ энергичное наступленіе на Парижъ, по занятіи котораго слѣдуетъ обратиться къ французамъ съ деклараціей и объявить въ ней, что они свободны избрать себѣ государя и созвать первичныя избирательныя собранія для обсужденія только двухъ вопросовъ: о формѣ правленія и объ избраніи государя; но съ затаенной оговоркой, что образъ правленія не долженъ быть республиканскимъ, а государемъ не долженъ быть Наполеонъ. «Существенный пунктъ дать надлежащее направленіе собранію. Я имѣю для этого дѣла подходящаго человѣка... Лагарпа».

Меттернихъ настаивалъ на своемъ планѣ переговоровъ; потомъ отправился за приказаніями къ императору Францу и вернулся на другой день 28-го января къ Александру. «Я дошелъ до угрозы разрывомъ и этимъ принудилъ его согласиться», пишетъ онъ. Александръ понялъ, что всякій исходъ лучше, чѣмъ выдѣленіе австрійцевъ изъ коалиціи. Съ австрійцами можно дойти до Парижа, а тамъ побѣда принесетъ съ собою остальное. Онъ согласился на конференцію, гдѣ должны установить основанія инструкцій для уполномоченныхъ, обязанныхъ съѣхаться съ Коленкуромъ въ Шатильонѣ⁴⁾.

¹⁾ Мюнстеръ принцу регенту, 30 янв. 1814 г. Фурнье.

²⁾ *Автобіографія*: объ исторіи союзовъ, пребываніе въ Лангрѣ; *Мемуары*, т. I, стр. 183.—Фурнье, стр. 70, примѣч.—Донесеніе Кэстльри 29 янв. 1814 г.

³⁾ Bailleu, *Die Memoiren Metternichs, Historische Zeitschrift*. 1880.

⁴⁾ Меттернихъ императору 28 января, Шварценбергу 30 янв. Фурнье.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ посылать туда своего министра, Александръ пожелалъ точно высказать свои взгляды и предъявить свои оговорки и для этого поручилъ—думаютъ, Поццо—составить «замѣчанія» на записку Меттерниха¹⁾. «Пока война длится, никто не можетъ сказать, достигъ ли своей цѣли союзъ... Вѣроятность достиженія этой цѣли зависитъ отъ побѣды». Переходя къ слѣдовавшимъ другъ за другомъ переговорамъ въ Прагѣ, Теплицѣ, Франкфуртѣ, русская нота точно опредѣляетъ ихъ сущность: это были ли къ чему не обязывавшія предложенія, средство завязать предварительные переговоры, оставляющіе за союзниками право возвышать требованія, смотря по случайностямъ войны: такъ въ дѣйствительности и произошло.

Въ такое время, когда значительная часть Европы была еще занята французскими арміями, а надежда на успѣхъ еще сомнительна, союзники должны были ограничивать свои притязанія въ соотвѣствіи со своимъ положеніемъ; но такое ограниченіе не есть отреченіе отъ всѣхъ иныхъ выгодъ, стремиться къ которымъ позволительно и по волю Провидѣнія и въ силу неисчислимыхъ жертвъ, уже принесенныхъ державами... *Но базы, о которыхъ говорили неофициально во Франкфуртѣ, не тѣ базы, которыхъ строго слѣдуетъ въ настоящее время держаться; во Фрейбургѣ не тѣ уже мысли, что были въ Базелѣ, а эти послѣдніе могутъ не согласоваться съ идеями, могущими получить выраженіе въ Лангрѣ.*

Если же значительное расширеніе своихъ притязаній допустимо—а вѣдь это вѣрно—то никакія предшествующія сдѣлки между союзниками ни къ чему ихъ не обязываютъ по отношенію къ непріятелю...

Неумѣстно, продолжала записка, разсуждать съ Франціею объ европейскихъ порядкахъ; достаточно опредѣлить «ея будущія границы» и объ этомъ ее оповѣстить. Записка оканчивалась выводомъ, что надо продолжать военныя дѣйствія въ теченіе переговоровъ:

Такая постановка не содержитъ въ себѣ и не затрагиваетъ вопроса о династии, но, если Провидѣніе обратитъ дѣла и популярность Наполеона въ орудіе уничтоженія его политическаго бытія, отъ такого послѣдствія нимало не пострадаютъ ни справедливость, ни европейскіе интересы.

Александръ согласился на шатильонскія конференціи какъ на средство оттянуть рѣшеніе вопроса и съ задней мыслью разстроить ихъ результаты. Такъ было и въ Прагѣ, и во Франкфуртѣ. «Меттернихъ, писалъ Мюнстеръ, старался всѣми средствами со времени своего пребыванія во Фрейбургѣ остановить военныя операціи, но императоръ Александръ постоянно ускользалъ отъ него, бросаясь впередъ»²⁾. Въ самомъ дѣлѣ

¹⁾ Россія, т. XXXI: Совѣщанія между союзными кабинетами въ Лангрѣ

²⁾ Донесенія Мюнстера 30 янв., 2 февр. 1814 г. Фурнье.

онъ уѣхалъ 29-го, предоставивъ дипломатамъ переговариваться между собою. Во всякомъ случаѣ онъ позаботился приказать своимъ министрамъ отсрочить первую шатильонскую конференцію до 3 февраля, «вѣроятно», — пишетъ Мюнстеръ, лучше сказать, несомнѣнно, — съ намѣреніемъ нанести ударъ неприятелю и повергнуть «чудовище».

Конференція между союзниками состоялась 29 января у австрійца Стадіона. Тамъ присутствовали: Меттернихъ и Стадіонъ за Австрію, Несельроде и Разумовскій за Россію, Кэстльри за Англію, Гарденбергъ за Пруссію. Поццо ди Борго велъ протоколъ ¹⁾.

Согласились увѣдомить Коленкура о томъ, что уполномоченные придутъ въ Шатильонъ 3 февраля для открытія «предварительныхъ совѣщаній объ общемъ мирѣ», и о томъ, что на этихъ совѣщаніяхъ *четыре* европейскія державы будутъ договариваться объ условіяхъ отъ имени Европы. Кэстльри очень хотѣлъ исправить молчаливое признаніе Эбердиномъ въ ноябрѣ во Франкфуртѣ «естественныхъ границъ»; онъ настоялъ на предложеніи Франціи *границы 1792 года* какъ основныхъ условій для мира. По требованію же Меттерниха было добавлено: «при этомъ предоставляется болѣе подробно условиться относительно взаимныхъ соглашеній насчетъ нѣкоторыхъ частей территоріи за этими границами, по ту и другую стороны». Это была уловка для него, благодидное средство связать шатильонскіе переговоры съ франкфуртскими намеками и декларацией о Рейнѣ, Альпахъ и пространствѣ французской территоріи, какого Франція никогда не знала при короляхъ.

Русскіе хотѣли воспретить всякое сообщеніе французамъ о будущемъ европейскомъ устройствѣ. Это предложеніе показалось оскорбительнымъ въ такой формѣ выраженія; его устранили и ограничились постановленіемъ: «Что французамъ будетъ сообщено о всеобщемъ устройствѣ, но оно не станетъ предметомъ переговоровъ съ ними»; наконецъ, «что въ случаѣ разрыва переговоровъ о предложенныхъ условіяхъ мира будетъ доведено до свѣдѣнія французской націи». Еще до окончанія конференціи Кэстльри заявили о надеждахъ англійскаго правительства на то, что никто изъ союзныхъ государей не станетъ противиться реставраціи Бурбоновъ, если возстановленіе ихъ на престолъ будетъ дѣломъ самой націи; затѣмъ, что, если положеніе, въ которое будетъ поставленъ Наполеонъ, не будетъ обезпечивать исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ, Кэстльри сохраняютъ за собою право прервать переговоры въ тотъ же день. Уполно-

¹⁾ Протоколъ конференціи въ Ландгрѣ 29 янв. 1814 г. Россія, т. XXXI. — Меттернихъ Гуделисту 30 янв, 1 февр. 1814 г. — Фурнье, Онкенъ, т. II, стр. 763—764.

моченные должны были получить общую инструкцію. Меттерниху поручили ее редактировать ¹⁾.

Пылкость Александра и отвага Блюхера положили конецъ дипломатическимъ уверткамъ: въ 1792—1795 гг. дипломаты задерживали операціи армій; въ 1814 г. арміи увлекали за собою дипломатовъ, зачастую испуганныхъ, постоянно всемъ недовольныхъ и замышлявшихъ свои козни. Во всякомъ случаѣ въ ихъ средѣ существовало броженіе, а потому Наполеонъ еще надѣялся разбить союзниковъ по частямъ и внести разладъ въ ихъ переговоры. Онъ вызвалъ на бой 31 января Блюхера при Бриеннѣ: Блюхеръ отбросилъ его 1 января при Ла Ротьерѣ ²⁾. 3-го уполномоченные союзниковъ отправились на конгрессъ. Инструкція ³⁾ ихъ, составленная подъ впечатлѣніемъ успѣшныхъ дѣйствій Блюхера, дѣлила переговоры на двѣ части: 1) возвращеніе Франціи въ старыя границы; 2) Франціи будетъ сообщено въ краткомъ изложеніи о видахъ союзниковъ относительно переустройства Европы, но ей не позволено будетъ оказывать на нихъ вліяніе, именно: *Германія* будетъ состоять изъ суверенныхъ и федеративныхъ государствъ, *Швейцарія* изъ федераціи кантоновъ, *Италія* будетъ раздѣлена на независимыя государства, *Испанія* возвращена Бурбонамъ, *Голландія* станетъ независимой и получитъ территориальныя приращенія. Къ этимъ писаннымъ инструкціямъ Александръ прибавилъ словесное приказаніе своему представителю «не торопиться, а дать время военнымъ событіямъ обозначить свои результаты».

III.

Уполномоченными были: отъ Россіи — графъ Разумовскій, отъ Австріи — графъ Стадіонъ; отъ Англій — лорды Кэстльри, Эбердинъ и сэръ Чарльзъ Стьюартъ; отъ Пруссіи — Гумбольдтъ, да еще цѣлый главный штабъ канцлерства, писцы и протоколисты. Маленькій городокъ, покинутый крестьянами, не имѣлъ рынка: «Мы запасались провизіей, какъ будто отправлялись въ Индію», писалъ Стадіонъ женѣ.

4-го вечеромъ они собрались у Стадіона, и передъ ними опять стоялъ вопросъ, который ставился поочередно въ Прагѣ и во Франкфуртѣ ⁴⁾: «Должны ли мы будемъ подписаться, если онъ согласится на

¹⁾ Баръ на Обѣ, 2 февр. 1814 г. Фурнье. См. ниже, стр. 211.

²⁾ Henry Houssaye, 1814 г. — Тьеръ, т. XVII, кн. LI и LII.

³⁾ Россія, т. XXXI. Шатильонскій конгрессъ. — Фурнье, документы.

⁴⁾ Ноты и протоколы у Ангелберга, стр. 104 и слѣд. — Донесенія Стадіона, дневникъ Флоре, у Фурнье. — Письма Кэстльри, записки Стьюарта. — Коленкуръ императору 5 февр. 1814 г. См. выше, стр. 109, 162.

все?» произнесъ Разумовскій. Кэстльри со Стадіономъ жаловались на недогадливость любопытныхъ и на неудобные вопросы. Рѣшено было отозвать объявленіе мирныхъ условій.

Коленкуръ ихъ ожидалъ. Онъ провелъ весь день 4-го числа въ подавленномъ и крайне тревожномъ состояніи. Военныя новости, перспектива отступленія на Парижъ, рѣшеніе Александра добиться конечнаго результата, наконецъ, и вѣроятно нѣкоторыя собранныя имъ свѣдѣнія о замыслахъ союзниковъ,—все это способствовало его тревожному состоянію. Не началъ ли онъ подозрѣвать, насколько обманчивы и ненадежны были эти франкфуртскія *базы*, изъ которыхъ его воображеніе создало нѣкотораго рода оплотъ, и какъ онѣ рухнуть, какъ только попытаются на нихъ опереться? Тѣмъ не менѣе, онъ за нихъ еще цѣплялся. «Конечно, писалъ онъ Марэ 4 февраля, изъ нашихъ естественныхъ границъ ничего не должно уступать». Больше всего онъ боялся упорства Наполеона въ военной игрѣ, при пораженіи откладывавшаго все въ надеждѣ на реваншъ, а послѣ побѣды увеличивавшаго свои требованія и отказывавшагося отъ всѣхъ своихъ уступокъ. Онъ обратился къ Бертье «какъ самому преданному служителю императора»: «Доведите же правду до свѣдѣнія Его Величества; покажите ему всю важность обстоятельствъ, что малѣйшее замедленіе все подвергаетъ опасности и не можетъ обезпечить никакой выгоды. Скажите мнѣ правду, принцъ, существуетъ ли на дѣлѣ у васъ армія? Можно ли пытаться выговорить лучшія мирныя условія въ теченіе пятнадцати дней, или слѣдуетъ тотчасъ же принять условія? Если никто не имѣетъ мужества сказать мнѣ объ истинномъ положеніи дѣлъ, я останусь въ туманѣ газетныхъ извѣстій герцога Бассано и не въ силахъ буду принять должное рѣшеніе». Онъ просилъ для себя полномочій, власти поймать на лету тотъ случай, который—такъ ему казалось—онъ уловилъ мелькомъ въ Прагѣ, и который, думалось ему, можетъ опять представиться, чтобы ускользнуть еще разъ. «Всѣ уполномоченные, писалъ онъ императору, особенно англичане, мнѣ выражали желаніе заключить поскорѣе миръ; но среди этихъ увѣреній мнѣ не трудно было замѣтить, что къ намъ будутъ весьма требовательны... Я не могу не настаивать усиленно передъ Вашимъ Величествомъ о дарованіи мнѣ общихъ полномочій, которыхъ я испрашивалъ»²⁾.

Конференцію 5 февраля открыли только для того, чтобы ее отерчить черезъ 20 минутъ, вслѣдствіе заявленія Разумовскаго, что онъ не имѣетъ еще законно засвидѣтельствованной подписью копіи своихъ инструк-

¹⁾ О томъ, какъ они тамъ устроились, см. *Mémoires de M-me de Chastelau*, т. II, стр. 278.—Сегюръ, т. VI, стр. 289.

²⁾ Коленкуръ Бертье, 3 февраля; императору 4 февр. 1814 г.

цій. То же было и съ Гумбольдтомъ, но онъ считалъ болѣе удобнымъ промолчать объ этомъ. Послѣ засѣданія, Кэстльри сдѣлалъ союзникамъ такую декларацію: если бы даже Наполеонъ согласился на всѣ требованія коалиціи, англійскіе уполномоченные не подпишутъ договора о мирѣ, пока не будетъ установлено союзниками новое европейское устройство, и пока не утверждено «взаимное положеніе ихъ владѣній». «Каковы соглашенія между Австріей, Россіей и Пруссіей? Какова будетъ доля Голландіи? Какое вознагражденіе будетъ назначено сицилійскому королю, если онъ долженъ будетъ отказаться отъ Неаполя?..» «Я дѣлалъ предположенія о возможномъ согласіи Франціи на всѣ условія, но и въ такомъ случаѣ я все же остаюсь въ недоумѣніи», сказалъ онъ. «Наше дѣло здѣсь, извѣщалъ въ тотъ же день Стадіонъ, совсѣмъ превращается въ дрянную комедію, только и интересную своей пошлостью; если всѣ наши конференціи не будутъ разстроены силою событій, намъ придется очутиться въ прискорбномъ положеніи, потому что съ начала до конца мы поступали совсѣмъ несправедливо съ державой, которая всегда до сихъ поръ была виновата передъ цѣлымъ свѣтомъ».

Наполеонъ принялъ курьера отъ Коленкура въ Труа въ 4 ч. ночи. Испрашивая полномочія, Коленкуръ въ то же время указывалъ на безмѣрное развитіе силъ и средствъ непріятели. Наполеонъ въ это время искалъ успокоенія духа и укрѣпленія своей твердости, перелистывая томъ Монтескье. Въ «Величіи и упадкѣ римлянъ» онъ указалъ пальцемъ Марэ на то мѣсто, которое относится ко днямъ испытанія, пережитаго Людовикомъ XIV: «Нѣтъ ничего возвышеннѣе рѣшимости монарха нашихъ дней похоронить себя подъ обломками трона, не принимая предложеній, на которыя король не можетъ согласиться; онъ имѣлъ душу слишкомъ гордую, чтобы опуститься ниже того положенія, до котораго низвели его несчастія. Онъ хорошо зналъ, что мужество можетъ укрѣпить корону, но никогда этого не сдѣлаетъ безчестіе»¹⁾. На это Марэ, бывший газетнымъ сотрудникомъ въ эпоху высокопарности и при случаѣ вспоминая про это, воскликнулъ: «А я знаю нѣчто болѣе великодушное: пожертвовать Вашей славой, чтобы засыпать бездну, въ которую падаютъ вмѣстѣ съ Вами Франція!»—Ну! господа, заключайте миръ! Пусть Коленкуръ его заключитъ, пусть подпишетъ все, что нужно для заключенія мира: я перенесу этотъ позоръ, но не ожидайте, чтобы я продиктовалъ свое собственное униженіе!» Онъ написалъ Коленкуру: «Условія, повидимому, заранѣе твердо установлены между союзниками... Какъ только вамъ они

¹⁾ См. выше, стр. 144. Манифестъ Людовика XIV. — Эрнуфъ, *Марэ*, гл. LXVI.

будутъ сообщены, вы въ правѣ ихъ принять или доложить мнѣ объ этомъ въ 24 часа»¹⁾. Марэ къ этому присоединилъ такія комментаріи: «Воля императора въ томъ, чтобы вы считали себя облеченнымъ совершеннымъ полномочіемъ и всей, необходимой въ важныхъ обстоятельствахъ, властью, чтобы принять самое надлежащее рѣшеніе для задержанія движенія впередъ непріятели и для спасенія столицы». Эти полномочія были посланы при второмъ письмѣ Наполеона, съ датой 5 февраля, въ часъ утра²⁾.

Тамъ Наполеонъ подчеркнул свои ограниченія, ибо въ теченіе этой кампаніи онъ не подписывалъ ничего безъ задней мысли «дать время военнымъ дѣйствіямъ развить свои послѣдствія». Итакъ, онъ прибавилъ: «Необходимо быстро покончить съ этимъ и, въ теченіе первыхъ же конференцій, слѣдуетъ добиться опредѣленнаго результата; вѣдь, наконецъ, черезъ нѣсколько дней предстоитъ генеральная битва, которая все рѣшитъ. Такъ какъ союзники установили уже базы, вы ихъ, должно быть, приняли, если только онѣ приемлемы, въ противномъ же случаѣ мы попытаемъ счастья въ битвѣ, хотя бы съ потерей Парижа и со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями».

Курьеръ отправился, а Марэ оставалось только размышлять о «полномочіяхъ», которые такъ удивительно ограничивались оговорками. Случайности большой битвы, безъ сомнѣнія, его пугали. Наполеонъ все еще считалъ себя накануне Кастильоне, Риволи, Маренго, Аустерлица и Фриданда! Марэ настаивалъ, Наполеонъ его слушалъ, оспаривая «большую часть ночи» и въ то же время диктуя военные приказы для Бертье. Онъ кончилъ тѣмъ, что уступилъ. Второй курьеръ былъ отправленъ въ Шатильонъ съ такимъ письмомъ Марэ къ Коленкуру: «Въ минуту отъѣзда изъ этого города (Труа) Его Величество приказалъ мнѣ васъ увѣдомить въ подлинныхъ выраженіяхъ, что Его Величество вамъ даетъ *carte blanche* для приведенія переговоровъ къ счастливому окончанію, для спасенія столицы или избѣжанія битвы, на исходѣ которой основана послѣдняя надежда націи». И чтобы устранить всякое двусмысленное толкованіе, приложилъ записку къ Ла Бенардьеру, сопровождавшему Коленкура: «Вотъ въ краткихъ словахъ смыслъ моего письма къ герцогу Виченцо. Императоръ даетъ ему *carte blanche*»³⁾.

¹⁾ Первый курьеръ Наполеона къ Коленкуру 4 февр. 1814 г. 1-е письмо.

²⁾ Первый курьеръ Марэ къ Коленкуру, Труа, 5 февр.—Наполеонъ Коленкуру, 2-е письмо, 5 февр., въ часъ утра.

³⁾ Второй курьеръ Марэ къ Коленкуру, Труа, 5 февр. 1814 г.—Бенардьеру 5 февр. 1814 г.

Коленкуру требовалъ полномочій; онъ получилъ *carte blanche*, но и это не увеличило его увѣренности въ себѣ, не успокоило его и относительно намѣреній Наполеона. Онъ желалъ твердо выраженного согласія на опредѣленные условія, а объ этомъ Наполеонъ молчалъ. Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ себя въ правѣ медлить. Наполеонъ приказалъ ему торопиться. Коленкуру просилъ назначенія конференціи на слѣдующій день.

Она состоялась 7-го утромъ¹⁾. Полномочія оказались въ законномъ порядкѣ, и союзники объявили ему свои мирныя условія. Коленкуру словно упалъ съ неба: «Вы меня видите, оказалъ онъ союзникамъ, въ очень тяжеломъ положеніи... Когда я прибылъ сюда, я предвидѣлъ, что отъ меня потребуютъ большихъ жертвъ. Но то, чего отъ меня требуютъ сегодня, такъ удаляется отъ базъ, предложенныхъ Сентъ Эньяну и, сверхъ того, еще положительнѣе изъясненныхъ въ позднѣйшей деклараціи²⁾, что этого я никакъ не могъ ожидать». Потомъ, успокоившись мало по малу, онъ сталъ возражать не противъ базъ — казалось, отнынѣ онъ этому покорился, — но противъ другихъ условій мира. «Старая Франція состояла изъ провинцій и колоній; возвратитъ ли Англія все то, что она завоевала?» Отвѣтили: «Старыя границы!» Коленкуру продолжалъ: «Такъ какъ отъ Франціи требуютъ уступокъ, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, объявить, какое назначеніе дадутъ этимъ провинціямъ и въ чью пользу, потому что для Франціи безразлично, имѣть ли сосѣдомъ великую державу, или мелкаго принца. Составляя часть европейской системы, она имѣетъ право знать о будущемъ сложеніи Европы. Сверхъ того, если Франція возвратитъ все свои пріобрѣтенія со времени революціи въ силу установленнаго теперь принципа, то было бы несправедливо не приложить этого принципа къ другимъ державамъ»³⁾. Проще говоря, это была ссылка на два раздѣла Польши, на Венецію, Иллирію. Коленкуру впрочемъ сдѣлалъ свое замѣчаніе лишь «ради принципа», кажется, «очень слегка». Ему еще разъ отвѣтили: «Старыя границы!». Но по этому призыву почувствовалось на этотъ разъ болѣе ясно, что переговоры начинаются взаправду, и что на нихъ присутствуетъ Англія. Тогда Коленкуру заявилъ: «Наконецъ, если я приму ваши предложенія, подпишитесь ли вы немедленно и прекратите ли тотчасъ же кровопролитіе?»

¹⁾ Коленкуру Наполеону 8 февр. 1814 г.—Донесеніе Стадіона. Дневникъ Флоре, Фурнье.

²⁾ Ошибка памяти. Декларация, не обозначающая границъ, была менѣе положительна, чѣмъ записка Сентъ Эньяна, см. выше, стр. 179.

³⁾ Сравните текстъ протокола: тѣ же аргументы, формулированные Ла Бенардьеромъ. Ангебергъ.

Это был нескромный вопрос, котораго союзники еще съ Праги опасались и всегда уклонялись от него. «На этотъ разъ они не могли повторить своей припѣвъ: «Старыя границы!» и пребывали въ смущеніи, изъ котораго были выведены словами Стадіона: «Отвѣтъ въ нашихъ полномочіяхъ!» Коленкуръ, въ свою очередь, убоаясь быть пойманнымъ на словѣ и потребовалъ времени для размышленія. Продолженіе конференціи было отсрочено до вечера. «Это человѣкъ, убитый несчастіями, писалъ Стадіонъ ¹⁾, желающій окончанія войны на какихъ бы то ни было условіяхъ, готовый согласиться на все, что ему предложатъ, лишь бы только имѣть возможность представить своему господину подписанный трактатъ». «Какой бы то ни было трактатъ, лишь бы его подписалъ Наполеонъ».

Но этого-то именно и не допускалъ Александръ. Разумовскій получилъ такое письмо отъ Нессельроде ²⁾: «Благопріятныя намъ событія слѣдуютъ съ такой быстротой, что мы не имѣемъ возможности съ надлежащей скоростью посылать Вашему сіятельству извѣщенія о нихъ». Намюръ, Жива, Филиппвилъ взяты; Бюловъ въ Брюсселѣ. «Столь удовлетворительныя извѣстія убѣждаютъ васъ, графъ, что каждый день намъ приноситъ новыя побужденія не ускорять шатильонскихъ переговоровъ». Уполномоченные союзниковъ обѣдали въ четыре часа у Разумовскаго. Во время обѣда Стюартъ узналъ о занятіи союзниками Труа, о прибытіи на маршѣ въ Фонтенебло казаковъ въ Мелюнъ. Разумовскій, Гумбольдтъ, Кэстльри отсюда заключили, что близится паденіе Наполеона и скорое окончаніе войны «въ слѣдствіе его низложенія»; что невозможно было договариваться съ человѣкомъ, который «въ моментъ подписанія мира не можетъ ни исполнить, ни обезпечить исполненія условій договора». «Не слѣдуетъ заключать съ нимъ миръ, вѣдь онъ наканунѣ своего паденія!», говорили Разумовскій. Гумбольдтъ былъ того же мнѣнія. Они условились вечеромъ ограничиться принятіемъ замѣчаній Коленкура *ad referendum*.

Въ восемь часовъ опять собрались. Коленкуръ прочелъ текстъ протокола, редактированнаго по его порученію Ла-Бенардьеромъ; онъ тамъ напоминалъ о «*базахъ, предложенныхъ во Франкфуртѣ* союзными державами, въ основаніе которыхъ входило то, что союзники называли *естественными границами* Франціи». Тутъ союзники принялись прерывать, поправлять, ослаблять это заявленіе, или даже грубо оспаривать его утвержденія. Графъ Разумовскій увѣрялъ, что не зналъ о предложеніи такихъ базъ во Франкфуртѣ. Въ его инструкціи ничего объ этомъ не говорилось. «Стадіонъ, повидимому, сомнѣвался. Лордъ Эбердинъ, ви-

¹⁾ Меттерниху 8 февр. 1814 г.

²⁾ 6 и 7 февр. Это письмо: Россія, т. XXXI, стр. 271.—Дневникъ Флоре. Фурнье.

димо, хотѣлъ уклониться отъ этого вопроса». Коленкуръ настаивалъ на своемъ, но засѣданіе по принятіи его ноты *ad referendum* было закрыто.

Тогда уполномоченные союзниковъ собрались у Стюарта. Эбердинъ былъ весьма взволнованъ такимъ отреченіемъ отъ предложеній, невольнымъ свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Онъ разгадалъ комедію и сообразилъ, что его милость играла роль недостойную его сана. «Если вы насъ оставите здѣсь еще на нѣкоторое время, писалъ Стадіонъ, мы все надѣлемъ трауръ по случаю погребенія бѣднаго лорда Эбердина, ибо его дипломатическая наивность сведетъ его въ гробъ. Все, что совершается здѣсь, и въ чемъ онъ обязанъ принимать участіе, приводитъ его въ соблазнъ и ужасъ. Онъ разражается стенаніями, и, какъ бы ни выражалось на лицѣ Коленкура его горе, это ничто въ сравненіи съ глубокой подавленностью, которая рисуется въ чертахъ его англійскаго коллеги. Гумбольдтъ радуется этому такъ же, какъ и трунамъ между Лейпцигомъ и Франкфуртомъ».

Разумовскій имѣлъ тайные приказы: онъ предложилъ отсрочить конференціи и просить инструкцій. Стадіонъ писалъ Меттерниху: «Желають ли мира съ какимъ бы то ни было французскимъ государемъ, или съ самимъ Наполеономъ? Полагаютъ ли, что Наполеонъ удержится на тронѣ, или нужно считать его паденіе почти несомнѣннымъ? Думаютъ ли, что миръ, заключенный съ Франціей и подписанный Наполеономъ, будетъ имѣть ту же прочность, какъ и съ государемъ, который можетъ его замѣстить?» ¹⁾ «Мы ведемъ здѣсь адское существованіе, прибавлялъ онъ, мы обѣдаемъ каждый день съ людьми, которые имѣютъ основаніе насъ ненавидѣть ²⁾. Разумовскій получилъ письмо отъ Поццо, которое его крайне разгорячило. Мы съ величайшимъ трудомъ добиваемся того, чтобы онъ держалъ себя прилично съ французскими уполномоченными. Зато на конференціяхъ онъ ведетъ себя еще менѣе разсудительно».

Между тѣмъ Коленкуръ писалъ Наполеону ³⁾: «Ваше Величество мнѣ дали *carte blanche*; явная необходимость должна быть моимъ руководствомъ; но необходимость опредѣляется событіями; она вытекаетъ изъ положенія вещей, а такъ какъ я остаюсь въ полномъ невѣдѣніи объ этихъ событіяхъ, потому что Вы, Ваше Величество, не сообщаете мнѣ новыхъ извѣстій, то я долженъ буду дѣйствовать въ потемкахъ и безъ руководства... Одно я знаю несомнѣнно, что мнѣ здѣсь приходится имѣть дѣло съ людьми совсѣмъ нечистосердечными, что торопиться дѣлать имъ уступки значитъ поощрять ихъ ставить новыя требованія безъ возможности предвидѣть, на чемъ они останутся, и безъ надежды до-

¹⁾ Стадіонъ Меттерниху 8 февр. 1814 г.

²⁾ Дипломаты, включая и Коленкура, обѣдали другъ у друга.

³⁾ 8 февр. 1814 г.

биться опредѣеннаго результата». Но это Наполеонъ понялъ еще послѣ перваго разговора съ Бубной и зналъ хорошо еще съ Дрездена. Теперь Коленкуръ очнулся. Въ Шатильонѣ неотвязно передъ нимъ стояла та истина, которой онъ прежде въ Прагѣ и Парижѣ не хотѣлъ видѣть, потому что вѣрилъ одному Меттерниху. Теперь онъ понялъ истинный смыслъ мира, заключеннаго въ теченіе 60 часовъ, и въ чемъ состояла тайна Меттерниха. Онъ видѣлъ передъ собой *четырехъ союзниковъ* и, не зная еще о Рейхенбахскихъ, Тешицкихъ и Жангрескихъ соглашенияхъ, убѣдился въ силѣ союзниковъ. «Австрійцы показываютъ намъ мнимое сочувствіе и обманываютъ насъ, заключалъ онъ. У насъ нѣтъ ни одного союзника, ни одного друга, даже ни одного безучастнаго... Я ожидаю приказаній Вашего Величества».

Австрійцы насъ обманываютъ! Тѣмъ не менѣе, искать помощи онъ могъ только у нихъ; какъ бы онъ ни отбивался, Меттернихъ еще держалъ его въ рукахъ. Коленкуръ ему написалъ 9-го: «Я каждый день все болѣе и болѣе жалѣю, что мнѣ не приходится договариваться съ вами лично... Не думали ли союзники выиграть время, чтобы дойти до Парижа?» Въ какомъ положеніи будетъ тогда императрица, принужденная бѣжать отъ арміи своего отца! Онъ просилъ Меттерниха прибыть въ Шатильонъ съ Нессельроде и Кэстльри для трехчасоваго совѣщанія съ нимъ... «Я желаю предложить вопросъ уполномоченнымъ союзныхъ дворовъ: можетъ ли Франція немедленно заключить перемиріе, если она согласится вернуться въ свои старыя границы, какъ того требовали союзники. Если принесеніемъ такой жертвы можно получить перемиріе, я готовъ на это. Я готовъ даже на тѣхъ же условіяхъ сдать немедленно нѣсколько крѣпостей, которыя такимъ образомъ будутъ потеряны для насъ».

Въ тотъ же день Разумовскій получилъ письмо отъ Нессельроде: «Императоръ не имѣлъ еще возможности доставить вамъ сегодняшнее приказаніе... слѣдовательно, конференціи должны быть отложены на время, пока онъ не будетъ въ состояніи вамъ ихъ послать». Секретарь австрійскаго посольства Флоре передалъ Коленкуру письмо отъ Марэ. «Я хорошо понималъ, что услышу отъ него неприятныя вещи, на которыя трудно отвѣчать», передавалъ этотъ секретарь. И дѣйствительно Коленкуръ высказалъ все это вполнѣ.—«Вы меня держите здѣсь подъ стражей... вы задерживаете моихъ курьеровъ ¹⁾... Вы отъ меня требуете великихъ жертвъ... Я спрашиваю, приведутъ ли эти жертвы къ концу,

¹⁾ Объ этихъ задержаніяхъ и перехватываніяхъ, которыя были тому причиною, см. ниже, § 7.

котораго мы хотимъ. Вы отвѣчаете неумѣстными утонченностями... Не теряйте удобнаго времени... Вы хотите идти на Парижъ... Вы не знаете, что себѣ готовите...» и Райневаль ¹⁾ досказалъ: «Вы хотите снова вызвать революцію». Но, сколько бы австрійцы ни плакались, какъ бы Эбердинъ ни посыпалъ голову пепломъ, русскіе, поддерживаемые другими союзниками, не дѣлали ни малѣйшей уступки.

Краткая конференція состоялась ²⁾. Разумовскій объявлялъ, что «Его Величество, считая нужнымъ условиться съ союзными государями по поводу шатильонскихъ конференцій, приказалъ своему уполномоченному объявить, что Его Величество желаетъ отерочить конференціи...» Что и принято къ исполненію. Въ этотъ самый день Кэстльри уѣхалъ въ Труа, гдѣ союзники предполагали устроить главную квартиру, и куда звалъ его на помощь себѣ Меттернихъ ³⁾.

IV.

Въ нѣсколькихъ лье оттуда, въ Ножанѣ, на Сенѣ, въ ночь съ 7-го на 8-е февраля, Наполеонъ мучился въ отвратительной тоскѣ, переживая ту тяжелую неизвѣстность, которая для людей такого темперамента самое худшее зло ⁴⁾. Его армія отступала передъ пруссаками; Шварценбергъ его тѣнилъ; онъ хотѣлъ ихъ раздѣлить, а они угрожали стиснуть его. Иосифъ безъ всякой энергіи, среди интригъ, какъ нѣкогда въ Мадридѣ, жаловался изъ Парижа на пустоту казны; Бельгія была потеряна, наконецъ, Мюратъ измѣнилъ! Курьеры приносили одинъ за другимъ вѣсти, «нагруженные бѣдствіями». Въ главной квартирѣ царилъ мрачное оцѣпенѣніе: Наполеонъ, то унылый и вялый, то внезапно возбужденный и диктующій письмо за письмомъ, въ которыхъ громоздилъ одну подробность на другую, какъ будто, чтобы увѣрить себя, что онъ еще не потерялъ ни своей власти, ни хладнокровія. Тамъ говорили, какъ въ комнатахъ больного въ безнадежныя ночи; шептали имя Коленкура: этотъ врачъ долженъ былъ принести имъ послѣднюю пиллюзію.

Прибылъ аудиторъ съ почтой изъ Шатильона. Коленкуръ имѣлъ полномочія, но не осмѣлился ими воспользоваться въ виду такого неумолимаго *ультиматума*—старыя границы! Наполеонъ прочелъ письмо, потомъ смялъ его въ рукахъ и ушелъ въ свою комнату. Тамъ его нашли Марэ и Бертье: «положивъ локоть на столъ, онъ сжалъ рукой свой лобъ, другая рука безпомощно висѣла, удерживая письмо...»

¹⁾ Одинъ изъ секретарей французскаго посольства.

²⁾ 9 февр. 1814 г.

³⁾ Меттернихъ Стадіону 9 февр. 1814 г.

⁴⁾ Сегюръ, т. VI, стр. 302 и слѣд. Ноты Марэ. Эрнуфъ, стр. 622—623.

Они осмѣлились привести его въ себя и заговорили о мирѣ. Онъ разгорячился, припоминая всю свою молодость и знаменитый день Брюмера, когда онъ бросилъ директоріи свое грозное слово ¹⁾. Ему казалось, что онъ слышитъ эти слова, которыя низвергли правительство: «Какъ, вскричалъ онъ, хотять, чтобъ я подписалъ подобный договоръ, чтобы я попралъ ногами свою присягу! Неслыханныя превратности могли вырвать у меня обѣщаніе отказаться отъ завоеваннаго мною; но, чтобъ я отдалъ завоеванія республики! Чтобъ я выдалъ вкладъ, данный мнѣ съ такимъ довѣріемъ на храненіе! Чтобы... Франція стала послѣ меня меньше чѣмъ до меня! Никогда! Чѣмъ я стану для французовъ, если подпишу ихъ униженіе? Что я скажу сенатскимъ республиканцамъ, когда они потребуютъ отъ меня барьера на Рейнѣ?.. Вы страшитесь продолженія войны, а я страшусь болѣе несомнѣнныхъ опасностей, которыхъ вы не видите...» Онъ видѣлъ интуитивно съ той удивительной силою проникновенія въ будущее, которое столько разъ его озаряло, видѣлъ необходимыя послѣдствія мира со старыми границами: возвращеніе старой династіи, вѣчную проблему III-го года ²⁾: т. е. для себя потерю короны, для своихъ вѣрныхъ друзей ссылку, со стороны другихъ измѣну, для сына плѣнь.

Послѣ нѣкотораго обсужденія или, скорѣе, монолога, прерываемаго по временамъ увѣщаніями герцога Бассано и принца Невшательскаго, его безпокойное ходженіе взадъ и впередъ прекратилось: «Отвѣчайте, что хотите! Я не подпишу никогда!» Тѣмъ не менѣе, онъ, казалось, согласился наконецъ. Пусть отступятъ по эшелонно; сначала въ Бельгію, потомъ на лѣвомъ берегу Рейна. Марэ и Бертье вышли, чтобы написать Коленкуру. Наполеонъ пытался заснуть. Десять разъ онъ звалъ, отсылалъ и опять призывалъ своего камердинера, приказывая то уносить, то опять приносить свѣчи. Въ этой поперебѣнной сонливости и бессоницѣ передъ его взоромъ неотступно развертывалась катастрофа. Онъ постигалъ весь ужасъ предстоящей судьбы. Подъ утро онъ написалъ Иосифу слѣдующее письмо, пронизанное мучительнымъ безпокойствомъ ³⁾:

Ножанъ на Сенѣ 8 февраля 1814 г.

4 ч. утра.

«...Парижъ не будетъ занятъ, пока я живъ...

Если Таллейранъ по какимъ нибудь соображеніямъ намѣренъ оставить императрицу въ Парижѣ въ случаѣ приближенія непріятеля, то

¹⁾ См. т. V, стр. 382. «Что вы сдѣлали съ Франціей, которую я оставилъ въ такомъ блестящемъ положеніи?..»

²⁾ Евр. и Рев. т. IV, стр. 285—286, т. V, стр. 17—18.

³⁾ Ducasse: *les Rois frères*.

это—измѣна; повторяю вамъ: не довѣряйте этому человѣку ¹⁾; я имѣю дѣло съ нимъ шестнадцать лѣтъ, я даже благоволилъ къ нему; однако, несомнѣнно, что онъ самый великій врагъ нашей семьи съ тѣхъ поръ, какъ счастье насъ покинуло.

Если я проиграю битву и буду убитъ, вы раньше моей семьи будете увѣдомлены: заставьте императрицу и римскаго короля выѣхать въ Рамбулль; прикажите сенату, государственному совѣту и всеѣмъ войскамъ собраться на Луарѣ... Ни въ какомъ случаѣ не допускайте, чтобы императрица и римскій король попали въ руки непріятеля... Изъ-за этого все дѣло погибнетъ... Что скажутъ объ императрицѣ? Что она покинула на произволъ судьбы тронъ нашъ и своего сына!

Лучше бы зарѣзали моего сына, чѣмъ увидѣть его когда-нибудь австрійскимъ принцемъ, воспитаннымъ въ Вѣнѣ!

Всякій разъ, когда я видѣлъ на сценѣ *Андромашу*, я сожалѣлъ объ участи *Астиданкса*, пережившаго свою семью, и гибель его вмѣстѣ съ отцомъ я считалъ за счастье...

Впрочемъ, возможно, что я разобью приближающагося къ Парижу непріятеля!..»

Подъ утро, около 7 часовъ неожиданно прибылъ курьеръ отъ Мармона: четыре корпуса Блюхера дефилировали на большихъ интервалахъ по двумъ дорогамъ, ведущимъ въ Парижъ, одна черезъ Эпернэ и Шато-Тьерри, другая черезъ Шампоберъ и Монмираль. Наполеонъ вскочилъ съ постели, бросился къ картамъ, схватилъ циркуль, сталъ обозначать пути булавками. Онъ сообразилъ о возможности битвы и овладѣлъ собой опять. Марэ засталъ его за дѣломъ; онъ принесъ для подписи денешу къ Коленкуру. «А! это вы, воскликнулъ императоръ, теперь дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ. Въ эту минуту я нацѣливаюсь побить Блюхера! Я его побью завтра, я его побью послѣзавтра; положеніе вещей измѣнится. Не слѣдуетъ торопиться. Всегда будетъ время заключить такой миръ, какой намъ предлагаютъ!» Такимъ образомъ, въ тотъ самый день, когда Александръ изъ болзни, чтобы Наполеонъ не принялъ условій союзниковъ, отдалъ приказъ отложить конференціи, Наполеонъ отложилъ посылку инструкцій Коленкуру.

V.

«Александръ желаетъ затянуть переговоры, въ ожиданіи прибытія въ Парижъ, и тамъ подписать миръ», писалъ Гарденбергъ въ своемъ днев-

¹⁾ См. ниже, гл. V, § 1, маневры Таллейрана.

нихъ ¹⁾. Ко многимъ причинамъ разногласія присоединяются еще притязанія пруссаковъ: завоеваніе оставляетъ вакантными прекрасныя владѣнія, вызывая ихъ алчность, и они думаютъ тамъ устроиться ²⁾. Имъ нужны уже не только Саксонія, а «все земли на лѣвомъ берегу Рейна»: «это и составитъ, по словамъ Гумбольдта, достаточную массу, для дополненія необходимой доли Пруссіи». Стадіонъ, который самъ косясь жаднымъ взоромъ на Миланъ, Венецію, легатства и даже на Пьемонтъ, неустанно жаловался на скандалъ, поднимаемый пруссаками, а Эбердинъ не преминулъ указать на то, что «Пруссія уже двадцать лѣтъ отличается непостоянной политикой, что первая она вступила въ связь съ Франціею, и никто не поручится за невозможность того же самаго въ будущемъ, а тогда ея сила, въ соединеніи съ силою Франціи, поставитъ Европу снова въ опасное положеніе». Тѣмъ болѣе новодовъ, по мнѣнію Кэстльри, настаивать на предварительномъ урегулированіи «европейскаго устройства». Возстановятъ ли Австрію и Пруссію въ точности въ границахъ 1805 г., или съ эквивалентнымъ вознагражденіемъ и какимъ именно? Имѣютъ ли въ виду для нихъ новое расширеніе и откуда возьмутъ его? Чего потребуетъ Россія? Стадіонъ, считавшій «скандальными» притязанія Пруссіи на Рейнъ, требовалъ возвращенія Австріи Нидерландовъ и сверхъ того «щедрого вознагражденія» за Галицію, если Россія присоединитъ къ себѣ эту провинцію. Онъ помышлялъ о Швабін и объ отрѣзкахъ въ Лужицахъ (Лаузицѣ) и въ Силезіи, если Пруссія получитъ Саксонію. Кэстльри опять сталъ возмущаться. Тогда Стадіонъ заявилъ: «Слѣдуетъ прежде всего обязать Россію высказаться объ ея просктахъ относительно бывшей Польши, потому что отъ этого зависятъ все наши расчеты, а также только тогда могутъ быть взвѣшены расчеты Пруссіи». Кэстльри, кажется, настаивалъ въ этомъ же смыслѣ. «Недопустимо отдѣльное Польское королевство или герцогство ни на дѣлѣ, ни по имени, ни въ тайномъ, ни въ явномъ видѣ». Это будетъ верховенство Россіи, и возбужденный Россіей въ своихъ интересахъ восточный вопросъ, на что этотъ англичанинъ не согласится ни за какую цѣну; а чтобы доказать это, онъ заявляетъ, что для удержанія Александра отъ захватовъ, онъ считаетъ необходимымъ остановить его стремленіе къ Парижу и не позволить ему дать Франціи короля, своего ставленника. Меттернихъ противился тому же съ равной энергіей. Отсюда вытекало такое замѣчательное послѣдствіе: Кэстльри, готовый въ случаѣ необходимости договариваться съ Наполеономъ, Меттернихъ, согласный въ слу-

¹⁾ 9 февр. 1814 г. Фурнье, стр. 362.

²⁾ Письмо Стадіона 9 февр. 1814 г.; Дневникъ Флоре, Фурнье, документы.

чаѣ надобности на реставрацію Бурбоновъ, только бы помѣшать русскому преобладанію въ Европѣ. Эти запутанныя соображенія, это нетерпѣливое желаніе «укрѣпить за собою свою долю», эта скрытая борьба за вліяніе напоминаютъ затрудненія, относящіяся къ началу великой войны, и времена, когда толковали о *протѣннѣ Баваріи и Нидерландовъ*, и времена раздѣловъ Польши ¹⁾.

Все это приводило къ поставленному Стадіономъ Меттерниху для предварительнаго сужденія вопросу: «Желаютъ ли мира съ какимъ бы то ни было французскимъ государемъ, или съ самимъ Наполеономъ?» ²⁾.

Въ Парижѣ волновались партіи: въ перепискѣ тайныхъ агентовъ говорили о Бурбонахъ. «Я боюсь за нашу бѣдную императрицу, извѣщаетъ Меттернихъ Гуделиста, герцогъ Ангулемскій переправился на материкъ. Но это для насъ дѣло второстепенное...» «Герцогъ Ангулемскій высадился въ Сентъ-Жанъ-де-Люцъ, герцогъ Беррійскій въ Бретани, Monsieur (графъ д'Артуа) отправляется въ Швейцарію. Какой эффектъ произведетъ это появленіе? Событія это покажутъ. Здѣсь только одинъ вопль: миръ и долой Наполеона, потому что съ нимъ миръ невозможенъ. Но кого посадить на его мѣсто? Одни говорятъ: Бурбоновъ. Это—бывшіе и теперешніе эмигранты, которые уже дѣлятъ между собою придворныя должности. Большая часть: за *регентство*. Народъ говоритъ: миръ и конецъ дѣлу, *во что бы то ни стало!* Узелъ будетъ разрубленъ или передъ Парижемъ, или въ Парижѣ» ³⁾. Мысль о регентствѣ возникла лишь въ эти самые дни и оставалась задней мыслью Таллейрана, мыслью à la Каунитцъ ⁴⁾. Но эта комбинація отстала на четверть вѣка, и Меттернихъ, носившійся съ нею, не рѣшался предложить ее. Онъ писалъ Гуделисту: «Голосъ народа во Франціи: Долой Наполеона! Этотъ легкомысленный народъ еще не обдумалъ, кого же можно поставить на мѣсто Наполеона. Регентство, въ этомъ жестокомъ кризисѣ, становится такимъ предметомъ, о которомъ едва ли можно думать» ⁵⁾.

У пруссаковъ была только одна мысль: низвергнуть Наполеона въ Парижѣ; кто будетъ послѣ него, нужды нѣтъ, напримѣръ, графъ д'Артуа, если случится тамъ, и, по словамъ Блюхера, французы примутъ его охотно. Гарденбергъ спрашивалъ Мюнстера, «нѣтъ ли средствъ призвать Бурбона» ⁶⁾.

¹⁾ Европа и Революція, т. II, стр. 408—410, 455; т. III, стр. 33—35, 99, 241, 383, т. IV, стр. 69, 143—147, 340 сл.

²⁾ См. выше, стр. 213.

³⁾ Письма 1 и 3 февраля 1814 г. Фурнье.

⁴⁾ См. выше, стр. 172, и ниже, гл. V, § 1.

⁵⁾ Гуделисту 9 февр. 1814 г. Фурнье.

⁶⁾ Блюхеръ жень 18 февр. 1814 г. Blücher, *Briefen*.—Письмо Мюнстера 2 февр. 1814 г. Фурнье.

Эмиссары роялистовъ силились приблизиться къ главной квартирѣ, особенно, чтобы опутать Александра. Онъ ихъ выпроваживалъ вслѣдствіе закоренѣлаго предубѣжденія противъ Бурбоновъ и по гордой заботѣ о чистотѣ своей славы¹⁾. Онъ по прежнему предпочиталъ комбинацію съ Бернадоттомъ. Если окажется невозможной кандидатура этого бывшего министра Директоріи и если нельзя избѣжать Бурбоновъ, лучше избрать одного изъ младшихъ членовъ этого дома, напримѣръ, герцога Беррійскаго; а еще охотнѣе онъ согласился бы на Орлеанскаго принца, потому что онъ стоялъ бы подалеже отъ этого *легитимизма*, какъ тогда начали выражаться, усваивая себѣ терминъ, впервые произнесенный въ 1804 г. Людовикомъ XVIII. Людовикъ XVIII слишкомъ оскорбилъ Александра, и Александръ никогда не могъ простить ему этого. Онъ упрекалъ Людовика за его высокомеріе, за чванство своимъ высокимъ происхожденіемъ, за притязаніе на первенство между государями и на ближайшее мѣсто одесную Бога! Наконецъ—только Александръ въ этомъ не хотѣлъ признаться—за то, что Наполеонъ два раза принудилъ Россію сдать на капитуляцію, т. е. за изгнаніе этого принца, изгнаніе гостя²⁾. Орлеанскій принцъ менѣе кололъ ему глаза: орлеанскій и королевскій дома раздѣляло два эшафота: эшафотъ Людовика XVI и Эгалитѣ. Александръ разсчитывалъ на это въ теперешнемъ случаѣ такъ же, какъ орлеанисты 1802 г.: «Намъ нуженъ король, права котораго на корону вытекаютъ изъ того, что я занимаю эту должность... изъ нашего права»³⁾.

Тонкія соображенія о Франціи внушалъ царю его главный суфлеръ Лагарпъ, доставляя ему такіе прекрасные доводы, какъ уваженіе къ праву, къ свободѣ, къ народовластію французовъ. Александръ понималъ, что съ народомъ нужно посоветоваться, разумѣется, по образцу польскихъ совѣщаній, подъ русскими пушками, а изобрѣтательный Лагарпъ сумѣетъ подсказать надлежащій отвѣтъ хорошо подобраннымъ его повѣренными «представителямъ французскаго народа». Вѣдь царь, хоть и былъ воспитанъ на швейцарскихъ доктринахъ, свою конституціонную практику заимствовалъ изъ польской практики. «Императоръ, писалъ Мюнстеръ, передавая о бесѣдѣ 11-го февраля, долго говорилъ мнѣ о своихъ проектахъ⁴⁾. Онъ увѣряетъ, что ему чужда мысль о мщеніи, но для низверженія Наполеона онъ считаетъ долгомъ совершить даже невозможное, и для этой цѣли онъ хотѣлъ бы склонить союзниковъ къ движенію на Па-

¹⁾ Мемуары Рошшуара: письмо 27 янв. 1814 г. *Souvenirs du comte de Se-mallé*, Парижъ, гл. V: графъ д'Артуа въ Везуль.

²⁾ См. т. VI, стр. 89, 336—337.

³⁾ Разговоръ д'Антрега съ Шампаньи 21 апр. 1802 г. Пинго, стр. 209.

⁴⁾ Письмо Мюнстера 12 февр. 1814 г. Фурнье.

рижъ... а между тѣмъ затянуть переговоры для того, чтобы воспользоваться ими въ случаѣ неожиданной перемены счастья... Я не думаю, чтобы мое предположеніе о намѣреніи императора содѣйствовать проектамъ шведскаго наслѣднаго принца было ошибочно». Мюнстеръ такъ резюмировалъ положеніе дѣлъ: «Французы желаютъ окончанія переговоровъ, чтобы добиться мира во что бы то ни стало; Меттернихъ этого желаетъ, можетъ быть, не менѣе сильно. Политическая совѣсть англійскихъ министровъ отвращаетъ ихъ отъ переговоровъ, которые затягиваются съ тайнымъ намѣреніемъ не давать имъ ходу. Они считаютъ нечестной политикой уклоненіе отъ подписанія мира послѣ того, какъ переговоры, начатые по взаимному соглашенію, закончились бы соглашеніемъ Наполеона на всѣ условія».

Вотъ въ какомъ состояніи находились союзники въ Труа, гдѣ ихъ главная квартира устроилась 10-го февраля. Тамъ Александръ 11-го числа получилъ извѣстія изъ Лондона, нѣсколько измѣнившія положеніе вещей. Это было длинное донесеніе Ливена объ его разговорѣ съ принцемъ регентомъ. Этотъ утонченно конституціонный принцъ объяснялся съ Ливеномъ только въ качествѣ «частнаго лица». Онъ восхищался заодно съ Англійей и всей Европой личностью императора Россіи, освободителя Европы, котораго онъ считалъ главою «этой безсмертной коалиціи». Онъ восхищался «его высокимъ стремленіемъ» даровать миръ вселенной, и онъ считалъ, что значило бы «не исполнить произволенія Божьяго промысла, если не установить этотъ миръ на непоколебимыхъ основахъ». Все это вело къ слѣдующему заявленію: «Самый выгодный миръ съ Наполеономъ для человечества всегда будетъ только болѣе или менѣе продолжительнымъ перемиріемъ». Ему желательно было бы предупредить французовъ объ этомъ и пригласить ихъ «отдѣлать свои интересы отъ интересовъ ихъ тиранна» и обѣщать имъ «заключеніе мира съ государемъ, котораго они пожелаютъ себѣ избрать, разумѣется, за исключеніемъ того лица, на совѣтъ котораго ни подданные, ни союзники положиться не могутъ». Во всякомъ случаѣ, предоставляя имъ, какъ должное столь «достойной уваженія націи», свободу выбора, регентъ остается при своемъ намѣреніи «напомнить французамъ о существованіи легитимной династіи». «Я не могу не принимать живѣйшаго участія въ Бурбонахъ, и я убѣжденъ, что политическіе интересы и внутреннее убѣжденіе императора такъ же располагаютъ его въ ихъ пользу; но во всякомъ случаѣ интересы императора слѣдуютъ подчинить желаніямъ французской націи». Наконецъ, и это самое существенное, Ливень «узналъ достоверно», что лордъ Ливерпуль, премьеръ, стоитъ на одной точкѣ зрѣнія съ регентомъ, и «что Ливерпуль опасается чрезмерной склонности

австрийцевъ къ миру въ тотъ мигъ, когда самыя блестящія удачи, по-видимому, открываютъ союзной арміи дорогу въ Парижъ»¹⁾.

Эти сообщенія укрѣпили позицію Александра; они открывали путь къ ближайшей задачѣ: къ миру безъ Наполеона, и такимъ образомъ обезоруживали Меттерниха и Кэстльри. Что касается до второго вопроса о будущемъ правительствѣ Франціи, Александръ попрежнему находился въ разногласіи съ Меттернихомъ, желавшимъ *in petto* (въ тайнѣ) регентства, и съ Кэстльри, объявившимъ себя лично за Бурбоновъ; Александръ положился на благопріятный ходъ событій, имѣя въ виду использовать ихъ согласно своимъ желаніямъ. Принцъ регентъ стремился къ реставраціи Бурбоновъ, не дѣлая такого предложенія, а Александру для избѣжанія разлада достаточно было только не устранять окончательно этихъ претендентовъ. Впрочемъ съ ними было удобно. Они приносили съ собою залогъ, обезпечивающій самую существенную статью, границы. Меттернихъ писалъ Гуделисту 9 февраля: «Вопросъ о Бурбонахъ съ каждымъ новымъ днемъ ставится все настоятельнѣе, но остается все же весьма проблематичнымъ... Бурбоны совѣмъ недавно согласились на мирныя условія, требуемыя нами: такимъ образомъ, мало-по-малу, дѣло клонится къ желательному концу».

Тѣмъ временемъ Меттернихъ получилъ письмо Коленкура съ вопросомъ²⁾: «Можетъ ли рассчитывать Франція на немедленное перемиріе, если она согласится войти въ свои старыя границы?» Меттернихъ склонился къ утвердительному отвѣту и ухватился за этотъ запросъ, чтобы убѣдить союзниковъ. Но сцена вдругъ измѣнилась. Наполеонъ, открывъ кампанію, разбилъ русскихъ и пруссаковъ 10-го при Шампоберѣ, 11-го при Монмиралѣ, 12-го при Шато-Тьерри. вмѣстѣ съ возвратомъ генія и счастья, возникла опасность, какъ бы не возстала Франція, и національный отпоръ, для ослабленія котораго, казалось, такъ много сдѣлано, давалъ о себѣ знать: крестьяне стрѣляли въ казаковъ, убивали отсталыхъ, и, наконецъ, появилось удивительное и въ то же время наиболѣе тревожное знаменіе: союзники не находили болѣе шпионовъ³⁾.

И вотъ приходилось все начинать сначала. Нужно было отложить во что бы то ни стало распри, укрѣпить связи и ринуться массой на Наполеона; вѣдь и самая побѣда его ослабляетъ, такъ какъ его армія уже не рекрутируется. Подъ этими впечатлѣніями производились переговоры, которые называютъ конференціями въ Труа. Министры *четырехъ* державъ собирались два раза въ день 12-го, разъ 13-го, не говоря уже о

¹⁾ Кэстльри т. I, стр. 267.—Ср. Арнетъ: *Вессенбергъ*, т. I, стр. 177.

²⁾ 9 февр. 1814 г., см. выше, стр. 214, оно прибыло въ Труа 11 февраля.

³⁾ Трейчке, т. I, стр. 542—543.

визитахъ и особыхъ тайныхъ собраніяхъ. «Неудовольствіе австрийцевъ Александромъ, записалъ въ своемъ дневникѣ Гарденбергъ; оскорбленная Австрія угрожаетъ выдѣлиться. Я дѣлаю все, что возможно, для примиренія. Письмо русскому императору... Безпокойная ночь».

Меттернихъ предложилъ семь вопросовъ¹⁾: Что отвѣтить герцогу Виченцкому? Высказаться ли за Людовика XVIII, или предоставить это французской инициативѣ? Какъ убѣдиться въ желаніи французовъ перемѣнить династію? Какой послѣдній срокъ имъ назначить для выраженія своихъ желаній? Что предпринять, если Парижъ выскажется за Бурбоновъ, а Наполеонъ не сложитъ оружія? Какія отношенія той порой установить главная квартира къ Людовику XVIII, графу д'Артуа и эмиссарамъ ихъ? По занятіи Парижа, какое тамъ будетъ установлено управленіе?

Голосованіе записками, съ указаніемъ доводовъ, было занесено въ протоколъ. Кэстльри отвѣтилъ: «Союзники вступили во Францію, чтобы завоевать миръ, который они не считали возможнымъ заключить на Рейнѣ»; въ случаѣ согласія Наполеона на пріемлемый миръ, договариваться съ Наполеономъ, если только національное движеніе «не сдѣлаетъ сомнительнымъ его правоспособность для заключенія мира»: но, добившись мира, не слѣдуетъ продолжать войны «для низложенія личности, стоящей во главѣ французскаго правительства». Ни въ коемъ случаѣ не соглашаться на перемиріе.

Австрийцы и пруссаки остановились на одинаковыхъ заключеніяхъ: введеніемъ Франціи въ старыя границы «цѣль войны будетъ вполне достигнута». Если Наполеонъ на это согласится, подписать миръ съ нимъ. Для констатированія общаго мнѣнія страны недостаточно голоса одного Парижа. Если народный голосъ выскажется за Бурбоновъ, то слѣдуетъ оказать предпочтеніе Людовику XVIII. «Не поддерживать притязаній одного какого-нибудь изъ Бурбонскихъ принцевъ въ ущербъ принципу легитимности»; но, во всякомъ случаѣ, по отношенію ко всѣмъ оставаться въ пассивномъ положеніи.

Голосъ, поданный русскими, очень замѣтно отличался отъ трехъ остальныхъ: не высказываться за Людовика XVIII; предоставить французамъ инициативу; «воля столицы въ этомъ отношеніи укажетъ, какъ поступать державамъ»; если Парижъ не выскажется противъ Наполеона, договариваться съ Наполеономъ; въ Парижѣ будетъ назначенъ губернаторъ: «Его Величество императоръ желаетъ назначенія русскаго губернатора».

¹⁾ Фурнье, предложенія, III. Кризисъ въ Труа.—Письмо Мюнстера 14 февр. 1814 г.—Россія, т. XXXI: конференціи въ Труа.

Между голосами Австрii и Россii проявилось знаменательное несогласiе по одному весьма щекотливому пункту публичнаго права: въ глазахъ Александра, ознакомленнаго своимъ воспитателемъ Лагарпомъ съ философскими направленiями, Парижъ, слѣдующаго революціоннымъ прецедентамъ, представлялъ собой Францію, а собранiе, признанное представителемъ Парижа, издавало постановленiя за всю Францію; Меттерниха, напротивъ, волновали нѣкоторыя юридическія сомнѣнiя: нашествiе непрiятеля казалось ему «неблагоприятнымъ моментомъ для выраженiя народомъ своей независимой воли». Онъ, можетъ быть, вспомнилъ голосованiя Бельгii въ 1793 г. и итальянскiй плебисцитъ 1796 г. Онъ не допускалъ также— это королларiй къ его представленiю о регентствѣ — чтобы учрежденiя, созданныя Наполеономъ, становились суверенными въ силу самаго паденiя своего создателя и компетентными декретировать низложенiе государя, котораго они не имѣли права выбирать. Наконецъ «еще менѣе соглашался онъ признать силу народнаго голоса за собранiемъ лицъ, призванныхъ и выбранныхъ иностранными державами».

Такъ противорѣчили другъ другу отвѣты союзниковъ, записанные въ протоколъ. А на словахъ это несогласiе особенно подчеркивалось. «Раздраженiе Австрii и ревность ея къ такъ называемой русской диктатурѣ доходили до крайности. По словамъ австрийцевъ, имъ прiятнѣе заключить отдѣльный миръ съ Франціей, чѣмъ тащиться въ Парижъ въ свитѣ русскаго императора, не зная, какъ онъ тамъ распорядится... Они хотѣли побудить и Ваше Величество пристать къ ихъ общей шайкѣ, писалъ Гарденбергъ королю ¹⁾. Они увѣрены, что Баварiя и Вюртембергъ къ нимъ пристанутъ. Какое несчастье, если это случится!»

Гарденбергъ выступилъ посредникомъ. Меттернихъ имѣлъ съ Александромъ продолжительное совѣщанiе 14-го утромъ. Онъ поучалъ и подсказывалъ Александру мысль о предъявленiи Коленкуру предварительнаго договора. Александръ на это согласился. Весь день 14-го занимались составленiемъ проекта ²⁾.

Союзныя державы предписывали Франціи границы 1792 г. и гарантировали ихъ: «Онѣ не намѣрены и не допустить отнынѣ ни одну державу предъявлять болѣе обширныя требованiя по праву завоеванiя, въ силу новыхъ успѣховъ союзниковъ, сверхъ вышеупомянутыхъ границъ». — «Личность государя и національныя учрежденiя считаются ими такими предметами, которые должны остаться внѣ всякаго иностраннаго влiянiя; поэтому державы форменно обязуются не вмѣшиваться прямо или кос-

¹⁾ Въ Труа, 14 февр. 1814 г. Фурнье.

²⁾ Меттернихъ Александру 14 февр. 1814 г., Фурнье.—Французскiй текстъ у Bailleu. Замѣчанiя къ мемуарамъ Меттерниха, *Historische Zeitschrift*.

венно во внутреннiя дѣла Франціи. Какъ бы ни желательно казалось союзникамъ свободное избранiе французами королевской фамиліи, изгнанной революціей, они тѣмъ не менѣе будутъ слѣдовать пути, котораго держались до сихъ поръ относительно принцевъ дома Бурбоновъ. Въ случаѣ самопроизвольно выраженнаго націею желанiя въ пользу младшихъ принцевъ рода Бурбоновъ, державы не окажутъ имъ ни помощи, ни содѣйствiя, пока глава этого дома не откажется форменно отъ своихъ правъ». Союзники обязались договариваться съ Наполеономъ на основанiи Шатильонскихъ предложенiй, развѣ что, если переговоры не будутъ окончены въ Шатильонѣ до вступленiя союзниковъ въ Парижъ, а «голосъ столицы» въ пользу прежней династіи въ моментъ вступленiя союзниковъ лишитъ Наполеона средствъ заключить договоръ при достаточныхъ съ его стороны гарантіяхъ.

Эта чрезвычайно ловкая редакція прiостановила и скрыла затрудненiя; она не мѣшала довести дѣло до конца и не связывала ни одного изъ союзниковъ въ будущемъ какими бы то ни было обязательствами. Одни члены младшей линiи Бурбоновъ—на дѣлѣ только Орлеанскіе принцы—стояли внѣ избранiя націею. За французами оставалась болѣе или менѣе подготовленная и продиктованная свобода избранiя, а это оставляло достаточный просторъ для осуществленiя фантазiй и расчетовъ Александра въ пользу Бернадотта посредствомъ давленiя на собранiя, оказаннаго «добродѣтельнымъ» Лагарпомъ. Надежды же Австрii покоились на возможномъ отреченiи Наполеона безъ революціи и на провозглашенiи регентства парижекими властями; въ случаѣ же неудачи тутъ Меттернихъ изъ ревности къ Россii и по антипатii къ Бернадотту предпочиталъ повернуть къ Бурбонамъ, т. е. присоединиться къ англійскому плану, осуществленiе котораго становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ при тогдашнихъ событіяхъ.

Этотъ проектъ, принятый Кэстльри, Гарденбергомъ и Меттернихомъ, былъ представленъ 15 февраля на разсмотрѣнiе Александру, который на него согласился. Извѣстiе о четвертой побѣдѣ Наполеона 14-го числа немало этому содѣйствовало ¹⁾. Англія впрочемъ имѣла желательное обезпеченiе. 15 февраля, т. е., въ то самое время, когда былъ одобренъ проектъ договора, который предложить Франціи, Кэстльри и Нессельроде обмѣнялись тождественными нотами, гдѣ говорилось, что, такъ какъ съ Франціей возможно заключить миръ раньше окончательнаго установленiя союзниками условiй общеевропейскаго мира, то отнынѣ они уже согласились заранѣе: 1) Земли между Маасомъ и старой границей Франціи съ

¹⁾ Дневникъ Гарденберга 14 февр. 1814 г.

одной стороны и между Маасомъ и Рейномъ отъ Маастрихта до Кельна уступаются принцу Оранскому для вѣчнаго присоединенія къ Голландіи: что остальные земли лѣваго берега или присоединятся къ Голландіи, или будутъ распределены съ согласія Англіи для лучшей защиты Германіи. 2) Будетъ дано вознагражденіе сицилійскому королю. 3) Будутъ отданы Англіи всѣ суда и военные матеріалы, завоеванные въ портовыхъ городахъ ¹⁾. Меттернихъ тоже получилъ взяточку, и это былъ великолѣпный даръ: Италія. Онъ писалъ 14-го Гуделисту: «Мы только что узнали, что неаполитанскій король ратификовалъ свой договоръ о союзѣ съ нами, и что его армія двигается на Пьемонтъ полнымъ маршемъ».

Кэстльри уѣхалъ 16 февраля изъ Труа въ Шатильонъ съ проектомъ трактата или, вѣрнѣе, капитуляціи. Для Наполеона это было хуже сверженія съ престола, это было опозореніе и вѣрное паденіе государя, могущество котораго покоилось на славѣ и обаяніи:

Франція, возвращается въ границы 1792 г.; отреченіе императора отъ всякаго устроительнаго вліянія прямого и непрямого за этими границами, отреченіе отъ титуловъ короля итальянскаго, короля римскаго, протектора Рейнскаго союза, посредника швейцарской конфедераціи; Германія будетъ состоять изъ независимыхъ, связанныхъ федеративно государствъ; Италія — изъ независимыхъ государствъ; Голландія возвращается Оранскому дому съ приращеніями; независимая Швейцарія; Испанія предоставлена Бурбонамъ; возвращеніе Англіей французскихъ колоній, кромѣ Табаго. Сверхъ того, императоръ французовъ признаетъ право союзныхъ державъ установить, согласно существующимъ трактатамъ, границы и взаимныя отношенія какъ земель, уступленныхъ Франціи, такъ и ихъ собственныхъ владѣній *безъ малѣйшаго вниманія къ тому дѣлу Франціи*. Немедленная эвакуація уступленныхъ земель и передача всѣхъ крѣпостей, именно: Майнца, Гамбурга, Антверпена, Мантуй, Венеціи, Пескьеры, крѣпостей по Одру и Эльбѣ.

Но и это былъ только *предварительный миръ*. Франція устранилась отъ обсужденія условій общаго мира. Францію лишали ея абсолютнаго могущества, собирались, даже не выслушавъ ея, посягнуть на умаленіе ея относительнаго могущества, оставляя за собой право организовать противъ нея Европу, и этимъ какъ бы налагали на Францію своего рода юридическій интердиктъ съ лишеніемъ ея политическихъ правъ! Когда показалось, что Наполеонъ готовъ заключить договоръ, они прервали переговоры, потому что считали себя въ силахъ уничтожить его; теперь ему предложили возобновить переговоры, въ расчетѣ прижать его къ альтернативѣ: или отреченіе, или самоубійство.

¹⁾ Маргенсъ, т. XI, стр. 200.

VI.

10-го февраля, послѣ битвы при Шампоберѣ, Наполеонъ сказалъ Мармону: «Отъ чего зависитъ судьба имперій! Если мы завтра такъ же разобьемъ Саена, какъ сегодня Олсуфьева, непріятель скорѣе уйдетъ за Рейнъ, чѣмъ придетъ къ намъ; и вотъ я еще разъ на Вислѣ». Онъ былъ «уноенъ радостію». Онъ снова себя чувствовалъ хозяиномъ дѣла. Такой оборотъ встревожилъ его свиту. Онъ это замѣтилъ: «Затѣмъ, сказалъ онъ, я заключу миръ съ естественными границами по Рейну!» 11-го онъ разбилъ Саена при Монмиралѣ и 12-го еще разъ при Шато-Тьерри. «Дѣло было рѣшительное... силезская армія не существуетъ... я нанесъ ей полное пораженіе... Лучшій русскій корпусъ не существуетъ болѣе... Въ прокламаціяхъ онъ призывалъ «народъ вслѣдъ возстать и захватывать врага въ плѣнъ»... «Настало время возстать французскому народу и обрушиться на врага». Онъ полагалъ, что «врагъ пораженъ чрезвычайнымъ ужасомъ» ¹⁾. 14-го Блюхеръ опять перешелъ въ наступленіе, и Наполеонъ разбилъ его еще разъ при Вованѣ.

А между тѣмъ Марэ писалъ Коленкуру ²⁾: «Вѣроятно, эти событія разсѣютъ безмысленныя мечтанія императора Россійскаго. Разумный миръ можетъ быть установленъ лишь на основаніи сдѣланныхъ самими союзниками предложеній во Франкфуртѣ. Всякій другой миръ будетъ только перемиріемъ».

И вотъ Коленкуру остался опять безъ полномочій, и теперь ему приходилось замедлять переговоры, тогда какъ союзники, напротивъ, говорили, что готовы договариваться. Онъ горевалъ и жаловался на свою безпомощность. Онъ писалъ Марэ 14-го: «Вся Европа противъ насъ. Они неразборчивы и готовы на всякія средства, если не покончатъ дѣла скоро. Нечего заблуждаться. Они не желаютъ договариваться съ нами. Они хотятъ намъ предписать условія и лишить насъ даже возможности жаловаться». Подѣйствуйте на императора, чтобы онъ «рѣшился». «Пусть потомство не думаетъ... будто, когда для общаго спасенія достаточно было императору сказать одно слово, не нашлось никого, кто склонился бы его сказать это слово, или сказалъ бы это слово отъ его имени»...

На конференціи 17-го Стадіонъ прочелъ проектъ предварительнаго договора, составленный имъ и его товарищами на основаніи принятыхъ въ Труа резолюцій. Когда Коленкуру выслушалъ статью относительно крѣпостей, онъ едва сдержалъ себя и потребовалъ отсрочки до слѣдую-

¹⁾ Иосифу, Савари, Мармону 12 февр. 1814 г.—Мемуары Мармона, т. VI.

²⁾ Марэ Коленкуру 12 февр. 1814 г. Биньонъ, т. XIII, гл. VI.

шого засѣданія. Вернувшись къ себѣ, союзники сообразили, что эта статья слишкомъ сурова, оскорбительна, наконецъ, бесполезна, по словамъ Эбердина. «Чтобы Наполеонъ принялъ такія унижительныя для себя и для націи условія, писалъ одинъ австріецъ, нужно считать его въ послѣдней крайности; однако, несчастный оборотъ дѣла въ арміи Блюхера ясно доказалъ намъ противное» ¹⁾.

Марш писалъ Коленкуру, 16 февраля: «Если судьба противъ императора, *все бесполезно...* Все зависитъ отъ исхода битвъ, которыхъ мы ожидаемъ въ теченіе этихъ трехъ дней» ²⁾. 17-го: «Счастье перемѣнилось: насъ болѣе не тѣснятъ... Предварительныя условія на франкфуртскихъ основахъ тотчасъ же устранять всѣ затрудненія» ³⁾. А 18-го (?) Наполеонъ писалъ Коленкуру:

«Я вамъ далъ *carte blanche* для спасенія Парижа и для избѣжанія битвы, на которой зиждились послѣднія надежды націи. Битва произошла. Провидѣніе благословило наше оружіе... Я вчера обошелъ армію князя Шварценберга, которую я надѣюсь истребить раньше, чѣмъ она отступить за нашу границу.

Моя воля въ томъ, чтобы вы ничего не подписывали безъ моего повелѣнія, потому что я одинъ знаю мое положеніе.

Я готовъ остановить враждебныя дѣйствія и позволить неприятелю спокойно вернуться на родину, если будутъ подписаны предварительныя условія, основанныя на франкфуртскихъ предложеніяхъ».

Въ этотъ самый день онъ разбилъ австрійцевъ при Монтеро, и Шварценбергъ просилъ перемирія: тогда же Наполеонъ получилъ проектъ трактата, переданнаго союзниками 17 числа. Онъ писалъ Коленкуру, который его убѣждалъ покориться судьбѣ и указывалъ ему на опасность возстановленія Бурбоновъ: «Я себѣ воображаю васъ картузіанцемъ, заключеннымъ въ одиночной кельѣ, не знающимъ о моихъ дѣлахъ ровно ничего и вводимымъ другими въ обманъ. Какъ только я буду въ Труа, я вамъ пошлю контръ-проектъ, который вы передадите... Я самъ хочу объявить мой ультиматумъ. Я сто разъ предпочту потерять Парижъ, чѣмъ покрыть себя позоромъ и согласиться на гибель Франціи. Я такъ возмущенъ безстыдными предложеніями, присланными вами, что считаю себя обезчещеннымъ уже тѣмъ, что меня втянули въ переговоры съ такими предложеніями, какія вамъ дѣлаютъ... Вы все говорите о Бурбонахъ; я предпочитаю видѣть Бурбоновъ во Франціи на разумныхъ условіяхъ оскорбительнымъ для чести предложеніямъ, присланнымъ вами...» И онъ тре-

¹⁾ Ср. Стадіонъ Метерниху 18 февр. 1814 г. Фурнье.

²⁾ Виньонъ, т. XIII, стр. 343.

³⁾ Наполеонъ Юсифу 18 февр. 1814 г.

бовать «естественныхъ границъ» въ вознагражденіе за раздѣлы Польши, за секуляризациі въ Германіи, за завоеванія, сдѣланныя въ Азіи Англіей. Короче, онъ предписывалъ своему послу принять участіе въ рѣшеніи общихъ европейскихъ дѣлъ, отъ котораго союзники намѣревались его устранить.

Побужденія, внушившія отвѣтъ императора, были одинаковы съ мотивами, руководившими дѣйствіями временнаго исполнительнаго совѣта двадцать два года тому назадъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Когда неприятель былъ отброшенъ при Вальми, этотъ совѣтъ предписывалъ врагу отступление за границы старой Франціи; когда неприятель перешелъ эту границу, совѣтъ потребовалъ, чтобы онъ отступилъ на ту сторону Рейна; когда неприятель былъ уже на той сторонѣ Рейна, совѣтъ приказалъ преслѣдовать его для обезпеченія результатовъ побѣды и утвержденія новой границы республики ¹⁾. Отсюда: война за престижъ въ предѣлахъ Франціи и за ея верховенство внѣ ея предѣловъ. Это и стало закономъ для всѣхъ правительствъ республики. Изъ республики же вытекаютъ Наполеонъ со своею имперіей, и онъ не могъ удержаться у власти, не защищая тѣхъ путей, которые привели его къ власти. Республика и имперія, которая изъ нея вытекала, были связаны съ границей по Рейну: завоеваніемъ этой границы конвентъ освятилъ республику; требуя этихъ границъ, Наполеонъ только поддерживалъ дѣло конвента и отстаивалъ фундаментъ, безъ котораго рухнуло бы все зданіе.

Подымая повсюду тонъ, онъ писалъ Савари, который считалъ остроумнымъ для прославленія своего господина разсказать, какъ Наполеонъ бился одинъ противъ трехъ: «Должно быть вы помѣшались... я вездѣ говорю, что у меня было 300,000 человекъ... неприятель этому вѣрить... А вы однимъ росчеркомъ пера разрушаете благіе результаты побѣды. Неприятель грабитъ, рѣжетъ, насилуетъ, жжетъ; надо обнародовать письма, которыя извѣщаютъ объ этомъ напрямикъ, а не рисовать жанровыя картины. Нужно возбуждать народъ, разглашая о такомъ буйствѣ». Отупѣвшему и сѣтовавшему на недостатки снаряженія Ожеро онъ писалъ: «Ожеро! я съ баталіонами новобранцевъ, не имѣвшихъ ранцевъ, уничтожилъ 80,000 армію неприятеля... Если вы все тотъ же Ожеро, какимъ были при Кастильоне, оставайтесь командиромъ; если же ваши 60 лѣтъ тяжело давятъ на ваши плечи, оставьте командованіе... Отечество въ опасности и можетъ быть спасено только отвагой... Необходимо надѣть свои сапоги 93-го года и вооружиться тогдашней рѣшительностью!» ²⁾.

¹⁾ См. т. III, стр. 61, 116, 117.

²⁾ Савари 19, 21 февр., Ожеро 21 февраля.

21-го онъ отправилъ длинное письмо Францу II. Условія, предъявленныя въ Шатильонѣ, отдають Францію въ рабство Англіи. «Это—осуществленіе мечтаній Бёрка, желавшаго стереть Францію съ еврпейской карты... Пусть Англіи хотѣлось бы скрыть Антверпенскія укрѣпленія!.. Но вамъ, государь, какая вамъ польза уничтожать морское значеніе Франціи и наложить на Бельгію иго протестантскаго припца, сынъ котораго будетъ англійскимъ королемъ? ¹⁾... Никогда я не уступлю Антверпена и Бельгія»... Онъ заключилъ предложеніемъ «подписать миръ безъ замедленія на франкфуртскихъ условіяхъ».

Дѣло въ томъ, что союзники уже не чувствовали себя въ безопасности. Шварценбергъ никакъ не хотѣлъ давать Наполеону случая къ новой битвѣ. Онъ рѣшился отступить въ случаѣ надобности до Лангра. Государь покинулъ Труа 23 февраля. Для прикрытія отступленія Шварценбергъ затѣялъ на аванпостахъ затяжные переговоры о перемиріи, которые не должны были привести ни къ чему, и они дѣйствительно ничѣмъ не кончились. Наполеонъ желалъ включить въ конвенцію въ видѣ предисловія признаніе франкфуртскихъ *основаній*; союзники отъ этого отказались ²⁾. Въ тотъ же день, 25 февраля, въ Баръ на Обѣ, Александръ заставилъ союзниковъ подписать протоколъ, текстъ котораго написанъ карандашомъ его рукою: «Великая армія уклонится отъ битвы и будетъ продолжать отступать на Шомонъ. Блюхеръ, поддержанный Вианцингероде, Буловомъ и Воронцовымъ, будетъ продолжать движеніе на Парижъ». Эта комбинація мирила австрійцевъ, стоявшихъ за оборонительныя, съ пруссаками, стоявшими за наступательныя дѣйствія; она угрожала Парижу и заставляла Наполеона раздѣлить свои силы,—и въ этомъ ея преимущество.

Наполеонъ вступилъ 24-го въ Труа и уѣхалъ оттуда 27-го. Оставивъ на попеченіе Макдональда задержаніе арміи Шварценберга, онъ рѣшился атаковать Блюхера въ тылъ. Ему было нужно маскировать свои движенія, поэтому онъ возобновилъ переговоры о перемиріи и приказалъ Коленкуру отвлекать общественное мнѣніе переговорами въ Шатильонѣ. «Постарайтесь подвинуть впередъ переговоры». И посылалъ ему документы и аргументы, прибавляя: «Въ высшей степени важно, чтобы непріятель не усумнился въ моемъ пребываніи между Баромъ на Обѣ и Вандевромъ» ³⁾.

Въ Шомонѣ, куда отступили союзники, они рѣшились потребовать отъ Наполеона не затягивать переговоры и предписать ему срокъ и 26-го

¹⁾ Вслѣдствіе проектированнаго брака съ принцессой Шарлоттой.

²⁾ Россія, т. XXXI, стр. 364. — Инструкція Наполеона Флаго 24 февр. 1814 г. — Дневникъ Гарденберга 24 и 25 февр. 1814 г.

³⁾ Бертъ, для Флаго, 28 февр.; Коленкуру 26 и 27 февр. 1814 г.

составили инструкцію для уполномоченныхъ. Тамъ было сказано, что проектъ договора слѣдуетъ принять или отвергнуть, что «онъ основанъ въ существенныхъ своихъ частяхъ на предложеніяхъ, сдѣланныхъ французскимъ уполномоченнымъ въ письмѣ къ князю Меттерниху отъ 9-го февраля», именно: «что Франція готова принять за основу общаго мира старыя границы и немедленно передать нѣсколько крѣпостей какъ залогъ ея желанія подписать миръ на этихъ условіяхъ» ¹⁾. Уполномоченные готовы допустить разсмотрѣніе договора по формѣ и детально, но «совѣтъ несогласны на существенныя отступленія отъ смысла договора, на который было уже изъявлено согласіе», а если не такъ, то немедленный разрывъ, и пусть рѣшаетъ дѣло военное счастье.

Передавая этотъ документъ Стадіону, Меттернихъ, всегда старавшійся приберечь себѣ особое мѣстечко въ сторонѣ и запасти себѣ дверь для новаго выхода на сцену, приказалъ ему передать Коленкуру: «Если бы мы воевали одни, миръ былъ бы заключенъ, конечно, если императоръ Наполеонъ этого желаетъ искренно». Но «теперь вопросы поставлены на прямикъ». И такъ какъ онъ предвидѣлъ возраженіе, которое трудно было обойти, относительно *франкфуртскихъ базъ*, онъ подсказывалъ отвѣтъ, вѣроятно, подготовленный еще во Франкфуртѣ: «Императоръ Наполеонъ выразилъ согласіе принять франкфуртскія базы тѣмъ, что подписалъ перемиріе. Но эти базы одинаковы съ шатильонскими за исключеніемъ того, что послѣднія разработаны во *всѣхъ подробностяхъ*, а первыя не были разработаны». И, не желая выпустить дѣло изъ рукъ, прибавилъ: «Если герцогъ Виченцій представитъ контръ-проектъ, тогда, безъ сомнѣнія, сойдутся на половинѣ дороги». Державы не отступятся отъ старыхъ границъ; но Франція, можетъ быть, получить что нибудь *въ придачу* сверхъ того! ²⁾.

Эти инструкціи были присланы въ Шатильонъ 27 февраля. Уполномоченные находились въ сильномъ упадкѣ духа. На обѣдѣ у Эбердина Стьюартъ повторялъ: «Конгрессъ ни къ чему не поведетъ». Вечеромъ они собрались для установленія терминовъ деклараціи, которую нужно было передать Коленкуру. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что инструкція содержитъ въ себѣ невѣрную ссылку. Коленкуръ проекта союзниковъ не предлагалъ и не принималъ. Его письмо къ Меттерниху отъ 9 февраля ставитъ только вопросъ: «Если Франція согласится на требованія союзниковъ войти въ свои старыя границы, получитъ ли она немедленно перемиріе»; и въ этомъ только случаѣ Коленкуръ готовъ былъ передать

¹⁾ Инструкція 26 февр. 1814 г. Фурнье, сравни текстъ, выше, стр. 214.

²⁾ Меттернихъ Стадіону 26 февр. 1814 г. Фурнье.

крѣпости. Пренія относительно ссылки на это письмо Коленкура тянулись цѣлый часъ «неприличнымъ образомъ» ¹⁾. «Лордъ Эбердинъ объявилъ, что какъ честный человекъ онъ никогда не подпишетъ лжи. Гумбольдтъ, изъ ехидства, стоялъ за то, что декларацію нужно передать въ томъ видѣ, какъ это предписываетъ инструкция, говоря, что, если двory пожелади подписать ложь, это—ихъ дѣло, и тутъ онъ не видитъ причины къ отъезду». Батвартъ какъ истый солдатъ просилъ приказанія. Разумовскій присталъ къ мнѣнью большинства. Наконецъ, Стадионъ нашель выходъ: декларацію нужно анализировать, а не цитировать. Такъ и было сдѣлано. Конференція 28 числа ограничилась разсмотрѣннемъ дѣлопроизводства. Затѣмъ составили такое постановленіе: Если 10-го марта въ полночь не будетъ доставленъ отвѣтъ императора, «согласный по существу съ базами, установленными союзниками», то переговоры считать оконченными, и уполномоченные союзниковъ удаляются ²⁾.

Наполеонъ снова двинулся въ походъ и началъ его удачно. Повидимому, Блюхеру грозила гибель, лишь бы Суассенъ продержался 24 часа: «Блюхеръ подвергался опасности быть припертымъ къ Энѣ... Для него не было выхода... Что сталъ бы онъ дѣлать, если бы крѣпость оказалась запертой для него и защищалась самоотверженнымъ до крайности комендантомъ?» ³⁾. Генералъ Моро, усталый солдатъ, получившій это мѣсто какъ инвалидъ, ни умомъ, ни сердцемъ не стоялъ на высотѣ столь трагическихъ обстоятельствъ. Онъ по своей слабости впустилъ въ крѣпость и принялъ русскаго офицера Левенштерна. Этотъ начальникъ партизанскаго отряда, лукавый и отважный, обошелъ и напугалъ его до такой степени, что Моро капитулировалъ 4 марта съ военными почестями. Русскіе тотчасъ заняли ворота. Блюхеру удалось ускользнуть; онъ соединился съ Винцингероде и Бюловомъ; и вмѣсто разбитой арміи пруссаки могли противопоставить Наполеону болѣе 100,000 человекъ.

Союзники отступили къ Шомону, гдѣ выжидали результатовъ этой операціи въ большомъ смущеніи. Вокругъ Лана происходили ожесточенныя битвы; Блюхеръ не отступалъ, но и не подвигался впередъ. Вмѣстѣ со страхомъ между союзниками появились снова политическіе раздоры. Русскіе и англичане подозрѣвали, что Меттернихъ тайкомъ переговаривается съ французами; и дѣйствительно, онъ на это покушался. Онъ послалъ въ Шатильонъ подъ предлогомъ доставки писемъ Стадиону одного

¹⁾ Дневникъ Флоре 27 февр. 1814 г. — Россія, т. XXXI.

²⁾ Ангсбергъ, стр. 114 и слѣд.

³⁾ Левенштернъ, *Мемуары*, т. II, стр. 309—332, 430. Ланжеронъ, стр. 410. «Если бы крѣпость продержалась 24 часа, силезская армія была бы сокрушена; по крайней мѣрѣ, потеряла бы всю свою артиллерию».

дипломата изъ своихъ приближенныхъ Эстергази и поручилъ сдѣлать предостереженіе Коленкуру ¹⁾. Онъ писалъ 8-го марта этому дипломату, «доброму герцогу, искренно желающему мира», какъ его величать Стадионъ, и открывалъ ему теперь то, что онъ скрывалъ въ Прагѣ и во Франкфуртѣ, и что нужно было открыть раньше или позже, приступая къ составленію договорныхъ статей, именно, объ обязательствѣ союзниковъ не вести переговоровъ безъ Англій и о желаніи Англій навязать Франціи старыя границы: «Императору слѣдуетъ убѣдиться твердо въ томъ, что онъ ничего не добьется, если не достигнетъ общаго мира... Англія дѣйствуетъ чистосердечно. Министерство достаточно прочно, чтобы желать заключить миръ. Если миръ не будетъ заключенъ въ этотъ моментъ, другого подобнаго случая не представится, пропадетъ даже надежда на открытіе новыхъ переговоровъ. Тогда наступитъ торжество приверженцевъ истребительной войны противъ императора Франціи... Весь свѣтъ будетъ потрясенъ, а Франція станетъ добычей случайностей»...

Вотъ тогда-то, чтобы положить конецъ кознямъ, которыхъ боялись, и которыя слишкомъ ясно показывали причину нерѣшительности Шварценберга, Кэстльри вернулся къ своей излюбленной комбинаціи, къ плану, предписанному принцемъ-регентомъ и лордомъ Ливерпульемъ: къ общему союзу, который резюмируетъ и скрѣпитъ все частныя трактаты съ 1813 года и такъ тѣсно свяжетъ союзъ, что ни одна часть его не въ силахъ будетъ отдѣлиться. Александръ соглашался съ этимъ планомъ, и такъ какъ Кэстльри держалъ въ рукахъ ключъ отъ кассы для субсидій, то и Меттернихъ долженъ былъ идти тѣмъ путемъ, каковаго желалъ Кэстльри. Переговоры ²⁾, которые еще тянулись по необходимости, были по прежнему довольно щекотливы, потому что для обезпеченія результатовъ войны нужно было ихъ точно выяснитъ, а это приводило къ статьѣ о вознагражденіяхъ. Англичане хотѣли присоединить къ Голландіи большую часть лѣваго берега Рейна; пруссаки возражали противъ этого: если имъ не оставить на этомъ берегу «территорію достаточныхъ размѣровъ для оборонительныхъ цѣлей и для содержанія 100,000 арміи, король не согласится принять свою долю вознагражденія на лѣвомъ берегу Рейна» ³⁾. Наконецъ, 9 марта дѣло стало на ноги. Этотъ договоръ — *мой трактатъ* — какъ говорили Кэстльри Гамильтону, былъ заключенъ 10 марта 1814 г. и потомъ занесенъ заднимъ числомъ 1 марта въ договорный трактатъ.

¹⁾ 3 марта 1814 г., Фурнье. Стадионъ Меттерниху 9 марта. — О миссіи Эстергази. Биньонъ, т. XIII, стр. 379 и слѣд.

²⁾ Около 7-го, говорить въ своемъ дневникѣ Гарденбергъ. Онъ записалъ одну конференцію у Кэстльри 3-го, она продолжалась до часу ночи.

³⁾ Письмо Мюнстера къ принцу регенту 10 марта 1814 г.

Это былъ знаменитый Шомонскій трактатъ ¹⁾, «великій союзный трактатъ», называетъ его Мюнстеръ, «самый обширный, можетъ быть, изъ всѣхъ бывшихъ трактатовъ», писалъ Меттернихъ Мервельдту. Онъ правилъ Европой до 1848 г. и упрочилъ коалицію *четырехъ*, которая часто стояла на пути распаденія и возстановлялась всякій разъ, когда Франція проявляла слабое покушеніе выйти изъ границъ, которыя союзники домогались тогда ей поставить. Онъ учредилъ въ нѣкоторомъ родѣ европейскую исполнительную власть, и Парижскій трактатъ 30 мая 1814 г. и Вѣнскій 9 іюня 1815 г. составляли его хартію. Въ предисловіи его явной цѣлью признавалось «укрѣпить (между державами) связи, соединяющія ихъ для энергичнаго продолженія войны, предпринятой съ благоотворной цѣлью положить конецъ бѣдствіямъ Европы... упрочить спокойствіе Европы посредствомъ возстановленія справедливаго равновѣсія...» и «сохранить порядокъ, ожидаемый счастливымъ результатомъ ихъ успій отъ всякихъ покушеній». Въ случаѣ отказа Франціи отъ предложенныхъ ими условій мира, союзные государи приносятъ «всѣ средства своихъ государствъ для энергическаго продолженія нынѣшней войны»; каждый союзникъ выставитъ, по крайней мѣрѣ, 150,000 человекъ для составленія арміи въ 600,000; Англія, по расчету на 1814 годъ заплатитъ пять милліоновъ фунтовъ. Союзники обязались «не заводить съ общимъ врагомъ отдѣльныхъ переговоровъ и не подписывать ни мира, ни перемирія, ни конвенцій иначе, какъ по общему согласію». Они обѣщали «не складывать оружія, пока согласно обдуманная и постановленная цѣль войны не будетъ достигнута». Они вступаютъ «безъ замедленія въ оборонительный союзъ для взаимной защиты ихъ владѣній въ Европѣ противъ всякаго покушенія Франціи на порядокъ вещей, созданный умиротвореніемъ». Если Франція нападетъ на одного изъ союзниковъ, другіе сначала выступаютъ съ дипломатическимъ посредничествомъ, потомъ каждый изъ союзниковъ выставляетъ по 60,000 чел. Командованіе и оплата расходовъ вспомогательной арміи были урегулированы. Договоръ заключается на двадцать лѣтъ и будетъ возобновляться. Государи Испаніи, Португаліи, Швеціи и принцъ Оранскій—будущій король Нидерландовъ—будутъ приглашены присоединиться къ союзу. Трактатъ, наконецъ, устанавливалъ *основы* мира, наброски котораго столько разъ дѣлались: Германская конфедерация, состоящая изъ суверенныхъ государей; независимая Швейцарія подъ гарантіей державъ, Италія, состоящая изъ независимыхъ государствъ; Испанія для Бурбоновъ; Голландія съ привѣтомъ Оранскимъ и съ приращеніями.

¹⁾ Возобновленіе Шомонскаго трактата: Вѣна 25 марта 1815 г. Парижъ 20 ноября 1815 г.; Ахенъ, 15 ноября 1818 г.

Трактатъ былъ подписанъ, но, при всей торжественности своихъ взаимныхъ обязательствъ, союзники не оставили своихъ несогласій и своего соперничества: на заднемъ планѣ для заключенія общаго мира стоялъ польскій вопросъ и вопросъ о верховенствѣ Россіи; на первомъ планѣ вопросъ о мирѣ съ Наполеономъ, или о низверженіи имперіи.

VII.

Коленкуръ, съ горькимъ чувствомъ на сердцѣ и съ тяжелой душой о бѣдствіяхъ, размышлялъ о неизбежной отнынѣ, какъ ему казалось, катастрофѣ. Онъ открылъ Наполеону все, что узналъ о проискахъ Бурбоновъ, о снисходительномъ потворствѣ австрійцевъ графу д'Артуа. «Австрія уже не стыдится такого поведенія, слѣдовательно, она готова отречься отъ васъ». Онъ передавалъ послѣднія слова Эстергази, эмиссара Меттерниха. «Миръ, заключалъ онъ, есть самая настоятельная необходимость для Вашего Величества, неизвѣстно, куда насъ увлекаютъ событія... Если бы союзники и вынуждены были на короткое время отойти на ту сторону Рейна и снова повторить свою попытку, ихъ дѣло поставлено такъ, что самыя великія пораженія нисколько не измѣняютъ заявленныхъ ими притязаній». И онъ прибавляетъ, по наущенію Меттерниха: «Австрія и Пруссія, побѣжденные Вашимъ Величествомъ, показали вамъ не одинъ примѣръ покорности Провидѣнію: и эта добродѣтель была для нихъ благодѣтельна, потому что онѣ теперь говорятъ языкомъ побѣдителя. Подражайте имъ, государь, пока они не завладѣли Вашей столицей». Этотъ совѣтъ—«послѣдняя попытка родственной Австріи» ¹⁾.

10-го марта состоялась, какъ было условлено, Шатильонская конференція ²⁾. Коленкуръ читалъ длинный мемуаръ, составленный, вѣроятно, Ла-Бенардьеромъ по указаніямъ императора. Это были неоспоримыя замѣчанія о послѣдствіяхъ раздѣловъ Польши, о расширеніи предѣловъ Россіи, Пруссіи и Австріи въ 1793 и 1795 г., о приобрѣтеніяхъ Россіи по Яескому и Тильзитскому трактатамъ, о присоединеніи Финляндіи и о секуляризаціяхъ въ Германіи.

Союзники, сказано въ мемуарѣ, говорятъ о равновѣсіи: будетъ ли устойчивымъ равновѣсіе, вводящее Францію въ ея границы до 1792 года, тогда какъ другіе или сохраняютъ свои теперешнія границы, или получаютъ назадъ и прибрѣтенныя ими до 1792 г. земли: Австрія и Пруссія возвратятся въ границы 1805 г., Англія сохранитъ индійскую

¹⁾ Коленкуръ Наполеону 3 и 5 мар. 1814 г.

²⁾ Ангебергъ. Ранке, т. IV, стр. 428—429.—Записки Стьюарта, у Кэстльри, т. I, стр. 556.—Стадіонъ Меттерниху 10 мар.; Коленкуръ Наполеону 11 мар. 1814 г.

имперію, Цейлонъ и Капландъ. «Когда все вокругъ Франціи измѣняется, можетъ ли она сохранить ту же относительную силу, если ее возвращаютъ въ прежнее положеніе? Сила поставленной въ такое положеніе Франціи не будетъ равна даже и прежней абсолютной силѣ, такъ какъ колониальныя владѣнія составляли несомнѣнный элементъ ея силы». Сами по себѣ превосходные историческіе и политическіе аргументы были бы доказательны, если бъ это *равновѣсіе* означало въ пониманіи союзниковъ что-нибудь другое, а не перемѣщеніе прежняго баланса въ пользу союзныхъ державъ. Такъ все онѣ и понимали это равновѣсіе въ 1709, 1792, 1793, 1799 гг. Исполнительный совѣтъ, комитетъ общественнаго спасенія и директорія, Бонапартъ въ 1797 г. для оправданія своихъ притязаній на лѣвый берегъ Рейна ссылалися тоже на раздѣлъ Польши; но, когда Франція завладѣла этимъ лѣвымъ берегомъ Рейна и еще частью праваго, Голландіей, Италіей до легатствъ включительно и Венеціей, балансъ былъ на ея сторонѣ, и она могла говорить о равновѣсіи! Въ свою очередь союзники не мѣшали Коленкуру читать его «длинную и скучную диссертацию». Для поддержанія ея онъ предъявилъ «ноту, *продиктованную* С. Эньяну, и письмо Меттерниха, устанавливающее», какъ онъ думалъ, подлинность этого документа. Но ссылка на «франкфуртскія базы» и притязаніе на доказанную подлинность ноты неизбѣжно должны были вызвать бурю. «Поднялись самые пылкіе споры... Напоминали, что это вовсе не тотъ отвѣтъ, котораго ожидаютъ... Необходимо дать рѣшительный отвѣтъ... потому что назначенъ срокъ»¹⁾. Одинъ изъ англичанъ требовалъ контръ-проекта; Коленкуръ возражалъ на всѣ пункты. «Конференція становилась все болѣе и болѣе бурной... Уполномоченные Россіи и Англій, повидимому, твердо рѣшились на полный разрывъ. Лордъ Эбердинъ оставался самымъ умѣреннымъ, даже единственнымъ умѣреннымъ изъ всего собранія». — «Такъ это отказъ отъ нашихъ условій міра?» — спросилъ Стадіонъ. Коленкуръ не далъ ему даже договорить: это вовсе не отказъ; Франція ни отъ чего не отказывается; онъ представляетъ замѣчанія на обсужденіе уполномоченныхъ. На нѣкоторое время уполномоченные обратились къ академическому разсмотрѣнію мемуара, потомъ союзники сдѣлали видъ, что хотятъ встать, и тогда Коленкуръ вынулъ изъ своихъ бумагъ документъ, который и прочиталъ какъ устную декларацию: Наполеонъ готовъ отказаться отъ всякихъ титуловъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ суверенитету, отъ верховенства, протектората посредничества въ французскихъ предѣлахъ; готовъ признать возстановленіе Бурбоновъ въ Испаніи, независимость Италіи, Швейцаріи, Герма-

¹⁾ Коленкуръ императору 11 марта 1814 г.

ни; Голландію съ принцемъ Оранскимъ; согласенъ на передачу правъ на колоніи за вознагражденія. Все это намекало на «естественныя границы», которыхъ онъ требовалъ, и, отрекаясь отъ «преобладанія въ границѣ имперіи», онъ пользовался даже терминами франкфуртской деклараціи.

Союзники потребовали отсрочки для доклада, и конференція была отложена *sine die* (безъ указанія срока). «Если вамъ угодно, существуютъ предлоги для разрыва, писалъ Стадіонъ Меттерниху, а также можно тянуть дѣло безъ конца, все на вашу волю. Ваша узорная шатильонская вышивка открываетъ двери всякому рѣшенію Шомонскихъ державъ... Я полагаю, что мы сдѣлали болѣе, чѣмъ слѣдовало ожидать отъ подставныхъ лицъ».

11 числа въ Шомонѣ было получено извѣстіе объ этой конференціи, и сначала оно вызвало споры, потомъ все свалили на недоразумѣніе¹⁾. Многія письма Марэ къ Коленкуру были перехвачены; въ тогъ промежутокъ времени²⁾, пока письма были перехвачены на аванпостахъ, и Стадіонъ получилъ ихъ снова запечатанными и передалъ Коленкуру, черный австрійскій кабинетъ, оставаясь на высотѣ своей древней славы, успѣлъ ихъ частью дешифровать. Меттерниху эти письма показались миролюбивыми. Онъ сообщилъ объ этомъ царю, насколько нужно было, чтобы увѣрить, что прерванные Александромъ 9 февраля переговоры «могли закончиться миромъ на самыхъ прекрасныхъ условіяхъ». «Мы горько раскаиваемся, разглагольствоваль онъ, въ томъ, что не подписали мира въ ту минуту, когда Наполеонъ просилъ, какъ милости, мира даже на нашихъ чрезмѣрныхъ условіяхъ»³⁾.

Союзники не признали заслуживающими вниманія соображенія и историческіе выводы Коленкура. Они еще разъ пригласили его предъявить контръ-проектъ, не отрицающій существенныхъ статей союзаго проекта: короче: старыя границы съ нѣкоторыми возможными исправленіями другихъ статей⁴⁾. Такимъ образомъ союзники условились оставить протоколъ открытымъ, Александръ въ надеждѣ, что война грубо его допишетъ, Меттернихъ, что туда можно со временемъ вставить нѣсколько намековъ на случай, если война приметъ дурной оборотъ. «Поговорите по тайности съ Коленкуромъ, писалъ онъ Стадіону, и, если считаете полезнымъ, дайте

¹⁾ Дневникъ Гарденберга 11 марта 1814 г. Фурнье.

²⁾ 36 часовъ. Коленкуръ на это жаловался конференціи 10 числа. Фурнье, стр. 339.

³⁾ См. эти документы у Фурнье, приложенія, стр. 340—342.—Меттернихъ Стадіону 11 и 12 марта; Гуделисту 2 марта 1814 г. Фурнье.

⁴⁾ Инструкція, посланная въ Шатильонъ 11 марта 1814 г. въ полночь. Фурнье.

ему понять, что антверпенскіе корабли не будутъ условіемъ Англій *since qua pop*, если остальное будетъ улажено. Коленкуръ одушевленъ самымъ лучшимъ настроеніемъ, и я васъ умоляю, вступите съ нимъ въ прямыя отношенія». Онъ устроилъ секретную корреспонденцію со Стадіономъ черезъ свою жену ¹⁾. На другой день онъ писалъ: «Сообщите Коленкуру, что я нахожу его мемуаръ отвратительнымъ, а статьи неудовлетворительными, и что, если онъ не сумѣетъ лучше повести дѣло, мы не идемъ къ миру, несмотря на наше обоюдное желаніе»... Тогда будетъ посланъ послѣдній *ультиматумъ*. «Если Коленкуръ подмаслитъ его немного, мы, можетъ быть, заманимъ его сюда для того, чтобы покончить дѣло совмѣстно съ вами въ двой сутки» ²⁾. «Намъ нужно заключить миръ съ Франціей черезъ нѣсколько дней, иначе разрывъ переговоровъ со стороны Франціи дастъ намъ въ руки очень сильное оружіе для воздѣйствія на общественное мнѣніе». Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ хвалился: «Лучшаго манифеста никогда не напишутъ» ³⁾.

Меттернихъ хорошо пряталъ концы, однако, его коллеги заподозрили его: «Мы все въ подозрѣніи у пословъ»... «Вы не имѣете понятія, какъ здѣсь въ главной квартирѣ заставляютъ насъ страдать. Я не могу этого больше выносить, а императоръ отъ этого заболѣлъ. Они все помѣшаны» ⁴⁾... Передавали другъ другу странныя рѣчи Шварценберга. Генералиссимусъ стоялъ за оборонительную войну. Благоразумно ли съ нашей арміей принять сраженіе?—спрашивалъ онъ. Онъ писалъ своей женѣ: «Если и эта армія будетъ тоже побита, какое торжество для Наполеона, и какую роль будутъ играть государи при переправѣ на ту сторону Рейна во главѣ разбитой арміи!» ⁵⁾.

12 марта въ Шомонѣ у Гарденберга происходила самая бурная конференція. Императоръ Александръ спрашивалъ у Меттерниха: Не запретилъ ли императоръ Францъ генералиссимусу сражаться? Не далъ ли онъ уже ему приказа о переправѣ за Рейнъ? Фридрихъ Вильгельмъ произнесъ слово измѣна; Блюхера умышленно поставили въ крайне опасное положеніе: Австрія несомнѣнно дѣйствуетъ заодно съ Франціей! Выйдя оттуда, Меттернихъ написалъ Шварценбергу ⁶⁾: «Я васъ прошу, поговорите хорошенько съ императоромъ Александромъ: не позволяйте ничѣмъ себя сбить съ пути... Дѣло въ томъ, чтобы побѣдить непріятеля, а не въ томъ,

¹⁾ Стадіону 11 марта въ 2 ч. утра.

²⁾ Стадіону 12 марта въ 3 ч. утра.

³⁾ Стадіону 26 февр. 1814 г.

⁴⁾ Стадіону безъ даты, вѣроятно, 13 марта.

⁵⁾ Шварценбергъ своей женѣ 12 марта 1814 г. Фурнье.

⁶⁾ 13 марта 1814 г.

чтобы сражаться... предоставьте же хвастунамъ хвастать». Вѣдь важно было выждать исхода дуэли между Блюхеромъ и Наполеономъ и сохранить для Австріи знаменитую «фланговую позицію», которая должна доставить ей хозяйскую власть надъ дѣлами.

На конференціи 13 марта въ Шатильонѣ ¹⁾ ограничились тѣмъ, что потребовали отъ Коленкура внесенія новаго контръ-проекта черезъ 24 часа; Коленкуръ просилъ на это 48 часовъ. Онъ впрочемъ не поддавался, увѣряя, что не можетъ доставить болѣе ясной деклараціи, чѣмъ нота С. Эньяна. Такимъ образомъ эта записка безпрестанно предъявлялась къ разсмотрѣнію. До сихъ поръ союзники уклонялись отъ преній по ея поводу. На этотъ разъ, особенно послѣ мемуара 10 марта, они считали необходимымъ покончить съ двусмысленностями, которыя длились съ 9 ноября, и разсѣять эти химеры. «Что касается до базъ С. Эньяна, докладывалъ Стадіонъ, мы рѣшительно отказались ихъ допустить и объявили, что, если на нихъ будутъ настаивать, или на нихъ будутъ основывать контръ-проектъ,—это будетъ принято за отказъ отъ переговоровъ. Англійскіе послы особенно тщательно старались отвергнуть *франкфуртскіе документы, какъ официально имъ неизвѣстные* и совсѣмъ посторонніе Шатильонскимъ переговорамъ».

Эти мнимыя предложенія никогда не имѣли рѣшающаго значенія для продолженія военныхъ дѣйствій, какъ хотѣлось вѣрить французамъ, они и въ ходѣ переговоровъ не составляли эпохи, такъ сказать, когда ходъ событій могъ измѣниться. Они имѣли значеніе эпизода, который ничего не оставилъ и ничего не рѣшалъ, и миновалъ, какъ и все остальное, въ зависимости отъ перемѣны военного счастья. А военное счастье повернулось противъ Наполеона. Онъ не могъ опрокинуть Блюхера при Ланѣ и отступилъ 9—13 марта, а Шварценбергъ опять перешелъ въ наступленіе. Англичане принудили Сульта отступить и заняли Бордо, гдѣ 12 марта маршъ провозгласилъ Бурбоновъ и водрузилъ бѣлое знамя. Въ то же время въ главной квартирѣ союзниковъ явился эмиссаръ графа д'Артуа.

VIII.

Роялисты пробивались черезъ все границы во Францію, увивались вокругъ главнаго штаба, добываясь получить аудіенцію, разыгрывая роль важныхъ пословъ, много общая, а еще болѣе стараясь заполучить для себя. Все бывшіе тайные агенты пустились на поиски, выпугивая дичь изъ кустарниковъ, такъ какъ ударилъ часъ для охоты на чужихъ зем-

¹⁾ Ангебергъ.—Докладъ Стадіона 13 марта 1814 г.—Записки Стьюарта, у Кэстляри, т. I, стр. 560.

ляхъ. Въ первомъ ряду стоялъ баронъ Витроль ¹⁾. Этотъ бывший офицеръ арміи Конде втерся къ Таллейрану и къ Дальбергу, которымъ нужнѣ всего было имѣть свѣдѣнія о планахъ союзниковъ и о видахъ «принцевъ». Эти принцы ихъ очень смущали, потому что дѣло обстоило для нихъ такъ, что они могли стать созидателями, бенефициантами и сановниками будущей монархіи; или же во время предстоящей революціи они могли остаться въ дуракахъ, а это имъ было не привычно да и не по ихъ вкусу. Витроль предложилъ себя въ качествѣ развѣдчика, и Дальбергъ ему передалъ письмо, написанное симпатическими чернилами для Стадіона, и еще другое письмо для Нессельроде съ удостовѣреніемъ личности подателя: «Вы можете вполне довѣриться этому лицу, которое я къ вамъ посылаю: выслушайте его и поблагодарите меня. Пора дѣйствовать на чистоту. Вы ходите на костыляхъ; ходите же на своихъ ногахъ и дерзайте на все, что вы можете сдѣлать». Извѣстно было, что съ давнихъ поръ онъ переписывался съ русскими ²⁾.

Витроль, благодаря политическому счастью, пылкости своихъ рѣчей, сценическому искусству ставшій типичнымъ и занявшій мѣсто въ головѣ цѣлой вереницы подобныхъ ему дѣятелей, не отличался ни большимъ политическимъ смысломъ, ни большей смѣлостью, ни большей смѣтливостью, чѣмъ множество его предшественниковъ, гонимыхъ, повѣренныхъ, маклеровъ, странствующихъ рыцарей, или дипломатическихъ кондотьеровъ монархіи съ 1790 г.; то же нужно сказать и про другихъ мѣлкихъ извѣстныхъ агентовъ. Но этимъ «странствующимъ торговцамъ» въ настоящую минуту, по крайней мѣрѣ, представился благоприятный случай они появились кстати, такъ что не надоѣдали своимъ товаромъ людямъ, коихъ они посѣщали, а предлагали кліентамъ свое посредничество въ такихъ дѣлахъ, которыя тѣмъ надо было спѣшно покончить.

Витроль явился къ Стадіону въ Шатильонѣ 10 марта, какъ онъ рассказываетъ, подъ именемъ Сэнъ-Венсана. Стадіонъ замѣтилъ, что онъ хорошо говоритъ и говоритъ о вещахъ, достойныхъ вниманія, и послалъ его къ Меттерниху. Витроль отправился въ Труа, куда Меттернихъ прибылъ вмѣстѣ съ государями и министрами 16 числа. Витроль привезъ новости изъ Парижа, свѣдѣнія о настроеніи общества и о лицахъ, которыя начинали пошевеливаться, о людяхъ, на которыхъ слѣдовало положиться, и о тѣхъ, на кого можно еще рассчитывать. Нессельроде доносилъ: «Витроль сообщалъ мнѣ о настроеніи умовъ въ Парижѣ; онъ говорилъ о легкости, съ которой мы можемъ овладѣть Парижемъ,

¹⁾ Мемуары Витроля; мемуары Таллейрана. т. II, стр. 147.—Наскье, т. II, стр. 151, 175.

²⁾ См. т. VI, стр. 264.

если поведемъ болѣе энергично военныя операціи, о приѣмѣ, который ожидаетъ союзниковъ въ Парижѣ» ¹⁾. Принятый на минуту 16-го вечеромъ, онъ имѣлъ аудіенцію на другой день сначала у Меттерниха, потомъ у Нессельроде. «Чего же хотятъ, наконецъ, во Франціи?» спросилъ Меттернихъ. — «Франція жаждетъ покоя, котораго ее лишили двадцать пять лѣтъ тому назадъ... Короче сказать, съ Бонапартомъ не будетъ мира, безъ Бурбоновъ Франція не можетъ существовать». — «Но, возразилъ Меттернихъ, мы прошались по вашей Франціи, мы живемъ болѣе двухъ мѣсяцевъ во Франціи, и ничего подобнаго нами не замѣчено... ни жажды покоя, ни воспоминаній о прошломъ, ни даже выраженія общаго недовольства противъ императора. Мы видѣли, положимъ, нѣсколько эмигрантовъ, которые шопотомъ на ухо спрашивали, возвратимъ ли мы короля». Бесѣда тянулась довольно холодно, немного колко Меттернихомъ, настоятельно Витролемъ. «Пусть Франція выскажется, да впрочемъ это ея дѣло, а не наше», сказалъ австріецъ. — «Это ваше дѣло, отвѣтилъ Витроль, вѣдь вы хотите мира, а иначе вы его не будете имѣть. Скажите же ваше слово; Франція еще не знаетъ вашихъ намѣреній, ее еще страшитъ Бонапартъ, а тогда и она выскажется».

Меттернихъ приберегалъ свой планъ регентства; Александръ приберегалъ свой арбитражъ, своихъ нотаблей и своего кандидата. Онъ отказался принять графа Карса (des Cars) и герцога Полиньяка, которые явились отъ лица графа д'Артуа; но онъ согласился выслушать Витролля. «Ваша испытанная преданность своимъ прежнимъ государямъ, конечно, похвальна, сказалъ онъ принужденно и холодно, но преграды, отдѣляющія отнынѣ принцевъ Бурбонскаго дома отъ французскаго трона, мнѣ кажутся непреодолимыми. Принцы вернутся озлобленные несчастіями и не властны будутъ умѣрять вражды между тѣми, кто за нихъ страдалъ, и пострадавшими по ихъ винѣ. Противъ нихъ духъ арміи, а во Франціи армія такъ вліятельна. Увлеченія, овладѣвшія новыми поколѣніями, неблагоприятны для Бурбоновъ; протестанты ²⁾ ожидаютъ ихъ возвращенія со страхомъ и будутъ противиться реставраціи; духъ времени противъ нихъ... Впрочемъ, знаете ли вы принцевъ королевской семьи?» Витроль зналъ только трехъ Конде, подъ начальствомъ которыхъ служилъ. «Ну! возразилъ императоръ, если вы ихъ узнаете, вы убѣдитесь, что такая корона слишкомъ тяжела для нихъ... Недавно мы подумывали о Бернадоттѣ... Но возникло много побужденій, которыя насъ удаляютъ отъ этой мысли... Говорили объ Евгеніи Богарне... Затѣмъ, не возможна ли республика?..»

¹⁾ Нессельроде, Автобіографія.

²⁾ См. выше, стр. 174, Бенжаменъ Констанъ и г-жа Сталь.

Витроль защищалъ, проповѣдывалъ, увѣщивалъ. Онъ видѣлся съ Кэстльри, «благороднымъ, спокойнымъ, холоднымъ, вѣжливымъ», очень знатнымъ англичаниномъ. Былъ у Гарденберга, который бросился къ нему на шею и закричалъ какъ глухой:—это былъ его недостатокъ:—«Вы добрый человѣкъ! Почему вы раньше не пришли?» Потомъ съ нимъ разсуждали о возможныхъ дѣлахъ, о средствахъ, о лицахъ.—«Гдѣ графъ д'Артуа, гдѣ найдетъ онъ людей?» Витроль осторожно намекалъ: «Аббатъ де Прадтъ и многіе другіе... Только помогите намъ создать себѣ сносное положеніе и вліяніе, и вы увидите, какъ много народу сбѣжится къ намъ со всѣхъ сторонъ, сбѣжится больше, чѣмъ надобно». — «Но тогда вы увидите, что предразсудки не позволятъ имъ сблизиться съ лицами, которыхъ высоко уважаетъ общество, и которыя могутъ увлечь за собой общество: съ Таллейраномъ, Фуше?»—«Почему же не сойтись съ Таллейраномъ?» отвѣтилъ Витроль съ нѣкоторымъ смущеніемъ:—«вы должны его считать вполне преданнымъ нашему дѣлу, по крайней мѣрѣ, въ душѣ». Это вызвало смѣхъ: «Ахъ! въ душѣ: это превосходная шутка!» — «Наконецъ, можетъ ли вашъ принцъ связаться съ Фуше?» — «Фуше, отвѣтилъ вполголоса Витроль, это—довольно трудно; но, въ концѣ концовъ, если это необходимо...»

— «Вы вернетесь въ Парижъ, сказалъ Меттернихъ, вы увидите съ вашими друзьями; они должны оказать намъ содѣйствіе; потомъ вы вернетесь къ намъ для того, чтобы сговориться, смотря по обстоятельствамъ, объ осуществленіи вашихъ дальнѣйшихъ плановъ.»—Витроль объявилъ, что онъ долженъ сначала получить приказанія отъ принцевъ, отъ графа д'Артуа, который во Франціи.—«Это потерянное время, отвѣчали ему: чтобы служить ему, нѣтъ надобности его видѣть. Его одобреніе несомнѣнно... Вы намъ обѣщаете значительное содѣйствіе въ Парижѣ. Этого-то и нужно добиться по возможности скорѣе; вотъ тутъ-то и необходимо дѣйствовать: время не ждетъ, а тѣ всегда успѣютъ явиться». Витроль такъ изловчился, что скорѣе «вырвалъ», чѣмъ получилъ охранный листъ для свиданія съ графомъ д'Артуа. Онъ выѣхалъ 20 или 21 марта и гнался за своимъ принцемъ до Нанси, гдѣ онъ пробылъ до 25 или 26-го, а вълѣдствіе этого прибылъ подъ Парижъ только 31-го и не принималъ никакого участія въ рѣшеніи кризиса.

Въ одно время съ нимъ въ Труа находился другой эмиссаръ, прямо аккредитованный графомъ д'Артуа. Это былъ швейцарецъ изъ Бьенна, Виальдерметъ, сестра котораго состояла при принцессѣ Шарлоттѣ Прусской, дочери короля. «Ему было поручено просить союзниковъ признать Monsieur намістникомъ французскаго королевства во имя Людовика XVIII, въ силу чего Monsieur предлагалъ: 1) заключить миръ на условіяхъ,

предложенныхъ Наполеону; 2) не производить въ нынѣшней французской конституціи никакихъ перемѣнъ, кромѣ тѣхъ, которыя признаютъ необходимыми, и которыя будутъ клониться къ упроченію спокойствія Франціи и Европы; 3) обнародовать наиболѣе подходящія деклараціи относительно національныхъ имуществъ, разныхъ государственныхъ учрежденій и всѣхъ должностныхъ лицъ; 4) относительно Маріи Луизы Monsieur обѣщавъ Меттерниху подписать все, что ему угодно. Ни о культѣ ни о государственномъ долгѣ не говорилось»¹⁾. Меттернихъ его принялъ 20 марта и заключилъ бесѣду, какъ и съ Витролемъ: объ этомъ должна высказаться Франція.

Бурбоны имѣли лучше аккредитованныхъ адвокатовъ при главныхъ штабахъ и при канцлерствахъ союзниковъ: при Александрѣ Рошфуара и особенно Поццо ди Борго внимательно выслушивали, потому что послѣдній былъ политикъ и приводилъ единственные убѣдительные доводы—государственные интересы. «Легитимизмъ, говорилъ и повторялъ онъ часто, не единственный и, конечно, не главный мотивъ, который склонилъ государей Европы въ пользу реставраціи Бурбоновъ. Доводы, самые дѣйствительные, самые практичныя и безспорно самые несокрушимыя, вытекаютъ изъ того блага, которое принесетъ Европѣ замиреніе Франціи»... А это сдѣлаетъ правительство, которое, подписавъ миръ, пожелаетъ его сохранить и гарантируетъ его»²⁾.

Что касается Бернадотта, каждый шагъ въ развитіи событій, дѣлавшій Бурбоновъ все болѣе неизбѣжными, уменьшалъ его шансы и его кредитъ. Надо сказать, что для этого онъ самъ немало потрудился своими запутанными интригами и противорѣчіями въ своихъ рѣчахъ. Заручившись³⁾ Норвегією по договору 14-го января съ Даніей, онъ всѣмъ и каждому предлагалъ себя въ качествѣ всеобщаго спасителя: и республиканцамъ, и конституціоналистамъ, и Бурбонамъ, и самому Наполеону⁴⁾. Онъ расто-

¹⁾ Воспоминанія графа Семалле.—Дневникъ Гарденберга, 19 — 20 марта 1814 г.

²⁾ Донесеніе для Нессельроде 2 марта 1816 г. *Корреспонденція Поццо ди Борго*. «Энергія одного необыкновеннаго человѣка, говорится въ *Aperçu de la politique russe*, суждено оказать большое вліяніе на дѣла и установить... взгляды императора Александра». — Мемуаръ, представленный императору Александру до вступленія союзниковъ въ Парижъ, Россія, т. XXVI.

³⁾ Данія уступаетъ Норвегію въ обмѣнъ за шведскую Померанію и о. Рюгенъ.

⁴⁾ Д'Отеривъ пишетъ 26 марта Коленкуру:—Онъ видѣлся два раза съ королемъ Іосифомъ. «Король (Іосифъ) имѣлъ тайкомъ сношенія съ принцемъ шведскимъ, и императоръ желаетъ, чтобы король поддерживалъ эти сношенія... Принцъ шведскій желаетъ сохранить императора и желаетъ мира съ есте-

чалъ обѣщанія и пожатія руки съ великолѣпнѣмъ и сердечностью кандидата. «Онъ всѣми силами старался поссорить насъ съ Пруссіею, писалъ одинъ русскій. Нашего императора обо всемъ этомъ увѣдомили, а этого молодца не отправили назадъ въ Швецію съ его 20-ю или 25-ю тысячами шведовъ!»¹⁾

IX.

15 марта, на конференціи конгресса, Коленкуръ предъявилъ контр-проектъ: Наполеонъ уступалъ Евгенію Италію съ отдѣленіемъ отъ нея Венеціи; требовалъ восстановленія саксонскаго короля; требовалъ себѣ голоса на конгрессѣ, который долженъ организовать будущую Европу. «Если бы мы были отброшены къ Вѣнѣ, мы не заключили бы худшаго мира»²⁾, писалъ Меттернихъ. Наполеона осудили не столько его притязанія, сколько сами событія. Перехваченныя письма выдавали отчаянное положеніе Франціи: «Молодая гвардія таетъ, какъ снѣгъ... Отдайте приказаніе, чтобы приступили къ возведенію редутовъ на Монмартрѣ»³⁾. 14 марта, по полученіи извѣстія о неудачѣ Наполеона при Ланѣ и о взятіи русскими Реймса, союзники приказали шатильонскимъ уполномоченнымъ: «если французскій проектъ не отвѣчаетъ нашимъ требованіямъ, прервать переговоры». 16-го главная квартира возвратилась въ Труа. Тамъ 17-го состоялось совѣщаніе относительно деклараціи о разрывѣ переговоровъ. Меттернихъ писалъ Стадіону въ полночь: «Наполеонъ имѣетъ большую выгоду затягивать шатильонскіе переговоры; онъ пользуется уже однимъ тѣмъ, что переговоры эти существуютъ; слѣдовательно, ихъ нужно прервать и поставить его въ такое положеніе, чтобы возобновить ихъ лишь въ томъ случаѣ, когда переговоры примутъ форму предписанія капитуляціи». Приказъ о разрывѣ былъ посланъ въ тотъ же день. Уполномоченные должны были подписаться 18-го и тотчасъ же разъѣхаться. Въ тотъ самый день Коленкуръ писалъ Наполеону: «Мои предчувствія болѣе чѣмъ оправдались. Переговоры прерваны... Они вынуждаютъ у насъ согласіе на возвращеніе почти въ наши прежнія границы». Разрывъ переговоровъ былъ подписанъ 19 марта.

ственными границами Франціи. Что касается перваго пункта, это—фактъ несомнѣнный: этотъ принцъ всенародно выражалъ свое мнѣніе и затѣмъ далъ знать секретно о расположеніи, изъ котораго можно извлечь большую пользу. Но для этого нужны были: искусство, мужество взять на себя отвѣтственность и войска...

¹⁾ Леонъ Пинго: гл. XVI и XVII.—Письмо Воронцова, Лондонъ 15 дек. 1813 г.—Ланжеронъ, стр. 455.

²⁾ Гуделисту 16 марта 1814 г.

³⁾ Наполеонъ Іосифу 11 марта 1814 г.

Въ сущности въ Парижѣ все рушилось. «Всѣ, писалъ Іосифъ¹⁾, хотятъ мира въ естественныхъ границахъ. Теперь никто не хочетъ старыхъ границъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ, что государство рушится: онъ совѣщался съ министрами внутреннихъ дѣлъ, полиціи и архиканцлеромъ: Тулуза и Бордо омерзительны: «Если бы явился Бурбонъ, они бы его приняли. Настоящее положеніе не можетъ тянуться...» Администрація повсюду распадается. Въ запискѣ д'Отерива къ Коленкуру 25-го февраля пространно говорилось о настроеніи Парижа: «Сегодня утромъ была слышна пушечная пальба. Я не боюсь сказать прямо: когда узнаютъ о поводѣ къ ней, первое чувство, которое будетъ выражено,—сожалѣніе, что *это была только побѣда съ нашей стороны*. Первѣйшая изъ необходимостей, это соглашеніе, предварительные переговоры и перемиріе». 12 марта онъ опять писалъ: «Императоръ увѣдомленъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ со всѣхъ сторонъ ему открывается истина: ни одинъ изъ министровъ не скрываетъ отъ него правды. Король Іосифъ ему писалъ четыре дня назадъ: «Государь! Вы одиноки: Ваша семья, всѣ Ваши министры, Ваша армія, всѣ хотятъ мира, въ которомъ Вы отказываете»²⁾. Вчера было засѣданіе министровъ. Ихъ отвѣтъ на всѣ вопросы былъ единодушный, твердый и отрицательный. Одинъ сановникъ и знаменитый человѣкъ, никогда не отличавшійся смѣлостью рѣчи, сказалъ: «Страна не можетъ дать теперь и 20000 человѣкъ; Франція можетъ пожалуй скорѣе потребовать отчета за гибель двухъ милліоновъ людей». Впрочемъ министерство формулировало свои мнѣнія чрезвычайно просто: «Государь! миръ или смерть, таковъ голосъ всѣхъ Вашихъ министровъ». И они это подписали».

На письма такого рода и отвѣтилъ Наполеонъ Савари 14-го числа: «Я не желаю интригъ въ государствѣ... Я долженъ бы арестовать короля, министровъ... Я не желаю народнаго трибуна... Пусть не забываютъ, что я самъ великій трибунъ!»³⁾

Раздражаясь все болѣе и болѣе, встревоженный ослушаніемъ Іосифа, интригами его друзей, ихъ ухаживаніемъ за національной гвардіей, всей этой игрой во вкусѣ Гастова Орлеанскаго, сдобреннаго Лафайетомъ, онъ писалъ Іосифу 16 марта, повторяя свои ножанскія приказанія отъ 8 февраля:

«Ни въ какомъ случаѣ вы не должны допустить, чтобы императрица и римскій король попали въ руки непріятеля». Если сопротивленіе не-

¹⁾ 21, 22 февр. 1814 г. Мемуары, т. X.

²⁾ Парафразъ письма Іосифа Наполеону 11 марта 1813 г.—Мемуары, т. XI, стр. 193.

³⁾ Савари 14 марта. Лесестръ.—См. выше, стр. 216.

возможно, «дайте возможность правительницам, сыну, первым сановникам, министрам, казначейству выехать по направлению к Дуарь... Не покидайте моего сына и помните, что легче мне услышать, что он на дне Сены, чем в руках врагов Франции. Участь Астианакса, плѣнника грековъ, мнѣ всегда казалась самой несчастной въ исторіи».

17 марта въ Реймсе онъ коснулся дна пропасти. Онъ получилъ отъ вѣрнаго человѣка,—Меневаля, очень вѣроятно,—извѣстія, которыя скоро подтвердило письмо императрицы ¹⁾. «Я читалъ послѣднія письма, передаетъ Паскье, получившія ихъ на храненіе отъ Савари, написанныя императоромъ этому министру передъ выѣздомъ изъ Реймса. Рѣчь въ нихъ шла главнымъ образомъ о подозрѣніяхъ, которыя онъ возымѣлъ относительно императрицы Маріи Луизы или, скорѣе, противъ своего брата Юсифа, котораго онъ обвинялъ въ самыхъ гнусныхъ покушеніяхъ на нее... Я узналъ послѣ отъ С. Эньяна, который, благодаря своимъ весьма интимнымъ отношеніямъ къ герцогинѣ Монтебелло, должно быть, былъ очень освѣдомленъ по этому дѣлу, что подозрѣнія были слишкомъ основательны, что императрица въ эту эпоху очень докучала, и что она имѣла много причинъ жаловаться на назойливость своего шурна» ²⁾.

20 и 21-го Наполеонъ пытался остановить Шварценберга; послѣ жестокихъ битвъ при Арсиѣ на Обѣ онъ принужденъ былъ отказаться отъ этого. Онъ рѣшился тогда свернуть съ операціонной линіи на Сень-Дизь и зайти союзникамъ въ тылъ. Это отважное предпріятіе было бы очень опасно, если бы союзники не узнали объ его планахъ. Тайна открылась въ перехваченномъ 22 марта письмѣ императора къ Маріи Луизѣ.

28-го въ Сень-Дизь Колонкуръ привелъ къ нему Вессенберга, взятаго въ плѣнъ кавалерійскимъ патрулемъ. Онъ имѣлъ длинный разговоръ съ этимъ австрійскимъ дипломатомъ ³⁾. Въ краткой передачѣ существеннаго онъ говорилъ ему: «Я готовъ на большія жертвы: я оставляю Испанію, отказываюсь отъ Германіи, Италіи, Швейцаріи; я признаю принца Оранскаго въ Голландіи, хотя я предпочелъ бы тамъ республику. Я возвращу

¹⁾ Камбасересу 16 марта. «Я получилъ ваши три письма. Никого передо мной не оклеветали, потому что я все узналъ объ этомъ дѣлѣ изъ письма Меневаля и изъ полученнаго черезъ шесть часовъ послѣ письма императрицы. Я увѣренъ, что вамъ не довѣрили этихъ безумныхъ проектовъ...» Лесестрь. (Объ этомъ удивительномъ и знаменательномъ эпизодѣ, Паскье, т. II, стр. 229, 236—237.

²⁾ «Евгеній человѣкъ съ честью, а у короля чести нѣтъ». Разговоръ съ Редереромъ 12 ноября 1813 г., т. III, стр. 581. См. выше, стр. 176.

³⁾ Арнетъ, *Вессенбергъ*, т. I, стр. 188—193. Резюме разговора съ императоромъ Наполеономъ.

Голландіи всея владѣнія на лѣвомъ берегу Мааса и Рейна. Я настаиваю на Антверпенѣ... Я готовъ отказаться отъ всехъ колоній, если за это подучу устье Шельды... Англія не въ силахъ будеть противиться этому, если Австрія ея не поддержитъ... Австріи нечего больше желать, потому что она получаетъ все, чего всегда домогалась въ Польшѣ, Италіи, Германіи... Можетъ ли Меттернихъ забыть, что мой бракъ съ австрійской принцессой—его дѣло? Кажется, вашъ императоръ не любитъ своей дочери, вѣдь, если бы онъ любилъ ее, онъ не оставался бы безучастнымъ къ ея горю. Моя женитьба на ней—грубая ошибка. Если бъ я женился на русской принцессѣ, меня бы не поставили въ положеніе, подобное настоящему... Никогда я не думалъ, что императрица станетъ чужою для своего отца... Повторяю, я сдѣлалъ грубую политическую ошибку, женившись на австрійской эрцгерцогинѣ; не спорю, императрица—исравненная женщина. Вы не знаете ея заслугъ; лучшаго выбора я бы не могъ сдѣлать. Ручаюсь вамъ, что она лучше пойметъ дѣло управления, чѣмъ пресловутая Анна Австрійская... Я нимало не дорожу своей жизнью: она ежедневно подвергается опасности, но французы полюбятъ императрицу. Для васъ лучше ея регентство вмѣстѣ съ сенатомъ, чѣмъ правительство Бурбоновъ. Въ мое отсутствіе она очень много выиграла въ общественномъ мнѣніи, а я готовъ передать власть въ ея руки». Въ теченіе этого монолога онъ сдѣлалъ такое предложеніе: «Дворы должны дать Австріи полномочіе, и миръ будетъ заключенъ въ два часа времени. Англія—наиболѣе разумный изъ союзниковъ, и Кэстльри мнѣ кажется человѣкомъ достойнымъ уваженія... Ваше приключеніе для меня счастливый случай, если оно дастъ мнѣ поводъ познакомиться вашъ дворъ съ моими чувствами и сблизитъ насъ».

Это было отреченіе ради регентства, гарантированнаго Австріей. Но союзники уже приняли свое рѣшеніе. Александръ одержалъ верхъ. Низложеніе было постановлено.

Гарденбергъ писалъ 20-го въ своемъ дневникѣ: «Мы овладѣемъ Парижемъ черезъ 10 или 12 дней, развѣ только наши генералы надѣлаютъ необычайныхъ ошибокъ...» Базалось, наступила минута издать тотъ манифестъ, который Меттернихъ считалъ наилучшимъ изъ всехъ манифестовъ. Помѣченный 25-мъ марта въ Витри, онъ былъ напечатанъ въ Дижонѣ и обнародованъ 28-го ¹⁾.

Пресловутая фраза объ «естественныхъ границахъ», записанная С. Эньяномъ, затушеванная уже пальками во франкфуртскомъ манифестѣ, здѣсь совсѣмъ утонула въ дипломатической чепухѣ. Это было послѣднее

¹⁾ Ангебергъ, стр. 143. Фуриье, стр. 237. Примѣчаніе.

слово продолжительнаго вѣроломнаго клеузнничества, дившагося начиная съ Праги: «Франція, возстановленная въ размѣрахъ, упроченныхъ за нею вѣками славы и благоденствія подъ властью ея королей, должна раздѣлится съ Европой благодѣянія свободы, національной независимости и мира. Державы, одушевленные примирительными цѣлями, предлагали обсудить со обща подходящіе предметы владѣнія, чтобы владѣнія Франціи превосходили границы, которыми она обладала до войнъ революціи... Франція должна винить лишь свое правительство за тѣ дѣянія, которыя ей приходится претерпѣвать. *Миръ будетъ данъ Европой*; всякій иной миръ не допустимъ». Это было постановленіе приговора надъ Наполеономъ: изложеніе императора велѣдъ за разрушеніемъ имперіи. «Съ этихъ поръ европейскій миръ обезпеченъ, и ничто въ будущемъ его не возмутить».

29-го союзники подошли къ Парижу. 30-го, послѣ битвы, данной французами изъ чести, союзники овладѣли высотами, господствующими надъ столицей. Съ высоты у основанія Монмартрскихъ мельницъ побѣдоносные германцы созерцали великій городъ, раскинувшійся ниже, городъ величественныхъ башенъ, священныхъ куполовъ, бронзовыхъ колоннъ, отлитыхъ изъ пушекъ, соборъ Парижской Богоматери, Пантеонъ, Домъ инвалидовъ и, въ густомъ туманѣ, Триумфальную арку, гиганта изъ тесаныхъ камней, еще не отдѣланныхъ. «Протекло девять съ половиною столѣтій, отмѣчаетъ одинъ нѣмецъ ¹⁾, съ тѣхъ поръ, какъ нашъ императоръ Оттонъ II водрузилъ на этихъ холмахъ свои орлы, утрачая великій городъ возгласами своихъ воителей: Аллизуйя». А Гнейзенау писалъ: «О чемъ грезили патріоты, надъ чѣмъ глумились эгоисты, совершилось!» А Штейнъ писалъ: «Этотъ человекъ поверженъ во прахъ...»

31 марта Парижъ капитулировалъ.

ГЛАВА V.

Миръ 1814 г.

I.

Союзники, слѣдуя старомонархическимъ традиціямъ, подновленнымъ и революціей, всего ожидали отъ Парижа. Парижъ, какъ во времена Генриха IV, Фронды, какъ 10 августа, 9 термидора, 19 брюмера, составлялъ всю Францію. *Roma locuta est!* А между тѣмъ Парижъ инертный безмолвствовалъ. Въ народѣ еще живы были духъ прежняго націонализма

¹⁾ Трейчке, т. I, стр. 553.

и революціонный духъ, пребывавшіе въ безпорядочномъ смѣшеніи другъ съ другомъ и не создавшіе ни вожаковъ, ни лозунга для сплоченія, за исключеніемъ старой національной аксіомы, неизмѣнной аксіомы общественаго спасенія: долой чужеземцевъ! Но что тутъ могли подѣлать люди безоружные, обузданные полиціей, безсильные подъ грозою террора, который и при переходѣ власти изъ рукъ Робеспьера въ руки Фуше, и послѣ упорядоченія пріемовъ правилъ издали, какъ страшные идолы изъ глубины храмовъ, а вблизи осязательно посредствомъ сборовъ и шпионовъ. Существующіе еще республиканцы хорошо видѣли, а масса заодно съ ними чувствовала инстинктивно, что все то, что послѣдуетъ за непріятельскимъ нашествіемъ, не послужитъ имъ на пользу. Остальные—чиновники, капиталисты, буржуазія, подчинившіеся имперіи, присоединившееся къ ней дворянство, вернувшіеся эмигранты—заботились только о личныхъ выгодахъ. Одни искали возможнаго, другіе безропотно покорялись, а въ сущности почти никто не могъ еще разобраться въ возможномъ будущемъ. Шли, какъ и союзная армія, на удачу. При такомъ неопредѣленномъ состояніи, первый толчокъ долженъ былъ сообщить массѣ движеніе. А между тѣмъ жажда мира преобладала надъ всѣмъ остальнымъ. Союзники требовали такого правительства, которое заключитъ миръ; и Парижъ принялъ его, какъ только оно явилось. Часъ Таллейрана наступалъ ¹⁾.

Онъ не безъ трепета ожидалъ его наступленія, но не потому, что ему не хватало мужества въ рѣшительную минуту дѣйствія; при всей тонкости своей проницательности и удивительной твердости въ борьбѣ этотъ чело вѣкъ страдалъ отъ того, что еще не видѣлъ ясно, какая партія для него выгоднѣе. Онъ искалъ чутвемъ настоящій слѣдъ, а весь политическій Парижъ ожидалъ, чтобы онъ указалъ, куда надо повернуть. Онъ еще стоялъ за регентство: «Что дѣлать?» отвѣчалъ онъ г-жѣ де-Куаньи, намекавшей ему на принцевъ. «Что дѣлать? Развѣ у насъ нѣтъ его сына?—Развѣ нѣтъ другого выбора?—Возможно только регентство. отвѣчалъ онъ, опуская глаза, суровымъ тономъ, который онъ принималъ обыкновенно, когда не хотѣлъ слышать противорѣчія». Сначала онъ рассчитывалъ на смерть императора въ жестокой битвѣ одинъ на одинъ, потомъ рассчитывалъ на миръ. Онъ слѣдилъ за всѣми перипетіями шатильонскихъ переговоровъ. «Мы съ Коленкуркомъ согласились, признавался онъ, насчетъ шифра и условнаго знака, посредствомъ котораго онъ, напримѣръ, уведоमितъ меня, приметъ или нѣтъ императоръ

¹⁾ Таллейранъ, въ 1814 г. Извлеченія изъ его писемъ къ герцогинѣ Дино. *Revue d'histoire diplomatique*, т. II.—Étienne Lamy, *Aimée de Coigny et ses Mémoires*.

мирныя предложенія». Наполеонъ не умиралъ, миръ не вырисовывался, и Таллейранъ сталъ прислушиваться къ «шопоту» около него о Бурбонахъ. «Однажды, рассказываетъ г-жа де-Куаньи, онъ всталъ, подошелъ къ двери своей картинной галлерей и, убѣдившись, что она закрыта, подошелъ ко мнѣ, поднявъ руки, и сказалъ мнѣ: «М-ме де-Куаньи, я согласенъ на короля, но...» Бывшая *Jeune captive* прервала его, бросившись ему на шею; онъ успокоилъ ее и продолжалъ: «Да, я согласенъ; однако, надо вамъ знать, въ какихъ я отношеніяхъ къ этой фамиліи. Съ графомъ д'Артуа я еще помирюсь легко, потому что между нами есть дѣла, которыя достаточно объясняютъ ему мой образъ дѣйствія. Но его братъ меня вовсе не знаетъ. Признаюсь, я не хочу вмѣсто благодарности получить прощеніе или излагать свое оправданіе. Я не вижу выхода...» На другой день онъ возобновилъ разговоръ. Большой другъ г-жи де-Куаньи, Буажеленъ, работавшій въ пользу Бурбоновъ, собирался выѣхать, чтобы присоединиться къ нимъ. «Ну, сказалъ Таллейранъ, и вполне вашъ, и такъ вы можете съ этой минуты смотрѣть на меня. Будемъ работать для спасенія страны отъ этого бѣшеннаго... Слѣдуетъ открыто говорить объ его зловредности, о нарушеніи имъ всѣхъ принятыхъ на себя обязательствъ при избраніи его въ правители Франціи. И при этомъ нечего бояться такихъ словъ, какъ нація, права народа... Это дѣйствительно были не совсѣмъ-то «легитимистическіе» паролы. Теперь Таллейранъ открылъ отчасти свой планъ, несравненно болѣе практичный, чѣмъ планъ, задуманный Сійэсомъ въ брюмеръ VIII года: одинъ изъ сенаторовъ обвинить Наполеона. Наполеонъ нарушилъ свою присягу, и договоръ съ нимъ отмѣняется; Наполеонъ внѣ закона; сенатъ провозглашаетъ Францію конституціонной монархіей и обозначаетъ три или четыре закона, точно опредѣляющихъ народныя вольности; Людовикъ XVIII призывается плебисцитомъ. Иностранцы приглашаются вернуться за Рейнъ «для постановленія тамъ предварительныхъ условій мира». Тогда бы Франція имѣла конституцію, брюмеріанцы были бы обезпечены, а Таллейранъ получилъ бы свой *habeas corpus*. 24 февраля онъ узналъ, что въ одной прусской прокламаціи впервые упоминалось имя Бурбоновъ. Онъ позволилъ Витроллию «прошептать» свое имя въ главной квартирѣ союзниковъ ¹⁾. Послѣ занятія 12 марта англичанами Бордо и провозглашенія мэромъ этого города Людовика XVIII онъ писалъ герцогинѣ Дино:

¹⁾ См. выше, стр. 31, 172, 219, 240. «Эта миссія задумана имъ вмѣстѣ съ Таллейраномъ, который сталъ во главѣ партіи, работающей для низверженія Наполеона». Нессельроде, *Автобіографія*.

«Если миръ не будетъ заключенъ, Бордо займетъ значительное положеніе въ дѣлахъ: если миръ состоится, Бордо утратитъ свою значительность. Онъ потеряетъ также свое значеніе, если императоръ будетъ убитъ, потому что тогда престолъ наследуетъ Римскій король подъ регентствомъ матери. Братья императора, конечно, попытаются помѣшать этому силою своего вліянія, на которое они рассчитываютъ; такое препятствіе легко устранить: ихъ принудятъ оставить Францію, потому что ни у котораго изъ нихъ здѣсь нѣтъ приверженцевъ, могущихъ образовать партію...»

И 20 марта опять писалъ ей:

«Если императоръ будетъ убитъ, эта смерть утвердитъ права его сына...»

Регентствомъ будутъ довольны всѣ, потому что будетъ назначенъ совѣтъ, который угодитъ всѣмъ».

А черезъ восемь дней онъ рѣшился. Онъ видѣлъ, какъ ширилось съ каждымъ днемъ «соціальное распаденіе». «Никто не повинуется, никто не распоряжается» ¹⁾. Оставаясь въ неизвѣстности относительно намѣреній союзниковъ, онъ соображалъ и умно соображалъ. «Ежечасная и самая настоятельная забота состоитъ въ томъ, чтобы приготовить правленіе, которое могло бы быстро занять мѣсто напшаго правительства. Достаточно одного лишь дня нерѣшительности, и это можетъ вызвать на первый планъ идеи о раздѣлѣ и порабощеніи, которыя теперь скрытно угрожаютъ нашей несчастной странѣ. Для этого нѣтъ надобности въ интригахъ: всѣ онѣ недѣйствительны по своей недостаточности. Требуется только узнать истинную волю Франціи, такую волю, на которую Европа должна согласиться. Франція, среди ужасовъ нашествія, желаетъ быть свободной и уважаемой; а къ этому приведетъ возстановленіе Бурбоновъ по праву легитимности. Европейскія державы, нахлынувшія на Францію, все еще не довѣряютъ ей и желаютъ, чтобы она обезоружилась и вступила въ свои прежнія границы, чтобы не приходилось вѣчно слѣдить за соблюденіемъ мира; онѣ требуютъ гарантій, а это опять приводитъ къ возстановленію Бурбоновъ» ²⁾. Къ этимъ соображеніямъ привели Таллейрана его умъ и политическій смыслъ; но, какъ видится, до послѣдняго часа онъ не высказывался, и только сила вещей его къ тому принудила.

Необходимость внушать почтеніе къ себѣ и защищать завоеванныя «естественныя границы» руководила всей внѣшней политикой съ 1792 г.; необходимость возвращенія въ «старыя границы» опредѣляла внутрен-

¹⁾ Герцогиня Дино 17, 20, 27 марта 1814 г.

²⁾ Мемуары, т. II, стр. 156 и слѣд.

ную политику 1814 г. Съ самаго начала великой войны вопросъ о границахъ былъ такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о внутреннемъ управленіи Франціей, самая дѣятельность правительствъ, вышедшихъ изъ революціи, до того отождествлялась съ завоеваніемъ и сохраненіемъ естественныхъ границъ, что потеря этихъ границъ вела къ паденію правительства и приводила самымъ обратнымъ теченіемъ событій къ реставраціи Бурбоновъ вмѣстѣ съ возвращеніемъ въ прежнія границы ¹⁾. Одни Бурбоны могли согласовать со своимъ достоинствомъ «миръ, данный Европой», потому что они связывали съ этимъ миромъ свой собственный принципъ: старыя границы, старую монархію, миръ и легитимность; такова послѣдовательная связь ихъ политики въ теченіе эмиграціи ²⁾.

То же слѣдуетъ сказать и объ нити карьеры Таллейрана, которая столько разъ то рвалась, то опять связывалась; эта мысль о мирѣ одна сохраняла нѣкоторую послѣдовательность въ его политическомъ поведеніи, по крайней мѣрѣ, какъ постоянная мысленная оговорка среди всего того множества отреченій отъ своихъ словъ, которыя онъ совершилъ для сохраненія своего служебнаго положенія. Онъ къ ней возвращался послѣ странныхъ уклоненій, но она всегда оставалась близкой ему. Онъ видѣлъ, какъ циклъ явленій замыкался въ точкѣ своего отправленія. Миръ, предписываемый союзниками въ 1814 г., и миръ 1792 г., какъ онъ его совѣтовалъ ³⁾ нарождающейся республикѣ, совпадали. Онъ распознавалъ обычныя уклоненія отъ принятаго пути при завоеваніяхъ и указывалъ на вѣщныя условія для свободнаго правительства Франціи. Онъ вовсе не имѣлъ предубѣжденія противъ старыхъ границъ, онъ былъ однимъ изъ очень рѣдкихъ людей во Франціи, которые соглашались на нихъ и обдуманно и съ намѣреніемъ. Въ нихъ заключалась связь между Бурбонами и союзниками, и ему предстояло здѣсь завязать узелъ. Хотя онъ зналъ, что онъ антипатиченъ Людовику XVIII и подозрителенъ союзникамъ, онъ понималъ, что и Людовикъ XVIII этого не приметъ въ соображеніе, если Таллейранъ ему доставитъ корону, да и союзники, если онъ посодѣйствуетъ заключенію удобнаго имъ мира. Ему открывался выходъ; и онъ выступилъ осторожнымъ, но твердымъ шагомъ, какъ высокій сановникъ, вершитель дѣлъ, и въ эту торжественную переходную пору своей судьбы онъ чувствовалъ себя равней самыхъ знаменитыхъ фабрикантовъ королей и мирныхъ договоровъ.

¹⁾ См. т. IV, стр. 285—286, 330; т. V, стр. 17; т. VI, стр. 13—15.

²⁾ См. мон. *Essais: d'histoire et de critique*. Talleyrand au congrès de Vienne.

³⁾ См. т. III, стр. 169.

Франціи нуженъ былъ миръ, а Таллейрану нуженъ былъ этотъ миръ, чтобы сдѣлаться министромъ. Франціи нужна была порука за сохраненіе ея вольностей, Таллейрану не менѣе того нужна была конституція, которая дала бы ему отпускную грамоту, неприкосновенность его личности, богатства и титуловъ. Въ то время его личныя выгоды совпадали съ общественною пользою, а при такихъ стеченіяхъ обстоятельствъ великое умѣнье вести дѣла и великое умѣнье жить въ обществѣ могутъ создать государственнаго человѣка.

Его рѣшеніе уже было принято, когда 28 марта собрался совѣтъ регентства, который вопреки неоднократнымъ приказамъ Наполеона обоособилъ правительство отъ Маріи-Луизы и ея сына и отправилъ ихъ въ Рамбулье. 31 марта была подписана капитуляція, и, въ свою очередь, выѣхали изъ Парижа Юсифъ, а вслѣдъ за нимъ остальное правительство. Таллейранъ долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ совѣтомъ регентства, въ составъ котораго онъ входилъ официально. Но, чтобы остаться въ Парижѣ какъ бы противъ воли, онъ подстроилъ дѣло такъ, что, при помощи театральнаго приѣма, достойнаго его знаменитаго патрона кардинала Ретца, онъ былъ остановленъ и задержанъ на заставѣ именемъ парижскаго населенія національной гвардіей Ремюза, который вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ дворцовой префектурой ¹⁾.

Парижъ былъ избавленъ отъ штурма; миръ возвѣщенъ; Наполеонъ палъ, и вотъ все измѣнило свой видъ, все считали себя спасенными, и Парижъ перешелъ отъ крайняго унынія къ безпечному веселью. Дѣльцы поздравляли другъ друга. Либералы расточали изліянія своего облегченія. Союзники уже не казались врагами. Александръ, предшествуемый самой обаятельной рекламой, являлся спасителемъ національной независимости, возстановителемъ вольностей французовъ. 31 марта пришлось на воскресенье. «Погода была великолѣпная, рассказываетъ Нессельроде; бульвары переполнены празднично одѣтой толпой. Казалось, что туда сошлись на праздникъ, а не на встрѣчу непріятельской арміи». Парижъ повторялъ картину вступленія Наполеона въ Миланъ девять лѣтъ тому назадъ ²⁾. Какъ и въ Италіи, простонародье оставалось по домамъ, суровое, чувствуя, что непріятель нахлынулъ, повергъ его на землю и топчетъ своимъ сапогомъ и шпорою, какъ и его родную землю и городскія улицы попираютъ конскія подковы. Толпа образовалась изъ лицъ, принадлежавшихъ бомонду; элегантная толпа, пышный кортежъ, великолѣпное небо, сверкающее солнце, шпалеры изъ свѣтлыхъ туалетовъ, развѣвующіяся перья и

¹⁾ Паскье, т. II, стр. 231.

²⁾ См. т. VI, стр. 357.

банты лентъ. У заставъ генералы союзниковъ съ принцемъ Вюртембергскимъ расположились шпалерами. «Наконецъ, онъ прибылъ, сопровождаемый королемъ прусскимъ, княземъ Шварценбергомъ, фельдмаршалами Барклаемъ-де-Толли и Блюхеромъ... предшествуемый отборнымъ отрядомъ казаковъ; за императоромъ слѣдовали пѣхотныя колонны съ прекрасной музыкой, артиллерія и самая красивая, какую только можно себѣ вообразить въ грезахъ, кавалерія... Этотъ пышный кортежъ черезъ Сень-Мартенскія ворота направился... къ Елисейскимъ полямъ... Начали махать платками въ окнахъ. Повсюду раздавались крики: *Да здравствуетъ императоръ Александръ! Да здравствуетъ нашъ освободитель.* Раздалось нѣсколько восклицаній: *Да здравствуютъ Бурбоны!*... Императоръ Александръ былъ великодушенъ. Онъ ѣхалъ въ походномъ кавалергардскомъ мундирѣ на сѣромъ конѣ. Свиту составляло болѣе тысячи военныхъ генераловъ, принцевъ и т. п.»¹⁾ Вся старая Европа въ новыхъ галунахъ разливалась по Парижу, а этотъ суетный Парижъ, который тѣми же глазами созерцалъ и праздникъ федерацій и процессію Верховнаго Существа, теперь развлекался зрѣлищемъ тѣхъ мундировъ, спину которыхъ только и видѣли въ теченіе предшествовавшихъ двадцати лѣтъ, и повторялъ, картавя и смягчая, эти варварскія имена, которыя прежде читались по складамъ въ бюллетеняхъ о побѣдахъ Наполеона.

Король прусскій казался трогательнымъ и благороднымъ по своимъ прошлымъ бѣдствіямъ, почти товарищемъ по несчастью, вырвавшимся, какъ и парижане, изъ тюрьмы тиранна. Шварценбергъ, долго бывшій посланникомъ и извѣстный всему свѣту по своему балу и пожару во время свадебныхъ празднествъ, казался другомъ, возвратившимся къ своимъ друзьямъ. Александръ, красивый, молодой, улыбающійся, цвѣтущій въ этотъ ясный день, среди этихъ криковъ энтузіазма, перелива красокъ, этого колыханія измятыхъ тканей и растроганныхъ женщинъ, казался юнымъ богомъ. Увидѣвъ его расчувствовавшимся, съ сіяющимъ челомъ, съ увлажненными глазами, эти неисправимые мечтатели отсюда заключили, что онъ дефилируетъ какъ триумфаторъ, безъ сомнѣнія, по праву завоеванія, но онъ покоренъ ими самими, ихъ парижской волшебной весной, прелестью ихъ города, сердечнымъ ихъ восторгомъ, зрѣлищемъ ихъ энтузіазма, и, считая его покореннымъ, себя они считали освобожденными²⁾.

¹⁾ Лёвенштернъ.—Ланжеронъ.—Henry Houssaye.—Энтузіазмъ, ослѣпленіе женщинъ: *ma-me de Chastenaу*, т. II, стр. 306—307, 312—315. Письма г-жи Сталь, *Revue de Paris*, 1 янв. 1897 г.

²⁾ «Всякій, кто знаетъ Францію, говоритъ Мишле, и способность францу-

Нессельроде, предшествуя своему господину, прибылъ утромъ къ Таллейрану. Тотъ былъ занятъ своимъ туалетомъ. «Таллейранъ, рассказываетъ онъ, бросился ко мнѣ на половину причесанный, схватилъ меня въ объятія и осыпалъ меня нудрой; велѣлъ позвать людей, съ которыми онъ былъ тѣсно связанъ заговоромъ: герцога Дальберга, аббата де Прадта, барона Луи. Я имъ сказалъ, что императоръ имѣетъ пока только одну твердо установленную идею: не оставлять на тронѣ Франціи Наполеона... что онъ приметъ рѣшеніе, лишь посоветовавшись сначала съ людьми просвѣщенными, съ которыми онъ думаетъ вступитъ въ сношенія».

Александръ произвелъ смотръ войскамъ на Елисейскихъ поляхъ, потомъ поселился у Таллейрана въ отелѣ Сень-Флорантенъ, куда начало стекаться все, съ чѣмъ считались въ политикѣ въ Парижѣ, что чванилось нѣкоторой ролью въ ней или просто искало въ ней своей выгоды. Тамъ находился нѣблизъ дворъ вельможъ и военныхъ, торопившійся подхватить сорвавшееся съ его устъ слово, которое послужитъ рекомендаціей и пропускнымъ листомъ въ новый режимъ. Думалъ ли онъ еще о Бернадоттѣ? Онъ его видѣлъ какъ бы чуждымъ и затерявшимся въ Парижѣ, и онъ уже не настаивалъ на Бернадоттѣ. Онъ понялъ, что избрать маршала значить соединить противъ него всѣхъ маршаловъ. Для того, чтобы не давать имъ воли, нужно было вернуть ихъ въ строй и уравнять ихъ. Въ этомъ заключалась тайна имперіи, и императору Александру удалось проникнуть въ смыслъ ея. «Къ чему избирать солдата, сказалъ Таллейранъ, если мы отвергаемъ перваго солдата въ мірѣ?» Затѣмъ онъ защищалъ свой тезисъ: «Ни вы, государь, ни союзные государи, ни я, кого вы считаете вліятельнымъ человѣкомъ, никто изъ насъ не можетъ дать Франціи короля... Навязать короля можно только интригой или силою; и то, и другое окажется беспильнымъ. Чтобы установить прочный порядокъ, чтобы его приняли безъ протеста, нужно дѣйствовать по принципу. Мы будемъ сильны, руководясь принципомъ, и оппозиція скоро исчезнетъ; а этотъ принципъ можетъ быть только одинъ: Людовикъ XVIII, вотъ этотъ принципъ, вотъ онъ легитимный король».

Царь обладалъ политическимъ чутьемъ, онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ возможномъ и необходимомъ; гибкій подъ давленіемъ необходимости, онъ искусно пользовался обстоятельствами. Онъ умѣлъ напередъ разсчитать впечатлѣніе фразы, какъ разсчитываютъ эффектъ заряда ракеты. «Прин-

зовъ къ быстрому увлеченію, знаетъ, что въ такіе моменты лавина, низвергаясь, устраняетъ безпощадно всѣ преграды, всякія предосторожности; не остается ни малѣйшей заботы о сохраненіи отгѣнковъ и смягченіи переходовъ». Исторія Франціи, т. XII. Вступленіе Генриха IV-го въ Парижъ, въ Парижъ Лиги.

циль», о котором хлопотал Таллейранъ для Франціи, провозглашался Александромъ въ Россіи, и власть этого принципа онъ имѣлъ притязаніе распространить на всю Европу за исключеніемъ Франціи, для которой онъ предпочелъ бы нѣкоторый неясный символъ или нѣкое подобіе народовластія. Онъ понималъ, что все они обратились въ приверженцевъ Бурбоновъ, что изъ-за этого имъ пришлось подвергаться гораздо большей опасности и совершить болѣе дальній путь, чѣмъ ему, и онъ позволилъ себѣ согласиться съ ними, затанувъ про себя за дѣтое самолюбіе и политическое безпокойство. Во всякомъ случаѣ онъ избѣгалъ произносить имя Бурбоновъ, все еще обольщая себя надеждой, что французы назовутъ другое имя.

Онъ держалъ нѣчто въ родѣ совѣта, на которомъ присутствовали прусскій король, Таллейранъ, Шварценбергъ, Дальбергъ, Нессельроде, Поццо, князь Лихтенштейнъ, потомъ аббатъ Прадтъ и баронъ Луп, которые объявили, что Франція за короля: Франція ожидаетъ только примѣра отъ Парижа и гарантій отъ союзниковъ, и тогда она заявитъ о своемъ роялизмѣ. Парижъ показалъ примѣръ, а союзники даровали гарантію: декларация царя, датированная 31 марта, редактированная Дальбергомъ и Нессельроде, подписанная царемъ и обнародованная въ 3 ч. пополудни, гласила:

«Если условия мира должны были заключать болѣе прочныя гарантіи, когда дѣло шло о томъ, чтобы обуздать честолюбіе Бонапарта, они должны были болѣе благоприятны, когда вслѣдствіе возвращенія мудраго правительства Франція сама предложитъ обезпеченіе спокойствія. Вслѣдствіе этого государя провозглашаютъ, что они не будутъ болѣе договариваться ни съ Бонапартомъ, ни съ единымъ членомъ его семьи; что они не нарушатъ *цѣлости древней Франціи, какъ она существовала при легитимныхъ короляхъ; что они могутъ сдѣлать еще болѣе того...* потому что для блага Европы необходимо, чтобы Франція была великою и сильною. Они признаютъ и гарантируютъ конституцію, которую дастъ себѣ французская нація. Въ силу чего они приглашаютъ Сенатъ тотчасъ же избрать временное правительство... и подготовить государственное устройство, угодное французскому народу.

Необходимо было хоть по видимости народное совѣщаніе, по крайней мѣрѣ, въ переносномъ смыслѣ и ради соблюденія формы. «Какъ же я узнаю, сказалъ царь Таллейрану, что Франція желаетъ Бурбоновъ?» — «По совѣщаніямъ, государь, которыя я берусь вызвать въ Сенатъ; о результатахъ ихъ Вы, Ваше Величество, тотчасъ же узнаете». — Вы въ этомъ увѣрены? — «Я за это отвѣчаю, государь!»

Таллейранъ, неоднократно имѣя дѣло съ этимъ августѣйшимъ собраніемъ, зналъ хорошо ту ось, на которой вертѣлись конституціи имперіи; зналъ, что къ ней нужно только прикоснуться по известнымъ обрядамъ,

чтобы получить желаемый отвѣтъ оракула, подобно тому, какъ извлекались предсказанія изъ пустыхъ внутри статуи древнихъ боговъ. Лучшаго знатока дѣла нельзя было найти, чтобы привести въ движеніе станокъ, изготовляющій сенатскія рѣшенія. Онъ зналъ по своему личному опыту, что, несмотря на все пожалованія и возведеніе въ благородное званіе этихъ принцевъ, герцоговъ, графовъ, сенаторовъ, это собраніе не было ни по достоинству, ни по духу, а въ сущности, и по власти выше «парламентскаго гузна», изъ котораго это собраніе вышло, въ ночь съ 19 на 20 брюмера VIII года упразднило конституцію III-го года, конфисковало республику и дало законную силу *coup d'État* Бонапарта ¹⁾. Таллейранъ ожидалъ отъ сената прямо противоположнаго постановленія и добился безъ труда и тѣми же средствами, т. е. дѣйствуя на ихъ холонское корыстолюбіе: онъ обезпечивалъ должности, гарантировалъ титулы и имущественныя пожалованія. И онъ получалъ, чего добивался. Сенатъ-бюстигель, возникшій изъ развалинъ республики, разрушилъ имперію, и по неумолимой логикѣ этимъ актомъ онъ упразднялъ себя самого: по абсурду желаніе жить привело его къ самоубійству.

2 апрѣля Таллейранъ доставилъ царю «достопамятныя постановленія», заставивъ каждого изъ наличныхъ сенаторовъ подписать ихъ поименно. Изъ 140 сенаторовъ присутствовало 64; остальные, какъ и въ брюмерѣ, или не явились, или не получили приглашенія на засѣданіе ²⁾. Эти постановленія создавали временное правительство, составленное изъ Таллейрана, Жокура, Дальберга, Берновилля, аббата Монтескью. Это правительство готовило конституцію. Таллейранъ и Жокуръ были извѣстны въ теченіе нѣсколькихъ годовъ за «друзей» Австріи; Дальбергъ былъ «другомъ» Россіи; Берновилль, старый рубака, на все готовый и изучившій государственные перевороты въ Парижѣ въ 1792 и 1793 гг., потомъ въ Голландіи; аббатъ Монтескью въ этомъ совѣтѣ былъ представителемъ отъ заговоровъ эмигрантовъ-роялистовъ и католиковъ. Эти господа обнародовали тѣ гарантіи, которыя дастъ Франціи будущая конституція; именно: непрерывность сенатскихъ засѣданій или, точнѣе, дѣятельныхъ членовъ, составлявшихъ это собраніе, въ точное соотвѣтствіе съ знаменитымъ декретомъ конвента о двухъ третяхъ въ 1795 г.; военнымъ гарантировалось сохраненіе чиновъ, скупщикамъ — приобретеныя ими національныя имущества, а капиталистамъ — рента; затѣмъ свобода совѣсти и обѣщаніе не преслѣдовать ни одного француза «за выраженныя имъ мнѣнія и поданныя *голоса*». Члены правительства бо-

¹⁾ См. т. V. стр. 391—395.

²⁾ Duvergier de Hauranne, *Histoire du gouvernement parlementaire*, т. II, гл. I, конецъ имперіи.

лѣ другихъ были заинтересованы въ полученіи этихъ гарантій, и при такой программѣ они могли рассчитывать на большинство сенаторовъ и депутатовъ и на согласіе главнаго штаба и корпусныхъ командировъ. Того же 2 апрѣля сенатъ послѣ продолжительныхъ обсужденій, послѣ обвинительнаго акта противъ императора—этого жалкаго созванія въ своемъ холопствѣ собранія, все одобрявшаго, начиная съ VIII года—объявилъ низложеніе Наполеона и всей его семьи: французскій народъ и армія освобождались отъ присяги на вѣрность ¹⁾.

Когда Александръ узналъ о многочисленности сенаторовъ, требовавшихъ возвращенія Бурбоновъ, и встрѣтилъ между ними нѣсколько человекъ, подавшихъ голосъ за смертный приговоръ Людовику XVI, онъ былъ ошеломленъ. Въ дѣйствительности, они просили 2 апрѣля 1814 г. у Таллейрана и союзниковъ того же самаго, чего просили въ январѣ 1793 г. у Робеспьера и якобинцевъ: они просили оставить ихъ въ живыхъ. Надежда сохранить жизнь, стоя у власти, давно уже составляла суть ихъ политики и весь духъ ихъ отреченій отъ своихъ рѣшеній.

Вечеромъ въ отелѣ Saint-Florentin былъ большой ужинъ, ужинъ императоровъ и королей, генераловъ коалиціи и присоединившихся генераловъ. Всѣ они отправились въ Оперу: объявлено было *Милосердіе Траяна*. Это заглавіе «смutilо скромность Александра». Съ другой стороны, вспомнили, что эта пьеса была хвалебнымъ гимномъ въ честь Наполеона, и потому пришлось переименовать афишу. Поставили *Весталку*, которая не оскорбляла стыдливости Таллейрана. Священный огонь горѣлъ на другомъ жертвенникѣ, но жрецъ остался прежній, и пламя пылало попрежнему; но для кого?

Временное правительство, а болѣе всѣхъ Таллейранъ, руководившій этимъ правительствомъ, явно скомпрометировали себя изъ-за Бурбоновъ ²⁾. А между тѣмъ Александръ все еще колебался: *штатскіе чиновники* высказались, но, каковы бы ни были конституціонные предразсудки ученика Лагарпа, по его мнѣнію, еще не доставало самой существенной санкціи; онъ выжидалъ, чтобы высказалась армія; онъ судилъ по-русски, гдѣ революція имѣютъ казарменное происхожденіе. Кромѣ того, двухдневныя наблюденія надъ роялистами оправдывали его предубѣжденія и пробуждали непріятныя воспоминанія объ эмигрантахъ въ Митавѣ: объ ихъ высокоуміи, самоуміи и заблужденіяхъ. А до тѣхъ поръ, пока Але-

¹⁾ Этотъ декретъ былъ обнародованъ 3-го, и законодательный корпусъ далъ свое согласіе 3—4 апрѣля 1814 г.

²⁾ Паскье, Мемуары, т. II, гл. XIV и XV.—Генрихъ Гуссей, 1814 г., кн. VIII, гл. II—IV: временное правительство, отпаденіе Мармона, отреченіе.—De Viel-Castel, *Histoire de la Restauration*.—Витроль, т. II.

ксандръ форменно не призналъ Людовика XVIII, можно было всего опасаться отъ кишѣвшихъ вокругъ него агентовъ и совѣтниковъ.

Самое низложеніе было только сенатскимъ декретомъ, который безъ исполнительной власти стоилъ не болѣе, чѣмъ и прежнія сенатскія рѣшенія безъ шпаги императора. Наполеонъ съ обломками своей бывшей арміи продолжалъ еще оказывать стѣсняющее, тревожащее, почти угрожающее вліяніе. Отъ него можно было ожидать отчаянной попытки; онъ могъ ударить въ тылъ союзникамъ въ то время, какъ вспыхнуло бы возстаніе въ Парижѣ, гдѣ уже волновались патріоты, начинавшіе понимать положеніе дѣла. «Если бы смѣлый и преданный императору полководецъ захотѣлъ принять на себя команду», сказалъ префектъ полиціи Паскье ¹⁾, человекъ, наиболѣе знакомый съ тѣмъ, что въ это время творилось въ Парижѣ, «всѣ рѣшительно солдаты и большая часть младшихъ офицеровъ послѣдовали бы за нимъ на свой страхъ въ Фонтенебло...» «Я зналъ, какое безпокойство и страхъ внушалъ императоръ главному штабу союзной арміи. Если генералы, занимавшіе такую позицію, съ такимъ перевѣсомъ въ силахъ надъ будущимъ противникомъ явно боялись его, какъ же было Наполеону не рассчитывать на возможность нанести имъ большое пораженіе». И дѣйствительно, союзники хотѣли оставить Парижъ въ ночь со 2 на 3 апрѣля, ожидая нападенія Наполеона и не желая сражаться въ городѣ изъ боязни очутиться между двухъ огней, между арміей императора и мятежнымъ населеніемъ ²⁾. Для правительства и его агентовъ это значило рисковать своей головой, и они сильно были озабочены этимъ. Пока Наполеонъ будетъ располагать отрядомъ солдатъ, онъ будетъ страшенъ, и, пока онъ живъ, а армія держитъ его сторону, Александръ въ противовѣсъ постановленіямъ сената въ пользу Бурбоновъ будетъ ссылаться на желаніе этой арміи.

Естественно явилась мысль отнять у императора армію и, въ случаѣ надобности, избавиться отъ его особы. Мармонъ командовалъ лучшей и большей частью войска; въ улицѣ Сень-Флорантенъ имѣли основаніе считать его человекомъ податливымъ. Ру-Лабори и бывший аббатъ Луи отыскивали нѣкоего Монтесюи, служившаго подъ начальствомъ Мармона въ Египтѣ. Въ ночь со 2 на 3-е апрѣля его послали отъ имени правительства къ Мармону, чтобы склонить и переманить его на свою сторону. Занялись также и императоромъ. Наполеонъ оставался пренятствіемъ на пути къ возвращенію Бурбоновъ, такъ же, какъ во времена консульства, когда онъ отказался сыграть роль Монка. И вотъ прибѣгли

¹⁾ Мемуары, т. II, стр. 284, 313, 327.

²⁾ Ланжеронъ, стр. 481.—Левенштернъ, т. II, стр. 412.

къ тогдашнему средству. Когда подобные замыслы начинают бродить въ головѣ, всегда находятъ и исполнители этихъ замысловъ. Знатный забіяка Мобрейль, маркизъ д'Орево (d'Orsvault), участвовалъ въ партизанской войнѣ въ Вандеѣ, перешелъ затѣмъ на службу на охотничій дворъ Иеронима, гдѣ получилъ мѣсто шталмейстера и егермейстера короля вестфальскаго, потомъ сражался въ Испаніи, занимался военными поставками и, наконецъ, во время парижской капитуляціи, выдѣлился въ качествѣ рыцаря ордена: на улицѣ его видѣли гарцующимъ на лошади съ привязаннымъ къ хвосту ея орденомъ почетнаго легіона, который онъ подѣлилъ во время своихъ походовъ. Такое profession de foi открыло ему доступъ въ кулуары и секретныя кабинеты Сень-Флорантенскаго дворца, гдѣ онъ быстро приобрѣлъ довѣріе Ру-Лабори, слышавшаго за человѣка, оказывавшаго услуги въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ нельзя признаться. «Придется упредить случайность, которой, въ самомъ дѣлѣ, надо опасаться», говорилъ Дальбергъ 2-го апрѣля Паскье. Онъ разсказывалъ, что нѣсколько отъявленныхъ головорѣзовъ, въ формѣ гвардейскихъ егерей, подъ руководствомъ здороваго «висѣльника», подберутся къ Наполеону и избавятъ отъ него Францію. Мобрейль велъ себя такъ, чтобы не оставалось сомнѣнія, что онъ именно и будетъ этимъ «висѣльникомъ», что Лабори доставилъ ему средства для исполненія плана со 2-го на 3-е апрѣля, и что Таллейранъ одобрилъ этотъ планъ, словомъ, Мобрейль скомпрометировалъ своей западной все временное правительство. И, если ему не пришлось со своими лже-егерями исполнить на дорогѣ въ Фонтенебло замыселъ, который Кадудаль задумывалъ исполнить по дорогѣ въ Мальмезонъ въ 1804 г. съ шуанами, перелѣзшими тоже въ солдатъ, то это потому, что утромъ 3-го числа получены были «благопріятныя извѣстія» отъ Мармона, которыя и заставили отложить покушеніе ¹⁾).

Александръ только и думалъ, какъ бы обезоружить Наполеона, и, зная его характеръ, не терялъ надежды заставить его, по словамъ одного русскаго офицера, «закончить самой непростительной слабостью свою бурную и блестящую военную карьеру». Измѣна Мармона довела бы его до капитуляціи безъ боя, а отреченіе, выдавая «его малодушіе въ бѣдствіи», погубило бы его въ глазахъ преданныхъ сторонниковъ, которые тогда и разсѣялись бы. Царь одобрилъ попытки склонить Мармона къ измѣнѣ, а хлопотами объ отреченіи онъ занялся самъ. Въ этой послѣдней дуэли,

¹⁾ Паскье, т. II, стр. 286, 375—376. Слич. стр. 195 и 198. Витроль, т. II, стр. 68—94.—Henri Welschinger: *L'Affaire Maubreuil*.—Henry Houssaye, 1814, стр. 595 и сл.

продолжавшейся два года, онъ, повидимому, извлекъ изъ усердія, пылкаго сердца и безпокойнаго ума Коленкура тѣ же выгоды, какъ и во время своихъ бесѣдъ съ нимъ въ Петербургѣ, во время конференцій въ Шлейвицѣ, Прагѣ и Шатлябонѣ, а чтобы побудить Наполеона къ отреченію, онъ прибѣгъ къ тѣмъ же средствамъ, которыя пускались въ ходъ для принужденія его къ миру. Онъ принялъ Коленкура въ Бонди, затѣмъ еще разъ въ улицѣ Сень-Флорантенъ ¹⁾, выслушалъ его горячія защитительныя рѣчи и позволялъ ему повторить свою старую пѣсню про мечту о шатильонскихъ условіяхъ, принятыхъ Наполеономъ 25 марта, такъ же, какъ недавно были приняты франкфуртскія базы. Александръ отвѣтилъ, что миръ съ Наполеономъ будетъ только перемиріемъ, что друзья императора могутъ оказать ему одну только услугу—убѣдить его безропотно покориться, что это оказывается единственнымъ средствомъ добиться для него менѣе суровой участи. Говорилъ ли царь о «тронѣ» для Наполеона II-го,—а это Коленкуръ могъ истолковать какъ обѣщаніе регентства и трона во Франціи;—пробормоталъ ли Александръ ему нѣсколько неопредѣленныхъ словъ не то надежды, не то обѣщанія, говоря ему, пусть онъ принесетъ извѣстіе объ отреченіи, а потомъ можно будетъ подумать и «о регентствѣ?» Во всякомъ случаѣ Коленкуръ ухажалъ въ Фонтенебло съ полной увѣренностью въ необходимости отреченія, какъ раньше въ Прагѣ увѣрился въ необходимости согласиться на австрійское посредничество, затѣмъ на франкфуртскія условія и, наконецъ, на шатильонскій ультиматумъ. Онъ рѣшился воспользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ на императора, чтобы побудить его къ отреченію какъ къ единственному средству спасти его отъ плѣна и, можетъ быть, сохранить корону для его сына ²⁾).

II.

Коленкуръ отправился къ Александру по повелѣнію Наполеона ³⁾, который вернулся въ Фонтенебло 31 марта. Коленкуръ засталъ его тамъ

¹⁾ Объ этихъ разговорахъ: Паскье, т. II, стр. 296—297. Тьеръ, т. XVII, стр. 631, 635, 683. Тьеръ, мнѣ кажется, совсѣмъ заблуждается насчетъ мнѣнія Александра. См. Henry Houssaye, стр. 550, 588.—Fain, *Manuscrit de 1814*.

²⁾ Мнѣніе Его Величества «о герцогѣ Виченцкомъ ии при какихъ обстоятельствахъ не имѣло причины измѣниться; его постоянное мужество въ борьбѣ съ непомерными замыслами Бонапарта и всей жестокостью его системы, существенная услуга, оказанная имъ недавно королю и отечеству тѣмъ, что онъ предотвратилъ междоусобную войну благодаря всему тому, что онъ сдѣлалъ въ пользу отреченія, заставили уважать его еще болѣе». Нессельроде къ Поццо, 22 іюня 1814 г. Половцовъ.

³⁾ Коленкуру 30 марта. — Тьеръ, т. XVII, стр. 621—629.

въ ночь со 2 на 3 апрѣля. Онъ передалъ ему о постановленіи сената и о послѣднемъ рѣшеніи союзниковъ. Союзники требовали отреченія, а сенатъ вотировалъ лишеніе его права на престолъ. Наполеонъ возмутился. Сенаторовъ онъ ни во что не ставилъ: они старались передѣлывать въ декреты указы Александра съ такимъ же послушаніемъ, какъ недавно передѣлывали декреты императора въ сенатскія рѣшенія ¹⁾. Выслушавъ Коленкура, Наполеонъ съ негодованіемъ отвергъ его совѣты. Онъ еще обманывалъ себя надеждой повергнуть во прахъ союзниковъ, рассчитывая разстроить ихъ смѣлымъ натискомъ и при счастливомъ поворотѣ судьбы побѣдить ихъ. Весь день 3-го апрѣля онъ провелъ въ соображеніяхъ насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій и произвелъ смотръ своимъ войскамъ. Онъ собралъ въ кружокъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и сказалъ имъ: «Я предложилъ императору Александру заключить миръ цѣною великихъ жертвъ: возвращенія Франціи въ ея старыя границы... онъ отказалъ... онъ уполномочиваетъ эмигрантовъ носить бѣлую кокарду и векорѣ замѣнить ея нашу національную кокарду... я хочу напасть на него въ Парижѣ. Я рассчитываю на васъ». Офицеры слушали молча. Императоръ продолжалъ: «Правъ ли я?» Тогда раздались громовые возгласы: Да здравствуетъ императоръ! Въ Парижѣ!.. «Молчали», говоритъ одинъ свидѣтель, «потому считали лишнимъ отвѣчать» ²⁾.—«Передайте эти чувства вашимъ солдатамъ», сказалъ Наполеонъ. Солдаты отвѣчали привѣтственными криками.

Но большинство генераловъ, обезкураженные и истомленные до отвращенія войной и приключеніями, одержимые, до готовности измѣнить, мыслью о мирѣ и желаніемъ воспользоваться пріобрѣтенными съ такими опасностями благами, которыхъ они могли лишиться въ этомъ послѣднемъ приключеніи, воздержались отъ выраженія своихъ чувствъ. Они не только ворчали на него, какъ это было передъ Аустерлицемъ и Эйлау, или сердились, какъ въ Москвѣ, или были деморализованы, какъ при Березинѣ и Лейпцигѣ; но, уцѣлѣвъ противъ ожиданія послѣ столькихъ пережитыхъ катастрофъ, они приходили въ отчаяніе при одной мысли подвергнуться вновь опасности въ этой, вѣроятно, послѣдней и рѣшительной попыткѣ; въ концѣ концовъ, они рѣшились совѣмъ покончить съ *нимъ*, такъ какъ *онъ* не желалъ положить конецъ игрѣ со смертью. Къ этому присоединялись еще искушенія, предложенія, напештываемыя при-

¹⁾ Генрихъ Гуссей, кн. VIII, гл. II: Наполеонъ въ Фонтенебло.—Тьеръ, т. XVII, кн. LIII: первое отреченіе.—Сегюръ, т. VII, кн. X, гл. V—VII.—Макдональдъ: Мемуары.—Паскъ, т. II, гл. XIV.

²⁾ Рѣчь къ старой гвардіи, 3 апрѣля 1814 г. *Correspondance*, по запискамъ генерала Пеле.

спѣшниками временнаго правительства, и коварные совѣты, прикрывавшіе измѣну патріотическими предлогами и личныя заботы государственной пользой. «Одно только отреченіе развяжетъ намъ руки», сказали Ней.

Подъ вечеръ нѣкоторые изъ нихъ и между ними самые знаменитые и наиболѣе облагодѣтельствованные Наполеономъ: Ней, Лефевръ и Монсей бесѣдовали объ этомъ отреченіи, которое положило бы конецъ всему, и о войнѣ, которая снова поставила бы все на карту. Отреченіе представлялось ихъ воображенію позиціей, которую надо взять штурмомъ, или взятіемъ редута подъ Пратиеномъ или Бородинымъ. Спустилъ курокъ — и спи спокойно! Они все болѣе и болѣе возбуждались. «Одинъ заявилъ, что вынудитъ у императора согласіе... Другой выразился еще сильнѣе». Эти знаменитые выскочки изъ боязни потерять завоеванныя блага снова превратились въ грубыхъ солдатъ, какими они были, когда взбирались на первыя высшія ступени государственной лѣстницы, перешагивая черезъ «адвокатовъ», членовъ совѣтовъ и Директоріи. Сколько дворцовъ они взяли штурмомъ, начиная отъ Тюильри до Бремзя! Сколько государей они смели, чтобы захватить себѣ герцогства! А теперь, чтобы сохранить за собою эти герцогства, имъ оставалось сдѣлать послѣдній взмахъ метлою и смести Наполеона. Да въ сущности, это—уже человекъ, поверженный во прахъ, очень маленькій человекъ. Ней, болѣе всѣхъ увлеченный и своей страстностью и запальчивостью своихъ товарищей, рѣзко перешелъ отъ слова къ дѣлу и увлекъ ихъ въ кабинетъ императора. «Государь! сказалъ онъ, пора съ этимъ покончить! Ваше положеніе похоже на положеніе безнадежно больного! Вамъ остается только написать завѣщаніе и отречься въ пользу Римскаго короля!» Императоръ съ полнымъ самообладаніемъ оспаривалъ и отвергалъ это, доказывая, что онъ еще можетъ побѣдить. «Это невозможно, вскричалъ маршалъ, армія не пойдетъ за вами, вы потеряли ея довѣріе».—«Армія, отвѣчалъ Наполеонъ, еще настолько послушна, чтобы наказать васъ за ваше возмущеніе».—«Э! возразилъ Ней, если бы вы имѣли власть надъ арміей, развѣ я былъ бы еще здѣсь въ эту минуту!» Онъ метался, «словно шелъ въ атаку», громко кричалъ и дѣлалъ угрожающіе жесты. Императоръ, удивленный, встревоженный, можетъ быть, помню воли, остановилъ на немъ взоръ, котораго Ней никогда не могъ выносить, и который внезапно возвращалъ къ разсудку эту бурную, доблестную душу, всегда искреннюю при внезапныхъ переиначкахъ настроенія. Ней смутился... остановился... «Не бойтесь, мы пришли не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать вамъ петербургскую спену!» ¹⁾. Гроза затихала: генералы согласились уйтн; но они дали себѣ

¹⁾ См. т. VI, стр. 107.

слово вернуться и добиться своего, если этот первый патискъ не приведет къ цѣли; а Наполеонъ, чувствуя себя покинутымъ, сталъ склоняться къ отреченію, котораго онъ надѣялся избѣжать еще часть тому назадъ.

Между тѣмъ Макдональдъ съ остатками своихъ войскъ приближался къ Фонтенебло. 4 апрѣля утромъ къ нему явился Жераръ и еще нѣсколько генераловъ отъ имени своихъ солдатъ. Жераръ доказывалъ, «что настоящее положеніе всемъ надобно, что переживаемыя несчастія слишкомъ велики и незачѣмъ увеличивать ихъ безразсуднымъ сопротивленіемъ и подвергать Парижъ участи Москвы, а это такъ и будетъ, если, по слухамъ, задумали выгнать изъ Парижа врага; что онъ со своими подчиненными не желаетъ способствовать новымъ бѣдствіямъ». Макдональдъ отвѣтилъ, что онъ того же мнѣнія и откровенно это выскажетъ императору. — «Въ такомъ случаѣ, вскричали они, вы—нашъ начальникъ, мы вамъ повинемся!». Они все отирались въ дорогу и утромъ прибыли въ Фонтенебло. Макдональдъ пошелъ во дворецъ вмѣстѣ съ Удино, нѣсколькими генералами и ихъ штабомъ. Эти офицеры опасались, какъ бы Наполеонъ не надѣлалъ неприятностей ихъ начальникамъ. Макдональдъ ихъ успокоилъ. «Не тѣ времена, сказалъ онъ, онъ этого не посмѣетъ сдѣлать, за насъ армія». Дѣло въ томъ, что Наполеонъ былъ гораздо ближе къ участи Павла I, чѣмъ ко временамъ герцога Англенскаго, Пиннегрю, Моро и Пія VII.

Парадные помѣщенія и жилыя комнаты были наполнены офицерами всехъ ранговъ, все горячились и страшно шумѣли. Ней, Бертье, Коленкуръ, Монсей, Маре и Лефевръ ожидали императора въ столовой. Императоръ прибылъ около 11 часовъ, сѣлъ за столъ, наскоро позавтракалъ и пригласилъ ихъ въ соедѣнный салонъ. Они, молча, стали въ кружокъ. Наполеонъ, сдержанный наканунѣ, былъ теперь сильно взволнованъ. «Онъ ходилъ взадъ и впередъ большими шагами, опустивъ глаза въ землю». Наконецъ, остановившись передъ Коленкуромъ, онъ произнесъ слова, которыхъ они все ожидали: «Я отрекусь!» — «Ахъ! Ваше Величество, вскричалъ Монсей, Вы спасаете Францію! Повѣрьте, прибавилъ онъ, это—искреннее мое мнѣніе, государь, но только прикажите, и я готовъ слѣдовать за Вами всюду!» Другіе молчали. Файнъ приготовилъ актъ отреченія. Коленкуръ нашелъ его недостаточнымъ: союзники отвергли бы его. Онъ предложилъ иные выраженія; Наполеонъ ихъ оспаривалъ. Тогда Ней, горячась и «сверкая глазами, закричалъ, что время не терпитъ, что нужно сдѣлать, что нельзя терять ни одной минуты». Императоръ приблизился къ столику и сдѣлалъ нѣкоторыя поправки. Коленкуръ заглянулъ туда и сказалъ: «Это ровно ни къ чему не при-

ведеть». Тогда Наполеонъ удалился въ свой кабинетъ и вскорѣ оттуда вышелъ съ третьей редакціей акта отреченія. «Больше я ничего не измѣню», сказалъ онъ. Герцогъ Виченцкій прочиталъ написанное.

Когда онъ оканчивалъ чтеніе, вошелъ Макдональдъ «съ высоко поднятой головой и съ рѣшительнымъ видомъ, такова была его обычная осанка». Императоръ подошелъ къ нему. «Здравствуйте, герцогъ Тарентскій! какъ поживаете?» — «Очень печально, столько несчастныхъ событій!.. Потерпѣть безславное пораженіе!.. Не сдѣлать ни одного усилія для спасенія Парижа! Мы все удручены скорбью! Унижены!..» — «Правда, это большое несчастье, а что говорятъ войска?» — «Что вы насъ зовете идти на столицу; они раздѣляютъ наше горе; но я пришелъ объявить вамъ отъ ихъ имени, что они не желаютъ подвергать Парижъ участи Москвы». Онъ описалъ ихъ утомленіе, ихъ бѣдственное положеніе, ихъ разстройство; доказывалъ невѣроятность успѣха; указывалъ на страшныя послѣдствія пораженія и закаючилъ: «Впрочемъ, мы уже приняли рѣшеніе, и, чтобы тамъ ни задумывали, мы намѣрены съ этимъ покопчить: что же касается меня лично, я вамъ объявляю, что моя шпага никогда не поднимется противъ французовъ и не обогрится ихъ кровью, на чемъ бы тамъ ни порѣшили. Довольно и этой несчастной войны, а не то, что возбуждать междоусобицу!» — «Да нѣтъ же, сказалъ императоръ, никто и намѣренія не имѣетъ идти на Парижъ». Отвѣтъ этотъ былъ произнесенъ спокойно и мягко. Затѣмъ онъ повторилъ: «Да, это вѣрно, взятіе Парижа было великимъ несчастіемъ». Макдональдъ напомнилъ ему объ общественномъ мнѣніи и о необходимости не терять времени. Тогда императоръ сказалъ: «Я хотѣлъ славы и благоденствія Франціи. Мнѣ этого достичь не удалось: я отрекаюсь отъ престола и удаляюсь». Все присутствовавшіе сановники, опрошенные одинъ за другимъ императоромъ, подали голосъ за Римскаго короля съ регентствомъ императрицы.

Наполеонъ назначилъ посредниковъ для переговоровъ и сказалъ: «Я приготовлю для нихъ инструкціи». Потомъ, вдругъ рѣзко измѣнивши позу и рѣчь, онъ бросился на диванъ и, ударивши себя рукою по бедру, развязно проговорилъ: «А ну, господа, оставимъ это, двинемся завтра, и мы ихъ побьемъ!» — «Нѣтъ, сказалъ Макдональдъ, съ насъ уже довольно, берегитесь, каждый потерянный часъ можетъ повредить успѣху той миссіи, которую должны исполнить посредники». Наполеонъ не настаивалъ и сказалъ уполномоченнымъ: «Будьте готовы къ отъѣзду въ 4 часа».

Въ Парижѣ Таллейранъ съ одинаковымъ безпокойствомъ ожидалъ извѣстій и объ отложеніи Мармона, и объ отреченіи Наполеона. Наконецъ, прискакалъ во весь духъ курьеръ изъ Фонтенебло: актъ отреченія подписанъ. За нимъ слѣдовали Макдональдъ и Ней въ сопровожденіи

Коленкура. Таллейранъ немедленно созвалъ временное правительство, и посланные отъ Наполеона нашли его въ сборѣ. Но оба маршала или, скорѣе, Коленкуръ, старавшійся самъ вести переговоры, пожелали договариваться только съ Александромъ и отправились въ его апартаменты.

Быль ли Александръ польщенъ тѣмъ, что ему представлялся новый случай третейскаго суда, или наскучили ему посягательства Таллейрана, принуждавшего его дѣйствовать противъ своей воли; чувствовалъ ли онъ отвращеніе при видѣ столькихъ позорныхъ измѣнъ, выводили ли его изъ терпѣнія невоздержность на языкъ и высокоуміе роялистовъ, считавшихъ своего короля спасителемъ коалиціи, попавшей въ затрудненіе, вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ лицо, всегдѣ обязанное союзникамъ? Произошла ли въ этой непостоянной душѣ какая нибудь внезапная перемѣна? Тронутъ ли онъ при видѣ паденія колосса, находящагося теперь у его ногъ и просящаго о помощи для себя и о покровительствѣ для своего ребенка? Или, можетъ быть, онъ просто разыгралъ самъ для себя одну изъ тѣхъ драмъ, въ которыхъ онъ отличался, самолчно изображая и автора, и актера, и публику своего императорскаго театра? Испытывать ли онъ потребность признаться въ своихъ чувствахъ или оправдать свою политику? Желалъ ли объяснитья передъ зрителями, выставя на видъ величіе своей души, и въ то же время, обольщая свои жертвы и льстя одураченнымъ имъ людямъ, старался заставить ихъ добиваться отъ него такого рѣшенія, которое онъ окончательно уже обдумалъ много мѣсяцевъ тому назадъ и горѣлъ только желаніемъ привести его въ исполненіе, но которое ему казалось недостаточно поэтичнымъ въ то время, когда невозвратное слово готово было сорваться съ языка? Какъ бы тамъ ни было, но онъ привѣтствовалъ прибывшихъ слѣдующими словами: «Я уже не врагъ несчастнаго Наполеона, я даже былъ когда-то его другомъ и вѣрнымъ союзникомъ противъ Англіи». Наполеонъ самъ принудилъ его къ войнѣ, а климатъ рѣшилъ дѣло. Затѣмъ онъ принялся расточать любезности: «Вы были только пассивнымъ орудіемъ, господа, за это я васъ еще болѣе уважаю». Онъ похвалялъ ихъ за вѣрность своему государю, «между тѣмъ какъ многіе другіе бросаются въ наши объятія и просятъ у насъ его низложенія и уничтоженія французской имперіи...» Онъ же не желаетъ ни унижать Францію, ни даже урѣзывать владѣнія ея!...

Когда Александръ остановился, заговорилъ Ней, перебивая Коленкура: «Дайте мнѣ сказать, ваша очередь придеть!» Ней выражался по-солдатски: горячо выражалъ свое участіе, но не политично; другіе послѣ него разсыпались въ комплиментахъ «великодушію Александра, благодетелю союзниковъ» и затѣмъ говорили о дѣлѣ—о римскомъ королѣ и

регентствѣ. Но вѣдь регентство служило только приманкой. Чудовище попало въ западню. Александръ ловко вывернулся.— «Слишкомъ поздно, отвѣчалъ онъ, общественное мнѣніе черезчуръ быстро пошло далѣе... Отчего вы не столковались съ охранительнымъ Сенатомъ?» При этихъ словахъ маршала воскликнули: «По какому праву дѣйствуетъ сенатъ? Онъ отрекся отъ своего назначенія!... Его существованіе связано съ конституціонными учреждениями имперіи; они низвергнуты,—и сенатъ обратился въ ничто!» Что же касается до общественнаго мнѣнія, то царя ввели въ заблужденіе, все боятя злопамятства и мести эмигрантовъ. «Всеми учреждениями и всею вообще угрожаетъ опасность; лица, пріобрѣтшія національныя имущества, подвергнутся преслѣдованію; изъ-за этого возгорится страшная междоусобная война; армія, покрывшая себя славой, не позволитъ попить эту славу, вольности и независимости націи... Государь, будьте посредникомъ между нами!»

Александръ видимо былъ растроганъ ихъ словами. Такую именно роль онъ и предназначалъ себѣ, но Таллейранъ оказался болѣе ловкимъ фокусникомъ и собрался перехватить эту роль себѣ. Можетъ быть, Александръ усмотрѣлъ въ этомъ посредничествѣ переходную ступень къ своимъ излюбленнымъ соображеніямъ? «Я всегдѣ не поддерживаю Бурбоновъ, сказалъ онъ, я ихъ вовсе не знаю. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы повидались съ членами сената, но боюсь, что въ вопросѣ о регентствѣ ничего не удастся достигнуть, потому что Австрія противъ этого ¹⁾: я охотно согласился бы на регентство, но долженъ дѣйствовать заодно со своими союзниками». Это советѣмъ неточное заявленіе дало Александру случай сдѣлать такой намекъ: «Такъ какъ Бурбоны вамъ не желательны, изберите иностраннаго принца, или одного изъ вашихъ маршаловъ, какъ Швеція избрала Бернадотта; во Франціи нѣтъ недостатка въ знаменитыхъ людяхъ...» Онъ обѣщалъ переговорить со своими союзниками и отпустилъ ихъ.

Въ передней они встрѣтились съ членами временнаго правительства, приглашенными Александромъ. Къ крайнему ихъ удивленію, Александръ заговорилъ въ пользу регентства, обращаясь къ каждому съ рѣчью, благопріятной его видамъ: «То живое участіе, которое Австрія не можетъ не принимать въ императорской династіи, есть надежная гарантія...» Таллейранъ и Дальбергъ привели свои аргументы противъ регентства и самый убѣдительный изъ всехъ: неизбежное возвращеніе Наполеона. И какъ помѣшать этому? Вѣдь не думаютъ же держать его въ заточеніи

¹⁾ Мы видѣли уже, что на самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ. См. выше, стр. 160, 195, 197, 203, 219, 241.

ни. Съ другой стороны, и роялисты всюду ободрились. Бордо уже подалъ свой голосъ. Сенатъ призналъ права Бурбоновъ. Регентство приведетъ къ междоусобной войнѣ!... Доводомъ служить прямой интересъ государства, а выводомъ—легитимизмъ. Словомъ, временное правительство не пожелало угадать на полу-словъ мысли и понять намека Александра. Царь снова пригласилъ маршаловъ и Коленикура, потомъ опять видѣлся съ Таллейраномъ и его товарищами. Июццо, сторожившій у дверей, передалъ ему записку о неудобствахъ регентства. А Таллейранъ пустилъ въ ходъ аргументъ, который держалъ въ запасѣ: императоръ Александръ не забылъ, конечно, что члены правительства и все, увлеченные ихъ примѣромъ, рѣшились только по данному *имъ* слову не договариваться ни съ императоромъ, ни съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ его семьи. Иначе имъ всемъ угрожаетъ ужасное мщеніе, и для своего спасенія имъ остается отдаться подъ покровительство царя, послѣдовать за нимъ и просить у него убѣжища въ Россіи.

Александръ, взволнованный болѣе, чѣмъ хотѣлъ обнаружить, и чувствуя себя въ очень затруднительномъ положеніи, прервалъ аудіенцію словами: «Окончательный отвѣтъ я дамъ завтра, въ девять часовъ утра!» Эти *chassés-égoisés* продолжались до 2 часовъ утра.

Ночью Мармонъ передался на сторону временнаго правительства, и этотъ поступокъ его и рѣшилъ исходъ дѣла, такъ какъ теперь уже нечего было опасаться возмущенія солдатъ. Александръ принялъ маршаловъ и Коленикура утромъ 5 апрѣля въ присутствіи короля прусскаго. Непринужденно, чистосердечно, съ радостью въ душѣ и успокоенный полученною новостью, онъ объявилъ имъ, что вопросъ о регентствѣ рѣшенъ имъ и его союзниками въ отрицательномъ смыслѣ. Онъ вернулся къ вопросу о расширеніи старыхъ границъ Франціи въ такихъ выраженіяхъ, которыя наводили на мысль, что Франціи предоставятъ часть лѣваго берега Рейна. Затѣмъ заговорилъ о томъ, какую участь готовятъ союзники Наполеону. «Я строго соблюдалъ его континентальную систему, хотя этотъ договоръ былъ несчастіемъ для моей страны: а въ то время, какъ я разорялъ моихъ подданныхъ, Наполеонъ обогащался, выдавая разрѣшенія на торговлю англійскими произведеніями... Но теперь онъ въ несчастіи, я забываю все прошлое и снова дѣлаюсь его другомъ. Ему данъ будетъ во владѣніе островъ Эльба, или что нибудь другое; онъ сохранитъ титулъ, повсемѣстно признанный за нимъ; члены его семьи получатъ пенсіи... Передайте ему, если онъ не пожелаетъ принять этого владѣнія... и если не найдетъ нигдѣ убѣжища,—пусть прѣѣзжаетъ въ мою страну. Онъ будетъ тамъ принятъ, какъ подобааетъ самодержавному государю, онъ можетъ положиться на слово Александра».

Маршалы вернулись въ Фонтенебло около полуночи. Наполеонъ уже спалъ: его разбудили. «Удалось ли вамъ?»—Только отчасти, государь, отвѣтилъ Ней, и не въ пользу регентства. Революціи не принимаютъ обратнаго направленія: настоящая уже обозначила свое направленіе, а потому было слишкомъ поздно. Завтра сенатъ признаетъ Бурбоновъ...— «Гдѣ же я буду жить съ моею семьей?»—Гдѣ, Ваше Величество, пожелаете, напримѣръ, на островъ Эльбѣ съ шестью милліонами дохода.— «Шесть милліоновъ! Это слишкомъ много, что мнѣ съ ними дѣлать! Съ меня и одного дуплора въ день много. Я сталъ опять солдатомъ... Я желалъ для Франціи счастья, но ошибся»¹⁾.

Въ этотъ самый день появилась брошюра Шатобріана, состоящая изъ наглой и жестокой брани противъ Наполеона и восторженной апологіи возвращенной старой династіи. Это былъ политическій pendant къ *Генію христіанства*, внушенный предчувствіемъ всеобщей смуты. Таллейранъ далъ политикамъ лозунгъ: легитимизмъ, а Шатобріанъ доставилъ людямъ, мыслящимъ образами, этотъ образъ: король. Таллейранъ заключилъ сдѣлку, въ которой все нуждались, Шатобріанъ выдалъ Людовику XVIII «un certificat de vie» (свидѣтельство о нахожденіи въ живыхъ). «Я познакомилъ Францію съ бывшей королевской фамиліей... Это было все равно, какъ если бы я перечислилъ дѣтей китайскаго императора...» Онъ сдѣлалъ болѣе. Нужно знать состояніе умовъ не только простого народа, вовсе не знавшаго Бурбоновъ, но и буржуазіи, которая ихъ забыла, молодежи, которая о Бурбонахъ не имѣла никакого понятія, офицеровъ, даже вышедшихъ изъ дворянства, которые инстинктивно ненавидѣли ихъ за ихъ заискиваніе у союзниковъ и ухаживаніе за ихъ штабами, за ихъ стараніе примоститься хоть въ хвостъ, сбоку, въ качествѣ провожатыхъ. Человѣкъ знатнаго пропехожденія, де Фезензакъ,—а такихъ былъ легіонъ,—сказалъ о нихъ слова, заслуживающія вниманія: «Они пришли въ хвостъ за иностранными штыками, а не завоевали себѣ королевство, какъ Генрихъ IV. Они торжествовали при нашихъ пораженіяхъ и огорчались нашими успѣхами»; офицеры были донельзя раздражены. Одинъ молодой офицеръ, которому сказали о скоромъ возвращеніи короля, съ удивленіемъ отвѣтилъ: «А я думалъ, что король погибъ во время революціи!»²⁾. Если мы оставимъ въ сторонѣ военныхъ, потому что они близко стояли къ народу черезъ рядовыхъ, которыми они командовали, и перейдемъ къ людямъ свѣтскимъ и празднымъ, то вотъ вамъ наводящій на размышленіе разсказъ одного довольно таки безцеремоннаго русскаго офи-

¹⁾ Россія, т. XXXI. *Aperçu*.

²⁾ *Souvenirs militaires*. Саксонская кампанія, гл. VII—Сличите съ Кастелланомъ Сергюра.

цера: «Я, говоритъ онъ, находился въ ложѣ»—надо замѣтить, что, едва только союзники вступили въ Парижъ, они бросились въ оперу, и «весь Парижъ» туда сбѣгался глазѣть на нихъ,—«Я находился въ ложѣ съ дамами; послѣ какой-то пѣсни въ честь Бурбоновъ онѣ обратились ко мнѣ съ вопросомъ: «Скажите, пожалуйста, что это за Бурбоны, добродѣтели которыхъ намъ такъ восхваляютъ? Мы никогда о нихъ не слышали».—И я съ улыбкой долженъ былъ рассказать имъ исторію ихъ короля...»¹⁾. Если собрать всѣ эти свидѣтельства, то можно понять значеніе голоса Шатобриана, доказывавшаго великолѣпными фразами необходимость реставраціи, облагораживавшаго капитуляцію французовъ и вновь связывавшаго съ Франціей этихъ выходцевъ славнаго прошлаго.

6 апрѣля сенатъ вотировалъ, а 9-го законодательное собраніе приняло въ свою очередь статьи конституціи: статья 2-я гласила: «Французскій народъ свободно призываетъ на тронъ Людовика-Станислава-Ксаверія французскаго, брата послѣдняго короля», «настоящая конституція будетъ предложена на утвержденіе французскому народу», а въ статьѣ 29-й значилось: «Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій будетъ провозглашенъ королемъ Франціи, какъ только онъ принесетъ присягу и подпишетъ слѣдующій актъ: «Я принимаю конституцію, клянусь соблюдать ее и заставляю другихъ соблюдать ее». Остальныя статьи, гарантировавшія такъ называемые «принципы 89-го года», очень похожи на тѣ, которыя впоследствии составили конституціонную хартію 1830 г. Эта революція 1814 г. носила въ себѣ зародышъ июльскаго переворота: всѣ виновники ея были орлеанистами до мозга костей²⁾.

Оставалось прискаты мѣсто жительства императору. Англичанамъ казалось, что о. Эльба находится слишкомъ близко къ Франціи, и что водвореніе тамъ Наполеона причинитъ много безпокойства Италиі. Кэстльри старался внушить мысль, чтобы Наполеонъ искалъ убѣжища у англичанъ. Наполеонъ какъ-то намекнулъ объ этомъ Коленкуру. Меттернихъ, пріѣхавшій 10 апрѣля, поддерживалъ возраженія противъ о. Эльбы, но на всѣ эти критическія возраженія Александръ всякій разъ отвѣчалъ одно: «Я далъ слово». Форменное отреченіе вручено было союзникамъ 11 апрѣля, и въ тотъ же самый день ими и Наполеономъ былъ подписанъ договоръ, признававшій за нимъ суверенитетъ надъ о. Эльбой, съ титуломъ императора и двухъ-милліонной рентой изъ государственной казны. Парма, Пьяченца и Гуасталла назначались Маріи-Луизѣ, пенсіи матери императора, его братьямъ и сестрамъ³⁾.

¹⁾ Лёвенштервъ, т. II, стр. 401.

²⁾ См. т. V, стр. 376—377; т. VI, 418—421; т. VII, кн. II, гл. II, § 1 въ концѣ.

³⁾ Де Клеркъ, т. II, стр. 402. Англія ратификовала 27 апрѣля 1814 г.

Въ ночь съ 12 на 13 апрѣля Наполеонъ пытался отравиться. Однако, это ему не удалось, и тогда онъ покорился своей участи, превратившись въ зрителя трагической развязки своей исторіи¹⁾.

Вступленія въ Парижъ слѣдовали одно за другимъ и сопровождались всегда официальными празднествами. 11 числа пріѣхалъ герцогъ Беррійскій; 12-го графъ д'Артуа, котораго сенатъ, торопясь пріобрѣсти себѣ новые титулы и укрѣпить грамотою свое положеніе, облекъ полномочіями въ званіи главнаго намѣстника королевства. 15 числа прибылъ императоръ австрійскій, пріѣздъ котораго даже и въ это время произвелъ настоящій скандалъ.

Государи съ эскортомъ пруссаковъ, русскихъ и австрійцевъ выѣхали къ нему на встрѣчу. Графъ д'Артуа, дебютируя въ своемъ званіи намѣстника королевства, выѣхалъ верхомъ во главѣ національной гвардіи, и весь этотъ кортежъ направился къ площади Людовика XV, гдѣ былъ произведенъ пышный парадъ союзныхъ войскъ. Было много народа и много блеска, какъ будто для того, чтобы возвѣстить вселенной о пріѣздѣ императора Франца въ столицу, изъ которой онъ выгналъ своего зятя, дочь и внука.

Меттернихъ подъ покровительствомъ этой священной особы его величества пустилъ въ ходъ всю утонченность своего искусства, чтобы разлучить мать съ ея ребенкомъ. Супруга Наполеона, ни вдова, ни разведенная, но отнынѣ свободная, была отправлена по дорогѣ въ Италию, въ Эгсъ (Aix) въ Савойѣ, гдѣ она застала генерала Нейпперга, назначеннаго къ ней придворнымъ кавалеромъ съ порученіемъ наблюдать за нею, а въ случаѣ надобности и развлекать ее²⁾. Ребенка ея отправили въ Австрію вмѣстѣ съ колыбелью, украшенной золотыми орлами, съ императорскими игрушками и кормилицей, и помѣстили его въ Шенбруннѣ, чтобы тамъ онъ отвыкъ отъ родного воздуха Франціи, въ ожиданіи, пока онъ зачахнетъ въ Вѣнской атмосферѣ. Наконецъ, къ Наполеону приставили генерала барона Коллера и поручили ему исполнять при императорѣ службу, которая поручается полицейскимъ агентамъ при сопровожденіи политическихъ преступниковъ до границы.

Такая услуга, впрочемъ, была не бесполезна, потому что въ ночь на 18 апрѣля «здоровенный висѣльникъ» герцога Дальберга, маркизъ д'Орсево, выѣхалъ изъ Парижа съ шайкой конныхъ головорѣзовъ, снабженныхъ

¹⁾ Фредерикъ Массонъ, *Марія Луиза*, гл. XII.

²⁾ См. выше, стр. 176, разговоръ Наполеона съ Редереромъ 13 ноября 1813 г. «Марія Луиза была сама невинность; она всегда хотѣла быть со мною... А потому ея отецъ приставилъ къ ней этого повѣсу Нейпперга». Разговоръ 26 сентября 1817 г. Гурго, т. II, стр. 330.

границы, т. е. какъ разъ наперекоръ тому, чего желала Франція, и въ защиту чего она боролась съ оружіемъ въ рукахъ непрестанно въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ. Вотъ и все, что Франція знала объ этихъ принципахъ, а этого было достаточно, чтобы сдѣлать ихъ невозможными.

Но прежде всего Франція жаждала мира и слѣпо стремилась къ нему. Теперь, какъ и во всѣхъ своихъ кризисахъ, она спѣшила покончить съ наиболѣе настоятельнымъ: избавиться отъ Наполеона. Франція удовлетворилась неопредѣленной, выраженной лишь на словахъ гарантіей основныхъ правъ; даже вопросъ о границахъ незамѣтно отошелъ на второй планъ. Такъ какъ казалось, что никто, кромѣ Бурбоновъ, не можетъ ни заключить, ни принять мира, Франція и приняла Бурбоновъ. Печальную необходимость, которой ей приходилось подчиниться, она украсила обманчивой надеждой, и она безропотно склонилась даже передъ бѣлымъ знаменемъ.

Этого желаннаго для Франціи мира одинаково желалъ и Людовикъ XVIII. Онъ объ этомъ объявилъ съ самаго начала завоевательныхъ войнъ ¹⁾: «Король надѣется, что равновѣсіе Европы сдѣлается руководящимъ принципомъ государей... Его единственное желаніе достигнуть этого, не добываясь для себя никакой выгоды, кромѣ своего возстановленія». Значить, онъ принималъ миръ, предписанный ему союзниками, не по принужденію, а подписывалъ вмѣстѣ съ союзниками *свой* королевскій миръ, миръ короля Франціи; если союзники пожелаютъ заключить въ 1814 г. въ Парижѣ такой миръ, какой онъ хотѣлъ заключить въ 1795 г. въ бытность свою въ Веронѣ, то совпаденіе желаній не будетъ для него ни унижительно, ни оскорбительно. Для него такъ же естественно было согласиться на миръ, какъ было бы противно природѣ, если бы Наполеонъ принималъ его.

При всей запутанности козней за кулисами, на сценѣ и подъ сценой, никто изъ актеровъ, никто изъ статистовъ, какъ бы ни казался взволнованнымъ и какъ бы ни чванился своею ролью, все же не былъ ни авторомъ, сочинившимъ эту пьесу и подготовившимъ развязку, ни даже машинистомъ, который мѣняетъ декорации. «Чѣмъ болѣе будутъ доказывать, что реставрацію вызвала и совершила отнюдь не общая воля, не высшая сила, внутренняя или внѣшняя», сказалъ одинъ великій историкъ, которому пришлось быть свидѣтелемъ этой эпохи, «тѣмъ яснѣе докажутъ особую внутреннюю силу той высшей необходимости, которая рѣшила это событіе» ²⁾.

¹⁾ См. т. IV, стр. 314.

²⁾ Гизо: *Мемуары*, т. I, стр. 30.

Александръ торжествовалъ, онъ былъ главнымъ начетникомъ Провидѣнія, которое черезъ него все предопредѣлило и все совершило. И вотъ 89-й годъ у ногъ этого самодержца, какъ прежде философы, отцы этого 89-го года, были у ногъ великой Екатерины, «на четверенькахъ», какъ она выразилась непочтительно Гримму, по своему нѣмецкому высокомерію. Александръ царилъ надо всѣми, предъ нимъ курили оміамъ писатели, экзальтированныя кокетки, кокетки мистическія, плѣненные имъ влюбчивыя дамы, очарованныя обольстительницы, идеологи, политики, мыслящіе люди всякаго рода, обоихъ половъ и всевозможныхъ доктринъ; эти люди напоминали птичкинъ, кудахтающую, важничающую и красующуюсь словно передъ зеркаломъ. «Ваше побѣдоносное оружіе даровало законнаго короля и свободное правленіе». «Это—безпримѣрное въ исторіи событіе, и оно обязано только вамъ одному своимъ происхожденіемъ... Я васъ видѣла, государь, великимъ въ несчастіи, столь же великимъ вы остаетесь и теперь, на вершинѣ человеческого благополучія» ¹⁾. Такъ выражалась Коринна, непримиримая порицательница Наполеона, съ такимъ трескомъ отказавшая ему прославить его своими похвалами. И вотъ послѣ учредительнаго собранія явился старый дворъ: «Что сказать объ императорѣ? Нужно цѣловать слѣды его ногъ... Онъ спасетъ Европу и въ особенности Францію, которая, пожалуй, имѣетъ такъ мало права на его благосклонность» ²⁾. А вотъ ненарушимое доказательство обаянья Александра, ослѣпившаго Шатобриана до того, что тотъ просмотрѣлъ его хитрость: «Въ Александрѣ было что-то спокойное и грустное, онъ прогуливался по Парижу верхомъ или пѣшкомъ, безъ свиты, безъ аффектаціи. Онъ видимо удивлялся своему триумфу, его почти трогательный взглядъ блуждалъ по толпѣ, которую онъ какъ будто считалъ выше себя: можно было подумать, что онъ казался себѣ варваромъ среди насъ, какъ римлянинъ чувствовалъ себя пристыженнымъ въ Афинахъ» ³⁾.

Первая работа, если только союзники хотѣли сдержать свое обѣщаніе, а временное правительство оправдать свое *сюр д'État*, состояла въ томъ, чтобы дать Франціи вещественный миръ, избавить ее отъ оскорбительной и унижительнои оккупации чужестранцевъ, вернуть ей достоинство и самостоятельность. Это все и было достигнуто въ условіяхъ перемирія 23-го апрѣля ⁴⁾, въ силу котораго прекращались всѣ военныя дѣйствія; союзники обязывались эвакуировать французскую территорію по мѣрѣ того, какъ Франція эвакуируетъ города, все еще занимаемые ею за ея преж-

¹⁾ Госпожа Сталь Александру 25 апрѣля 1814 г.

²⁾ Герцогъ Ришелье къ Рошшуару 16 марта 1814 г.

³⁾ *Mémoires d'outre-tombe*.

⁴⁾ Де Клеркъ, т. II, стр. 410.—Таллейранъ, Мемуары, т. II, стр. 172.

ними границами. Этотъ актъ былъ необходимъ, поэтому надо обратить вниманіе лишь на его выгоды, а выгоды эти были значительны: окончаніе бѣдствій, порожденныхъ войною и нашествіемъ, возвращеніе во Францію изъ за-границы французскихъ гарнизоновъ съ оружіемъ и обозомъ, гарнизоновъ, изъ которыхъ составилаь опять дѣйствительно превосходная армія, которую Франція вполнѣ оцѣнила нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Если бы Франція не уступила такихъ крѣпостей, какъ: Антверпенъ, Данцигъ, Гамбургъ, Магдебургъ, Майнцъ и Люксембургъ, союзники низачто не согласились бы эвакуировать Францію, а безъ немедленнаго очищенія Франціи нельзя было установить управленіе страной.

Людовикъ XVIII, державшій себя съ союзниками вполнѣ по-королевски, поджидалъ извѣстій объ этомъ. По заключеніи конвенціи, т. е. когда королевство на законномъ основаніи сдѣлалось вакантнымъ, онъ явился принять его въ свое владѣніе. Онъ переправился черезъ проливъ 24-го апрѣля. Онъ приносилъ съ собою понятія о реставраціи монархіи совѣмъ не похожія на понятія ея устроителей. По его мысли, онъ получилъ свое «право» отъ Бога въ силу тайны своего рожденія, и это право, дарованное ему съ самаго появленія на свѣтъ, никто въ мірѣ, ни даже онъ самъ, не могъ ни отмѣнить, ни нарушить. Его королевское достоинство едино и нераздѣльно, какъ и республика, воплощенная въ его лицѣ. Людовикъ XVIII исповѣдывалъ этотъ догматъ всецѣло и непоколебимо. Его царствованіе началось деклараціей конвенту 31-го преріала III года о смерти его племянника Людовика XVII. Съ этого дня онъ считалъ себя королемъ Франціи до конца своей жизни. Событія мѣшали ему пользоваться своимъ правомъ, отнынѣ же обстоятельства позволяютъ это. Вотъ и все, что онъ признавалъ изъ двухъ капитуляцій. Парижскую капитуляцію и капитуляцію Наполеона въ Фонтенебло онъ признавалъ какъ факты, которые нимало не могутъ измѣнить принциповъ. Миръ есть явленіе политическое, миръ заключаютъ, сообразуясь съ установленными формами. Но постановленіе сената, призывающее Людовика на тронъ, признающее его королемъ Франціи и называющее ему конституцію подъ условіемъ народной ратификаціи и пріемъ, онъ считалъ просто бумагой, никакой цѣнности не имѣющей. Ему принадлежало какъ абсолютному законодателю, принадлежитъ право опредѣлять характеръ и форму конституціи, а не принимать слѣпому присягу, по которой не признается конституція. Онъ не признавалъ никакой конституціи: онъ просто обнаруживаетъ о своихъ намереніяхъ и, если найдетъ нужнымъ, даруетъ своимъ подданнымъ хартию, которая, не нарушая его правъ, опредѣляетъ образъ его дѣйствій.

А такъ какъ эти дѣйствія принадлежатъ не традиціи, а дѣйствію въ

теченіе вѣковъ въ нѣкоторомъ смыслѣ въ основной законъ французской монархіи, и такъ какъ все стоящее у власти чины законодательнаго собранія, чиновники и военные 1814 г. вполнѣ скомпрометировали себя въ дѣлѣ монархической реставраціи, а монархія не могла существовать безъ «короля», то всемъ имъ только и оставалось слѣдовать по стопамъ короля. Они и пошли за нимъ, первымъ же изъ нихъ былъ Таллейранъ. Опутавши Александра принципами легитимизма, Таллейранъ самъ въ нихъ запутался вмѣстѣ со всемъ сенатомъ.

Людовикъ оставался въ Компьенѣ съ 29 апрѣля по 2 мая. Тамъ онъ встрѣтился съ Александромъ и Таллейраномъ. Съ Таллейраномъ все устроилось само собою, самымъ «благопристойнымъ» образомъ. Таллейрану прекрасно было знакомо это смѣшеніе догматовъ, государственной пользы и политическихъ прецедентовъ, не записанныхъ ни въ какомъ кодексѣ, но всегда имѣвшихся въ виду, безъ указанія подлиннаго ихъ текста, и бывшихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ «публичнымъ правомъ французовъ». Таллейранъ относился къ нимъ, какъ онъ относился къ религии, и, не вѣруя въ нихъ, разсуждалъ о нихъ, какъ самый тонкій теологъ. У своего учителя Ретца онъ замѣствовалъ убѣжденіе, что въ этомъ «основномъ законѣ» права короля и народа могутъ примириться лишь при условіи обоюднаго молчанія ¹⁾. Людовику XVIII необходимъ былъ Таллейранъ, а Таллейранъ нуждался въ Людовикѣ XVIII. Этимъ двумъ людямъ, самымъ тонкимъ политикамъ своего времени, для взаимнаго пониманія достаточно было, пожалуй, обмѣняться двумя словами: «Sire!» — «Mon cousin!» Таллейранъ постарался промолчать о сенатѣ и объ его конституціонныхъ постановленіяхъ, а Людовику благоугодно было не упоминать о Венсенѣ и объ епархіи епископа Отенскаго, и, благодаря величію короля и превосходной выдержкѣ принца, аудіенція вполнѣ удовлетворила обѣ стороны. Принцъ выразилъ вѣрноподданническую преданность *своему* королю, а король благосклонно принялъ это выраженіе отъ *своего* министра иностранныхъ дѣлъ.

Александръ до кокетства нравилось чувство признательности къ нему. Онъ льстилъ себя надеждой получить и отъ Людовика выраженіе этой признательности; но не въ характерѣ Людовика было испытывать такое чувство, да если бы онъ, сверхъ всякаго ожиданія, и почувствовалъ эту признательность, его гордость не позволила бы ему выразить ее. Александръ обходился съ Людовикомъ, какъ съ разорившимся претендентомъ, а Людовикъ смотрѣлъ на Александра, какъ на выскочку. Потомокъ Людовика Святаго возвелъ въ догматъ первенство французской державы передъ

¹⁾ См. т. 1, стр. 147.

вѣми державами міра. Онъ ставилъ невысоко гордаго наслѣдника сѣвернаго Наполеона, называемаго Петромъ Великимъ, котораго Людовикъ XIV почти не отличалъ отъ татарскаго хана. Онъ говорилъ о людяхъ какъ скептикъ, а поступалъ по своимъ понятіямъ о легитимизмѣ. Александръ на словахъ былъ мистикъ, а въ поступкахъ реалистъ. Онъ рассчитывалъ, что реставрація останется покорной и въ рабскомъ подчиненіи ему. Людовикъ же думалъ о сохраненіи ея достоинства и независимости, несмотря на то, что она была временно осуждена на незамѣтное существованіе. Кромѣ того, Людовикъ полагалъ, что, вступивъ опять на тронъ, онъ восстановилъ равновѣсіе Европы. По его понятію, легитимизмъ былъ правомъ, побѣда же является слѣдствіемъ силы, и это право должно быть выше этой силы. Александръ же, — какъ и вся Европа, — разсуждалъ, что законнымъ послѣдствіемъ побѣды долженъ быть раздѣлъ добычи, добытой у побѣжденнаго, и что самая важная прерогатива монархіи состоитъ въ законномъ завоёваніи государствъ и въ сверженіи на законномъ основаніи королей. А согласіе на реставрацію было равносильно, въ его глазахъ, пожалованію Людовику XVIII вакантнаго трона, въ родѣ награжденія короля Пруссіи Саксоніей, а принца Нассаускаго Голландіей.

Людовикъ принялъ Александра, перваго среди государей Европы и спасителя ея, какъ будто Агамемнонъ бываетъ только на сценѣ Французской комедіи. «Онъ показалъ *вполнѣ неумѣстное величіе* при встрѣчѣ съ монархомъ, которому онъ былъ обязанъ возвращеніемъ трона», писалъ Нессельроде, и эта фраза показываетъ ту пропасть, которая ихъ раздѣляла. Встрѣча была холодная, какъ ледъ. Строгій этикетъ вышелъ даже изъ границъ вѣжливости. Людовикъ сдѣлалъ только видъ, что идетъ на встрѣчу гостю, прошелъ нѣсколько дверей и проводилъ его, а когда они сѣли за столъ, король занялъ кресло, а императору предложилъ стулъ, что оскорбило и высокое понятіе Александра о своемъ могуществѣ, и его высокое мнѣніе объ услугѣ, имъ оказанной, объ усиліи надъ самимъ собой для подавленія своей антипатіи къ Людовику, а также его великодушіе, несомнѣнно искреннее, но весьма обидчивое, его утонченную чувствительность и то сердечное радушіе, къ которому онъ привыкъ и которымъ такъ широко пользовался при прусскомъ дворѣ. Однако, въ образѣ этого безсильнаго короля, безъ арміи, безъ казны, остановившагося временно въ чужомъ замкѣ, гдѣ у него не было даже своей мебели, да онъ, пожалуй, не могъ бы и заплатить за нее, въ этомъ образѣ ироническаго и парадоксальнаго притязанія на величіе было нѣчто высшее, затронувшее Александра, какъ будто отъ этого померкло обаяніе его побѣды. Они съ королемъ никогда не могли понять другъ друга. Русскіе замѣтили «удручающее впечатлѣніе, произведенное этимъ свиданіемъ на императора, и

испытанныя имъ грустныя предчувствія». Онъ ушелъ раздраженный; и король остался для него самымъ спесивымъ изъ эмигрантовъ. Какъ былъ далеко Компьенъ отъ Тильзитскаго плота, отъ Эрфуртскаго спектакля, объятій, смотровъ, безконечныхъ бесѣдъ, въ которыхъ дѣлили между собою весь свѣтъ и соперничали въ любезности, играли избранныя по своему вкусу и несомнѣнно заученныя заранѣе роли, но какія роли, на какой сценѣ и передъ какими зрителями! Compliment Наполеона казался лаской бога и стоилъ свидѣтельства на безсмертіе: при чемъ—а это отъменно ирѣивно щекотало самолюбіе—Бонапартъ, богоподобный побѣдитель, въ сравненіи съ Романовымъ оставался выскочкой! Какое паденіе съ этихъ эмпирей до унизительной мелочности версальскаго церемоніала! Будетъ ли клеветой на Александра предположеніе, что, возвратившись изъ Компьена, онъ пожалѣлъ о Наполеонѣ или, по крайней мѣрѣ, упрекнулъ себя за то, что черезчуръ легко уступилъ относительно кандидатуры Бернадотта?

2-го мая Людовикъ XVIII обнародовалъ декларацию, названную Сентъ-Уэнской, подтверждавшую королевскія права, но заключающую въ себѣ и основныя статьи представительнаго правленія и политической свободы: двѣ палаты, свободное вотиrowаніе налоговъ, гражданская свобода, свобода совѣсти и равенство всѣхъ передъ закономъ. Торжественный въѣздъ въ Парижъ происходилъ 3-го мая. Онъ походилъ на процессію: дома были задрапированы бѣлымъ, улицы усыпаны цвѣтами, толпа вѣрующихъ въ экстазѣ. Для роялистовъ и католиковъ древняя королевская власть на мгновеніе воскресла въ своемъ мистическомъ ореолѣ и со своимъ священнодѣйственнымъ духомъ. Король, возвращавшійся изъ столь далекаго изгнанія, возникавшій изъ отдаленнаго горизонта, въ своей немощной старости казался символомъ вѣчнаго чуда королевскаго сана, который не знаетъ смерти. Это величіе кроткое и попечительное. Оно внушаетъ уваженіе, смѣшанное съ сыновней нѣжностью, и вѣрныя окружали короля со слезами на глазахъ. Для другихъ, пережившихъ республику и вкусившихъ, если и не свободы мысли, то, по крайней мѣрѣ, языческаго скептицизма революціи и имперіи, это было такое же пустое торжество, какъ праздникъ Верховнаго Существа Робеспьера или коронація Наполеона. Это былъ спектакль, подобный многимъ другимъ, послѣ которыхъ ничего не остается, какъ только снять драпировку, и разбредется кортежъ. Что такое монархія?—Надпись на приклеенной къ стѣнѣ афишѣ, которая отмокнетъ отъ дождя или оборвется прохожимъ. Король?—Обрюзгшій, одержимый подагрой старикъ, который не можетъ сѣсть на коня и едва держится на ногахъ. Маршалы-герцоги ¹⁾ съ под-

¹⁾ Макдональдъ, Ней, Монсей, Бертъе.

видными вверженцами кричать: «Да здравствует король!» и передают аплодисменты для повторения; за ними звучнымъ голосомъ командуютъ полковники и эскадронные командиры, прикрываясь дальною, аподектичною слабью, сообразно съ чиномъ, и, наконецъ, все шараши замираетъ между полками безъ отголоска; а тамъ и слышатъ хвостъ околосна, слышится глухой ропотъ: «Да здравствуетъ императоръ!» (1). Условно въ пехотный полкъ старой гвардіи, стоявшій на площади: Роцъ-Нуф до Notre-Dame. Не думаю, рассказываетъ Шатобрианъ, что подобный обликъ выражалъ когда нибудь нѣчто болѣе упрямое, какъ онъ выразился. Когда они отдавали честь, то дѣлали это съ такою яростію, что звукъ оружія вызывалъ дрожь.

Король назначилъ первый совѣтъ министровъ 5 мая. Помимо бездѣльных хлопотъ объ удовлетвореніи личныя интереса и притязаній вассаловъ, чиновъ, этому правительству предстояло еще рѣшить одновременно двѣ трудныя задачи. Одна изъ нихъ заключалась въ томъ, чтобы разработать Хартию. Съ этой цѣлью король назначилъ комиссію. Александръ, въ своемъ распоряженіи, считалъ нужнымъ въ составъ вѣстать яки. Въ французскіе приверженцы конституціи, въ публицисты, въ обоченыя будущей конституціей, образовали вокругъ него нѣчто, какъ родъ законодательной палаты или академіи либерализма. Александръ, въ болѣе придавалъ этому значеніе, что передъ своимъ отправленіемъ на такую восточную войну такъ сурово удалилъ отъ себя Сперанскаго (2). Въ этомъ присоединился очень политичный и осуществимый расчетъ, такъ какъ король не уважилъ его, надо было составить въ палатѣ двѣ либеральныя лагеря партію, которая могла бы уравновѣшивать и даже обуздывать упорство монарха, что ему и удалось (3). Англичане, напротивъ, старались выставить себя безучастными въ этому происшествіи; они угондали королю, и это ему очень нравилось. Въ симпатіи и доверіи къ имъ были на ихъ сторонѣ. На него повліяли не только оказанный ему принцемъ-регентомъ гостепрѣимство и поощреніе, когда вся Европа была симпатична (4), но и деликатность англичанъ, которые не гнавали своихъ со своими поученіями о законности. Несомнѣнно, англичане относились къ этому дѣлу съ весьма высокобѣрнымъ равнодушіемъ, и это бывало, думѣ ихъ Великой Хартіи, воплѣ островной, наименѣе рациональной, и наименѣе интеллектуальной и универсальной изъ консти-

1) Кастелланъ, т. I, стр. 255.

2) См. т. VII, кн. II, гл. II, § 5.

3) См. корреспонденцію Поццо, т. I, а именно письма 15 іюля и 13 дек.

4) Паске, т. I, стр. 400, 402.

Дювержье де Горанъ, т. I, стр. 154, 155.

туціи, составляющей исключительное и преимущественное достояніе Англіи, не пригодное на континентѣ.

Во всякомъ случаѣ англичане сходились съ царемъ въ одномъ пунктѣ — торопить съ окончаніемъ дѣла, такъ какъ они торопились уѣзжать. Александръ не хотѣлъ оставлять Парижа, пока не будетъ обнародована конституція и заключенъ миръ. Условія мира подготавливались вмѣстѣ съ хартіей.

Основанія мира съ Франціей были установлены; повидимому, оставалось только редактировать статьи. Но союзники не могли прийти къ соглашенію относительно всеобщаго мира, т. е. по вопросамъ о русскихъ притязаніяхъ и о возстановленіи Австріи и Пруссіи въ границахъ 1805 г. Тогда они прибѣгли къ тому же средству, что въ Теплицѣ, Франкфуртѣ, Лагерь и Шомонѣ: они отложили эти важныя дѣла до конгресса, который долженъ собраться въ Вѣнѣ, и ограничились такими постановленіями, на которыя Франція должна была впередъ дать свое согласіе, какъ бы закрывши глаза на Европу. Что же касается до сепаратныхъ соглашеній, которыя послѣдуютъ изъ этого, то они надѣялись рѣшить дѣло между собою *вчетверомъ* до конгресса. Во всякомъ случаѣ, они не могли поступить съ Франціей Бурбоновъ, возстановленной ихъ же руками и по ихъ желанію и включенной въ европейскій строй, послѣ обнародованія о своемъ намѣреніи возстановить и поддерживать ее на высотѣ прежняго величія какъ уважаемую націю, съ этой Франціей «великой, сильной и счастливой» нельзя было обходиться, какъ хотѣли обойтись съ Наполеономъ, доведеннымъ до капитуляціи, и исключить ее изъ конгресса. Они объявили объ этомъ форменно (1). Но все ихъ мѣропріятія были соображены на то, чтобы королевскій уполномоченный появился на конгрессѣ только для помпы и удовлетворенія тщеславія, такъ, чтобы ему пришлось взять съ собою перо и печать и подписать готовый протоколъ, составленный союзниками *вчетверомъ* до его пріѣзда. Сверхъ того, Александръ принялъ свои предосторожности относительно вопроса, въ которомъ онъ былъ наиболѣе заинтересованъ, т. е. вопроса о королевствѣ Польскомъ, такъ что онъ рассчитывалъ имѣть Таллейрана на своей сторонѣ. Таллейранъ тогда слишкомъ нуждался въ Александрѣ, а потому и долженъ былъ не уклоняться отъ недоразумѣній. Кажется, онъ такъ же ловко игралъ на словѣ «Польша», какъ недавно Меттернихъ на словѣ «Рейнъ», и уклонялся отъ точнаго обозначенія размѣровъ и вида этого будущаго королевства. Повидимому, Александръ

1) Декларация 1 дек. 1813 г., манифестъ 25 марта 1814 г. Декларация 31 марта, при вступленіи въ Парижъ.

объ этомъ не говорилъ съ Людовикомъ XVIII, а безъ согласія короля мнѣніе Таллейрана ни къ чему не обязывало. Это скоро обнаружилось ¹⁾.

Предстояло выработать статьи, касавшіяся непосредственно Франціи, т. е. условия особаго договора между нею и союзниками, договариваясь отъ имени каждаго союзника и отъ имени Европы. Они обѣщали Франціи «пространство территоріи въ такихъ предѣлахъ, какихъ никогда не знала Франція при короляхъ». Они согласились обсудить вопросъ «объ объектахъ владѣнія по взаимному согласію, такъ, чтобы они превышали размѣры владѣній Франціи до революціи» ²⁾. Оставалось осуществить на дѣлѣ неоднократныя словесныя обѣщанія Александра насчетъ границъ. Таллейранъ составилъ объ этомъ актъ отъ имени короля, гдѣ повторялись шатилонскіе аргументы Коленкура. Тѣ же самыя Ла-Бенардьеръ и Райневаль, редактировавшіе тогда ноты, заняли опять свои мѣста въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; они были оба отличные публицисты, свѣдующіе въ исторіи. Они разсуждали о раздѣлахъ Польши и о секуляризаціяхъ въ Германіи, но, по признанію Таллейрана, эти дебаты носили академическій характеръ. Союзники постановили прибавить около подумилліона подданныхъ свыше числа ихъ въ 1792 г. и соглашались только обсудить вопросъ, откуда взять необходимыя для этой цѣли территоріи.

Съ обѣихъ сторонъ назначены были комиссары. Королевскому комиссару графу д'Осмонъ ³⁾ было предписано 10 мая «настаивать на укрѣпленіи за Франціей необходимыхъ для завершенія системы обороны государства территорій». Союзники говорили о добавленіи 500,000 душъ сверхъ населенія имѣвшагося въ 1792 году, а король желалъ получить милліонъ и на сѣверѣ полосу земли вдоль Бельгіи между океаномъ и Рейномъ отъ Ньюпорта до впаденія Шпирбаха чрезъ Диксмуде, Эйпернъ, Кортрейнъ, Турна, Атъ, Монсъ, Намюръ, Динантъ, Живэ, Нешато, Арлонъ, Люксембургъ, Сарлуи и Байзерслаутернъ. Иностранные комиссары постоянно отвергали, «что намъ было дано союзниками обѣщаніе о присоединеніи населенія» къ Франціи. Всего этого предстояло добиваться посредствомъ соглашенія, улаживанія съ союзниками, а также отъ ихъ «взаимныхъ удобствъ». Д'Осмонъ поставилъ на видъ «нежеланіе короля получить часть Савойи». Однако, изъ этого не вышло ничего.

Союзники, занятые восстановленіемъ трактата о барьерномъ государствѣ и организаціей большого сторожевого поста на сѣверной границѣ,

¹⁾ См. далѣе, кн. II, гл. I, §§ 4 и 5.

²⁾ Декларация 1 дек. 1813 г., манифестъ 25 марта — Тьеръ, т. XVIII, кн. IIV. — Биньонъ, т. XIV. — Де Виль-Кастель. Исторія реставраціи, т. I.

³⁾ Докладъ гр. д'Осмонъ 20 мая, Д'Осмонъ Таллейрану 16 мая 1814 г.

не намѣревались оставить Франціи ни малѣйшей надежды на земли на лѣвомъ берегу Рейна, столь желанныя и любимыя ею, объ утратѣ которыхъ французы такъ печалились, и съ которыми у нихъ сохранилось много тѣсныхъ связей. Такъ какъ французы настаивали, союзники стали ссутяжничать и, наконецъ, предписали слѣдующее: Авиньонъ съ графствомъ Венесенъ, Монбельяръ и Мюльгаузенъ передавались Франціи сверхъ назначенной ей суммы; ей даровалась часть Савойи съ Шамбери и Аннеси; на сѣверѣ: со стороны Бельгіи, Филиппвиль и Мариенбургъ, со стороны Германіи, Сарлуи и Ландау. Эти земли заключали въ себѣ всего 450.000 душъ. Колоніальныя владѣнія они не признали составной частью прежней Франціи, что и позволило Англійскій искать вознагражденія и другихъ выгодъ въ обѣихъ Индіяхъ, Иль-де-Франсѣ, Табаго, Сентъ-Люси, Мальтѣ и островахъ Сешельскихъ; Санъ Доминго было возвращено Испаніи, т. е. часть земли, уступленная ею въ 1795 г. За то Швеція отказалась отъ Гваделупы, а Португалія отъ Гвианы, присвоенныхъ имъ по договорамъ съ союзниками и теперь возвращенныхъ Франціи. Для Людовика XVIII это была праскорбная часть договора, и, несмотря на его готовность къ соглашенію съ Англійей, несмотря на всѣ услуги, оказанныя англійскимъ правительствомъ восстановленію монархіи, онъ долго не могъ примириться съ этимъ и никогда не добился ни уступки, ни снисхожденія. По этой статьѣ и въ вопросѣ о Нидерландахъ, близко связанныхъ съ ея собственными интересами, Англія не допускала компромисса.

Благожелательное и бережное отношеніе къ Франціи обнаружилось, однако, отрицательно, по правдѣ сказать, но весьма замѣтнымъ образомъ. Предметы искусства, взятые въ видѣ контрибуціи съ 1795 г., были оставлены Франціи: побѣжденные народы наиболѣе страстно желали вернуть назадъ эти трофеи; но и Франція гордилась ими больше всего, и они остались за нею ¹⁾.

Пруссаки предъявили на конференціи 17 мая счетъ на 169.785,859 франковъ ²⁾. Это произвело скандалъ даже среди союзниковъ. Они слышавъ возвышеннымъ языкомъ говорили о Франціи «великой, сильной и

¹⁾ См. т. IV, стр. 113 и сл. и т. V, стр. 61—62, 121. Въ этомъ нѣкоторая заслуга союзниковъ, такъ какъ европейская публика вообще порицала эту весьма политичную хѣру. Одинъ другъ графини Альбани писалъ ей изъ Неаполя 25 іюля 1814 г.: «Это воистину санкціонированіе несправедливости и грабежа. Такая умѣренность не только не приведетъ къ благимъ послѣдствіямъ, а напротивъ лишь оживитъ заносчивость, которую временно осадил. Во Франціи, гдѣ надо всегдѣ смѣются, безъ сомнѣнія, уже осмѣиваютъ эту безразсудную умѣренность, которая такъ неспойственна французамъ». Pélissier: *Le portefeuille de la comtesse d'Albany*.

²⁾ Онкенъ, т. II, кн. IX, гл. III.

герцогство Бергъ, земли между Рейномъ, Маасомъ и Мозелемъ предназначались Пруссіи, лѣвый берегъ Мааса Голландіи; земли по правому берегу Мозеля, Вюрцбургъ и Ашаффенбургъ Баваріи. Это былъ въ принципѣ раздѣлъ лѣваго берега Рейна между Голландіей, къ которой отходила наименьшая часть, Баваріей, получившей нѣсколько большую, и Пруссіей, которой доставалась львиная доля; это все въ общихъ чертахъ такъ и было потомъ сдѣлано ¹⁾.

Покончивши свои дѣла, союзники могли удалиться; это они и сдѣлали 2 іюня. По эвакуаціи Парижа и Франція была предоставлена себѣ, и Людовикъ XVIII, единый король въ своей столицѣ, созвалъ королевское засѣданіе парламента на 4-е іюня; затѣмъ онъ даровалъ хартію, учредившую представительную монархію, и обнародовалъ трактатъ, дававшій Франціи послѣ двадцати двухъ лѣтней войны желаемый миръ, на продолжительность котораго, впрочемъ, никто не дерзалъ уже рассчитывать. Франція была слишкомъ стѣснена, монархія была очень непрочна, революція еще ярко горѣла въ душѣ, въ Европѣ не было единодушія, и Наполеонъ находился слишкомъ близко.

А между тѣмъ нужно было убрать обломки рухнушаго зданія, построченнаго императоромъ. Король Пьемонтскій былъ возстановленъ въ Туринѣ, Бурбоны Испаніи въ Мадридѣ, австрійцы въ Венеціи и въ Миланѣ, папа въ Римѣ, Бонапарты разсѣялись. Изъ всей этой блестящей кучки, покоровшей старый миръ, остались на своемъ посту только два гасконца, одинъ въ Неаполѣ, другой въ Стокгольмѣ; первый изъ нихъ держался въ Европѣ, если можно такъ выразиться, лишь на веревкѣ, которую готовились его удавить. Бернадоттъ пріѣхалъ немного поздно ²⁾ въ Парижъ, озаченный тѣмъ, какъ бы, не компрометируя своего наслѣдованія въ Швеціи, сохранить себя и французамъ про запасъ, если бы влѣдствіе случайности или по недосмотру французскій тронъ снова сталъ вакантнымъ. Онъ опять взялся за ту роль, которую сыгралъ въ брюмерѣ VIII года и замѣчательно—сыгралъ такъ выгодно для себя. Въ 1799 г. онъ состоялъ въ резервѣ у республиканцевъ, черезъ это онъ получилъ маршальскій жезлъ и княжество Понте-Корво. Въ 1814 г. онъ сталъ излюбленнымъ запаснымъ орудіемъ либераловъ и благодаря этому пріобрѣлъ вмѣстѣ съ Норвегіей благосклонность Священнаго Союза. Онъ принималъ участіе въ кортежѣ. Публика почти не замѣтила, что онъ занялъ новое положеніе, перейдя изъ ранга французскихъ маршаловъ, находившихся въ свитѣ союзниковъ, въ званіе государя: онъ принадлежалъ къ свитѣ князей, ко-

¹⁾ Различіе состояло въ томъ, что Майнцъ былъ присоединенъ къ Гессену, а Триръ къ Пруссіи. См. далѣе, кн. II, гл. I, § 6 и гл. II, § 5.

²⁾ Около 12 апрѣля. Объ этомъ времени см. у Леонса Пинго.

торая шла впереди маршаловъ. Такой жребій могъ бы удовлетворить этого осторожнаго и благоразумнаго честолюбца. Одинъ онъ уцѣлѣлъ послѣ своего «производства» на своемъ престолѣ и сдѣлался родоначальникомъ королевскаго дома. Шведы праздновали его возвращеніе. Сержантъ Бель-Жамбъ родился королемъ. Совлекши съ себя смутьяна и фрондера, онъ проявилъ на тронѣ высокія качества государственнаго человѣка. Онъ носилъ въ своемъ солдатскомъ ранцѣ не только символическій маршальскій жезлъ, но и настоящую корону, которая пришлась въ пору его головѣ. Да вѣдь и то сказать, династіи начинаются кѣмъ-нибудь:

«Первымъ королемъ былъ счастливый солдатъ».

И въ мистической лѣстницѣ легитимности необходима первая ступень: если вершина ея не касается непремѣнно неба, то основаніе, какъ говорить Св. Писаніе, «всегда опирается на землю».

КНИГА II.

Трактаты 1815 года.

ГЛАВА I.

Вѣсскій конгрессъ 1814—1815 гг.

Людовикъ XVIII зналъ Европу, но не зналъ Франціи. Если онъ имѣлъ самое высокое представленіе и самое ясное понятіе о своемъ королевскомъ достоинствѣ, если ему въ совершенствѣ были знакомы священнодѣйствія и весь чинъ своего сана, то, съ другой стороны, онъ не имѣлъ понятія объ элементарныхъ требованіяхъ своего королевскаго ремесла: отречься отъ своихъ личныхъ пристрастій, вырваться изъ своей среды, проникнуться народнымъ духомъ, а если нѣтъ сердечной отзывчивости и безотчетнаго провиженія въ народную душу, — эти-то добродѣтели и создаютъ истиннаго правителя, — дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, по разуму заодно съ народомъ и въ національномъ духѣ на пользу государства. Онъ не умѣлъ ни смотрѣть, ни слушать. Если онъ проѣзжалъ по улицамъ, то не иначе какъ въ каретѣ, вскачь, спѣша въ окрестности подышать свѣжимъ воздухомъ, разминая свои отяжелѣвшіе члены, стараясь работою лошадей и кареты восполнить тѣ движенія, которыхъ самъ онъ не могъ совершать. Онъ показывалъ себя, но самъ ничего не видѣлъ. Правительственная дѣятельность исчерпывалась придворными интригами и полицейскими розысками, раздачею титуловъ, пожалованій должностей, чиновъ; дѣятельность правящихъ лицъ ограничивалась соперничествомъ, подкапываніемъ другъ подъ друга и угодничествомъ передъ особами. Все это было жалко и какъ въ эмиграціи. Но мало-по-малу Людовикъ сталъ проникаться духомъ Франціи, совсѣмъ того не подозревая и не прилагая къ тому никакого старанія. Однако, для такого перерожденія нужно было время и новыя испытанія. Этотъ государь, которому

суждено было вернуться изъ второго изгнанія настоящимъ королемъ ¹⁾, началъ свое правленіе съ самой жалкой рутинны.

Къ концу третьяго мѣсяца все оказались въ оппозиціи къ новому режиму, даже сами принцы, находившіе короля слишкомъ либеральнымъ. Присоединившіеся и вернувшіеся одинаково жаловались: присоединившіеся потому, что недостаточно получили, вернувшіеся потому, что не все захватили. Первые ссылались на хартію, чтобы сохранить свои мѣста, послѣдніе указывали на свои мнимыя привилегіи для захвата этихъ мѣстъ въ свои руки. Буржуазія опасалась за національныя имущества, за ренту и за равенство. Солдаты, подчиненные назначеннымъ по протекціи офицерамъ, которыхъ они проклинали и презирали, съ трудомъ выносили ярмо дисциплины, ненавистной съ тѣхъ поръ, какъ превосходство въ заслугахъ не оправдывало производства въ чины, а лица, ограниченныя половиннымъ жалованьемъ, праздня, живущія въ казармахъ и подъ надзоромъ полиціи, чувствовали себя военноплѣнными въ своемъ отечествѣ. Все призывали Наполеона. Народъ чувствовалъ, что на него смотреть почти свысока, тогда какъ онъ привыкъ считать себя правителемъ и такъ часто слышалъ, что его провозглашали главою и источникомъ всякой верховной власти. Замѣчая, что бывшее дворянство подымаетъ голову, а духовенство возвышаетъ тонъ, народъ сталъ страшиться возвращенія стараго порядка и сожалѣть объ имперіи. Къ этому еще нужно прибавить буйныя насилія фанатичныхъ роялистовъ, *бѣлый терроръ*. Этому правительству вѣняли въ преступленіе его собственное *raison d'être*: миръ и возвращеніе въ старыя границы. Его призывали, къ нему зывали для освобожденія Франціи отъ иностранцевъ; когда же война окончилась, и иностранцы ушли, его стали упрекать за то, что оно явилось во Францію въ ихъ свитѣ, или «въ ихъ фургонахъ», какъ говорилъ народъ, и сдѣлалось въ ихъ рукахъ послушнымъ орудіемъ ²⁾.

Наполеонъ, въ силу противодѣйствія, снова захватывалъ почву, которую теряли Бурбоны. Они надали тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ подымались: онъ грозилъ снова подняться тѣми же средствами, которыми совершилось его паденіе: средства эти: война, слава, борьба съ

¹⁾ Съ распушенія *палаты*, «какой не найдешь», до паденія министерства Деказа во время смерти герцога Беррійскаго, съ сентября 1816 г. до февраля 1820 г.

²⁾ Объ этой реакціи и о возникновеніи легенды, начиная съ 1814 г., см. *Mémoires d'une inconnue*: особенно стр. 229, 249 и 250. — Тьебо, стр. 214, 218, 228, 232. — Д'Еспиналь, Фезензакъ, Кастелланъ. — Слич, т. VII, кн. II, гл. II, § 1.

чужеземцами и тѣ три цѣли, которыя французы такъ давно уже выкли соединять въ единомъ страстномъ желаніи, и которыя для ихъ составляли весь смыслъ революціи, свободы и республики, а именно: гражданская свобода, равенство и естественныя границы. Политическая свобода, которая должна бы была, какъ даръ радостнаго восшествія на престоль, примирить умы съ новымъ режимомъ, напротивъ, отталкивала ихъ, потому что она извращалась—какъ и въ эпоху директоріи, когда отъ нея изнемогали всѣ—въ деспотизмъ метительнаго и ненасытнаго меньшинства, служила только къ разжиганію ненависти и разнузданной контръ-революціи, столь же ненавистной французамъ, какъ и самый терроръ.

Такимъ образомъ во Франціи, гдѣ недавно всѣ сговаривались содѣйствовать упроченію монархіи, реставрація сама же и убивала эту монархію. Наоборотъ, въ Европѣ, гдѣ всѣ сговаривались, какъ бы умалить эту монархію, ослабить ее, взять ее подъ опеку, она возвысилась и вернула себѣ и Франціи первое мѣсто по значенію и по вліянію между другими государствами. Людовикъ XVIII и его министръ иностранныхъ дѣлъ совершили во внѣшней политикѣ образцовый трудъ, тѣмъ болѣе рѣдкій и единственный въ своемъ родѣ, что сила здѣсь не оказала никакого вліянія. Все это вытекало изъ глубокаго знанія людей, пониманія дѣла и высшаго искусства: умѣть изъ неизбежнаго создать нравственно цѣнное. Все клонилось къ удаленію Франціи въ предверіе конгресса, но Людовикъ XVIII вернулъ ее въ залу совѣта, на ея старинное, почетное мѣсто, и, если вскорѣ она была вынуждена уступить это мѣсто, это произошло вслѣдствіе его собственнаго паденія отъ неурядицъ во внутреннихъ дѣлахъ.

Для того, чтобы хорошо оцѣнить эту работу, сотканную изъ такихъ крѣпкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкихъ нитей, съ такими затянутыми узлами, съ такой изящной вышивкой, нужно ясно представить себѣ условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать правительству реставраціи. Главная цѣль французскаго правительства состояла въ томъ, чтобы изъ самихъ тогдашнихъ условий, изъ своего принципа, съ одной стороны, и съ другой—изъ обязательствъ, возложенныхъ союзниками на него, вывести политическую систему, ненарушимую по своей логикѣ, и при томъ такую, чтобы союзники не могли оспаривать ея основного положенія. Искусство же упроченія системы заключалось въ томъ, чтобы воспользоваться именно тѣми раздорами союзниковъ, которые и заставили ихъ заранѣе потребовать отъ Франціи нѣчто въ родѣ капитуляціи и предъявить ей къ утвержденію уже совершившіеся факты, когда ея представители явятся въ Вѣну; такъ, что, разъ Франція согласилась заранѣе на

нѣкоторыя переустройства въ Европѣ, ей пришлось бы только подписаться подъ постановленіями, условленными сообща между союзниками, и въ остальномъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за нею оставалась, по крайней мѣрѣ, теоретически свобода дѣйствія. Парижская бланковая надпись и ожидаемая отъ нея въ Вѣнѣ подпись подъ диктовку лишали ее свободы дѣйствія ¹⁾.

II.

Предписывая 30 мая 1814 года ²⁾ миръ въ Парижѣ, союзники достигали цѣли, которую преслѣдовали всѣ коалиціи, начиная съ 1792 г., и которую въ 1804—1805 гг. Англія и Россія ясно опредѣлили такимъ образомъ: возвратитъ Францію къ ея прежнимъ границамъ, «скрутить ей руки», поставить преграду на случай, если бы она снова попыталась вторгнуться въ Бельгію или перейти на лѣвый берегъ Рейна, наконецъ, держать подъ опекою и въ карантинѣ монархію, ослабленную своею хартіею, возстановленную для дарованія мира и вслѣдствіе этого самаго мира непопулярную. Объ этомъ помышляла Австрія съ 1791 г.; съ 1792 г. эту цѣль преслѣдовала Англія, потому что онѣ не забыли еще Людовика XIV. Въ 1814 г. послѣ республики и Наполеона это сдѣлалось общимъ желаніемъ Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи. «Теперь-то», сказалъ въ 1815 г. императоръ Александръ, говоря о конституціонной монархіи, «эта нація въ мирѣ сама съ собою перестанетъ быть агрессивной относительно Европы».

Четыре шомонскіе союзника согласились установить между собою основанія, на которыхъ сталъ бы покоиться европейскій миръ. Они не хотѣли допускать другія государства, въ особенности Францію, къ своимъ совѣщаніямъ. Протоколомъ 31 мая Меттернихъ, Кэстльри, Гарден-

¹⁾ *Всеобщая исторія*, Лавресса и Рамбо, т. X. Конституціонныя монархіи, гл. 1. Вѣнскій конгрессъ.—Что относится лично до Таллейрана, см.: мои *Essais d'histoire et de critique*, эту часть подъ заглавіемъ «Таллейранъ на Вѣнскомъ конгрессѣ». Въ выше указанной главѣ *Всеобщей Исторіи*, стр. 61, я далъ краткую библиографію исторіи конгресса. Я здѣсь ограничиваюсь упоминаніемъ о главнѣйшихъ сборникахъ напечатанныхъ документовъ: Angeberg, *Le congrès de Vienne et les traités de 1815*.—Talleyrand, *Mémoires*, тт. II и III.—Pallain, *Correspondance du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII*. Кэстльри, Веллингтонъ, Поцио ди Борго, переписка ихъ.—Gagern, *Mein Antheil an der Politik*.—Gentz, *Tagebücher* и *Dépêches aux hospodars*.—Martens, *Traité de la Russie*, тт. III, VII и XI.—Polovtsoff, *Correspondance des ambassadeurs, France et Russie*, 1814—1816.—Bianchi, *Storia documentata della diplomazia europea in Italia*.—Rinieri, *Correspondenza dei cardinali Consalvi e Pacca*.

²⁾ См. выше, стр. 284.

бергъ и Нессельроде постановили отерочить «до Вѣнскаго конгресса великія разсужденія объ окончательномъ устроеніи областей, уступленныхъ Франціею, а также и тѣхъ, которыя въ Германіи оставались въ распоряженіи союзниковъ»¹⁾. Эта послѣдняя оговорка касалась особенно Саксоніи, король которой за то, что онъ остался вѣрнымъ союзу съ Франціей, въ силу этого считался потерявшимъ свои права на престолъ и содержался плѣнникомъ въ Берлинѣ. Эта потеря правъ кородемъ саксонскимъ дѣлала вакантнымъ герцогство Варшавское, государемъ котораго онъ считался. Такими предосторожностями союзники надѣялись совсѣмъ связать Францію, скрыть отъ нея свои разногласія и предупредить возможные вѣдствіе этихъ разногласій попытки ея пробраться къ участию въ важныхъ политическихъ дѣлахъ, къ упроченію своего положенія на конгрессѣ и возвращенію себѣ уваженія и вліянія въ Европѣ. А разногласія между союзниками были велики, и переговоры, непрерывно тянувшіеся цѣлое лѣто, не только не уменьшили ихъ, а напротивъ только обострили.

Александръ, разсчитывавшій взять въ свои руки высшее руководство конгрессомъ, добился отсрочки открытія его на 1 сентября, затѣмъ на 2 октября²⁾. Въ этотъ промежутокъ онъ навѣстилъ принца регента англійскаго, но этимъ посѣщеніемъ, по словамъ Нессельроде, былъ «мало удовлетворенъ». Онъ также совѣщался съ прусскимъ королемъ и старался устроить дѣла согласно своимъ планамъ.

Союзники въ своихъ манифестахъ ссылались на великіе *принципы*: неотъемлемыя права, возстановленіе законныхъ правительствъ, соблюденіе публичнаго права и независимость народовъ. Они противопоставляли эти *принципы* беспорядку, насилію, «позорному игу» республики и французской имперіи. Съ паденіемъ имперіи эти *принципы* оказались лишними. *Четыре* союзника не желали затруднять безсодержательными словами удовлетвореніе желаніямъ, относительно которыхъ они взаимно согласились. Соединяясь въ коалицію въ 1813 г., они заключили частные договоры, въ которыхъ и указали, что они считаютъ для себя пригоднымъ. Теперь нужно было взаимно согласить эти разнообразныя обязательства, и союзники разсчитывали для этой цѣли воспользоваться самымъ бесспорнымъ, по ихъ мнѣнію, правомъ—«правомъ завоеванія».

Александръ увидѣлъ, что англійскіе министры не особенно затруднялись или смущались принципами; они исповѣдывали одно основное правило: выгоды Англій. Но онъ замѣтилъ, что они очень озабочены окончаніемъ войны Англій съ Соединенными Штатами. Эта война, какъ послѣдній отраженный ударъ великой борьбы, начатой въ 1793 г., за пре-

¹⁾ См. выше, стр. 225, 285.

²⁾ Таллейранъ графу де Ноэль (Noailles) въ Петербургъ 22 іюля 1814 г.

обладаніе на моряхъ, нанесла этому преобладанію единственный чувствительный для Англій ударъ¹⁾. Теперь дѣло заключалось въ томъ—а паденіе Наполеона давало къ этому средства—чтобы довести американцевъ до крайности и запугать ихъ. Въ этомъ направленіи дѣйствовала армія, которая проникла въ самое сердце Соединенныхъ Штатовъ и уничтожила въ Вашингтонѣ всѣ публичные памятники, символы американской независимости. Это-то предпріятіе и отвлекло Англійю отъ европейскаго континента. Александръ могъ подмѣтить, что англичане съ полнымъ равнодушіемъ относятся къ участи саксонскаго короля, къ его личности и его легитимности; напротивъ, они очень мало расположены были къ учрежденію и развитію польскаго королевства, соединеннаго съ Россіей, потому что она стала бы чрезчуръ сильной своимъ вліяніемъ на востокъ; наконецъ, онъ распозналъ стремленія, согласныя съ тѣми стремленіями, которыя обнаруживалъ Людовикъ XVIII въ Парижѣ, склонность къ сближенію, если не къ полному соглашенію съ Франціей. Это возбудило въ немъ подозрѣніе, и онъ принялъ свои мѣры. Прочность правленія Людовика XVIII казалась очень ненадежной, возобновленіе революціи и военныхъ дѣйствій были возможны. Англійя, Россія, Пруссія и Австрія, полагая, что цѣль союза не можетъ «считаться достигнутой, пока соглашеніе относительно различныхъ европейскихъ государствъ не будетъ окончательно урегулировано на конгрессѣ», сочли необходимымъ подкрѣпить свой Шомонскій союзъ и постановили, чтобы каждая изъ нихъ держала наготовѣ по 75,000 чел. войска²⁾. Но это означало болѣе тѣсное скрѣпленіе союза противъ Франціи, и въ этомъ случаѣ между четырьмя союзными государями царилъ полное единодушіе, которое, впрочемъ, не устраняло несогласій по другимъ вопросамъ, несогласій, угрожавшихъ разрывомъ союза.

Эти несогласія происходили въ особенности изъ-за постановленій договоровъ, заключенныхъ въ Калишѣ, Рейхенбахѣ и Теплицѣ, касавшихся возстановленія Пруссіи и Австріи³⁾. Александръ не только не отказывался отъ своихъ видовъ на Польшу, а, напротивъ, возвращался къ нимъ; честолюбіе, въ связи съ великодушнымъ порывомъ, постоянно побуждали его къ возрожденію польской націи и осуществленію той прекрасной, либеральной цѣли, которую ему не удалось осуществить въ Парижѣ. Ему нечего было считаться съ притязаніями какого бы то ни было «легитимиста»; вѣдь таковыхъ въ прежней Польшѣ не существовало, тамъ корона переходила

¹⁾ Гринъ, Исторія англійскаго народа, т. II, стр. 418 (французскаго перевода).

²⁾ Лондонская конвенція 29 іюня 1814 г.—Мартенсъ, т. XI.—Ангебергъ.

³⁾ См. выше, стр. 5, 11, 42, 48—52, 89—92, 107, 130, 225—226, 285.

въ силу избранія, и Александръ могъ самъ быть «учредителемъ» этого королевства. Но ему, съ одной стороны, приходилось считаться со своими подданными, которымъ этотъ планъ былъ «столь антипатиченъ»¹⁾, а съ другой стороны и въ особенности, со своими союзниками.

Онъ придумалъ комбинацію, которая, казалось ему, все примирить: король саксонскій былъ герцогомъ варшавскимъ, но онъ потерялъ право на всѣ свои владѣнія; нѣмецкая ихъ часть, т. е. Саксонія, могла бы быть присоединена къ Пруссіи, а польская половина, т. е. герцогство Варшавское,—къ Россіи. Австрія, вмѣсто бывшихъ своихъ владѣній въ Галиціи, могла получить вознагражденіе въ Италіи²⁾. Такимъ образомъ Пруссія сосредоточилась бы въ Германіи и утвердилась бы въ самомъ сердцѣ бывшей Священной имперіи. Пруссія, вслѣдствіе раздѣловъ Польши уклонившаяся къ востоку, съ двумя третями славянскаго населенія, сдѣлалась бы государствомъ болѣе чѣмъ съ двумя третями населенія нѣмецкаго, превосходя всѣ другія германскія государства числомъ нѣмецкихъ подданныхъ.

Противъ такой комбинаціи пруссаки ничего не имѣли, особенно тѣ, кто предназначалъ Пруссіи большую роль, роль первенствующую въ Германіи, и провидѣлъ образованіе конфедераціи на сѣверѣ подъ властью Пруссіи, а позже, можетъ быть, и имперіи, сплоченной крѣпче, чѣмъ прежняя и лучше отвѣчающей желаніямъ патриотовъ и удовлетворяющей честолюбію Пруссіи. Саксонія въ этомъ случаѣ была имъ очень кетати, и они ее давно уже намѣтили себѣ³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли сохранить за собою на будущее время для оправданія въ глазахъ нѣмецкой національности оплотъ оградилъ на восточной границѣ противъ славянъ. Наученные событіями 1805 и 1812 гг., свидѣтельствующими о непрочности дружбы русскаго царя съ королемъ прусскимъ, и припоминая о вторженіяхъ русской арміи въ предѣлы Пруссіи⁴⁾, они требовали себѣ Варшавы и линіи Вислы. Притязанія у нихъ были не маленькія: они стремились возстановить общанное Александромъ въ Калишѣ сообщеніе между старой Пруссіей и Силезіей черезъ присоединеніе къ Пруссіи княжества Познанскаго. Саксонія служила достаточнымъ вознагражденіемъ за Вестфалію и лѣвый берегъ Рейна, потерянные въ 1795 и 1807 гг., и, сверхъ того, согласно договору, округляла государственныя границы. Другія же земли на лѣвомъ берегу Рейна и между ними Майнцъ, заня-

¹⁾ Нессельроде, *Автобіографія*.—См. выше, стр. 5, 157.

²⁾ См. выше, стр. 11, 46, 48, 195.

³⁾ См. памятныя записки Штейна, Гарденберга.—Онкенъ, т. II, гл. VI.—См. выше, стр. 11, 46, 48, 195.

⁴⁾ См. т. VI, стр. 365, 380, 383 и выше, стр. 42—46.

тыя нѣмцами во время вторженія, пруссаки тоже были не прочь удержать за собою, но дальше этого послѣдняго предѣла Германіи имъ опасно было расширяться, такъ какъ защита этихъ территорій, отрѣзанныхъ отъ главной части монархіи, была затруднительна. Средствомъ сообщенія съ этими владѣніями могло служить Пруссіи только право прохода по территоріи сосѣднихъ государей, безспорно, родственныхъ, но въдь они легко могутъ сдѣлаться и врагами. Опытъ 1794 и 1806 гг. показалъ всю опасность такихъ разбросанныхъ и разрозненныхъ владѣній. Наконецъ, земли эти находились въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Франціей и стояли подъ ея первыми ударами. Въ тотъ день, когда Франція пробудилась бы отъ своей вынужденной летаргіи, она для компенсаціи и направила бы сюда нападеніе. Пруссакки очень опасались за участь этого отрѣзаннаго передоваго поста коалиціи. Такъ какъ не всѣ одобряли проектъ экспроприаціи и полной конфискаціи короля саксонскаго, то пруссаки нашли остроумную комбинацію: перевести его на берегъ Рейна съ его короною, картинной галлереей, его Grüne Gewölbe, фарфорами и бездѣлушками изъ волшебныхъ сказокъ¹⁾. Этотъ католическій король, родственный королю Франціи, конечно, попалъ бы къ ней въ кліентуру, но поэтому самому для Франціи было бы труднѣе его ограбить.

Александръ замѣчалъ, что его виды на Польшу не раздѣлялись ни его министрами, ни министрами прусскаго короля, его друга и союзника, получающаго наибольшія выгоды изъ всѣхъ государей коалиціи. Эта скрытая оппозиція породила уже многія осложненія съ самаго начала союза. Она чуть было не помѣшала переговорамъ въ Калишѣ и замедлила вторженіе во Францію. Въ затруднительныхъ случаяхъ Александръ обыкновенно прибѣгалъ къ слѣдующимъ средствамъ: свиданіе монарховъ, пламенные увѣщанія и уговариванія, воззваніе къ братству по оружію, объятія, слезы, непосредственное соглашеніе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, обоюдное отреченіе отъ обѣщаній министровъ — со своими министрами это ему, впрочемъ, ничего не стоило, а министровъ короля прусскаго ему угодно было приводить въ смущеніе. Но преждевременное указаніе своей доли и установленіе границъ могли компрометировать ихъ соглашеніе, а потому Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ просто еще разъ обмѣнялись обѣщаніями, данными въ Калишѣ. «Нашъ успѣхъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ Вашей лояльности и Вашей непоколебимой твердости», писалъ Александръ, а Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ: «Чувства, питаемыя къ Вамъ, умрутъ вмѣстѣ со мною. Ваше Величе-

¹⁾ Гарденбергъ, памятная записка 29 апр. 1814 г. Онъ предлагалъ учредить для короля саксонскаго пожизненное герцогство Мюнстеръ-Падерборнъ.—Онкенъ, т. II, стр. 842.

ство показали Европѣ примѣръ благороднаго мужества и безподобной настойчивости, разбившихъ ея цѣпи, за что она Вамъ всецѣло обязана. Я чувствую дѣйствительную потребность свидѣться съ Вашимъ Величествомъ и на словахъ переговорить обо всемъ, взаимно насъ интересующемъ»¹⁾. Александръ приказалъ своимъ министрамъ поддерживать на конгрессѣ притязанія Пруссіи на большую часть Саксоніи²⁾, а Гарденбергъ, продолжая требовать эту самую Саксонію, заявлялъ права на линію Вислы, противодѣйствуя такимъ образомъ притязаніямъ Александра на герцогство Варшавское. Въ этомъ онъ находилъ благопріятную для себя поддержку въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ и рассчитывалъ на непостоянство Александра, на его пламенное желаніе сохранить главенство въ союзѣ и на тайное содѣйствіе Нессельроде и другихъ его товарищей. Это все оставляло ему надежду прибрать къ рукамъ Саксонію и возвратить Пруссіи герцогство Варшавское.

Австрія опасалась вмѣстѣ съ Англійей за судьбы Востока, съ которыми она была еще ближе и тѣснѣе связана. Меттернихъ соглашался оставить Саксонію за Пруссією только въ увѣренности, что она не допуститъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи³⁾. Съ другой стороны онъ боялся, что, завладѣвъ Саксоніей, Пруссія получитъ преобладаніе въ Германіи и, прилегая границами къ Богеміи, будетъ грозой и причиною упадка Австріи; Австрія этого не могла допустить⁴⁾; если же она будетъ вынуждена согласиться на присоединеніе къ Россіи герцогства Варшавскаго, она не согласится отказаться отъ той части его, которую она уступила Россіи въ 1809 г., она это сдѣлаетъ на условіи обмѣна польскихъ земель на итальянскія территоріи. Тогда Меттерниху оставалось возвратиться къ плану Тутута, т. е., возобновить при содѣйствіи Россіи Кампо-Формійскій и Люневильскій договоры о раздѣлѣ легатствъ⁵⁾. «Ваше Величество, Вы себѣ ихъ не возьмете?» спрашивалъ Франца II Консальви, посланникъ Пія VII въ Вѣнѣ, и съ трудомъ добился отъ этого набожнаго государя такого двусмысленнаго отвѣта, что: «для себя онъ не возьметъ»—а по другой версіи: «Но, если другіе захотятъ завладѣть ими, онъ не станетъ воевать, чтобы воспротивиться этому»⁶⁾. Слова эти были двусмысленны и скрывали заднюю мысль самой Австріи,

¹⁾ Александръ Фридриху-Вильгельму 2 августа, Фридриху-Вильгельму Александру 19 авг. 1814 г. Baillep.

²⁾ Августовская конвенція 1814 г. Мартенсъ, т. VII.

³⁾ См. выше, стр. 195.

⁴⁾ Письма Генца къ государямъ, 21 июня 1814 г. 14 янв. 1815 г., т. I, стр. 80.

⁵⁾ Объ этихъ видахъ Австріи см. т. V, стр. 109, 191, 198, 201 и т. VI, стр. 66.

⁶⁾ Донесеніе Консальви 17 сент. 1814 г.; донесеніе Сенъ-Марсана 17 окт. 1814 г.—Риньери—Біанки.

желавшей исправленія своей границы у рѣки По, что урѣзывало легатство Феррару. Остальныя части этого легатства, легатства Болонья и Равенна могли служить для улаженія нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ. Людовикъ XVIII желалъ вознаградить Марію-Луизу испанскую за утраченное ею право на престолъ королевы Этрурии, предназначаемый Франсмъ для одного эрцгерцога. Со своей стороны, Франц искалъ удѣла для своей дочери Маріи-Луизы, и союзники въ этомъ поручились передъ нимъ. Но располагать можно было только одною Пармою, поэтому рѣшили отдать легатства той изъ двухъ Марій-Луизъ, которой не достанется Парма. Эта бывшая папская область въ качествѣ земли, принадлежавшей церкви, была очень удобна для всевозможныхъ секуляризацій, и пруссаки даже подумывали перенести туда саксонскую династію, какъ были нѣкогда переведены лотарингскіе герцоги въ Тоскану¹⁾. Наконецъ. Австрія обѣщала Мюрату исправленіе границы и 400,000 душъ, а это можно было найти только тоже на счетъ Святого Престола. Хотя папа, подозрѣвавшій эти замыслы, ихъ очень опасался, однако, эти планы были гораздо опаснѣе для самого Мюрата, чѣмъ для Пія VII²⁾.

Съ паденіемъ Наполеона Мюратъ пересталъ быть полезнымъ и началъ становиться опаснымъ. При первой неосторожности, т. е. при первой его попыткѣ възправду повѣрить въ свой союзъ съ Австріей и въ обѣщаніе ея вознаградить его въ папскихъ владѣніяхъ, онъ дѣлался преступнымъ. Тогда вдругъ обнаружатся его интриги съ *сектою унитаріевъ*, его замыслы соединить «подъ единою властью все народы отъ Калабріи до Альпъ» и, кто знаетъ, можетъ быть, даже протянуть руку Наполеону на о. Эльбу, примириться со своимъ шуриномъ и помочь ему снова сдѣлаться императоромъ, если тотъ согласится признать его королемъ Италіи. Но тогда же узнаютъ, что трактатъ 11 января не былъ ратификованъ должнымъ образомъ ни однимъ изъ союзниковъ и обязательенъ для одной только Австріи. Русскіе ничего не подписывали. Когда герцогъ Орлеанскій въ іюнѣ былъ въ Лондонѣ для переговоровъ съ Александромъ о возстановленіи Фердинанда IV, царь ему отвѣтилъ: «Дорогой мой герцогъ, что до меня, я на это вполне согласенъ, но это зависитъ отъ Англій». А принцъ регентъ и не скрывалъ своихъ мнѣній: «Я, право, не знаю, какъ они могли... устроить все эти соглашенія съ Мюратомъ. Это отвратительно». Министры не присоединились къ заключенію трактата. У лорда Ливерпуля было одно желаніе: отдѣлаться отъ Мюрата, «но съ тѣмъ, чтобы избѣжать нареканія въ неисполненіи какого-

¹⁾ Александръ поминялъ объ этомъ; см. выше, стр. 49.—Риньери, стр. 67, 99, 101, 104.

²⁾ См. выше, стр. 191. Трактатъ 11 января 1814 г.

нибудь обязательства»¹⁾. У нихъ есть лишь нѣкое подобіе обязательства, это—ихъ обязательство передъ Австріей. Они предоставятъ все это дѣло Меттерниху, а Меттернихъ предоставитъ Мюрату самому погубить себя, помогая этому въ случаѣ надобности. 29 іюля Сень-Марсанъ, поступившій на сардинскую службу, доносилъ какъ представитель Виктора-Эммануила въ Вѣнѣ о своей бесѣдѣ съ императоромъ по поводу революціонныхъ происковъ Мюрата, внушавшихъ опасенія его королю. «Вы правы, отвѣтилъ Францъ, но я надѣюсь, что онъ самъ станетъ орудіемъ своей гибели».

Фердинандъ IV, Бурбонъ Сициліи, отправилъ въ Парижъ, а потомъ въ Вѣну уполномоченнымъ коммодора Руффо съ порученіемъ добиться признанія *его права* на «возстановленіе» въ Неаполѣ. «Наши конференціи съ княземъ Меттернихомъ убѣдили насъ въ томъ, писалъ этотъ дипломатъ, что Австрія совсѣмъ отказалась поддерживать Мюрата». Самъ Меттернихъ въ этомъ признался. «Я бы отдалъ всю вселенную, сказалъ онъ Сень-Марсану, за извѣстіе, что король Фердинандъ возстановленъ на тронѣ, но, къ несчастію, мы не можемъ въ настоящій моментъ дѣйствовать силою оружія для этой цѣли»²⁾. Австрія ждала почина со стороны Мюрата. Настоящій моментъ наступитъ, когда въ Италіи, по подстрекательству Мюрата, вспыхнетъ революція, тогда Австрія можетъ вмѣшаться для возстановленія порядка. Тогда она явится въ Италію въ роли посредницы. Она потребуетъ свободнаго прохода чрезъ Альпы подъ предлогомъ поставить преграду французамъ. Она обезпечитъ за собой Пьемонтъ женитьбой одного изъ эрцгерцоговъ на старшей дочери Виктора-Эммануила, который не имѣлъ сына, и учредить престолонаслѣдіе по женской линіи въ ущербъ правъ Кариньяновъ; посадитъ австрійскаго эрцгерцога въ Тосканѣ, австрійскаго принца въ Моденѣ, австрійскую принцессу Марію-Луизу въ Пармѣ, австрійскую принцессу Марію-Каролину въ Обѣихъ Сициліяхъ, множество австрійцевъ въ Венеціи, Веронѣ, Мантуѣ, Миланѣ, и въ концѣ концовъ къ ней перейдутъ легатства. Покровительствуя востановленнымъ на тронахъ князьямъ, неспособнымъ внушить почтеніе своимъ подданнымъ безъ поддержки австрійскаго оружія, Австрія образуетъ изъ всѣхъ ихъ конфедерацію въ родѣ Рейнскаго союза, подъ протекторатомъ императора Франца; такъ совершилось бы подчиненіе всей Италіи его власти³⁾. Но Россія могла согласиться на

¹⁾ Герцогъ Орлеанскій Фердинанду IV 10 іюля 1814 г.—Вейль, *Revue d'histoire moderne*, 1904 г.—См. выше, стр. 188, 191.

²⁾ 12 сент. Донесеніе С. Марсана 20 окт. 1814 г. Біанки.

³⁾ Объ этихъ проектахъ итальянской лиги, консервативной, анти-якобинской, анти-унитарной, см. бесѣды Меттерниха съ Консальви и въ частности доносеніе Консальви 17 сент. 1814 г. Риньери.

это только за уступку ей польскихъ провинцій, а Пруссія за присоединеніе къ ней Саксоніи. Эти два вопроса были повсюду связаны тѣсно, и все прочее зависѣло отъ нихъ.

Такимъ образомъ четыре союзника образовали три партіи. Лѣто 1814 г. прошло въ тишечныхъ переговорахъ. Между тѣмъ германскій народъ, которому Кутузовъ въ мартѣ 1813 г. обѣщаль независимость и конституцію «въ духѣ древняго германскаго народа», которая дала бы возможность «возрожденной... обновленной, мощной, объединенной Германіи занять выгодное мѣсто среди европейскихъ націй», народъ волновался, ропталъ, требовалъ исполненія этихъ обѣщаній и возстановленія Германской имперіи. Его раздражало, что столько пролитой крови и столько тяжелыхъ жертвъ принесутъ одно послѣдствіе: расширеніе Пруссіи, разрушеніе стараго нѣмецкаго государства и распредѣленіе нѣмецкаго народа между новыми повелителями.

III.

Таковы были тайны союзниковъ, столь тщательно скрываемыя отъ Франціи. Но тайны эти мало-по-малу обнаружилась. Заинтересованныя лица, будущія жертвы, обманутыя этими великими сдѣлками, которыя съ такимъ трудомъ улаживались *четырьмя* союзниками, сообщали эти тайны по секрету. Сень-Марсанъ, вѣчный *повѣренный* Таллейрана, открылъ своему бывшему министру планы Австріи относительно Италіи и всю коварную комедію, чтобы уничтожить Мюрата, послѣ того какъ его соблазнили¹⁾. Самъ Меттернихъ, въ минуту досады на Пруссію, опасаясь, какъ бы опять не возобновился обмѣнъ любезностями между Парижемъ и Берлиномъ, и какъ бы не возобновились между ними прежнія соглашенія, какъ это было въ 1740 и 1795 гг., вовсе не желая, чтобы пруссаки устроились въ Дрезденѣ, предпочитая, хотя бы для того, чтобы сдѣлать ихъ непримиримыми врагами французовъ, помѣстивъ ихъ на лѣвомъ берегу Рейна и предоставить имъ то компрометирующее положеніе, которое Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ предназначали одно время для Австріи, въ Эльзасѣ, самъ Меттернихъ донесъ Таллейрану о замыслахъ Пруссіи на Саксонію, о планѣ перевести саксонскаго короля сначала въ Мюнстеръ, потомъ подалее, въ Боннъ, въ Кельнъ, а самимъ отдѣлаться отъ тягостной и ненадежной охраны лѣваго берега Рейна²⁾. Прибавимъ къ этому еще жалобы мелкихъ германскихъ и итальянскихъ дворовъ, которые понимали, что имъ угрожаютъ: кому Пруссія, кому

¹⁾ Rinieri, *Journal de Saint Marsan*.

²⁾ См. выше, стр. 195, 200, 201.

Австрія. Таллейранъ водилъ знакомство съ этими бродячими, но вѣчно интригующими дипломатами и пользовался ихъ услугами. Эти нѣмецкіе самодержавные князьки, жадные, обогащенные, награжденные церковными и сеньориальными землями, принятые въ Рейнскій союзъ и подъ покровительство Наполеономъ, все болѣе или менѣе содѣйствовали, какъ Таллейранъ, паденію Наполеона и реставраціи «легитимныхъ» государей, потому что это позволяло имъ «легитимно» удерживать приобретенную при помощи узурпатора собственность и отдѣлаться отъ обѣщанныхъ за нее услугъ. Такъ же, какъ и Таллейранъ, они измѣнили императору не для того, конечно, чтобы потерять свои бенефиціи, а потому они легко и сблизились съ Таллейраномъ, оберегая ревнивѣе всего то, что они называли «своею независимостью».

Однако, что бы тамъ ни предпринимали союзники, логика вещей одерживала верхъ надъ ихъ канцелярскими измышленіями. Возстановляя старую династію, возвращая Францію въ ея старыя границы и устраняя ее отъ великаго дѣла вакантныхъ территорій, тѣмъ самымъ союзники принудили ее вернуться къ прежней политикѣ и вернули подъ ея покровительство мелкія государства. Достаточно было отерочекъ конгресса, чтобы ясно показать, что *четыре* союзника не были согласны по тѣмъ пунктамъ, которые они приберегли для себя, чтобы уладить ихъ *между собою*. По молчанію относительно Франціи, ясно было видно, что они все еще желали устранить ее отъ этихъ важныхъ дѣлъ. Кэстльри написали объ этомъ англійскому послу въ Парижѣ Веллингтону существующіе-де обязательства, которыя были приняты «въ такое время, когда Англія была далека отъ мысли считать Францію въ числѣ своихъ друзей»¹⁾. Веллингтонъ увѣдомилъ объ этомъ Таллейрана. Съ другой стороны герцогъ Беррійскій, поѣхавшій въ Лондонъ, извѣстилъ Людовика XVIII, что Кэстльри собирается въ Вѣну, чтобы прибыть туда до открытія конгресса, и что цѣль его поѣздки туда сговориться, безъ участія Франціи, относительно предварительныхъ мѣръ для урегулированія хода конгресса. Приглашенный остановиться въ Парижѣ, Кэстльри пріѣхалъ туда 26 августа, былъ принятъ королемъ и успокоилъ его сообщеніемъ, что предварительное собраніе союзниковъ въ Вѣнѣ состоится лишь съ цѣлью условиться по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ ихъ прежнихъ договоровъ, а «не для того, чтобы рѣшать безъ вѣдома Франціи общіе или частные вопросы, на которые она, естественно, будетъ приглашена дать свое официальное согласіе». Таллейранъ принялъ это къ свѣдѣнію и исполнѣ

¹⁾ Кэстльри Веллингтону 14 авг. 1814 г.—Таллейранъ, *Мемуары*, т. II, стр. 276, 277.—Поццо Нессельроде, 28 авг. 1814 г.

основательно заключилъ отсюда, что Англія тяготеетъ данными ею обязательствами, что возможно, значить, переломить эту связку; что, если Франція предъявитъ на конгрессѣ свои права, она найдетъ поддержку со стороны Англіи, и что, если союзники до тѣхъ поръ къ соглашенію не придутъ, ихъ разногласія на конгрессѣ создадутъ брешь, посредствомъ которой Франція проникнетъ для того, чтобы занять мѣсто въ европейскомъ концертѣ, а можетъ быть, со временемъ и разстроить составленную, возобновленную и тѣсно связанную противъ нея коалицію.

Это была главная цѣль политики Людовика XVIII, и для достиженія ея онъ, вмѣстѣ съ Таллейраномъ, задумалъ тонкій, остроумный и глубокий дипломатическій планъ. Прежде всего король долженъ былъ вывести Францію изъ того изолированнаго положенія, въ которое ее поставили союзники съ намѣреніемъ удержать ее въ этомъ положеніи. Зависть къ могуществу Франціи, страхъ передъ нею были связующимъ звеномъ и причиною коалиціи. Всякій поводъ къ подозрѣнію, малѣйшее покушеніе на территоріальное пріобрѣтеніе, возбужденіе безпокояства англичанъ за Бельгію, пруссаковъ и германцевъ за лѣвый берегъ Рейна,— все это тотчасъ же тѣснѣе сблизило бы союзниковъ и дало бы въ руки оружіе тѣмъ, кто былъ одержимъ непримиримымъ злопамятствомъ противъ Франціи, каковы были, напримѣръ, пруссаки. Для разединенія коалиціи оставалось одно средство: усыпить подозрительность союзниковъ. Они предписали Франціи безкорыстіе—въ этомъ и была ея единственная сила. Они организовали искусную систему предосторожностей противъ ея честолюбія и лукавства, но они не предусмотрѣли ни такого случая, что Франція откажется отъ честолюбія, ни такого, что она окажется искренней, чтобы изъ неизбѣжнаго создать себѣ добродѣтель. Они запретили ей прибѣгать къ политикѣ, которая пользуется удобнымъ случаемъ и интригами, и нѣкоторымъ образомъ предписывали ей политику принципиальную. Людовикъ XVIII и Таллейранъ поняли это, а искусство ихъ состояло въ томъ, чтобы извлекать средства и условія для дальнѣйшей дѣятельности изъ навязанныхъ имъ обязательствъ. Коалиція воевала съ Франціею во имя защиты международнаго права и принудила ее подписать Парижскій миръ. Во имя того же права Франція готовилась принять участіе въ конгрессѣ, ходатайствовать передъ всѣми о примѣненіи ко всѣмъ предъявленнымъ къ ней требованіямъ и доказать свое уваженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ тѣмъ, что она обнаружитъ всю свою энергію, чтобы во всѣхъ вопросахъ одержать верхъ этотъ принципъ. «Надо дать понять, сказалъ Таллейранъ, что Франція намѣрена сохранить только то, что ей принадлежитъ; что она чистосердечно отказалась отъ завоеванныхъ ею земель; что она достаточно сильна въ своихъ

старыхъ границахъ, что о расширеніи ихъ она не помышляетъ, наконецъ, что отнынѣ она видитъ въ умѣренности свою славу, и что, если она желаетъ, чтобы съ ея голосомъ считались въ Европѣ, это для защиты правъ другихъ отъ всякаго рода посягательства на нихъ». Такого рода отреченіе, пожалуй, «не лишено было величія»; въ немъ заключалось немало и ловкости: «Ради выгоды, которую Франція могла извлечь, оказывая поддержку слабымъ», она старалась занять «полное достоинства и почетное положеніе»¹⁾.

Это было возвращеніе къ политикѣ, которую просвѣщеннѣйшіе мыслители считали истинной традиціей французской дипломатіи. Такой политикой Франція стяжала себѣ честь и пользу въ счастливыя времена. Она сдѣлала большую ошибку, отказавшись отъ нея по неумѣлости правительства при Людовикѣ XV, увлеченная пропагандой или охваченная маніей величія во времена республики и имперіи. Политика эта приводила къ отказу отъ большихъ завоеваній, потому что они были неосуществимы безъ большихъ раздѣловъ; мѣшала сильнымъ сдѣлаться черезчуръ сильными; защищала малыя государства отъ вождельній большихъ; поддерживала между всеми державами равновѣсіе силъ, обезпечивая вмѣстѣ съ тѣмъ и миръ; упорчивала за Франціей, при сопоставленіи съ раздѣленной Италіей и расчлененной Германіей, вліяніе тѣмъ болѣе дѣйствительное, чѣмъ болѣе Франція станетъ сдерживать другихъ. Такая политика могла сослаться на великое имя Генриха IV и была политикой Ришелье и Мазарини. Верженъ, при Людовикѣ XVI, возобновилъ эту политику и руководствовался ею осторожно, но съ достоинствомъ. Ту же политику Таллейранъ совѣтовалъ впервые въ 1792 г. новорожденной Республикѣ. Той же политикѣ прежде всего былъ намѣренъ слѣдовать Людовикъ XVIII въ 1795 г., т. е., въ тотъ моментъ, съ котораго онъ считалъ себя вступившимъ на тронъ. Итакъ, руководимые опытомъ прошлаго и сознательнымъ подчиненіемъ необходимости, инстинктивнымъ стремленіемъ обезпечить важнѣйшіе интересы Франціи въ Европѣ, король изъ принципа, а министр по расчету пришли къ одному и тому же заключенію. Такъ были составлены въ сентябрѣ 1814 г.,

¹⁾ «Возвращенная въ свои старыя границы, она не думала болѣе объ ихъ расширеніи, подобно морю, выступающему изъ своихъ береговъ лишь тогда, когда его взволнуетъ буря». Таллейранъ Меттерниху 19 дек. 1814 г. «Король пишетъ Поццо, 28 авг., не намѣренъ ни расширять свои владѣнія, ни дѣлать предложеній не согласныхъ съ принципами равновѣсія, подлежащими установленію, но онъ полагаетъ, что его достоинство и долгъ по отношенію къ націи предписываютъ ему участіе на совершенно равныхъ правахъ при соглашеніяхъ и договорахъ, которые должны твердо установить справедливые интересы всѣхъ».

по непосредственному внушенію Людовика XVIII и по указаніямъ и замѣткамъ Таллейрана *инструкціи*. Редакторомъ ихъ былъ первый секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ Ла-Бенардьеръ. Эти инструкціи служили до Парижскаго трактата 1856 г. блестящимъ освященіемъ и послѣднимъ проявленіемъ этой политики, кодексомъ и образцомъ французской дипломатіи.

«Счастлиное положеніе Франціи позволяетъ ей желать только одного, чтобы справедливость не смѣшивалась съ пользою, и чтобы не искали частной выгоды въ ущербъ справедливости, которая есть всеобщая польза». Справедливость требуетъ, чтобы «государь, владѣнія котораго завоеваны, не переставалъ быть государемъ, развѣ, что онъ самъ уступить свое право». Публичное право основано на двухъ главныхъ принципахъ: если законный государь не уступить завоеванной территоріи, завоеваніе само по себѣ не даетъ права на суверенитетъ; для правительствъ титулы государей существуютъ лишь постольку, поскольку они были признаны ими. Отсюда слѣдуетъ: что король саксонскій долженъ послать на конгрессъ уполномоченнаго и требовать возстановленія своихъ правъ, Мюрать же не имѣетъ такого права, потому что онъ не былъ признанъ какъ неаполитанскій король ни Англіей, ни Франціей, ни Россіей. Справедливость и публичное право не позволяютъ соединять государства въ союзы противъ ихъ желанія; изъ этого слѣдуетъ, что германскія государства, независимость которыхъ признана Парижскимъ трактатомъ, должны участвовать въ совѣщаніяхъ конгресса, а въ особенности по вопросу о конфедераціи, которую они призваны между собою составить. «Къ этимъ побужденіямъ справедливости присовокупляется и соображеніе о пользѣ для Франціи, потому что вес, что полезно малымъ государствамъ, полезно также и ей». Такія государства въ Италіи и въ Германіи постараются возратить и сохранить свою независимость, и Франція должна имъ помочь въ этомъ. Австрія не опасна уже въ Германіи: но ея честолюбіе направлено на Италію, а въ Германіи Пруссія стремится занять ея мѣсто. «Надо помѣшать господству Австріи надъ Италіей, противопоставляя ея вліянію противоположныя вліянія; такое же положеніе въ Германіи занимаетъ Пруссія. Самый органическій составъ этой монархіи дѣлаетъ какъ бы необходимымъ ея властолюбіе. Никакія нравственныя сомнѣнія не останавливаютъ ее... Ея эмиссары волнуютъ Германію, распуская слухъ, будто Франція готовится снова вторгнуться въ нее... и предлагаютъ ей вручить свою судьбу Пруссіи для самосохраненія».

Отсюда вытекаютъ слѣдующія заключенія: возстановить короля саксонскаго, возстановить короля Бурбона въ Неаполѣ, возратить легат-

ства Святому Престолу, обезпечить въ Пьемонтѣ исконное въ домѣ Кариньяновъ престолонаслѣдіе по мужской линіи и тѣмъ отнять у Австріи возможность захватить это государство въ силу брака одного изъ эрцгерцоговъ со старшей дочерью короля; возвратить Австрію и Пруссію въ ихъ старыя границы, вознаграждая Австрію за утрату Нидерландовъ прежнею Венеціанскою территоріею. Безъ сомнѣнія, справедливо было бы распространить это дѣло исправленія старыхъ грѣховъ и на Польшу и возстановить вмѣстѣ съ тѣмъ равновѣсіе силъ, какъ оно существовало въ 1792 г., такъ какъ и Францію возвращаютъ въ тогдашнія границы. Но тутъ пришлось бы натолкнуться на неисполнимое. Ни Пруссія, ни Австрія, ни Россія не захотѣли бы вернуть Польшѣ тѣ части ея наслѣдства, которыя онѣ забрали въ 1772, 1793 и 1795 гг. Ни одинъ русскій не согласится на возвращеніе Литвы. «Россія желаетъ возстановленія Польши не для того, чтобы лишиться пріобрѣтеннаго ею, она желаетъ этого возстановленія для пріобрѣтенія того, чѣмъ она еще не овладѣла». — «Если бы русскій императоръ, вопреки всякому ожиданію, и согласился отказаться отъ принадлежащей ему части Польши (всего вѣроятно, онъ не можетъ на это рѣшиться, не подвергаясь личной опасности со стороны русскихъ)... то король... не рассчитывая на такой счастливый случай... нисколько бы этому не помѣшалъ». Если же Россія, удерживая за собой Литву, рассчитываетъ прямо присоединить къ имперіи герцогство Варшавское съ большей или меньшей прибавкой со стороны Галиціи для округленія владѣній на счетъ Австріи, то принципиальная постановка исчезаетъ. Это—уже только вопросъ объ интересахъ, а допустить продвинуться къ Одеру такъ опасно усилившуюся Россію не въ интересахъ Европы. Велѣдствіе этихъ условій, возвращеніе къ положенію дѣлъ до 1807 г. было бы всего благоразумнѣе.

Швейцарія должна составить независимую и нейтральную конфедерацию. «Оттоманская порта—держава европейская, ея сохраненіе необходимо для поддержанія равновѣсія въ Европѣ, и потому полезно обезпечить ея существованіе». А вмѣстѣ съ тѣмъ и Франція сохранить свои старыя прерогативы на востокѣ, свою прежнюю торговлю, свои договоры, покровительство католикамъ и европейскимъ резидентамъ, или—какъ ихъ называли—франкамъ. Такая политика возвратитъ прежнее вліяніе повсемѣстно Франціи. «Важно изгладить впечатлѣнія послѣдняго времени. Франція такъ сильна, что другіе народы будутъ чувствовать себя въ безопасности въ томъ только случаѣ, если имъ внушить мысль объ ея умѣренности, а мысль эту они усвоятъ тѣмъ легче, что Франція внушила имъ гораздо болѣе высокое понятіе о своей справедливости».

Въ этой системѣ все находится между собой въ связи. «Почти все вопросы, подлежащіе урегулированію на конгрессѣ, зависятъ отъ единого и одного и того же принципа, и отступить отъ него въ одномъ актѣ значитъ отказаться отъ него во всехъ». Отсюда чрезвычайная важность предварительнаго обсужденія организаци конгресса и провозглашенія принциповъ, а также подробнѣйшія предписанія французскимъ уполномоченнымъ объ исключеніи изъ конгресса всехъ, кто не имѣетъ права въ немъ участвовать, и о допущеніи всехъ, кто на это имѣетъ право; наказъ о томъ, чтобы конгрессъ дѣйствительно собрался, установилъ порядокъ веденія дѣлъ и прежде всего рѣшилъ, какія державы могутъ имѣть въ немъ уполномоченныхъ, и какіе вопросы подлежатъ его разрѣшенію.

Такимъ образомъ позиція, занятая Франціей, была неприступна. Франція ставила на видъ союзникамъ ими же торжественно провозглашенное право. Несомнѣнно, государи и дипломаты Россіи, Пруссіи и Австріи намѣревались подражать побѣжденному Наполеону и поступать съ Франціей, какъ съ выморочнымъ имѣніемъ, какъ они поступили съ Польшей, находившейся, по ихъ мнѣнію, въ состояніи безначалія. Они считали, что они отвѣтственны только передъ самими собою. Но четвертый союзникъ, англичане не могли слѣдовать за ними такъ далеко. Они обязаны были давать отчетъ народу въ своихъ дѣйствіяхъ. Представитель Англіи Кэстлри такъ же, какъ и его товарищи, несомнѣнно, былъ лично совѣмъ равнодушенъ къ принципамъ и публичному праву, но въ парламентѣ не все стояли на этой точкѣ зрѣнія. Въ Лондонѣ дѣйствія конгресса подлежали обсужденію свободной трибуны и печати, а потому дѣятельность англичанъ подлежала публичной санкціи. Это давало возможность Таллейрану забрать въ руки англичанъ, и въ этомъ состояло значеніе ноты о принципахъ, которыя онъ составлялъ не для поученія своихъ коллегъ, а для возбужденія общественнаго мнѣнія, такъ какъ ноты его, якобы благодаря удачной нескромности, попадали въ газеты.

Конечно, припоминая прошлое Таллейрана и кривые пути, пройденные имъ, начиная съ епископства въ Отенѣ, черезъ кабинетъ Дантона, канцелярію Директоріи, дворъ Наполеона, Берлинъ, Тильзитъ, Эрфуртъ до Вѣнскаго конгресса, нужно сознаться, что роль его была скабрезная: Таллейрану приходилось не только внушить уваженіе къ принципамъ своего новаго господина, но и пріобрѣсти уваженіе къ своей личности, такъ удивительно сочетавшейся съ этими чуждыми ей принципами. Безъ большого безстыдства съ его стороны, котораго у него можетъ быть и хватало бы, и безъ чудовищнаго потворства со стороны его товарищей, это было бы не достижимо. Но и актеръ и его роль какъ-то сами

собой нашли должное имъ вниманіе. Старымъ игрокамъ, сыгравшимъ столько славныхъ партій, всѣмъ теперь, за зеленымъ столомъ, приходилось играть въ новую игру и принимать новое выраженіе лица. И они играли не за собственный счетъ; въ настоящее время это были представители иныхъ началъ, именно, принципа, въ силу котораго во Франціи царствовалъ возстановленный ими Людовикъ XVIII, и на которомъ основывалъ свои требованія на конгрессѣ его посланникъ Таллейранъ. Таллейранъ говорилъ именемъ короля, въ этомъ отношеніи вполне безупречнаго. Впрочемъ, кто бы дерзнулъ упрекать Таллейрана за его отреченія? Не одинъ же Таллейранъ содѣйствовалъ захватамъ республики и имперіи, и другіе поочередно принимали въ этомъ дѣлѣ свое участіе. Великія державы поочередно скрѣпляли государственной печатью свои соглашения: Пруссія—въ Базелѣ, Берлинѣ и Раштаттѣ, Австрія—въ Кампо-Форміо и Люневилѣ, въ 1810 г. при заключеніи брака, а Россія—въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Только представитель Англій имѣлъ право смотрѣть на него свысока; но инструкціи предписывали ему молчаніе. Такимъ образомъ состоялось общее соглашеніе предать прошлое забвенію. Въ секретныхъ статьяхъ, которыя совсѣмъ не мотивируются, съ глазу на глазъ имъ незачѣмъ было считаться съ публичнымъ правомъ, но въ протоколахъ и деклараціяхъ этого сдѣлать было нельзя. И вотъ, эти старые авгуры, скептики и вольнодумцы, вынуждены были безъ улыбки смотрѣть другъ другу въ глаза и, бормоча про себя ругательства, присутствовали при священнодѣйствіи, которое совершалъ ихъ наставникъ въ скептицизмъ и вольнодумствѣ, «Хромой Бѣсъ», какъ они его называли, ставшій верховнымъ жрецомъ ихъ собственнаго храма, въ силу послѣдствій ихъ коалицій и по милости ихъ побѣдъ.

Однако, въ положеніи Франціи были слабыя стороны. Ей нельзя было даже въ самомъ незначительномъ вопросѣ отступить отъ своего безкорыстія, иначе все бы рушилось, и сразу ея заявленія были бы запятнаны какъ лицемеріе, а великолѣпные переговоры по вопросамъ принципиальнаго значенія свелись бы къ самой пошлой интригѣ. Никогда еще политика не требовала такой выдержки. А между тѣмъ, всѣмъ, кому такая политика мѣшала, было выгодно сбить съ толку, разстроить, словомъ, ввести французскихъ агентовъ въ соблазнъ, заставить ихъ торговаться и скомпрометировать ихъ. Меттернихъ не упустилъ бы случая этимъ воспользоваться. Кромѣ того, важно было, что политика, принятая Людвигомъ XVIII, приводила къ открытому антагонизму съ Россіею и Пруссіей, интересы которыхъ были солидарны, а государи связаны нѣжной и неразрывной дружбой. Людовикъ XVIII справедливо считалъ ихъ неразлучными. Не желая принести имъ въ жертву саксонскаго ко-

роля, поступиться ради Пруссіи своими принципами и ни подъ какии видомъ не служить ея интересамъ, Людовикъ XVIII былъ принужденъ дѣйствовать противъ Россіи, на что и рѣшился безо всякаго усилія. Расширеніе могущества Россіи его беспокоило, а нѣкоторая неуравновѣшенность русскихъ, если можно такъ выразиться, оскорбляла его классическій вкусъ. Контрасты въ характерѣ Александра, великодушнаго и хитраго, остававшагося политикомъ даже и въ самомъ великодушіи своемъ, казались этому чистому вольтеріанцу личиною комедіанта.

Во время пребыванія Александра въ Парижѣ былъ поднятъ вопросъ о бракосочетаніи герцога Беррійскаго съ великою княжною Анной Павловной. Затрудненія, поставленныя обѣими сторонами по вопросу о перемѣнѣ религіи и о домово́й церкви, были особенно важны тѣмъ, что затрогивали традиціи обоихъ царствующихъ домовъ и основные законы монархіи. Опять были пущены въ ходъ приемы, принятые при сватовствѣ Наполеона къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, но съ тою разницею, что теперь русскіе казались болѣе готовыми пойти на встрѣчу, не желая однако уступать въ главномъ вопросѣ, о перемѣнѣ религіи, а Людовикъ XVIII, напротивъ, прятался за абсолютными принципами и ловко уклонялся дать свое согласіе, за этимъ же скрывалось просто его нерасположеніе содѣйствовать этому браку. «Не слѣдуетъ упускать этого случая, писалъ Поццо... Теперешняя Франція не имперія Бонапарта, не королевство Людовика XVIII, во время его пребыванія въ Гартуэллѣ, а просто французская монархія...» ¹⁾ Именно это-то Людовикъ и далъ слишкомъ почувствовать Александру, весьма недовольному такимъ оборотомъ дѣла. Къ этому присоединилось немало другихъ шероховатостей, которыя пришлось испытать Александру послѣ свиданія въ Компіени: голубая лента была пожалована не Александру, а принцу-регенту англійскому, на просьбу Александра назначить Коленкура посломъ въ Россію король отвѣтилъ отказомъ и лишилъ Коленкура достоинства пэра. «Его Величество былъ этимъ глубоко оскорбленъ, писалъ Нессельроде къ Поццо, и поручаетъ вашему превосходительству засвидѣтельствовать объ этомъ безъ оговорокъ» ²⁾.

Наконецъ, Людовикъ XVIII искренно желалъ мира, чтобы заняться устроеніемъ своей монархіи, возсозданіемъ военныхъ силъ государства и дѣломъ примиренія французовъ съ прежней династіей. Политика въ со-

¹⁾ Дѣло затянuloсь и было прекращено 2 янв. 1815 года. См. переписку Поццо съ Нессельроде у Половцова, стр. 10, 18, 29, 30, 38 и сл., 53 и сл., 64, 70, 85, 86, 93, 128, 135; и *Correspondance de Talleyrand avec Louis XVIII, Pallain.*

²⁾ Нессельроде къ Поццо 22 іюня; онъ же 6 іюля 1814 г. Половцовъ.

гласи съ личной склонностью Людовика XVIII влекла его къ Англии. Интересы ихъ были, въ ту пору, аналогичны. О будущемъ же король совсѣмъ не беспокоился, зная, что сближеніе произойдетъ само собою, когда Франція перестроится, а Россія будетъ въ ней нуждаться, разумѣется, если это будетъ выгодно Франціи. А до тѣхъ поръ и въ особенности на Вѣнскомъ конгрессѣ, соглашаясь угождать Александру и отдаваясь подъ его покровительство, Людовикъ потерялъ бы въ настоящемъ, а въ будущемъ упускалъ случай сдѣлаться и желаннымъ, и достойнымъ награды союзникомъ. Стоило только показаться, будто Людовикъ домогается отъ Александра какого-нибудь смутнаго обѣщанія о расширеніи государства, унизиться до политики выпрашивания «на водку», и онъ внушилъ бы подозрѣнія, оправдалъ бы доносы своихъ враговъ и остался бы одинокимъ, потому что Англія въ этомъ отношеніи была непреклонна, Австрія—враждебна, а Пруссія—неприступна. Тогда ему оставалось отдаться на благоусмотрѣніе одной Россіи, которая, забравъ въ руки Францію, и не подумала бы изъ за удовлетворенія Людовика ссориться съ другими своими союзниками. Людовикъ XVIII неспособенъ былъ понять геній русскаго народа, но чрезвычайная проницательность его ума помогла ему разгадать весьма искусныя комбинаціи, такъ изящно скрываемыя Александромъ отъ поверхностныхъ наблюдателей подъ личиною энтузіазма, сантиментальности и либерализма. Александръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія разрывать съ коалиціей, своимъ твореніемъ и орудіемъ своихъ честолюбивыхъ помысловъ о гегемоніи въ Европѣ. Онъ вовсе не думалъ объ усиленіи Франціи, а коалиція именно имѣла цѣлью ея обузданіе. Поставивъ Францію въ положеніе для него удобное, Александръ хотѣлъ удалить ее отъ Австріи и Англии, оставаясь самъ въ союзѣ съ этими двумя дворами. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція не имѣла помимо Россіи другихъ союзниковъ и состояла постояннымъ помощникомъ въ его распоряженіи. Ему никогда не приходило въ голову пожертвовать ради Франціи Пруссіей, потому что въ его интересахъ было удерживать при себѣ и короля Пруссіи, и короля Франціи, равно преданныхъ и послушныхъ сотрудниковъ его политики. Онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону Людовика XVIII не для того, чтобы разстроить четверной союзъ, а для того, чтобы присоединеніемъ Франціи еще болѣе укрѣпиться въ немъ и сдѣлаться первенствующимъ неоспоримымъ его руководителемъ. Но даже при такой комбинаціи онъ предпочиталъ улаживать всѣ вопросы только между *четырьмя* союзниками, что и обнаружилось при первой встрѣчѣ въ Вѣнѣ.

IV.

Четыре союзника согласились между собою собраться въ первыхъ числахъ сентября на предварительныя совѣщанія. И вотъ вслѣдствіе этого до пріѣзда государей и другихъ уполномоченныхъ въ Вѣнѣ собрались Меттернихъ—представитель Австріи, Нессельроде—Россіи, Гумбольдтъ и Гарденбергъ—Пруссія, Кэстльри и братъ его Чарльзъ Стьюартъ—Англии. Они начали, какъ и предвидѣлъ Таллейранъ, какъ разъ съ составленія программы занятій конгресса. Эта программа, составленная Гумбольдтомъ, была сообщена 16 сентября четыремъ союзникамъ, а 18-го они рѣшили покончить исключительно между собою польскія, итальянскія и германскія дѣла. Однако, на другой же день они убѣдились, что между ними далеко не существовало согласія. Они начали съ самаго щекотливаго изъ всѣхъ вопроса: о раздѣлѣ герцогства Варшавскаго. Гарденбергъ потребовалъ для прусскаго короля части этого герцогства; Нессельроде возразилъ, что русскій императоръ желаетъ получить все герцогство; Меттернихъ заявилъ, что герцогство завоевано не одной русскою арміей, что австрійцы содѣйствовали его завоеванію. Они не оспариваютъ у Россіи права на вознагражденіе, хотя Александръ и объявилъ, что не ищетъ завоеванія, но они не согласны на уступку провинцій, входившихъ въ составъ Австріи: Краковъ и Замойскъ находятся слишкомъ близко отъ Вѣны, потому Австрія не можетъ позволить русскимъ утвердиться тамъ, и что, наконецъ, возстановленіе даже самаго имени Польши само по себѣ опасно и нарушаетъ заключенные договоры ¹⁾). Нессельроде возразилъ, что Краковъ и Замойскъ абсолютно необходимы для защиты Россіи. Гарденбергъ добавилъ, что Торнъ не менѣе нуженъ Пруссіи для той же цѣли, и что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на возстановленіе Польши. Напротивъ, Кэстльри заявилъ, что возстановленіе Польши было бы весьма охотно принято англійскимъ парламентомъ, но подъ этимъ онъ подразумѣваетъ Польшу цѣлую, независимую, а не связанную и подвластную Россіи.

При такихъ обстоятельствахъ болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо было затворить двери конгресса передъ французами, а за невозможностью судить о дѣлахъ по существу, стали обсуждать ихъ по формѣ. Съ этой цѣлью назначена была 22 числа конференція у Меттерниха. Начали съ текста Парижскаго трактата. Прочитали первую секретную статью: «Распредѣленіе территорій... онѣ будутъ урегулированы на конгрессѣ на осно-

¹⁾ Сравни томъ VII, стр. 349, 359, настойчивое требованіе Александра у Наполеона такой деклараціи: «Королевство Польское не будетъ никогда возстановлено». Договоръ 4 янв. 1810 г., не ратификованный Наполеономъ.

ваніяхъ, установленныхъ промежду собою союзными державами». Признали, что выраженіе: *установленныхъ промежду собою союзными державами* ясно показываетъ, что дѣло идетъ о такихъ конференціяхъ, на которыхъ Франція участвовать не должна, и что сверхъ того было бы желательнымъ, чтобы на первомъ засѣданіи Франція совѣмъ не участвовала, дабы «не дать ей высказаться за или противъ по каждому вопросу независимо отъ того, связанъ ли онъ съ ея собственнымъ интересомъ, или нѣтъ; согласно своимъ частнымъ видамъ она станетъ содѣйствовать или противодѣйствовать государямъ, и, поощренные ея примѣромъ, мелкіе германскіе князья опять примутся за свои интриги и козни, бывшія главной причиной бѣдствій послѣднихъ лѣтъ. Поэтому-то и крайне важно открыть переговоры съ французскими уполномоченными не раньше, чѣмъ этотъ вопросъ будетъ улаженъ». Но, исключая Францію, заодно приходилось исключить Испанію, Португалію и Швецію, также подписавшихъ Парижскій трактатъ. Такъ и былъ составленъ протоколъ 18 числа. Меттернихъ, Гарденбергъ, Гумбольдтъ и Нессельроде подписали это постановленіе, но Кэстльри не рѣшился согласиться съ нимъ безъ возраженія; это-то возраженіе его и открыло дорогу французамъ: «Тѣмъ не менѣе я думаю, что для соглашеній по выставленному выше вопросу необходимо допустить нестѣняемыя свободныя пренія съ двумя другими государствами какъ дружественными, а не враждебными». Эти два государства были Испанія и Франція, которыхъ Кэстльри не осмѣлился официально устранить. Что касается самого соглашения, ему было очень желательно установить единодушіе, «но, сказалъ онъ, я не согласенъ связывать себя безусловно большинствомъ голосовъ».

Четыре союзника собрались еще разъ 23 числа для установленія выраженій, въ которыхъ будутъ сдѣланы сообщенія французамъ и испанцамъ, такъ какъ о Португаліи и Швеціи уже не было больше и рѣчи. Въ результатѣ былъ подписанъ протоколъ, и въ немъ говорилось, что вопросы будутъ раздѣлены на двѣ серіи: во 1-хъ, тѣ, которые относились къ «главнымъ интересамъ Европы, включая сюда взаимныя отношенія державъ, опредѣленіе границъ и распредѣленіе временно занятыхъ и управляемыхъ союзными державами странъ», т. е. Польши, Германіи и Италіи. *Четыре союзныхъ двора* должны будутъ обсудить эти вопросы между собою и, по достиженіи соглашения, предъявить готовый трудъ представителямъ Франціи и Испаніи «и предложить имъ высказать свои мнѣнія и желанія», во 2-хъ, подготовка союзнаго договора Германіи: на это уполномочены дворы Австріи, Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга и Ганновера. Къ этому протоколу былъ приложенъ *проектъ деклараціи*, гласящій, что государства, подписавшія Парижскій трактатъ,

будутъ руководить занятіями конгресса, но не будутъ рѣшать ни одного вопроса безъ согласія державъ ¹⁾, которыя окажутся имѣющими право участвовать въ обсужденіи того или другого вопроса.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 23 сентября пріѣхалъ Таллейранъ. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли герцогъ Дальбергъ, маркизъ де ла Туръ дю Пэнъ, графъ Алексіисъ де Ноайль для участія въ официальныхъ конференціяхъ, а де Ла Бенардьеръ—для редактированія докладовъ, нотъ и протоколовъ. Кромѣ того прибыла герцогиня де Дино для улаженія жизни Таллейрана и ради ея умныхъ писемъ, обольстительности и очаровательности ея пріемовъ. Она обладала высшимъ даромъ заставлять другихъ говорить и умѣла бросать кетати, какъ бы невзначай, волнующіе и заманчивыя намеки: это была небезполезная помощница съ такими двумя утонченными въ женской дипломатіи партнерами, какъ Александръ и Меттернихъ.

Всѣ государства и pseudo-государства, съ 1789 г. разоряемыя и разорители, присоединяемыя и присоединители, секуляризуемыя и секуляризующія, требовали возвращенія своей собственности или просили о признаніи за ними правъ. Вся прежняя имперская Германія, до Мальтійскаго ордена включительно, прислала своихъ представителей и агентовъ. Собралось 216 уполномоченныхъ делегатовъ. Въ свою очередь пріѣхали и государи. Въѣздъ русскаго императора и прусскаго короля послѣдовалъ 25 сентября. Вѣнскій дворъ собралъ у себя всѣхъ бывшихъ зрителей Эрфуртскаго спектакля и гостей дрезденскаго замка, за исключеніемъ короля саксонскаго, находившагося въ плѣну въ Берлинѣ, Маріи-Луизы, которая уединилась въ Шенбруннѣ, и Наполеона, водвореннаго на островѣ Эльбѣ. Начались праздники и тянулись безъ конца. Они остались легендарными. Хроника передаетъ, что они стоили 40 милліоновъ. 27 сентября 1814 г. Нессельроде писалъ къ Поццо-ди-Борго, посланнику Александра въ Парижѣ: «Если Австрія не уступитъ по доброй волѣ, то я не знаю, до чего мы дойдемъ. Поддержка Англии и Франціи ей полезна только въ отрицательномъ смыслѣ. За насъ стоитъ Пруссія и 500,000 войска; ей останется только дѣлать намъ дружественныя представленія, и, если они не будутъ имѣть успѣха, она должна будетъ уступить». Хотя все шло по праздничному, но далеко не было проникнуто миромъ. Одинъ нѣмецкій дипломатъ, Гагернъ, сообщалъ, что, едва онъ успѣлъ 15 сентября пріѣхать, какъ уже 21-го слышалъ разговоры о войнѣ. «Были единодушны,—

¹⁾ «Три континентальные двора, повидимому, одушевлены одинаковымъ рвеніемъ не допускать Францію къ серьезному участію въ рѣшеніи вопросовъ, вытекающихъ изъ установленія мира», Донесеніе Кэстльри 24 сент. 1814 г.

прибавлялъ онъ,—только противъ французовъ, и это обстоятельство вскорѣ обратилось французамъ на пользу».

Но сначала они чувствовали себя ужасно одинокими. Таллейранъ этого ожидалъ, и ему понадобился весь его апломбъ, вся его ловкость, чтобы не споткнуться при первыхъ же столкновенияхъ, такъ сказать, рекогносцировкахъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ всего плана его дѣйствій. «Имъ гнушались, говорить Гагернъ. Часто на торжествахъ въ честь конгресса я видѣлъ его одинокимъ, заброшеннымъ, и я подходилъ къ нему, чтобы вывести его изъ неловкаго положенія или разсѣять его дурное расположеніе духа. Англичане чередовались со мною въ такой роли. Даже самый отель его мало посѣщался. Но это продолжалось недолго и вскорѣ совсѣмъ измѣнилось. Его умъ, послѣдовательность, защищаемые имъ принципы, его любезность, когда онъ хотѣлъ выказать свою любезность, преодолѣли всѣ препятствія».

Онъ встрѣтилъ замкнутыхъ въ себѣ высокопоставленныхъ гордецовъ, а со стороны второстепенныхъ встрѣтилъ недоувѣріе. Первые повторяли, что въ Парижѣ они были слишкомъ снисходительны касательно денегъ и границъ. «Я нашелъ ихъ изрядно пресыщенными наслажденіями, которыя даются великодушіемъ», говорилъ Таллейранъ. Онъ зналъ, что отъ первыхъ онъ ничего не дожидается, а потому старался сблизиться со вторыми. Для этого сначала нужно было увѣрить ихъ въ искренности намѣреній Франціи. Если бы онъ заявлялъ всюду о безкорыстїи, то вездѣ убѣдился бы, что никто ему не вѣритъ. Тамъ вѣрили только поступкамъ; тѣмъ не менѣе нужно было предрасположить къ себѣ умы, къ чему Таллейранъ и приложилъ всѣ свои старанія. Онъ понималъ, что самое больное мѣсто союзниковъ, это—тайна, въ которой *четверо* хранили отъ всего свѣта свои замыслы, и притязанія *четверыхъ* уладить всѣ дѣла между собою. Въ этомъ и заключалось звено, связующее Таллейрана со всѣми, стоящими внѣ союза *четырехъ*; онъ этимъ и воспользовался. «Я никогда не жаловался, писалъ онъ, ограничиваясь тѣмъ, что давалъ понять мое неудовольствіе министрамъ второстепенныхъ дворовъ, имѣвшихъ со мною общіе интересы. Они вспомнили о своей прежней политикѣ довѣрія къ Франціи и вскорѣ стали смотрѣть на меня какъ на свою опору»... Дѣло въ томъ, что изъ числа подписавшихъ трактатъ 30 мая и присвоившихъ себѣ право руководства конгрессомъ Таллейранъ одинъ только могъ и хотѣлъ говорить въ ихъ пользу. Они стали вѣрить ему, потому что вѣрить ему было имъ выгодно. «Одно только искреннее желаніе мира, говорилъ онъ Гагерну, даетъ силу Франціи. Она должна подать хорошій примѣръ послѣ столькихъ дурныхъ. Нужно быть хорошимъ, умѣреннымъ европейцемъ. Франція ничего не проситъ, абсолютно

ничего, за исключеніемъ поставленнаго въ предисловіи мирнаго договора, т. е. справедливаго распредѣленія силъ между государствами».

Такимъ образомъ Таллейранъ, разгадавъ игру союзниковъ, упреждалъ ихъ тѣмъ «маневромъ», который они пытались запретить ему. Впрочемъ онъ былъ освѣдомленъ. Такъ, уполномоченный Испаніи, Лабрадоръ, также не допущенный къ важнымъ дѣламъ, все же не лишенный довѣрія, и Сенъ-Марсанъ, всюду проникавшій, оба увѣдомили Таллейрана о составившемся противъ него заговорѣ. Наконецъ, по нѣкоторому замѣшательству Кэстлери Таллейрану нетрудно было догадаться, что этотъ посланникъ принялъ на себя обременительныя обязательства, заставлявшія его задуматься объ ответственности передъ парламентомъ, если ему придется исполнить ихъ. И вотъ, не теряя времени, 28 сентября, онъ выбралъ одну изъ наиболѣе обработанныхъ и подготовленныхъ къ распространенію и обнародованію страницъ изъ своихъ инструкцій и составилъ ноту, въ которой доказывалъ, что нѣтъ ничего болѣе справедливаго, какъ возстановить независимую Польшу, но что нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ учредить русскую Польшу.

Въ тотъ же день Александръ, недовольный прусскими министрами и ихъ притязаніями на линію Вислы, совѣщался съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Вслѣдствіе этой бесѣды Гарденбергъ, Нессельроде, Гумбольдтъ и Штейнъ подписали протоколъ, гласившій, что Саксонія въ цѣломъ своемъ составѣ будетъ присоединена къ Прусскому королевству съ тѣмъ условіемъ, что она, и войдя въ составъ этого королевства, сохранитъ названіе королевства Саксонскаго ¹⁾. Это была первая статья, первое условіе присоединенія къ Россіи герцогства Варшавскаго, подъ именемъ царства Польскаго. Впрочемъ, протоколъ этотъ долженъ былъ храниться въ строгой тайнѣ до тѣхъ поръ, пока русскій императоръ не найдетъ своевременнымъ вывести свои полки изъ Саксоніи и передать управленіе ею прусскому королю.

Между тѣмъ откладывать далѣе открытіе конгресса безъ объясненія причинъ и безъ новаго совѣщанія представителей державъ, подписавшихъ договоръ 30-го мая, не представлялось возможнымъ, такъ какъ открытіе это уже было объявлено и назначено на 2-е октября. 30 сентября Меттернихъ созвалъ у себя представителей *шести* державъ—Австріи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи. Это предварительное совѣщаніе должно было опредѣлить ходъ конгресса и въ частности роль въ немъ Франціи.

¹⁾ Мартенсъ, т. VII, стр. 157.

Таллейрану предстояло занять позицію, отъ которой зависѣло, ступается ли онъ, или приобрѣтетъ вліяніе на ходъ дѣлъ. И онъ роль свою провелъ мастерски. Меттернихъ сообщилъ ему протоколъ 22-го сентября. Таллейранъ спокойно прочелъ и отмѣтилъ выраженіе «союзныя державы», которое повторялось нѣсколько разъ.—«Союзныя? замѣтилъ онъ. Но противъ кого? Не противъ Наполеона же: онъ на островѣ Эльбѣ. Конечно, и не противъ французскаго короля: онъ самъ порукой прочности этого мира. Господа, будемъ-те откровенны! Если еще идетъ рѣчь о союзныхъ державахъ, то я здѣсь лишній». Ему отвѣчали, что на словъ не настаиваютъ. Видя, что эта первая вылазка произвела на нихъ нѣкоторое впечатлѣніе, Таллейранъ сдѣлался смѣлѣй и началъ дѣйствовать прямо. «А между тѣмъ, если бы меня здѣсь не было, вы сильно ощущали бы мое отсутствіе. Я здѣсь, быть можетъ, единственный человекъ, который ничего не домогается. Почетъ—вотъ все, чего я хочу для Франціи. Франція достаточно могущественна благодаря своимъ природнымъ богатствамъ, пространству, количеству и дарованію своего населенія... Повторяю, я ничего не хочу, а приношу я вамъ безконечно много. Присутствіе здѣсь министра Людовика XVIII освящаетъ принципъ, на которомъ зиждется весь социальный строй. Первая, ближайшая задача Европы — изгнать навсегда представленіе, будто бы право можетъ быть завоевано однѣми побѣдами, и вновь воскресить священный принципъ законной власти (легитимизма), который даетъ начало твердому, устойчивому порядку». Потомъ, перейдя къ проектируемой деклараціи, онъ спросилъ, когда откроются засѣданія общаго конгресса, въ которомъ по Парижскому трактату должны были принимать участіе представители всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ державъ. Онъ указываетъ, что державы, подписавшія этотъ договоръ и желающія взять на себя руководящую роль, во всякомъ случаѣ должны получить отъ другихъ державъ мандатъ. Мандатъ же можетъ быть выданъ только конгрессомъ. «Нѣкоторыя мѣропріятія, по его мнѣнію, свободно могли бы быть примѣнены министрами безъ отвѣтственности, но не лордомъ Кэстльри и не французскимъ министромъ». Кэстльри признался, что «эти соображенія приходили ему въ голову». Завязалась общая бесѣда.

Случилось, что въ этотъ же или въ одинъ изъ ближайшихъ дней заговорили о Мюратѣ. Таллейранъ отточилъ свои стрѣлы, и Меттернихъ почувствовалъ всю ихъ остроту. Представлялся случай отместки этому сопернику, котораго Таллейранъ знавалъ въ Парижѣ ничтожнымъ царедворцемъ, придворной и государственной пронырой, а теперь его встрѣтилъ въ Вѣнѣ въ роли перваго министра коалиціи, такимъ надменнымъ

и такимъ далекимъ отъ того дня, когда онъ пилъ за здоровье короля Римскаго ¹⁾ и выставлялъ свою близость съ Каролиной Мюратъ. Таллейранъ до тонкости зналъ исторію его отношеній къ этой прелестной, увлеченной своей короной, принцессѣ, благорасположеніе которой Меттернихъ такъ беззащитно выставлялъ на показъ, и съ которой онъ же потомъ поступилъ такъ вѣроломно. Таллейрану былъ извѣстенъ планъ, подготовленный съ цѣлью погубить Мюрата. Нужно вспомнить всѣ эти мелочи, всю эту подноготную, чтобы понять всю соль сцены, разыгравшейся въ этотъ день. Кто-то упомянулъ про короля неаполитанскаго, подразумеваемаго Мюрата. Лабрадоръ отозвался о немъ безо всякой пощадки, а Таллейранъ, чувствуя уже подъ собой почву, дерзнулъ бросить такую фразу: «О какомъ королѣ неаполитанскомъ говорить? Мы не знаемъ такого человекъ». Это было неслыханной дерзостью со стороны бывшаго министра Наполеона, основателя этого королевства и шурина этого короля. Въмѣстѣ съ этимъ «человекъ» онъ въ 1808 году составлялъ заговоръ противъ Наполеона ²⁾; рядомъ съ нимъ выступалъ въ столькихъ торжественныхъ шествіяхъ, хотя бы при коронованіи императора. Молчаніе, которое послѣдовало за этимъ замѣчаніемъ, доказывало, что оно было допустимо. Меттернихъ, еще такъ недавно вступавшій въ соглашеніе съ Мюратомъ, принужденъ былъ молчать, не смѣя заявить о своемъ договорѣ. Ни русскій, ни англійскій представители не согласились признать Мюрата. Только пруссакъ Гумбольдтъ, который,

¹⁾ См. т. VII, кн. V, гл. I, § 8. Въ Сенъ-Клу въ 1810 г., «когда онъ носилъ браслетъ изъ волосъ К. М., столь прекрасной въ то время». Бейль-Стендаль (H. Beyle) Бальзаку, 30 октября 1840. «Прекрасный и доброжелательный взглядъ Москва... Тотъ взглядъ Меттерниха, которымъ онъ обманулъ бы самого Бога» — Бальзакъ. Этюды о Бейлѣ. 1840. Бальзакъ зналъ Меттерниха только по наслышкѣ черезъ герцогиню д'Абронтесъ, которой Меттернихъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ: въ то время она была дважды обманута Каролиной, отнявшей у нея мужа (Жюно) и утѣшителя Меттерниха. *Fragments inédits*, записанные изъ кабинета Шпельберха де-Ловенжуля (Spoelberch de Lovenjoul). — Turquan. La duchesse d'Abrantes.

²⁾ Какъ всѣ «mots», и это острое словечко было и отточено заранее, и Таллейранъ уже испробовалъ незадолго передъ тѣмъ его дѣйствіе. 27 сентября: «Обѣдъ у Таллейрана; принцесса Изембургъ проситъ извѣстій о герцогѣ Вассано (Маре); онъ отвѣчаетъ, что онъ никогда не слышалъ о такомъ герцогѣ». *Journal de Saint-Marsan*, Риньери. То, что этотъ приемъ уже былъ когда-то употребленъ, повидимому, забыто Таллейраномъ. Въ 1803 г. по поводу протеста Людовика XVIII противъ сношеній съ первымъ консуломъ: «Первый консулъ только изъ этого заявленія узналъ о существованіи въ Варшавѣ графа де-Лиль» (т. е. Людовика XVIII — *пер.*). Нота Таллейрана, 23 августа. Boulay de la Meurthe. Corr. du duc d'Enghien. См. т. VII, стр. 280.

впрочемъ, не былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, замѣтилъ, что державы признали Мюрата и обезпечили ему его владѣнія. «Тѣ, которые ихъ обезпечили, не должны были этого дѣлать, а слѣдовательно, и не могли», объявилъ Таллейранъ. Послѣ этого отсрочили засѣданія, чтобы выработать новый проектъ деклараціи.

«Вмѣшательство Таллейрана и Лабратора совсѣмъ разстроило наши планы», пишетъ въ своемъ дневникѣ Фридрихъ Гентцъ, секретарь конгресса. «Они протестовали противъ принятой нами формы. Они отчитывали насъ въ продолженіе двухъ часовъ. Этой сцены я никогда не забуду. Князь Меттернихъ не находить, какъ это нахожу я, что положеніе ¹⁾ наше затруднительно и даже ужасно».

Съ этого времени Таллейранъ появлялся на всѣхъ конференціяхъ, занялъ опредѣленное положеніе въ Вѣнѣ, и одиночеству его наступилъ конецъ. 1-го октября, пользуясь своими преимуществами, онъ написалъ ноту, которую послалъ своимъ коллегамъ, австрійскому, испанскому, великобританскому, прусскому и русскому уполномоченнымъ. Въ ней онъ утверждалъ, что однѣ только *восемь державъ*, подписавшихъ Парижскій договоръ, могли созвать конгрессъ, что этотъ конгрессъ необходимо долженъ собраться, хотя бы только для провѣрки полномочій, а что вслѣдъ за этимъ уже можно было бы подраздѣлиться на комитеты.

Въ тотъ же день онъ явился къ императору Александру, который былъ очень раздраженъ его вчерашнимъ вмѣшательствомъ. Казалось бы, Таллейранъ долженъ былъ чувствовать себя стѣненнымъ въ присутствіи того императора, для котораго онъ въ Эрфуртѣ, да и послѣ того, измѣняя своему тогдашнему повелителю, Наполеону, въ присутствіи того самого императора, съ которымъ онъ недавно совмѣстно работалъ надъ возстановленіемъ своего теперешняго повелителя Людовика XVIII; но въ дѣйствительности это сотрудничество въ столь разнородныхъ дѣлахъ, столько общихъ тайнъ, которыя отнынѣ обоимъ важно было заставить забыть, наоборотъ ободряли его. Александръ и Таллейранъ заговорили такъ, словно они только наканунѣ познакомились въ Парижѣ при возстановленіи монархіи во Франціи, которое служило прологомъ къ возстановленію публичнаго права въ Европѣ. Между ними произошелъ вслѣдствіе этого замѣчательный діалогъ. «Поговоримъ о нашихъ дѣлахъ, сказалъ императоръ. Съ ними надо покончить здѣсь же». — «Это будетъ зависѣть отъ Вашего Величества. Они кончатся быстро и счастливо, если Вы, Ваше Величество, внесете въ нихъ то же благородство и величіе души, что и въ дѣла Франціи.» — «Но нужно, чтобы они удовлетворяли

¹⁾ Ср. Нессельроде къ Поццо, 27 сентября 1814. Половцовъ.

интересамъ cadaго». — «И правамъ cadaго». — «Я сохраню за собою то, что мною занято». — «Ваше Величество захотите сохранить за собой только то, что по закону будетъ вамъ принадлежать». — «Я дѣйствую въ согласіи съ великими державами». — «Мнѣ неизвѣстно, считаете ли Вы, Ваше Величество, Францію въ ряду великихъ державъ». — «Да, разумѣется. Но, если вы не хотите, чтобы были удовлетворены интересы cadaго, то чего же вы добиваетесь?» — «Я ставлю на первый планъ права, а потомъ уже удовлетвореніе интересовъ». — «Польза Европы — ея право». — «Этотъ языкъ, государь, не вашъ, онъ вамъ чуждъ; сердце ваше не признаетъ его». — «Нѣтъ, повторяю, польза Европы — ея право». Тогда Таллейранъ, ударившись головой объ стѣну, жалобно промолвилъ: «Европа! Европа! Несчастная Европа!» А Александръ, размахивая руками, вскричалъ: «Лучше война, чѣмъ отказаться отъ того, чѣмъ я уже владѣю!» Затѣмъ, быстро овладѣвъ собою, онъ сказалъ: «Пора на спектакль», и вышелъ. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ разгнѣванъ, но Таллейранъ знавалъ и болѣе страшные приступы и не слишкомъ тревожился. «Наше положеніе затруднительно, писалъ онъ Людовику XVIII, и можетъ ухудшиться съ каждымъ днемъ... Послы Вашего Величества могутъ встрѣтить такіа пренятствія, что будутъ вынуждены отказаться отъ всего, кромѣ надежды спасти свою честь. Но пока этого еще нѣтъ».

3-го октября было собраніе у Меттерниха, который предложилъ Таллейрану взять обратно свою ноту отъ 1-го октября. Таллейранъ отказался. Меттернихъ снова замѣтилъ, что все должно быть опредѣлено четырьмя державами. Таллейранъ возразилъ: — «Если вы подходите къ вопросу съ этой стороны, я къ вашимъ услугамъ, и на все готовъ и ничего лучшаго и не желаю». — «Какъ такъ?» — «Очень просто. Я не буду принимать участія въ вашихъ засѣданіяхъ. Я буду здѣсь только членомъ конгресса и подожду, пока онъ откроется». — Планъ союзниковъ могъ быть исполненъ только при соблюденіи его въ тайнѣ. Таллейранъ же угрожалъ разоблачить его со скандаломъ, и, если бы это было допущено, онъ превратился бы изъ полномочнаго министра побѣжденной Франціи въ защитника Европы, обманываемой, эксплуатируемой тѣми, которые взяли установить въ ней миръ и порядокъ. Несомнѣнно, что, какъ ни опасно было допускать его на засѣданія, все же лучше было, чтобы онъ былъ здѣсь съ ними, чѣмъ особнякомъ отъ нихъ; все было лучше, чѣмъ приглашеніе намѣреній союзниковъ. Итакъ, Таллейрана оставили, но съ каждымъ шагомъ онъ повышалъ тонъ. Онъ составилъ новую ноту, сообразно со своими инструкціями, въ которой сообщалось, что конгрессъ состоится и будетъ дѣйствительно открытъ ¹⁾. Онъ переговаривалъ объ этомъ съ

¹⁾ Такъ какъ возвращеніе короля разсѣяло во Франціи всѣ идеи, вызвав-

Кэстльри и убѣдился, что этотъ англичанинъ согласенъ съ формой его ноты и отчасти съ ея содержаніемъ.

Прежде чѣмъ рѣшиться расторгнуть Шомонское соглашеніе и довѣриться Франціи и, болѣе того, просить ея содѣйствія, Кэстльри и Меттернихъ исчерпали все способы убѣдить своихъ союзниковъ придти къ мирному соглашенію. 4 октября Кэстльри написалъ записку, составленную подъ очевиднымъ вліяніемъ ноты, полученной имъ 28 сентября отъ Таллейрана. Онъ высказывался за *statu quo ante* въ польскомъ вопросѣ. Можно ли предположить, говорилъ онъ, что Австрія и Пруссія заключили договоръ и вели переговоры въ Калишѣ и Рейхенбахѣ «исключительно для расширенія Россіи, да еще нарушая собственныя границы и такимъ образомъ оставляя свои столичные города въ опасности и безъ защиты». Создать изъ Польши свободную націю, независимое государство — дѣло справедливое, но отдать ее Россіи и сдѣлать изъ нея «грозное военное орудіе» невозможно, а слѣдовательно, «до тѣхъ поръ, пока Его Императорское Величество будетъ настаивать на этомъ прискорбномъ проектѣ, никакой планъ переустройства Европы не можетъ быть предложенъ, и вынѣшній конгрессъ не можетъ быть собранъ».

Между тѣмъ съ помощью величайшихъ канцелярскихъ ухищреній, недомолвокъ и натяжекъ Гентцъ выработалъ проектъ деклараціи, откладывающей открытіе конгресса до тѣхъ поръ, пока «все вопросы не будутъ разработаны настолько основательно, чтобы результаты соответствовали постановленіямъ Парижскаго трактата и справедливымъ ожиданіямъ современниковъ». Такимъ образомъ конгрессъ откладывался на 1-е ноября. 8-го октября представители шести державъ были созваны на совѣщаніе къ Меттерниху. Таллейранъ, приглашенный явиться нѣсколько ранѣе начала засѣданія, нашель, что Меттернихъ жаждетъ заставить его разговариваться и, главнымъ образомъ, проговориться, высказать какое-нибудь желаніе, по крайней мѣрѣ, дать себя втянуть въ разговоръ о вопросѣ, особенно интересующемъ его государя. Такого вопроса не было. Былъ только одинъ, да и то призрачный неаполитанскій вопросъ. Извѣстно было, что король проявлялъ нѣкоторую горячность въ желаніи развѣнчать Мюрата, чтобы возстановить своего двоюроднаго брата Фердинанда. Но надо было не знать характера Людовика XVIII, его политики и терпѣнія, чтобы считать его способнымъ пожертвовать своимъ принципомъ и притомъ именно тамъ, гдѣ этотъ принципъ долженъ былъ восторжествовать самъ собою.

Ища революцію и распространенныя ею, то можно надѣяться, что въ Европѣ перестанутъ обращать силу въ право и будутъ руководиться не выгодой, а справедливостью». Разъяснительный циркуляръ французскимъ агентамъ, 3 октября 1814 г.

Принужденный отказаться отъ легатства, Меттернихъ покинулъ бы Мюрата и постарался бы отъ него избавиться. А вѣдь возстановленіе папы въ легатствахъ было вопросомъ, связаннымъ съ возстановленіемъ короля въ Саксоніи, и прямымъ примѣненіемъ принципа легитимизма, какъ его понималъ Людовикъ XVIII. Защищая права короля саксонскаго, онъ тѣмъ самымъ защищалъ права папы. А по возстановленіи папы въ его владѣніяхъ, Мюратъ сталъ бы только помѣхой и угрозой для Австріи. Такъ и было уже въ дѣйствительности. Меттернихъ не собирался уже лишать папскій престолъ легатства; никто его къ этому не поощрялъ. Отнынѣ Мюратъ былъ принесенъ въ жертву, и вся игра Меттерниха должна была направиться къ тому, чтобы завлечь этого несчастнаго короля въ какую-нибудь западню такъ, чтобы онъ въ нее слѣпо попался. Таллейранъ зналъ объ этихъ намѣреніяхъ черезъ Сень-Марсана и другихъ итальянцевъ. Поэтому онъ и не подумалъ принять какъ услугу своему королю поступокъ, къ которому Меттернихъ будетъ принужденъ въ силу собственныхъ выгодъ.

Меттернихъ убѣдился въ этомъ послѣ первыхъ же намековъ, которые онъ сдѣлалъ объ этомъ дѣлѣ Таллейрану. Таллейранъ проявилъ готовность вступить въ соглашеніе съ Австріей относительно важныхъ вопросовъ, но, замѣтилъ онъ, вѣдь отъ него удаляются, окружаютъ себя тайною! «У меня же, добавилъ онъ, тайнъ нѣтъ, да я въ нихъ и не нуждаюсь. Это—преимущество тѣхъ, кто дѣйствуетъ только на основаніи принциповъ. Вотъ бумага и перо. Угодно вамъ написать, что Франція ничего не домогается и даже ничего не приняла бы? Я готовъ подписаться». — «Но у васъ есть неаполитанскій вопросъ, который уже все дѣло вашъ». — «Отнюдь не болѣе мой, чѣмъ чей бы то ни было. Для меня это только дѣло принципа». И, воодушевляясь, онъ объяснилъ, что онъ понимаетъ подъ «принципальными вопросами»: король изъ дома Бурбоновъ въ Неаполѣ, саксонскій король въ Дрезденѣ, удаленіе пруссаковъ изъ Саксоніи, удаленіе пруссаковъ изъ Люксембурга и Майнца, удаленіе русскихъ изъ Варшавы. Эти «принципы» совпадали съ «интересами» Австріи. Таллейранъ очень хорошо это зналъ и не удивился, когда Меттернихъ отвѣтилъ ему: «Мы гораздо менѣе далеки другъ отъ друга, чѣмъ вы думаете. Обѣщаю вамъ, что у Пруссіи не будетъ ни Люксембурга, ни Майнца. Мы не болѣе васъ желаемъ, чтобы Россія чрезмѣрно расширилась; что же касается Саксоніи, то мы сдѣлаемъ все, что будетъ отъ насъ зависѣть, чтобы сохранить хоть часть ея».

Вслѣдъ затѣмъ началось совѣщаніе. Таллейранъ принялъ проектъ Гентца и высказался за предварительныя совѣщанія передъ открытіемъ конгресса, такъ какъ теперь онъ былъ уже увѣренъ, что будетъ на нихъ

присутствовать, и вопросы уже не будут заранѣе рѣшаться *четырьмя* державами. Но онъ потребовалъ, чтобы къ фразѣ, гласящей, что открытіе конгресса послѣдуетъ 1-го ноября, были прибавлены слѣдующія слова: «Будетъ поступлено согласно *публичному праву*». Это предложеніе вызвало цѣлую бурю. Особенно страстно вознегодовали пруссаки. Гарденбергъ, очень глухой, поднялся со своего мѣста и, ударяя по столу, съ угрожающимъ видомъ, произносилъ отрывистыя слова: «Нѣтъ, господа!.. Публичное право!.. Это излишне. Это само собою разумѣется и безо всякихъ словъ». — «Если это разумѣется и безо всякихъ словъ, то тѣмъ понятнѣе это будетъ, выраженное словами», возразилъ Таллейранъ. Гумбольдтъ также кричалъ: «При чемъ тутъ публичное право?» — «Хотя бы при томъ, что благодаря ему вы здѣсь присутствуете», возразилъ Таллейранъ, который еще помнилъ, какъ въ Тильзитѣ Пруссія едва не исчезла съ карты Европы. Кэстльри отозвалъ его въ сторону и спросилъ, сдѣлается ли онъ болѣе уступчивымъ, если будетъ удовлетворенъ по этому пункту. Таллейранъ въ свою очередь спросилъ Кэстльри, на что онъ можетъ рассчитывать со стороны Англіи въ неаполитанскомъ вопросѣ, если сдѣлается болѣе сговорчивымъ. Кэстльри обѣщала ему поддержать его всѣмъ своимъ вліяніемъ: «Я поговорю объ этомъ съ Меттернихомъ. Я имѣю право сказать свое мнѣніе въ этомъ вопросѣ». — «Вы даете мнѣ въ этомъ слово?» — «Да, даю вамъ слово». Послѣ двухчасовыхъ преній поправка, наконецъ, была принята и помѣщена нѣсколькими строками выше: «Чтобы результатъ отвѣчалъ принципамъ *публичнаго права*, постановленіямъ Парижскаго трактата» и т. д.

Таллейранъ сильно шагнулъ впередъ. Онъ нащупалъ слабыя стороны союзниковъ; однако онъ не закрывалъ себѣ глазъ относительно трудности заставить другихъ вѣрить ему, Таллейрану, когда онъ станетъ распространяться о правѣ, о безкорыстїи, и относительно возможности дать преобладаніе даже самымъ справедливымъ принципамъ, если они не будутъ поддержаны силой. Вотъ почему онъ 13-го октября писалъ своему королю: «Тѣ, которые встрѣчаютъ въ насъ противорѣчіе своимъ домогательствамъ, полагаютъ, что мы не можемъ противопоставить имъ ничего, кромѣ разсужденій. Императоръ Александръ на дняхъ сказалъ: «Таллейранъ разыгрываетъ здѣсь министра Людовика XIV». Гумбольдтъ, стараясь одновременно и привлечь, и запугать саксонскаго министра Шуленбурга, сказалъ ему: «Французскій министръ выступаетъ здѣсь съ довольно благородными словами, но либо за ними кроется задняя мысль, либо ему нечѣмъ ихъ подкрѣпить. Горе тѣмъ, кто повѣритъ этимъ словамъ!» Для того, чтобы заставить умолкнуть всѣ эти толки и положить конецъ этой нерѣшительности, желательно было бы, чтобы Вы, Ваше Величество, обратясь съ

деклараціей къ своему народу и познакомивъ его съ принципами, данными намъ въ руководство, а также съ Вашимъ твердымъ рѣшеніемъ ни въ коемъ случаѣ не уклоняться отъ нихъ, только слегка намекнули, что справедливое дѣло не останется безъ поддержки». Тѣмъ временемъ Таллейранъ принялся за представителей мелкихъ государствъ. «Безразсудство царить здѣсь, говорилъ онъ Гагерну. Все сдѣлано съ величайшимъ легкомысліемъ. Ни одинъ вопросъ не подготовленъ, забываютъ, что мы уже не въ Шомонѣ. Мы ничего не добиваемся, рѣшительно ничего, ни даже какой-либо деревушки. Мы ищемъ только справедливости. И, если отъ этого отказываются, я дойду до всего, до удаленія, до протеста. Лично я не хочу Бельгіи. Знаете-ли, гдѣ моя Бельгія? Это—свобода рѣкъ, вотъ все, чего я хочу».

V.

Декларация, принятая 8-го октября, была доведена до свѣдѣнія уполномоченныхъ 13-го. И среди банкетовъ, празднествъ, блестящихъ оперныхъ и драматическихъ спектаклей снова пошла нота, контръ-ноты, меморандумы, секретныя, дружескія сообщенія и козни. Но весь ходъ дѣла задерживался польскимъ и саксонскимъ вопросами, которые прежде всего необходимо было разрѣшить. И у этого-то лабиринта шло сраженіе тайными подходами, минами и контръ-минами. Но работа эта привела только къ тому, что брешь въ коалиціи стала еще шире. И вотъ Кэстльри и Меттернихъ сообща ведутъ кампанію въ польскомъ вопросѣ, но Меттернихъ, не рѣшаясь выступить самъ, выдвигаетъ впередъ Кэстльри. Съ другой стороны пруссаки, увѣренные въ Россіи по вопросу о Саксонїи, такъ какъ 28 сентября царь связалъ себя обязательствомъ передать имъ это королевство, стараются отдѣлаться отъ обратнаго обязательства, отъ присоединенія къ Россіи герцогства Варшавскаго и, въ особенности, Познани. Они рѣшаются на тайное сообщеніе австрійцамъ и англичанамъ, въ которомъ признаютъ угрожающую опасность отъ дворенія русскихъ въ Польшѣ и пытаются дать понять, что, если имъ дадутъ Саксонію, они готовы присоединиться къ Австрїи, чтобы обуздать Россію¹⁾. Кэстльри и Меттернихъ были слишкомъ предусмотрительны, чтобы попасть въ эту западню. Подозрѣвая тайное соглашеніе между Пруссїей и Россїей, Кэстльри отвѣчалъ 11-го октября Гарденбергу, что онъ не прочь согласиться на передачу Саксонїи Пруссїи только при условїи, что Пруссїя получитъ ее не какъ вознагражденіе за прїобрѣтенія Россїи въ Польшѣ. Въ то же время Кэстльри просилъ аудіенціи у царя.

¹⁾ Гарденбергъ Меттерниху 9-го октября, сообщено 10-го Кэстльри. См. выше, стр. 195.

Но Александръ упредилъ его и посѣтилъ его самъ. Слѣдствіемъ этой бесѣды были письмо и обстоятельная записка, отправленныя Александру 12 октября, въ которыхъ Кэстльри подробнѣе развивалъ положенія своей записки отъ 4 октября. При этомъ онъ прибавлялъ: «Уполномоченные Великобританіи, Франціи, Испаніи, а вѣроятно, и другихъ великихъ и малыхъ державъ Европы смотрятъ на этотъ проектъ съ той же точки зрѣнія. Въ какомъ же печальномъ положеніи окажется Европа, если Вы, Ваше Императорское Величество, не откажетесь отъ своего проекта завладѣть герцогствомъ Варшавскимъ наперекоръ всеобщему мнѣнію». Французскіе уполномоченные пишутъ по этому поводу: «Онъ ставитъ вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ. Онъ доказываетъ, что положеніе Европы требуетъ, или чтобы была восстановлена прежняя Польша, или чтобы этотъ источникъ волненій и домогательствъ навсегда пересталъ быть предметомъ обсужденій и споровъ». Кэстльри тайно ознакомилъ французовъ со своей запиской и бесѣдой съ царемъ. Меттернихъ черезъ другихъ сталъ вывѣдывать ихъ намѣренія. Одинъ изъ его наперсниковъ сказалъ Дальбергу: «Вы напоминаете намъ собакъ, которыя отлично лаютъ, но никогда не кусаютъ. Мы же не хотимъ кусать одни». Онъ прибавилъ, что, если бы все были болѣе увѣрены во Франціи, тогда дѣйствовали бы энергичнѣе, Россія уступила бы, и Пруссія должна была бы покориться. Также пытались настроить и Баварію, какъ страну, заинтересованную въ защитѣ правъ второстепенныхъ державъ, а слѣдовательно, и въ восстановленіи Саксоніи. Меттернихъ велѣлъ узнать у маршала Вреде, склонна ли Баварія присоединиться къ Франціи и Австріи.

Таллейранъ писалъ въ Парижъ письмо за письмомъ, требуя новыхъ инструкцій, а въ особенности военной демонстраціи. Баварія вооружалась. Мелкіе нѣмецкіе владѣтели, особенно вюртембергскій и ганноверскій, обезпеченные поползновеніями пруссаковъ къ господству въ будущемъ союзѣ, объявили, что они ничего не допустятъ въ Германіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ саксонскій вопросъ. Но въ этомъ вопросѣ Кэстльри упорно стоялъ на своемъ какъ изъ недоброжелательства, общаго всѣмъ членамъ коалиціи, къ германскому владѣтелю, вѣрному Наполеону, такъ и изъ любезности къ своимъ прусскимъ коллегамъ, заодно съ которыми онъ воевалъ съ 1813 г. Онъ надѣялся, что, обнародовавши въ пространнѣхъ нотахъ свои принципиальные взгляды на Польшу, онъ оправдаетъ въ глазахъ парламента эту уступку. Таллейранъ, понимая его затрудненіе, забрасываетъ его доводами, доказывающими, до какой степени оба эти вопроса неразрывно связаны между собой. Кэстльри продолжаетъ надѣяться, что, удовлетворивъ пруссаковъ, онъ тѣмъ самымъ

отдѣлить ихъ отъ Россіи и разрѣшить такимъ образомъ польскій вопросъ безъ помощи Франціи. «По тому, какъ онъ оцѣниваетъ наши силы, пишетъ Таллейранъ своему королю 31-го октября, можно заключить, что онъ больше всего опасается Франціи. — У васъ двадцать шесть милліоновъ людей, сказалъ онъ мнѣ, мы ихъ оцѣниваемъ въ сорокъ милліоновъ». Однажды у него вырвалось: «Ахъ, если бы у васъ не имѣлось больше видовъ на лѣвый берегъ Рейна!»

Александръ выходилъ изъ терпѣнія. Его посланникъ въ Парижѣ, Поццо, вызванный въ Вѣну, сообщилъ свое впечатлѣніе, что Франція не въ силахъ дѣйствовать, что армія ея ненадежна, едва реорганизована, недостаточно многочисленна. Все слова и писанія Таллейрана оказывались такимъ образомъ только уловками и фанфаронадой. Александръ предложилъ прусскому королю привести въ исполненіе секретный договоръ 28 сентября и занять войсками Саксонію. Затѣмъ онъ велѣлъ вывѣдать мысли Таллейрана, который оказался непреклоненъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда Александръ вызвалъ его къ себѣ, надѣясь его укротить, привести въ замѣшательство или привлечь къ себѣ. Первый способъ онъ предпочиталъ, какъ болѣе лестный для своего самолюбія и болѣе соответствующій его политикѣ. Свиданіе состоялось 22-го октября. Александръ началъ его по наполеоновски: «Въ Парижѣ вы высказывались за особое царство въ Польшѣ. Какъ это случилось, что теперь вы измѣнили свое мнѣніе?» — «Мое мнѣніе, государь, все то же. Въ Парижѣ имѣлось въ виду восстановление всей Польши. Тогда, какъ и теперь, я желалъ независимости Польши. Но теперь дѣло уже не въ томъ. Вопросъ находится въ зависимости отъ такого установленія австрійскихъ и прусскихъ границъ, которое должно обезпечить безопасность этихъ государствъ». — «Имъ нечего беспокоиться. Впрочемъ, у меня въ герцогствѣ Варшавскомъ 200,000 человекъ; пусть попробуютъ меня оттуда выгнать! Я отдалъ Саксонію Пруссіи, Австрія на это согласна». — «Не знаю, согласна ли на это Австрія. Мнѣ трудно этому повѣрить: настолько это противорѣчитъ ся интересамъ. Но можетъ ли согласіе Австріи сдѣлать Пруссію собственницей того, что принадлежитъ саксонскому королю?» — «Если король саксонскій не отречется отъ престола, онъ будетъ отправленъ въ Россію, гдѣ и останется до своей смерти. Одинъ король уже умеръ въ Россіи». Послѣ этого выразительнаго намека на раздѣлъ Польши и конецъ Станислава Понятовскаго онъ прибавилъ: «Я думалъ, что Франція мнѣ кое-чѣмъ обязана. Вы все говорите о принципахъ. Ваше публичное право для меня пустой звукъ. Я не знаю, что это за право такое. Вы думаете, что для меня что нибудь значатъ ваши трактаты и старый бумажный хламъ». Насталъ моментъ чѣмъ-либо привлечь Таллейрана, и, если оста-

вался еще въ запасъ способъ искушенія, надо было использовать его. Но ни теперь, ни прежде у Александра не было намѣренія подкупить Францію уступкою земель: онъ рассчитывалъ воспользоваться ею безвозмездно, поймавъ ее на ея собственную удочку, и, такъ какъ она все питалась принципами, удовлетворить ее по этому вопросу вездѣ, только не въ Германіи. «Прусскій король, сказалъ онъ, будетъ королемъ Пруссіи и Саксоніи, какъ я буду императоромъ россійскимъ и царемъ польскимъ. Отъ степени услужливости Франціи по этимъ двумъ пунктамъ будетъ зависть и моя услужливость во всѣхъ дѣлахъ, могущихъ ее интересовать». Эта фраза была примѣнима только къ неаполитанскимъ дѣламъ. Но не такой былъ человекъ Таллейранъ, чтобы пожертвовать для какой-то призрачной уступки весьма ловко созданнымъ положеніемъ.

Онъ ушелъ, болѣе чѣмъ когда либо убѣжденный въ невозможности отдѣлить Пруссію отъ Россіи или, вѣрнѣе, разлучить прусскаго короля отъ императора Александра. Меттерниху и Кэстльри въ это самое время пришлось убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ. Въ подражаніе своему англійскому коллегѣ Меттернихъ 22-го октября отправилъ Гарденбергу ноту, въ которой объявлялъ, что согласится на предварительную оккупацию Саксоніи Пруссіей, если Пруссія соединится съ Австріей и Англійей, чтобы дать отпоръ русскимъ замысламъ на Польшу. Меттернихъ и Кэстльри могли бы, не попадая въ просакъ, исподтишка вступить въ сдѣлку съ Гарденбергомъ противъ Россіи, но необходимо было, чтобы объ этомъ ничего не зналъ прусскій король, потому что всякое малѣйшее притворство въ отношеніи къ другу его молодости, дважды спасшему его монархію, которому онъ на полѣ сраженія клялся передъ Богомъ въ вѣчной вѣрности и дружбѣ, было ему отвратительно, какъ вѣроломство. Гарденбергъ принужденъ былъ представить ему ноту Меттерниха. Не зная, что эта нота была отвѣтной, вызванной намеками его собственныхъ министровъ. Фридрихъ-Вильгельмъ въ негодованіи передалъ ее царю. Александръ только что собирался выѣхать въ Венгрію. Онъ вытребовалъ къ себѣ Меттерниха, и тутъ произошелъ разговоръ, о которомъ Таллейранъ пишетъ: «Передаютъ за достовѣрное, что онъ обращался съ этимъ министромъ съ такой надменностью и рѣзкостью, которая показала бы необычайной и по отношенію къ слугѣ». Въ довершеніе несчастья, Меттернихъ, отдѣланный такимъ образомъ всемогущимъ императоромъ за попытку спасти Саксонію, узналъ, что нѣмцы обвиняютъ его въ готовности предать это королевство изъ угодливости передъ Россіей. Онъ совсѣмъ было растерялся и заговорилъ объ отставкѣ. Что касается Кэстльри, то царь отправилъ ему 30 октября письмо, сопровождаемое меморандумомъ, составленнымъ Чарторыйскимъ, въ которомъ пунктъ за пунктомъ оспаривался англійскій меморандумъ.

Такъ дѣло затянулось до конца октября. Всѣ били тревогу, всѣ требовали открытія конгресса. Неужели столько усилій приведутъ только къ всеобщему разочарованію, къ банкротству побѣдоносной Европы, неужели снова начнется война изъ-за дѣлежа Наполеоновои добычи? Волей-неволей, чтобы занять чѣмъ-нибудь общественное мнѣніе, приходилось прибѣгать къ уловкамъ для задержки дѣлопроизводства. 30-го октября восемь представителей союзныхъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, собрались у Меттерниха. Португалія и Швеція заняли мѣста, которыя принадлежали имъ по праву, и вмѣстѣ съ Испаніей образовали резервный корпусъ, готовый поддержать Таллейрана. Меттернихъ заявилъ, что важные вопросы еще подлежатъ разработкѣ, но что пока можно приступить къ провѣркѣ полномочій представителей державъ, присутствующихъ на конгрессѣ. Комиссія, выбранная по жребію, въ которую вошли представители англійскій, прусскій и русскій, должна была заняться провѣркой полномочій. Завязался споръ о распредѣленіи занятій по комитетамъ, которыми должны были руководить выборные отъ восьми державъ. Выборные эти въ качествѣ третьихъ лицъ должны были служить въ каждомъ вопросѣ посредниками между заинтересованными державами. Дѣйствительно, невозможно было собирать конгрессъ на торжественныя публичныя засѣданія и превращать его въ дипломатическій парламентъ. Но предложить раздѣлить занятія значило поднять предварительный вопросъ о допустимости представителей короля саксонскаго и Мюрата. Поэтому продолжали тянуть дѣло, переходя отъ протокола къ протоколу, а между тѣмъ для дѣлъ, менѣе спорныхъ, мало-по-малу сформировались комитеты. Такъ составилъ комитетъ для германскихъ дѣлъ, въ которомъ участвовали Австрія, Пруссія, Баварія, Ганноверъ и Вюртембергъ, и который работалъ уже съ 14 октября. Составился также и другой комитетъ съ 14 ноября для швейцарскихъ дѣлъ изъ представителей Австріи, Пруссіи, Англии и Россіи.

Тѣмъ временемъ Таллейранъ получилъ изъ Парижа декларацію и инструкцію, о которыхъ онъ ходатайствовалъ у своего короля. Тутъ прежде всего была нота, опубликованная 22 октября въ *Moniteur*'ѣ. «Франція, говорилось въ ней, никому не завидуетъ, она стремится только къ восстановленію справедливаго равновѣсія. Она ничего не добивается и за предѣлами своихъ границъ; она не поддается никакимъ наущеніямъ, клонящимся къ утверженію порядка, основаннаго просто на господствѣ интересовъ;... и, принимая на себя снова роль, которою она нѣкогда заслужила уваженіе и признательность народовъ, она вновь хочетъ стать опорой слабымъ и защитой угнетенныхъ». Далѣе слѣдовало письмо короля, отъ 27 октября, въ которомъ одобрялись деклараціи Таллейрана. «Нужно дать по-

нять, писалъ король, что у насъ имѣется кое-что и на поддержку; я дамъ приказъ, чтобы армія была приведена въ готовность выступить въ походъ». Изъ другихъ писемъ Таллейранъ узналъ, что король совѣщался съ Веллингтономъ, англійскимъ посломъ въ Парижѣ, что они пришли къ полному соглашенію, что Веллингтонъ уже написалъ объ этомъ въ Лондонъ; что Кэстлри скоро получитъ приказъ защищать Саксонію. И въ заключеніе, дополнительными инструкціями отъ 25 октября, Людовикъ XVIII уполномачивалъ своего посла дѣйствовать заодно съ Австріей и Баваріей, открыться, въ случаѣ надобности, Кэстлри и объявить, что эти правительства «могутъ рассчитывать со стороны короля на самую активную вооруженную поддержку для противодѣйствія планамъ Россіи и Пруссіи какъ въ Польшѣ, такъ и въ Саксоніи».

Почувствовавъ поддержку, Таллейранъ перешелъ въ наступленіе и напечаталъ «Мотивированную записку о Саксоніи», помѣченную 2-мъ ноября, имѣвшую цѣлю взволновать общественное мнѣніе въ Германіи и въ Англии; въ Германіи—указаніемъ на скандалъ лишенія короля престола, на опасность этого примѣра, на угрозу усиленія Пруссіи; въ Англии—слѣдующимъ аргументомъ, который впоследствии былъ подтвержденъ исторіей: «Предлогъ, на который обыкновенно ссылаются, настаивая на присоединеніи Саксоніи къ Пруссіи, заключается въ томъ, что изъ Пруссіи слѣдуетъ сдѣлать барьеръ противъ Россіи. Но государи этихъ странъ такъ тѣсно связаны между собой, что до тѣхъ поръ, пока оба они будутъ живы, одному государству нечего бояться другого; такимъ образомъ предосторожность эта можетъ относиться только къ весьма отдаленному будущему; а что сказали бы тѣ, которые съ такой горячностью защищаютъ проектъ присоединенія, если бы, какъ свидѣтели этого будущаго, они увидѣли Пруссію, опирающуюся на Россію, чтобы расширить свою власть въ Германіи, чему они сами способствовали, Пруссію, въ свою очередь, поддерживающую Россію въ ея предпріятіяхъ противъ Оттоманской имперіи? А такое положеніе не только возможно, но и вѣроятно, потому что это въ природѣ вещей». Въ дѣйствительности это такъ и случилось, и Европа была этимъ потрясена. Дружба государей перешла отъ отцовъ къ дѣтямъ и продолжалась между Николаемъ I, братомъ Александра, зятемъ Фридриха-Вильгельма III, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и Вильгельмомъ I, сыновьями этого короля, шуровьями Николая I, и Александромъ II, ихъ племянникомъ. Дружба эта привела къ тому, что Пруссія не только осуществила, но и превзошла свои мечты 1814 года: въ 1866—1871 г. она увеличилась на цѣлую треть, поднялась до Германской Имперіи; отъ Франціи оторваны были Эльзасъ и Лотарингія. И конецъ этому союзу насталъ только въ 1878 г., послѣ русскихъ завое-

ваній на востокѣ, когда Пруссія, получивъ съ избыткомъ все, что было возможно, и не предвидя болѣе получекъ, нашла своевременнымъ порвать съ Россіей и обязать ее занять прежнее положеніе.

VI.

Все говорили о войнѣ, и Таллейранъ не только не успокаивалъ тревожныхъ слуховъ, а наоборотъ распространялъ ихъ. Никто уже не старался отдалить его отъ дѣлъ. Тогда Александръ нанесъ ударъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ положить конецъ проискамъ его противниковъ. 8 ноября Репнинъ, командовавшій русскимъ корпусомъ, занимавшимъ Саксонію, простился съ саксонцами и объявилъ имъ, что Саксонія передается верховному управленію Пруссіи «въ силу состоявшагося между Россіей и Пруссіей соглашения, къ которому примкнули и Австрія съ Англіей». 10 ноября прусскіе генералы приняли начальство. Эта новость еще не была извѣстна въ Вѣнѣ въ субботу 12 ноября, когда императоръ Александръ снова вызвалъ къ себѣ Таллейрана. Дѣло было исполнено, но требовалась еще ратификація конгресса, и императору безразлично было, дастъ ли Франція свое согласіе. И вотъ повторился прежній разговоръ, но уже въ болѣе мягкомъ, предупредительномъ тонѣ. Александръ пытался свести саксонскія дѣла на семейный вопросъ (мать Людовика XVIII была саксонкой) и внушить мысль, что Бурбоны, какъ фамилія, болѣе непосредственно заинтересованы въ другомъ вопросѣ. Въ предыдущемъ разговорѣ онъ удовольствовался однимъ намекомъ, на этотъ разъ онъ заговорилъ открыто. «Надѣюсь, что эти дѣла приведутъ къ сближенію между Франціей и Россіей, сказали онъ. Каковы на этотъ счетъ намѣренія короля?»—«Король никогда не забудетъ услугъ, которыя Вы, Ваше Величество, оказали ему...»—«Послушайте, вступимъ въ сдѣлку. Будьте угодливы мнѣ въ саксонскомъ вопросѣ, и я сдѣлаю для васъ то же въ неаполитанскомъ; я въ этомъ вопросѣ ничѣмъ не связанъ».—«Вашему Величеству очень хорошо извѣстно, что сдѣлка эта не исполнима. Между этими двумя вопросами нѣтъ ничего равноцѣннаго. Не можетъ быть, чтобы въ отношеніи Неаполя Вы, Ваше Величество, не хотѣли того же, чего хотимъ и мы».—«Если такъ, заставьте пруссаковъ возвратитъ мнѣ мое слово!»—«Вы, Ваше Величество, пользуетесь всемогущимъ вліяніемъ на короля; къ тому же Вы можете удовлетворить его.»—«Какимъ же образомъ?»—«Предоставивъ пруссакамъ нѣсколько болѣе выгодъ въ Польшѣ!»—«Странный исходъ вы мнѣ предлагаете; вы хотите, чтобы я бралъ себѣ и передавалъ другимъ».

Таллейранъ вынесъ впечатлѣніе, что царь въ душѣ сдавался, и что, если бы удалось удовлетворить пруссаковъ, не принуждая его слишкомъ

поступиться своими требованиями, онъ, изъ страха передъ всеобщей войной, пошелъ бы на мировую сдѣлку. Уже послѣ аудіенціи Таллейранъ узналъ новость о занятіи Саксоніи пруссаками и о той странной игрѣ, которую Гарденбергъ сыгралъ съ Меттернихомъ и Кэстльри. Этотъ министръ обратилъ условное предложеніе дать свое согласіе на оккупацию Саксоніи въ случаѣ, если Пруссія вступитъ въ союзъ противъ Россіи, въ безусловное, окончательное согласіе этихъ державъ, о чемъ и объявилъ официально. Таллейранъ нашелъ ихъ обоихъ въ сильнѣйшемъ раздраженіи, особенно Кэстльри; роль попавшагося въ просакъ была отнюдь не изъ гѣхъ, которую добровольно взялся бы исполнить англійскій министръ передъ своимъ парламентомъ. Но онъ не скрывалъ отъ себя, что лишь передъ абсолютной неизбежностью войны англичане уступили бы и согласились бы нарушить Шомонскій договоръ. Александръ со своей стороны сталъ очень предупредителенъ и отправилъ Чарторыйскаго къ Таллейрану, но и этотъ посоль, какъ и самъ царь, ограничивался неясными словами, и 20 ноября Таллейранъ могъ только глухо сообщить по этому поводу: «Императоръ Александръ обнаруживаетъ стремленіе сблизиться съ нами». Впрочемъ, Людовикъ XVIII и не желалъ добиться большаго¹⁾. «Я въ первый разъ вижу, писалъ онъ 26 ноября Таллейрану, что возникаютъ идеи справедливости. Русскій императоръ сдѣлалъ шагъ назадъ, а въ политикѣ, какъ и во всемъ прочемъ, первый шагъ никогда не бываетъ послѣднимъ. Тѣмъ не менѣе, императоръ ошибся бы, если бы предполагалъ, что я свяжу себя союзомъ съ нимъ (политическимъ, разумѣется). Моя система, какъ вамъ извѣстно, такова: союзъ всеобщій, отнюдь не частные; эти

¹⁾ Нѣтъ никакихъ доказательствъ, ни даже какихъ-либо основаній предполагать, что Россія и Пруссія во время вѣнскихъ переговоровъ предлагали или подали какую бы то ни было надежду на возможность увеличенія французской территоріи на лѣвомъ берегу Рейна, какъ то утверждаетъ Тьеръ, т. XVIII, стр. 639: «Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ... все бы ему предоставили, и такъ какъ на Рейнѣ существовали только интересы англичанъ и австрійцевъ (?), они бы уступили намъ на этомъ берегу все, чего бы мы пожелали... Если бы столкновеніе дошло до войны, *нѣтъ сомнѣнія*, что намъ вернули бы, *по крайней мѣрѣ*, часть лѣваго берега Рейна». «Трудно представить себѣ большую несообразность, пишетъ Литтонъ Бульверъ (Essai sur Talleyrand), чѣмъ предположеніе, что Пруссія или даже Россія согласились бы вновь водворить Францію на Рейнѣ...» Въ дѣйствительности, вышло наоборотъ, по этому вопросу никогда не было разногласій между союзниками. Этотъ пунктъ лежалъ въ основаніи всѣхъ ихъ соглашеній, начиная съ Лангра, онъ составлялъ существенную статью Шомонскаго соглашенія. Ретроспективная полемика по этому вопросу была освѣщена Альбертомъ Пэнго, Albert Pingaud: Le congrès de Vienne et la politique de Talleyrand. (Revue historique, t. LXX, mai 1899).

послѣдніе служатъ источникомъ войны; всеобщій же союзъ — гарантія мира». И только для мира, чтобы вынудить его, такъ сказать, Людовикъ XVIII вооружался и уполномочивалъ Таллейрана образовать лигу съ Австріей и Баваріей, а въ случаѣ, если удастся, и съ англичанами.

Декларация Репнина и прусскихъ генераловъ въ Саксоніи, подтверждающая всѣ опасенія, возбудила въ Вѣнѣ всеобщее негодованіе. Нѣмцы кричали, что это — гнусная узурпація, хуже наполеоновскихъ. Меттерниха и Кэстльри закидали вопросами, на которые они не могли отвѣтить, и упреками, въ которыхъ они не въ силахъ были оправдаться. Въ довершеніе тревоги изъ Варшавы получено было воззваніе великаго князя Константина Павловича къ полякамъ, въ которомъ онъ призывалъ ихъ сплотиться подъ старымъ знаменемъ Польши для защиты ихъ попираемыхъ правъ. Повсюду сыпались взаимные упреки. Шварценбергъ во всеуслышаніе заявлялъ, что, подозрѣвая онъ эти намѣренія русскихъ, онъ не отступилъ бы передъ ними и не подписалъ бы перемирія 30 января 1813 года. Наконецъ, съ тревогой стали спрашивать себя, какъ отнесется къ этимъ распрямъ, къ этому безсилію Европы узникъ на островѣ Эльбѣ, и какой неожиданный эффектъ произвело бы внезапное появленіе на сценѣ Наполеона. Англичане и австрійцы подсчитывали силы: Австрія и Германія могли выставить 350.000 человекъ; Россія и Пруссія почти столько же. Чтобы дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, необходимо было подкрѣпленіе. Таллейранъ повторялъ, что его король можетъ выставить 130.000 войска, и нельзя было не признать, что это добавленіе имѣло бы рѣшающее значеніе. Александръ жаловался на Бурбоновъ и, гуляя съ принцемъ Евгениемъ, бросалъ фразы, въ родѣ слѣдующей: «Если меня къ тому принудятъ, «чудовище» будетъ спущено противъ нихъ».

Но, давъ выходъ своему раздраженію, каждый въ глубинѣ души сознавалъ, что война была бы гибельнымъ банкротствомъ, политической и соціальной опасностью для каждой монархіи, и каждый продолжалъ угрожать другимъ войной только для виду, чтобы принудить противника уступить передъ сочетаніемъ силъ, которое на бумагѣ дѣлало борьбу слишкомъ неравной и такимъ образомъ какъ бы оправдывало уступку. Одни только прусскіе военные высокомерно и, можетъ быть, искренно бряцали оружіемъ, но ихъ дипломатія, болѣе осторожная, не отступаясь отъ своихъ требованій, начинала уже обсуждать возможность выхода. Волеяневолей надо было придти къ мирному соглашенію. Вторая половина декабря прошла во взаимномъ обмѣнѣ нотами. Между прочимъ въ одной изъ нихъ, отъ 19-го, предназначенной для публички, Таллейранъ въ прекрасной формѣ напоминалъ Меттерниху свои заявленія о безкорыстн

и, дѣлая важную уступку, заявлялъ, что, когда король саксонскій будетъ восстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ, французскій король первый предложитъ ему воспользоваться этими самыми правами, чтобы передать Пруссіи ту часть своей территоріи, которая окажется необходимой для соотвѣтственнаго восстановленія территоріи въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была до 1806 года.

Пруссаки упорно доказывали, что имъ обѣщано было не только восстановление, но и округленіе границъ; впрочемъ, прибавляли они, саксонскаго короля можно было бы перевести, и указывали на незанятые земли на лѣвомъ берегу Рейна, на городъ Боннъ въ качествѣ столицы и на рѣку Мозель какъ границу. При этомъ они, беря на себя роль авангарда, взяли бы себѣ передовой пунктъ на французской границѣ и не потому, что они дорожили имъ, а потому что, по ихъ мнѣнію, союзники, а въ особенности англичане, не сдѣлаютъ никакихъ уступокъ въ этомъ вопросѣ¹⁾. Между тѣмъ Александръ, убѣдившись, что ему не добиться присоединенія герцогства Варшавскаго цѣликомъ, что онъ вынужденъ будетъ отказаться отъ своихъ требованій къ Австріи объ уступкѣ Галиціи, встрѣчая при томъ препятствія къ осуществленію своего польскаго проекта даже со стороны самихъ русскихъ, началъ падать духомъ. Предпріятіе, неодобряемое его лучшими совѣтниками, не пользовавшееся популярностью въ его собственномъ государствѣ, отнюдь не вызывавшее энтузіазма въ Польшѣ, стоило ли это предпріятіе опасности снова начать войну, нарушить Шюмонское соглашеніе.

Онъ допускалъ теперь восстановленіе короля въ Саксоніи, съ уступкою этимъ королемъ части своихъ владѣній Пруссіи; возвращеніе Пруссіи Познани съ условіемъ, чтобы она за соотвѣтственное вознагражденіе, какъ въ Саксоніи такъ и въ Германіи, отказалась отъ своей части при раздѣлѣ Польши въ 1795 году, т. е. отъ Варшавы. Австрія и Англія выказывали готовность вступить въ соглашеніе на такомъ основаніи и приступили къ обсужденію вопроса о количествѣ жителей, величинѣ территорій и о границахъ. Но, такъ какъ пруссаки оспаривали правильность оцѣнки, Кэстльри задумалъ учредить статистическую комиссію. Только *четыре державы* должны были участвовать въ ней. Однако же онъ счелъ на всякій случай полезнымъ предупредить объ этомъ Таллейрана. Таллейранъ не возражалъ и далъ свое согласіе, словно просили его совѣта и съ такимъ видомъ, какъ будто бы по неоспоримому праву французъ долженъ былъ засѣдать въ этой комиссіи; затѣмъ

¹⁾ Меттернихъ Гарденбергу, 10-го декабря 1814 г. — Гарденбергъ Александру, 16-го декабря; Меттерниху, 2-го и 16-го декабря. См. Онкена, т. II гл. IX; гл. IV и V: восстановленіе Пруссіи. — Albert Pingaud, p. 44 et 45.

онъ замѣтилъ, что лучше сперва сговориться тремъ державамъ: Англіи, Франціи и Австріи о признаніи правъ саксонскаго короля. Кэстльри ушелъ отъ Таллейрана въ глубокомъ смущеніи: онъ не осмѣлился сказать ему, что французы были исключены изъ комиссіи. Онъ доложилъ объ этомъ представителямъ *четыре* державъ. Пруссаки и слышать не хотѣли о Таллейранѣ. Ни Меттернихъ, ни Кэстльри не имѣли мужества признаться, что они уже сдѣлали дружеское сообщеніе французскому послу, и на Чарльза Стьюарта было возложено малопріятное порученіе извѣстить Таллейрана, что онъ исключенъ изъ комиссіи. Это значило спустя три мѣсяца снова вызвать сцену 30 сентября.

Таллейранъ и мысли не допускалъ, что можно сомнѣваться въ допущеніи французскаго уполномоченнаго. — «Этому противятся», признался ему Стьюартъ. — «Кто противится?» — «Не братъ мой (Кэстльри)» — «Такъ кто же?» Стьюартъ колебался и, наконецъ, заикаясь, пробормоталъ: «Это... *союзники*». При этомъ словѣ Таллейранъ потерялъ терпѣніе. Онъ указалъ, какого отношенія къ дѣлу Европа могла ожидать отъ англійскаго посла; какъ поведеніе Кэстльри съ самаго начала переговоровъ уклонялось отъ этихъ требованій, напоминалъ, что оно не останется безызвѣстнымъ, будетъ въ Англіи осуждено, и Кэстльри почувствуетъ его послѣдствія. Таллейранъ жаловался на угодливость обоихъ англичанъ къ Пруссіи и кончилъ заявленіемъ: «Если навсегда хотятъ остаться при Шюмонскомъ соглашеніи, продолжать коалицію, Франція принуждена будетъ удалиться съ конгресса»; что ни одного дня онъ не останется въ Вѣнѣ, если уполномоченный короля не будетъ приглашенъ въ комиссію. Стьюартъ передалъ этотъ *ультиматумъ* представителямъ *четыре* державъ, и, несмотря на протестъ Пруссіи, французъ былъ приглашенъ.

Это было 23 декабря. Вечеромъ Таллейранъ и Меттернихъ условились относительно хода и сущности работы. Таллейранъ предлагалъ, чтобы оцѣнка сравниваемыхъ территорій производилась въ связи съ ихъ населеніемъ, и чтобы народонаселеніе оцѣнивалось «не просто по количеству, но также и по качеству». «Вѣдь польскій крестьянинъ, говорилъ онъ, безъ капиталовъ, безъ земли, безъ промышленности не можетъ быть поставленъ на одну доску съ жителемъ лѣваго берега Рейна или наиболѣе плодородныхъ или самыхъ богатыхъ странъ Германіи». Меттернихъ согласился съ этимъ предложеніемъ, изложилъ на бумагѣ эти выводы высшей политической антропологии въ формѣ инструкции, и комиссія состоялась 24 декабря. Дальбергъ представлялъ въ ней Францію.

Комиссія засѣдала 24, 25 и 28 декабря. Но ей предстояло только, такъ сказать, распутать матеріалъ. Распредѣленіе же населенія и земли.

подготавливалось особо на сторонѣ, при чемъ союзники еще разъ пытались разрѣшить все вчетверомъ въ большой тайнѣ, въ совѣщаніяхъ, которыя тянулись 29 и 30 декабря. 29-го Гарденбергъ предложилъ перевести саксонскаго короля на лѣвый берегъ Рейна, гдѣ бы ему предложили уже не Боннъ, а часть бывшей Трирской архіепископской епархіи и Люксембургъ. Гарденбергъ требовалъ для своего короля всей Саксоніи цѣликомъ. 30-го Разумовскій отъ имени царя доложилъ собранію сводный проектъ соглашения: Пруссія получить вновь Познань и всю Саксонію; король саксонскій будетъ переведенъ на Рейнъ, у него будутъ Триръ, Боннъ и Люксембургъ; русскій императоръ возьметъ остальную часть герцогства Варшавскаго, какъ государство, объединенное съ Россіей, оставляя за собою право дать ему независимую конституцію и раздвинуть его границы въ сторону Россіи по своему усмотрѣнію. Рѣшеніе было отложено на 2-е января.

1-го января 1815 года Кастльри получилъ извѣстіе, которое рѣзко измѣняло положеніе вещей. Между Англіей и Соединенными Штатами былъ заключенъ миръ. Отнынѣ Англія свободно располагала всѣми своими силами; и принцъ-регентъ оказывался всецѣло согласнымъ съ французскимъ королемъ въ дѣлахъ Германіи. Получивъ больше свободы, Кастльри проявилъ больше энергіи. Къ тому же соперничество и страхъ передъ Франціей также приняты были при этомъ въ соображеніе. Мысль перевести саксонскаго короля на Рейнъ безпокоила англичанъ. «По этому проекту, писалъ лордъ Ливерпуль, король саксонскій будетъ, вѣроятно, креатурой Франціи и, слѣдовательно, будетъ болѣе расположенъ способствовать видамъ французскаго правительства на Нидерланды, чѣмъ противодействовать имъ...» Отнынѣ притязанія пруссаковъ оказывались въ глазахъ англичанъ неприемлемыми, а сами пруссаки нахалами. Что же касается русскихъ, то мнѣніе Кастльри было уже составлено, и онъ открылся по этому поводу Таллейрану. «Русскіе, сказалъ онъ ему 2 января, изъявляютъ притязанія предписывать намъ законы, но Англія ни отъ кого не принимаетъ законовъ». На этомъ основаніи Таллейранъ подалъ мысль о тройственномъ соглашеніи. Кастльри такъ воодушевился, что предложилъ изложить свои мысли о такомъ соглашеніи и представилъ свои предположенія на слѣдующій день 3 января. Они были предложены Меттерниху, и вечеромъ секретный договоръ былъ подписанъ Франціей, Австріей и Англіей.

Три державы обязывались дѣйствовать сообща «съ величайшимъ безкорыстіемъ», чтобы заставить исполнить Парижскій трактатъ; въ случаѣ, если бы они не добились этого мирнымъ путемъ, они обязывались выставить для защиты той изъ державъ, которая подвергнется нападе-

нію, армію въ 150.000 человекъ каждая. Баваріи, Голландіи, Ганноверу и Сардиніи предлагалось присоединиться къ этому соглашенію.

Это было торжество Таллейрана: онъ писалъ королю: «Коалиція уничтожена... Франція уже не одинока въ Европѣ... Вы, Ваше Величество, идете заодно съ двумя наиболѣе могущественными державами, съ тремя второстепенными, а вскорѣ и со всѣми государствами, которыя не слѣдуютъ революціоннымъ правиламъ и принципамъ. Вы будете главой и душой этого союза, образованнаго для защиты принциповъ, которые Вы первый провозгласили».

Это была политика въ полномъ смыслѣ слова. И многіе изъ тѣхъ, которые во время реставраціи такъ сильно критиковали ее, а впоследствии ожесточенно упрекали за нее Людовика XVIII и Таллейрана, тѣмъ не менѣе не отказывали въ одобреніи самой идеи, какъ соответствующей традиціонной политикѣ Франціи, вмѣняли ее въ честь июльскому правительству и сожалѣли какъ объ ущербѣ интересамъ Франціи, когда эта мысль была оставлена при второй имперіи¹⁾. Въ этомъ ея оправданіе.

Договоръ этотъ произвелъ немедленно свое дѣйствіе. Единодушная рѣчь Австріи, Великобританіи и Франціи указывала на ихъ взаимное согласіе, и имъ незачѣмъ было прибѣгать къ угрозамъ, чтобы дѣйствовать убедительно. Пруссаки все еще упорствовали: они рѣшительно требовали Лейпцига, желая расположиться въ самомъ сердцѣ старой Германіи; спорили о цифрахъ и границахъ, но съ 5-го января Кастльри могъ уже написать, что всякая опасность войны миновала. Онъ былъ вызванъ въ Лондонъ открывшейся сессіей парламента, и для него было весьма важно принести извѣстіе о всеобщемъ мирѣ и о согласіи хотя бы по суще-

¹⁾ Сравните критическія замѣчанія Тьера, т. XVIII, стр. 433, 436, 633, 640 (франц. изд.), изданныя въ 1860 году, со его знаменитой рѣчью 3-го мая 1866 г.: «Я долженъ указать вамъ, въ чемъ право было возмутительнымъ образомъ поправо. Есть двѣ державы, союзъ которыхъ уже вполне проченъ, неизмѣненъ и никѣмъ не можетъ быть расторгнутъ: это — союзъ Пруссіи и Россіи. При такомъ положеніи дѣла, какая держава всего важнѣе для Франціи? Это — Австрія... Онъ обращаетъ вниманіе на пруссаковъ, которые «хотятъ воспользоваться германской точкой зрѣнія», чтобы пересоздать имперію; онъ съ презрѣніемъ отвергаетъ для Франціи возможность поддерживать эту политику «за плату». Это — повтореніе доводовъ мнѣнія Таллейрана. См. выше стр. 326: «Le Memoire sur la Saxe». Бисмаркъ какъ человекъ дѣйствія высказывалъ по этому поводу болѣе правильное сужденіе, чѣмъ Тьеръ. «Я еще въ Версали опасался, какъ бы при дерзкой свѣлости, выказанной уже Таллейраномъ въ Вьнѣ, причастность Франціи къ лондонскимъ совѣщаніямъ не послужила къ тому, чтобы навязать общей, заранее подготовленной программѣ обсужденій франко-германскій вопросъ». Mémoires, t. II, p. 273, 274.

ственнымъ вопросамъ. Александръ со времени заключенія сдѣлки, когда все сводилось уже къ простымъ спорамъ о границахъ, спѣшилъ покончить съ этимъ вопросомъ ¹⁾.

Въ общемъ, не касаясь подробностей исполненія, въ теченіе февраля были приняты слѣдующія положенія: саксонскій король, возстановленный на своемъ наследственномъ престолѣ, отказывается отъ герцогства Варшавскаго и уступаетъ часть своего королевства Пруссіи; Австрія снова получаетъ провинціи восточной Галиціи, отошедшія въ 1809 году къ герцогству Варшавскому, и отказывается отъ западной Галиціи, которой владѣла съ 1795 до 1809 года. Пруссія отказывается отъ той части Польши, которая въ 1807 г. послужила для учрежденія герцогства Варшавскаго, исключая тѣ территоріи, которыя подъ именемъ великаго герцогства Познанскаго послужатъ для устройства сообщенія старой Пруссіи съ Силезіей. Возстановленіе Пруссіи довершится присоединеніемъ къ ней шведской ²⁾ Помераніи, части Саксоніи, территорій на правомъ берегу Рейна, остатковъ Вестфальскаго королевства, а также Кельна, Бонна и Трира на лѣвомъ берегу Рейна, подъ именемъ Рейнской провинціи. Пруссія и Австрія признаютъ учрежденіе Царства Польскаго, царемъ котораго будетъ русскій императоръ, и которое будетъ пользоваться особымъ управленіемъ. Краковъ признается свободнымъ, нейтральнымъ городомъ. Эти сдѣлки послужили предметомъ особыхъ сепаратныхъ договоровъ между Австріей и Россіей, Россіей и Пруссіей, Австріей и Россіей, Саксоніей и Пруссіей ³⁾.

Такое соглашеніе далеко не удовлетворяло пруссаковъ. Въмѣсто того, чтобы создать изъ Пруссіи, какъ они того желали, наиболѣе сплоченное и наиболѣе нѣмецкое изъ всѣхъ государствъ въ Германіи, отдавъ имъ Лейпцигъ и Дрезденъ, союзники какъ бы оставили прусскія владѣнія висѣть на воздухѣ, разорвавъ ихъ на двѣ разобщенныя части, отдѣленныя соперничающими съ Пруссіей государствами, недовѣряющими ей, которыя, по всей вѣроятности, въ случаѣ войны оказались бы и прямо враждебными, какъ, на примѣръ, Ганноверъ; и, наконецъ, Пруссіи угрожала

¹⁾ Таллейранъ встрѣтилъ немало препятствій, но испытанная осторожность, съ которой онъ защищалъ дѣло, довѣренное его таланту, дала результатъ, который, по моему мнѣнію, слѣдуетъ признать при данныхъ условіяхъ весьма счастливымъ». Поццо Жокору, 7-го февраля 1815 г. Половцовъ.

²⁾ Вильскій договоръ, 14-го февраля 1814 г.: Данія уступаетъ Норвегію Швеціи и получаетъ шведскую Померанію и о. Рюгенъ; договоръ 4-го іюня 1815 г. Пруссія беретъ себѣ шведскую Померанію и Рюгенъ, уступаетъ Даніи Лауенбургъ и платитъ ей 2.600.000 талеровъ.

³⁾ 3, 18, 22 мая 1815. Окончательный актъ конгресса, 9 іюня 1815: пункты съ 1 по 26.

на французской границѣ опасность первой подвергнуться удару со стороны Франціи, быть застигнутой врасплохъ и даже быть завоеванной въ томъ случаѣ, если бы карта Европы была измѣнена въ пользу Франціи. Въмѣсто лютеранской, хотя и сильно анти-прусской Саксоніи, которая со временемъ, благодаря общности нравовъ и интересовъ, безъ сомнѣнія, ассимилировалась бы съ Пруссіей, пруссакамъ навязали рейнцевъ-католиковъ съ болѣе пылкимъ воображеніемъ, болѣе подвижныхъ, испытавшихъ на себѣ французское управленіе, дорожившихъ сводомъ гражданскихъ законовъ (Code civil), рейнцевъ, у которыхъ Франція оставила живыя и сильныя воспоминанія. Рейнцы эти тѣмъ болѣе тяготѣли къ Франціи, что новое французское правительство, сохраняя гражданскіе законы (Code civile), обеспечивая права пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, покровительствовало католической церкви и проводило политику мира. Такимъ образомъ оно давало имъ преимущества, которыя уже при консульствѣ привлекли ихъ къ Франціи, и освобождало ихъ отъ тяготъ, оттолкнувшихъ ихъ отъ нея къ концу имперіи.

На эту сторону дѣла во Франціи совсѣмъ не обращали вниманія. Тамъ видѣли только Пруссію, враждебную и задорную, поставленную англичанами въ авангардѣ коалиціи, чтобы зорко слѣдить за Германіей и Нидерландами. Таллейрана много упрекали за то, что онъ не поддержалъ предложенія перевести саксонскаго короля на Рейнъ. Но помимо того, что при такихъ условіяхъ пришлось бы пренебречь принципомъ, составившимъ всю силу, всю сущность политики Людовика XVIII, помимо неудобства сплотить Пруссію въ центрѣ Германіи, упустили изъ виду еще и то обстоятельство, что съ утвержденіемъ саксонскаго короля на Рейнѣ, Франція должна была бы навсегда отказаться отъ видовъ на эти земли. Она очутилась бы въ такомъ же положеніи относительно этого государя, своего ставленника, какъ и относительно Баваріи. Не могла же она въ одно и то же время проводить въ Германіи политику поддержки второстепенныхъ государствъ, а на Рейнѣ дѣйствовать съ задней мыслью обобрать эти самыя государства. Наконецъ, католику, саксонскому королю было бы столь же легко ассимилировать единовѣрцевъ рейнцевъ, насколько трудно это было сдѣлать Пруссіи. Франція безконечно болѣе угрожала Пруссіи въ этомъ краѣ, чѣмъ Пруссія Франціи. «Нѣтъ ничего проще и естественнѣй, отвѣчалъ Таллейранъ, когда на него нападали за это дѣло, какъ отнять у Пруссіи уступленные ей провинціи, тогда какъ, если бы онѣ были отданы саксонскому королю какъ возмѣщеніе за его прежнія владѣнія, было бы и слишкомъ затруднительно, да и жестоко лишить его этихъ земель».

VII.

«За неаполитанское дѣло примутся теперь горячо», писалъ Поццо ¹⁾). Вопросъ этотъ разрѣшался самъ собой въ силу вещей, въ силу характера самого короля, получившаго Неаполитанское королевство изъ рукъ Наполеона и заявлявшаго притязанія пережить имперію, интересы которой были единственнымъ основаніемъ для существованія въ Европѣ этого королевства. «Ваше Величество, писалъ Таллейранъ 28 декабря 1814 г., могли усмотрѣть изъ посланныхъ мною документовъ, что я не теряю изъ виду неаполитанскаго вопроса и не забываю также, что *Кароагенъ долженъ быть уничтоженъ*, но не съ этого надо начинать». Таллейранъ ясно предвидѣлъ, что, когда французы вслѣдствіе повсемѣстной реставраціи, будутъ изгнаны изъ Италіи, Австрія окажется заинтересованной въ томъ, чтобы уничтожить очагъ революціи, которымъ несомнѣнно стала бы Неаполь при Мюратѣ, и въ томъ, чтобы замѣнить этого всегда ненадежнаго союзника всегда покорнымъ Бурбономъ, ищущимъ поддержки.

При этомъ двойномъ предательствѣ Меттернихъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе передъ Таллейраномъ. Онъ слишкомъ опасался ироніи своего коллеги, чтобы признаться ему въ своей тайнѣ. Не сумѣвъ продать Мюрата послу Людовика XVIII, онъ попытался, по крайней мѣрѣ, заставить смотрѣть на свою измѣну случайному союзнику, какъ на заслугу передъ французскимъ королемъ. Съ такой цѣлью устроена была довольно темная сдѣлка, завязавшаяся въ Парижѣ, близъ короля, между Бомбеллемъ, посланнымъ Меттерниха, Блакасомъ, довѣреннымъ Людовика XVIII, и Веллингтономъ, преслѣдовавшимъ въ Мюратѣ послѣдняго намѣстника Наполеона и желавшимъ съ помощью неаполитанскихъ Бурбоновъ добиться для Англіи морской станціи на Средиземномъ морѣ. Веллингтонъ прибылъ въ Вѣну 3 февраля, чтобы замѣнить Кастльри, который уѣхалъ 14-го. Онъ заявилъ, что Франція, въ случаѣ необходимости, будетъ въ состояніи принудить Мюрата покинуть Неаполь и возстановить тамъ Фердинанда, что Англія поддержитъ въ этомъ случаѣ Францію, при условіи, чтобы Франція способствовала ей въ вопросѣ о торговлѣ неграми. На это Таллейранъ во всеуслышаніе заявилъ, что Франція, поддерживаемая Испаніей, и одна исполнитъ эту операцію, если Австрія найдетъ для себя неудобнымъ вмѣшаться въ дѣло. По январскому договору 1814 г. Австрія обязана была защищать Мюрата. Мюратъ, требуя исполненія этого обѣ-

¹⁾ Къ Жокуру 14 февраля 1815 г. — О перипетіяхъ неаполитанскаго вопроса, у Бьянки, о донесеніяхъ Кюссаляви у Риньери.

щанія, просилъ пропуска для своихъ войскъ, посылаемыхъ имъ навстрѣчу войскамъ Людовика XVIII ¹⁾). Меттернихъ одинаково стремился и уклониться отъ исполненія этого обязательства и удалить французовъ изъ Италіи. Онъ форменно заявилъ Таллейрану, что Австрія разсматривала бы вступленіе французовъ въ Италію какъ поводъ къ войнѣ ²⁾; но на другой же день объявилъ Кампо-Кіаро, посланному Мюрата, что это заявленіе должно его вполне удовлетворить, и что вслѣдствіе этого у Мюрата нѣтъ никакого основанія вооружаться; что онъ этимъ бесполезно волнуетъ Италію, и что всякое движеніе неаполитанской арміи за предѣлы своего королевства будетъ разсматриваться какъ разрывъ союза и наступленіе на Австрію ³⁾). Этотъ артистъ-интриганъ основательно рассчиталъ, что, такъ какъ Франція не разоружится, Мюратъ выступитъ во что бы то ни стало какъ Франція не разоружится, Мюратъ выступитъ во что бы то ни стало и этимъ отчаяннымъ шагомъ освободитъ Австрію отъ ея обязательствъ и дастъ ей поводъ самой возстановить Фердинанда. Обстоятельства сложились такъ, что помогли расчету Меттерниха болѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать.

Союзъ съ Австріей тяготилъ Мюрата. Будучи увѣренъ, что союзъ этотъ не дастъ ему ни пяди иапскихъ владѣній, и что въ Италіи, возстановленной Вѣнскимъ конгрессомъ, его королевство окажется безсмыслицей, онъ рѣшилъ порвать съ Австріей по тѣмъ же соображеніямъ, которые нѣкогда побудили его измѣнить Наполеону. Онъ мечталъ поднять Италію противъ Австріи, стать національнымъ государемъ, освободителемъ страны, затѣмъ, узнавъ, что Наполеонъ задумалъ бѣжать съ о. Эльбы, боясь, что въ наказаніе онъ будетъ изгнанъ императоромъ изъ Неаполя, онъ пожелалъ заранѣе обезпечить себя, сдѣлаться необходимымъ и этимъ ускорилъ развязку событій. Его переписка съ Наполеономъ была перехвачена, и копія съ нея доставлена въ Парижъ. Блакасъ передалъ эти документы Веллингтону, который 4-го марта сообщилъ о нихъ въ Вѣнѣ. Меттернихъ почувствовалъ, что у него гора свалилась съ плечъ, и Мюратъ былъ окончательно осужденъ. День спустя, онъ погибъ.

¹⁾ Записка отъ 25-го января 1815 г., доставленная въ Вѣну 23 февраля. Bianchi.

²⁾ Записка отъ 25 февраля 1815.

³⁾ Записка отъ 26 февраля: «Гибель Мюрата рѣшена». Донесеніе Гонсальви 25 февраля 1815. Ривьери.

ГЛАВА II.

Окончательный акт въ Вѣнѣ. 1815 г.

I.

Наполеонъ томился на островѣ Эльбѣ ¹⁾. Предпріятіе, соблазнявшее его еще въ Фонтенебло, на которое онъ тогда не отважился, въ чемъ теперь глубоко раскаивался, снова искушало его ²⁾. Сюда присоединилось воспоминаніе о триумфальномъ возвращеніи изъ Египта. Какъ только онъ пришелъ въ себя послѣ перваго удрученія, въ немъ сталъ воскресать игрокъ и вѣра въ свою звѣзду, разжигавшіе въ немъ жажду вновь начать игру, ту отчаянную игру, при которой онъ все ставилъ на карту и такъ часто выигрывалъ. Обстоятельства побуждали его вырваться изъ своего изгнанія, какъ нѣкогда побуждали объявить войну. Въ Вѣнѣ конгрессъ былъ въ высшемъ напряженіи. участники его, казалось, готовы были дойти до рукопашной схватки; въ Италіи Мюратъ волновался, снова переходилъ къ своему императору, предлагалъ поднять весь полуостровъ; наконецъ, изъ Франціи прибывали письма и развѣдчики, говорившіе о всеобщемъ недовольствѣ, о быстромъ одряхлѣніи реставраціи, о перемѣнѣ общественнаго мнѣнія въ пользу имперіи, о томъ, что пораженія и непріятельское вторженіе забыты, и что, наоборотъ, при сравненіи съ новымъ образомъ правленія воскресаютъ вновь воспоминанія объ утраченномъ величій и мечты о консульствѣ, какъ нѣкогда его популярность возникла изъ сравненія съ Директоріей. Нуженъ былъ предлогъ. Наполеонъ нашелъ его въ отказѣ выплачивать ему пенсію, въ угрозахъ сослать его, заточить и даже убить, въ заговорахъ Брюслара, явившихся послѣдствіемъ заговора Мобрейля ³⁾.

¹⁾ Объ общемъ ходѣ событій и, главнымъ образомъ, о войнѣ: Henry Houssaye, *Les Cent jours. Waterloo*.

²⁾ Въ минуту отъѣзда онъ еще говорилъ австрійцу Коллеру: — «Я скажу войскамъ: «Солдаты! Я не ѣду... Отреченіе мое недействительно... Я составлю ядро изъ 30.000 человекъ, увеличу его, и у меня будетъ грозная армія». Донесеніе Шувалова, 21 апрѣля 1814.

³⁾ По этому вопросу см. Henry Houssaye: кн. II, гл. I и въ особенности стр. 174—175.—«Брюсларъ, одинъ изъ наиболее страстныхъ участниковъ возмущенія шуановъ, былъ назначенъ комендантомъ Корсики. Я видѣлъ Брюслара почти въ минуту его отъѣзда. Онъ только что простился съ королевскимъ семействомъ, и герцогъ Беррійскій сказалъ ему: «Не найдете ли вы способа прикончить его?» Barante, *Souvenirs*, t. I, p. 120.—Ср. Fournier, *Napoleon*, t. III, p. 224.—Одной изъ цѣлей отказа въ пенсіи было заставить Наполеона распу-

Онъ уѣхалъ. 2-го марта онъ вступилъ на французскую землю. Простонародье Прованса, десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ готовое растерзать его, привѣтствовало его криками: Долой звать! долой духовенство! Это былъ крикъ объединенія. Старые солдаты снова появляются въ строю, и народъ, сотворившій это чудо, стекается, чтобы поклониться своему кумиру ¹⁾. За него нація, за него армія, и Наполеонъ идетъ на Парижъ среди разукрашенныхъ трехцвѣтными флагами деревень. Правительство пытается сопротивляться. Королевская гвардія, мушкетеры машутъ своими султанами, наряжаются въ свои красивые новые мундиры, оттачиваютъ свои сабли, надѣваютъ шпоры. Маршалы исполняютъ церемонію раздачи знаменъ: положивъ одну руку на сердце, а другою размахивая мечомъ, они исполняютъ всѣ обряды политической литургіи. Но, если кто нибудь изъ начальниковъ пытается выступить въ походъ, войска отказываются слѣдовать за нимъ. Кто не разбѣгается, передается Наполеону. Это—Лейпцигъ въ обратномъ смыслѣ. Ней, обѣщавшій привести Наполеона въ клѣткѣ ²⁾, приближается къ нему съ поднятой рукой, чтобы арестовать его; но, увидѣвъ трехцвѣтное знамя, мѣховыя шапки гренадеръ, маленькую шляпу и сѣрый сюртукъ, онъ, рыдая, бросается въ объятія императора ³⁾. Солдатъ душой, онъ снова почувствовалъ себя сыномъ народа и революціи. Головокружительный водоворотъ событій захватилъ его до умопомраченія. Шесть мѣсяцевъ спустя онъ умеръ душевнобольной. Между тѣмъ передъ ними все разсѣивается, разступается, бѣжитъ. Король отрекается отъ престола и мчится въ своей коляскѣ, окруженный тѣмъ славнымъ дворомъ, который въ одиннадцать мѣсяцевъ разжегъ больше ненависти въ арміи, бросилъ больше гнѣвныхъ вызововъ подъ небомъ Франціи, чѣмъ эмигранты за границей въ продолженіе 23 лѣтъ.

«Они допустили мое появленіе, какъ допустили ихъ удаленіе!» сказалъ Наполеонъ. Онъ не обманывался на этотъ счетъ. Это уже не было

стить гвардію, что предало бы его беззащитнымъ въ руки убійцъ и полиціи. Pallain: *Lettre de Talleyrand au roi*, 13 октября 1814 г. и примѣч. стр. 42: «Проявляется довольно опредѣленное намѣреніе удалить Наполеона съ о. Эльбы. Я предложилъ Азорскіе острова».

¹⁾ «Франція признаетъ его, онъ, какъ священная кукушка, перелетаетъ съ колокольни на колокольню. Вся Франція кричитъ: Да здравствуетъ императоръ. Онъ вновь овладѣлъ своею дорогой Франціей и собралъ своихъ старыхъ солдатъ. Ему стоило только сказать два слова: Вотъ и я! Это—одно изъ величайшихъ чудесъ, ниспосланныхъ Богомъ! Овладевалъ ли кто-либо имперіей, какъ онъ, только показавъ свою шляпу?» Бальзакъ, *Le Napoléon du peuple*.

²⁾ Клѣтка донъ Кихота. Кн. IV, гл. XLVI.

³⁾ Henri Welschinger: *Le maréchal Ney*. См. мой этюдъ: *Le procès de Ney, Nouveaux essais d'histoire et de critique*.

возвращеніе изъ Египта, не та это была Франція, не та Европа, не тотъ Бонапартъ. Тогда открывались безграничные, лучезарные горизонты, теперь горизонтъ былъ омраченъ тучами. Революція не начиналась, она продолжалась. Въ 1799 году она продолжалась противъ Директоріи, въ 1815 году противъ Бурбоновъ. Наполеонъ поглощалъ ея силы въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Теперь онъ былъ не болѣе, какъ временный ярлыкъ революціи.

«Государь, сказалъ ему Моле, привѣтствуя его вечеромъ 20 марта въ Тюильри, никто, кромѣ Вашего Величества, не способенъ творить такихъ чудесъ». — «Мнѣ стоило только показаться, отвѣчалъ Наполеонъ, чтобы имѣть успѣхъ; они надѣлали такъ много ошибокъ, такъ возстали противъ себя и націю, и армію, что всѣ войска, высланныя противъ меня, перешли ко мнѣ, и, если бы я пожелалъ, я прибылъ бы въ Парижъ съ 70,000 вооруженныхъ крестьянъ. Не вѣрьте въ мнимый заговоръ... Какое мнѣніе составили вы себѣ о королѣ?» спросилъ онъ. — «Государь!.. онъ далъ поводъ считать себя добрымъ, справедливымъ, не лишеннымъ ни тонкости, ни мужества». — «Да, это Людовикъ XVI, менѣе искренній, болѣе умный. Но... какъ онъ допустилъ надѣлать столько ошибокъ?.. Всего болѣе меня удивила по возвращеніи во Францію эта ненависть къ духовенству и знати, столь же всеобщая и сильная, какъ и при началѣ революціи... Они вновь подняли вопросы, которые уже были рѣшены. Я застаю опять возродившимися всѣ партіи, всѣ страсти; они вернули либеральнымъ идеямъ начала революціи всю прежнюю силу, которую онѣ уже утратили. Поэтому я по приѣздѣ обѣщала дать конституцію, болѣе либеральную, чѣмъ хартія Бурбоновъ, и относительно которой прежде всего будетъ опрошена вся нація».

Но, хотя народъ, казалось, отдавался всей душой, хотя большинство французовъ, повидимому, подчинилось, все-таки монархисты не сдавались. Приходилось заново начинать всю работу государственной полиціи консульства; справиться съ вожаками, переловить шуановъ; обуздывать Вандею и въ то же время сходитьса съ якобинцами, старыми революціонерами; наконецъ, зорко слѣдить за партией, о которой говорили все время, которая не выступала нигдѣ и скрывалась вездѣ, — партией безъ вождя, но съ легиономъ приверженцевъ, вербующихъ соучастниковъ среди вождей всѣхъ другихъ партій — за партией орлеанистовъ ¹⁾. На эту работу былъ годенъ только одинъ человекъ; и онъ самъ навязывался. Это былъ Фуше ²⁾. Наполеонъ снова принялъ его, какъ нѣкогда въ 1814 году при-

¹⁾ См. донесеніе Поццо, Брюссель, 17 апрѣля 1815. Половцовъ.

²⁾ Madelin, *Fouché*, ch. XXIV.

нялъ Таллейрана въ совѣтъ регентства, лстя себя надеждой скомпрометировать его, обуздать, заставить дѣйствовать открыто, оставивъ свои подземные ходы. Имѣя въ виду будущую конституцію, онъ ввелъ въ свое министерство все, что оставалось вѣрнаго республикѣ, и все, что было такъ или иначе оскорблено реставраціей: Коленкура онъ поставилъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, Фуше — полиціи, Декре — морского, Моляна — финансовъ, Камбасереса — юстиціи.

Послѣ этого онъ принялся за дѣла Европы, пытаясь опять начать съять раздоры и воспользоваться тѣми изъ нихъ, которые, какъ ему передавали, достигли въ Вѣнѣ наибольшей остроты и напряженности. Однакоже онъ не создавалъ себѣ большихъ иллюзій. По возвращеніи въ Парижъ онъ прежде всего отдалъ приказъ объ усиленномъ вооруженіи. «Я скажу вамъ откровенно все, что думаю, сказалъ онъ Даву. Я далъ и долженъ подавать поводъ думать, что дѣйствую заодно съ моимъ тестемъ, императоромъ австрійскимъ. Вездѣ объявлено, что императрица съ Римскимъ королемъ въ дорогѣ, что она ожидается съ минуты на минуту. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго нѣтъ, я одинъ передъ лицомъ Европы. Вотъ каково мое положеніе». Тѣмъ не менѣе, онъ всѣми возможными способами пытался завязать сношенія, стараясь хотя бы оттянуть время. Коленкуръ пробовалъ возобновить ходъ дѣлъ съ того момента, на которомъ они были прерваны въ Шатильонѣ. Была минута, когда Наполеонъ могъ думать, что въ рукахъ у него крупный козырь. Покидая послѣднюю министерство иностранныхъ дѣлъ, Рейнгардъ и Жокуръ забыли тамъ договоръ 3-го января. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ велѣлъ задержать въ Парижѣ иностранныхъ уполномоченныхъ, требовавшихъ паспортовъ. Коленкуръ воспользовался этимъ, чтобы показать договоръ русскому повѣренному въ дѣлахъ, Бутягину, и передать Венсену, австрійскому посланнику, письмо Наполеона къ Маріи-Луизѣ.

Надо было поссорить Александра съ Меттернихомъ и Таллейраномъ, а съ другой стороны, можетъ быть, охладить Франца II. Коленкуръ видѣлся съ Венсеномъ у m-me Суза и съ Бутягинимъ у m-me Кошеле. Венсенъ взялъ письмо, Бутягинъ прочелъ договоръ. Венсенъ не произнесъ ни слова. Въ отвѣтъ Бутягина также не было ничего обнадеживающаго. «Какъ бы ни велико было справедливое неудовольствіе моего государя противъ французскаго короля, когда онъ узнаетъ о существованіи этого договора, я не смѣю обольщать себя надеждой, что оно можетъ повлечь за собою хотя бы малѣйшее измѣненіе въ его намѣреніяхъ». Тогда Наполеонъ обратился съ письмомъ къ государямъ, требуя и обѣщая миръ, провозглашая «священную борьбу за благоденствіе народовъ» ¹⁾.

¹⁾ 14 апрѣля 1815. Циркуляръ Коленкура. 30-го марта 1815.

Онъ самъ въ это слишкомъ мало вѣрилъ, чтобы надѣяться заставить вѣрить другихъ. 5-го апрѣля государственный совѣтъ принялъ рѣшеніе, имѣвшее характеръ настоящаго манифеста: «Чего добивается Наполеонъ? Того же, чего хочетъ весь французскій народъ: независимости Франціи, мира внутри, мира со всѣми народами, исполненія Парижскаго трактата 30 мая 1814 г. Ничего не измѣнилось!...» Вотъ до чего дошелъ Наполеонъ: онъ провозглашалъ и гарантировалъ договоръ 30 мая, т. е., произведеніе реставраціи. Если бы политика Людовика XVIII и Таллейрана нуждалась въ подтвержденіи, она нашла бы это подтвержденіе: Наполеонъ принужденъ былъ сохранить тотъ же самый языкъ и заявить о томъ же самомъ безкорыстїи.

II.

Въ ночь съ 6-го на 7-е марта Меттернихъ былъ извѣщенъ, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы ¹⁾. Это вызвало всеобщій ужасъ, тотчасъ же смѣнившійся яростью. Александръ, недавно въ раздраженіи противъ Таллейрана и Людовика XVIII грозившій снустить съ цѣли «чудовище», теперь только и говорилъ объ уничтоженіи его. Онъ воскликнулъ, «что дѣло это касается лично его, что онъ заслужилъ упрекъ въ неосторожности, что онъ долженъ очиститься отъ этой вины (оставленія Наполеона на островѣ Эльбѣ), и что онъ отдастъ на эту войну, возрождающуюся по его винѣ, своего послѣдняго солдата и свой послѣдній грошъ». Пруссаки, почувявъ поводъ къ мести болѣе полной, чѣмъ въ 1814 году, и къ завоеваніямъ, ускользнувшимъ отъ нихъ тогда, разжигали ярость своего союзника. Становилось ясно, какой химерой была бы попытка французомъ отдѣлить Пруссію отъ Россіи и перейти на сторону Александра съ затаенной мыслью, что Россія доставитъ Франціи часть Германіи или Бельгіи. Одна угроза возобновленія властолюбивыхъ притязаній со стороны Франціи, одна мысль, что Парижскій трактатъ могъ бы быть оставленъ подъ вопросомъ, сближала союзниковъ и дѣлала Шомонское соглашеніе болѣе прочнымъ, чѣмъ когда-либо. 13 марта восемь державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, объявили, что *Буонапарте* нарушилъ «единственное условіе, съ которымъ связано было его существованіе». Они поставили его «внѣ всякихъ соціальныхъ и гражданскихъ отношеній» и предали его общественному возмездію («à la vindicte publique»). Это было то же *внѣ закона* конвента и *внѣ закона* Брюмера, но въ переводѣ на монархическій языкъ. Одновременно съ этимъ они обѣщали француз-

¹⁾ Мемуары Меттерниха, т. I, стр. 205.—Дневникъ Сенъ Марсана, 7 марта.—Донесеніе Консалви, 8 марта 1815. Риньери.

скому королю и народу свою поддержку противъ узурпатора. Таллейранъ подписалъ это соглашеніе, дѣлавшее Людовика XVIII союзникомъ Европы противъ Наполеона.

Вскорѣ стало извѣстно, что Франція съ восторгомъ привѣтствовала высадку Наполеона, что слѣдованіе его къ Парижу по народному энтузіазму, по крайней мѣрѣ, напоминало его триумфальное возвращеніе изъ Египта въ 1799 г.; что войска отпадали отъ короля, что Франція отказывалась отъ Бурбоновъ, что Людовикъ XVIII принужденъ былъ бѣжать. Такимъ образомъ сама Франція разрывала Парижскій трактатъ. Союзники не сомнѣвались, что французы, признавъ Наполеона, захотятъ съ нимъ или черезъ него возстановить Францію въ границахъ Республики, въ ея естественныхъ границахъ, всегда священныхъ въ ихъ воображеніи; въ предѣлахъ, которые въ глазахъ народа были единственнымъ условіемъ славнаго и прочнаго мира. «Нѣтъ сомнѣнія, что солдаты и даже рекруты сбѣжались бы, если бы пришлось вновь утверждаться на Рейнѣ или занять Бельгію», писалъ временно исправляющій должность министра иностранныхъ дѣлъ, Жюкуръ. Союзники на этотъ счетъ не заблуждались. Для нихъ главная гарантія мира была въ Людовикѣ XVIII, въ его монархіи и хартии. Но, когда возстановленная монархія показала свое безсиліе привязать къ себѣ народъ и управлять имъ, и когда французы проявили свое полное отвращеніе къ этой монархіи, союзники очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ были до паденія Наполеона. Но сюда присоединялось еще разочарованіе отъ неудавшагося дѣла, сожалѣніе о томъ, что союзники проявили слишкомъ большую умѣренность относительно французомъ, и твердое желаніе оградить себя на будущее время отъ воинственнаго духа и революціоннаго настроенія этой націи.

25 марта *четыре* державы торжественно возобновили Шомонское соглашеніе, дабы «соблюдать» Парижскій трактатъ, притомъ съ угрожающимъ добавленіемъ: «съ цѣлью пополнить положенія этого трактата». Напрасно Наполеонъ пытался осуществить политику, отъ которой отказался Людовикъ XVIII, навлекши на себя нареканія—а именно, вновь завязать сношенія съ Россіей, разъединивъ ее съ Англіей и Австріей. Обнаруженіе договора 3 января не произвело впечатлѣнія: договоръ этотъ представлялъ уже только мертвую букву. Александръ, не любившій Меттерниха, выказывалъ ему нѣкоторое нерасположеніе, тѣмъ не менѣе это не помѣшало ему войти съ нимъ въ соглашеніе по всѣмъ пунктамъ. Противъ англичанъ ¹⁾ Александръ не имѣлъ или, по крайней мѣрѣ, не

¹⁾ «Я льщу себя надеждой, что это не произведетъ непріятнаго впечатлѣнія на русскаго императора послѣ всего, что онъ видѣлъ въ теченіе продолжительнаго времени. Въ общемъ дѣло это было вызвано разногласіями, ко-

проявлялъ никакого неудовольствія. Онъ велѣлъ даже написать Кэстльри письмо совѣтъ въ духѣ 1813 года. Что же касается Таллейрана и Бурбоновъ и негодующаго вида, который Александръ принималъ по поводу договора, подписаннаго ими вмѣстѣ съ Австріей и Англійей, хотя въ то же время безъ труда и пропалъ это двумъ послѣднимъ державамъ, то дѣло заключалось въ томъ, что ему важно было имѣть явный поводъ для неудовольствія противъ Таллейрана и побужденіе, чтобы имѣть возможность отказаться отъ участія во вторичной реставраціи Бурбоновъ.

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ, бѣгство Людовика XVIII въ Гентъ сразу опрокинули замысловатую и тонкую постройку Таллейрана. Вся эта постройка зиждилась на реставраціи, на принципѣ легитимизма, во имя котораго она была совершена, на провозглашеніи этого принципа союзниками, на отождествленіи его съ интересами Франціи, на необходимости для союзниковъ поддерживать возстановленную монархію, на гарантіяхъ мира, которыя эта монархія въ собственныхъ же интересахъ обѣщала въ своихъ постоянныхъ заявленіяхъ имъ о безкорыстіи. Возвращеніе Наполеона снова бросало Европу въ политику силы и случая. «Принципы», по справедливому опредѣленію Таллейрана, признавались союзниками лишь постольку, поскольку эти принципы ни въ чемъ не противорѣчили ихъ выгодамъ; они уже оказывались лишь абстрактной формулой безъ политической цѣнности. Снова возвращались къ основному положенію Александра, т. е., къ точкѣ зрѣнія всей старой дипломатіи: «Польза Европы—ея право». Союзники дали это жестоко почувствовать послу Людовика XVIII. Личина, которую Таллейранъ на себя надѣлъ, и роль, которую онъ разыгрывалъ, были слишкомъ искусственны. Сила его была въ силѣ фактовъ; искусство его заключалось въ умѣнни понять факты и заставить ихъ служить себѣ. Когда же не стало у него поддержки этихъ фактовъ, личина упала съ него; остался только человѣкъ необыкновеннаго анломба, чрезвычайной ловкости, но изблщенный фактами, сбитый въ своихъ расчетахъ, невыносимый и пенавидимый. Онъ уже не разыгрывалъ министра Людовика XIV. Онъ былъ не выше министра Іакова II. Тщетно бился онъ въ безвыходномъ положеніи; испытывая всѣ двусмысленныя средства, онъ старался заставить союзниковъ объявить, что цѣль

которыя теперь уже улажены». Кэстльри Веллингтону, Лондонъ, 29 марта 1815 г.— Александръ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы противопоставить «умѣренность, постоянство и справедливость принциповъ» своей политикѣ «слабости, легкомыслію и честолюбію, господствующимъ въ собраніяхъ государей». Онъ ограничился этой колкостью. Нессельроде къ Поццо, 3 мая 1815. Поццовъ. Объясненіе Веллингтона и согласіе: Поццо къ Нессельроде. Брюссель, 23 мая 1815 г. Тамъ же.

войны—реставрація Бурбоновъ; пытался заставить ихъ уважать границы, признанныя за Франціей Парижскимъ трактатомъ; чтобы добиться этого, онъ втерся въ коалицію, ввелъ туда Людовика XVIII и примкнулъ къ возобновленному Шомонскому договору¹⁾, надѣясь, что такимъ образомъ союзникамъ будетъ весьма затруднительно обобрать государя, дѣйствовавшего заодно съ ними. Но это былъ король, лишенный престола, обратившійся въ бѣгство, король безъ арміи, безъ популярности. Это былъ «президентъ» 1795 года, возвратившійся въ свое изгнаніе, и всякій оставлялъ за собою право обращаться съ нимъ сообразно со своими интересами, или какъ съ кліентомъ, или какъ съ опальнымъ. Таллейрану же оставалось только изобразить отвратительное зрѣлище (впрочемъ корректное съ точки зрѣнія династіи, законности и стараго публичнаго права Европы)—зрѣлище французскаго посла, подписывающаго именемъ короля Франціи деклараціи и акты, направленные противъ Франціи и французской арміи.

Въ 1814 г. у союзниковъ происходили крупныя и продолжительныя разногласія по поводу установленія формы правленія во Франціи. За исключеніемъ англичанъ, они скорѣе терпѣли реставрацію, чѣмъ содѣйствовали ей. Въ 1815 г. эти разногласія возобновились.

Англійскіе дипломаты, Кэстльри, задержанный въ Лондонѣ, Кленкарти, замѣнявшій его въ Вѣнѣ, и Веллингтонъ, собиравшійся вернуться съ конгресса къ арміи, какъ и прежде, были увѣрены, что возстановленіе Людовика XVIII въ 1815 г., какъ и въ 1814 г., служить единственною серьезной гарантіей прочности Парижскаго трактата. Они полагали, что всякая другая комбинація сдѣлаетъ неизбежнымъ быть наготовѣ къ войнѣ и «вооруженіе, разорительное для всей Европы»²⁾. Но, какъ и въ 1814 году, они принуждены были официально молчать; какъ и въ 1813 и 1814 г., ихъ парламентъ противился войнѣ, имѣвшей цѣлью вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи. Онъ желалъ изгнанія «Бонапарта» и приобрѣтенія болѣе дѣйствительныхъ гарантій: деньгами, землей или крѣпостями. Министры опасались даже, какъ бы причастность Таллейрана къ договору 25 марта, закрѣплявшему Шомонское соглашеніе, не подняла бури. Наполеонъ, созданный революціей, сохранялъ еще нѣкоторыхъ приверженцевъ среди виговъ, дѣйствовавшихъ особнякомъ въ своей партіи. Милослюбивое предложеніе Витбрета (Whithbread) было 3-го апрѣля³⁾ отвергнуто въ палатѣ общинъ 220 голосами противъ 27; палата одобрила объявленное регентомъ вооруженіе. Стало очевиднымъ, что Англія

¹⁾ Нота 27 марта 1815. Angeberg.

²⁾ Веллингтонъ Меттерниху, 20 мая 1815.

³⁾ То же самое предложеніе, также отвергнутое 28 апрѣля 1815 г.

совсѣмъ не желаетъ вводить себя въ расходы для Бурбоновъ. 8-го Кэстльри писалъ Кланкарти: «Вы оцѣните, насколько важно съ парламентской точки зрѣнія, чтобы нельзя было сказать, что Людовикъ XVIII, нашъ союзникъ противъ Бонапарта, сдѣлался членомъ коалиціи для своей собственной реставраціи. Его величество не можетъ требовать, чтобы мы чувствовали сильнѣе, чѣмъ чувствуемъ теперь, всю важность реставраціи. Мы употребимъ все усилія, чтобы война привела къ этому результату, но мы не можемъ сдѣлать изъ этого условія *sine qua non*». Официально Англія держалась въ сторонѣ. Кэстльри подтвердилъ это, отпавляя ратификацію договора 25-го марта. «Не нужно думать, что Его Величество, король англійскій, обязывается этимъ къ войнѣ, съ цѣлью навязать Франціи то или другое правительство»¹⁾.

Въ Австріи кой-кто втайнѣ опять начинаетъ мечтать о неудавшейся въ 1814 г. комбинаціи регентства съ Наполеономъ II²⁾. «Когда подумаешь, писалъ Гентцъ, до какой высоты Австрія могла бы подняться, откровенно защищая интересы сына Наполеона, невольно изумляешься, а потомство будетъ еще болѣе изумляться, что подобное рѣшеніе не только не разсматривается въ настоящее время даже какъ вѣроятный шансъ, но едва допускается, какъ возможный. Но мы слишкомъ далеко зашли въ противоположномъ направленіи, слишкомъ привыкли жертвовать своими собственными интересами изъ страха скомпрометировать себя передъ нашими союзниками!... Императоръ никогда бы на это не согласился... и потому Австрія присоединится къ Англіи и душой и тѣломъ отдастся дѣлу возстановленія Бурбоновъ».

Австрія оставалась сдержанно благожелательной. Пруссія же проявляла шумную, неистовую враждебность не только къ самому Бонапарту, но и ко всему, что могло дать поводъ падить его. Еще въ 1814 г. нѣмецкіе политики требовали гарантій,—по крайней мѣрѣ, большой контрибуціи—противъ новаго возмущенія Франціи. Событія, по ихъ мнѣнію, оправдали это требованіе. Во всей Германіи добровольцы, только что распущенные, вновь стали сбѣгаться подъ знамена. Помимо рушившейся великой мечты объ объединенной могущественной Германіи вновь всплывала старая заболоченная имперія, распродаваемая на рынкѣ дипломатіей. И вотъ горечь небывшихся надеждъ обращается въ бѣшенство противъ общаго врага, наследственнаго врага. Теперь уже Германія разъярилась не противъ личности Наполеона, а противъ самой Франціи. Уже съ самою Франціею хотятъ покончить нѣмецкіе патриоты. «Потрясеніе Франціи, пишетъ Штейнъ своей

¹⁾ Декларация 25 апрѣля 1814 г.

²⁾ Гентцъ къ государямъ, 19 іюля 1815.—Поццо Александру, 7 октября 1815 г.

женѣ, есть слѣдствіе глубокаго разложенія націи, увлеченной местию и грабительствомъ. предпочитающей правленіе тирана законному правленію благочестиваго и умнаго короля, націи, повсюду съ энтузіазмомъ встрѣчающей этого тирана и съ радостью готовящейся къ завоеваніямъ и грабежу». Неужели Германія на вѣки осуждена этими безпокойными и легкомысленными авантюристами не знать ни покоя, ни прочнаго счастья въ работѣ у своего очага, ни высокаго и чистаго творчества духа! *) Гагернъ, представитель герцогства Нассаускаго и Оранскаго дома, отказался подписать договоръ 25 марта, тѣ статьи, которыми какъ бы гарантировался договоръ 30 мая. «Мятежная Франція готовитъ свои силы, чтобы отнять у насъ наши провинціи. Наши силы подымутся для тѣхъ же цѣлей. У насъ плохія границы, онѣ должны быть исправлены».

Они разомъ возвращаются къ 1792 году, ко временамъ антверпенской конференціи²⁾. Воскресаетъ прежній языкъ и прежнія комбинаціи. Пруссаки, Гарденбергъ, Гумбольдтъ и все ихъ приближенные, только и думаютъ, какъ бы вынудить тѣ милліоны, которые были у нихъ исторгнуты въ 1814 г., и какъ бы урѣзать границы. Они не намѣрены связывать себя обязательствами относительно какого бы то ни было французскаго правительства, а тѣмъ болѣе относительно правительства, которое такъ неосторожно попалили въ Парижѣ за его мнимый «принципъ», и которое только что показало истинное значеніе своихъ правъ! Однакоже они не обнаруживаютъ этихъ мстительныхъ замысловъ, прикрываясь вкрадчивой декларацией, въ которой заявляютъ, что французы будутъ вольны избрать себѣ правительство, какого сами пожелаютъ, лишь бы оно обезпечивало Европѣ миръ, они же предпочитаютъ предварительно получить это обезпеченіе деньгами или землями.

Александръ потерялъ терпѣніе съ Бурбонами. Его предубѣжденіе противъ нихъ, проявившееся въ 1814 г., теперь дошло до отвращенія, говорили даже, до омерзѣнія³⁾. Эта легитимная монархія со своими, нигдѣ не записанными, основными законами, неуловимымъ салическимъ закономъ, муромазаніемъ и Святымъ Духомъ всегда приводила въ раздраженіе этого монарха. Самое выраженіе «легитимизмъ» въ престолонаслѣдованіи уже дѣйствовало на него раздражающимъ образомъ, какъ дерзость, какъ недостаточное уваженіе къ его коронѣ. Въ этомъ вопросѣ его самолюбіе болѣе, чѣмъ когда либо, шло рука объ руку съ его интересами. Впрочемъ онъ говорилъ тѣмъ же языкомъ, что и въ 1804 г., когда онъ замышлялъ свой грандіозный планъ переустройства Европы подѣ гегемо-

¹⁾ 18 марта 1815 г.—Pertz, Treitschke, Oucken.

²⁾ См. т. III, стр. 282.

³⁾ Гентцъ. Письмо 19 іюля 1815 г.

ней Россіи. Въ 1814 г. онъ уже проводилъ этотъ планъ, теперь предстояло завершить его. «Необходимо, писалъ онъ, чтобы правленіе во Франціи было монархическимъ. Кабинеты придуть къ соглашенію относительно лица и семьи, которую можно будетъ призвать къ царствованію во Франціи. Если это будутъ Бурбоны, то слѣдуетъ рѣшить, на которомъ изъ нихъ остановиться... какого образа дѣйствія отъ него требовать... какія условія ему ставить...»¹⁾ Король, возведенный такимъ образомъ на престолъ, былъ бы веѣмъ обязанъ Александру и уже не пытался бы, подобно Людовику XVIII, обращаться съ наследникомъ Екатерины съ высоты династіи Гуго Капета. Король Франціи былъ бы немногимъ меньше короля Пруссіи. Онъ велъ бы свое начало только отъ 1815 г., отъ большинства голосовъ, и все монархическое обаяніе перешло бы отъ покровительствуемаго къ покровителю, изъ Парижа въ Петербургъ, къ новому Карлу Великому. Царю нужна была монархія, менѣе гордая своимъ происхожденіемъ, отдающаяся въ его распоряженіе, и монархъ, болѣе популярный во Франціи и въ то же время болѣе зависимый отъ Россіи. Онъ возвращался къ плебисциту, при чемъ народъ, разумѣется, долженъ былъ вогировать черезъ своихъ делегатовъ просѣянныхъ и подготовленныхъ²⁾. Что же касается кандидатуры Бернадотта, то онъ, оказавшись побитымъ при первыхъ же попыткахъ, уже не шелъ въ счетъ. Благосклонность переходила къ Орлеанамъ, къ Луи Филиппу и трехцвѣтному знамени, т. е., по выраженію того времени, къ среднему между Людовикомъ XVIII и Наполеономъ II.

III.

Планъ этотъ представленъ былъ Александру въ самой привлекательной формѣ посланіями человѣка, который послѣ удаленія со сцены сбившагося съ пути и побитаго Таллейрана слылъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ Вѣнѣ и Гентѣ, какъ въ отелѣ Людовика XVIII, такъ и въ Тюльрийскомъ дворцѣ Наполеона за единственнаго человѣка, знающаго Францію, способнаго держать ее въ рукахъ и необходимаго при неизбежной близкой революціи. Этотъ человѣкъ былъ Фуше. Въ мартѣ 1814 г. Фуше отсутствовалъ. Его не было въ этотъ критическій моментъ, и интриги завязались безъ него. Таллейранъ былъ творцомъ и главнымъ благодѣтельствованнымъ лицомъ реставраціи, и вотъ онъ привелъ Бурбоновъ къ изгнанію, Францію къ имперіи, Европу къ войнѣ! Теперь все приходи-

¹⁾ Ср. т. VI, стр. 319.—Мемуаръ русскаго кабинета, 1815. Переписка Поццо ди Борго, т. I, стр. 128, 134, 169.—Кланкарти Кэстльри, 11—15 апрѣля 1815 г.

²⁾ См. выше, стр. 204, 220, 224, 241, 256, 267.

лось начинать сызнова. И вотъ для Фуше наступилъ часъ, котораго онъ ждалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Наступило время работать на широкомъ поприщѣ, проявить свои способности, показать, какого государственнаго человѣка, какого дипломата Робеспьеръ и Наполеонъ не сумѣли распознать въ немъ. Замѣтимъ прежде всего, что, если Наполеонъ не отдѣлялъ своей личности отъ революціи, а Людовикъ XVIII отъ легитимнаго престолонаслѣдія, то и Фуше мысленно отождествлялъ исторію Франціи со своей особой, со своимъ честолюбіемъ, положеніемъ, имуществомъ и будущимъ. Этотъ бывшій сторожъ въ школѣ ораторійцевъ считалъ себя крупной міровой величиной; свою карьеру, прочность своего положенія онъ возвелъ на степень публичнаго права, равносильнаго въ его глазахъ праву народовъ и государей. Какая партія восторжествуетъ? Этого онъ не зналъ, но, какова бы она ни была, кто бы ни царствовалъ, будь то Наполеонъ II, Луи Филиппъ, или даже Людовикъ XVIII, онъ твердо намѣренъ былъ сдѣлаться необходимымъ министромъ.

Въ апрѣльскія недѣли 1815 г. этотъ человѣкъ съ превосходнымъ чутьемъ былъ всюду: онъ раскидывалъ свои сѣти, закидывалъ удочки, умножалъ число своихъ развѣдчиковъ, повсюду разсыпалъ своего рода комми-воажеровъ съ хорошими ушами и вкрадчивыми словами, на обязанности которыхъ лежало расхваливать фѣрму, заводить связи, прислушиваться къ спросу, чтобы тѣмъ вѣрнѣе опредѣлить предложеніе¹⁾. Наполеонъ взялъ его въ министры для борьбы съ Бурбонами; въ Гентѣ наиболѣе вѣрные его въ министры для борьбы съ Бурбонами; въ Вѣнѣ Александръ ждалъ отъ него указанія имени, которое, по его мнѣнію, должно было выйти изъ избирательныхъ урнъ. Дѣйствуя одновременно со всѣми и противъ всѣхъ, этотъ удивительный мастеръ интригъ и закулисной работы все же обнаруживалъ въ своихъ дѣйствіяхъ ту смѣсь несоединимыхъ идей, которая помѣшала ему выработать изъ себя типъ государственнаго человѣка, созданнаго его воображеніемъ. Тѣмъ не менѣе въ запутанной сѣти парижскихъ интригъ и козней Фуше наблюдатель можетъ замѣтить своего рода излюбленную нить. Склониться на сторону Римскаго короля значило встрѣтиться вновь съ Бонапартами, Иосифомъ, Люсьеномъ и съ Меттернихомъ, изъ за кулисъ приводящимъ въ движеніе своихъ маріонетокъ. На пути Людовика XVIII были эшафоты, царубійство. Съ Луи-Филиппомъ все примиралось, не исключая и 21 января, которое закрупляло союзъ, смущало соперниковъ и связывало всѣ интересы.

¹⁾ Pasquier, *Mémoires*, t. III, VIII et IX.—Henry Houssaye, кн. III, гл. V.—Henry Welschinger, *Le roi de Rome*, ch. VIII.—Madelin, *Fouché*, ch. XXV.

²⁾ Chateaubriand, *Mémoires*, t. III.—Barante, t. II, p. 134.

Имя Орлеановъ было на устахъ у всѣхъ осторожныхъ, проницательныхъ политиковъ, способныхъ заглянуть въ будущее ¹⁾. Это было то сѣмя, которое должно было созрѣть къ 1830 г. Намѣчались идеи и люди: и тѣ, которые сѣяли, и тѣ, которые пожнутъ. Уже вырисовывался тотъ день, которому предстояло какъ бы соединить въ одной общей федераціи фруктидоръ и брюмеръ, 10 августа и 20 марта, Таллейрана, священнодѣйствующаго, какъ и въ 1790 г., старѣйшинъ, сенатъ, пэровъ 1814 г., пэровъ Ста дней и всѣхъ маршаловъ, исключая изгнаннаго герцога Рагузекаго, разстрѣяннаго Нея, исключая, наконецъ, Фуше, но по единственной причинѣ, его преждевременной смерти. Одинъ штрихъ рисуется актеромъ этой исторической эпохи и освѣщаетъ смыслъ всей игры.

Паскье, очень активный дѣятель возстановленія монархіи въ 1814 г., не чувствовалъ себя вполне безопаснымъ по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Онъ примирялся съ изгнаніемъ въ свое имѣніе, но опасался Венсенскаго замка. Онъ умѣлъ сохранить между своими прежними товарищами по императорской службѣ вѣрныхъ и преданныхъ друзей. Онъ посѣтилъ ихъ. Оказалось, что Коленкуръ считалъ неизбѣжнымъ вторичное вторженіе союзниковъ во Францію и только отъ Бурбоновъ ждалъ спасенія. Ла-Валетъ высказывалъ мнѣніе, напоминавшее рѣчи Шампаньи къ д'Антрегу въ 1802 г. Онъ разсказалъ, что участвовалъ въ заговорѣ противъ Людовика XVIII, но отнюдь не въ пользу Наполеона: «Мы выбрали бы себѣ государя, который получилъ бы корону какъ отъ Франціи, такъ и отъ иноземныхъ державъ.—«Но откуда бы вы добыли такого государя?»—Какъ знать, быть можетъ, это былъ бы герцогъ Орлеанскій, если бы онъ захотѣлъ быть смысленнымъ и благоразумнымъ. Ужъ онъ-то по необходимости былъ бы искреннимъ конституціоналистомъ, и я не думаю, чтобы онъ могъ внушить опасенія Европѣ». Паскье, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ эту умную рѣчь, которую не мѣшало и запомнить, по счелъ ее и весьма преждевременной. Онъ продолжалъ свой обходъ и явился къ Фуше. Диалогъ, завязавшійся между ними, нельзя не признать чудомъ дипломатическаго такта. Рѣдко политическая игра велась такой искусной и вѣрной рукой, рѣдко такими легкими ударами достигались столь тонкіе эффекты. Казалось, ничего не было задѣто, а между тѣмъ каждый удар попадалъ прямо или рикошетомъ въ намѣченную цѣль.

Отпустивъ нѣсколькихъ докучливыхъ посѣтителей, Фуше уводитъ Паскье въ садъ на лужайку и, убѣдившись, что по близости нѣтъ ушей для подслушиванья, первый начинаетъ конфиденціальныи разговоръ: «*Этотъ человекъ*», говоритъ онъ, имѣя въ виду государя, поручив-

¹⁾ Ср. Barante, t. II, p. 130, 149, 199.—О видахъ Фуше, письмо Поццо къ Нессельроде 3 мая 1815 г. Половцовъ.

шаго ему выслѣживать и предупреждать роялистическіе заговоры, «совсѣмъ не исправился и вернулся такимъ же деспотомъ, жаждущимъ завоеваній, безумнымъ, какъ и прежде». И Фуше распространился на эту тему. Паскье, чтобы дать ему перевести духъ, говоритъ: «Это—важные вопросы; я не могу себѣ позволить обсуждать ихъ».—«Полноте! возражайте, передохнувши, Фуше; бросьте эту осторожность; я даю вамъ примѣръ, а затѣмъ, попомните мое слово, несмотря на его завѣренія вся Европа скоро накинется на него; немислимо, чтобы онъ могъ дать отпоръ; не пройдетъ и четырехъ мѣсяцевъ, какъ дѣло съ нимъ будетъ покончено».—«Когда это случится, я съ этимъ примирюсь; но, откровенно говоря, герцогъ, я не вижу, къ чему можетъ мнѣ послужить довѣріе, которое вы мнѣ оказываете».—«Я вамъ это сейчасъ объясню. Я ничего не имѣю противъ возвращенія Бурбоновъ; но только нужно, чтобы это дѣло было устроено нѣсколько менѣе безтолково, чѣмъ это было въ прошломъ году при Таллейранѣ; нѣтъ необходимости, чтобы все и вся было отдано въ ихъ распоряженіе. Нужны хорошо составленныя условія, настоящія и солидныя гарантіи» ¹⁾.—«Чудесно, я ничего не имѣю противъ всего этого, я могъ бы помириться съ этимъ такъ же, какъ и вы, но чѣмъ я могу помочь этому дѣлу?»—«Ничѣмъ въ теперешнее время и весьма многимъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько времени. Когда настанетъ рѣшительная минута, мнѣ нужна будетъ поддержка способныхъ и надежныхъ людей, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ и даже довѣріемъ королевской семьи. Вы именно такой человекъ, и я на васъ рассчитываю». Для Паскье это значило идти слишкомъ далеко и слишкомъ быстро; ему было хорошо извѣстно, что Фуше былъ способенъ на всевозможныя плутни и предательства. Наполеонъ еще держался и, казалось, былъ на высотѣ могущества, а Фуше официально числился его министромъ полиціи.—«Вы оказываете мнѣ большую честь, сказалъ Паскье, но меня, по правдѣ сказать, не слишкомъ соблазняютъ такіа рискованныя предпріятія», и онъ заговорилъ о своемъ намѣреніи совершить путешествіе. Фуше, въ совершенствѣ оцѣнивая мѣру довѣрія, котораго онъ заслуживалъ, сказалъ: «Вы прикидываетесь тутимъ на ухо, но я увѣренъ, что вы меня отлично поняли. Итакъ, вы уѣзжаете... Но вы близки съ госпожей де Водемонъ: оставьте ей вашъ адресъ; я поручу ей извѣститъ васъ, когда настанетъ время».—«Такъ какъ вы мнѣ открываете этотъ путь, то я воспользуюсь имъ черезъ мѣсяць, но не для такого важнаго дѣла, а чтобы получить ваше разрѣшеніе проѣхать черезъ Парижъ, по пути къ Монъ-Дору».—«Чудесно. Все, что вамъ будетъ угодно. Итакъ»

¹⁾ Срав. выше, стр. 310, слова Таллейрана къ госпожѣ де Коаньи, въ январѣ 1814 г.

сообщеніе между нами установлено»... Потомъ, какъ бы случайно вспомянувъ, онъ спросилъ: «Почему собственно вы удаляетесь въ изгнаніе? Проситесь опять въ государственный совѣтъ, онъ съ радостью согласится на это». Паскье отклонилъ это предложеніе. «О, воскликнулъ Фуше, я отлично понимаю, въ чемъ тутъ дѣло. Въ васъ говоритъ щепетильность относительно Бурбоновъ, вѣрность которымъ вы считаете себя теперь обязательнымъ сохранить, какъ будто для того, чтобы сдѣлать что нибудь дѣйствительно полезное тѣмъ, кому мы хотимъ служить, не нужно прежде всего самому приложить руку. Ну, къ чему, я васъ спрашиваю, были бы вы годны въ апрѣлѣ прошлаго года, если бы вы не были префектомъ полиціи?»¹⁾

Эта бесѣда происходила въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1815 года.

Фуше нравилось подставлять Таллейрану подножки, заставляя его спотыкаться, спускаясь со ступеньки на ступеньку. Ему казалось забавнымъ переманить самаго извѣстнаго и прославленнаго изъ его довѣренныхъ агентовъ, Монрона, который съ особенной ловкостью умѣлъ пользоваться счастьемъ во всѣхъ случайностяхъ политической игры. Онъ счелъ чрезвычайно удобнымъ примѣшать и свои интриги къ тайнымъ порученіямъ, которыя были даны Наполеономъ Монрону относительно Маріи Луизы, Александра и министровъ на конгрессѣ. Несмотря на всю свою ловкость, Монронъ ничего не добился отъ союзниковъ, болѣе того: когда онъ попытался заговорить объ императорѣ, его сразу остановили: «Мы не согласны даже на регентство», сказалъ Меттернихъ, а Нессельроде воскликнулъ: «Съ Бонапартомъ не можетъ быть мира». Итакъ, оставались только «переходные отгѣнки» посредничества, и въ этомъ отношеніи миссія его имѣла успѣхъ. Весьма вѣроятно, что Монронъ взялся вывѣдать мысли Таллейрана, такъ какъ Фуше предпочиталъ имѣть его союзникомъ, а не соперникомъ²⁾. Да и самъ Таллейранъ, безъ сомнѣнія, разсуждалъ такъ же, какъ и Фуше. Если бы будущее оказалось за Орлеанами, Таллейранъ нуждался бы въ Фуше; если бы оно принадлежало Людовику XVIII, Фуше нуждался бы въ Таллейранѣ, отсюда многочисленныя тайныя ночныя собранія съ замаскированными посѣтителями съ поднятыми воротниками, тайное брицаніе оружіемъ, отражаемые удары: взаимныя схватки. Дѣло въ томъ, что оба они стали министрами Людовика XVIII, какъ нѣкогда, послѣ брюмера, стали министрами Бонапарта, а позднѣе, послѣ 1804 г. министрами Наполеона и, несомнѣнно, были бы и министрами Людовика-Филиппа, если бы июльская революція, наступивъ пятнадцатую годами ранѣе, упредила ихъ желанія. Въ сущности всѣ эти

¹⁾ Ср. слова Бонапарта къ Бурмону въ 1800 г., т. VI, стр. 10.

²⁾ «7 апрѣля. Обѣдъ у Таллейрана. «Монронъ пришелъ и ушелъ». Journal de Saint-Marsan. — Донесенія Консальви 12 и 30 апрѣля 1815 г. Ривьера.

подходы и извороты не имѣютъ большаго значенія для историка, и онъ напрасно будетъ ломать себѣ голову, стараясь распутать запутанный узелъ¹⁾. Онъ не найдетъ ничего, кромѣ личной выгоды нѣсколькихъ лицъ, барахтающихся или плывущихъ въ широко разливающимся потокѣ жизни. Имъ не усилить теченія и не раздуть бурнаго вѣтра; всѣ они только ищутъ берега или брода, и изъ всѣхъ ихъ приключеній важно сохранить въ памяти только то, что рисуетъ общее теченіе событій, уносящее и ихъ, какъ и все остальное.

Въ этомъ смыслѣ дѣйствія въ Бельгіи: сношенія Фуше съ Веллингтономъ въ Брюсселѣ и съ агентами Людовика XVIII въ Гентѣ имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ мелкія интриги Монрона въ Вѣнѣ. Прежде всего онъ позаботился о своей собственной безопасности и по особому довѣрію сообщилъ Веллингтону «о своемъ безпокойствѣ относительно устойчивости дѣла во Франціи и объ опасности, которая ему грозила со стороны Наполеона, при чемъ прибавилъ, что онъ надѣется найти убѣжище въ Англіи, въ случаѣ, если ему придется туда укрыться». Затѣмъ онъ предложилъ свои услуги и приготовился при первомъ случаѣ показать ихъ съ выгодной стороны. Никто лучше его не зналъ подноготной монархическихъ заговоровъ, въ особенности заговора Жоржа. Предположить, что ему не было ничего извѣстно о недавнихъ «миссіяхъ» Мобрейля и Брюсляра, значило бы плохо судить о немъ. Онъ отлично зналъ, какъ далеко можно было цѣлить, имѣя дѣло съ принцами и министрами, участвовавшими въ этихъ дѣлахъ, и съ союзниками, среди которыхъ оказывались не только довѣренные лица, но и соучастники насильственной смерти Павла I. Онъ только выжидалъ подходящаго случая, который не замедлил представиться²⁾.

Витроль былъ арестованъ въ Тулузѣ. Госпожа Витроль находилась въ то время въ Брюсселѣ и дрожала за своего мужа. Графъ д'Артуа далъ ей слѣдующую записку: «Я буду навѣки благодаренъ тому, кто спасетъ жизнь и возвратитъ свободу г-ну Витролю». Госпожа Витроль, снабженная этимъ талисманомъ, ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ она знаетъ одного изъ довѣренныхъ агентовъ Фуше—Гайяра, и показываетъ ему записку. Гайяръ беретъ записку, несетъ ее къ Фуше, возвращается къ госпожѣ Витроль и ведетъ ее къ герцогу Отрантскому. Герцогъ утѣшилъ ее: «Вашъ супругъ спасенъ, я вырвалъ у императора это обѣщаніе. Вы должны ѣхать въ Гентъ, я уже приказалъ приготовить для васъ карету

¹⁾ О другомъ агентѣ Фуше, орлеанистѣ Сентъ-Леонѣ, см. Паскье, т. III, стр. 190; Pallain, стр. 380; Welschinger, стр. 150.

²⁾ Донесеніе Поццо, Брюссель, 17 апрѣля 1815 г. Бесѣда съ Веллингтономъ. Половцовъ.

и дамъ вамъ въ провожатые довѣренное лицо». *Довѣренное лицо* было принято Людовикомъ XVIII и передало ему, «что Фуше готовъ отдѣлаться отъ Бонапарта, если ему будетъ дано обѣщаніе, что онъ останется министромъ полиціи, и что Таллейранъ будетъ стоять во главѣ администраціи. Людовикъ XVIII былъ слишкомъ уменъ и со времени консулата слишкомъ хорошо знакомъ съ намеками такого рода, чтобы дать запутать себя въ столь сомнительное дѣло. Онъ говорилъ только о Витроллѣ и ограничился тѣмъ, что ободрилъ уполномоченнаго, прибавивъ, что всегда готовъ оцѣнить услуги Фуше королю и Франціи» ¹⁾. Спрашивается, было ли *довѣренное лицо* достаточно настойчиво. Спустя три дня послѣ этой первой бесѣды, Поццо пишетъ: «Госпожа Витролла сегодня уѣзжаетъ. Король поручилъ ей завѣрить Фуше, что его услуги будутъ *благосклонно приняты и вознаграждены*. Посмотримъ, что-то онъ сдѣлаетъ» ²⁾. Вѣроятно, у Фуше не хватало мужества. И онъ выжидаетъ, ведя переговоры и торгуясь ³⁾.

23 мая Поццо писалъ: «Если бы онъ хотѣлъ, болѣе того, если бы онъ могъ уничтожить Бонапарта, нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ бы это, не колеблясь, потому что былъ бы послѣ этого самымъ могущественнымъ человѣкомъ во Франціи... Но онъ далеко не обладаетъ тѣмъ могуществомъ или мужествомъ, которыя необходимы для того, чтобы отважиться на подобное предпріятіе. Когда мнѣ приходилось высказываться по этому вопросу, я всегда говорилъ въ смыслѣ весьма поощрительномъ для Фуше, указывая тѣмъ, кто могъ ему это передать,—хотя онъ и самъ это знаетъ,—что человѣку, который сумѣлъ бы освободить Европу отъ Бонапарта, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, незачѣмъ впередъ выговаривать себѣ условія, потому что онъ всегда будетъ въ состояніи самъ предписать ихъ».—Слѣдуетъ предположить, что Фуше былъ дальновиднѣе. Освобождая Европу отъ Наполеона, онъ сыгралъ бы роль простака, потому что послѣ уничтоженія «чудовища» успокоенная Европа постаралась бы поскорѣе отдѣлаться отъ освободителя, отнынѣ обременительнаго. Наоборотъ, предоставивъ союзникамъ побороть Наполеона и встрѣтивъ ихъ затѣмъ у воротъ Парижа съ серебрянымъ блюдомъ въ одной рукѣ и съ ключами въ другой, онъ выигралъ бы весьма много. Союзники нуждались бы въ немъ, онъ взялъ бы съ нихъ цѣну болѣе высокую и

¹⁾ Поццо къ Нессельроде; Брюссель, 3 мая 1815. Половцовъ.

²⁾ Поццо къ Нессельроде, 6 мая 1815 г.

³⁾ Въ продолженіе всего этого періода онъ подобралъ себѣ замѣчательную армію піонеровъ и установилъ особую торговаую предательствомъ.—Многочисленные донесенія агентовъ въ перепискѣ Веллингтона. См. приложение къ его перепискѣ.—Поццо къ Нессельроде, 4 июня 1815 г. Половцовъ.

съ меньшей опасностью для своей особы. Смерть Робеспьера не сдѣлала его членомъ комитета общественнаго спасенія, а Брюмеръ сдѣлалъ его министромъ, сенаторомъ и герцогомъ.

Въ Вѣнѣ союзники изготовляли проектъ деклараціи въ отвѣтъ на манифестъ Наполеона. Эта работа обнаружила всю глубину ихъ разногласія. Лордъ Кленкарти находилъ желательнымъ включить фразу о «благодѣтельности отеческой власти правительства при законномъ королѣ», чтобы не оставлять будущность Франціи въ туманѣ ¹⁾. Александръ не соглашался на это. Онъ пригласилъ Кленкарти къ себѣ во дворецъ и просилъ сообщить ему мотивъ предлагаемой имъ поправки. «Дѣло въ томъ, отвѣчалъ лордъ, что недостаточно свергнуть Бонапарта, надо не открывать дверей передъ якобинцами».—«Надо прежде всего свергнуть Наполеона, возразилъ Александръ. Во Франціи теперь три силы: армія, якобинцы и роялисты. Армія предана Наполеону, но между ея начальниками есть и якобинцы. Въ числѣ же якобинцевъ есть люди съ большими дарованіями, съ неутомимой энергіей, съ огромнымъ вліяніемъ, напримѣръ, Фуше. Ихъ необходимо приобрести. Они достигли положенія, приобрѣли состояніе и заинтересованы въ томъ, чтобы революція была пресѣчена. Монархическую партію составляютъ главнымъ образомъ крестьяне и люди семейные, отъ которыхъ нечего ожидать какихъ-либо усилій для возстановленія короля. Требуется такое правительство, которое удовлетворило бы всѣхъ».—«Франція, возразилъ Кленкарти, была счастлива при отеческомъ правленіи своего законнаго короля. За него—вся нація».—«Да, произнесъ Александръ, та часть націи, которая всегда была пассивна, которая вотъ уже двадцать шесть лѣтъ переноситъ всевозможныя революціи, умѣетъ только ныть, но не препятствовать имъ. Но другая часть,—та, которая, дѣйствительно, представляетъ какъ бы всю націю, потому что одна проявляетъ себя, одна дѣйствуетъ и господствуетъ—подчинится ли она?... Сумѣете ли вы навязать ей правительство, которое она только что свергла? И навязать его противъ ея воли? Готовы ли вы вести для этого истребительную войну?» — «Я знаю, возразилъ Кленкарти, что долгъ кончается тамъ, гдѣ начинается невозможность. Но до тѣхъ поръ, пока невозможность не наступила, я считаю обязанностью державъ стоять за законнаго короля».—«Наши первыя обязанности, отвѣчалъ Александръ, передъ Европой и передъ нами самими... Какія у насъ основанія предполагать, что прави-

¹⁾ Донесенія Кленкарти, 11, 15 апрѣля 1815 г.; Таллейранъ Людовику XVIII, 23 апрѣля 1815 г. Таллейранъ знаетъ о сообщеніи Кленкарти частью изъ вторыхъ рукъ, черезъ Стьюарта; онъ передѣлалъ его во вкусъ короля и въ своихъ собственныхъ интересахъ.

тельство короля будетъ теперь болѣе устойчиво, чѣмъ было прежде? Въ прошломъ году можно было учредить регентство, но эрцгерцогиня Марія-Луиза, съ которой я говорилъ объ этомъ, ни за что не хочетъ вернуться во Францію. Ея сынъ долженъ занять опредѣленное положеніе въ Австріи, а больше она для него ничего не желаетъ. Я совсѣмъ противъ того, чтобы возвести на французскій престолъ кого-нибудь изъ маршаловъ или генераловъ, какъ Сультъ, принцъ Евгений и другіе люди того же закала. Они стали бы только нарушать спокойствіе Европы. Если французы желаютъ возвращенія короля—прекрасно; если они хотятъ герцога Орлеанскаго, какъ короля революціоннаго,—тоже нельзя ничего возразить. Я, собственно, не вижу никого, на комъ можно было бы всехъ примирить, никого, кромѣ герцога Орлеанскаго. Онъ—французъ, Бурбонъ, женатъ на Бурбонкѣ, имѣетъ сыновей, въ молодости служилъ конститучіонному дѣлу, носилъ трехцвѣтную кокарду, которую, какъ я часто говорилъ въ Парижѣ, не слѣдовало никогда и бросать. Онъ объединилъ бы все партіи».

Ни царь не убѣдилъ англичанина, ни англичанинъ не поколебалъ царя въ его предвзятыхъ мнѣніи. Слѣдствіемъ этого была декларация 12 мая, извѣщавшая, что согласіе французскаго народа на возвращеніе Наполеона на престолъ было бы равносильно объявленію войны, что Европа никогда не заключитъ мира съ Бонапартомъ, но союзники готовы «уважать свободу Франціи вездѣ, гдѣ она не грозитъ ихъ собственной безопасности и общему спокойствію Европы».

Мюратъ связалъ свою судьбу съ судьбою своего повелителя. 28 марта союзники рѣшили дѣйствовать противъ него. 17 марта Мюратъ покинулъ Неаполь, надѣясь на поддержку Наполеона и англичанъ, которые до послѣдней минуты обольщали его двусмысленными обѣщаніями. Онъ занимаетъ Анкону, идетъ на Болонью, 29-го онъ переходитъ демаркаціонную линію своихъ и австрійскихъ войскъ, 30-го въ Римини онъ призываетъ Италию къ оружію и къ независимости. Онъ убѣждаетъ итальянскую націю объединиться подъ властью національнаго, могущественнаго, грознаго и доблестнаго короля. 2 апрѣля онъ вступаетъ въ Болонью, 4-го—въ Модену. Но нація не подымается. 9-го и 10-го онъ терпитъ пораженіе. 13-го онъ отступаетъ, а 21-го начинается переговоры. Какъ нѣкогда онъ забылъ интересы Франціи для неаполитанской короны, такъ теперь онъ готовъ бросить дѣло Италиі, чтобы сохранить корону. 5 апрѣля Англія объявляетъ ему войну. Онъ проситъ у Австріи мира и сохраненія своего королевства. Безумная жажда сохранить престолъ овладѣваетъ имъ. Но ему отказываютъ во всемъ— и въ переговорахъ, и въ перемиріи. 29 апрѣля Австрія подписываетъ союзный договоръ съ Фердинандомъ IV.

2 и 3 мая въ Толентино Мюратъ однимъ ударомъ въ теченіе двухъ часовъ лишается и войска и трона. Разбитый, онъ бѣжитъ въ Неаполь, опередивъ свою совсѣмъ разстроенную армію. Затѣмъ въ ночь съ 19 на 20 мая онъ садится на корабль и 25-го является въ Каннѣ. Между тѣмъ Неаполь сдается, 28-го австрійцы вступаютъ въ него, и Фердинандъ вновь дѣлается королемъ Обѣихъ Сицилій. Мюратъ—единственный союзникъ Наполеона въ войнѣ, оказался первой ея жертвой¹⁾.

IV.

Такимъ образомъ реставрація Бурбоновъ въ Обѣихъ Сициліяхъ стала совершившимся фактомъ, а представители восьми державъ въ Вѣнѣ признали ее.

Такое рѣшеніе этого дѣла облегчило улаженіе всехъ другихъ вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе къ Италиі. Постановлено было отдать Парму въ пожизненное владѣніе Маріи-Луизѣ Австрійской—супругѣ Наполеона. По смерти же ея Парма должна была перейти къ Маріи-Луизѣ Испанской, бывшей королевѣ Этрурріи, и къ ея дѣтямъ, а пока этой королевѣ предоставлялось герцогство Луккское, которое послѣ ея смерти опять должно было отойти къ Тосканѣ. Тоскана же переходила путемъ наслѣдованія къ эрцгерцогу Фердинанду Австрійскому, Модена—къ эрцгерцогу Францу д'Есте. Папа снова получалъ свои легатства: Равенну, Болонью, Феррару, Марку, Беневентъ и Понте-Корво. Король Сардинскій получалъ Геную, а престолонаслѣдіе было по желанію Франціи и вопреки домогательствамъ Австріи утверждено за Савойской Кариньянской вѣтвью. И, наконецъ, Австрія, господствовавшая на полуостровѣ благодаря своимъ брачнымъ союзамъ, взяла себѣ Ломбардію, всю территорію прежней Венеціанской республики, Триестъ, Далмацію и Иллирію.

Германскія дѣла заняли собой длинный рядъ засѣданій²⁾. Все, что въ Германіи стремилось къ объединенію въ одно великое отечество; все, что подняло оружіе за освобожденіе этого отечества въ 1813 г. и убѣдилось тогда въ могущество этой объединенной націи; все, что жаждало для нея величія и положенія, сообразнаго съ ея дѣйствительными силами: все это стремилось теперь къ пересозданію Имперіи на федеративныхъ и національныхъ началахъ. Штейнъ выступилъ убѣжденнымъ за-

¹⁾ Henry Houssaye, Dufourcq, Helfert, de Sassenay: *Les derniers mois de Murat*.

²⁾ Oncken, т. II, кн. IX, гл. VI: окончательный актъ Вѣнскаго конгресса и основаніе германскаго союза.—Treitschke, Т. I, кн. II и V: германскій союз.—Haeusser, т. IV, кн. VI, гл. XI. Германскій союз.—Ranke, т. IV, стр. 446.—Gervinus, т. I и III.—Mariens, т. III, стр. 232 и т. VII, стр. 154.

щитникомъ этой идеи передъ Александромъ. 5 ноября 1814 г. онъ писалъ царю: «Принципы свободы и справедливости, принятые союзными державами, требуютъ, чтобы Германія пользовалась политической и гражданской свободой; чтобы верховная власть государей была ограничена, злоупотребленія властью пресѣчены; чтобы родовая знать, прославленная своими воинскими подвигами, вліяніемъ на государственныхъ дѣла, выдающимся положеніемъ въ церкви, не была предоставлена произволу деспотовъ, руководимыхъ бюрократіей, якобински настроенной и завистливой... чтобы права каждаго человѣка были точно установлены закономъ и обезпечены, и чтобы Германія перестала быть огромнымъ вмѣстилищемъ угнетателей и угнетаемыхъ». Ни одинъ изъ германскихъ государей не былъ заинтересованъ въ проведеніи въ жизнь этихъ пожеланій. Всѣ они хотѣли быть у себя неограниченными властителями, распоряжаться своими подданными по своему усмотрѣнію, не терпя никакого ограниченія въ своемъ самовластіи, ни внѣшняго, ни внутренняго. Мысль объ учрежденіи единой, могущественной имперіи оскорбляла, пугала всѣхъ нѣмецкихъ государей за исключеніемъ одного: они видѣли въ этомъ умаленіе своей державной власти. Одинъ только прусскій король могъ ожидать отъ него усиленія своего могущества. Но и онъ не желалъ имперіи, если ему не предстояло сдѣлаться императоромъ. Къ тому же Австрія, которая не осмѣливалась да и не могла мечтать объ имперіи для себя самой, не желала допустить этого и для Пруссіи. Мечта о германской имперіи исчезла одновременно съ мыслью о дарованіи германской націи публичнаго права.

Сосѣднія державы, Россія, а въ особенности Франція, не могли не опасаться германской націи, объединенной, сплоченной въ одну имперію. Для нихъ выгодно было нейтрализовать, въ нѣкоторомъ родѣ, ту Германію, которая показала себя столь грозной въ 1813 и 1814 г. Вѣришь всего къ этому приводилъ ея же строй, обособленность германскихъ государствъ и народностей, антагонизмъ сѣвера и юга; взаимное соперничество между собою сильныхъ и между всѣми слабыми и сильными; столкновение подданныхъ съ правительствами; солидарность всѣхъ правительствъ съ цѣлью удержать подданныхъ въ подчиненіи и не дать имъ объединиться; короче говоря, препятствія всюду и во всемъ; оппозиція всѣхъ отдѣльныхъ силъ силѣ единенія. Цѣль эта была достигнута учрежденіемъ Германскаго союза, служившаго порукой для европейскаго мира и для спокойствія сосѣдей Германіи, но глубоко разочаровавшаго германскихъ патріотовъ.

Тридцать четыре самодержавныхъ государя и четыре вольныхъ герцога Германіи, всѣ съ одинаковыми правами, образовали союзъ «для сохраненія цѣлости и внутренняго и внѣшняго спокойствія Германіи, независимости и неприкосновенности союзныхъ государствъ». Веденіе дѣлъ

союза было поручено особому союзному собранію уполномоченныхъ дипломатовъ отъ всѣхъ государствъ подъ предѣдательствомъ Австріи. Въ случаѣ войны, объявленной союзу, ни одно изъ союзныхъ государствъ не должно было вступать въ переговоры съ непріятелемъ. Союзныя государства не имѣли права вступать ни въ какія сдѣлки, нарушающія прочность союза, но при соблюденіи этого условія могли вступать въ соглашенія. Въ случаѣ столкновенія между отдѣльными государствами, они должны были подчиниться посредничеству союзнаго собранія. Если это посредничество не приводило къ желательнымъ результатамъ, то они должны были прибѣгать къ третейскому суду, приговоръ котораго считался окончательнымъ. Это былъ въ общихъ чертахъ планъ вѣчнаго мира, предложенный аббатомъ Сень-Пьерромъ.

Какое было новое устройство Пруссіи, сказано выше ¹⁾.

Остатки прежняго пфальцграфства Рейнскаго, часть земель между Рейномъ и Мозелемъ, были присоединены къ Баваріи; Майнцъ, превращенный въ союзную крѣпость, присоединенъ къ Гессенъ-Дармштадту; то же было и съ городомъ Люксембургомъ, который вмѣстѣ съ великимъ герцогствомъ отошелъ къ королю нидерландскому на правахъ личной униі. Курфюршество Гессенское со столицей Касселемъ было восстановлено, и государь его именовался курфюрстомъ—послѣдній остатокъ прежняго величія Священной имперіи. Изъ Ганновера создано королевство, предоставленное въ распоряженіе англійскаго короля.

Нидерландское королевство, составленное изъ Бельгіи и Голландіи, было отдано принцу Оранскому-Нассаускому ²⁾; къ нему же по браку перешло въ личное владѣніе и великое герцогство Люксембургское.

Швейцарія, въ которую были включены Валлисъ, Женева и Невшатель, образовала союзъ девятнадцати кантоновъ, свободныхъ, независимыхъ и нейтральныхъ ³⁾.

Конгрессъ издалъ декларацию о свободѣ рѣкъ, о порядкѣ старшинства между дипломатическими агентами и объ отмѣнѣ торговли неграми.

Всѣ эти сдѣлки послужили предметомъ частныхъ соглашеній между заинтересованными государствами въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ. Всѣ постановленія въ главнѣйшихъ чертахъ были собраны въ одинъ общій сводъ, подписанный въ Вѣнѣ 9-го іюня 1815 года восемью державами.

¹⁾ См. выше, стр. 334.

²⁾ Соединеніе Ганновера съ Нидерландами было завершеніемъ великихъ плановъ о королевствѣ Вельфовъ. См. выше, стр. 77, 170, 194.

³⁾ Объявленіе нейтралитета 27 мая, 20 ноября 1815.

участвовавшими въ Парижскомъ трактатѣ, при чемъ договоръ этотъ получилъ названіе «Окончательнаго акта Вѣнскаго Конгресса»¹⁾.

Императоръ Александръ и его совѣтники весьма желали включить въ этотъ договоръ и распоряженія относительно Оттоманской имперіи. Въ одной изъ нотъ въ январѣ 1815 г. русское правительство обращало вниманіе державъ на жестокости, совершаемыя турками надъ христіанами, особенно въ Сербіи, и на обязанность христіанскихъ государствъ защитить христіанъ, подвластныхъ Турціи; при чемъ оно указывало, что покровительство грекамъ-христіанамъ должно естественно принадлежать русскому императору такъ же, какъ покровительство католикамъ на востокѣ — французскому королю: «Въ силу высшаго закона, священнаго хранителя международного порядка», «дѣло негровъ перенесено было на судъ государей; во имя тѣхъ же самыхъ принциповъ главы европейской семьи имѣютъ право требовать отъ Порты прекращенія этихъ безчисленныхъ звѣрствъ». Грекъ Капо д'Истрия, пользовавшійся большимъ расположеніемъ Александра, защищалъ дѣло своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ. Самъ Александръ, искренній, горячій защитникъ грековъ, жителей Корфу и сербовъ, предлагалъ признать законнымъ правомъ Европы постоянное вмѣшательство Россіи въ пользу восточныхъ христіанъ. Но признать это значило бы въ интересахъ грековъ признать и протекторатъ Россіи, превратить неясныя намеки и оговорки Кайнарджійскаго договора въ ясныя и опредѣленныя постановленія. Это значило дать Россіи юридическое полномочіе проводить на востокѣ свою собственную политику, свои собственные интересы и признать преобладаніе ея въ Турціи какъ бы особымъ пунктомъ европейскаго международного права. Ясно, почему Александръ этого добивался, и почему англичане этого не допускали. Съ другой стороны Таллейранъ имѣлъ инструкціи поставить Оттоманскую имперію подъ защиту Европы. Меттернихъ разсматривалъ «эту защиту какъ существенный пунктъ австрійскихъ интересовъ». Подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію значило вызвать глубокое разногласіе между державами: отъ этого уклонились. Все свелось къ попыткѣ, къ разговору, не скрѣпленному даже протоколомъ.

¹⁾ Angeberg, *Traité partiels et acte final.*

ГЛАВА III.

Ватерлоо. 1815 г.

I.

Конгрессъ поставилъ Наполеона вѣ международнаго права. Въ палатѣ общинъ вигъ Грэмъ (Graham) предложилъ предать его проклятію человечества и мщенію Англіи. «Французское правительство—источникъ войны. Его армія живетъ, чтобы воевать, и воюетъ, чтобы жить. Война—сущность ихъ конституціи; дѣль этой войны—покореніе Европы. До сихъ поръ выступала не армія, а вооруженное правительство, какъ вѣкогда, въ наилучшія времена владычества Рима, римскіе легіоны, какъ полчища хищниковъ безъ узды и закона, безъ страха и совѣсти передъ Богомъ и людьми... Наполеонъ завладѣлъ большей частью Европы и готовилъ планъ покоренія Англіи, но Англія разстроила его планы и однимъ ударомъ трезубца опрокинула его имперію»¹⁾. Пруссаки требовали себѣ линію до Вогезовъ, Нидерланды и французскую Фландрію; всѣ же нѣмцы требовали, что надо отмстить и очистить этотъ новый Вавилонъ, предавъ его всемірному разграбленію хорватовъ, пандуровъ, казаковъ и пруссаковъ; поверженная во прахъ, опозоренная, урѣзанная Франція на столѣтія должна была быть не въ силахъ вредить.

Итакъ, французской арміи опять приходилось сражаться за существованіе и независимость. Пруссаки наступали черезъ Нидерланды, прикрываемые съ фланга англичанами съ Веллингтономъ и поддерживаемые съ востока русскими и австрійцами; казалось, нашествія 1792 и 1799 г., эти великія національныя бѣдствія, вновь надвигались. Однакоже на этотъ разъ не война спасла Францію и не ловкость ея дипломатіи: ее спасли раздоры побѣдителей при дѣлежѣ; твердое намѣреніе наиболѣе могущественныхъ державъ установить прочный миръ; невозможность добиться этого мира отъ какого бы то ни было другого правительства, кромѣ Бурбоновъ, и невозможность въ то-же время добиться отъ Бурбоновъ такого мира, который, унижая ихъ корону, сдѣлалъ бы возвращеніе ихъ во Францію ненавистнымъ народу. Франція была погублена величайшимъ изъ своихъ полководцевъ и спасена теперь безсильнымъ королемъ, бѣгство котораго она только что допустила. Людовикъ XVIII долженъ былъ сыграть ту роль посредника между Европой и Франціей, которую послѣд-

¹⁾ 23 мая 1815 г. переводъ Вильмена: *Cours de litterature*, t. VIII.—Сравъ филиппики 1800—1803, т. VI, стр. 30, 83, 136—140, 163—171, 240.

ніе королевскіе совѣтники предназначали Людовику XVI; ему предстояло вернуть свой престолъ съ помощью тѣхъ самыхъ услугъ государству, которыми, по мнѣнію политиковъ 1791 г., Людовикъ XVI могъ возродить свою монархію ¹⁾. Но до этого Франціи пришлось испытать одно изъ наиболѣе трагическихъ приключеній, вынести одно изъ наиболѣе грозныхъ нашествій.

Вступая въ Бельгію 15 іюня 1815 г., Наполеонъ рассчитывалъ нанести быстрый и рѣшительный ударъ; разбить коалицію прежде, чѣмъ непріятельскія арміи успѣютъ соединиться; раздѣлить англичанъ и пруссаковъ, разбить ихъ одного за другимъ; разстроить русскихъ; остановить австрійцевъ; вырвать побѣду и быстро заключить миръ. Военный планъ его былъ задуманъ весьма искусно. Два раза, казалось ему, побѣда была въ его рукахъ: 16 іюня при Линьи и утромъ 18-го при Ватерлоо. 16-го онъ упустилъ случай, а 18-го онъ еще говорилъ: «Веллингтонъ бросилъ жребій, и жребій выпалъ въ нашу пользу», но шансы на успѣхъ исчезали одинъ за другимъ; побѣда ускользала по частямъ; и битва обратилась въ поражение. То, что должно было положить начало возстановленію, оказалось катастрофой для великой арміи, для императора и для имперіи.

Одинъ изъ шпионовъ Веллингтона сравниваетъ армію, возсозданную Наполеономъ, съ арміей 1792 г.; одинъ изъ историковъ считаетъ ее «болѣе пылкой, болѣе восторженной, рвущейся въ бой, чѣмъ любая изъ армій республики или имперіи. Никогда еще Наполеонъ не держалъ въ рукахъ столь грознаго и столь хрупкаго орудія войны». Оно погнулось и переломилось въ его собственныхъ рукахъ, и, видя, какъ самыя надежныя изъ его комбинацій одна за другой измѣняются ему, ни онъ, ни солдаты, отдававшіеся съ тѣмъ же героизмомъ, какъ и во дни величайшихъ побѣдъ, не могли понять, почему сраженіе не оканчивалось, какъ Аустерлицъ или Іена.

Физики, чтобы объяснить явленія свѣта, звука и теплоты, предполагаютъ существованіе невѣсомой жидкости, среди которой, какъ бы окунувшись въ нее, мы живемъ, и колебанія которой потрясаютъ наши нервы. Можно предположить нѣчто подобное и въ мірѣ душевномъ, въ мірѣ чувства, страсти и дѣятельности человѣческой: своего рода атмосферу, которая непрестанно и нечувствительно измѣняется, у которой есть свое гнетущее пониженіе и ободряющее повышеніе давленія, свои бури и свои затишья. Въ моментъ сильныхъ переломовъ эта атмосфера какъ бы перерождается, перерождая и насъ и притомъ въ такой степени, что наши собственныя дѣйствія и впечатлѣнія изумляютъ и сби-

¹⁾ Ср. т. II, стр. 118, 150.

ваютъ насъ съ толку: мы не узнаемъ себя. Словомъ, какъ говоритъ народъ, существуетъ духъ времени, который вліяетъ на все окружающее. И вотъ, вѣтеръ повернулъ и съ силой урагана несетъ противъ французовъ, ослѣпляя ихъ пылью, дождемъ и дымомъ собственныхъ ружей. Въ то же время онъ подхватываетъ и несетъ впередъ непріятели, очищая передъ нимъ ясную дорогу.

Офицеры Наполеона ждутъ его приказаній и плохо исполняютъ ихъ. Офицеры же Веллингтона упреждаютъ распоряженія, забытыя имъ по небрежности. Въ то время, когда Наполеонъ готовится застигнуть Веллингтона врасплохъ и отрѣзать его отъ союзниковъ, тотъ въ полномъ парадѣ присутствуетъ въ Брюсселѣ на балу, торжественно выступая салоннымъ божкомъ. Онъ дѣлаетъ самыя жалкія распоряженія. Если бы они были дѣйствительно исполнены, онъ самъ открылъ бы проходъ французамъ. Къ счастью для него, его офицеры во время замѣчаютъ погрѣшность и на свой страхъ исправляютъ ее. Между тѣмъ они люди посредственные. У Наполеона были помощники совсѣмъ иного, высшаго закала; но причина поражения заключалась именно въ томъ, что офицеры Веллингтона оказались выше своей задачи, превзошли самихъ себя, тогда какъ офицеры Наполеона, во много разъ превосходившіе ихъ, не справились съ дѣломъ и не нашлись въ совѣтѣ.

Веллингтонъ покидаетъ балъ и находитъ свою армію вполнѣ готовой. На полѣ битвы онъ старается загладить свои ошибки тѣмъ, что заявляетъ среди бѣшеныхъ натисковъ французовъ: «Не будетъ никакихъ приказовъ, кромѣ одного: держаться до послѣдняго человѣка». «Два раза, рассказываютъ онъ, я спасалъ битву своимъ упорствомъ, но, надѣюсь, мнѣ не придется никогда больше вести такого сраженія». Онъ твердо держался, увѣренный, что пруссаки подоспѣютъ и рѣшатъ битву. Держаться такъ твердо, питать такое довѣріе къ союзнику было дѣломъ совсѣмъ новымъ въ исторіи коалицій. Въ періодъ съ 1792 по 1799 г. никто не поджидалъ союзника, такъ какъ каждый зналъ, что и самъ не послѣлъ бы на помощь. Не разъ дѣло шло такимъ образомъ и въ кампанію 1814 г. во Франціи. Между тѣмъ, увѣренность Веллингтона оправдалась: его отчаянное упорство было вознаграждено, оправдано бѣшеною горячностью Блюхера.

Стремительность этого полководца еще болѣе изумила и разстроила планы Наполеона, чѣмъ стойкость Веллингтона. Разбитый и раненый при Линьи, съ трудомъ державшійся на полѣ сраженія, вынужденный противъ воли отступать, Блюхеръ снова собрался съ силами во время отступленія. Груши искалъ его все тамъ, гдѣ по опыту и обычаямъ прежняго времени, казалось, слѣдовало бы его найти, т. е., вдали отъ

поля сраженія. Но Блюхеръ оказался тамъ, гдѣ никто его не ожидалъ, и его израненные, измученные, голодные пруссаки вновь устремились на приступъ французской арміи, свирѣные и неистовые. Наполеонъ оказался между двухъ огней. Но вотъ раздается крикъ: «Гвардія отстываетъ!» Крикъ этотъ отдается всюду, какъ похоронный звонъ по великой арміи... Полчища англичанъ со свирѣлымъ крикомъ: No quarter! No quarter! (не будетъ пощады!) рубятъ бѣгущихъ. Наполеонъ не терялъ надежды организовать правильное отступление. Онъ построилъ три батальона гвардіи въ три карре, рассчитывая, что подъ этимъ прикрытіемъ армія сомкнется и совершитъ отступление. Во время этого геройскаго отступления гвардія шла, окруженная буквально нахлынувшимъ на нее непріятелемъ.

Но къ чему было убивать враговъ? Они все прибывали и прибывали; на смѣну сегодняшнимъ пришли бы завтрашніе; они шли бы всюду—съ далекихъ окраинъ Иллирии, куда Наполеонъ забросилъ когда-то свои аванпосты, и изъ самой Россіи, въ которую онъ пытался углубиться, и которая отбросила жалкіе остатки его арміи. Завоеванія Наполеона въ Европѣ напоминали собою борьбу прибрежныхъ жителей съ океаномъ. Чтобы укрѣпить свою имперію, онъ попробовалъ сковать море. Онъ все дальше и дальше воздвигалъ безконечныя плотныя и преграды. Но могучія волны все смели; и долго сдерживаемое море хлынуло еще изъ большей дали, съ еще болѣе роковой, неодолимой мощью. Сила пруссаковъ при Ватерлоо таилась въ томъ, что они были авангардомъ безчисленной, многоплеменной арміи, авангардомъ колоссальныхъ полчищъ, которыя скорѣе подталкивали, чѣмъ поддерживали ихъ. Въ грозномъ потоцѣ Европы это были первыя волны того ревущаго, бѣшеннаго морскаго прилива, который, разбившись о прибрежныя скалы, пѣной заливаеъ весь берегъ, чтобы, отхлынувъ, снова всею своей сокрушительной гигантской тяжестью обрушиться на берегъ и затопить его. Послѣднія карре Наполеоновской гвардіи, построенныя для прикрытія отступления, больше гибли сами, чѣмъ причиняли уронъ врагу. Это былъ обломокъ «Мстителя», выпаливавшій свою послѣднюю картечь, скорѣе иривѣтъ смерти, чѣмъ угроза врагу, захлестываемый водою, увлекаемый въ пучину.

Каждая война ведется для мира; каждая битва—для завтрашняго дня. Но для императора въ 1815 г. уже не предвидѣлось ни возможнаго мира, ни завтрашняго дня для побѣды. Планъ Наполеона былъ составленъ, какъ и планъ Карно въ 1794 г., какъ и его собственные многочисленныя и блистательныя планы 1800, 1805, 1807 и 1809 гг. Теперь, какъ и тогда, все опять зависѣло отъ одной единственной битвы: онъ могъ и долженъ

былъ ее выиграть. Но къ чему бы это ему посужило? Надѣясь на новое Маренго, Аустерлицъ и Іену, онъ забывалъ, что послѣ Маренго для упроченія побѣды потребовался Гогенлинденъ, для закрѣпленія завоеваній при Маренго и Гогенлинденѣ потребовался Аустерлицъ; чтобы воспользоваться Аустерлицемъ, т. е., чтобы парализовать Пруссію велѣдъ за Австріей, понадобилась Іена, а чтобы воспользоваться Іеной, т. е., парализовать Россію велѣдъ за Пруссіей, нуженъ былъ Фридландъ. Онъ забылъ, что и послѣ этой побѣды ему пришлось начинать все сначала по отношенію къ Австріи, что все едва не рухнуло при Эсслингенѣ, и что нуженъ былъ Ваграмъ для того, чтобы опять вернуть положеніе, созданное побѣдой при Фридландѣ.

Между тѣмъ, начиная съ октября 1812 года, Наполеонъ отступалъ, и, что всего хуже, Европа тѣмъ временемъ сплывалась вокругъ него. Когда то онъ, какъ клинъ, врѣзывался въ дерево и раскалывалъ его. Теперь онъ самъ попалъ въ какую-то огромную пасть, которая готовилась поглотить его. *Счастье*, покидавшее Наполеона, а съ нимъ великую армію, а съ нею и Францію, заключалось въ революціи, которая иѣкогда толкнула ихъ противъ Европы, а теперь обращалась противъ самихъ французовъ. Ни генералы, ни солдаты не узнавали прежней революціи: да и какъ имъ было узнать ее «среди этихъ орды рабовъ, предателей и королей-заговорщиковъ». Они вѣдь все еще были въ томъ героическомъ періодѣ, въ какомъ они были въ молодости своей, когда они рѣшили отдать свою жизнь Франціи. Для нихъ революція воплощалась въ 14 іюля, въ радостныхъ объятіяхъ французовъ, въ федераціи, въ сознаніи, что отечество въ опасности, въ низверженіи королевской власти, вступившей въ соглашеніе съ иностранцемъ, въ общественномъ спасеніи, освобожденіи и расширеніи предѣловъ Франціи до Рейна; въ освобожденіи братскихъ племенъ, въ основаніи республикъ-сестеръ на границахъ республиканской Франціи, простирающейся въ предѣлахъ Галліи Цезаря. Революція была для нихъ торжественнымъ вступленіемъ въ Миланъ, Римъ, Неаполь, Вѣну, Берлинъ и самую Москву. Увлеченные величественнымъ приключеніемъ, незамѣтно перейдя отъ оборонительной войны къ наступательной, отъ якобинской республики къ республикѣ консульской и затѣмъ республикѣ цезарской, императоромъ которой провозгласилъ себя Наполеонъ, они не замѣтили перемѣны въ себѣ, они не представляли себѣ, что совершилась перемѣна въ другихъ народахъ; что вокругъ Франціи, благодаря имъ, какъ послѣдствие и противовѣсъ той самой революціи, которую они такъ прославили, совершилась революція, столь же могущественная, грозная и завоевательная. Это странное появленіе новыхъ народовъ, какъ бы вызванныхъ ими, изумляло ихъ. Конечно,

они и раньше встрѣчали то тутъ, то тамъ странное сопротивленіе: такъ въ Вандеѣ во Франціи, въ Аbruццахъ и въ Калабріи въ Италіи, наконецъ, во всей Испаніи, которая оказалась какъ бы огромной Калабріей; но тогда имѣлось и готовое объясненіе: фанатизмъ, суевѣріе, монахи, разбойники, шуаны! Они сохранили иллюзію, что ихъ походная сумка несетъ маршальскій жезлъ каждому солдату, свободу и сводъ гражданскихъ законовъ каждому европейцу, покоренному французами.

Они все еще стояли на прежней точкѣ зрѣнія, какъ нѣкогда, когда въ Италіи патриотами считались приверженцы парижской директоріи, а анархистами приверженцы Италіи для Италіи. Ихъ изумляло, что эти варварскія, ничтожныя племена во что-то вмѣшиваются, чего-то домогаются. Развѣ «великой націи» не достаточно для доставленія свободы всѣмъ племенамъ? Развѣ въ Пантеонѣ императора не хватало мѣста для всѣхъ иконъ и всѣхъ боговъ, а въ церкви Инвалидовъ для всѣхъ военныхъ трофеевъ? Какое безуміе заставляло этихъ жалкихъ, поработанныхъ русскихъ сжигать свои хижины, города и нивы на пути освободителя? Куда лѣзли эти безразсудные, нелѣные нѣмцы? Эти свирѣпыя нѣмцы шли въ атаку; пруссаки уже не бѣжали, не щадили себя, какъ во времена герцога Брауншвейгскаго и «добродѣтельнаго» Меллендорфа; даже австріяцы стремились впередъ. Союзники вступали въ Парижъ, Питтъ и Кобургъ, казалось, опять воскресли. Эмигранты возвращались; вмѣстѣ съ бѣлымъ знаменемъ и процессіями были возстановлены и Бурбоны, а на границѣ, сведенной опять къ предѣламъ старинныхъ картъ, Веллингтонъ двигался, возвращаясь изъ Португаліи черезъ французскія владѣнія. Англичане не смѣли покинуть Бельгію и сѣсть на свои суда при первомъ требованіи, какъ во времена Брюна; союзники не разсѣивались, какъ во времена Журдана, Писшегрю и Гоша. Весь міръ перевернулся въ глазахъ этихъ людей, попрежнему восторженныхъ и наивныхъ, несмотря на султаны, герцогскія, княжескія и графскія короны, украшавшія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Во всемъ этомъ послѣдній стрѣлокъ столько же зналъ и такъ же мало понималъ, какъ и первый маршалъ. «Я только одного боюсь, говорилъ галлъ великому Александру, какъ бы небо не обрушилось намъ на головы». И небо обрушилось.

II.

21-го іюня утромъ Наполеонъ, угнетенный и разбитый духомъ и тѣломъ, находился въ Елисейскомъ дворцѣ. Онъ взялъ ванну, потребовалъ къ себѣ Даву¹⁾, спросилъ его: «Что говорятъ въ Парижѣ, и что,

¹⁾ Записки, изданныя Гордономъ, секретаремъ маршала Даву, составленныя

вы думаете, изъ этого выйдеть?» Потомъ онъ долго завтракалъ съ королевой Гортензіей, и наконецъ отправился въ совѣтъ. И вотъ, опираясь на примѣры героическаго прошлаго своего, каждый предлагаетъ тотъ или другой способъ выйти изъ труднаго положенія: Карно совѣтуетъ объявить отечество въ опасности, провозгласить диктатуру, всенародное ополченіе и уйти за Луару; Люсьенъ предлагаетъ государственный переворотъ: черезъ 24 часа, говоритъ онъ, должна исчезнуть или власть императора, или власть совѣта. Необходимо новое 19 брюмера. Но время уходитъ, случай упущенъ. Въ полдень открывается засѣданіе палаты депутатовъ—новое законодательное собраніе 10-го августа. Ожесточеніе противъ поверженнаго императора охватываетъ всѣхъ. «У этого человѣка нѣтъ арміи», пишетъ одинъ изъ приверженцевъ конституціи, сынъ префекта и самъ въ недавнее время префектъ имперіи¹⁾, «онъ подвергъ свою армію ужасному истребленію и все же возвращается къ намъ, какъ и раньше изъ Россіи или изъ подъ Лейпцига, а депутаты и мы все такъ малодушны, что не принимаемъ никакого рѣшенія. Чего ему еще нужно?» Бенжаменъ Констанъ, романистъ и самъ герой романа, считавшій себя въ эпоху Ста дней государственнымъ человѣкомъ, пишетъ: «Какъ только вѣсть объ его заключеніяхъ распространилась въ палатѣ, мысль бросить его мелькнула у всѣхъ въ умѣ... Сразу заговорили о томъ, что императоръ долженъ отречься отъ престола». Между тѣмъ Фуше съ помощью коварныхъ записочекъ и черезъ своихъ клеветовъ всюду сѣялъ страхъ и распространялъ тревожные слухи, будто Наполеонъ готовитъ декретъ о распущеніи палаты, изгнаніе, словомъ,—второе Сень-Клу.

Лафайетъ, какъ и Карно и Люсьенъ, снова вспоминаетъ дни своей юности и начинаетъ пѣть свою старую пѣсню: онъ не вѣритъ въ свирѣпый крестовый походъ народовъ Европы противъ французовъ. Между Франціей и Европой, по его мнѣнію, произошло недоразумѣніе: пусть только Франція воскреситъ 1789 годъ, и все народы будутъ ее привѣтствовать, а нашествіе остановится само собой! Онъ вѣритъ въ великодушіе Александра, который не желалъ Бурбоновъ, а желаетъ только блага Франціи. Только одинъ человѣкъ препятствуетъ этому: пусть же онъ уѣзжаетъ, и Франція спасена! Настало время отомстить за брюмеръ и утвердить свободу.

Такъ какъ Наполеонъ бездѣйствовалъ, его противники взяли починъ на себя. Палата объявила свои сессіи непрерывными и постановила, что декретъ о распущеніи палаты былъ бы равносильнъ измѣнѣ: иначе го

по дневнику, писанному имъ изо-дня въ день.—Тьеръ, т. XX, кн. LXI: второе отреченіе.

¹⁾ Барантъ. 21 іюня 1815 г.

вора, палата, пользуясь бездѣйствіемъ власти, захватила ее въ свои руки. Люсьенъ слѣшшитъ въ Елисейскій дворецъ, требуетъ декрета, но министры угрюмо молчатъ, Наполеонъ попрежнему бездѣйствуетъ, откладываетъ рѣшеніе и, только временами выходя изъ своей апатіи, произноситъ неопредѣленные слова, въ духѣ Людовика XVI, слова разбитаго человѣка: «Надо подождать, посмотримъ, что будетъ». Онъ ждетъ счастья, наитія свыше, какъ пятнадцать лѣтъ назадъ въ Сентъ-Клу, когда онъ, почти задыхаясь, выходилъ изъ оранжереи, а Совѣтъ пятисотъ обѣшено кричалъ: «Внѣ закона!» Но счастье не возвращается. Ему уже не тридцать лѣтъ, онъ уже не чудесный спаситель, возвращающійся съ востока передъ подорвавшей всякую вѣру въ себя директоріей. Теперь уже онъ самъ и его имперія обличаются палатой и отвергаются Парижемъ. Волна, вознесшая его, теперь возвращается вспять, и онъ даже не борется, онъ отдается ей и гибнетъ.

Министры совѣщаются съ депутатами; приходятъ къ рѣшенію назначить комиссію изъ уполномоченныхъ, которая должна вести переговоры съ союзниками. Власть Наполеона расплывается клочьями. У него нѣтъ самаго существеннаго условія, необходимаго для государственнаго переворота—силы и, прежде всего, силы нравственной, общественнаго мнѣнія. Парижъ снокоенъ, какъ бы равнодушенъ. Національная гвардія безстрашна. За Наполеона поднимаются только шайки федералистовъ, толпы черни, которыя окружаютъ Елисейскій дворецъ, горланять, поютъ, провозглашаютъ революцію, да небольшое число тѣхъ военныхъ, которые всегда готовы бростись въ самое отчаянное дѣло, противъ кого и гдѣ угодно. Даже для самого Наполеона это уже не героическое искушеніе, какъ въ Фонтенебло, не послѣдняя схватка, послѣдняя битва, кровавая жертва роковой судьбы. Выступить противъ Національнаго Собранія во главѣ этихъ орды было бы хуже отреченія отъ славы, чести, жизни: это былъ бы не болѣе, какъ мятежь, повтореніе 20 іюня, 10 августа, но въ обратномъ смыслѣ. Возможно, что эта мысль и мелькала у него при видѣ оборота, который принимали пренія въ палатѣ. Но надо было удостовѣриться, на зрѣла ли революція въ Парижѣ? могъ ли Наполеонъ сдѣлаться ея вождемъ и въ нѣсколько часовъ подняться опять на вершину той лѣстницы, по которой онъ спускался, начиная со ступеней церкви св. Роха. Впослѣдствіи на островѣ Св. Елены онъ часто возвращался къ обсужденію того плана, который волновалъ его умъ въ день 21-го и въ ночь съ 21-го на 22-ое, когда чернь выла подъ его окнами.

Этотъ планъ заключающа не болѣе и не менѣе, какъ въ томъ, чтобы провозгласить правленіе во имя общественнаго спасенія, объявить себя диктаторомъ, какъ въ 1804 году онъ провозгласилъ себя

императоромъ республики. Въ министерство было бы включено нѣсколько членовъ прежняго комитета: Камбасересъ, Карно, Мерленъ, и было бы примѣнено средство 93 и 94 годовъ — терроръ, потому что другого средства онъ, подобно Робеспьеру, не находилъ. Такимъ образомъ революція была бы направлена противъ самой себя. Послѣ Ватерлоо грозила та же опасность, что и послѣ Нервиндена, а потому требовалось и то же средство: «Если бы я тамъ (въ Парижѣ) остался послѣ Ватерлоо если бы я отрубилъ съ сотню головъ, начиная съ Фуше, то съ помощью черни я могъ бы удержать Парижъ... Вернувшись изъ подъ Ватерлоо, я былъ того мнѣнія, что Фуше необходимо отрубить голову. Я даже нацѣтилъ военный судъ въ томъ составѣ, который судилъ герцога Энгенскаго, т. е., изъ людей, которые рисковали... (при этомъ Его Величество провелъ рукой по галстугу). Это былъ подходящий народъ... Они раздѣляли мое мнѣніе на этотъ счетъ, я и раскаиваюсь, что не сдѣлалъ этого. Но кто же думаетъ, что Людовикъ XVI погибъ оттого, что не велѣлъ перерѣзать глотку герцогу Орлеанскому? Я долженъ былъ явиться въ палату тотчасъ же по пріѣздѣ. Я бы ихъ взволновалъ, увлекъ, горячей рѣчью возбудилъ бы въ нихъ энтузіазмъ. Я приказалъ бы отрубить голову Ланжюине, Лафайету и дюжигъ другихъ. Я прежде всего сдѣлалъ ошибку, оставивъ Ланжюине президентомъ: слѣдовало назначить Карно. Это человѣкъ, знакомый съ революціями и обладающій большимъ мужествомъ». «Одинъ Карно былъ того мнѣнія, что послѣднее пораженіе не отличается отъ тѣхъ, которыя Франція терпѣла во времена революціи, и что подъ Парижемъ, гдѣ имѣлись орудія, армія вновь могла прійти въ боевой порядокъ. Всѣ остальные утверждали, что все погибло». Слѣдовало войти въ палату, какъ Кромвель, а Наполеонъ не былъ Кромвелемъ¹⁾. «Можно ли было въ такую минуту вызывать народное возмущеніе, воздвигать гильотину? Да и притомъ надо сказать, что у меня не хватило на это мужества. Въ 1793 г. остановились на террорѣ, потому что другого средства не было. Впрочемъ, мнѣ бы это и не удалось. У меня было слишкомъ много враговъ. Я бы подвергъ себя страшной опасности. Предвидѣлось только много крови и мало успѣха. Поэтому, когда я увидѣлъ, что палата противъ меня, я сказалъ: «Вы думаете, госнода, что я оказываюсь препятствіемъ для заключенія мира. Что-жь, устраивайтесь, какъ хотите»... Я предпочелъ отречься въ пользу своего сына, предоставивъ имъ выпутываться самимъ, чтобы показать имъ, что вражду возбуждала не только моя особа, но и сама Франція»²⁾.

¹⁾ Дневникъ Гурго. (Journal de Gourgaud) «Нельзя проводить сравненія между мною и Кромвелемъ: я трижды былъ избранъ народомъ».

²⁾ Разговоры 31 августа и 23 сентября 1817 года. Дневникъ Гурго, т. II.

«Царствовать съ помощью топора!» Къ чему? А если не удастся? Быть Бонапартомъ Лоди, Милана, быть консуломъ, законодателемъ и умиротворителемъ гражданскихъ междоусобій, героемъ Аустерлица, чтобы погибнуть отъ руки палача, какъ Анрію; повторить 2 іюня 1793 года, наводить на національное собраніе орудія вандемьера! Добиться избранія французской націей, помазанія на царство палкою въ соборѣ Парижской Богородицы (Notre-Dame); быть женатымъ на эрцгерцогинѣ австрійской, чтобы погибнуть въ ратушѣ, какъ Робеспьеръ—съ раздробленной челюстью, отвратительнымъ, обезображеннымъ повязкой подъ челюстью, ослепленнымъ чернью, брошеннымъ въ свалочную яму и, можетъ быть, хуже того, кончить тюрьмой, эшафотомъ на Тронной площади, разстрѣломъ у Венсенской тюрьмы или, наконецъ, въ видѣ крайняго исхода, самоубійствомъ, удавясъ въ тюрьмѣ галстуккомъ, какъ Писсегрю! Онъ отступилъ съ отвращеніемъ. И, когда Даву сталъ указывать ему на всю бесполезность и омерзительность этого предпріятія, онъ сказалъ: «Таково всеобщее желаніе. Мнѣ это не будетъ тяжело, чѣмъ все остальное». И онъ 22 іюня 1815 года во второй разъ подписалъ свое отреченіе. Потомъ онъ поѣхалъ въ Мальмезонъ, гдѣ умерла Жозефина, въ Мальмезонъ, утопавшій еще въ зелени и цвѣтахъ. Передъ отъѣздомъ въ изгнаніе, откуда, какъ онъ чувствовалъ, ему уже не вернуться, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ онъ дышалъ во дни своей весны.

III.

Было назначено временное правительство, при чемъ власть опять, какъ и всегда, ускользнула изъ рукъ Лафайэта. Фуше въ качествѣ президента сталъ во главѣ правительства. Все улыбалось ему, какъ въ 1814 году Таллейрану. Онъ торжествовалъ и долженъ былъ довести свое торжество до чудовищныхъ размѣровъ: онъ, царубійца—членъ совѣта короля! Онъ принялся за старую работу, основа которой начата была имъ еще въ 1809 г., во времена Вальшерена, и не снималась со станка съ 1810 г. Онъ сталъ разсылать прокламаціи въ стилѣ Конвента; собралъ и объединилъ національную гвардію; открылъ опять клубы; взывалъ объ общественномъ спасеніи, себя же объявилъ лишь орудіемъ для его осуществленія. Онъ пробудилъ весь старый революціонный и якобинскій духъ, бродившій еще во Франціи. Самъ спустилъ «чу-

стр. 283, 231.—Сравните съ Монтолономъ, подъ тѣми же числами, т. II, стр. 179—180, 201—202 и 12 іюля 1817 г., т. II, стр. 150: «Дѣйствительно, тогда пришлось бы царствовать съ помощью топора, а я чувствовалъ къ этому отвращеніе».

довище», онъ теперь увѣрялъ роялистовъ, что онъ—единственный человекъ, способный обуздать его. Патриотовъ и республиканцевъ онъ увѣрялъ, что никто, кромѣ него, не можетъ спасти ихъ отъ мести и изгнанія. Онъ велъ переговоры съ англичанами, которые одни только изъ союзниковъ искренно желали возстановленія Бурбоновъ, и увѣрялъ ихъ, что онъ одинъ въ силахъ провести эту реставрацію. Либераловъ онъ увѣрялъ, что только онъ въ состояніи оградить отъ союзниковъ независимость націи, а отъ Бурбоновъ политическую свободу. Бонапартистовъ онъ увѣрялъ, что онъ единственный человекъ, способный обезпечить тронъ Наполеона II, а монархистовъ, что только онъ въ состояніи отстранить отъ трона этого принца.

Но событія пошли быстрѣе, чѣмъ бы онъ хотѣлъ. Наполеонъ былъ побѣжденъ слишкомъ рано; его власть рушилась слишкомъ скоро, слишкомъ легко. Франція была заинтересована въ томъ, чтобы Бурбоны возвратились въ Парижъ до иностранцевъ; чтобы союзники застали уже правительство, установленное силою событій и поддерживаемое націей, правительство, съ которымъ имъ пришлось бы считаться. Но это всеѣмъ не входило въ расчеты Фуше, потому что при такихъ условіяхъ онъ сталъ бы ненужнымъ и потерялъ бы всякую цѣну на рынкѣ. Поэтому онъ приложилъ все усилія къ тому, чтобы все запутать, затянуть дѣло, хотя бы съ опасностью все погубить. Подводя эту контрминуту, онъ выказалъ еще большее коварство, чѣмъ при своихъ заговорахъ временъ Ста дней. Подкапываясь подъ имперію Наполеона, онъ сумѣлъ въ то же время втереться въ довѣріе къ нему: онъ сдѣлался необходимымъ Бурбонамъ, реставраціи которыхъ противодействовалъ. Кажется, никогда еще свѣтъ не видалъ такой сложной, тонкой и дерзкой игры, если не считать времени разгара интригъ Фронды, да и тогда интриги не велись съ большимъ успѣхомъ.

Теперь всюду шла ожесточенная борьба: боролись депутаты, какъ Лафайэтъ съ друзьями, такъ и сохранившіеся приверженцы имперіи; боролись все тѣ, которые, присоединившись въ апрѣлѣ 1814 г., отпали въ мартѣ 1815 г., и которые отлично знали, что на этотъ разъ знаменитая статья о забвеніи и о *голосованіи*¹⁾ будетъ отмѣнена; наконецъ, боролись все тѣ (а ихъ было много), для которыхъ первая реставрація была разочарованіемъ, а вторая равнялась бы разоренію, изгнанію, можетъ быть, смерти. Они не хотѣли Наполеона, но еще менѣе желали Людовика XVIII. Наиболѣе осторожные заговаривали о Наполеонѣ II, надѣясь на поддержку Австріи; болѣе освѣдомленные ука-

¹⁾ См. выше, стр. 257.

зывали на Орлеановъ, разсчитывая на Россію и воображая, конечно, что имъ удастся привлечь англичанъ, потому что у нихъ тоже былъ свой Вильгельмъ III! Они не довѣряли Фуше, подчиняясь ему въ то же время. Они остерегались его интригъ и подозрѣвали въ немъ намѣреніе захватить въ свои руки все дѣла, какъ это сдѣлалъ годъ тому назадъ Таллейранъ. Поэтому теперь не должно было быть ни тайныхъ собраній, ни Сенъ-Флорантенскаго отеля. Все должно было совершаться официально, посредствомъ делегацій и уполномоченныхъ, съ помощью докладовъ и обсужденій.

Прежде всего необходимо было узнать намѣренія союзниковъ. Охотники до новостей, довѣренные лица, окружавшія Александра, какъ служанціе по найму, такъ и личные его приближенные, друзья Лагарпа, представители либеральныхъ и идеалистическихъ теченій—все жужжали, давая понять, что царь болѣе, чѣмъ когда-либо, оказывается хозяиномъ положенія, что онъ ненавидитъ Бурбоновъ не менѣе, чѣмъ сами французы, будучи такъ же обманутъ ими, какъ и конституціоналисты 1814 года; они прибавляли, что Франція вольна избрать себѣ главу, что союзники не станутъ въ это вмѣшиваться; что весь тонъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ оставлялъ то же впечатлѣніе. Важно было получить прямое, опредѣленное подтвержденіе этого. Комиссіи изъ пяти уполномоченныхъ (Себастьяни, Понтекуланъ, Лафоре, Лафайэтъ и Войе д'Аржансонъ съ Бенжаменомъ Констаномъ въ качествѣ секретаря) было поручено отправиться въ главную квартиру коалиціи со слѣдующими инструкціями: настаивать на переходѣ престола къ Наполеону II, на цѣлостности государственной территоріи *не менѣе, чѣмъ въ предѣлахъ 1814 года*; на безопасности и неприкосновенности личности Наполеона ¹⁾.

Слова эти «не менѣе, чѣмъ въ предѣлахъ 1814 г.» указывали на непомѣрную наивность ихъ иллюзій, на ихъ неискоренимую увѣренность, что съ пораженіемъ Наполеона, успокоенная, умиротворенная Европа вернетъ Франціи, принявшей вновь либеральное направленіе, предѣлы республики въ границахъ до Рейна. Официальный, заранѣе обдуманый, двусмысленный отвѣтъ союзниковъ долженъ былъ поддержать въ нихъ иллюзію, которою они питались въ теченіе пятнадцати лѣтъ, что едва не привело Францію опять къ гибели. Члены комиссіи требовали опредѣленной деклараціи. Союзники же могли имъ дать только свой общій, заранѣе сообща придуманный отвѣтъ: что они не станутъ вмѣшиваться

¹⁾ Послѣдній пунктъ не былъ лишнимъ. Въ письмѣ Поццо къ Нессельроде отъ 27 іюня мы читаемъ: «Если бы Дессоль согласился захватить Бонапарта, онъ бы могъ это исполнить; но онъ отказался отъ такого поступка, который, по его словамъ, противорѣчилъ личнымъ свойствамъ его утонченной природы».

во внутреннія дѣла Франціи. Англичане дѣйствовали такимъ образомъ изъ-за своего парламента, пруссаки—потому что разсчитывали при всякомъ другомъ правительствѣ, кромѣ Бурбоновъ, побольше урѣзать земель и сильнѣе поживиться за счетъ Франціи, русскіе же для того, чтобы остаться при своемъ требованіи плебисцита и майскихъ народныхъ собраній (*champ de mai*) ¹⁾.

26 іюня члены комиссіи встрѣтились съ дипломатами коалиціи въ тылу арміи, въ Гагенау ²⁾. «Мы желаемъ только независимости и свободы своей страны, сказалъ Себастьяни, ни одинъ вопросъ не предрѣшенъ нами, ни одно обязательство не связываетъ насъ». Они выражали готовность вступить въ переговоры. Но союзники отказались, ссылаясь на то, что у англичанъ нѣтъ на это полномочій. Къ тому же они требовали, чтобы Наполеонъ былъ отданъ подъ ихъ надзоръ. По ихъ словамъ, они не намѣрены были навязывать Франціи ни Бурбоновъ, ни какого бы то ни было другого правительства, но «твердо рѣшились настаивать на самыхъ строгихъ гарантіяхъ и мѣрахъ предосторожности, чтобы воспрепятствовать Наполеону вновь появиться на міровой сценѣ». Члены комиссіи желали Наполеона II или принца Орлеанскаго; изъ переговоровъ они вынесли впечатлѣніе, что Наполеонъ II былъ нежелателенъ союзникамъ, и что тайныя симпатіи ихъ, въ сущности, были на сторонѣ принца Орлеанскаго. Предосторожности противъ Наполеона, которыхъ требовали союзники, не тревожили уполномоченныхъ; у нихъ не являлось даже подозрѣнія, что за этимъ уваженіемъ къ независимости Франціи со стороны побѣдителей могла скрываться какая-нибудь задняя мысль, если не ловушка. Они, казалось, получили тотъ отвѣтъ, котораго добивались. Большаго они и не желали. Отнынѣ судьба Франціи была въ ея собственныхъ рукахъ, и депутаты получали полную свободу дѣйствія.

Однако союзники, воспользовавшись простодушіемъ французскихъ уполномоченныхъ, сами нисколько не обманывались на этотъ счетъ и отлично видѣли, что эти показные переговоры не приближаютъ ихъ къ главной ихъ цѣли—къ заключенію мира. Англичане и русскіе, сильно раздраженные взаимнымъ соперничествомъ, одинаково заинтересованные въ установленіи во Франціи прочной власти, которая, въ случаѣ надобности, могла бы послужить на пользу и каждому изъ нихъ противъ другого, старались раскрыть своимъ правительствамъ (русскіе Александру, англичане своему кабинету) дѣйствительное положеніе дѣла. Пруссакамъ же и всемъ нѣмцамъ вообще они предоставляли вымогать, прижимать,

¹⁾ Нессельроде къ Поццо, 17 іюня 1815.

²⁾ Инструкція отъ 25 іюня 1815 г.—Angeberg.—Pasquier, т. III, стр. 315.—Pontecoulant, *Souvenirs*.

грабить, притѣснять, вѣшать и разстрѣливать въ волю¹⁾). Въ этомъ дѣлѣ особенно выдѣлялись Поццо-ди-Борго своей корсиканской изворотливостью и любезностью, а Веллингтонъ высокоуміемъ, чопорностью и флегматичностью; одинъ старался больше очаровать, чѣмъ дѣйствительно помочь французамъ, другой же полагалъ свою гордость британца въ томъ, чтобы оказать услугу, не заботясь о томъ, чтобы понравиться. Поццо приходилось бороться съ предубѣждениями царя, съ его уязвленнымъ самолюбіемъ, его конституціонными причудами: будучи лучше знакомъ съ публичнымъ правомъ старой Франціи, онъ ему доказывалъ, что плебисцитъ бесполезенъ, ненуженъ, даже опасенъ. Монархія, говорилъ онъ, — ничто, если перестаетъ быть принципомъ, принципъ же этотъ обращается въ ничто, если онъ зависитъ отъ голосованія и тѣмъ болѣе отъ голосованія царсубійца. «Бурбоны — не семья, а учрежденіе... Европѣ они нужны для поддержанія мира, а Франція необходима, чтобы добиться свободы».

Веллингтонъ раздѣлялъ эти взгляды, что не разъ высказывалось въ ихъ бесѣдахъ²⁾). Въ Лондонѣ общественное мнѣніе требовало болѣе прочныхъ гарантій при другомъ правительствѣ. Даже и при Бурбонахъ эти гарантіи должны были быть весьма серьезны, на примѣръ, «нѣсколько пограничныхъ крѣпостей, включая сюда и Лиль»³⁾). Веллингтонъ оказался однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ государственныхъ людей и полководцевъ, которые, и будучи побѣдителями, буквально исполняютъ обязательства, принятыя ими до сраженія, считая это для себя вопросомъ чести. Еще въ Вѣнѣ онъ обѣщалъ, что осуществитъ Парижскій трактатъ 30 мая; во всѣхъ бесѣдахъ онъ проявлялъ себя сторонникомъ Бурбоновъ, которыхъ признавалъ единственной гарантіей Парижскаго мира, единственно прочнаго, по его мнѣнію, мира. Онъ заявилъ, переступая границу: «Я вступаю въ эту страну не врагомъ. Я только врагъ врага рода человѣческаго, съ которымъ не хочу ни мира, ни перемирія. Я иду, чтобы помочь французамъ свергнуть то желѣзное ярмо, которое гнететъ ихъ». И онъ исполнилъ то, что говорилъ.

Блюхеръ хотѣлъ гнаться за Наполеономъ, схватить его и «разстрѣлять на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ герцогъ Ангьенскій». По этому поводу Веллингтонъ писалъ Блюхеру: «Мы съ вами играли слишкомъ благо-

¹⁾ Ихъ возмутительное поведеніе описано въ моемъ этюдѣ, озаглавленномъ: «*Le traité du 20 novembre 1815*», стр. 68 и слѣд.—Поццо къ Нессельроде, 9 іюля 1815 г. Половцовъ.

²⁾ Поццо-ди-Борго къ Нессельроде 13, 23 мая, 4, 17 іюня 1815. Половцовъ.

³⁾ Меморандумъ Ливерпуля къ Кэстльри, 30 іюня 1815.

родную роль въ послѣднихъ событіяхъ, чтобы унизиться до роли палача». То же доказывалъ онъ и Кэстльри, пріѣхавшему къ нему, котораго и убѣдилъ весьма быстро, и Ливерпулю, судившему издали подъ вліяніемъ слуховъ и страстнаго возбужденія въ Лондонѣ. Онъ доказывалъ имъ, что только реставрація и возможна, а слѣдовательно, она и должна быть проведена. При чемъ добавлялъ, что интересы самихъ союзниковъ требуютъ, чтобы эта реставрація была почетна и благотѣльна для Франціи, чтобы династія была популярна въ настоящемъ и могущественна въ будущемъ. Больше того. Онъ торопилъ Людовика XVIII вернуться какъ можно скорѣе, занять свое мѣсто до вступленія союзниковъ въ Парижъ. Всѣ заговоры, по его мнѣнію, должны были прекратиться сами собой, разъ что союзники застали бы его возстановленнымъ на французскомъ престолѣ; совершившійся фактъ былъ бы сильнѣе всякихъ козней, и союзники вынуждены были бы вступить съ нимъ въ переговоры и естественно шадилы бы его, а онъ, не будучи обязаннымъ имъ своимъ трономъ, выйдя изъ двусмысленнаго положенія 1814 года, могъ бы говорить съ ними какъ полноправный государь, отстаивающій интересы своего народа. Онъ совѣтовалъ и Таллейрану спѣшить вѣлѣдъ за королемъ¹⁾). Веллингтонъ переговорилъ и съ Фуше, котораго считалъ необходимымъ человѣкомъ и на котораго имѣлъ чудесное, неотразимое вліяніе, вліяніе ограниченнаго, упрямаго, прямолинейнаго человѣка на сбивчивый, неустойчивый умъ, одурѣлый отъ суетливой дѣятельности и легко теряющій слѣдъ въ близорукой погонѣ за ближайшей цѣлью. «Прежде всего важно», писалъ Веллингтонъ Таллейрану, чтобы король былъ возстановленъ на своемъ престолѣ безо всякихъ условій и затѣмъ такъ, чтобы въ этомъ возстановленіи не чувствовалось участія союзной арміи»²⁾).

Нельзя было терять времени. Союзная армія подходила къ Парижу. Фуше съ одной стороны, съ другой—Таллейранъ вели переговоры съ Людовикомъ XVIII, обезудая французскую хартію и свои частныя соглашенія; король не торопился, торговался, изошрялся въ истолкованіи словъ, и, пока шли препирательства, время уходило, и случай грозилъ ускользнуть. Веллингтонъ рѣшилъ дѣйствовать открыто³⁾). 29 іюня новая коммисія, такъ какъ первая въ это время была въ Гагенау, явилась въ Дувръ, въ главную квартиру Веллингтона. Ее составляли: Андреевскіи,

¹⁾ Веллингтонъ Таллейрану, 24 іюня 1815 г. Ср. письма Поццо къ Нессельроде, 23 мая, 26 іюня 1815 г.

²⁾ Веллингтонъ къ графу Ватурету, 2 іюля; Поццо къ Нессельроде 1 іюля 1815 г.

Фложергъ, Буасси Д'Англа, де Валансъ и Ла-Бенардьеръ, бывший посланникъ Бонапарта въ Лондонѣ, бывший членъ комитета II года, генераль арміи Дюмурье. Они требовали прекращенія военныхъ дѣйствій. Веллингтонъ отказалъ имъ. Они заговорили о будущемъ правительствѣ Франціи, стараясь уяснить себѣ, склонны ли признать союзники регентство или какую-нибудь другую замѣняющую его форму правленія, о которой они умалчивали. Веллингтонъ уклонился отъ отвѣта, замѣтивъ только: союзники уже объявили, что не заключать мира ни съ Наполеономъ, ни съ вѣмъ-либо изъ его родственниковъ. На это-то и рассчитывали эти ловкіе политики. Они стали дѣлать неясные намеки относительно иностраннаго принца ¹⁾ и, наконецъ, осторожно назвали герцога Орлеанскаго. Веллингтонъ видѣлъ, къ чему они клоняты. Отвѣтъ его не допускалъ никакихъ двусмысленныхъ толкованій. «По моему мнѣнію, Европа не можетъ надѣяться на миръ въ томъ случаѣ, если на французскій престолъ вступитъ кто-нибудь иной, а не король. На всякое лицо, возведенное такимъ образомъ на тронъ, должны будутъ смотрѣть какъ на узурпатора, который склоненъ будетъ виѣшними войнами и завоеваніями заставить народъ забыть о незаконности своей власти; въ такомъ случаѣ, европейскія державы должны будутъ принять мѣры къ защитѣ себя отъ такого зла. Во всякомъ случаѣ я могу васъ увѣрить, что, если рѣшеніе, о которомъ вы говорите, будетъ принято, и если я не получу противоположныхъ инструкцій отъ своего правительства, я употреблю все свое вліяніе на союзныхъ государей, чтобы убѣдить ихъ настаивать, помимо трактата, на особыхъ гарантіяхъ для сохраненія мира». Положеніе было ясно: или Бурбоны, или раздробленіе территоріи, военная контрибуція, разоруженіе крѣпостей, оккупация. Депутаты ушли, съ чѣмъ пришли, и, несмотря на вполне ясный смыслъ этого отвѣта, не больше проникли въ дѣйствительное положеніе дѣла, чѣмъ ихъ первые коллеги въ Гагенау.

IV.

3 іюля Парижъ капитулировалъ. Капитуляція, подписанная за Англію полковникомъ Гернеемъ, за Пруссію генераломъ Мюфплингомъ и ратификованная Даву, гласила въ статьѣ XII слѣдующее ²⁾:

¹⁾ Въ 1817 году въ тѣхъ же сферахъ думали о принцѣ Оранскомъ. Въ 1791 году о герцогѣ Брауншвейгскомъ, въ 1799 о Генрихѣ Пруссскомъ.—Ср. Барнъ, письмо 4 іюля 1815 года, т. II, стр. 165, 315—317. См. т. II, стр. 281—283, 294, т. V, стр. 368. Коммисія въ Гагенау будто бы говорила о принцѣ Саксонскомъ. Паскье, т. III, стр. 316.

²⁾ Angeberg, стр. 14, 63.

«Будутъ уважаться права личности и частная собственность. Столичные жители и все лица, находящіяся въ столицѣ, будутъ по прежнему пользоваться своими правами и свободою. Никто изъ нихъ не будетъ подвергаться преслѣдованію и сыску за занимаемая ими теперь или прежде должности, за поведеніе и за политическія убѣжденія».

Эта статья—полная противоположность деклараціи герцога Брауншвейгскаго въ 1792 году,—достойна быть помѣщенной въ концѣ книги, которая зарегистрировала бы все поправныя клятвы и неисполненныя обѣщанія, нарушенныя договоры, все отпирательства отъ своихъ словъ, все поправное правосудіе по отношенію къ народамъ и отдѣльнымъ лицамъ: въ концѣ книги, которая начиналась бы раздѣломъ Польши и окончивалась бы циничнымъ искаженіемъ самаго яснаго текста, какой когда-либо былъ составленъ договаривающимися сторонами. Ней и Лабедуайеръ, пары Франціи, находились въ Парижѣ; въ палатѣ, въ магистратѣ, въ институтѣ засѣдало значительное количество лицъ, причастныхъ къ убійству Людовика XVI. Этотъ договоръ отдавалъ ихъ подъ защиту международнаго права, ихъ безопасность была взаимнымъ обязательствомъ, неразрывно связаннымъ съ капитуляціею Парижа, это было вопросомъ чести, какъ для союзниковъ, такъ и для Даву, подписавшаго за Францію. Даву отстаивалъ свою честь, союзники же не были такъ щепетильны и дали полный просторъ партійному мнѣнію, которое и привело Ней и Лабедуайера къ разстрѣлу, а парубійцъ къ ссылке.

Члены коммисіи вернулись изъ Гагенау и изъ главной квартиры Веллингтона. Депутаты, считая себя теперь уже достаточно освѣдомленными, предполагали вотировать конституцію и послать депутацію въ лагерь союзниковъ съ цѣлью предложить «совѣмъ иного государя, отнюдь не изъ Бурбонской династіи». При тогдашнихъ обстоятельствахъ это значило предложить расчлененіе Франціи. Но делегаты не смогли перейти за парижскую заставу, и это было къ лучшему. Реставрація произошла помимо ихъ вѣдома. Людовикъ XVIII двинулся въ путь. 5 іюля онъ остановился въ Арнувилѣ. Тамъ онъ и принялъ Фуше, уже настроеннаго Веллингтономъ ¹⁾, въ Нейльи, гдѣ они тайно свидѣлись. Фуше велъ ту же игру и съ тѣмъ же расчетомъ, что Таллейранъ въ 1814 году, и пришелъ къ такому же соглашенію съ королемъ. Король взялъ Фуше, какъ бы закрывъ глаза, Фуше отдался, вѣрнѣе, продалъ себя, получилъ свое жалованье, до остального же ему было мало дѣла. У него было надежное мѣсто—постъ министра полиціи. Это-то, въ сущности, по его мнѣнію, и требовалось для Франціи, и въ этомъ заклю-

¹⁾ Поццо къ Нессельроде, 4 и 8 іюля 1815.

чался весь смысл его превращенія въ роялиста въ 1815 году и его республиканская добродѣтель въ 1793 г. ¹⁾ Фуше предлагалъ себя не одинъ, весь дворъ стоялъ за него. «Что дѣлать? сказала Таллейранъ Паскье, все объединились, чтобы предписать намъ этотъ законъ. Герцогъ Веллингтонъ, который только объ этомъ и думаетъ, самъ пришелъ уговаривать короля... И это еще не все. Сень-Жерменское предмѣстье только о Фуше и говоритъ; во всѣхъ письмахъ и донесеніяхъ эмпсаровъ, получаемыхъ принцами, вотъ уже двѣ недѣли только и рѣчи, что о немъ и о громадныхъ услугахъ, оказываемыхъ имъ дѣлу монархіи. Наконецъ, байли Крюссоль пріѣхалъ вчера и такъ повліялъ на графа д'Артуа, что тотъ сегодня утромъ поѣхалъ къ королю». «Байли Крюссоль, убѣжденный въ своихъ принципахъ и стойкій въ своихъ мнѣніяхъ, передаетъ Витролла, проповѣдывалъ на каждомъ перекресткѣ, что спасеніе короля и королевства исключительно въ рукахъ Фуше. До сихъ поръ я думаю, что такое шатаніе во мнѣніяхъ возможно только для народнаго невѣжества, и былъ немало удивленъ, убѣдившись, что салоны Сень-Жерменскаго предмѣстья легче поддаются ему, чѣмъ кабачки Сентъ-Антуанскаго предмѣстья».

Два дѣльца временъ Барраса, два товарища временъ брюмера; заговорщики временъ Маренго, Мадрида, Ваграма, одинъ князь, другой герцогъ имперіи, рука объ руку вышли изъ кабинета брата Людовика XVI; одинъ высокій, напудренный, наглый, кривоногий, хромою, опирался на руку другого тощаго, блѣднаго, подергивающагося ²⁾. «Хотѣлось бы мнѣ знать, что-то говорятъ другъ другу эти агнцы», пробормоталъ Поццо, встрѣтившій ихъ въ эту минуту.

6 іюля Блюхеръ и пруссаки вступили въ Парижъ, англичане между тѣмъ расположились лагеремъ въ Булонскомъ лѣсу ³⁾. Они изгнали изъ Люксембургскаго дворца Наполеоновскихъ пѣровъ, засѣдавшихъ еще подъ предѣдательствомъ Камбасереса. Префектъ полиціи Деказь завладѣлъ ключами отъ палаты депутатовъ. 8-го *Moniteur* объявилъ, что палата распущена. Фуше официально перешелъ отъ временнаго правительства, дѣйстви-

¹⁾ «Я согласенъ съ Фуше, пишетъ Прудонъ, и думаю, что всего проще было тогда возстановить Бурбоновъ. Фуше не измѣнилъ. Онъ былъ тогда, какъ и всегда, представителемъ той обширной партіи патриотовъ, или умѣренныхъ революціонеровъ, которые любили императора не болѣе, чѣмъ терроръ, и которые всегда были готовы примириться съ Бурбонами, если бы тѣ имъ обезпечили сохраненіе ихъ имущества, должностей и новыхъ правъ, созданныхъ революціей». *Commentaires sur les mémoires de Fouché*.

²⁾ «Порокъ, опирающійся на преступленіе». Шатобрианъ. Мемуары.— Broglie, *Souvenirs*, т. I, стр. 310.

³⁾ Объ ихъ разногласіяхъ, Поццо къ Нессельроде, 2 іюля 1815 года. Понцовъ.

вашаго противъ Бурбоновъ, къ министерству Бурбоновъ, дѣйствовавшему противъ временнаго правительства. Депутаты, явившіеся на засѣданіе, нашли палату запертою и окруженною войсками, это былъ монархическій фруктидоръ. Они поняли этотъ урокъ съ полуслова. Они вернулись домой, какъ при брюмерскомъ переворотѣ, довольные тѣмъ, что ихъ не отправили въ Гвиану, какъ во времена директоріи, и что головы ихъ держатся крѣпче на плечахъ, чѣмъ послѣ второго іюня 1793 года. Вступленіе Людовика XVIII въ Парижъ совершилось 9-го съ большей простотой и болѣе по солдатски, чѣмъ въ 1814 году, но и при болѣе общихъ привѣтствіяхъ народа, кое-гдѣ переходившихъ въ энтузіазмъ ¹⁾. «Я предвидѣлъ, сказалъ онъ, бѣдствія, грозившія Парижу, я хочу ихъ предупредить и смягчить». Таково было его желаніе, и въ этомъ только заключалось его право на существованіе, какъ короля во Франціи, и его сила по отношенію къ иностранцамъ.

Все преклонились передъ совершившимся фактомъ. Веллингтонъ, Кастелъри и Поццо были довольны. Александръ покорился и думалъ теперь только о томъ, какъ бы обратить французскую монархію и націю въ кліентку Россіи.

У.

Предстояли огромныя, можно сказать, мучительныя затрудненія. Прежде всего весьма жестоко было вторженіе иноземцевъ съ неизбѣжнымъ разгудомъ мщенія, не нашедшаго выхода въ прошломъ году. Затѣмъ наиболѣе острый и затруднительный вопросъ о присутствіи Наполеона. Этотъ человекъ, наполнившій собою міръ въ продолженіе девятнадцати лѣтъ, доведенный отнынѣ до полнаго безсилія, не зналъ, что съ собою дѣлать; и побѣдители, въ свою очередь, также не знали, что съ нимъ дѣлать. Эта колоссальная личность рѣшительно не укладывалась въ рамки стараго міра.

Наполеона нельзя было послать ни въ Россію, ни въ Германію, ни въ Италію, гдѣ полуплѣнницей жила его жена; ни въ Австрію, гдѣ какъ бы въ заточеніи содержался его сынъ, которому предстояло затѣмъ попасть въ руки придворныхъ и государственныхъ педантовъ: опасно было отпустить его и въ Америку, откуда слишкомъ легко возвращаются. Такимъ образомъ Англія, единственное государство, владѣвшее отдаленными островами, къ которымъ оно могло воспретить доступъ, въ случаѣ надобности блокируя эти острова, съ неудовольствіемъ чувствовала, что ей неизбѣжно придется взять на себя охрану плѣнника. Англійскіе министры

¹⁾ Барантъ, т. I, стр. 164. Кастелланъ, т. I, стр. 295.

предпочли бы возложить на кого-нибудь другого эту невѣжливую обязанность и отдѣлаться отъ императора другимъ способомъ... *Онъ долженъ былъ умереть!* Какъ онъ самъ не расправится съ собой! Лордъ Ливерпуль по этому поводу разсуждалъ ¹⁾: «Одно изъ двухъ, или Наполеонъ долженъ вернуться къ своему прежнему положенію простаго французскаго подданнаго, или же онъ совѣтъ ничто. Слѣдовательно, онъ дѣйствовалъ въ своихъ предпріятіяхъ какъ *outlaw*, какъ человекъ отверженный, внѣ законовъ, какъ *hostis generis humani* (врагъ человѣческаго рода)». Въ первомъ случаѣ онъ подлежитъ суду французскаго короля. «Мы бы желали, пишетъ лордъ Ливерпуль Кэстлри, чтобы французскій король разстрѣлялъ или повѣсилъ Бонапарта. Это былъ бы лучший способъ покончить дѣло». Ливену, послу Александра ²⁾, онъ говорилъ: «Здѣшніе законовѣды въ общемъ держатся того мнѣнія, что Его Величество, Христіаннѣйшій король, имѣлъ бы полное право безъ долгихъ разсужденій судить и приговорить его». Прибавимъ: «и безотлагательно привести приговоръ въ исполненіе». (Судъ, арестъ и смерть герцога Энгенскаго). Для этого за неимѣніемъ венсенскаго военнаго совѣта могли служить превотальные суды, «самое хорошее учрежденіе, какъ говорилъ Наполеонъ, чтобы сдерживать мелкій людъ и чернь... Въшать, есылать, изгонять,—вотъ что остается Бурбонамъ. Въ 1814 году они думали залѣчить все розовой водицей, и за это ихъ сковырнули» ³⁾. Но Людовикъ XVIII думалъ иначе и былъ правъ. Судъ пэровъ, котораго было достаточно, чтобы осудить Нея, не годился для Наполеона.

Оставался другой выходъ: убить его. Онъ былъ признанъ внѣ закона какъ Европой, такъ и ея представителями въ Вѣнѣ. Нуженъ былъ только рѣшительный человекъ: Мобреиль былъ въ ихъ распоряженіи, Брюсларъ также. Не было недостатка и въ шуанахъ, въ «поджаривателяхъ», «сотоварищахъ Инуя», съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ случая проявить себя и заслужить благодарность цивилизованнаго міра. Но этотъ выходъ, который имѣлъ бы то преимущество, что примирялъ бы приемы стараго режима и революціи, изгнаніе временъ имперіи и объявленіе внѣ закона временъ террора, не удовлетворялъ ни Александра, ни Веллингтона. Александръ торжественно поручился за жизнь Наполеона; Веллингтонъ обѣщалъ ему свое покровительство. «Если французскій король не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы поступить съ нимъ, какъ съ мятежникомъ,

¹⁾ Кандлеру Лорду Эльдону (Eldon). Lord Roseberry, *Napoléon*. Французскій переводъ Филона.

²⁾ Ливень къ Нессельроде, 28 іюля 1815 г. Мартенсъ, т. XI, стр. 239.

³⁾ Гурго, 27 декабря 1816 г.

писалъ въ то время Ливерпуль, то мы готовы взять его подъ свой надзоръ».

Наполеонъ самъ отдалъ себя въ руки англичанъ: можетъ быть, понявъ безвыходность своего положенія, онъ предпочиталъ упредить арестъ; можетъ быть, онъ сохранялъ относительно Англій и англичанъ, ихъ характера и законовъ тѣ иллюзіи, которыя раздѣлялись почти всеми людьми его времени; можетъ быть, ему представлялось, что въ Англій онъ сохранитъ возможность свободно двигаться, писать, говорить, обращаться къ Европѣ, создавать себѣ партію, являясь чѣмъ-то въ родѣ Карла V, готоваго покинуть монастырь, или Карла XII среди турокъ; можетъ быть, онъ вспомнилъ о своей Корсикѣ, о кукольномъ королѣ Теодорѣ и великомъ гражданинѣ Наоли, которые нашли гостепріимный пріютъ въ Англій ¹⁾. Когда-то въ ранней юности онъ сочинилъ, какъ сочиняютъ поэму, письмо къ Вальполю отъ лица Теодора, заключеннаго въ тюрьму. Въ немъ говорилось: «О, люди, незнающіе справедливости! Я добивался благоденствія народа. Было время, когда это мнѣ почти удалось, и вы удивлялись мнѣ. Но счастье измѣнило мнѣ. Теперь я въ темницѣ, и вы презираете меня». И другъ Вольтера, философъ-англичанинъ, Вальполь, отвѣчалъ ему: «Вы страдаете, вы несчастны. Этого достаточно, чтобы имѣть право на состраданіе англичанина. Вы выйдете изъ вашей тюрьмы и получите пенсію въ двѣ тысячи фунтовъ». Эти строки онъ набросалъ около 1788 года, по всей вѣроятности, въ Оксонѣ (Аухопе), будучи лейтенантомъ артиллеріи. 14 іюля низверженный и плѣнный императоръ писалъ съ острова Эксъ (Аіх), куда онъ былъ доставленъ, англійскому принцу-регенту: «Борьба партій, раздражающихъ мою страну, и ненависть ко мнѣ европейскихъ державъ принудили меня отказаться отъ моей политической карьеры, и нынѣ я, какъ Фемистоклъ, отказуюсь у британскаго очага. Я отдаюсь подъ покровительство британскихъ законовъ, о примѣненіи которыхъ взываю къ Вашему Королевскому Высочеству, какъ къ самому могущественному, самому постоянному и самому великодушному изъ моихъ враговъ».

Этотъ шагъ привелъ его на островъ Св. Елены, гдѣ Англія, не сумѣвшая стереть съ лица земли его личность, задалась цѣлью заставить забыть его имя, стереть въ памяти людей самое воспоминаніе о немъ. Его отправили на «Нортумберландъ». Англичанинъ Кокбернъ (Cockburn), командовавшій судномъ, былъ извѣстенъ какъ человекъ «съ суровымъ обращеніемъ». Когда плѣнный уже былъ доставленъ на островъ Св.

¹⁾ Frédéric Masson, *Napoléon inconnu*; manuscrit de Napoléon, т. VII. Theodore à milorde Walpole.

Елены, Бертранъ, товарищъ по изгнанію Наполеона, въ письмѣ къ Кокберну упомянулъ титулъ императора, на что Кокбернъ отвѣчалъ: «Мнѣ ничего неизвѣстно о какомъ бы то ни было императорѣ, живущемъ на этомъ островѣ, или о какомъ бы то ни было лицѣ, носящемъ этотъ титулъ, которое бы, какъ вы выражаетесь, совершило со мной путешествіе на «Нортумберлендѣ». Отнынѣ это стало лозунгомъ. Гудзонъ Лоу (Hudson Lowe) держался его даже и послѣ смерти императора. Онъ не разрѣшилъ надписать имени Наполеона на его гробницѣ, и могила Наполеона была воздвигнута надъ безыменнымъ гробомъ:

Ici git! point de nom!..

ГЛАВА III.

Трактатъ 20 ноября 1815 г.

I.

Людовикъ XVIII вернулся въ Тюильри, но онъ жилъ тамъ, какъ король, отрѣзанный отъ сообщенія съ Европою, такъ же какъ Людовикъ XVI. когда тотъ послѣ октябрьскихъ дней 1789 г. былъ лишенъ свободы сношенія съ народомъ. Живя въ этомъ позолоченномъ заточеніи, онъ ждалъ трактата, который долженъ былъ быть предписанъ ему союзными королями, такъ же какъ нѣкогда Людовикъ XVI послѣ Варенна долженъ былъ ожидать конституціи, составляемой для него національнымъ собраніемъ. Правительство находилось въ ужасномъ положеніи. Къ сѣверу отъ Дуары совершалось вторженіе со всеми его крайностями, къ югу — *бѣлый терроръ* со всеми его неистовствами. Между этими двумя огнями — трепещущая, голодная французская армія, эта ходячая революція, ежеминутно готовая ожесточиться, схватиться за оружіе, этотъ ферментъ революціи, дающій обильные всходы вездѣ, гдѣ только онъ посѣянъ. Армію нельзя было изгнать, ее надо было разсѣять, подобно гугенотамъ при Генрихѣ IV и вандейцамъ во время консульства. Распоряжаясь финансами и ихъ источниками, союзники захватывали страну; они препятствовали всемъ распоряженіямъ полиціи и противодействовали всемъ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Они организовали въ Парижѣ подъ именемъ *конференціи* нѣчто въ родѣ временнаго правительства, которое въ теоріи признавало власть короля, но на дѣлѣ вслѣдствіи парализовало пользование ею. Конференція состояла изъ Кастльри и Веллингтона — представителей Англии, Разумовскаго и Капо д'Истрия — представителей Россіи, Меттерниха и Вессенберга — представителей Австріи, и Гарденберга и Гумбольдта — представителей Пруссіи.

Они не возбуждали вопроса о сокращеніи срока и облегченіи тяжести оккупации. Общественнымъ памятникамъ угрожала опасность. Восторженные крики и иллюминаціи во время празднествъ 1814 г. могли, пожалуй, обольстить Людовика XVIII, онъ увлекся радостью властвованія и повѣрилъ въ то, что несчастья французской арміи обратятся въ благодѣянія для династіи и Франціи. Вся эта первая реставрація была искажена гнусной двусмысленностью. Въ іюль 1815 г. Людовикъ сразу почувствовалъ себя и необходимымъ, и безсильнымъ; онъ почувствовалъ себя французомъ, онъ выстрадалъ и сдѣлался королемъ. У него нашлись незабываемыя слова, трагическое величіе которыхъ усугублялось его драхлостью. Когда Блюхеръ хотѣлъ взорвать Іенскій мостъ, Людовикъ написалъ ему, что прикажетъ перенести себя туда въ креслѣ. Таковы были единственные источники обаянія и вліянія французской монархіи!

Въ 1814 г. союзники рѣшили пощадить достоинство французовъ и самолюбіе парижанъ. Нѣмцы, стиснувъ зубы, сдерживали свою досаду: имъ было предписано стоять подъ ружьемъ, а при появленіи на улицахъ держать руки по швамъ. Въ 1815 г. имъ дали волю. Въ 1814 г. союзники оставили музеямъ произведенія искусства, завоеванныя республикою и имперією. Дипломаты мало интересовались этимъ вопросомъ: пруссаки не протестовали, такъ какъ у нихъ не было произведеній искусства, которыхъ они могли бы потребовать обратно, а на стоны и вопли голландцевъ и итальянцевъ не обращали вниманія. Въ этой снисходительности къ «тщеславію французовъ», въ этой милостынѣ изъ трофеевъ, на ряду съ лишеніемъ Франціи ея многочисленныхъ завоеваній, было немало горделиваго презрѣнія; оно-то и побудило извѣстнаго нѣмецкаго историка придать характеръ ребячества первому герою французской національной легенды, галлу Верцингеториксу замѣчаніемъ: «Величайшій человекъ кельтской націи былъ только рыцаремъ; этимъ все о ней сказано»¹⁾. Они пренебрежительно оставляли рыцарямъ ихъ доспѣхи, а народу его погрешности. Но въ 1815 году, желая уязвить французовъ въ самое чувствительное мѣсто, унизить ихъ въ собственныхъ глазахъ, подвергнуть позорному бичеванію передъ лицомъ всего міра, союзники рѣшили, съ общаго согласія, вернуть итальянцамъ, фламандцамъ, голландцамъ, прирейнскимъ жителямъ, испанцамъ то, что они были принуждены уступить или отдать. Англійскіе министры покупались съ помощью репрессій обогатить лондонскіе музеи образцовыми произведеніями искусства, захвативъ ихъ по праву на иностранныя наслѣдства (*droit d'aubaine*): между тѣмъ, какъ, по ихъ же словамъ, они были «награблены» фран-

¹⁾ Momsen: Histoire romaine.

цузами ¹⁾. Такъ же, какъ въ Парижѣ въ 1794 и 1797 гг., они приводили такое соображеніе: «Слишкомъ долго», говорилъ одинъ изъ крупнѣйшихъ коллекціонеровъ картинъ, статуй и предметовъ роскоши, «эти образцовыя произведенія искусства были осквернены зрѣлищемъ рабства» ²⁾. Въ Лондонѣ они будутъ служить украшеніемъ трехъ божествъ британской Валгаллы: религіи, торговли и свободы! Кэстльри, разсуждавшій какъ истый политикъ, полагалъ, что «при такомъ непризнаніи союзниками короля, который въ глазахъ націи явился средствомъ для смятенія ихъ требованій, ему трудно будетъ удержаться во Франціи». Веллингтонъ находилъ эту мѣру «не совсѣмъ умною». Но Ливерпуль, истый островитянинъ и англиканецъ, продолжалъ упорствовать: «Необходимо дать французамъ урокъ высшей политической морали». Дипломаты «конференціи» медлили рѣшеніемъ: Безсильный противодѣйствовать, Людовикъ XVIII счелъ болѣе достойнымъ допустить, чтобы его насильно ограбили, чѣмъ участвовать въ переговорахъ по этому дѣлу и хотя бы отчасти утвердить его своимъ согласіемъ. Между тѣмъ, уже до официального обнародованія рѣшенія, итальянскіе, голландскіе и нѣмецкіе комиссары расхаживали по галлереймъ, отмѣчая вещи, и перевозка ихъ началась.

II.

Въ музеяхъ хранились только почетная утварь и драгоценности зданія; большинство союзниковъ подкапывалось подъ самое зданіе, его хотѣли срыть, разрушить. Въ то время какъ въ занятыхъ войсками департаментахъ солдаты и офицеры вымогали деньги и увозили вещи, въ Парижѣ министры и публицисты обсуждали и взвѣщивали болѣе надежныя средства обобратъ и обезсилить побѣжденнаго и обогатить и усилить побѣдителей ³⁾. Пруссаки съ особой жестокостью и жадностью настаивали на сугубомъ возмездіи для себя за потери въ 1807 г. и за напрасныя обольщенія въ 1814 г. Спрашивается, какимъ возмездіемъ можно было насытить баварцевъ, вюртембергцевъ, баденцевъ, гессенъ-

¹⁾ «Пусть они будутъ или возвращены странамъ, у которыхъ взяты, или раздѣлены между союзниками». Ливерпуль Кэстльри, 15 июля 1815.

²⁾ Смори т. IV, стр. 115—116.

³⁾ Документы въ Angeberg-Schaumann: *Geschichte des zweiten pariser Friedens*.—Gagern, *Mein Antheil an der Politik*.—Pertz, Stein.—Смори также Gerwinus.—Varnhagen von Ense.—Treitschke.—Oncken.—Martens.—Arndt, *Hardenberg's Leben*.—Gentz, *Briefe an Pilat*.—Переписка Веллингтона, Кэстльри, Поццо-ди-Борго. Перечень и многочисленныя выдержки изъ этихъ документовъ можно найти въ моемъ трудѣ: *Le Traité de Paris du 20 novembre 1815*. ch. II: проекты раздѣла.

дармштадтцевъ и другихъ членовъ Рейнскаго союза, въ избыткѣ надѣленныхъ Наполеономъ коронами, аббатствами и нѣмецкими сеньориальными землями? Тѣмъ не менѣе, именно они и оказались болѣе хищными и ненасытными, и въ этомъ случаѣ они не измѣнили своему характеру, вѣдь всегда они поступали въ этомъ родѣ при всѣхъ дипломатическихъ раздѣлахъ добычи. Какъ изъ жадности они сдѣлались союзниками Франціи противъ Священной имперіи, такъ и теперь они разсчитывали поживиться добычею въ побѣжденной Франціи ¹⁾.

Ихъ агенты осаждали конференцію и посольства своими записками, разсужденіями, брошюрами и безчисленными газетными статьями. Они представляли самое циническое на свѣтѣ смѣшеніе мести, ненависти, личности съ корыстными побужденіями, стратегическими доводами и юридическими дедукціями, по всѣмъ правиламъ «международнаго права». Мало того, что союзники всячески проявляли стремленіе угнетать, обогащаться, они заявляли, что хищеніе это необходимо для упроченія общественаго мира, для обезпеченія цивилизаціи, для совершенія исторической правды, высшей справедливости и особенно христіанской морали, чтобы внушить заколеблымъ грѣшникамъ посредствомъ хитро придуманныхъ наказаній ужасъ передъ своими грѣхами. «Народы», пишетъ Штейнъ, «справедливо требуютъ у монарховъ отчета въ пролитой ими крови и въ собственности, пожертвованной ими для того, чтобы отразить надменныхъ и ненасытныхъ французовъ... Теперь всѣ согласны съ тѣмъ, что первый Парижскій трактатъ предоставилъ Франціи такое военное могущество, что оно оказывается постоянною угрозою для безопасности Европы». Онъ указывалъ на эрцгерцога Карла, какъ на «самаго подходящаго человека, который сумѣлъ бы управиться съ эльзасъ-лотарингцамъ». «Прусскій и австрійскій монархи», говорилъ Гагернъ Гумбольдту. «не могли бы вернуться съ честью и безопасностью въ собственныя столицы, если бы они сохранили неприкосновенность границъ Франціи». Мюнстеръ, министръ Ганновера, стоялъ за «естественныя границы» по своимъ нѣмецкимъ понятіямъ: «Пиреней, Альпы и море ставятъ предѣлы честолюбію Франціи; почему бы Юра, Вогезы и Арденны не могли дать Германіи тѣхъ же гарантій, которыми пользуются Испанія и Италія?» Нѣмцамъ нужна была французская Фландрія, чтобы обезпечить миръ голландской Фландріи; имъ нуженъ былъ Дюнкерхенъ, безъ котораго

¹⁾ Сравните переговоры въ Гертруденбергѣ, въ Гаагѣ, въ маѣ 1709 г., а именно прусскій мемуаръ о Франкъ-Контѣ: необходимость уважить Францію, потопить ее, освободить путь по Рейну.—Frédéric Masson: *Journal de Torcy*.—De Courcy: *La coalition de 1701*.—Emile Bourgeois: *Neuschâtel et la politique prussienne en Franche-Comté*.

взятіе Антверпена не имѣло никакого значенія. Имъ пужень былъ Франшъ-Конте, гдѣ, какъ говорилъ Гнейзенау, «сохранилось столько воспоминаній, столько памятниковъ золотого вѣка Карла V и народной преданности дому Габсбурговъ: *Deo et Caesari semper fidelis!*» Имъ нужно было срыть такую-то крѣпость, чтобы она не сдѣлалась оплотомъ наступленія въ рукахъ французовъ, присоединить другую, такъ какъ она незамедлила бы стать оборонительною позиціей въ голландскихъ или нѣмецкихъ рукахъ, завоевать такую-то территорію, потому что она могла, повидимому, быть полезной для защиты Германіи, другую потому, что она нѣкогда составляла часть ея.

Но ихъ мнѣнію, не было никакого расчета щадить Францію; наоборотъ, было бы просто нелѣпо. Французы никогда не примирятся съ потерей лѣваго берега Рейна, съ потерей верховенства, съ пораженіемъ. Они, конечно, не проявятъ никакой признательности, возьмутъ ли союзники немного меньше земель, или немного больше. Итакъ, политика обязываетъ брать много, все необходимое, все излишнее, все возможное. «Сосѣдямъ, союзникамъ, заявилъ Штейнъ, всегда будетъ угрожать наступательный характеръ старой границы вслѣдствіе честолюбія, систематически присущаго французскому правительству, пламеннаго тщеславія народа, который не перестанетъ стремиться къ завоеванію Бельгіи и лѣваго берега Рейна!» «Обладаніе Рейномъ, Эльзасомъ», писалъ Гагернъ, «послужитъ лишь для поддержанія ихъ горделиваго вожделѣнія къ захвату всей границы Рейна»¹⁾. И онъ ссылался на старика Шёпфлина, что «Эльзасъ служитъ охранною твердынею верхняго Рейна, нѣкогда онъ открылъ нѣмцамъ доступъ во Францію такъ же, какъ нынѣ открываетъ французамъ входъ въ Германію». Наконецъ, Гарденбергъ говорилъ: «Необходимо, чтобы Франція вернулась къ своимъ оборонительнымъ границамъ, созданнымъ искусственно или природою, и чтобы она возвратила своимъ сосѣдямъ оборонительныя границы, которыя она у нихъ отняла, т. е. Эльзасъ и крѣпости Нидерландовъ, Мааса, Мозеля и Сарры... Ради блага Европы, ради блага Франціи не слѣдуетъ упускать этого случая... Очевидно, къ нынѣшнему случаю привела божественная рука Провидѣнія».

Александръ сразу показалъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и хотѣлъ казаться: политикомъ и человѣкомъ великодушнымъ. До тѣхъ поръ политикъ въ немъ одерживалъ верхъ. Величіе души, на которое онъ былъ

¹⁾ Сравните т. I, стр. 330, требованія нѣмцевъ въ XVII и XVIII вѣкахъ и во время перваго столкновенія въ 1790 г., т. II, стр. 66—69. Сравните еще циркуляры Бисмарка 13 и 16 сентября 1870 г., *Histoire diplomatique de la guerre francoallemande*, т. I, стр. 332—335. Тѣ же мотивы, тѣ же разсужденія, почти тѣ же выраженія.

способенъ, и которое съ юныхъ лѣтъ было его идеаломъ, проявилось въ немъ въ 1814 г., но не было въ то время дѣйствительною потребностью и воздѣйствіемъ его природы: это было вѣрнѣе зрѣлище, которымъ онъ самъ любовался, сознательно взятая на себя роль. Въ 1815 г. его взгляды были болѣе возвышенны, ясны, дальновидны, а соотвѣтственно этому въ поступкахъ своихъ онъ проявлялъ столько же простоты и чистосердечія, сколько энергіи и искусства. Такъ какъ и въ 1815 г., какъ и въ 1814 г., часть роли, можетъ быть наиболѣе излюбленная имъ какъ артистомъ, именно преобразование Франціи въ свободную страну и созданіе новой династіи, подъ охраной Россіи, не удалась ему, то заслуга его оказалась тѣмъ выше. Онъ сумѣлъ побороть свои предубѣжденія. Конечно, Людовикъ XVIII стѣснялъ его. Онъ чувствовалъ себя неспособнымъ провести этого столь же проницательнаго, какъ и онъ, монарха, и прельстить своими чарами этого вольтеріанца, забронированнаго противъ увлеченія всякими фантазмагоріями. Но Людовику XVIII не долго оставалось жить, а его вѣроятные преемники только и стремились, по собственному желанію, въ видѣ реакціи со стороны предполагаемаго наслѣдника, перейти на сторону Россіи. Александръ могъ осуществить это поразительное чудо ловкости: сдѣлаться явнымъ идоломъ роялистовъ, оставаясь тайнымъ божествомъ либераловъ. Онъ одинаково искусно умѣлъ заставлять людей цѣнить свои дѣйствія и добиваться осуществленія своихъ намѣреній. Онъ изумительно умѣлъ играть на воображеніи и чувствительности французовъ, показывая видъ, будто на ряду съ безкорыстнымъ отношеніемъ къ завоеваніямъ и полнымъ отсутствіемъ гордости, онъ питаетъ глубокое презрѣніе къ грубой алчности нѣмцевъ. Британской спѣси онъ противопоставлялъ трогательную грацію; себя онъ представлялъ единственнымъ спасителемъ старой границы, чести и достоинства монархіи, этого условія упроченія короны, необходимаго и для возстановленія Франціи. Его величественная простота привлекла къ нему расположеніе двора, просвѣщенной публики, мистичныхъ легитимистовъ и разсудочныхъ философовъ. Ему, наконецъ, удалось обезпечить Францію, связанной чувствомъ дружбы съ Россією, необходимыми средствами для того, чтобы въ нужный моментъ сдѣлать ее выгодною союзницею. Онъ пришелъ къ такому заключенію: не лишать Францію ничего, обезпечить ей договоръ 30 мая, удовлетворяться охранительными мѣрами: временнымъ занятіемъ войсками и контрибуціей, потому что надо же было дать кое-что на долю жадности и бѣдности нѣмцевъ. Въ мемуарѣ, составленномъ по внушенію царя, Капо д'Истрія открыто развиваетъ весьма разумныя побужденія этихъ мѣръ и именемъ своего повелителя призываетъ союзниковъ заняться ихъ обсужденіемъ¹⁾.

¹⁾ 28 іюля 1815 г.

Александръ рѣшилъ припасти себѣ союзника во Франціи, особенно противъ англичанъ, и онъ хотѣлъ воспользоваться послѣдствіями этого союза на востокѣ, противъ Турецкой имперіи, чтобы установить тамъ верховенство Россіи надъ православными народами. Веллингтонъ и Кэстльри полагали, что для сохраненія Оттоманской имперіи Франція можетъ когда-нибудь оказаться имъ необходимымъ союзникомъ противъ Россіи. По прямо противоположнымъ соображеніямъ они, подобно Александру, рѣшили содѣйствовать усиленію реставрированнаго правительства, сдѣлать его популярнымъ, упрочить ему болѣе продолжительное существованіе и дѣйствительныя средства къ возстановленію. При этомъ они не проявили никакого расположенія или умѣнія дѣйствовать, но за то, подобно русскимъ, они обнаружили дѣятельную стойкость и упорство, и изъ этого соревнованія получился желанный исходъ. Ихъ задача была гораздо труднѣе задачи Александра. Александру нужно было только приказывать своимъ министрамъ; англійскимъ же посламъ нужно было еще сначала убѣдить свое правительство. Они приступили къ дѣлу и продолжали дѣйствовать ¹⁾.

Письма, которыми тогда обмѣнивались Парижъ и Лондонъ, лордъ Кэстльри и лордъ Ливерпуль, являются весьма замѣчательными политическими документами. Слѣдуя собственнымъ склонностямъ, сообразуясь съ парламентомъ, общественнымъ мнѣніемъ въ печати и въ Сити, побуждаемый британской и протестантской гордостью, Ливерпуль упорно стоялъ на своемъ, «надо взять что-нибудь», хотя бы для того, чтобы это послужило «дѣлу Евангелія» и мѣрою покаянія для французовъ. Разсуждая и рѣшая издалека, онъ руководствовался при этомъ доктриною, прецедентами, предразсудками, собственными и общественными страстями. Послы въ Парижѣ судили прямо, на мѣстѣ; они не противопоставляли искаженной Франціи идеализованную Англію; они видѣли живую Францію, они говорили про ту Францію, жизнь которой было полезно сохранить Англій, но которая могла жить только собственной жизнью. Министрами и послами руководилъ, однако, исключительно высшій интересъ своей родины. Это вѣчный споръ между тѣми, которые хотятъ строить міръ по образу и подобию своей политики, и тѣми, кто строитъ свою политику сообразно съ реальными міровыми отношеніями ²⁾. «Отнять у Франціи часть ея территоріи и рядъ крѣпостей», писалъ Кэстльри Ливерпулю 17 августа: «значитъ ожесточить ее, но не ослабить ее, сдѣлать короля непопулярнымъ или вынудить его броситься въ объятія сво-

¹⁾ Смори выше, стр. 373—374.

²⁾ Ливерпуль Кэстльри 15, 29 іюля, 11, 18, 23 августа, 29 сентября. — Кэстльри Ливерпулю 24, 29 іюля, 3, 17 августа. — Веллингтонъ Ливерпулю 11 августа 1815 г.

его народа, отнять всякую надежду на продолжительность мира и надолго утвердить въ Европѣ систему постоянныхъ войскъ... Необходимо, тѣмъ не менѣе, дать нѣмецкимъ государямъ нѣкоторое удовлетвореніе. Этого можно достигнуть ограниченіемъ Франціи предѣлами 1790 г. и уступкою чрезполосныхъ владѣній пограничнымъ странамъ. Франція сохранить за собою Авиньонъ, Германія получить Ландау... Заключенный на такихъ условіяхъ миръ не будетъ популяренъ ни въ Германіи, ни въ Англій... Но мы не имѣемъ въ виду собирать трофеи. Мы хотимъ вернуть міръ къ привычкамъ мирной жизни... Я не думаю, чтобы эта дѣла была совмѣстима съ измѣненіемъ матеріальнаго положенія Франціи... Если мы на нѣсколько лѣтъ надѣнемъ на нее смиренную рубашку, мы этимъ приучимъ ее къ миролюбію, и тогда, я вполне увѣренъ, что при сохраненіи своихъ теперешнихъ размѣровъ Франція можетъ стать скорѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ членомъ европейской системы... Россія къ тому же заняла вполне опредѣленную позицію. «Благодаря разстоянію, Россія болѣе склонна покровительствовать Франціи; къ этому естественно побуждаютъ императора Александра руководящіе имъ принципы. Онъ то же желалъ бы остаться союзникомъ Франціи и не желаетъ, чтобы ее слишкомъ унизили».

Меттернихъ склонялся на сторону Россіи, но, какъ говорилъ Кэстльри: «онъ боится предоставить преобладаніе Россіи и того, какъ бы своею поддержкою цѣлей Александра не содѣйствовать созданію слишкомъ тѣснаго союза между Россіею и Франціею». «Главные доводы Кэстльри, втихомолку высказываемые», сообщаетъ Гагернъ, «сводятся къ необходимости поддержать союзъ, сдерживать Россію, склонную къ союзу съ Франціею, и вступитъ въ соревнованіе съ нею въ проявленіи великодушія и умѣренности».

Такимъ образомъ, Александръ падилъ Бурбоновъ, потому что припасалъ себѣ союзъ съ Франціею; англичане падали Францію, потому что хотѣли обезпечить себѣ союзъ съ Бурбонами; той же умѣренности вынуждены были держаться австрійцы, чтобы предупредить союзъ Россіи съ Франціею, Бурбоновъ съ Англіею. Къ этому присоединилась еще боязнь Меттерниха передъ революціею, страхъ передъ *якобинствомъ*, а слѣдовательно, необходимость упрочить реставрацію. Между этими *тремя* державами образовалась лига, которая на время нарушила знаменитый союзъ *четырехъ*. Остальное дѣлали нѣмцы своею несдержанностью, происками и явно обнаруженною алчностью. «Нельзя поддерживать пруссаковъ, они своимъ поведеніемъ пытаются объединить Францію и разъединить союзниковъ», писалъ Кэстльри.

Пруссаки выступили въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ официальныхъ защит-

никовъ Германіи. Къ нимъ обращались все нѣмцы, досаждая имъ домогательствами, жалобами, увѣщаніями, негодующими возгласами, угрожающими нотами. Черезъ посредство ганноверцевъ они заискивали и ходатайствовали въ Лондонѣ передъ принцемъ-регентомъ и министрами: они жаловались на разореніе и взывали къ преслѣдованію. И вездѣ ихъ выпроваживали. Въ бесѣдѣ со Штейномъ Александръ высказалъ свое отвращеніе къ нимъ: «Я отношусь съ весьма большимъ уваженіемъ къ прусской арміи, но она оскверняетъ и поганитъ великое и прекрасное дѣло союзниковъ своей мстительностью, жестокимъ обращеніемъ и насиліями своихъ солдатъ. Принцъ Вюртембергскій слишкомъ снисходителенъ къ своему войску; заявленныя имъ требованія, касающіяся уменьшенія Франціи, чрезмѣрно велики; онъ хочетъ отнять у нея Эльзасъ и Лотарингію. Но это противорѣчитъ обѣщаніямъ, даннымъ въ началѣ войны въ Вѣнѣ... Эльзасцы ни за что не хотятъ сдѣлаться нѣмцами». Разсуждая о политикѣ въ присутствіи Александра, какой-то прусскій дворянинъ воскликнулъ: «У насъ есть штыки», на что разгнѣванный царь возразилъ: «Но и у меня тоже есть штыки!» и вышелъ изъ комнаты ¹⁾. Они довели дѣло до того, что Ливерпуль, не вдаваясь въ сущность и будущее, писалъ Кэстльри ²⁾: «Я исполнѣнъ раздѣляю ваше мнѣніе и мнѣніе герцога Веллингтона о чрезмѣрности требованій пруссаковъ при теперешнихъ обстоятельствахъ».

Въ такихъ обещаніяхъ прошелъ августъ мѣсяцъ. Предложенія, сдѣланныя различными государствами въ своихъ нотахъ и мемуарахъ, сводятся къ слѣдующему:

Россія: Временная оккупация и военная контрибуція, опредѣленная съ общаго согласія.

Англія: Временная оккупация, военная контрибуція, возвращеніе къ границѣ 1790 г.; максимумомъ территоріальныхъ уступокъ являются Савойя и Ландау.

Австрія: Оккупация въ 150.000 человекъ, военная контрибуція, возвращеніе къ границѣ 1790 г., уступка или срытіе крѣпостей въ первой линіи, во Фландріи и Эльзасѣ.

Пруссія: Оккупация въ 240.000 человекъ, военная контрибуція въ 1.200 милліоновъ; уступка крѣпостей во Фландріи, Эльзаса, Лотарингіи и Савойи.

Нидерланды и нѣмецкія государства: Оккупация, контрибуція, уступка Фландріи, Эльзаса, Лотарингіи и Савойи. При раздѣлѣ въ самыхъ

¹⁾ *Private intelligence from Paris*, 7 августа 1815 г. Переписка Веллингтона. Дополненіе.

²⁾ 18 августа 1815 г.

широкихъ размѣрахъ, какіе замышлялись, Франція теряла 4.762.000 человекъ и должна была лишиться: Франшъ-Конте, Эльзаса, Лотарингіи, Бургундіи и французской Фландріи. По границѣ отъ нея должны были отойти: Дюнкирхенъ, Лилль, Мецъ, Страсбургъ, Безансонъ, Шамбери и часть Дофине.

Тогда Парижъ былъ бы открытъ; это былъ бы «образцовый трудъ искусства разрушенія», писалъ въ своемъ отчетѣ царю Пюццо ди Борго. Лишь только узнали объ оппозиціи русскихъ и англичанъ, какъ поднялись волни во всехъ трактирахъ и гостинницахъ, гдѣ встрѣчались нѣмцы. Штейнъ говорилъ: «Русскіе хотятъ, чтобы Германія оставалась узвимою». 18 августа Гнейзенау писалъ своему другу и товарищу по борьбѣ за освобожденіе, Арндту: «Намъ грозитъ опасность заключить новый Утрехтскій миръ; и опасность угрожаетъ съ той же стороны, какъ и прежде: Англія не хочетъ причинять Франціи вреда, она не позволяетъ требовать территоріальныхъ уступокъ. Если такимъ языкомъ говорить Россія, это объясняется ея эгоистическою политикою, ея умысломъ, чтобы Австрія и Пруссія оставались подъ угрозою на своихъ границахъ, а Россія всегда приберегала себѣ во Франціи союзника. Но со стороны Англіи такое извращеніе можетъ быть истолковано только желаніемъ поддержать войну на континентѣ и сохранить въ своей зависимости Германію... Австрія, вѣрнѣе, Меттернихъ, сомнѣвается и колеблется: онъ подумываетъ о союзѣ съ Франціею. Баварія и Вюртембергъ присоединяются къ намъ. Если бы каждый изъ насъ былъ болѣе твердъ и способенъ слѣдовать высшей политикѣ, мы, конечно, могли бы сообща, вмѣстѣ съ маленькими государствами, предписывать законы и заставить остальныхъ смолкнуть».

Но этого-то единства какъ разъ и не доставало, а не было его именно вслѣдствіе требовательности Германіи и отличительныхъ чертъ маленькихъ государствъ: жадности, побуждавшей ихъ соединяться для того, чтобы грабить, и вступать въ драку изъ за дѣлашка награбленного. Что касается Фландріи, то на ней они настаивали исключительно изъ принципа: историческаго права и урока морали. Да кромѣ того, это уже было дѣло англичанъ создать «барьеръ» и укрѣпить покровительствуемыя ею Нидерланды. Главный вопросъ заключался въ Лотарингіи, Эльзасѣ и Франшъ-Конте. А между тѣмъ, кому же онѣ достанутся ¹⁾? Пруссія, но она уже получила вознагражденіе съ избыткомъ, и маленькія государства считали ее и безъ того слишкомъ могущественной. Австрія не удостоивала ихъ вниманіемъ да и не желала ихъ; мы уже видѣли, какъ еще

¹⁾ Сравните столкновенія во времена первой коалиціи, т. II, стр. 407—469.

въ 1792 и въ 1813 г. она весьма остерегалась взять этотъ опасный подорокъ. Во всякомъ случаѣ, если бы Пруссія получила Эльзасъ, Австрія потребовала бы себѣ соразмѣрнаго ему вознагражденія, какъ она потребовала бы его въ томъ случаѣ, если бы Баварія взяла на себя военную защиту «окраинъ Германіи». Баварія не должна была стать Пруссіею для юга. Впрочемъ, кто могъ положиться на Баварію? Была-ли бы Австрія болѣе обезпечена отъ опасности, если бы баварцы содержали гарнизонъ въ Страсбургѣ и Мецѣ? Примѣры войны за австрійское наслѣдство не были забыты, войнѣ 1805 и 1809 годовъ было достаточно, чтобы оживить эти воспоминанія. Но, если нельзя было довѣрять Страсбурга и Меца баварцамъ, то не отдать ли ихъ баденцамъ, вюртембергцамъ? Но тогда баварцы въ свою очередь предъявили бы требованія. При раздѣлѣ этихъ окраинъ между маленькими государствами военная охрана была бы слишкомъ недостаточною, а сосредоточеніе ихъ въ однихъ рукахъ привело бы къ чрезмѣрному усилению этого государства. Думали было отдать Эльзасъ Пруссіи, а Лотарингію одному эрцгерцогу, но маленькія государства тотчасъ же высказались противъ захвата земель большими государствами. Оставалось не отдавать Лотарингію Австріи, а отдать Эльзасъ Пруссіи, но какъ вознаградить тогда Австрію за такое расширеніе Пруссіи? Вотъ какая историческая окрошка во всей ея невылазной тинѣ получалась при раздѣлѣ добычи въ Германіи, послѣ того какъ Священная Имперія была затравлена. Большія державы предоставили сворѣ малыхъ выть и удалиться въ почетные покои, гдѣ для нихъ былъ сервированъ обѣдъ.

1 августа Веллингтонъ взялъ на себя починъ столковаться съ Поццо ¹⁾. «Онъ, какъ мнѣ показалось, убѣжденъ въ томъ, что заключеніе договора возможно только въ томъ случаѣ, если русскій и англійскій кабинеты придутъ къ соглашенію». Ему извѣстны колебанія князя Меттерниха и нерасположеніе этого министра ко всякому точному и окончательному рѣшенію; онъ встревоженъ безразсудствомъ пруссаковъ. Въ принципѣ они сошлись на временной оккупациі арміею, «командованіе которой Веллингтонъ охотно возьметъ на себя». По мнѣнію Поццо, «этотъ проектъ вручалъ лорду Веллингтону охрану интересовъ всей Европы противъ Франціи; но, въ самомъ дѣлѣ, онъ единственный человекъ, способный взяться за эту задачу съ наибольшей вѣроятностью исполнить ее съ успѣхомъ и наименьшими затрудненіями». Меттернихъ первый отступился отъ дѣла нѣмцевъ, и это отпаденіе его, умно разсчитанное, весьма политично исполненное, повлекло за собою банкротство Пруссіи, которая

¹⁾ Нота Поццо, 2 августа 1815 г.

очутилась одинокою со своими голодными кліентами. Меттернихъ нѣсколько жалѣлъ объ утраченной имъ въ Германіи популярности, но за то онъ могъ утѣшиться созерцаніемъ жалостнаго отступленія Гарденберга и Гумбольдта, а за ними и всей «клики» мелкихъ дипломатовъ князьковъ, всего ненавистнаго рода якобинцевъ, революціонеровъ, патриотовъ, поборниковъ великой объединенной національной Германіи, Штейна, Гнейзенау, Арндта, отнынѣ злѣйшихъ враговъ Австріи, которыхъ Меттерниху, благодаря именно миру, удастся обречь на бездѣтельность и молчаніе.

Кэстльри, видя такое положеніе дѣлъ и желая положить ему конецъ, обратился 2 сентября къ своимъ товарищамъ съ мемуаромъ, который былъ прямо таки *ультиматумомъ*, предъявленнымъ Англіею Франціи, а также и союзникамъ ¹⁾. 7 сентября къ нему примкнула Россія. Австрія тоже позволила себя убѣдить. Относительно Пруссіи Александръ употребилъ тѣ же великія средства, которыми онъ воспользовался въ Калингѣ, Лапгрѣ и Вьнѣ: онъ имѣлъ свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Гарденбергъ пытался бороться, посылалъ отчаянныя ноты, но потомъ сдался. 12 сентября состоялось соглашеніе между *четырьмя* державами: англійскій проектъ былъ ими принятъ. Оставалось рѣшить вопросъ о произведеніяхъ искусства. Рѣшено было отобрать ихъ и возвратитъ по принадлежности. Александръ совсѣмъ не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ, а англичане воспользовались этимъ средствомъ, чтобы уязвить французовъ и дать нѣкоторое удовлетвореніе злопамятству и пуританизму британцевъ. Общественное мнѣніе Франціи сочло себя удовлетвореннымъ со стороны императора Александра тѣмъ, что онъ уклонился отъ участія въ рѣшеніи этого вопроса. Что касается англичанъ, то, такъ какъ они изъ гордости скрывали уступки, сдѣланныя ими въ существенныхъ пунктахъ, объ нихъ узнали только по ихъ требованіямъ въ этомъ вопросѣ, и имъ не простили этого. «Ропотъ великъ», писалъ Гагернъ, «особенно ропщутъ противъ герцога Веллингтона. Вчера лордъ Кэстльри сказалъ мнѣ, смѣясь: «Мы хуже и ненавистнѣе «пруссаковъ» ²⁾.

20 сентября *четыре* державы вручили Таллейрану свой *ультиматумъ*, въ которомъ заключались:

1. Уступка территорій, равной двумъ третямъ того, что было прибавлено къ прежней Франціи по трактату 30 мая 1814 г., а это влекло за собой потерю Савойи и городовъ: *Конде, Филиппвиля, Мариенбурга, Живэ, Сарлуи, Шарльмона, Ландау*, крѣпостей *Жу и Эклозъ*.

¹⁾ Schumann, Документы, № XII. — Трактатъ 20 ноября, стр. 119 и сл.

²⁾ Нота Кэстльри своимъ коллегамъ 11 сентября; нота Таллейрана 19 сентября; нота Веллингтона 23 сентября 1815 г. и протесты конференціи Ангеберга.

2. Скрытие укреплений Гюнингена.

3. Уплата 600 миллионов военной контрибуции и 200 миллионов на возведение крепостей в пограничных с Францией странах, именно *барьера* в Нидерландах.

4. Семилетняя оккупация территории и укрепленных городов по северной и восточной границе.

Савойя не входила в состав старой Франции; но остальные города, требуемые союзниками, принадлежали ей: Конде и Шарльмонь по трактату 1679 г., Эклюзъ—по трактату 1602 г., Мариенбургъ и Филиппвиль по трактату 1659 г., Ландау по трактатамъ 1680 и 1714 гг. Сарлуи былъ укрепленъ Вобаномъ въ 1680 году.

III.

До этого дня французское правительство ничего не знало о той участи, какую готовили ему союзники. Таллейранъ истощилъ все свое дипломатическое искусство на пререканія по вопросу о произведеніяхъ искусства. Ему пришлось выслушать немало высокомерныхъ отказовъ и надменныхъ приказаній отъ конференции. Король, Парижъ, вся Франция томилась мучительнымъ ожиданіемъ. Съ союзными государями король поддерживалъ только официальные отношенія ¹⁾. Всѣ торжества, обѣды, спектакли 1814 г. теперь ограничивались лишь соблюденіемъ внѣшнихъ приличій и церемоніала. Союзники жили своимъ замкнутымъ кругомъ и уклонялись отъ появленія въ Тюильри и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Съ возвращеніемъ Наполеона, Таллейранъ утратилъ всякое вліяніе и довѣріе. Людовикъ XVIII, не любившій его, не находившій по своему вкусу даже его несомнѣнно умныхъ писемъ изъ Вѣны, не могъ простить ему того, что онъ сумѣлъ въ 1814 г. навязать себя въ Парижѣ и въ Гентѣ. Въ сущности, его коробило какъ бы отъ опеки чужака, у котораго, несмотря на всю его внѣшнюю почтительность, притязательность вассала Гуго Капета усугублялась гордынею вассала Наполеона. Слишкомъ древнее и слишкомъ свѣжее дворянство были одинаково неприятны королю. Наконецъ, онъ питалъ къ нему особенную злобу за привлеченіе Фуше въ совѣтъ. Таллейранъ раздражалъ короля, Фуше его возмущалъ, и это чувство росло по мѣрѣ того, какъ тотъ и другой, особенно Фуше, становились менѣ полезными. Людовикъ все еще никакъ не могъ преодолѣть горечи этого принудительнаго выбора. Въ своей вынужденной бездѣятельности, этотъ тонкій и терпѣливый политикъ находилъ себѣ развлеченіе, какую-то месть по отношенію къ своимъ род-

¹⁾ Паскье.—Витрольдъ.

нымъ,—котерин д'Артуа, Ангулема и Берри—въ томъ, что сжималъ въ тискахъ своихъ жирныхъ и пухлыхъ рукъ и дѣлалъ революціонную маршнотку изъ чужака, нѣкогда столь грознаго, навязаннаго ему какъ необходимаго и сдѣлавшагося такъ скоро стѣснительнымъ.

Вмѣстѣ со страхомъ, возбуждаемымъ Фуше въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ, прошло также и увлеченіе имъ. То же было съ Таллианомъ и его сторонниками послѣ 9-го термидора. Вступивъ въ совѣтъ и пормальное правительство, Фуше утратилъ всякое значеніе ¹⁾. Салоны, провозглашавшіе его спасителемъ, вспомнили, что этотъ спаситель былъ нагребушкой и террористомъ, и потребовали его исключенія. 14 сентября Людовикъ XVIII назначилъ его посланникомъ въ Дрезденъ, гдѣ онъ изъ резидента скоро превратился въ изгнанника.

Это было предостереженіемъ для Таллейрана. Однако, такъ какъ онъ не подавалъ голоса въ январѣ 1793 г., не распорядился при исполненіи приговора, не былъ поставщикомъ живого матеріала для гильотины, то, въ случаѣ изгнанія, ему угрожала только праздная жизнь пѣра. Обреченный на бездѣйствіе, потому что союзники отвергали всякія заявленія и не раскрывали своихъ плановъ, Таллейранъ притворился расположеннымъ вести разсѣянный и расточительный образъ жизни. Всюду и вездѣ говорили объ его поздней любви къ герцогинѣ Дино и о томъ горестномъ состояніи, въ которое повергъ его отъѣздъ въ Вѣну этой волшебницы. Дѣйствительно, Таллейранъ былъ этимъ очень опечаленъ, такъ какъ увлекся страстью, умомъ, а можетъ быть, и сердцемъ, поскольку онъ на это былъ способенъ; а въ его годы такіа увлеченія властно овладѣвають чужакомъ. Нельзя сказать, что эти разговоры были ему неприятны: все же это было положеніе, галантное, достойное родовитаго вельможи, тогда какъ немилость повлекла бы за собой безчестіе, отъ котораго трудно оправиться. Однако, немилость ожидала его, и онъ чувствовалъ это, и она надвигалась на него именно съ той стороны, съ которой въ 1814 г. пришла милость: со стороны Россіи.

Царь чувствовалъ къ королю антипатію, его министра онъ ненавидѣлъ и не довѣрялъ ему. Въ Парижѣ въ 1814 г. Таллейранъ обнадеживалъ во всемъ Александра, считавшаго его вполне предавшимъ себѣ. Въ Вѣнѣ онъ выступалъ постояннымъ противникомъ всѣхъ плановъ царя. Французы, окружавшіе Александра, приписывали всю махинацію январскаго договора одному лишь Таллейрану. Они увѣряли, что Людовику ничего не было извѣстно. Александръ, не довѣрявшій королю, отказывался вступать въ переговоры съ министромъ. Черезъ своихъ агентовъ Нессельроде

¹⁾ Паскье.—Маделевъ, гл. XXVII.

и Поццо онъ даже началъ противъ него кампанію ¹⁾). Людовикъ XVIII совсѣмъ не былъ расположенъ получить министра иностранныхъ дѣлъ изъ рукъ Александра; тѣмъ не менѣе, необходимость принудила его къ этому. Онъ воспользовался этимъ предлогомъ, давшимъ ему случай удовлетворить свое озлобленіе на Таллейрана. Онъ повелъ бесѣду въ довольно рѣзкой формѣ и вынудилъ его подать въ отставку. Узнавъ, что союзники пришли между собою къ единодушному рѣшенію, 20 сентября онъ указалъ на Таллейрана, Дальберга и барона Луи какъ на лицъ, годныхъ «для переговоровъ по поводу окончательнаго соглашенія съ державами, собравшимися въ Парижѣ» ²⁾).

Таллейранъ, со своей стороны, не желая раскрыть своей игры и вида, что ему угрожаетъ, приспособилъ свою отставку такъ, чтобы оставить себѣ путь къ будущему возвращенію. Руководствуясь этимъ, онъ поступилъ съ королемъ такъ, какъ нѣкогда съ императоромъ. Подобно тому, какъ онъ свалилъ на Наполеона отвѣтственность за непопулярность завоеваній, такъ точно онъ постарался взвалить на Людовика XVIII и на назначеннаго имъ своего замѣстителя непопулярность уступокъ союзникамъ. Требования союзниковъ казались ему наиболѣе почетнымъ предлогомъ для своей отставки, и такимъ образомъ ему еще разъ удалось вмѣнить себѣ въ честь то, чего невозможно было избѣжать. 20 сентября, въ самый день принятія ультиматума, союзники вручили его Таллейрану. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ имѣется такая записка ³⁾: «При семъ прилагаются предложенія союзниковъ. Королю должно доложить о нихъ сегодня къ девяти часамъ вечера. Необходимо приготовить двѣ копии. Г. Таллейранъ проситъ васъ распорядиться изготовленіемъ таковыхъ въ канцеляріи... Я зайду за ними до девяти часовъ. Подумайте и разсудите. Я не могу подписать такихъ соглашеній. При такихъ условіяхъ нѣтъ ни Франціи, ни короля». Таково же было мнѣніе Таллейрана, которое онъ и высказывалъ во всеуслышаніе. Онъ поручилъ Ла-Бенардьеру написать союзникамъ отвѣтную ноту, помѣченную 21 сентября. Это — публицистическая статья, академическая диссертация на тему о правѣ завоеванія ⁴⁾). Союзники узнали ноты Коленкура на конгрессѣ въ Шатильонѣ по духу и стилю, они также узнали ноты Таллейрана о Саксоніи въ Вѣнѣ и отослали этотъ документъ въ тотъ же архивъ. Въ немъ высокопарнымъ языкомъ говорилось о «духѣ завоеванія, внушен-

¹⁾ Паскье. — Поццо: письма его въ августъ и сентябрь 1815 г.

²⁾ Приказъ, подписанный Людовикъ, писанъ рукою Таллейрана.

³⁾ Записка Ла Бенардьеру, безъ подписи; архивариусъ, разбирившій эти бумаги, приписываетъ ее Дальбергу.

⁴⁾ Ангебергъ.

номъ узурпаціею» Нѣмецъ Гагернъ по этому поводу иронически замѣчаетъ: «Если князь Таллейранъ или мой почтенный другъ кавалеръ де-ла-Бенардьеръ скажутъ мнѣ, что они ненавидятъ духъ завоеванія, я имъ повѣрю въ этомъ. Я охотно готовъ засвидѣтельствовать имъ свое личное почтеніе. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ этого благороднаго чувства въ эпохи народныхъ бѣдствій. Но, если они говорятъ именемъ Франціи, намъ невольно приходитъ на мысль, что это отвращеніе отъ запретнаго плода какъ-будто заимствовано изъ басенъ Геллерта и Лафонтена»... Какъ бы то ни было, Таллейранъ допускалъ возможность обсужденія и уступокъ территорій, не входившихъ въ составъ старой Франціи, т. е. Савойи, быть можетъ, и Ландау.

Но союзники, повидимому, рѣшили положить предѣлъ уступкамъ. Англичанамъ слишкомъ много стоило труда побудить свое правительство на этотъ шагъ; а пруссаки слишкомъ неохотно согласились на него, чтобы явилась охота снова подвергнуться опасности преній. Одинъ только Александръ, съ самаго начала высказывавшійся противъ всякихъ территориальныхъ уступокъ, могъ бы, пожалуй, согласиться на внесеніе нѣкоторыхъ поправокъ. Но уговорилъ ли бы онъ на это своихъ союзниковъ? Сдѣлать такую попытку Александръ могъ только въ томъ случаѣ, если бы къ этому его побуждалъ какой-либо серьезный политическій интересъ или безкорыстный возвышенный мотивъ. Но ему не было никакого расчета проявлять великодушіе да еще при содѣйствіи Таллейрана; а чтобы получить новое выраженіе дружбы со стороны Россіи, Людовикъ XVIII долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, представить какой-нибудь залогъ своей искренности и продолжительности своей благодарности.

Людовикъ XVIII имѣлъ 22 сентября свиданіе съ Александромъ, на которомъ онъ почти ничего не добился, кромѣ словъ и «мнѣній, мало чѣмъ отличающихся отъ выраженныхъ въ трактатѣ» ¹⁾). Людовикъ XVIII не нашелся или не пожелалъ сказать Александру того, чѣмъ онъ могъ его расположить въ свою пользу. Александръ счелъ, повидимому, совсѣмъ излишнимъ великодушіемъ подсказать ему это намеками. Вотъ тогда то и вмѣшался въ дѣло Поццо. Этотъ весьма проницательный корсиканецъ сумѣлъ понравиться Людовику XVIII, который подумывалъ даже приблизить его къ себѣ и сдѣлать своимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ²⁾). Поццо сочувствовалъ союзу и прекрасно понималъ, какъ высоко оцѣнить Александръ его посредничество въ этомъ дѣлѣ. Онъ высказалъ свой взглядъ и сумѣлъ достигъ того, что союзъ допускалъ и Людовикъ XVIII. Онъ, несомнѣнно,

¹⁾ Людовикъ XVIII Александру 23 сентября 1815. *Corr. de Pozzo*, т. 1^а стр. 209.

²⁾ Донесеніе Поццо Александру.

далъ понять Людовику, что въ Вѣнѣ и Парижѣ Александръ подвергся слишкомъ тяжелымъ разочараніямъ, чтобы рѣшиться вновь пережить ихъ; всю отвѣтственность за промахъ заключенія договора 3 января онъ возложилъ на Таллейрана и говорилъ объ этомъ договорѣ такъ, какъ-будто онъ не былъ одобренъ и даже не былъ извѣстенъ королю. Въ то же время, онъ далъ понять, что для ходатайства Александра передъ союзниками ему нужно было имѣть какое-нибудь ручательство намбреній короля. Такъ возникла мысль, что король отправитъ письмо императору. Это письмо должно было сохраняться въ русскихъ архивахъ, какъ форменный королевскій вексель, подлинное свидѣтельство ходатайствъ французскаго короля и взятыхъ имъ на себя обязательствъ относительно Россіи. Поццо приготовилъ черновикъ, и Людовикъ XVIII, повидимому, самъ исправилъ мѣста, касающіяся его лично. Онъ не былъ лѣнивъ писать, обладалъ изящною формою и возвышеннымъ слогомъ, когда дѣло касалось его чести или неприкосновенности старой Франціи.

«Въ моей глубокой душевной скорби я прибѣгаю къ Вашему Величеству... Я счелъ необходимымъ отказаться отъ добавочныхъ территорій, доставшихся Франціи по Парижскому трактату... Но могъ-ли я предполагать, что вмѣсто этихъ уже достаточно обременительныхъ условій мнѣ предлагать другія, которыя къ униженію прибавляютъ еще разореніе? Нѣтъ, Ваше Величество, я все еще не могу повѣрить тому, чтобы ваше рѣшеніе было безповоротнымъ. Довѣріе, внушенное мнѣ вашей возвышенной душой и великодушіемъ, все еще не позволяетъ мнѣ вѣрять въ печальную дѣйствительность.

Но если все обстоитъ не такъ; если я, къ несчастью, заблуждаюсь, если Франція не должна разсчитывать на отмѣну рѣшенія, направленаго къ тому, чтобы унижить ее, если Вы, Ваше Величество, останетесь непреклоннымъ и не пожелаете оказать того вліянія на своихъ августѣйшихъ союзниковъ, на которое даютъ вамъ право ваши добродѣтели, дружба и общая слава, тогда я, не колеблясь, принужденъ заявить Вамъ, Ваше Величество, что отказывалось служить орудіемъ гибели моего народа и скорѣе покину престолъ, чѣмъ унижусь до того, чтобы помрачить его древній блескъ такимъ безпримѣрнымъ униженіемъ.

Ваше Величество не усумнитесь, конечно, въ искренности этого признанія, основаннаго на непоколебимомъ рѣшеніи и свидѣтельствующаго о безграничной моей скорби. Примите, Ваше Величество, увѣреніе въ искреннемъ расположеніи преданнаго...»

Если имѣть въ виду только размѣры площади территорій, которую надо было сохранить, то нельзя не указать на то, что выраженіямъ здѣсь придано довольно несоотвѣтственное значеніе. Что имѣлъ въ виду король, упоминая

объ условіяхъ, «которыя къ униженію прибавляютъ разореніе». Подъ разореніемъ подразумѣвается чрезмѣрная контрибуція (въ 800 милліоновъ франковъ) и военная оккупация 150.000 человекъ въ теченіе семи лѣтъ на содержаніи Франціи. Подъ униженіемъ уступка Конде, Жива, Шарльмона, Филиппвилля, Мариенбурга, Сарлуи, Ландау, крѣпостей Жю и Эклюза и срытіе укрѣпленій Гюнингена. Возможно ли считать сдачу ничтожныхъ укрѣпленій униженіемъ, если годъ тому назадъ не сочли позорнымъ отказаться отъ итальянскаго королевства, отъ лѣваго берега Рейна всего дѣликомъ и отъ Голландіи? Но вѣдь территоріи, отчужденныя въ 1814 г., были завоеваны революціею, и, съ точки зрѣнія Людовика XVIII, эти завоеванія не имѣли законной силы. Отказываясь отъ нихъ, король только возвращалъ ихъ, а не уступалъ. Территоріи, уступки которыхъ требовалъ ультиматумъ 20 сентября, принадлежали старой Франціи, онъ былъ пріобрѣтенъ Людовикомъ XIV; уступить частицу это значило, по мнѣнію Людовика XVIII, отчудить священное наследство и почти такъ же тяжело прегрѣшить передъ своимъ «принципомъ», какъ если бы онъ принялъ плевисцитъ. Вотъ чѣмъ объясняется торжественность выраженной письма.

23 сентября Людовикъ XVIII подписалъ это письмо. Мало того, онъ рѣшилъ дать отставку Таллейрану и назначить председателемъ совѣта, съ сохраненіемъ портфеля иностранныхъ дѣлъ, человека, вступленіе котораго въ министерство должно было служить для Александра живымъ залогомъ чистосердечности короля. Этотъ государственный дѣятель, котораго считали «истиннымъ русскимъ», былъ въ то же время однимъ изъ самыхъ преданныхъ французамъ въ мірѣ, самымъ просвѣщеннымъ изъ роялистовъ, болѣе всѣхъ способнымъ не только возстановить положеніе Франціи въ Европѣ, но также возстановить монархію во Франціи и превратить Людовика XVIII въ глазахъ Европы изъ главнаго намѣтника коалиціи въ истинно французскаго короля, а во Франціи—въ короля всѣхъ французовъ, а не однихъ эмигрантовъ. Оставивъ Францію въ 1790 году, Ришелье не эмигрировалъ, а, исполнивъ всѣ необходимыя формальности, поступилъ на службу въ Россію. По темпераменту, по общественному воспитанію и духу онъ былъ менѣе всего «эмигрантомъ». Онъ былъ свѣдущимъ въ дѣлахъ государственныхъ дѣтелемъ и доказалъ свои административныя способности во время управленія Одессою. Наконецъ, онъ не принималъ никакого участія въ войнахъ коалиціи. Онъ возвращался во Францію не какъ побѣдитель. Человекъ старой Франціи, способный понять и любить новую Францію, Ришелье обладалъ въ высшей степени качествами, недостающими Таллейрану и ничѣмъ не замѣнимыми во время государственнаго кризиса: жизнь свою онъ прожилъ съ достоинствомъ и безу-

пречно, обладалъ благороднымъ характеромъ и правдивостью, внушавшей довѣрие и привлекавшей къ нему симпатіи. Вообще, онъ былъ съ головы до ногъ совершеннымъ джентельменомъ на службѣ государства ¹⁾.

И все-таки, зная раздоры, происходящіе въ королевской семьѣ, и опасаясь козней со стороны крайнихъ, Ришелье колебался. Только царь сумѣлъ убѣдить его, и слова, сказанныя ему Александромъ 24 сентября, освѣщаютъ всю эту исторію. «Самые дрянные интриганы (Таллейранъ) чуть было не поссорили меня съ королемъ посредствомъ ничѣмъ неоправдываемыхъ, наносящихъ ущербъ истиннымъ интересамъ Франціи, поступковъ (понимай: договоръ 3 января). Я не могу довѣрять имъ. Одинъ только вы могли бы изгладить изъ моего воспоминанія память объ этомъ актѣ неблагодарности. Я освобождаю васъ отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію ко мнѣ подъ условіемъ, что вы будете служить вашему государю такъ, какъ служили мнѣ. Будьте звеномъ чистосердечнаго союза между обоими государствами, я требую этого во имя спасенія Франціи». Ришелье всецѣло отдался въ распоряженіе Людовика XVIII.

Между тѣмъ Таллейранъ, не дождавшись отвѣта союзниковъ, просилъ короля вступитъ въ личные переговоры съ ними. Людовикъ XVIII отвѣтилъ ему съ самой жестокой, но самой конституціонной ироніей: «Обязанность кабинета выпутаться изъ этого дѣла». Таллейранъ понялъ и подалъ въ отставку. Впоследствии онъ ее изобразилъ передъ обществомъ какъ патріотическій поступокъ. «Почему вы не хотите быть вмѣстѣ съ нами министромъ Европы?» спросилъ его Кэстльри. «Потому что я хочу быть только министромъ Франціи, какъ это видно изъ моего отвѣта на вашу ноту», будто бы возразилъ онъ. Король принялъ отставку «съ видомъ чловѣка, избавившагося отъ большого бремени» ¹⁾. «Моя отставка была также большимъ облегченіемъ для русскаго императора. Ему нуженъ былъ простофиля, а не могъ быть имъ» ²⁾. Пятнадцать лѣтъ спустя онъ писалъ изъ Лондона, гдѣ, въ качествѣ представителя Луи-Филиппа Орлеанскаго, онъ провозгласилъ нейтралитетъ Бельгіи: «Унизительныя условія, предложенныя въ 1815 г., рѣшили тогда мою отставку» ³⁾.

26 сентября министерство было составлено. Два дня спустя военная контрибуція была сокращена на сто милліоновъ франковъ, урѣзки границъ были уменьшены: кромѣ Савойи уступались крѣпости Филиппвилъ, Мариенбургъ, Сарлуи, Ландау. Франція отстояла Конде, Живэ, Шарльмонъ, Жю и Эвлюзъ. Это былъ даръ по случаю благополучнаго

¹⁾ Rochecouart. — Barante. — *Correspondance de Richelieu* (Сб. Русск. Ист. Общ.).

²⁾ *Mémoires*, т. II, стр. 141, 298. Valençay, 1816.

³⁾ Генералу Себастьяни 21 января 1831.

вступленія въ должность Ришелье. Александръ объявилъ, что ни одного шага дальше онъ не сдѣлаетъ, и, несмотря на всѣ старанія представителей Людовика XVIII, они ничего не добились ¹⁾. Когда Ришелье продолжалъ настойчиво убѣждать царя, Александръ показалъ ему карту, на которой была проведена линія, обозначающая максимальныя требованія союзниковъ ²⁾: «Вотъ та Франція, которую хотѣли создать мои союзники; не достааетъ только моей подписи, а я обещаю вамъ, что ея никогда не будетъ». Невозможно было закончить съ большимъ благородствомъ, достоинствомъ и умѣиемъ переговоры, требовавшіе неуклонной, искусной и истинно возвышенной политики.

Ришелье писалъ ему 17 октября: «Если бы Вашему Величеству угодно было высказаться за существованіе Франціи и отстоять свою державную волю, я дерзалъ бы надѣяться, что мы спасемся». Александръ возоздалъ Пруссію, Ришелье называлъ его спасителемъ Франціи: оставалось только возстановить Польшу, и мечты Александра были бы осуществлены. Не прошло ста лѣтъ послѣ смерти Петра, впервые доказавшаго Европѣ, что московскій царь долженъ быть причисленъ къ великимъ государямъ, и вотъ Александръ сопровождалъ свои побѣдоносныя войска въ Парижъ, сдѣлался покровителемъ наслѣдника Людовика XIV и наслѣдника Фридриха II и поставилъ Россію во главѣ континентальныхъ государствъ.

IV.

Октябрь мѣсяцъ и часть ноябрю ушли на разработку частныхъ, особенно относящихся къ оккупации и контрибуціи. Въ это время Мюратъ сначала скитался по Провансу изгнанникомъ, потомъ рѣшилъ въ послѣдній разъ попытать счастья. Мечта о коронѣ вскружила ему голову, подобно тому, какъ иныя чувствуютъ головокруженіе передъ пропастью; онъ высадился на берегъ своего бывшаго королевства съ безразсуднымъ намѣреніемъ поднять революцію. Онъ былъ схваченъ и разстрѣлянъ въ Ниццо 13 октября 1815 г. ³⁾. «Вы, конечно, уже знаете о кончинѣ Мюрата». пишетъ Поццо ди Борго 7 ноября. «На этой недѣлѣ назначенъ судъ надъ Неемъ». Арестованный 5 августа съ нарушеніемъ капитуляціи Парижа, съ непростительной измѣной слову, данному и иностранцами, подписавшими капитуляцію, и правительствомъ, воспользовавшимся ею, Ной

¹⁾ Инструкція Поццо, 20 сентября 1815 г. — Тайный протоколъ, 2 октября 1815 г.

²⁾ См. выше, стр. 393—394. Карта эта помѣщена у Ангеберга.

³⁾ Marquis de Sassenay, *Les derniers mois de Murat*. — Dufourcq, Desvernois, Helfert.

былъ преданъ суду палаты паровъ, преобразованной по этому случаю въ превотальный судъ. Въ немъ засѣдали многіе изъ его республиканскихъ товарищей по оружію и изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ были возведены императоромъ въ знатное дворянство. 5 декабря онъ былъ приговоренъ къ смерти, а 7-го приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Мюрату было сорокъ четыре, Нею сорокъ восемь лѣтъ.

20 ноября былъ подписанъ мирный договоръ ¹⁾, по которому отъ Франціи отошли вышеупомянутыя бельгійскія и германскія провинціи, а также тѣ части Савойи, которыя были присоединены къ прежнимъ французскимъ владѣніямъ въ 1814 г. Укрѣпленія Гюнингена были срыты. Франція должна была уплатить контрибуцію въ 700 милліоновъ, подвергнуться оккупациі арміи въ 150.000 человекъ и взять на себя расходы по ихъ содержанію на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ. Срокъ оккупациі былъ назначенъ самое большое въ пять лѣтъ, однако, союзные государи сохранили за собою право по прошествіи трехъ лѣтъ сократить его по взаимному соглашенію, если это позволитъ положеніе дѣлъ во Франціи. Оккупациа служила съ одной стороны залогомъ въ уплатѣ военнаго вознагражденія, съ другой—она была обезпеченіемъ противъ опасности новой революціи. Во избѣжаніе этой опасности *четыре* державы въ тотъ же день, 20 ноября, возобновили между собой союзъ, заключенный въ Шомонѣ.

Этотъ договоръ утвердилъ за союзомъ исполнительную власть. Этотъ союзъ учредилъ для Европы хартію, — окончательный актъ 9 іюня 1815 г., — опредѣляющую владѣнія каждой державы. Не ограничиваясь этимъ, союзники хотѣли дать Европѣ, кромѣ законовъ и жандармовъ, принципы и систему управленія.

Принципы эти были изложены въ мистическомъ договорѣ, который былъ подписанъ 26 сентября Александромъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Францемъ и именуется договоромъ о *Священномъ Союзѣ*. Передъ разставаніемъ эти три государя хотѣли торжественно вознести къ небу благодарственныя молитвы, призвать міръ во свидѣтельство святости своихъ клятвъ, и, считая себя облеченными политическимъ апостольствомъ, они хотѣли начертать его символъ вѣры. Провозглашая себя братьями, избранными Провидѣніемъ для управленія отраслями одной и той же семьи— Австріею, Пруссіею и Россіею, и, признавая себя соотечественниками одного и того же христіанскаго града, они обѣщались вездѣ и при всякомъ случаѣ оказывать другъ другу содѣйствіе, помощь и поддержку. Англія присоединилась къ этому договору. Провозгласивъ эти принципы,

¹⁾ Протоколы и документы у Ангелберга.

вѣрнѣе говоря, эту политическую религію, они учредили и обрядовую ея сторону и издали уставъ каноническаго права. Въ средствахъ, употребленныхъ ими для возстановленія мира, они думали найти также средство для его поддержанія. Они рѣшили превратить конгрессы въ европейское учрежденіе, предназначенное для упрежденія и улаженія столкновеній между правительствами и народами. «Чтобы обезпечить и облегчить осуществленіе нынѣшняго договора* 20 ноября и укрѣпить сердечныя отношенія, связывающія нынѣ четырехъ государей ко благу человечества, высокія договаривающіяся стороны условились возобновлять въ опредѣленные сроки свои собранія для совѣщаній, посвященныхъ великимъ общественнымъ интересамъ и обсужденію мѣръ, которыя въ каждую изъ этихъ эпохъ будутъ признаны наилучшими для обезпеченія спокойствія и процвѣтанія народовъ и поддержанія мира въ Европѣ» ¹⁾.

Миромъ правилъ конгрессъ, а для изданія уставовъ этого правленія *четыре* державы учредили *директорію*. Франція была изъ нея исключена. Она избавилась отъ положенія завоеванной страны, но за то попала подъ опеку. Въ полицейскомъ отношеніи она была подчинена иностранной оккупациі, въ политическомъ — конференціи. Парижъ продолжалъ быть мѣстомъ пребыванія пословъ *четыре* державъ, которые подъ этимъ видомъ слѣдили за всѣмъ, вмѣшивались во всѣ дѣйствія французскаго правительства, такъ какъ не существовало такихъ важныхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя не имѣли бы отношенія къ исполненію Парижскаго трактата: поддержаніе мира, уплата военной контрибуціи, содержаніе оккупационной арміи. Въ силу этого они имѣли касательство къ управленію оккупированныхъ департаментовъ, а въ силу надзора за финансами—къ управленію всей Франціей.

Съ той поры у Людовика XVIII и Ришелье была только одна политическая задача: очистить французскую территорію, освободить финансы, вернуть націи независимость, коронѣ — свободу дѣйствія, а Франціи — достоинство въ глазахъ другихъ націй. Но съ ихъ стороны не достаточно было уплаты контрибуціи, надо было еще успокоить союзниковъ насчетъ прочности правительства реставраціи и въ дѣйствительности заручиться съ ихъ стороны признаніемъ права на существованіе Франціи. Они достигли этого посредствомъ управленія, которое въ теченіе трехъ лѣтъ, отъ 1817 до 1820, было однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ, какое когда-либо знала Франція; по тому, что оно заложило основаніе политической свободы, оно можетъ быть сравнено только развѣ съ четырьмя годами консульства Бо-

¹⁾ Ст. VI договора 20 ноября 1815 г. которою возобновляется договоръ, заключенный въ Шомонѣ 1 марта 1814 г.

напарта, по отношенію къ учрежденію гражданской свободы. Это удалось имъ благодаря благородному и политичному содѣйствію двухъ лицъ, царя Александра, спасшаго въ 1815 г. неприкосновенность старой Франціи, и Веллингтона, который командовалъ оккупационною арміею и былъ предсѣдателемъ конференціи. Александръ выразилъ желаніе, чтобы Франція была предоставлена самой себѣ, а Веллингтонъ засвидѣтельствовалъ, что Франція можетъ быть предоставлена самой себѣ, и это нисколько не грозитъ миру Европы. Такимъ образомъ, въ 1817 г. былъ составленъ и подписанъ договоръ, который сократилъ оккупационную армію на 30.000 человекъ; въ 1818 г., на конгрессѣ въ Ахенѣ, новое соглашеніе, въ силу котораго взамѣнъ остальной части контрибуціи Франція уплачивала бумагами внѣшняго займа, гарантированного голландскими и английскими банкирами ¹⁾. На этомъ конгрессѣ 4 ноября, на которомъ вновь съѣхались все три государя, полководцы армій и вожди народовъ въ 1813 г., Александръ, Фридрихъ-Вильгельмъ и Францъ, и главнѣйшіе дипломаты коалиціи и трактатовъ 1815 г.—Кэстльри, Веллингтонъ, Меттернихъ, Нессельроде, Капо д'Истрия, Гарденбергъ, представители *четырехъ* державъ пригласили герцога Ришелье засѣдать въ ихъ совѣщаніяхъ и отнынѣ принимать участіе въ преніяхъ. 15 ноября миръ былъ на самомъ дѣлѣ оповѣщенъ о верховномъ управленіи Европою *пятью* великими державами и объ упорядоченіи этого управленія согласно принципамъ, установленнымъ въ Парижѣ три года тому назадъ ²⁾. 30 ноября послѣдніе иностранные солдаты покинули французскую территорію. Великая война, *двадцатитрехлѣтняя война* была окончательно завершена.

При поверхностномъ обзорѣ событій, расположенія красокъ на картѣ, буквы трактатовъ и постановленій хартій можетъ показаться, что Франція просто вернулась къ своей исходной точкѣ. Въ 1792 г. она предприняла войну для защиты своей національной независимости, цѣлостности своей территоріи, введенныхъ ею въ законодательство реформъ—гражданской свободы—и гарантій своихъ правъ, которыя она даровала себѣ своими политическими учрежденіями. Война была объявлена Людовикомъ XVI, конституціоннымъ королемъ французовъ; миръ былъ подписанъ Людовикомъ XVIII, королемъ Франціи, правящимъ согласно съ хартіею, обезпечивающей французамъ гражданскія и политическія свободы, и французы вернулись опять къ территоріи 1790 г. Национальный орга-

¹⁾ 2 и 8 октября 1815 г. Протоколы и акты у Ангеберга.—Creux. *La libération du territoire.*

²⁾ Обнародованіе протокола 15 ноября 1815 г., подписаннаго Ришелье и министрами *четырехъ* державъ.—Angeberg.

низмъ не затронуть. Существенныя послѣдствія революціи продолжаютъ существовать. Франція сохранила Сводъ гражданскихъ законовъ со всеми его социальными воздѣйствіями. Въ ней господствуетъ представительное правленіе со всеми его политическими послѣдствіями. Цикль законченъ.

ГЛАВА V.

Европа и французская революція.

I.

Цикль законченъ, да цикль этой книги; но послѣдняя страница книги такъ же мало способна остановить движеніе исторіи, какъ картина вмѣстить въ своей рамкѣ необъятность неба. Это—лишь обрѣзъ непрерывно развертывающейся безконечной ткани. Все продолжается, развивается и влечетъ свои послѣдствія, все порождается прошлымъ и связано съ будущимъ. Всякая эпоха, которую историкъ пытается охватить, всегда оказывается лишь промежуточною. Тѣмъ не менѣе, въ моментъ завершенія стараго историческаго періода и начала новаго мы въ правѣ остановиться на этомъ поворотномъ пунктѣ, изслѣдовать во всей ея совокупности исхоженную область, отыскать путеводныя и непрерывающіяся нити и отдѣлить въ непрестанномъ процессѣ преобразованія жизни постоянное отъ случайнаго, словомъ, отмѣтить характерныя черты, связывающія этотъ періодъ, выдѣленный историкомъ изъ всеобщей исторіи, но представляющей лишь одинъ моментъ въ ней.

И вотъ, въ этой исторіи четверти столѣтія, въ теченіе которой вся Европа была охвачена войнами, постоянной была борьба изъ-за границъ. Вотъ что связываетъ исторію Европы и французской революціи съ прежними европейскими и французскими войнами, и чѣмъ вотъ можно объяснить послѣдующій рядъ войнъ. Франція стремилась завоевать границы Цезаря; это была традиція королевскихъ канцелярій; этому учили ученые; то же внушали поэты, къ этому толкало честолюбіе полководцевъ, королей, министровъ, генераловъ, собраній и комитетовъ. На эти границы обращали вниманіе экономисты, политики ссылались на нихъ какъ на необходимыя для пользы государства, это была національная утопія среди народа. Въ этомъ направленіи двигалась вся исторія со временъ Карла Великаго, сначала побуждаемая инстинктомъ, а потомъ сознательною цѣлью ¹⁾.

¹⁾ См. т. I, политическія традиціи.

Съ тѣмъ же упорствомъ, съ какимъ Франція добивалась расширенія, остальные государства старались сжать ее. Въ попытки возвратить Францію къ «старымъ границамъ» они вкладывали столько же настойчивости, сколько Франція обнаруживала порыва въ стремленіи выйти изъ нихъ, добыть себѣ свои «естественныя границы». Мѣнялись только предлоги для войны, подобно тому, какъ мѣнялось оружіе воюющихъ сторонъ; но это была все та же непрерывная война, которая такъ же не кончилась въ 1815 г. въ Вѣнѣ, какъ она не кончилась въ Утрехтѣ, Нимвегенѣ, въ Пиренеяхъ, Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ. Во все времена Франція завоевывала и вновь теряла Бельгію и Фландрію въ Голландіи; во все времена, когда она пыталась расшириться къ сѣверу, она всегда встрѣчала на своемъ пути вооруженную Англію, а послѣ заключенія мира Англія заграждала ей все выходы и укрѣпляла барьеры. Во все времена долина Рейна служила полемъ сраженія для обѣихъ имперій, порожденныхъ имперією Карла Великаго. Во все времена Франція завоевывала и вновь теряла Рейнъ, борясь въ Германіи и Италіи. Таковы родовыя черты и видовыя признаки всѣхъ коалицій отъ Бувина до Флерюса, отъ Креси до Ватерлоо, отъ Павіи до Лоди, служить ли предлогомъ реформація или революція, Неаполитанское наслѣдство или Испанское, назывались ли передовые бойцы Людовикомъ XIV и Вильгельмомъ III, или Веллингтономъ и Наполеономъ. Съ этой неизмѣнной точки зрѣнія, революцію такъ же нельзя отдѣлять отъ стараго режима, какъ имперію отъ республики. Задержки, которыя пытаются установить на пути историческаго шествія,—просто книжныя измышленія; онѣ имѣютъ такое же вліяніе на историческія событія, какъ вырваніе не правящихся, неприятныхъ или печальныхъ страницъ изъ исторической книги.

Почему Людовикъ XIV не остановился послѣ мира въ Нимвегенѣ, республика—послѣ Кампоформійскаго мира, Наполеонъ—послѣ Аустерлица? Это—ребячскіе вопросы, одно лишь словопреніе, предполагающее изолированное существованіе Франціи во всемъ мірѣ, Францію владычествующей надъ покорною и безучастною Европою, управляющей ходомъ вещей и человѣческихъ страстей, несомой къ пристани неизмѣннымъ попутнымъ вѣтромъ и возносимой приливомъ, послѣ котораго не будетъ отлива. Изъ столькихъ искусныхъ и честолюбивыхъ политиковъ лишь двое сумѣли соединить умѣренность съ могуществомъ, но въ разгаръ самой успѣшной дѣятельности они были остановлены: Генрихъ IV—кинжаломъ Равальяка, Ришелье—болѣзью. Однако, смерть Генриха IV не только не разсѣяла коалиціи, но и преобразовала ее заново, и слабость регентства не только не умиротворила Европы, но и побудила ее подняться и отомстить. Послѣ смерти Ришелье непріатели ринулись на французское

королевство съ одной лишь цѣлью растерзать его до самаго нутра и раздѣлить между собой его оконечности.

Вникая въ побужденія, на которыя ссылаются эти непріатели, мы видимъ, что они всегда одни и тѣ же. Едва Франція выбилась изъ феодальной тины, во время Франциска I, они уже заговариваютъ о томъ, чтобы вернуть ее «къ старымъ границамъ», при чемъ ихъ публицисты XVI вѣка выражаются объ этомъ такъ же, какъ и публицисты XVII вѣка. Когда читаешь протоколы, ноты и мемуары 1709 и 1710 гг., кажется, что они написаны въ 1815 г., во время Парижскаго мира. Въ 1870 г. Бисмаркъ, мотивируя присоединеніе Эльзаса и Меца, ссылался на тѣ же предлоги, которые приводили Гагернъ, Гарденбергъ и Гумбольдтъ въ 1815 году. Исключая Россіи, которая въ то время не участвовала въ коалиціяхъ, все тѣ же союзники: англичане, австрійцы, пруссаки, нѣмцы и голландцы сто лѣтъ тому назадъ грозили все тѣмъ же уничтоженіемъ, требовали тѣхъ же наказаній и того же расчлененія владѣній легитимныхъ королей прежней Франціи. Испанцы одинаково замыслили погубить католическаго короля Генриха III и гугенота Генриха IV. Вильгельмъ III рассуждалъ, какъ Грэмъ или Штейнъ, а дѣйствовалъ, какъ Блюхеръ и Веллингтонъ. На конференціи въ Антверпенѣ они были такъ же ожесточены противъ революціонной и республиканской Франціи, какъ ожесточались противъ Франціи Людовика XIV, и какъ большинство ихъ было впоследствии озлоблено противъ Франціи Людовика XVIII. Очевидно, что одно опьяненіе побѣдами, какъ бы оно ни было реально, и какимъ бы чрезмѣрнымъ оно ни казалось, начиная съ 1805 г., не можетъ объяснить устойчиваго существованія коалицій, возникавшихъ при самыхъ разнообразныхъ образахъ правленія и въ самыхъ различныхъ политическихъ условіяхъ.

Разсматривая каждую изъ смѣнявшихся съ 1792 по 1815 г. коалицій саму по себѣ, отдѣльно, независимо отъ другихъ, обыкновенно смѣшиваютъ показные ея предлоги съ дѣйствительными причинами и въ этой великой тяжбѣ Франціи забываютъ о содержаніи изъ-за ея процессуальной стороны и случайныхъ приключеній. Пора разсмотрѣть эти событія такъ, какъ они неразрывно связаны между собою. Говорятъ, что коалиція 1812 г. направлена была противъ Великой Имперіи. Франція состояла тогда изъ ста тридцати департаментовъ, переходила за устья Эльбы, обнимала Голландію и Римъ, господствовала надъ Германіей посредствомъ Рейнскаго союза, распростирала свои захваты до Вислы черезъ Варшавское герцогство, была владычицей Италіи,—итальянское королевство принадлежало Наполеону, а неаполитанское Мюрату,—распоряжалась Швейцарією и занимала Испанію. Допустимъ. Но во время предыдущей коалиціи, въ

1809 г., къ Великой Имперіи не были присоединены ни ганзейскіе города, ни сѣверная Германія, ни Голландія, ни Римъ, и, слѣдовательно, это объясняется тѣмъ, что Наполеонъ устроилъ своихъ братьевъ въ Гаагѣ, Дюссельдорфѣ и Мадридѣ, а своего зятя въ Неаполѣ, что онъ былъ покровителемъ Рейнскаго союза, и что Польша—черезъ Варшавское герцогство—оказывалась окраиною имперіи. Допустимъ. Но въ 1806 г., при предшествующей коалиціи, не было ни Варшавскаго герцогства, ни Бонапартовъ въ Испаніи и Дюссельдорфѣ, причиною, значить, были лишь Рейнскій союзъ, Людовикъ въ Голландіи да Іосифъ въ Неаполѣ. Допустимъ. Но въ 1805 г., во время предыдущей коалиціи, Рейнскаго союза не было, Бурбоны еще управляли Неаполемъ, и они даже были въ числѣ членовъ коалиціи. Венеція, Истрія, Далмація принадлежали австрійцамъ, слѣдовательно, причиною было учрежденіе королевства Италіи, присоединеніе Милана, легатствъ, Генуи и Пьемонта. Допустимъ. Но въ 1798 г., при предыдущей коалиціи, не было ни итальянскаго королевства, ни раздѣленія на департаменты Пьемонта; причиною были, значить, лишь баварская, гельветическая, цизальпинская, лигурійская республики. Допустимъ. Но въ 1795 г., при предшествующей коалиціи, этихъ республикъ не было, и если англичане и австрійцы все же вели ожесточенную войну, то, слѣдовательно, изъ-за этихъ самыхъ Нидерландовъ и лѣваго берега Рейна, изъ-за «естественныхъ границъ». Допустимъ. Но въ 1793 г., во время образованія великой коалиціи, объединившей всю Европу, Франція не только не вела наступательной войны, но и сама подверглась нашествію, слѣдовательно, дѣло было даже не въ томъ, чтобы возвратитъ ее въ ея старыя границы, а въ томъ, чтобы урѣзать ее въ этихъ предѣлахъ, отобрать у нея: Фландрію, Пикардію до Сомы, Лотарингію, Эльзасъ, Контэ, а если можно, и Дофинэ. Слѣдовательно, предлогомъ были тогда революціонная пропаганда и царубійство, посрамленіе монархической Европы, изгнаніе завоевателей 1792 года, опасность, угрожающая всѣмъ престоломъ. Допустимъ. Но въ февралѣ 1792 года, ко времени заключенія между Австріею и Пруссіею перваго союза, этого прародителя всѣхъ грядущихъ коалицій, престолъ занималъ Людовикъ XVI, а пропаганда служила лишь темою для краснорѣчія. Итакъ, очевидно, что все было направлено противъ старой Франціи, и надо вернуться къ тогдашнему положенію, чтобы открыть, что въ этомъ кроется сущность, или, какъ выражаются о судахъ, подводная часть всѣхъ коалицій.

Въ 1791 году Людовикъ XVI былъ въ опасности, а монархическому принципу угрожала сама конституція, навязанная ему французами. А между тѣмъ, когда заговорили о необходимости помочь Людовику XVI, т. е. защищать самихъ себя въ лицѣ его, что же говорили тѣ, которые

стремились образовать союзъ королей противъ этихъ беспокойныхъ французовъ? То же, что лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ говорили тогдашніе союзники на конференціяхъ въ Гертрюденбергѣ: необходимо оканять Францію, отнять у нея Эльзасъ и Лотарингію. Въ то время царствовалъ Людовикъ XIV: если онъ чему-нибудь угрожалъ, то, конечно, не «монархическому принципу». Въ 1791 году будущіе союзники такъ мало заботились о защитѣ этого «принципа», что они радовались ослабленію французской монархіи, достигнутому ея новою конституціею, ея самоистребленію внутренними неурядицами, поджидая, что она подастъ поводъ урѣзать ее извнѣ. «Болѣе чѣмъ вѣковой опытъ, писалъ Кауницъ, который заставлялъ всю Европу среди общаго равновѣсія силъ часто испытывать на себѣ преобладаніе Франціи, созданное ея географическимъ положеніемъ и неизсякаемыми средствами подъ управленіемъ абсолютнаго монарха, убѣдилъ, особенно Австрію, въ томъ, что ничто не будетъ въ такой мѣрѣ содѣйствовать обезпеченію безопасности собственныхъ государствъ, какъ ослабленіе этой грозной монархіи и осложненіе въ ней внутреннихъ раздоровъ, которые отвлекли бы на будущее время ея энергію отъ предпріятій противъ чужихъ странъ»¹⁾.

Вмѣсто Австріи читайте Европа,—само собою разумѣется, включая Англію,—и въ самомъ сердцѣ лиги вы распознаете духовную сущность всѣхъ коалицій и связующее ихъ звено. Всюду одно и то же, начиная съ коалиціи, подготовлявшейся въ 1790 г., на сеймѣ въ Регенсбургѣ, и считавшей, что представляется удобный случай потребовать отмены Вестфальскаго трактата и возвращенія Эльзаса и Лотарингіи имперіи, вслѣдствіе уничтоженія у себя Франціею сенъориальныхъ правъ²⁾, и кончая коалиціею 1815 г., когда тѣ же нѣмцы требовали себѣ тѣхъ же Эльзаса и Лотарингіи подъ предлогомъ защиты мирныхъ, скромныхъ и безкорыстныхъ нѣмцевъ отъ «пламеннаго тшеславія народа, который не перестанетъ добиваться завоеванія Бельгіи и лѣваго берега Рейна»³⁾. «Ради блага Европы, ради блага Франціи», говорилъ Гарденбергъ, «намъ не слѣдуетъ упускать благоприятнаго момента. Само божественное Провидѣніе видимо послало намъ этотъ случай»⁴⁾. Вся политика англичанъ, все великодушіе Александра были направлены на то, чтобы сварить лопнувшія звенья цѣпи въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1792 г. ее начали было ковать первые союзники: возстановленіе конституціонной монархіи, границъ 1790 г. и барьера Нидерландовъ.

¹⁾ Кауницъ Кобенцлю, 12 ноября 1791 г.—См. т. II, стр. 234.

²⁾ См. т. II, кн. I, гл. III: Эльзасскій вопросъ.

³⁾ Штейнъ, 18 августа 1815 г.

⁴⁾ Гарденбергъ, 4 августа 1815 г.

Коалиція 1805 г., намѣтившая всѣ планы, осуществленные въ 1815 г., стоитъ почти на полъ-пути этой двадцатитрехлѣтней исторіи отъ 1792 до 1815 г. Изучая теперь ходъ и полное развитіе этихъ дѣлъ, можно прослѣдить ихъ направленіе и исходъ. Крушеніе Люневильскаго и Амьенскаго договоровъ вызвано было тѣми же движеніями, которыя привели къ ихъ заключенію: Европа не хотѣла, а Франція не могла соблюдать ихъ. Чтобы принудить къ исполненію ихъ, надо было занять Италію, Швейцарію, Германію, Голландію, а чтобы сохранить эти владѣнія, надо было господствовать надъ этими странами, иначе союзники вступили бы въ нихъ и оттуда повели бы свои параллели и апроши противъ крѣпости, завоеванной въ 1801 и 1802 г. Итакъ, необходимо прослѣдить за этою подземною войною между союзниками, которые все время стремились отбросить Францію за предѣлы границъ, признанныхъ за нею ими же въ 1795, 1797 и 1801 г., и Францію, которая непрерывно вынуждена выдвигать свои предмостовыя укрѣпленія, охранные посты, отрѣзанныя укрѣпленія за предѣлы этихъ самыхъ границъ, если она хотѣла ихъ защитить отъ разрушительнаго прибоа безпрестанно ударяющагося объ нихъ прилива. Съ начала до конца, отъ 1792 до 1815 г., все зависѣло всегда отъ случая, отъ генія одного человѣка, отъ стойкости одной арміи, отъ пехода одного дня сраженія. Исходъ послѣдняго сраженія былъ такъ же неизвѣстенъ, какъ и всѣхъ предыдущихъ битвъ. Колеблясь между побѣдою, которая привела бы къ возобновленію всего, и катастрофою, которая все повергла бы во мракъ,—а такими неопредѣленными были битвы при Флерюсѣ, Кастильоне, Цюрихѣ, Маренго, Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридандѣ, Ваграмѣ, Бородинѣ, Лейпцигѣ—борьба эта кончилась крушеніемъ имперіи и разгромомъ Франціи.

Мы изучили перипетіи этой борьбы, познакомились съ ея причинами и условіями: разсмотримъ теперь мѣры, предпріятыя побѣдою Европою, чтобы предупредить возможность ея повторенія. Мы видѣли, каковы эти мѣры, посмотримъ, чего онѣ стоятъ.

II.

Несмотря на огромные размѣры войны, она велась исключительно изъ-за границъ; какъ ни пространны были условія договоровъ, все же это были тоже только договоры о границахъ.

Изъ всѣхъ конгрессовъ Вѣнскаго конгресса былъ самымъ значительнымъ по важности и количеству рѣшенныхъ имъ дѣлъ. *Окончательный актъ* 9 іюня 1815 г. представляетъ самый пространный изъ когда-либо подписанныхъ договоровъ. Предметомъ его служатъ исключительно постановленія объ образованіи государствъ, границъ и наслѣдствъ. Это—пер-

вая попытка дать Европѣ хартію, по крайней мѣрѣ, территориальную, опредѣлить владѣнія каждаго государства и обосновать ихъ на торжественномъ ихъ признаніи, на гарантіи, созданной подписью восьми главныхъ европейскихъ державъ, на невозможности расторженія этого договора безъ нарушенія публичнаго права и, наоборотъ, на возможности его измѣненія съ общаго согласія его составителей. Словомъ, это была первая попытка установленія всеобщаго мира на основаніи коллективнаго договора. Это было явленіе совсѣмъ новаго порядка ¹⁾. Представленіе объ Европѣ, какъ о странѣ, въ которой права каждаго обуславливаются обязанностями всѣхъ, было до такой степени чуждо государственнымъ дѣятелямъ стараго режима, что понадобилась двадцатипятилѣтняя война, чтобы выдрить это понятіе и доказать его необходимость. Но и къ этому привело ихъ только утомленіе сраженіями, истощеніе людей, денегъ и средствъ. Франція пыталась вывести это великое упорядоченіе дѣлъ изъ высшаго принципа, изъ легитимизма, принципа наслѣдованія власти въ монархіяхъ, представляющаго основную форму верховной власти. Императоры и короли поставили этотъ принципъ какъ бы эпиграфомъ къ первой главѣ своего официальнаго публичнаго права; они расклеили его въ галереяхъ и возвѣстили его народу въ своихъ манифестахъ, а что касается практическаго его примѣненія, то они соображались съ нимъ лишь постольку, поскольку онъ согласовался съ ихъ интересами и удобствами. Въ конечномъ счетѣ договоръ былъ въ несравненно меньшей мѣрѣ вызванъ общимъ подчиненіемъ высшему принципу, чѣмъ противорѣчіемъ взаимныхъ притязаній. Въ дѣйствительности, это была комбинація, устанавливающая равновѣсіе.

Договоры суть выраженіе наличныхъ отношеній между матеріальными и духовными силами государствъ, ихъ заключающихъ, въ моментъ ихъ заключенія. Смотря по тому, насколько точно оцѣнены эти силы, насколько были обширны умы ихъ цѣнителей, насколько далеко смотрѣли оцѣнивающіе ихъ люди въ глубь причинъ и дальнѣйшихъ послѣдствій, меньше-ли они считались со случайными явленіями, сосредоточивая свое вниманіе на постоянныхъ условіяхъ политики государствъ и націй, договоры оказываются болѣе или менѣе долговѣчными. Обусловленные договорами права отживаютъ свое время вмѣстѣ съ создавшими ихъ условіями.

Несмотря на несовершенство идеи Вѣнскаго трактата, на эмпирической, произвольной характеръ и даже на злоупотребленіе силою въ нѣкоторыхъ изъ его примѣненій, онъ все же доставилъ Европѣ самый про-

¹⁾ Смори т. I, стр. 1 и слѣд.

должительный и наиболее благотворительный период мира и цивилизации, каким она до тех пор еще никогда не пользовалась. Тем не менее, это здание рухнуло, и трещины оказались именно в тех местах, к которым дипломаты приложили наибольшее искусство; но ведь они приложили только дипломатические средства. Они вычислили с достаточной точностью число жителей, распределенных по территориям, которые предстояло разделить; согласно формулам, выработанным *статистическим комитетом*, они даже оценили экономические, военные, земледельческие, промышленные и производительные силы населения, его служебные способности; но они совсем не коснулись его души, состояния его сознания, его преданий, стремлений, и вообще, всего того, что делает человека человеком, а собрание людей — нацией. А это значит, что, оценив материальные силы, они или пренебрегли духовными, или не распознали их, вот почему и весь труд их был обречен на гибель.

Дипломаты выкраивали в Вѣнѣ территории, делили по жребью доли народностей, подобно тому, как это делали участники в раздѣлахъ Польши. Они не вникали особенно ни в то, какія отношенія существуютъ между территоріею и живущими на нихъ народностями, ни в то, согласятся ли эти народы замѣниться въ назначенныхъ имъ границахъ, или они выйдутъ за ихъ предѣлы. Они раздѣлили Европу на государства, какъ будто въ Европѣ не было націй. А ведь государства живутъ и существуютъ только представляемыми ими націями. Прежде можно было не знать этихъ явленій, подобно тому, какъ законы, обуславливающіе явленія природы, управляются ими гораздо раньше, чѣмъ условія ихъ открыты и установлены учеными. Но послѣ 1814 г. такое незнаніе становилось преступнымъ заблужденіемъ. Мысль объ исключительномъ правѣ народовъ распоряжаться собою, о томъ, что люди, сознающіе свою принадлежность къ одной и той же націи, имѣютъ право сложиться въ націю, была повсюду возбуждена французскою революціею. Вѣнскіе дипломаты считали эти принципы угрожающими низверженіемъ монархическаго строя; они хотѣли уничтожить ихъ разъ навсегда; они думали, что для устраненія послѣдствій французской революціи достаточно отвергнуть ея существованіе и перемѣстить границы на земной поверхности Европы. Но было уже слишкомъ поздно. Вѣнскіе договоры были послѣдовательно нарушены всеми теми участниками, въ странахъ которыхъ этотъ жизненный принципъ новой Европы — принципъ національности — не былъ признанъ или былъ нарушенъ ими.

Прежде всего это случилось съ Нидерландами, гдѣ бельгійцы-католики, глубоко преданные своей церкви и привязанные къ своимъ исконнымъ

мѣстнымъ вольностямъ, были подчинены управленію протестантовъ-голландцевъ, народа съ прямо противоположными ихнимъ нравами и интересами. Пропозвольно соединили то, что было только насильственно связано, что было уже раздѣлено болѣе двухъ столѣтій.

Затѣмъ въ Польшѣ мужественная и великодушная нація, быть можетъ, и неспособная къ самоуправленію, но все же никогда не могущая забыть независимости, которою она пользовалась всего тридцать лѣтъ тому назадъ, осталась раздѣленною, подчиненною иностраннымъ государямъ, пріобщенною къ народамъ, разнившимся съ нею религіей, происхожденіемъ и интересами. Она была такимъ образомъ принесена въ жертву, съ самымъ позорнымъ презрѣніемъ къ публичному праву стараго режима, и съ прискорбнымъ презрѣніемъ къ публичному праву новаго режима.

То же было и съ Италіею, гдѣ нація, на самомъ дѣлѣ объединенная подъ французскимъ владычествомъ и соединенная французами въ арміи, доведена была до того, что считалась лишь географическимъ терминомъ.

То же было и съ Германіею, гдѣ народы, вооружившіеся для защиты независимости своего отечества, были осуждены лишь мечтать объ его быломъ величіи и вынуждены Европою устраивать свою судьбу въ зависимости отъ удобствъ сосѣдей.

Вотъ сколько было создано въ Европѣ очаговъ революціи, послѣдовательныя вспышки которыхъ должны были сначала расшатать, а потомъ ниспровергнуть все зданіе.

Наконецъ, побѣдоносная Европа недостаточно считалась съ французскою націею. Она полагала, что, лишая Францію ея завоеваній, она заставитъ ее забыть свою славу. Францію хотѣли обуздать и укротить, а ее оскорбили. Даже съ точки зрѣнія системы равновѣсія было неправильнымъ расчетомъ возвращать Францію къ ея границамъ до 1792 г. Австрія и Пруссія получили обратно и даже расширили владѣнія, пріобрѣтенныя ими съ той поры. Фактъ тотъ, что съ 1792 г. французы отождествляли идею республики и идею національной независимости съ границами Галліи, съ «естественными границами». Европа никогда не соглашалась на это; но умно ли было съ ея стороны даже и теперь не признавать и не считаться со столь страстно исповѣдуемой національною идеею? Не благоразумнѣе ли было бы облегчить французамъ усвоеніе новаго порядка вещей, щадя ихъ интересы и идеи? Тогда бы они постепенно освоились съ преимуществами однородной и сосредоточенной Франціи между раздѣленными націями, слабыми и раздробленными государствами — Голландіею, Германіею и Италіею. На дѣлѣ, напротивъ, Францію опять наводили на воспоминанія объ ея революціи и, какъ въ 1795 г., ее привели къ отожде-

ствленію свободы съ естественными границами, къ тому, что французы желали завершить свои внутреннія противодѣйствія дарованной имъ хартіи внѣшними противодѣйствіями противъ «ненавистныхъ» трактатовъ 1815 г., и изъ уничтоженія этихъ трактатовъ создали для французовъ дѣло патриотизма. Наперекоръ воплію разумнымъ интересамъ Франціи они сдѣлали французскую націю естественнымъ союзникомъ всѣхъ народовъ, возмущавшихся противъ этихъ трактатовъ. Французскія правительства, добивавшіяся популярности посредствомъ славы, неизбѣжно должны были примкнуть къ тѣмъ европейскимъ правительствамъ, которыхъ личное честолюбіе побуждало порвать Вѣнскіе трактаты и использовать національныя страсти народовъ въ интересахъ своего династическаго величія.

Такимъ-то образомъ въ 1830 г. революція во Франціи была вызвана желаніемъ добиться хартіи и рейнской границы. Бельгія, воодушевленная примѣромъ Франціи, возстала и отдѣлилась отъ Голландіи, въ Польшѣ вспыхнулъ мятежъ, и восклицаніе: «Да здравствуетъ Польша!» сдѣлалось на улицахъ Парижа въ 1830—1832 и 1848 гг. лозунгомъ французской революціи. Въ 1859—60 г. императоръ Наполеонъ III соединился съ Пьемонтомъ и создалъ единство Италіи, а въ 1866 г. онъ предоставилъ Пруссіи полную волю. «Я ненавижу», сказалъ онъ въ маѣ 1866 г., «подобно большей части французовъ, договоры 1815 г., которые теперь стараются сдѣлать единственнымъ основаніемъ нашей внѣшней политики»¹⁾.

Подрываемые такимъ образомъ съ самаго начала въ своихъ основаніяхъ, расшатанные въ 1830 г., низвергнутые отчасти въ 1848 г. и затѣмъ съ великимъ трудомъ вновь возстановленные при помощи подпорокъ и лѣсовъ, вѣнскіе договоры были уничтожены въ 1860, 1866 и 1870 гг., посредствомъ созданія нейтральной и независимой Бельгіи, Итальянской монархіи и Германской имперіи. Отъ созданнаго въ Вѣнѣ ничего уже существеннаго не осталось ни въ дѣлахъ, ни въ принципахъ. Но при этомъ крушеніи, за исключеніемъ Бельгіи, ни одна нація не подверглась такому ущербу, какъ французская нація, такъ часто проклинавшая эти договоры и такъ много содѣйствовавшая ихъ уничтоженію.

III.

Война 1792—1815 гг. была огромною войною изъ за границы; договоры, которыми она кончилась, были договорами о границахъ. Отсюда

¹⁾ Речь въ Оксеррѣ, въ маѣ 1866 г.

видно, что войны Франціи и Европы во время революціи были продолженіемъ исторіи Франціи и Европы при старомъ режимѣ. Но ограничиться такимъ взглядомъ на вещи значитъ видѣть лишь лицевую сторону, остаться въ полномъ невѣдѣніи о людяхъ, ведшихъ эту войну, знать только карту странъ, въ которыхъ они воевали. Есть нѣчто иное, болѣе существенное, и это именно духъ, движущій человѣческими массами, душа, которая животворитъ матерію исторіи. Форма земного шара неизмѣнна, но представленія человѣка о землѣ и о человѣческомъ существованіи, взгляды на смыслъ жизни и смерти мѣняются. Та же привязанность къ родинѣ, то же стремленіе къ захвату чужихъ земель, то же рвеніе къ собственной независимости, то же тщеславное желаніе подчинить себѣ другихъ объяснялись различно въ разные времена. Времена питаютъ этотъ неугасимый огонь разнымъ топливомъ и раздуваютъ его новымъ дуновеніемъ.

Англичанинъ временъ Чернаго принца въ такой же мѣрѣ англичанинъ, какъ и англичанинъ эпохи Кромвелля и Веллингтона. Католическое благочестіе солдатъ Генриха IV, которые шли на завоеваніе Франціи со своимъ духовенствомъ во главѣ, съ пѣніемъ псалмовъ и исповѣдывались наканунѣ Азенкура; фанатизмъ намѣстниковъ Генриха VI, которые предали сожженію Іоанну д'Аркъ какъ еретичку и колдунью, исходятъ изъ того же источника, какъ и піетизмъ пуританъ Вильгельма III, которые затѣвали сокрушить Ваала и Навуходоносора въ лицѣ христіаннѣйшаго короля и думали казнить Вавилонъ въ Версалѣ. Все идеи и духъ войнъ временъ революціи, какъ ихъ вели французы, обнаруживаются въ крестовыхъ походахъ, начиная съ перваго, предпринятаго самопроизвольно самими народамъ, который совершалъ шумный крестный ходъ для освобожденія святыхъ мѣстъ, и кончая тѣми, которые на ряду со священными цѣлями прилетали политическіе расчеты, которые увлекли Людовика Святаго въ Египетъ, привели къ его гибели въ Тунисѣ и выродились въ завоеваніе христіанской имперіи въ Византіи, въ раздѣлъ на ленныя владѣнія Святой Земли, погрузили рыцарей въ чары восточныхъ гаремовъ и не оставили другихъ слѣдовъ своего пребыванія, кромѣ имени угасшихъ династій и развалинъ замковъ. Тѣмъ же духомъ и идеями проникнуты войны для завоеванія Неаполя и въ эпоху возрожденія, и во время революціи.

И тѣмъ не менѣе, англичанинъ эпохи Столѣтней войны, пуританинъ, колонизаторъ XVII вѣка, промышленникъ, экспортеръ и спекулянтъ-монополистъ XIX вѣка, французъ временъ св. Бернара Клервоскаго и французъ, современникъ Верньо, солдатъ Карла VIII и солдатъ Шампионне, генералъ времени Лувуа и генералъ Комитета Общественнаго Спа-

сенія, мушкетеръ Людовика XIV и гренадеръ Наполеона, хотя они и говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, но на нарѣчіяхъ своего времени, и разница между нарѣчіями такъ велика, и выражаютъ они на нихъ столь непохожія другъ на друга идеи въ такихъ несогласимыхъ между собою образахъ, что, если бы, шествуя по тому же пути и идя къ той же цѣли, они встрѣтились, они не признали бы и не поняли бы другъ друга.

Новостью въ 1792 г. была *декларация правъ человека*, которая сообщаетъ естественному прозелитизму, свойственному французскому завоеванію, специфическій характеръ того вѣка, форму, присущую духу и страстямъ современниковъ: абстрактную и универсальную идею. Приноравливая ее къ своему духу, французы превратили ее въ кровь и плоть свою, и хотя принципы остались абстрактными и универсальными, идея приняла реальную и своеобразную форму: такимъ образомъ она воплотилась въ факты, а пропаганда отнынѣ сдѣлалась нераздѣльною съ завоеваніемъ. Ничто не могло этому противодействовать, ни страстность убѣжденій, ни гуманитарный и цивилизаторскій энтузіазмъ однихъ, ни суровый теократическій и проповѣдническій духъ другихъ, ни апостольство, ни инквизиція. Природа, какъ всегда, смела теорію. Шествуя стезею революціи, французы вступили на путь великой римской дороги въ исторіи Франціи: въ ихъ рукахъ революція стала живымъ произведеніемъ, сдѣлалась національною и превратила французовъ въ великій народъ (la grande nation). Такимъ образомъ, на мгновеніе, французская демократія снова принялась за классическую цѣль королей и осуществила ее: Франція сдѣлалась первенствующею континентальною державою въ военномъ, политическомъ, юридическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ. Она превзошла Людовика XIV, она возсоздала Карла Великаго и осуществила вѣковую мечту: римскую имперію въ теперешнемъ видѣ, римскій миръ для французовъ и посредствомъ французовъ.

Это непомѣрное предпріятіе удалось потому, что французы воплотили въ себѣ революцію, потому что изъ космополитической сущности они создали французскую реальность, отождествили права человека съ правами французовъ и свое верховенство надъ старымъ міромъ съ освобожденіемъ европейскихъ народовъ. Но самый успѣхъ предпріятія былъ причиною его крушенія: по примѣру французовъ, побѣжденные народы обратили права человека въ собственные права и не захотѣли знать никакого иного освобожденія, кромѣ того, которое они сами совершаютъ, освобождаясь отъ ига иностранцевъ.

Міровое могущество революціи было, значить, послѣдствіемъ своеобразнаго характера примѣненія ея каждымъ изъ народовъ, объятыхъ ею.

Какъ и во Франціи, она вездѣ была исключительно національною, благодаря чему приобрѣла увлекательную силу въ рукахъ французовъ и притянула къ себѣ сердца другихъ народовъ. Она сдѣлалась личнымъ и самымъ главнымъ дѣломъ каждаго, дѣломъ первенствующимъ надъ всеми остальными и обуславливающимъ все остальное: дѣломъ національной независимости, такъ же необходимымъ для народовъ, какъ воздухъ для новорожденнаго младенца, первымъ обнаруженіемъ жизни и до скончанія необходимымъ условіемъ существованія.

Борьба народовъ за завоеваніе права управлять собою — или демократія, — борьба за завоеваніе независимости отъ другихъ народовъ — или національность — наполняютъ собою девятнадцатый вѣкъ. Эта борьба сдѣлала современную намъ Европу глубоко національною. Оба эти явленія соотносительны. Оба вмѣстѣ они происходятъ изъ французской революціи, въ двухъ формахъ они служатъ выраженіемъ одного и того же принципа державной власти націи. Впервые провозглашенный Франціей, онъ былъ истолкованъ ею великодушно и справедливо: Я люблю, слѣдовательно, я существую! Такова основная аксіома національности, соответствующая истинному духу французской революціи. Въ этомъ смыслѣ принципъ національности становится принципомъ справедливости. Франція въ правѣ приписать себѣ честь того, что она основала свое публичное право, — единственное санкционирующее завоеваніе, — на этомъ принципѣ, по которому только самъ народъ имѣетъ право распоряжаться собою, и измѣненіе его національной судьбы законно только въ томъ случаѣ, если оно санкционировано его всеобщимъ, свободнымъ и прямымъ голосованіемъ. Франція провозгласила и примѣнила этотъ принципъ при первомъ же присоединеніи конвента, при присоединеніи Савойи въ 1792 г., она сослалась на него и соблюла его болѣе полувѣка спустя при послѣднемъ присоединеніи, произведенномъ ею въ Европѣ, при присоединеніи той же Савойи Наполеономъ III, въ 1860 г. Она имѣла право требовать и всегда останется въ правѣ ожидать отъ людской справедливости примѣненія того же своего принципа къ населенію, которое война 1870 г. насильственно отторгла отъ организма Франціи.

Конечно, въ теченіе своей борьбы съ Европою Франція черезчуръ часто поступалась этимъ принципомъ. Одержавъ побѣду надъ старыми монархіями, она вступала съ ними въ соглашенія и сдѣлки, сообразуясь при этомъ съ ихъ обычаями и выгодами; примѣняясь къ ихъ публичному праву, она жертвовала своимъ. Когда же эти монархіи, въ свою очередь, оказались побѣдительницами, онѣ не измѣнили своихъ обычаевъ. Такимъ образомъ съ 1793 по 1815 г. завоеванія управляли Европою. Націи, которыя боролись съ наибольшою энергією за свою независимость,

пытались, достигнувъ ея, обратить ея въ главенство. Вѣрныя своимъ традиціямъ, онѣ использовали «современную науку» такъ же, какъ французская революція чистый разумъ: дипломатическое искусство, археологія, филологія, этнографія, палеографія, антропологія, происхождение и эволюція словъ, размѣры, емкость и уродливости череповъ служили предлогомъ для распредѣленія, раздѣленія и порабошенія людей. Изобрѣтены были историческія «миссіи», а въ сущности крайне грубое приложеніе гипотезы конечныхъ причинъ къ политикѣ. Борьба за независимость каждаго народа выродилась въ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ за обладаніе землею и властью. Едва освободившись отъ Наполеона, нѣмцы начали мечтать о Барбаруссѣ и Оттонѣ, о томъ, что вѣдь эти императоры были господами Италіи, Лотарингіи, Бургундіи и Фландріи. Непосредственно, безо всякаго перехода, вслѣдъ за эпохою *risorgimento* въ Италіи наступило *primato*. То, что принято называть «имперіализмомъ», неизбежно появляется тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ сознаніемъ державной власти народа начинается подыматься народная гордость. Имперіализмъ есть порожденіе демократіи, какъ теперь въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, такъ нѣкогда въ Римѣ.

Идеи, страсти, силы, разсѣяныя французскою революціею по міру, пережили ее, продолжаютъ существовать и преобразуются соотвѣтственно духу и несконнымъ преданіямъ народовъ. Этотъ грозный разливъ народовъ и мыслей сообщилъ міру непреодолимые побужденія, далъ волю потокамъ и проложилъ въ почвѣ новыя русла для половодія. Въ теченіе двадцатитрехъ лѣтъ государи старой Европы боролись съ этимъ потокомъ, пытаясь вернуть его въ русло. Это не удалось имъ. Наиболее честолюбивые и умные изъ нихъ попытались тогда использовать его могущество. Такъ создались новыя національныя государства—Италія и Германія.

Государи, которымъ удалось совершить съ пользой для себя эти великія измѣненія, смотрѣли на европейскую революцію и на національности, какъ Наполеонъ смотрѣлъ на французскую революцію и на державную власть народа. Они построили свои монархіи изъ матеріаловъ и на развалинахъ окоповъ Великой Имперіи. Всѣ замыслы ихъ проистекаютъ изъ мечтаній Наполеона на островѣ Св. Елены такъ же, какъ изъ *Discours de la methode* въ теченіе многихъ лѣтъ выводятся всѣ философскія теории и научныя гипотезы.

Такимъ образомъ какъ въ послѣдствіяхъ исторіи революціи, такъ и во времена ея кризисовъ Наполеонъ остается исполнителемъ и устроителемъ французской революціи въ Европѣ. Онъ поставилъ грани, проложилъ дороги, заложилъ основанія, выровнялъ почву. Въ Италіи и Гер-

маніи, а впоследствии въ христіанскихъ странахъ востока верховенство національностей сложилось въ подготовленномъ для нихъ Наполеономъ направленіи. Послѣ паденія Наполеонъ сталъ казаться необъятно великимъ¹⁾: побѣдитель и деспотъ исчезъ, и въ немъ разсмотрѣли дивнаго пахаря европейской земли, оцѣнили созданіе государственнаго дѣятеля съ его безконечными отзвуками въ исторіи. «Ореолъ, которымъ окружили Наполеона публицисты, историки и поэты, исчезаетъ передъ неотразимою правдою этой книги», сказала Гете въ 1827 г., по прочтеніи сборника мемуаровъ, «но герой не сталъ отъ этого меньше, наоборотъ, онъ кажется по мѣрѣ того, какъ его изображаютъ все боаѣ правдиво»²⁾.

Я желалъ бы, чтобы отъ этой книги осталось то же впечатлѣніе не только отъ великаго человѣка, занявшаго въ ней такъ много мѣста, но и, главнымъ образомъ, отъ французскаго народа, которымъ полонъ этотъ трудъ, и который составляетъ его душу. Наполеонъ создалъ несравненную эпопею изъ французскаго народа, но безъ этого народа онъ былъ бы лишь великолѣпною, но безплодною силою, подобно молніи въ горахъ, подобно бурѣ на моряхъ. Собравъ въ послѣдній разъ и соединивъ въ одинъ узелъ всѣ руководящія нити этой исторіи, мнѣ бы хотѣлось совокнуть въ единой картинѣ разбросанныя въ этой книгѣ зрѣлища и въ памяти читателя такъ же неистребимо и внушительно запечатлѣть этотъ образъ, который озаряетъ и животворитъ эту книгу, какъ онъ запечатлѣнъ въ моемъ умѣ. Это — образъ нашего родителя, француза, бѣдняги, не щадившаго души и тѣла въ погонѣ за честью и славою, изможденнаго, больнаго, изувѣченнаго, усѣивающаго пути кусками своихъ искалѣченныхъ членовъ. Онъ—доброволецъ, идущій защищать свое отечество, «изгнать иностранцевъ изъ королевства», основать для французской республики, повѣдать новое Евангеліе народамъ, жаждущимъ справедливости. Потомъ онъ—солдатъ по влеченію или по ремеслу, вооружившійся ради величія этой республики и порожденной ею имперіи, ради благодѣтельнаго верховенства Франціи. Онъ подвергаетъ себя опасности, изнуряется, жертвуетъ своею кровью и жизнью для достиженія праѣдовской мечты, человѣческаго идола изъ плоти и духа, чарующей свободы, мира, излѣчивающаго раны раненыхъ, утоляющаго жажду горячечныхъ, утѣшающаго увѣчныхъ, окружающаго ихъ дѣтми и цвѣтами, дающаго созрѣть жатвѣ и новому поколѣнію, своимъ благодѣяніемъ освящающаго тѣхъ безымянныхъ героевъ, которые завоевали его. Никто изъ нихъ не дерзнулъ бы сказать: «Я—Франція!», но о всѣхъ

¹⁾ «Уединеніе, въ которомъ міръ оставленъ Бонапартомъ»... Chateaubriand, *Mémoires*, novembre 1828.

²⁾ Бесѣда съ Эккерманомъ.

нихъ мы говоримъ: «Безъ нихъ Франція не была бы тѣмъ, чѣмъ она была!» Къ нимъ я обращаюсь, заканчивая эту книгу, бывшую товарищемъ моей юности и другомъ моимъ въ зрѣлые годы. Я потратилъ тридцать лѣтъ своей жизни на эту книгу и старался выразить словами свою любовь къ моей родинѣ, свое поклоненіе передъ ея гениемъ, свое преклоненіе передъ ея исторіей, свое умиленіе передъ ея иллюзіями, свою скорбь объ ея несчастіяхъ, свою гордость ея побѣдами и свою непоколебимую вѣру въ ея судьбы.

Парижъ 1874—Гонфлеръ 1904.

Горьковский Государственный
Педагогический институт им. Горького
КАБИНЕТЪ ИСТОРИИ
Инд. №.....